
**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

DAVID R. SHEARER

**POLICING
STALIN'S SOCIALISM**

**REPRESSION AND SOCIAL ORDER
IN THE SOVIET UNION,
1924-1953**

**YALE UNIVERSITY PRESS
NEW HAVEN AND LONDON**

ДЭВИД Р. ШИРЕР

**ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА**

СТАЛИНСКИЙ ВОЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

**РЕПРЕССИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ,
1924–1953 гг.**

РОССПЭН

Москва

2014

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)615-4

Ш64

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
благотворительного фонда Петра Авена «Поколение»*

Ширер Дэвид Р.

Ш64 Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. / Дэвид Р. Ширер ; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 543 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1806-7

Книга Дэвида Р. Ширера, посвященная истории репрессивных методов охраны общественного порядка и защиты общественного строя в Советском Союзе в 1924–1953 гг., представляет собой серьезное исследование социального переворота, репрессивной политики и институционального развития, соотношений между репрессией и социальным преобразованием. Сталин и его окружение считали охрану общественного порядка приоритетным направлением работы органов госбезопасности, усматривая в его нарушениях более серьезную, чем в политической оппозиции, угрозу для режима и проводимой ими политики. Автор считает, что репрессии сталинского периода представляли собой нечто большее, чем просто насильственную политику. Они являлись основой отношения сталинского режима к своим гражданам, способом насаждения желательного для него общественного порядка и формирования советского общества.

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1806-7

© Yale University and the Board of Trustees of the
Leland Stanford Jr. University, 2009

© Раскин А. Л., перевод на русский язык, 2014

© Политическая энциклопедия, 2014

БЛАГОДАРНОСТИ

Над этой книгой я работал довольно долго, и все это время оставался в долгу перед многими людьми и организациями, не имея возможности публично выразить им свою благодарность. Мои поездки для работы в архивах и библиотеках были бы невозможны без щедрой финансовой поддержки АЙРЕКС – Совета по международным исследованиям и научным обменам (IREX–International Research and Exchange Board), Национального гуманитарного фонда (National Endowment for the Humanities) и Национального Совета евразийских и восточно-европейских исследований (National Council for Eurasian and East European Research). Я также признателен деканату факультета искусств и наук, офису международных исследований и кафедре истории университета Дэлавера, оказавшим мне главную финансовую поддержку для проведения исследований. Я выражаю большую благодарность Алену Блюму и Владимиру Береловичу, Национальному институту демографических исследований (Institut national d'études démographiques) и Центру русского мира, советского и постсоветского пространства (Centre d'études du monde russe, soviétique et post-soviétique) Школы высших исследований в области социальных наук (Ecole des hautes études en sciences sociales). Они дали мне возможность поработать в прекрасном Париже, где была написана значительная часть этой книги. Я также признателен Полу Грегори, Гуверовскому институту и архивам. Несколько поездок с исследовательскими целями в архивы Гуверовского института наградили меня богатыми материалами, а ряд летних семинаров и встреч с близкими по духу коллегами оказались весьма продуктивными. Участие в этих семинарах в конечном итоге и привело к решению опубликовать данную книгу в серии «Yale-Hoover series on Stalin, Stalinism, and the Cold War», совместно издаваемой Гуверовским институтом и издательством Йельского университета. Я благодарен Джонатану Бренту из издательства Йельского университета за ее издание. Благодарю также Вадима Стакло из издательства Йельского университета за его профессионализм и сердечное отношение. Я должен также выразить свою признательность Гэвину Льюису, тщательная и внимательная редактура которого позволила превратить мою рукопись в книгу.

Формулированию идей, высказанных в настоящей книге, серьезным образом способствовало мое участие в различных научных конференциях, и я признателен их организаторам за приглашения выступить. Свои особые благодарности я выражаю Норману Наймарку, Рональду Суни и всем участникам семинара «Revolution and State Terror», организованного 8–9 декабря 2006 г. Центром перспективных исследований в области поведенческих наук Стэнфордского университета (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences, Stanford University), Жюльетт Кадио и участникам конференции «Классификация, идентификация и распознавание царской/советской эпохи: сравнительная перспектива», прошедшей в Институте Уотсона, Университета Брауна 7–8 февраля 2003 г., Андреа Грациози, Терри Мартину и коллегам по семинару «Роль НКВД в Советском Союзе при Сталине» в Парижском Центре наук о человеке (Maison des Sciences de l'Homme), состоявшемся 25–27 мая 2000 г.

Несмотря на сложные условия труда, российские архивные работники проявляют высокий профессионализм и гостеприимство. Я очень признателен им за оказанное содействие в моей работе и хотел бы особо поблагодарить Галину Владимировну Горскую, Ларису Александровну Роговую из РГАСПИ и Дину Николаевну Нохотович из ГА РФ. Я провел несколько долгих месяцев, работая в фондах ГА РФ с материалами судов и прокуратуры, где мне был оказан сердечный и высоко профессиональный прием. Много времени я занимался в читальном зале ГА РФ, изучая документы фонда Совета министров, где София Викторовна Сомонова и Татьяна Жукова всегда внимательно относились к моему исследованию, за что я буду им вечно признателен. Эта книга вряд ли появилась бы на свет без их профессиональных советов и дружеской поддержки. Точно так же эта книга не состоялась бы без товарищеской помощи Галины Кузнецовой. Всех перечисленных работников архивов можно считать моими полноценными соавторами. Хочу выразить также особые благодарности Марине Добороновской, Ларисе Роговой, ставшей ныне заместителем директора ГА РФ, и Николаю Зилу за помощь в поиске и копировании фотографий.

Сотрудники Государственного архива Новосибирской области во время нескольких моих посещений создали для меня самые благоприятные условия. Я чрезвычайно благодарен моему другу, историку Виктору Исаеву из Сибирского отделения РАН, помогавшему мне найти дорогу в новосибирские архивы, а также сотрудникам Института истории СО РАН Сергею Красильникову, Сергею Папкову, Алексею Георгиевичу Теплякову и другим за полезные дискуссии и приглашения на семинары.

Часть материалов главы 6 были впервые опубликованы в моих статьях: Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during

the 1930s // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. № 2–4. April–December 2001. P. 505–534; *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression* // *Ibid.* Vol. 39. № 1–2. 1998. P. 119–148. Части главы 8 впервые появились на свет в виде статьи: *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State* // *Journal of Modern History*. № 76. December 2004. P. 835–881. Я благодарен редакциям указанных журналов за разрешение воспроизвести эти материалы в настоящей книге.

Многие люди прочитали рукопись книги целиком или отдельные ее главы. Я особенно признателен анонимным рецензентам издательства Йельского университета. Роберт Геллатели, Пол Грегори, Олег Хлевнюк и Линн Виола были настолько любезны, что согласились ознакомиться с рукописью книги, и я очень признателен им за их предложения и поправки. Точно так же я хотел бы поблагодарить за комментарии к книге многих других ученых и среди них: Йорг Баберовски, Ален Блюм, Майкл Дэвид-Фокс, Шейла Фицпатрик, Венди Голдман, Андреа Грациози, Марк Юнге, Питер Колчин, Эрик Лор, Терри Мартин, Руди Мэтти, Натали Муан, Габор Риттерспори, Питер Соломон, Рон Суни и Амир Вейнер. Моя работа во многом пересекается с исследованиями Пола Хэгенлоу, и я благодарен Полу за многолетнюю совместную работу, обмен материалами и дружескую критику. Джеймс Хейнзен прочитал в рукописи большую часть книги, и я весьма признателен ему за мудрость, поддержку и чувство юмора. Я очень благодарен Марине Доброновской, внимательно прочитавшей книгу, за ее острый взгляд и за участие.

Все мысли, высказанные в этой книге, принадлежат мне, и на моей совести остаются все допущенные в ней ошибки.

Ньюарк, апрель 2009 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я приношу свою благодарность издательству РОССПЭН за возможность предложить мое исследование российским читателям. Особенно благодарю Марию Курбак за помощь в осуществлении этого издания. Я благодарен переводчику Александру Раскину за его огромную работу, заинтересованность и ценные комментарии. Спасибо Марине Доброновской за внимательное прочтение рукописи и важные замечания.

Ньюарк, июнь 2013 г.

ВВЕДЕНИЕ

Общественный порядок и репрессия при Сталине

Репрессии являются важным оружием социалистического государства

Андрей Вышинский, 1931 г.

В ноябре 1937 г., в самый разгар Большого террора, двадцатидвухлетний москвич Кирилл Коренев был арестован и приговорен к восьми годам заключения в трудовом лагере. Он стал одной из многих миллионов жертв сталинской репрессивной полицейской системы, а его история представляет собой типичный пример ареста и осуждения по сфабрикованному обвинению. Вместе с тем она отличается от историй, известных нам по мемуарам, биографиям и фильмам. Он не был арестован по классическому сценарию. В дверь его квартиры не барабанили ранним утром чекисты в кожанках, его не заталкивали в «черный воронок», не предъявляли традиционного набора обвинений в политической оппозиции, шпионаже или подпольной антисоветской деятельности, не допрашивали непрерывно в течение многих дней и недель, не подвергали пыткам, не держали в тюремной одиночке¹. Коренева задержали самые обычные милиционеры среди бела дня. Он был обвинен в тунеядстве, отягощенном прошлыми судимостями за мелкие правонарушения, и на этом основании его отнесли к категории хулиганов и прочих криминальных элементов. Коренева запихнули в переполненную тюремную камеру и быстро осудили без предварительного заключения и допросов.

Хотя история Коренева не вписывается в хорошо известный сценарий политических репрессий, его судьбу можно считать типичной для многих людей, столкнувшихся с репрессивным аппаратом советского государства и его органами госбезопасности, причем не только в 1937–1938 гг. На протяжении большей части 1930-х гг. репрессивные методы охраны общественного порядка и защиты общественного строя были главным содержанием деятельности политической полиции [в лице

---

¹ Классическое описание арестов разных типов содержится в книге Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. Опыт художественного исследования». Автор ссылается на следующее издание книги: Alexander Solzhenitsyn. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation*. Trans. Thomas P. Whitney. NY, 1973. P. 5–12.

органов госбезопасности] и обычной милиции. Большинство историй осужденных того времени связано именно с репрессиями подобного типа. Даже сам Сталин и его окружение считали охрану общественно-го порядка приоритетным направлением работы органов госбезопасности, усматривая в его нарушениях более серьезную, чем в политической оппозиции, угрозу для режима и проводимой ими политики. В последующих главах книги я объясняю причины этого и описываю этапы, стратегии и кампании сталинской социальной политики и борьбы за выживание сталинизма. Я считаю, что репрессии сталинского периода представляли собой нечто большее, чем просто насильственная политика. Они являлись основой отношения сталинского режима к своим гражданам, способом насаждения желательного для него общественного порядка и формирования советского общества.

При всей экстремальности сталинские попытки переустройства общества репрессивными методами не уникальны в историческом смысле. Трюизмом является утверждение, что государство влияет на народ, которым оно управляет. На протяжении человеческой истории было немало правителей, пытавшихся создать «идеальное» общество или перевоспитать граждан в соответствии с собственными представлениями о том, как такое идеальное или, по крайней мере, более совершенное общество должно выглядеть. Некоторые исследователи доказывают, что подобные попытки представляют собой исключительно современный феномен, основанный на идеях европейских философов XVIII в.² Справедливость этого утверждения

---

² Три недавних, четко сформулированных определения модернити как совершенствования общества и государственного интервенционизма содержатся в следующих работах: Zygmunt Bauman. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, 1991; Anthony Giddens. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990; James C. Scott. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, 1998. Гидденс придерживается более широкого и беспристрастного взгляда на модернизм по сравнению с осторожными высказываниями Баумана и Скотта. Определение модернизма как государственного интервенционизма применительно к советским условиям содержится, в частности, в работах: David Hoffmann. *European Modernity and Soviet Socialism // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*. Ed. David Hoffmann and Yanni Kotsonis. NY, 2000. P. 245–261; Stephan Kotkin. *ModernTimes: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. No. 2. P. 111–164. Возражения против подобных определений см.: Terry Martin. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions*. Ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 348–367; Jorg Baberowski, ed. *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20 Jahrhundert*. Bonn, 2006; Idem. *Zivilisation der Gewalt: Die kulturellen Ursprünge des Stalinismus // Historische Zeitschrift*, 2005. No. 281. P. 59–102. Более нейтральная точка зрения выражена мною в статье: *Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia during the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953*. Ed. Donald Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 194–216.

кажется спорной. Однако следует признать, что отличительной чертой истории XIX и XX в. является набор якобы «научно обоснованных» общественно-политических, статистических и административных технологий, применявшихся правительствами для переделки населения³. Независимо от применявшихся методов, будь то политика стимулирования или откровенного принуждения, программы социального обеспечения и перевоспитания или переселения и физического уничтожения людей, современные государства значительно ускорили темпы и расширили масштабы вмешательства в жизнь общества с целью его переустройства. Значительное ускорение этим тенденциям во всех европейских и атлантических странах придали последствия Первой мировой войны. Независимо от идеологических ориентиров, которых придерживались правительства этих стран, силы и возможности государства для вмешательства в общественную жизнь и ее перестройки невероятно выросли в двадцатом столетии⁴.

Эти тенденции, как нигде, более отчетливо проявились в Российской империи и в Советском Союзе, ставшем ее историческим наследником. В самом конце Первой мировой войны в России пришло к власти правительство, руководители которого придерживались антилиберальной коллективистской идеологии революционных преобразований, которую они внедряли в перестраиваемых остатках империи, имевшей давние традиции сильного государства. Советские руководители с самого начала существования своего режима применяли всю полноту мобилизующей мощи и репрессивного аппарата

---

³ Хоффманн подчеркивает систематическую, рациональную природу современных разновидностей социальной инженерии.

⁴ В дополнение к уже перечисленным выше работам также см.: Anthony Giddens. *The Nation State and Violence*. Cambridge, 1985; Bernd Weisbrod. *Military Violence and Male Fundamentalism: Ernst Juenger's Contribution to the Conservative Revolution*. Trans. Pamela E. Selwyn // *History Workshop Journal*. No. 49 (Spring 2000). P. 69–94; Elisabeth Domansky. *Militarization and Reproduction in World War I Germany* // *Society, Culture, and the State in Germany, 1870–1930*. Ed. Geoff Ely. Ann Arbor, 1996. P. 427–463; Michael Geyer. *The Militarization of Europe, 1914–1945* // *The Militarization of the Western World*. Ed. John Gillis. Rutgers University Press, 1989. P. 68–85; Jane Caplan and John Torpey. eds. *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World*. Princeton, 2001; и сборник эссе: Amir Weiner, ed. *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Perspective*. Stanford, 2003. В этом сборнике особого внимания заслуживают эссе: Amir Weiner. *Landscaping the Human Garden* (P. 1–17); Peter Holquist. *State Violence as Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism* (P. 19–45); Elisabeth Domansky. *The Transformation of State and Society in World War I Germany* (P. 46–63). Более подробное обсуждение положительных и отрицательных аспектов влияния модернизма на формирование общества содержится в работе: Clifford Rosenberg. *Policing Paris: The Origins of Modern Immigration Control between the Wars*. Ithaca, 2006, esp. p. 209–212.

государства для создания совершенного социалистического общества. Будучи революционерами марксистского толка, лидеры нового большевистского правительства выбирали объекты репрессий и распределяли привилегии, руководствуясь классовым подходом. В новом коммунистическом обществе «хорошими» считались рабочий класс и близкие к нему слои населения, а «плохими» – буржуазия и обеспеченные классы. Политическое руководство страны было озабочено поиском способов разделения граждан на социально близких и социально враждебных, чтобы поддерживать первых и репрессировать или уничтожать последних⁵.

Советские руководители применяли многие средства репрессирования социально чуждых или враждебных сегментов населения от политики социальной, экономической и политической дискриминации до депортаций, ссылки, заключения в тюрьмы и прямых убийств. В течение 1930-х гг. политика репрессий постоянно усиливалась и достигла беспрецедентных масштабов в условиях диктаторского режима Иосифа Сталина, Генерального секретаря правящей коммунистической партии. В этот период политика арестов, заключения в тюрьмы, депортации, казней и иных способов подавления обрушилась на миллионы людей. Все эти репрессивные меры осуществлялись во имя защиты или развития социализма. Они совершались по прямому

---

⁵ Шейла Фицпатрик была одной из первых среди исследователей, проанализировавших ранние советские попытки классового подхода к определению состава советского населения и его разделения на врагов и союзников с целью проведения дискриминационной политики по отношению к определенным классам. Другие исследователи, особенно Голфо Алексопулос, Джульетта Кадьо, Фрэнсин Хирш и Терри Мартин внесли немалый вклад в освещение попыток режима дифференцировать общество по социальному, этническому и национальному признакам, а Елена Осокина написала о способах, которыми власть разделяла население по доступности для отдельных его представителей дефицитных продуктов питания, товаров и жилья. См.: Sheila Fitzpatrick. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*, No 65. December 1993. P. 745–770; Golfo Alexopoulos. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2003; Juliette Cadot. *Qu'est-ce que la nationalité?* // *L'invention des populations: Biologie, idéologie, et politique*. Ed. Hervé le Bras. Paris, 2000; *How Diversity was Ordered: Lists and Classifications of Nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union, 1897–1939* // *Ab Imperio*. No. 4. December 2002. P. 181–210; Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005; Terry Martin. *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001; Елена Осокина. За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. О налоговой политике и методах переписи населения как способах категорирования и распределения советского населения по группам см.: David Kertzer and Dominique Arel. Eds. *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses*. Cambridge, 2002; Alain Blum, Martine Mespoulet. *L'Anarchie bureaucratique: Statistique et pouvoir sous Staline*. Paris, 2003.

указанию Сталина или с его молчаливого одобрения. Полицейское насилие и репрессии стали фундаментальной основой сталинского режима, главными методами правления. Невозможно понять существо сталинизма и социализма советского образца без изучения репрессивной политики и полицейских методов управления страной сталинского периода. В последующих главах я описываю сталинскую политику репрессий в период с конца 1920-х гг. и до смерти диктатора в 1953 г. И, как я уже отметил выше, большая часть последующего обсуждения будет касаться преимущественно полицейских методов охраны общественного порядка. Я доказываю, что эти методы имели значительно более широкое распространение по сравнению с чисто политическими репрессиями и были нацелены на маргинальные слои населения, представителей которых советские лидеры обычно именовали «социально-вредными элементами». В их число входили многочисленные сельские жители, объявленные «классовыми врагами» и лишённые собственности, и многие другие группы населения, вытесненные из нормальной жизни в результате революционной социально-экономической политики правящего режима. К числу последних относились нищие и бродяги, уголовные преступники и бывшие заключённые, члены религиозных сект, безработная молодежь и беспризорники, цыгане, лишённые политических прав («лишенцы»), и целый ряд других групп граждан. Все эти люди стали человеческими «отходами» сталинской индустриально-аграрной революции «сверху»⁶. Политические лидеры и полицейское начальство видели в этих социально-вредных или чуждых элементах угрозу государству и проводимой ими политике, причем настолько серьёзную, что руководство потребовало от органов госбезопасности и милиции навести порядок в стране. С начала 1930-х гг., исполняя это поручение, органы госбезопасности под руководством Генриха Ягоды, за спиной которого стоял сам Сталин, постепенно распространили свои оперативные возможности и административное влияние на разрешение таких со-

---

⁶ Историки лишь недавно обратили внимание на присутствие в советской истории социальных маргиналов как отдельного общественного слоя с собственными, меняющимися социологическими определениями и собственной динамикой. Описывая сталинскую эпоху, Сергей Красильников выделяет следующие пять слоёв советского общества или сословий: номенклатуру или новую служилую знать; рабочих; специалистов («спецов») и служащих; крестьян (позднее, колхозников) и маргиналов. Красильников относит к маргиналам остатки дореволюционных привилегированных классов, ссыльных (спецпереселенцев), лиц, лишённых гражданских прав («лишенцев») и прочих: Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. См. также: Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов. Историография, источники. Сборник научных трудов. Отв. ред. Красильников С. А. Новосибирск, 2001.

циальных проблем, как нелегальная миграция населения и незаконная торговля, бродяжничество, безработица, регистрация актов гражданского состояния и прописка граждан по месту жительства, паспортизация населения, детская беспризорность и детская безнадзорность, подавление волны массовых мелких правонарушений.

Вмешательство политической полиции в область гражданского управления в 1930-е гг. не было принципиально новым явлением. Привлечение органов госбезопасности к борьбе с определенными видами уголовной преступности уходит корнями в 1920-е гг. и даже в дореволюционное время, когда царская политическая полиция – жандармерия была вовлечена в борьбу с бандитизмом и контрабандой. Большевистская политическая полиция (ЧК, переименованная впоследствии в ОГПУ) в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.) обладала самыми широкими полномочиями, а в 1920-е гг. активно участвовала в борьбе с бандитизмом и иными опасными видами уголовной преступности. Однако масштабы вовлечения политической полиции в эти области в 1930-е гг. приобрели беспрецедентный характер для мирного времени. Объединение задач охраны общественного порядка и обеспечения государственной безопасности стало уникальным явлением сталинской эры и фундаментальным образом изменило репрессивную политику советского режима⁷. Более

---

⁷ Историки, занимающиеся репрессиями и политической полицией при Сталине, обычно упускают из виду кампании наведения общественного порядка полицейскими методами, проходившие в 1930-х гг., скорее всего потому, что эти кампании не носили отчетливо выраженного политического характера. Например, Роберт Конквест оставил без внимания такие кампании в двух своих исследованиях сталинских репрессий: Robert Conquest. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. NY, 1986; The Great Terror: A Reassessment. NY, 1990. Более поздние исследования Дж. Арч Гетти и Олега Наумова также не затрагивают репрессий, направленных на поддержание общественного порядка. См.: J. Arch Getty, Oleg Naumov. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, 1999; J. Arch Getty, 'Excesses Are Not Permitted': Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. No. 61. January 2002. P. 113–138. Исключениями из этого общего правила могут служить краткие описания репрессий в отношении представителей маргинальных слоев общества, приведенные в работах: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 45–46; История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Отв. ред. Верт Н., Мироненко С. В. Том 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 68–69. Более подробные сведения по данной проблеме см.: Paul Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia, 1930–1941*. Ph.D. diss. University of Texas, 1999; Idem. *Socially Harmful Elements' and the Great Terror // Stalinism: New Directions*. Sheila Fitzpatrick, ed. London, 2000. P. 286–308; 'Chekist in Essence, Chekist in Spirit': Regular and Political Police in the 1930s // *Cahiers du monde russe* 42/2–4. April–December 2001. P. 447–476; Риттершпорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // *В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы*. Сборник статей под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск, 1998.

того, насильственное перемещение, переселение или уничтожение подозрительных групп населения приобрели характер массовой социальной инженерии, что также явилось уникальной особенностью сталинской эпохи. Ни в какой другой период, ни в 1920-е гг., ни после смерти Сталина в 1953 г. советская власть не прибегала к массовым репрессиям с целью перестройки социального и этнического состава населения или территориального устройства страны. В настоящей книге изучен вопрос о том, каким образом советские руководители пришли к тому, что приравнивали проблемы охраны общественного порядка в стране к вопросам обеспечения государственной безопасности. Политика в области охраны общественного порядка с помощью репрессий рассматривается в книге в более широком контексте сталинской репрессивной политики и проводимого Сталиным революционного преобразования страны с целью централизации государственного управления. В книге также приведена история сталинских органов охраны государства (ОГПУ и НКВД) и использования ими административных методов управления страной⁸.

Военный социализм

Каким образом советские руководители пришли к тому, чтобы считать мелких уголовников, нищих, попрошаек и других представителей маргинальных слоев общества серьезной угрозой для государства? В начальных главах книги я попытался найти ответ на этот

C. 101–119; David R. Shearer *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s* // *Cahiers du monde russe*. 42/2–4. April–December 2001. P. 505–534; Idem. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression*. Ibid. 39/1–2. 1998. P. 119–148.

⁸ Самая полная история советской политической полиции содержится в книге: Чебриков М. В. *История советских органов государственной безопасности*. М., 1977. Об истории и деятельности милиции см.: Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. *Полиция и милиция России: страницы истории*. М., 1995; *История органов внутренних дел России*. Сборник научных трудов. Первушин В. М., отв. секр. М., 1999; Louise Shelley. *Policing Soviet Society: The Evolution of State Control*. NY., 1996; George Lin. *Fighting in Vain: The NKVD RSFSR in the 1920s*. Ph.D. diss., Stanford University, 1997; Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. О политической полиции, законности и формировании государства см.: Чердаков О. И. *Формирование правоохранительной системы советского государства в 1917–1936 гг.* (Историко-правовое исследование). Саратов, 2001; Рассказов Л. П. *Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве, 1917–1941 гг.* Уфа, 1994. Более подробно по этому вопросу см.: Курицын В. М. *История государства и права России, 1929–1940*. М., 1998; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. *Политическая юстиция в СССР*. М., 2000; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. *Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры XX века, 1937–1953*. М., 2001; Peter H. Solomon Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996.

вопрос, изучив изменения общественных реалий и представлений об уголовной преступности и нарушителях общественного порядка, произошедшие в 1930-х гг., по сравнению с 1920-ми. В главе 1 показано, как Сталин и другие советские руководители политизировали уголовную преступность и другие правонарушения, объявив борьбу с ними не просто наведением порядка в стране, а новой формой классовой борьбы. Особое внимание в этой главе уделено неожиданному навешиванию на уголовные и подобные им элементы, ранее считавшиеся просто социально-вредными, ярлыка вездесущих и опасных врагов государства и революции. Подобная новая идеологическая интерпретация, в свою очередь, стала следствием отмены новой экономической политики (нэп) в конце 1920-х гг. и провозглашенного Сталиным в начале 1930-х гг. перехода к «развернутому социалистическому наступлению». С уничтожением частной торговли и началом коллективизации власти сосредоточили максимальные усилия на ускоренном построении социализма, что включало государственную программу ускоренной индустриализации и массивного распространения государственного контроля на производство, земельную собственность и торговлю. Особенно жестокая борьба была развязана в деревне, где коммунистическая партия и политическая полиция изымали имущество у крестьян-единоличников и принудительно загоняли их в контролируемые властями колхозы. Сопrotивлявшихся объявляли кулаками и врагами народа. Тысячи так называемых кулаков были расстреляны, а миллионы согнаны с земли и высланы в специальные лагеря или поселения.

В начале 1933 г. Сталин заявил, что социалистическое наступление развивается успешно, остатки капитализма выкорчеваны, а окончательная победа социализма является неизбежной. После этого заявления изменились сами определения преступлений и любых отклонений от нормы поведения граждан. Если в 1920-х гг. к этим нарушениям и преступлениям относились с известной терпимостью и их допускали в рамках общего компромисса с капитализмом, то после объявленной Сталиным победы социализма подобная терпимость стала уже невозможной. Нарушения общественного порядка теперь нельзя было объяснить иначе как классовой ненавистью к новым советским порядкам и саботажем сталинского грандиозного проекта построения социализма. Как показано в главе 1, политизация уголовной преступности и антиобщественного поведения в 1930-х гг. делает дискуссию по этой теме больше чем обсуждением общественных явлений. Это обсуждение главным образом касается видения проблемы лидерами режима, их идеологии и приоритетов в этой сфере. Угроза для государства со стороны криминальных и других маргинальных групп населения

в глазах руководства отнюдь не была воображаемой⁹. Действительно, общественный беспорядок в конце 1920 – начале 1930-х гг. был вполне реальным. Миллионы оторванных от земли и обнищавших крестьян, наряду с представителями бывших обеспеченных классов, занимавшихся ранее профессиональной и интеллектуальной деятельностью, высасывали ресурсы из экономики, угрожали срывом и без того напряженных государственных планов производства и распределения продукции, грозили переполнением хрупкой городской инфраструктуре. Преследуемые как враждебные элементы, не имевшие шансов найти работу и интегрироваться в общество, эти маргинализованные слои населения никак не вписывались в рамки сталинского социализма, представляя угрозу социально-экономической стабильности страны. То же самое касалось сотен тысяч других недовольных властью людей, которых руководители правящего режима объявили социально-вредными. Повальный упадок деревни, вызванный государственной политикой коллективизации и уничтожения кулачества, быстрая принудительная индустриализация и массовый голод в 1932–1933-х гг. вызвали кризис управляемости в стране и усиление нестабильности в обществе. Слабые, неразвитые учреждения социального обеспечения и другие государственные органы были не готовы справиться с беспорядками в обществе, вызванными сталинскими промышленной и аграрной революциями. Видя в подъеме преступности и росте численности маргинальных слоев населения политическую и социально-экономическую угрозу, руководство страны, чтобы справиться с ними, все больше полагалось на полицейские методы и органы.

Проблема, по крайней мере в начале 1930-х гг., заключалась в недостаточной численности политических и гражданских полицейских органов. В главах 2 и 3 описано плачевное положение в области охраны общественного порядка в конце 1920 – начале 1930-х гг. и содержится хроника усилий по реорганизации милиции и органов госбезопасности, предпринятых руководством страны, и прежде всего Ягодой, с целью создания эффективной общенациональной полицейской системы. Многие из этих усилий были направлены на организационное и оперативное объединение гражданской и политической полиций. Этот процесс остается малоизвестным, но важным аспектом сталинской революции в целях централизации государственного контроля страны. В указанных главах объясняются причины, ход и последствия

---

⁹ О роли идеологии и изменении взглядов на девиантность в 1930-е гг. по сравнению с 1920-ми прежде всего см.: David L. Hoffmann. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Stalinist Modernity, 1917–1941*. Ithaca, 2003. P. 177–178. Обзор сталинского социалистического наступления см.: R. W. Davies. *The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930*. Cambridge, 1980; Idem. *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge, 1998.

проведенной интеграции полицейских служб¹⁰. Как показано в главе 3, объединение политической и гражданской полиций имело большее значение, нежели простое повышение профессионализма милиции и ее политизация. Этот процесс привел политическую полицию в новые для нее сферы общественного контроля и управления. В начале 1930-х гг. на политическую полицию в лице ОГПУ были возложены задачи, до этого не входившие в сферу ее оперативной деятельности, включая такие, как руководство силами местной милиции, подавление волны мелкой преступности, очистка городов, железных дорог и стратегически важных регионов страны от нищих, бродяг, беспризорников и сбежавших из семей детей, хулиганов и других маргинальных элементов, выселение из приграничных районов нежелательных и ненадежных этнических групп населения, поимка и содержание большого числа сирот по всей стране, ужесточение паспортного режима и регистрации граждан по месту жительства, осуществление массового надзора за населением и даже проверка проездных билетов в поездах¹¹. Многие сотрудники ОГПУ столкнулись с тем, что возложенные на них новые обязанности сильно отличались от тех, к исполнению которых они готовились, поступая на службу в органы госбезопасности. Тем не менее в 1930-е гг. решение указанных задач стало главной составляющей деятельности политической полиции с участием значительной части ее оперативных служб¹².

---

¹⁰ Многие исследователи отмечали подчинение милиции политической полиции, но не придавали этому особого значения. Ученые старшего поколения считали такое слияние неизбежным логическим следствием сталинского тоталитаризма. Другие, кто писал преимущественно о политических репрессиях, имели обыкновение не обращать внимания на реорганизацию полицейских органов и ее последствия с точки зрения расширения применения репрессивных методов поддержания общественного порядка. К числу первых относятся, в частности: Robert Conquest. *The Soviet Police System*. NY, 1968; Boris Levytsky. *The Uses of Terror: Soviet Secret Police 1917–1970*. NY, 1967. С. 75. Примерами вторых могут служить работы: Getty and Naumov. *Road to Terror; Getty. Excesses Are Not Permitted*. Исключения составляют работы: Shelley. *Policing Soviet Society*; Lin. *Fighting in Vain*. Но обзор Шелли не исследует глубоко последствия слияния органов правопорядка, Лин останавливается на подчинении милиции органам госбезопасности в 1930 г. Более глубокий анализ данной проблемы содержится в работах: Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*; Idem. *Chekhist in Essence* и Shearer. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD*.

¹¹ Аббревиатура ОГПУ расшифровывается как Объединенное государственное политическое управление. Так называлась советская политическая полиция до ее включения в состав вновь созданного в 1934 г. Наркомата внутренних дел (НКВД СССР), в который ОГПУ вошло под наименованием ГУГБ – Главного управления государственной безопасности.

¹² Хэгенлоу подчеркивает, что постепенно нарастающая вовлеченность политической полиции в гражданскую полицейскую деятельность была непредвиденным последствием общественного кризиса начала 1930-х гг., при котором обычная милиция оказалась не в состоянии справиться с поднявшейся волной уголовной преступности (Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. P. 114; Idem. *Socially Harmful Elements*.

Еще одним важным следствием вторжения политической полиции в управление обществом стала узурпация ею прав на ограничение гражданских прав людей, вплоть до лишения их гражданства. Как показывает Голфо Алексопулос, в 1920-е гг., когда власти желали наказать человека, признанного социально-враждебным, они прибегали в основном к ограничению его гражданских, прежде всего, избирательных прав, а также других важных социально-экономических привилегий. Процесс ограничения гражданских прав и принятие соответствующих решений относились к юрисдикции местных Советов и исполнительных органов власти, представляя собой общественные формы наказания¹³. В начале 1930-х гг. полномочия местных Советов в части принятия решений об ограничении гражданских прав были сильно урезаны. Как документально доказывается в настоящей книге, выявление и осуждение социально-враждебных и других подозрительных элементов во все большей степени стало подпадать под юрисдикцию полицейских органов, в основном, но не исключительно, благодаря ужесточению законодательства о внутренних паспортах и прописке граждан по месту жительства. Это явилось важным политическим изменением и фактически означало изъятие у местных властей и передачу в руки полицейских органов права определять лояльность, социальную идентичность и меру репрессии. Решение социальных проблем гражданскими властями с участием общества было заменено бюрократизированной системой полицейских репрессий, управляемых секретными постановлениями, без возможности влияния общества.

Заманчиво назвать систему, создававшуюся Ягодой, полицейским государством, но это было бы не совсем точной ее характеристикой. Безусловно, полицейская империя Ягоды представляла собой сердцевицу сталинского государства. Но при всей своей мощи полицейские органы никогда не контролировали государственный аппарат, а напротив, всегда оставались под полным контролем Сталина и верхушки правящей элиты Коммунистической партии. Более того, сам

Р. 299; Idem. *Chekhist in Essence*. P. 449). В настоящей книге я также указываю на крах общественного порядка и неадекватность обычной милиции как на источники кризиса начала 1930-х гг. В то же время я доказываю, что вовлечение политической полиции в решение задач поддержания общественного порядка произошло в результате прямого вмешательства Сталина и изменений в идеологии и политике по сравнению с 1920-ми гг., основанными на новых представлениях о государственной безопасности и классовой борьбе. См. также: Shearer. «Crime and Social Disorder» и особенно «Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD». P. 516–518. С самой последней по времени аргументацией Хэгенлоу можно ознакомиться в книге: Paul Hagenloh. *Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941*. Washington, D. C., 2009.

¹³ Как поясняет Алексопулос в книге «*Stalin's Outcasts*», решения об ограничении гражданских прав выносились по представлениям с места работы, докладом партийных активистов или на основе вынесенных общественных приговоров.

термин «полицейское государство» никак не объясняет причин, по которым Сталин ощущал необходимость создания столь внушительной государственной репрессивной машины. Он никогда не использовал мощный полицейский аппарат просто ради репрессий как таковых или для приведения народа в повиновение. Мощная полицейская система требовалась ему, прежде всего, для подавления и перестройки сельских районов страны, а, во-вторых, для консолидации и защиты созданного им социально-экономического порядка, особенно в условиях нарастающей враждебности международного окружения. Созданную Сталиным и Ягодой систему было бы точнее назвать «социализмом в условиях военного положения» или «военизированным социализмом». «Военизация» была тем термином, который Ягода и другие употребляли для описания процесса объединения полицейских служб, и этот термин представляется в данном случае вполне уместным. Слияние политической и гражданской полиции действительно повлекло за собой «военизацию» последней наряду с выводом политической полиции на арену управления обществом¹⁴. Это слияние, в частности, привело к возникновению своего рода военизированной общественной жандармерии, во многом напоминавшей жандармерию, существовавшую в России до революции или действовавшую в европейских странах на протяжении XIX–XX вв. Подобно их предшественникам предыдущего века, задача сталинских политической и гражданской полиций заключалась в поддержании политического или, говоря шире, общественного порядка в стране¹⁵.

---

¹⁴ О милитаризации полиции в европейских странах в целом после Первой мировой войны см.: Gerald Blaney Jr., ed. *Policing Interwar Europe: Continuity, Change, and Crisis, 1918–1940*. Basingstoke, 2007. P. 3–7.

¹⁵ Во времена Сталина ни милиция, ни органы госбезопасности не были подчинены военным, как это было с жандармерией большинства стран в XIX в. Милиционеры, во всяком случае, не жили в казармах. Вместе с тем многие подразделения советских органов безопасности, и особенно внутренних войск, находились на казарменном положении и были организованы по армейскому образцу. При этом сотрудники милиции и госбезопасности при Сталине подчинялись закону о военнослужащих и соблюдали военную дисциплину. О жандармерии в Западной Европе см.: Clive Emsley. *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford, 1999; Herbert Reinke. *Armed As If for War: The State, the Military, and the Professionalization of the Prussian Police in Imperial Germany* // *Policing Western Europe: Politics, Professionalism, and Public Order, 1850–1940*. Ed. Clive Emsley and Barbara Weinberger. NY, 1991. P. 55–73; David H. Bayley. *Patterns of Policing: A Comparative International Analysis*. New Brunswick, 1985; Howard C. Payne. *The Police State of Napoleon Bonaparte, 1851–1860*. Seattle, 1966. О российской жандармерии см.: Измозик В. С. *Жандармы России*. Санкт-Петербург, 2002; Перегудова З. И. *Политический сыск в России, 1880–1917*. М., 1992; Щербакова Е. И. *Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М., 2011; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. *История полиции России (1718–1917 гг.)*. М., 1992; *История правоохранительных органов России*. Сборник научных трудов под ред. Сичинского Е. П. Челябинск, 2000.

Периодизация репрессивных кампаний

Заявление Сталина об окончательной победе социализма, сделанное им в 1933 г., повлекло за собой объявление классовыми врагами маргинальных слоев общества. Сталин дал ясно понять, что для борьбы с этой новой разновидностью классового врага полицейские органы должны изменить тактику своей работы. Следовало приостановить кампании массовых репрессий и вынесения приговоров в административном порядке и найти новые способы выкорчевывания врагов государства. В главах 4 и 5 описаны усилия Ягоды по трансформированию социально-политических методов полицейской работы с тем, чтобы придать ей больший профессионализм, покончить с кампаниями массовых репрессий и перенацелить полицейские органы на применение методов систематического надзора за обществом и сбора информации. В этих главах рассмотрены усилия по созданию сетей осведомителей, картотек политических и уголовных преступников и одновременному введению внутренней паспортизации населения и системы прописки граждан по месту жительства. Литература по вопросам информационной работы и массового надзора за населением в 1930-х гг. опирается на ограниченные источники. Указанные главы вводят в научный оборот ранее не использовавшиеся документы, позволяющие более детально интерпретировать феномен массового надзора¹⁶. В главе 4 описано, как информация сети осведомителей должна была направлять оперативную работу полицейских органов, как действовала или почему не действовала надлежащим образом эта система надзора. Глава 5 посвящена более подробному описанию видов активных и пассивных информационных систем и сбору информации о гражданах и ведению картотек, их сортировки, маркировки и перекрестных ссылок, применявшихся в картотеках. В ней показано, как постоянно развивавшиеся каталожные системы становились главной основой надзорной и полицейской работы.

Картотечные системы учета в сочетании с агентурно-осведомительскими сетями стали ключевыми инструментами новой расширенной технологии надзора за обществом. Этот новый подход к полицейской работе предполагал предупреждение преступлений и актов саботажа. Полицейская работа должна была приобрести профилак-

---

¹⁶ Исключение составляет работа: Cynthia Hooper. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*. Ph.D. diss. Princeton University, 2003. В ней есть информация о сетях осведомителей и картотеках, существовавших в 1930-х гг. (С. 151–157). См. также: David R. Shearer. *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State* // *Journal of Modern History*. No. 76. December 2004. P. 835–881. Об использовании милицией осведомителей и картотек см.: Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. P. 55–59, 67–76, 95–102.

тический характер, основанный на способности полицейских органов вести наблюдение за подозрительными элементами и выявлять преступников и саботажников, скрывающихся под масками лояльных советских граждан. Предполагалось, что эта система должна быть секретной, автоматически действующей и профилактической, но на деле она должным образом не работала. В главах 6 и 7 доказано, что массовые полицейские кампании репрессий оставались главными методами работы на протяжении всех 1930-х гг. Эти устаревшие методы по разным причинам отмирали с большим трудом. В соответствии со сложившейся в руководящих кругах иерархией враждебных и лояльных слоев населения власти продолжали полагаться на испытанные, чисто административные методы как на наиболее эффективные средства охраны общественного порядка и управления обществом.

До сих пор недостаточное внимание уделялось репрессивным социальным кампаниям 1930-х гг.¹⁷ Традиционное прочтение советской истории выделяет в 1930-х гг. два периода массированного государственного насилия. Десятилетие началось с массового преследования крестьян-единоличников, с гражданской войны, развязанной в деревне с целью ликвидации мелких крестьянских хозяйств, передачи земли под экономический и политический контроль государства и депортации или истребления крестьян, сопротивлявшихся официально объявленной коллективизации сельского хозяйства. Власти навешивали ярлык кулаков на тех, кого они лишали собственности или кто сопротивлялся коллективизации, отправляя их в трудовые лагеря или в сельскохозяйственные колонии – «спецпоселения». В ходе кампаний раскулачивания, проходивших в начале 1930-х гг., сталинский режим лишил собственности, выслал или казнил, по меньшей мере, 2 млн сельских жителей страны¹⁸. Во время этих кампаний политическая полиция и местные власти получили широкие полномочия на составление списков на раскулачивание и их утверждение в административном порядке тройками, без рассмотрения судом

---

¹⁷ Причины подобного упущения остаются не вполне ясными, но, возможно, они стали следствием недоступности соответствующих архивных материалов. Кроме того, как уже отмечено выше, большинство историков были сосредоточены на изучении политических форм оппозиции и репрессий против нее, игнорируя репрессии, направленные против населения.

¹⁸ Наиболее полные сведения по данному вопросу, опубликованные на английском языке, содержатся в книгах: Lynne Viola. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Resistance*. NY, 1996; Idem. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. NY, 2007. Из книг на русском языке укажем на монументальный сборник документов: *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 томах. 1927–1939*. Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 1999–2004.

и в обход законных юридических процедур¹⁹. Аналогичные тройки стали главными органами осуждения большого числа людей, которые государство использовало впоследствии, во время второго периода государственного насилия, то есть во время Большого террора конца десятилетия. Если 1930-е гг. начались с массовой репрессивной кампании коллективизации, то конец десятилетия ознаменовался развязыванием Большого террора 1937–1938 гг., ставшего пароксизмом государственного насилия против общества, нацеленного на очищение страны от опасных врагов и потенциально ненадежных слоев населения. Террор унес сотни тысяч жизней казненных, а еще многие сотни тысяч людей были отправлены в заключение.

Как Большой террор, так и кампании коллективизации и раскулачивания хорошо известны. Об этих событиях написано немало, но очень немного известно о том, что происходило в период между ними. Большинство историков сходятся во мнении, что наиболее жесткая фаза репрессий в деревне относится к 1932–1933 гг., после чего политические лидеры страны попытались нормализовать положение в советском обществе. Руководство страны отменило тройки и запретило политической полиции прибегать к массовым репрессиям во внесудебном порядке. Эти перемены были узаконены в 1934 г., когда политическая полиция была подчинена вновь созданному союзному Наркомату внутренних дел (НКВД СССР)²⁰. Многие исследователи описывают создание НКВД как составную часть укрепления законности в стране, как победу сторонников юридического ограничения всевластия политической полиции и как выработку общей политики, нацеленной на то, чтобы покончить с кампаниями массовых репрессий или, по крайней мере, ограничить их проведение, положить конец внесудебным приговорам, выносимым органами госбезопасности. В соответствии с такой традиционной периодизацией советской истории власти не прибегали к массовым репрессиям вплоть до их внезапного возобновления в 1937 г. с началом Большого террора²¹.

Подобная периодизация репрессий нуждается в переосмыслении. Большинство историков совершенно верно отмечают, что начиная с 1933 г. власти сократили масштабы арестов в деревне. Однако это отнюдь не означало сокращения массовых репрессий. На самом деле это привело лишь к интенсификации массовых кампаний против городского и других типов населения. Многие сотни тысяч людей постра-

---

¹⁹ О роли ОГПУ в процессе коллективизации см. также: Lynne Viola. *The Role of the OGPU in Dekulakization, Mass Deportations, and Special Settlements in 1930* // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, No. 1406. Pittsburgh, 2000.

²⁰ Народный комиссариат внутренних дел.

²¹ Solomon. *Soviet Criminal Justice*. P. 166, 172–173; Getty and Naumov. *Road to Terror*. P. 122–123, 172.

дали в ходе репрессий кампанийского типа в городах, промышленных районах, приграничных областях, на железных дорогах, элитных курортах и в других стратегически важных регионах страны. Репрессии затронули уголовных преступников, бывших заключенных, нищих и бродяг, сирот и безнадзорных детей, представителей маргинальных групп населения, граждан без документов, нелояльные (действительно или предположительно) по отношению к властям национальные меньшинства и другие нежелательные или подозрительные слои населения. Предположительно опасные группы населения выявляли, а затем изолировали, как правило, посредством депортации, ссылки или выселения из городов, а также заключения в тюрьмы или даже казней.

Эти полицейские меры получили обобщенное наименование кампаний «социальной защиты», которые до некоторой степени напоминали кампании, проводившиеся в других странах под лозунгами «закон и порядок», но между ними имелись и существенные различия. Европейские кампании за закон и порядок имели, как правило, временный характер, а их проведение было распределено между гражданской полицией, судебной системой и общественными организациями. В Советском Союзе такие полицейские меры предпринимались в 1930-х гг. систематически, зачастую с привлечением не только обычной, но и политической полиции, и с использованием административных внесудебных методов наказания правонарушителей. В СССР политическая полиция выступала в роли органов принуждения, суда и тюремщика в одном лице. В главах 6 и 7 описаны кампании социальной защиты середины 1930-х гг., ставшие связующим звеном между двумя крупными эпизодами массовых репрессий, которыми были ознаменованы начало и конец этого десятилетия. В этих главах показано, что тройки не прекращали действовать на протяжении всего периода 1930-х гг., и приводятся аргументы, доказывающие, что создание в 1934 г. НКВД способствовало не столько ограничению, сколько наоборот, консолидации и усилению власти полицейских органов. В главах 6 и 7 также проведена дифференциация различных видов репрессивной политики. В них показано, что попытки некоторых представителей власти несколько понизить уровень репрессий относились только к отдельным видам политических преступлений, объединенным в советском Уголовном кодексе под общим наименованием «антисоветская агитация». Немногие отваживались возражать против кампаний внесудебных репрессий, проводимых специальными полицейскими органами, или против чрезвычайных законов, направленных на нежелательные слои населения или ненадежные национальные меньшинства. Горячие споры вокруг допустимого уровня репрессий со стороны полицейских органов, возникавшие в середине 1930-х гг., никак не затрагивали кампании «социальной защиты», которые с неослабевающей силой продолжались все это время.

Переход от классовой борьбы к социальной инженерии

Значительные усилия по очистке советского общества на протяжении 1930-х гг. были предприняты посредством массовых полицейских кампаний, связанных с введением и ужесточением законов о паспортах и прописке. Эти законы, введенные в действие в 1933 г., существенно расширили полномочия полицейских органов. Как показано в главе 8, возложенные на них обязанности по администрированию систем паспортизации и прописки граждан по месту жительства вовлекли эти органы в надзор не только за уголовниками и предполагаемыми оппозиционерами, но и за населением в целом. Эти обязанности были новыми для полицейских органов, а участие в паспортном контроле дало им в руки мощный инструмент географической и социальной инженерии. Управление процессом паспортизации населения позволило полицейским органам разделить граждан на санкционированные властями категории по социальному и этническому происхождению и по месту жительства, а также ввести территориальное деление страны на зоны: ссылки, ограничений на прописку и внутренней колонизации. Ограничения, связанные с выдачей паспортов, были привязаны к разделению властями граждан на социально-близкие и социально-враждебные элементы и к выделению режимных территорий, на которых разрешалось прописывать те или иные категории граждан. К середине 1930-х гг. полицейские органы определяли не только гражданский статус людей, но и социальную и географическую конфигурацию социализма в Советском Союзе.

Категорический императив

Итак, на протяжении всей сталинской эпохи полицейские репрессии означали нечто большее, чем просто борьбу с политическими противниками власти. При Сталине эти репрессии и государственное насилие в целом стали средством управления обществом, важным инструментом государственной власти. При этом советские руководители в 1930-х гг. сам термин «массовые репрессии» понимали двояко. Во-первых, под массовыми могли подразумеваться репрессии, направленные одновременно или в соответствии с одним оперативным распоряжением против большого количества граждан, которые, по мнению власти, нарушили законодательство. Таким образом, термин «массовые репрессии» означал количество репрессированных. После 1933 г. власти, по крайней мере, официально, были настроены против подобного рода массовых репрессий, независимо от того, осуществлялись ли они в судебном или административном порядке. Например, главный прокурор Западной Сибири Игнатий Барков несколько раз жаловался первому секретарю крайкома партии Роберту Эйхе, что карательные меры, предпринимаемые местными органами

власти и милицией против граждан, приобретают масштабы, близкие к массовым репрессиям²². Точно так же Генеральный прокурор СССР И. А. Акулов предостерегал в 1935 г. своих подчиненных против санкционирования арестов большого числа людей за нарушение законов в стиле кампаний массовых репрессий²³.

Во-вторых, термин «массовые репрессии» употреблялся также в случаях, когда граждане репрессировались по категориям или «контингентам», независимо от того, совершили они уголовные преступления или нет. Таким образом, людей репрессировали исключительно за их принадлежность к нежелательной для власти категории или контингенту. Подобные массовые репрессии применялись часто, хотя не всегда административными, внесудебными способами. Расширению подобного рода массовых репрессий способствовало несколько факторов: классификация населения, введенная законом о паспортах, и другие факторы, например, такие, как глубоко укоренившаяся в стране полицейская культура, а также неэффективность традиционных способов борьбы с преступностью. Все эти факторы усиливали то, что можно именовать «категорическим императивом», естественно, не в кантианском смысле, а с точки зрения политики управления обществом полицейскими методами. Полицейские репрессии были направлены не только против отдельных лиц, но все чаще против целых категорий граждан, признанных властями опасными или враждебными. Хотя верховные власти официально осуждали категориальный или кампанейский стиль работы полицейских органов, они в то же время закрывали глаза на подобную практику. Это особенно наглядно проявилось в начале и середине 1930-х гг., когда центр тяжести массовых репрессий в основном переместился из деревни в город и был перенесен с кулаков на маргинальные слои населения. В этой связи изменились также характер и назначение массовых репрессий. Отличие состояло в следующем. В ходе кампании раскулачивания начала 1930-х гг. органы госбезопасности действовали как политическая, революционная рука государства, а цель репрессий была в прямом смысле революционной. Они были направлены на укрепление государственной власти, на разрушение и перестройку прежних классовых или, говоря шире, общественно-экономических отношений. Репрессии имели децентрализованный и публичный характер. ОГПУ и даже определенные органы местной власти получили право применять внесудебные или административные формы вынесения приговоров для ускоренного применения репрессивных мер. Были образованы тройки, призванные распространить политические репрессии на возможно большее число граждан.

---

²² ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 813. Л. 24.

²³ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 977. Л. 94–100.

Власти не пытались замаскировать свои репрессивные намерения. Массированные пропагандистские кампании были нацелены на подготовку и мобилизацию населения к участию в объявленной властями классовой войне. Действительно, удалось привлечь целые сегменты населения к поощряемому государством жестокому насилию по отношению к раскулачиваемым. Таким образом, проведение социальных репрессий было настолько децентрализовано, что местные органы власти получили право на арест, конфискацию имущества, заключение под стражу и даже смертную казнь кулаков.

Когда руководство страны в 1933 г. отдавало приказы об ограничении массовых репрессий в деревне, оно главным образом стремилось покончить с децентрализацией насилия. В середине же 1930-х гг. власти были озабочены не столько ограничением массовых репрессий, сколько их перенацеливанием и, что еще важнее, восстановлением собственной монополии на социальное насилие, повышением профессионализма исполнителей и усилением секретности в управлении репрессиями. Расширились кампании «социальной защиты», особенно посредством ужесточения паспортного режима и системы прописки. За редкими исключениями их проводили полицейскими силами. По большей части эти кампании оказывались вне поля зрения общества. Полиция получила специальные инструкции не привлекать внимания населения к своим операциям по зачистке и депортации целых групп населения. Способы выявления полицией так называемых опасных элементов с использованием законов о паспортах и прописке были секретными и основывались на внутренних бюрократических процессах регистрации информации о гражданах в милицейских надзорных картотеках. Иными словами, репрессии приобрели централизованный, тайный, профессиональный и бюрократизированный характер. Таким образом, массовые репрессии в ходе раскулачивания первых двух лет 1930-х гг. были последними до 1939 г. репрессиями, основанными на мобилизации населения на решение революционных социальных задач, когда государство выдало обществу «лицензию» на насилие в революционных целях. В дальнейшем, после 1933 г., репрессии выполняли скорее охранные, нежели истинно революционные функции. Власти использовали репрессии для защиты государственных интересов и собственности и для охраны государственной безопасности, которая была определена как общественный порядок²⁴.

---

²⁴ Некоторым образом данное изменение отражало общий консервативный сдвиг правоохранительной культуры, о котором пишет Соломон, а также некоторые перемены, которые отмечал Тимашев в его известном обосновании Большого террора. Режим оставался революционным в том смысле, что он не отказывался от государственного контроля экономики, от коллективизации или монополии Коммунистической партии на политическую власть. См.: Solomon. *Soviet Criminal Justice*; Nicholas Timasheff. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. NY, 1946.

Большой террор

Массовые социальные и этнические «чистки» населения были определяющими в кампаниях социальной защиты середины 1930-х гг. Тот же механизм был запущен и в ходе больших «чисток» в конце десятилетия. Большим «чисткам» посвящены главы 9 и 10. Многие историки Большого террора сосредотачивают внимание на политических «чистках», проходивших в партии, военных кругах и других институтах и описывают их как неожиданные, патологические и почти необъяснимые явления. Иные же объясняют эти «чистки» отчаянными попытками Сталина сохранить контроль за коррумпированной и анархической политической системой²⁵. Я же принадлежу к увеличивающейся группе историков, которые отделяют политические «чистки» властных институтов (Большой террор) от массовых операций против общества этого же времени, рассматривая эти массовые операции как некую форму социальной профилактики²⁶. В частности, я убежден, что политические «чистки» и массовые операции 1937–1938 гг. нельзя отделять от предыдущих кампаний политических и социальных репрессий. Именно массовые операции 1937–1938 гг. стали кульминацией политики целого десятилетия – политики, основанной на полицейских методах управления обществом и нацеленной на то, чтобы раз и навсегда очистить страну от социально-вредных слоев населения. Я согласен с теми исследователями, которые полагают, что время проведения и уровень жестокости больших «чисток» определялись предвидением неизбежной войны и вражеского вторжения и опасениями восстания «пятой колонны». В главе 9 рассмотрены аргументы, касающиеся мотивов, а также сходства и различия политических «чисток» и массовых операций. В главе 10 говорится о таких факторах, как ди-

---

²⁵ Упомянутая точка зрения поддерживается, в частности, в работах: Getty. *Excesses Are Not Permitted*; Getty and Naumov. *Road to Terror*. P. 136–137. См. также: Baberowski. *Zivilisation der Gewalt*. P. 95. Последний аргумент приводится, в частности, в работе: Gabor Rittersporn. *Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933–1953*. Reading, 1991. Критика этой аргументации оправданности сталинских репрессий как иррациональной содержится в работе: Holquist. *State Violence as Technique*.

²⁶ Ранее описание массовых «чисток» как меры социальной профилактики содержится в книге: F. Beck, W. Godin. *Russian Purge and the Extraction of Confession*. NY, 1951. P. 228–236. См. также классическое исследование Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Одна из лучших оценок истоков Большого террора содержится в работе: Oleg Khlevniuk. *The Objectives of the Great Terror // Soviet History, 1917–1953: Essays in Honor of R. W. Davies*, ed. Julian Cooper, Maureen Perrie, and E. A. Rees. Basingstoke, 1995. P. 158–176. Взгляд на массовый террор как на определяющий аспект большевистской идеологии и культуры высказан в работах: Jörg Baberowski. *Die Rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus*. Munich, 2004; Idem. *Zivilisation der Gewalt*; а также: Holquist. *State Violence as Technique*.

рективы из Центра, бюрократические процессы и местные особенности, совокупность которых оказывала влияние на темпы и динамику массовых арестов. В этой главе я провожу отличия городских массовых операций от операций в сельской местности и показываю, что, по крайней мере, городские операции в оперативном плане были аналогичны кампаниям социальной защиты середины 1930-х гг. Эти «чистки» были нацелены на те же слои населения, хотя и имели две главные отличительные особенности по сравнению с предыдущими массовыми репрессивными кампаниями. Во-первых, в них пострадало намного больше людей: порядка 400 тыс. человек только казненных всего за полтора года и на несколько сотен тысяч больше отправленных в заключение. Во-вторых, наличие международного контекста, мотивировавшего «чистки», также отличало их от внутреннего контекста, в котором проходили кампании социальной защиты. Перспективы войны и неминуемой вражеской интервенции придали массовым «чисткам» размах и масштабы, несопоставимые с кампаниями социальной защиты середины десятилетия. Однако несмотря на их жестокость и масштабы, массовые «чистки» мало что дали для разрешения проблем обеспечения общественного порядка и защиты страны от внутренних угроз. На основе анализа документов полиции и правительственных органов я показываю, что в короткий момент после Большого террора и перед самым германским вторжением в государстве все еще существовали многие проблемы, аналогичные тем, что имелись в середине десятилетия, и что полицейские органы оставались почти столь же беспомощными в их разрешении, что и в предыдущий период.

Глава 11 отличается от остальных глав книги. В ней анализируется дело одного конкретного человека, Кирилла Коренева. Его арестовали в 1937 г. как социально-опасный элемент, так как он не имел работы и числился в милицейской картотеке как мелкий вор, и приговорили к заключению в сибирской колонии. В 1938 г. по настоянию его матери приговор Кореневу был пересмотрен, и он подлежал освобождению. Однако настойчивые поиски Коренева, предпринятые НКВД, не дали результата, и его не смогли отыскать в местах заключения. На основе документов милиции и прокуратуры, собственных воспоминаний Коренева и его писем матери, которые он подписывал вымышленными именами, в главе 11 приведена документальная история его бегства из мест заключения и подпольного проживания. В ней также описаны попытки центральных властей выследить Коренева, жившего под разными обличиями. Его история интересна тем, что она иллюстрирует способы, с помощью которых людям удавалось находить лазейки в полицейской системе и выживать на задворках общества. Она, в частности, многое говорит о сбоях в работе полицейской системы, нацеленной на управление поведением больших общественных групп, а не отдельных граждан.

В главе 12 содержится обзор изменений в полицейской политике и репрессиях, происходивших во время Великой отечественной вой-

ны и после ее окончания вплоть до середины 1950-х гг. В этой главе я описываю процессы разделения обычной и политической полиций, начавшиеся еще в конце 1930-х гг., и деполитизацию обычной уголовной преступности. Я также исследую переход от административных форм массовых репрессий к расширенному применению традиционных полицейских методов, открытых информационных сетей и юридических форм поддержания дисциплины в обществе. Я показываю, что указанные изменения полицейских методов отражали процессы демилитаризации страны после окончания Второй мировой войны, и трансформацию в понимании гражданственности и отношения государства к гражданам, происходившую в довоенных границах СССР до 1939 г. Я сравниваю политику властей внутри прежних границ с той, что проводилась на вновь приобретенных в результате войны территориях. В оккупированных республиках Балтии и в западных приграничных областях Украины и Белоруссии политическая и обычная полиция прибегали к тем же формам массовых социальных и политических репрессий, которые были характерны для 1930-х гг. Эти территории были изолированы от остальной страны на протяжении большей части 1950-х гг. и оставались под действием особых паспортного и полицейского режимов. Они медленно интегрировались в общую паспортную и полицейскую системы страны по мере того, как становились безопасными с точки зрения утверждения социализма.

Идеология, культура и стечение обстоятельств

Оглядываясь в прошлое, было бы заманчивым попытаться отыскать некоторые идеологические или культурные основания массовой полицейской жестокости, характерной для сталинизма 1930-х гг. Историки интерпретируют их по-разному. В классическом определении советского тоталитаризма насилие считается неотъемлемой частью большевистской политической культуры и идеологии. Владимир Ленин и большевики безжалостно и беспощадно применяли «красный террор» против врагов нового режима в кровавые годы борьбы за Советскую власть после 1917 г., а систематическое применение государственного насилия при Сталине стало продолжением этой тенденции, доведшим ее до логического и радикального экстремума²⁷. Современные интерпретации этой формулировки характеризуют ста-

---

²⁷ Многие подобные аргументы приведены в работах: Walter Laqueur. *The Fate of the Revolution: Interpretations of Soviet History from 1917 to the Present*. NY, 1987; Martin Malia. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. NY, 1994; Richard Pipes. *Communism, the Vanished Specter*. Oxford University Press, 1994. Давний, но все еще представляющий ценность обзор подобной аргументации содержится в работе: Giuseppe Boffa. *The Stalin Phenomenon*, trans. Nicholas Fersen. Ithaca, 1992.

линскую жестокость как важный, присущий раннему большевизму аспект его менталитета и культуры. Большевистская политическая культура, по крайней мере, в ее предельном сталинском виде, была по своей сути «абсолютно деструктивной»²⁸. Разумеется, насилие против общества нельзя считать уникальной особенностью сталинской эры или советской истории в целом. Многие исследователи подчеркивали сходство между государственным насилием в Советском Союзе и политикой истребления Адольфа Гитлера²⁹. Позже ученые обращали внимание на преемственность в применении государственных форм насилия в общеевропейском масштабе. Такие формулировки часто возникали в рамках дискуссий, посвященных «модернити» и государственному вмешательству в дела общества с целью «формирования идеального образа политико-социального организма»³⁰.

Подобные трактовки соблазнительны, но слишком лаконичны. Конечно, Сталин прибегал к государственному насилию систематически и в больших масштабах. Безусловно, в использовании им массового социального насилия присутствовало рациональное зерно. В определенной степени его цель заключалась в перестройке советского общества. Но все же применяя массовые полицейские репрессии, Сталин и другие советские лидеры не действовали просто или только под влиянием идеологических установок на создание идеального государства. Сталинский режим прибегал к насилию и репрессиям не только ради достижения революционных целей, но и в качестве реакции на последовательно возникавшие в обществе кризисы. Начало 1930-х гг. ознаменовалось развязанной государством революционной войной в деревне. По мнению лидеров режима, в середине десятилетия эта война трансформировалась в широкомасштабную социальную войну. К концу десятилетия социальная война соединилась с обширной и еще более опасной угрозой вооруженного конфликта и внешней интервенции. С коллективной точки зрения руководства страны,

---

²⁸ Данная позиция в англоязычной литературе сформулирована в рецензии Йорга Баберовски на книгу: Getty and Naumov. *The Road to Terror*; и в работе: Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov, eds. *Stalinism as a Way of Life // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. No. 3. Summer 2003. P. 756. См. также: Baberowski. *Zivilisation der Gewalt*. P. 97–101. Баберовски приписывает личную склонность Сталина к насилию его грузинскому происхождению, но он недооценивает более важный фактор, каковым является большевистский культ насилия, породивший Сталина и позволивший ему стать тем тираном, которым он был. Приверженность к насилию представляла собой важную, если не неотъемлемую составляющую сталинского большевизма. Там же. P. 62.

²⁹ Hannah Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. NY, 1973; Norman Naimark. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge, Mass., 2001; Naimark. *Stalin's genocides*. Princeton, N. J., 2010.

³⁰ Holquist. *State Violence as Technique*. P. 44. См. также: Baberowski. *Zivilisation der Gewalt* и Amir Weiner. *Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Socio-Ethnic Body in the Age of Socialism // American Historical Review*. Vol. 104. No. 4. October 1999. P. 114–155.

каждый из этих кризисов был неожиданным или привел к непредвиденным последствиям, и каждый из них требовал для своего разрешения чрезвычайных мер. Кризисы перерастали один в другой путями, которые, возможно, лидеры страны сами провоцировали, но не могли предотвратить. Идеология, культура и характер Сталина формировали его восприятие этих кризисов, что обусловило использование вождем политики полицейских репрессий в том виде, в котором он ее проводил. В то же время аргументов, связанных с идеологией, культурой и личными чертами вождя, далеко не достаточно для объяснения, почему, когда и в каких формах Сталин проводил эту политику в жизнь. Изучение исторических свидетельств убеждает в более сложном и непредвиденном сценарии развития событий того времени, согласно которому режим переживал один кризис за другим в период, характеризующийся наличием взаимосвязанных, усиливавшихся опасностей, кульминацией которого стала безусловная угроза губительного международного столкновения. Именно сочетание всех этих обстоятельств с характером и происхождением Сталина объясняет исключительную жестокость сталинизма. Такой сплав обстоятельств с личными качествами вождя оказался уникальной особенностью периода 1930-х гг. Ни до того, в 1920-е гг., ни позднее, после смерти Сталина, советский режим не достигал той степени милитаризации и жестокого социального насилия, которые характерны для сталинского военного социализма³¹.

Социализм данного типа доминировал в советском государстве в 1930-х гг. Однако как отмечают исследователи, сталинский социализм был далеко не единственным вариантом социализма, и сталинское государство не единственным типом государства в Советском Союзе в то время³². Растущая мощь и брутальность сталинского милитаризи-

---

³¹ Ленин прибегал к массовым репрессиям в ходе борьбы за власть, но отказался от массового террора на этапе «мирного строительства», приводя при этом известный аргумент (по словам Бухарина), согласно которому третья революция быть не должно. Среди многих работ, посвященных Ленину, отметим особо книгу: Moshe Lewin. *Lenin's Last Struggle*. NY, 1968. P. 106–116. См. также остроумную статью: Lars T. Lih, *Political Testament of Lenin and Bukharin and the Meaning of NEP* // *Slavic Review*. Vol. 50. No. 2. Summer 1991. P. 241–252.

³² См.: Moshe Lewin. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. NY, 1985. P. 202–208 (о разных определениях ленинизма); P. 281–285 (о правовом и неправовом государствах); P. 304–310 (о разных идеологиях). О различных взглядах на устройство государства в рамках советского социализма см. также: James W. Heinzen. *Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929*. Pittsburgh, 2004, особенно главы 4 и 5; Markus Wehner. *Bauernpolitik im proletarischen Staat: Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik, 1921–1928*. Cologne, 1998. О разных подходах к строительству индустриально-развитого государства см. мою книгу: *Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca, 1996.

рованного государства подавила, но не уничтожила полностью пусть и ослабленные институты гражданского государства. В настоящей книге рассказывается не только о полицейских репрессиях, но также о попытках тех, кто искал пути к усилению институтов гражданского общества вопреки растущей мощи политической полиции и Наркомата внутренних дел. Люди, выступавшие за «новую стадию социализма», основанного на конституционном и гражданском праве, в большинстве своем не были политическими мыслителями. Они не были ни политическими оппозиционерами, ни теми, чьим моральным принципам претила сталинская жестокость. Они также не считали себя антисоветчиками. Эти люди зачастую представляли собой чиновников среднего звена, работавших на различных должностях в государственных учреждениях; многие из них служили в судах и прокуратуре. Их действия и взгляды не могли существенным образом повлиять на ход событий, но они обеспечивали бесперебойное функционирование государственных и судебных институтов, хотя многие из них были преданы забвению³³.

Даже для убежденных сталинистов сталинский милитаризованный полицейский социализм был не единственно возможным типом социализма. Хотя полицейское насилие представляется неотъемлемой чертой сталинизма, даже соратники Сталина в руководстве страны верили в то, что массовые репрессии являлись временным, хотя и необходимым отклонением от пути социалистического развития. Так, в многократно цитируемом заявлении Вячеслава Молотова, сделанном им в начале 1970-х гг., он оправдывал репрессии 1930-х гг., называя их чрезвычайной мерой, обусловленной проходившей тогда борьбой не на жизнь, а на смерть, продолжением революции в условиях постоянно усиливавшейся напряженности международной обстановки и растущей опасности войны. Я убежден, что это была искренняя точка зрения, а не попытка циничного оправдания прошлого³⁴. Массовые репрессии сталинского времени характеризуются как их всеохватностью, так и зависимостью от текущих обстоятельств. Когда угроза войны миновала, многие советские руководители, если не сам Сталин, пришли к переосмыслению идеи милитаризованного государства. Двадцатилетие сталинского военного социализма не привело к построению хорошо организованного общества, а напротив, низвело его до состояния хаоса. Главы книги, следующие за анализом массовых репрессий в сталинском государстве, описывают попытки демонтажа или ослабления сталинской репрессивной машины, предпринимавшиеся в последние годы жизни диктатора.

---

³³ Питер Соломон в своем исследовании «Soviet Criminal Justice» подчеркивает наличие аналогичных противоречий между судебными и внесудебными методами.

³⁴ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 390–393.

1. НОВАЯ ФОРМА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Хулиган, бандит, грабитель в наших условиях – это не есть самый настоящий контрреволюционер?

Генрих Ягода, 1935 г.

В январе 1933 г. несколько сотен человек, представлявших элиту Коммунистической партии Советского Союза, собрались на ежегодный пленум Центрального Комитета партии, проходивший, как обычно, в великолепном Большом Зале Дома Союзов в Москве. Им предстояло заслушать доклад вождя Иосифа Сталина, обсудить состояние дел в партии и ход выполнения революционного пятилетнего плана индустриализации и коллективизации страны. Этот зал с колоннами и золотой росписью на потолке как нельзя лучше подходил для того, чтобы Сталин мог объявить ликующим участникам пленума об окончательной победе социализма в СССР. Советский руководитель в пространном докладе поведал о гигантских успехах индустриализации и коллективизации, достигнутых за предыдущие несколько лет, и остановился на задачах, стоявших перед партией на предстоящий период. Он процитировал отклики зарубежной буржуазной прессы на ошеломляющие достижения и заявил, что, невзирая на ожесточенное сопротивление враждебных классов, вопреки всем трудностям и сомнениям многих скептиков, партия и советский народ решили исторические задачи, поставленные первым пятилетним планом. Были возведены гигантские заводы и организованы социалистические сельскохозяйственные предприятия. Советская власть укрепилась неизбежно по всему Советскому Союзу, было вырвано с корнем организованное сопротивление свергнутых классов, что стало залогом победы. Остатки отмирающих классов были «вышиблены из колеи», изгнаны с заводов и из сельхозпредприятий, «разбросались по лицу СССР». Первый пятилетний план, по словам Сталина, «стал триумфом партии и социализма»¹.

Но не все было так замечательно. Провозгласив победу социализма, Сталин одновременно озвучил предупреждение, согласно которому страна столкнулась, возможно, с самым серьезным вызовом. Как

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 14–17.

сказал Сталин в 1933 г., партии было еще рано почитать на лаврах, поскольку классовая борьба продолжалась, пусть не в открытой форме, в виде организованной оппозиции, а, так сказать, «тихой сапой», особенно в виде уголовной преступности и других нарушений закона. Сталинские замечания относительно криминальной опасности остались в тени более сенсационных его заявлений относительно политических форм оппозиции и репрессий 1930-х гг. Однако именно этой, новой форме классовой борьбы Сталин уделил значительную часть своего выступления на пленуме 1933 г. Его указания относительно опасностей, исходящих от преступности и нарушений общественного порядка, способствовали ускоренным преобразованиям политической и гражданской полиции и изменениям общей политики надзора за обществом. Фактически нарушения общественного порядка и преступность волновали Сталина и других советских руководителей в 1933 г. намного сильнее, чем чисто политическая оппозиция. Настоящая глава посвящена анализу состояния дел с преступностью и нарушениями общественного порядка и изменениям в отношении к ним, произошедшим в 1930-х гг. по сравнению с 1920-ми, а также политизации этих явлений советскими руководителями.

Преступность как классовая борьба

В докладе на январском (1933 г.) пленуме ЦК партии Сталин подчеркнул опасность преступности и нарушений общественного порядка. По его словам, обломки враждебных классов все еще оставались в стране, невзирая на то, что их организованное сопротивление было подавлено. «Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты. Поэтому единственное, что остается им делать, – это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах...»². Эта вредительская деятельность, утверждал Сталин, умножала акты антисоветского саботажа, но не в ней состояла главная угроза Советской власти со стороны обломков капиталистических классов. Более значительную опасность представляла, по его мнению, поднявшаяся волна мелкого воровства и хищений на заводах, складах, грузовых поездах, сельхозпредприятиях основных товаров первой необходимости, таких, как зерно, уголь, продукты питания и других. Сталин пояснил, что речь

---

² В соответствии с действовавшим законодательством колхозы представляли собой кооперативные, а совхозы – государственные предприятия, работники которых получали заработную плату.

не идет о немногих отчаявшихся от нужды людях. Одна-единственная буханка хлеба или несколько кусков угля не имеют особого значения, но в целом подобное воровство приобрело массовый характер в трудные времена начала 1930-х гг., обходясь советской экономике ежегодно во многие миллионы рублей.

По словам Сталина, именно в этом таилась главная опасность, и он вновь и вновь обращал внимание на «воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, – особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах...» Сталин не желал признавать очевидного факта, заключавшегося в том, что отважившиеся на воровство люди были по большей части нищими рабочими и крестьянами, у которых не осталось иных способов выживания. Напротив, он приравнивал массовое воровство к кампании преднамеренного саботажа. По его словам, антисоветски настроенные «бывшие люди» действовали, руководствуясь «врожденными классовыми инстинктами», понимая, что обобществленное имущество представляет собой основу советской экономики и советской власти. Поэтому он приравнивал любые хищения общественного имущества к покушениям на саму советскую власть. Соответственно, как утверждал Сталин, главным направлением деятельности этих бывших людей стала организация массовых воровства и хищений социалистической, кооперативной и колхозной собственности.

Сталин осудил партийные и местные государственные органы, закрывавшие глаза на хищения, считая их неопасными мелкими преступлениями, и не придававшие им особого значения. Он подчеркнул, что, напротив, защита общественной собственности во всех ее формах должна составлять сердцевину строительства социализма и советской власти. Сталин провел параллель между тем, как должна осуществляться защита нерушимости социалистической собственности при социализме с тем, как охраняется законом священное право частной собственности при капитализме. Он заявил, что подобно тому, как капиталистическое общество сурово наказывает покушения на частную собственность, социалистическая власть обязана столь же сурово карать любые малейшие посягательства на общественную собственность. Сталин выступил в поддержку вступившего в силу позорного закона от 7 августа 1932 г., по которому любые, даже самые мелкие хищения социалистической собственности карались длительными сроками заключения в трудовые лагеря или даже смертной казнью. Он вновь повторил, что хищения социалистической собственности должны наказываться столь же сурово, как и любые иные формы контрреволюционной деятельности, а невнимание к проблеме хищений этой собственности равно активному участию в подрыве советской власти, прямо предупредив об обязанности «каждого ком-

муниста, рабочего и колхозника» настаивать на самом неуклонном применении указанного закона³.

По словам советского лидера, хищения социалистической собственности в описанных им масштабах представляли собой нечто большее, чем простую сумму отдельных случаев воровства. Сталин полагал, что Советский Союз не просто столкнулся с ростом обычной преступности, но вступил в совершенно новый и неожиданный этап классовой борьбы, требовавший, в свою очередь, нового и мощного реагирования. В этой связи он уже не в первый раз выдвинул излюбленный лозунг о необходимости укрепления социалистического государства по мере продвижения общества к полной победе социализма, заявив: «Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией... Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»⁴. Как видно из заявления Сталина, его аргументы в отношении необходимости усиления карательных возможностей государства отнюдь не были порождены страхом, связанным с угрозами со стороны организованной политической оппозиции или враждебного капиталистического окружения. Сталинские ссылки на враждебные внешние силы являлись не более чем дежурными фразами. Он вписал свои заявления о необходимости усиления государства в рамки общей концепции о дестабилизирующей роли нарушений общественного порядка.

Сталин в своем докладе сконцентрировал внимание на проблеме расширения масштабов воровства и хищений. Осталось неясным, имел ли он в виду другие виды преступности, но его слова заключали именно тот смысл, который он в них вкладывал. Сталин поставил проблему преступности в самый центр своих призывов к укреплению общественного порядка и построения социализма в стране после революционных потрясений предыдущих трех лет. Более того, придав классовый характер борьбе с преступностью, Сталин не просто отвел этой борьбе главную роль в наведении общественного порядка, но назвал общественный порядок главной проблемой поддержания государственной безопасности. Подобная новая трактовка оказала глубо-

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 17.

кое влияние на деятельность милиции и ОГПУ в середине 1930-х гг., придав борьбе с преступностью и с любыми другими нарушениями общественного порядка первостепенное политическое значение с точки зрения защиты государственной безопасности. Таким образом, заявления Сталина политизировали преступность и нарушения общественного порядка или, точнее говоря, придали им невиданное ранее, в 1920-е гг. или позднее, уже после его смерти, значение. Речь Сталина также послужила основанием для усиления органов госбезопасности в связи с необходимостью решения поставленных им особо важных задач подавления беспорядков в обществе. В сталинском докладе, произнесенном в январе 1933 г., едва ли не впервые прозвучал тезис об усилении, а не об ослаблении классовой борьбы по мере продвижения к полному построению социализма. Поскольку это заявление было сделано в связи с проблемами борьбы с преступностью, оно высветило тот факт, что руководство страны все больше связывает вопросы охраны общественного порядка полицейскими методами с задачами обеспечения государственной безопасности.

Прочие советские руководители повторяли и развивали сталинский тезис об угрозе государству и строительству социализма в Советском Союзе со стороны уголовной преступности, причем это были не второстепенные фигуры, а ведущие партийные и государственные деятели. Многочисленные ссылки на январское выступление Сталина содержались в отчете о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1935 г. В нем говорилось, что сталинские положения о связи борьбы с преступностью с классовой борьбой стали исходным пунктом для выработки всей последующей политики в этой области. Отчет подчеркивал, что призыв Сталина к защите общественной собственности «стал сигналом к ужесточению борьбы с воровством и хищениями в экономике, с хулиганами и расхитителями социалистической собственности»⁵. Видный член ЦК Павел Постышев в речи, произнесенной в 1934 г. на пленуме Киевского обкома партии, сказал, что «уголовный элемент сейчас в нашей стране комплектуется из разных раскулаченных, бежавших из трудовых, концентрационных лагерей и т. д. элементов. ...надо учесть, что по мере того, как база для деятельности остатков разгромленного классового врага среди колхозников и единоличников суживается, он все больше обращает свои взоры к уголовному элементу, с которыми его связывает к тому же своего рода «социальное родство»⁶. В докладе Генеральной прокуратуры СССР за тот же год цитируются высказывания Сталина о том.

---

⁵ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 47об.

⁶ Ссылка на выступление Постышева содержится в докладе прокуратуры о состоянии преступности. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 67.

что производственные и экономические преступления совершаются классовыми врагами, просочившимися на заводы и фабрики и скрывающимися под масками рабочих и колхозников⁷.

В речи перед собранием руководителей милиции, состоявшемся в 1935 г., тогдашний руководитель НКВД Генрих Ягода особо подчеркнул связь криминалитета с классовой борьбой и контрреволюцией. Он напомнил собравшимся: «У нас самым почетным делом является борьба с контрреволюцией – это совершенно правильно. А разве хулиган, бандит, грабитель в наших условиях – это не есть самый настоящий контрреволюционер? ...в нашей стране – стране, где окончательно победил социалистический строй... всякое уголовное преступление по своей природе не может быть ничем иным, как проявлением классовой борьбы»⁸. Можно, конечно, предположить, что Ягода намеренно гиперболизировал контрреволюционную роль уголовной преступности, учитывая милицейский характер аудитории. Но как отмечали впоследствии его критики, глава НКВД настаивал на такой же расстановке приоритетов и в своих обращениях к наследнику ОГПУ – Главному управлению государственной безопасности (ГУГБ). По словам подчиненного Ягоде начальника ОГПУ/ГУГБ Леонида Заковского, тот подчеркивал, что защита государственной собственности является главной задачей оперативных служб и территориальных органов госбезопасности в их борьбе с контрреволюцией. Заковский утверждал, что Ягода настаивал на приоритетности этой задачи в одном из первых приказов, подписанных им после назначения на пост главы НКВД в августе 1934 г. Заковский вместе с другими разоблачителями Ягоды, к примеру, его заместителем Яковом Аграновым, утверждал, что Ягода продолжал подобным образом направлять оперативную деятельность ОГПУ/ГУГБ все время пребывания на своем посту⁹.

По большому счету критики Ягоды были правы. В 1930-х гг. Ягода, как и другие советские лидеры, действительно считал охрану обще-

---

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 119. Я признателен Полу Хэгенлоу за помощь в реконструкции выступления Ягоды. Более полное изложение этой речи содержится в работе: Paul Hagenloh. 'Socially Harmful Elements' and the Great Terror // Stalinism: New Directions, ed. Sheila Fitzpatrick. NY, 2000. P. 286–308.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 598. Л. 12, 41–43. Эти замечания сделаны на пленуме ЦК партии, проходившем в феврале–марте 1937 г. Учитывая высокую политизированность и постановочный характер того пленума, необходимо с известной осторожностью подходить к этим замечаниям. Вместе с тем по существу они дают достаточно полное представление о политике органов госбезопасности в середине 1930-х гг. См. также директиву Ягоды оперативным отделам ГУГБ и милиции, отданную им в марте 1936 г., в которой он приказывал избавиться от несвойственных им задач и «сосредоточиться на наиболее опасных случаях грабежей, убийств и хищений социалистической собственности». ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31/4.

ственного и экономического порядка главной задачей НКВД в деле защиты политических интересов советского государства. Например, на совещании руководителей оперативных служб ОГПУ в 1931 г. один из подчиненных Ягоды утверждал, что его агенты сообщают о том, что за всеми видами организованной преступности ощущается направляющая рука контрреволюционеров¹⁰. Это суждение в 1935 г. подтвердил ведущий специалист в области права и уголовной преступности А. Шляпочников. В своей работе, опубликованной в сборнике статей по вопросам преступности, он привел детальный и развернутый набор аргументов, доказывающих превращение уголовной преступности в новую форму антигосударственной деятельности. Шляпочников приводил большое количество примеров и статистических данных по производственно-экономической преступности, бандитизму, спекуляциям, хищениям государственной собственности и хулиганству. По его мнению, несмотря на то, что уже было сделано немало для борьбы с преступностью, действия государства все еще оставались «слабыми» и «были пущены на самотек», особенно в части борьбы с наиболее опасными и распространенными видами преступлений¹¹. Более того, считал Шляпочников, проблема преступности не сводится к простому увеличению числа индивидуальных криминальных действий. Общий подъем преступности дает примеры опасного слияния традиционных уголовных элементов и врагов государства, принадлежащих к мелкобуржуазным слоям населения. «Одной из существенных причин этого роста ряда преступлений, – писал Шляпочников, – является смыкание классового врага с уголовным элементом, ...характеризуя своеобразие классовой борьбы на данном этапе». По его словам, воровство и хищения превратились из мелких уголовных преступлений «в главную форму деятельности классово-враждебных элементов, с обострением пережитков капитализма в сознании отсталых слоев трудящихся». На этой новой стадии классовой борьбы, продолжал Шляпочников, требуется усиление полицейских репрессий. Задачи закона и репрессии должны быть перепределены для того, чтобы «направить их на подавление преступной стихии в целом, а не отдельных уголовных элементов»¹².

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 6–7.

¹¹ Шляпочников А. Преступность и репрессии в СССР // Проблемы уголовной политики. Т. 1. М., 1935. С. 75–100, цитируемая с. 99.

¹² Там же. С. 75. Аналогичные соображения высказаны, например, в следующих работах: Крыленко Н. Проект Уголовного кодекса Союза ССР // Проблемы уголовной политики. Т. 1. М., 1935. С. 21, 23; Волков Г. Наказание в советском уголовном праве // Там же. С. 74; Вышинский А. К реформе уголовно-процессуального кодекса // Там же. С. 35. См. также речь Лазаря Кагановича на собрании сотрудников московской милиции в августе 1932 г. (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 151. Л. 12).

Новая таксономия преступности

Массовая организованная политическая оппозиция сталинскому государству была, безусловно, невозможна, но, по мнению руководства страны, ее эквивалентом стала уголовная преступность. Считалось, что волна преступности, прокатившаяся по стране в начале и середине 1930-х гг., представляла собой нечто большее, нежели совокупность отдельно взятых преступных действий. Не вызывает сомнений, что большинство преступлений совершалось не по антисоветским или идеологическим мотивам. Виды совершавшихся преступлений и преступность в целом как социальное явление в 1930-е гг. в большей степени были следствием массовой нищеты в обществе, нежели сознательным сопротивлением государству и правящему режиму. Тем не менее сталинские лидеры считали, что преступность и нарушения закона угрожают общественному и экономическому порядку в стране. Поэтому они рассматривали их в более широком смысле новой формы классовой борьбы и видели в них угрозу государственной безопасности и стабильности режима. Но действительно ли, как утверждали Сталин и другие руководители, преступность и, говоря шире, нарушения общественного порядка несли в себе угрозу самим основам государства? Насколько плохо обстояли дела с преступностью в стране в начале и середине 1930-х гг.? Кто совершал преступления, что подталкивало преступников к нарушениям закона, и какие виды преступлений были в то время самыми распространенными? Какие виды преступлений сильнее всего беспокоили власти, и действительно ли эти преступления отражали реальный упадок общества или были следствием деятельности глубоко законспирированной антисоветской оппозиции? Эти вопросы естественным образом возникают в связи с близкими к панике заявлениями представителей местной и центральной власти. Но на них не просто получить ответы, поскольку Сталин в своей речи в январе 1933 г. политизировал не только преступность, но и способы классификации преступлений и формы обсуждения этой проблемы властями. Поэтому официальные доклады 1930-х гг. дают больше информации о приоритетах руководства страны и его понимании проблем государственной безопасности, нежели о динамике преступности в обществе.

Способы официальной классификации преступлений в 1930-х гг. изменились по сравнению с 1920-ми, и эти изменения отражены в двух цитируемых ниже документах. Так, докладная записка управления милиции тогдашнему наркому внутренних дел РСФСР А. А. Толмачеву 1930 г. была одним из последних документов, в котором присутствовали традиционные представления о преступности. Записка примерно из 20 страниц составлена на основе милицеских расследований и содержит детализированное описание тенденций в состоянии преступности за 1925–1930 гг. В ней отсутствовали всякая политическая

терминология, ссылки на антисоветские элементы, а классификация преступлений была основана на простых и понятных словесных описаниях. Преступления были сгруппированы по статьям уголовного кодекса, под которые они попадали, и в целом образовывали совокупность, понятную любому европейскому полицейскому. Каким бы то ни было идеологическим мотивам отдельных преступлений или групп преступлений или стратегическим соображениям обеспечения государственной безопасности не уделялось в докладе особого внимания. Каждая группа преступлений анализировалась, прежде всего, с точки зрения роста или снижения интенсивности их совершения, затем по возрастным группам преступников, регионам, временам года и другим подобным критериям. Профессиональные проституция и нищенство рассматривались в докладе наряду с хулиганством, алкоголизмом и детской безнадзорностью как «социальные аномалии», требующие специального внимания общественных организаций и милиции. Бандитизм был назван социальной проблемой, но не разновидностью политической контрреволюции¹³.

Доклад 1930 г. представлял традиционный профессиональный подход к полицейской работе, выработанный еще в XIX в. как к неполицизированной борьбе с правонарушениями¹⁴. Он отражал принятое в 1920-х гг. и восстановленное после окончания Второй мировой войны отделение обычной преступности и милицейской борьбы с ней от оппозиционной деятельности, подавлением которой занималась политическая полиция. Толмачев был вскоре снят с должности, а возглавляемый им республиканский НКВД ликвидирован после того, как Сталин предпринял «чистку» милиции и объединил ее с централизованной политической полицией¹⁵. Некоторое время после этого слияния отдельные милицейские чины еще пытались сохранять профессиональную независимость, отделяя обычную уголовщину от политических преступлений. На совещании, состоявшемся в 1931 г., руководители милиции снова и снова повторяли, что, несмотря на подчинение милиции ОГПУ, милицейская работа ни в коем случае не должна полити-

---

¹³ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 4. Л. 21. См. также: Доклад Совнаркому 1927 г. о случаях бандитизма как проявлениях местной криминальной активности. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 1532. Л. 1.

¹⁴ О профессионализации полиции см.: Clive Emsley, Barbara Weinberger, eds. *Policing Western Europe: Politics, Professionalism, and Public Order, 1850–1940*. NY, 1991. P. ix–x; Raymond B. Fosdick. *European Police Systems* – Montclair, 1969. (перепечатка издания 1915 г.). P. 10–11; David H. Bayley. *The Police and Political Development in Europe // The Formation of National States in Western Europe*, ed. Charles Tilly. Princeton, 1975. P. 347; Richard J. Evans. *Rereading German History: From Unification to Reunification, 1800–1996*. London, 1997. (особенно гл. 6. *Police and Society from Absolutism to Dictatorship*. P. 65–86).

¹⁵ Более подробно о подчинении милиции ОГПУ см. главу 3.

зировавшись, точно так же, как дела и люди, которыми занималась милиция, не должны получать так называемое «политосвещение»¹⁶. Но подчинение милиции ОГПУ тогда уже шло полным ходом. Заявления Сталина, сделанные им в начале 1933 г., официально санкционировали процесс политизации преступности и других «социальных аномалий». Указания Ягоды 1935 г. и другие, уже процитированные выше, свидетельствуют о том, насколько к тому времени стали политизированы сама преступность и деятельность милиции по борьбе с нею.

В результате политизации преступности изменились способы официальной классификации преступлений. С начала 1930-х гг. доклады о состоянии преступности больше не разделяли преступления по соответствующим статьям уголовного кодекса или частоте их совершения. Власти предпочитали ранжировать преступления по их предполагаемой опасности для государства или с точки зрения целей очередных государственных политических и экономических кампаний. Наряду с чисто политическими преступлениями, подпадавшими под действие 58-й статьи УК, самыми опасными стали считаться так называемые «государственные преступления», или преступления против порядка управления государством. В то же время дискуссии по проблемам преступности и нарушений общественного порядка были наполнены рассуждениями о контрреволюционных и антисоветских элементах. Так, например, уже упомянутый выше доклад 1930 г. не содержал упоминаний о политических преступлениях и не группировал преступления по расплывчатым наименованиям типа «спекуляция с целью наживы», а классифицировал их в соответствии со статьями уголовного кодекса, под которые они попадали. В противоположность ему, докладная записка прокуратуры о состоянии преступности, представленная в 1935 г., начиналась пространном разделом о наблюдаемых тенденциях в политических преступлениях, террористических актах против руководителей государственных и партийных работников и вредительстве. Дальше следовал раздел, посвященный спекуляции. Вслед за разделом «Спекуляция» обсуждались «преступления против порядка управления». К этой категории, прежде всего и главным образом, были отнесены случаи массовых беспорядков типа бунтов или незаконных забастовок. Вместе с бандитизмом и «сопротивлением распоряжениям органов Советской власти» туда же были отнесены уклонение от воинской службы, хищения лесоматериалов и сельхозпродукции, нарушения установленных правил пользования национализированными лесами и землями, нарушения законов против самогоноварения, случаи нарушения трудовой дисциплины. По причине быстрого разрастания бюрократического аппарата в 1930-х гг. наибольшую обеспокоенность

¹⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 38.

властей стали вызывать «должностные преступления», обусловленные, прежде всего, быстрой и почти неконтролируемой бюрократизацией, неизбежно сопровождающей усиление государственного контроля в экономике. В доклад прокуратуры был включен обширный раздел, посвященный этой категории преступлений, к которой были отнесены взяточничество, растраты и хищения, нелегальная коммерческая деятельность внутри государственных торговых, снабженческих и финансовых организаций, а также иные способы незаконного извлечения доходов и организованной коррупции¹⁷.

Преступления против личности и имущества граждан наряду с хулиганством составили последние три категории преступлений, рассмотренных в отчете прокуратуры за 1935 г., но даже применительно к этим видам преступлений, ранее не считавшимся политическими, а точнее говоря, антигосударственными, авторы доклада прибегли к политизированному языку. Говоря об их динамике, они рассматривали ее в контексте влияния классовых врагов, подчеркивая, что эти виды преступлений несли прямую растущую угрозу государству. В докладе отмечено, что количество хулиганских проявлений снизилось по сравнению с пиковым уровнем конца 1920-х гг., но при этом утверждалось, что акты хулиганства стали приобретать более опасные по сравнению с предыдущими годами формы. Если ранее хулиганством было принято считать преимущественно случаи индивидуального насилия или оскорблений, то теперь его все чаще описывали как групповые преступления, связанные с избиениями людей и другими формами физического насилия, «перераставшие в открытый бандитизм и акты контрреволюции». Подобная трансформация хулиганства в докладе объяснялась ростом числа рецидивистов, «деклассированных и классово-вредных элементов», вовлеченных в криминальную деятельность¹⁸. В докладе сделан общий вывод о том, что суды обязаны уделять большее внимание этим видам преступлений, причем не только в связи с ростом их количества, но и потому, что они напрямую направлены на подрыв производственной и культурно-воспитательной работы, на дезорганизацию нового советского образа жизни. Эти преступления были названы опасными не только в связи с их массовыми масштабами, но и потому, что они угрожали государственным интересам. Данный раздел доклада завершался напоминанием судам о том, что они должны не просто бороться с преступлениями, указанными в Уголовном кодексе, но также не имеют права недооценивать важность исполняемых ими функций по защите государства и борьбе с пережитками капитализма¹⁹.

---

¹⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48.

¹⁸ Там же. Л. 227.

¹⁹ Там же. Л. 228.

В еще одной докладной записке, посвященной принятию нового Уголовного кодекса 1937 г., преступления также классифицировались в соответствии с предполагаемой их опасностью для государства. Этот проект был подписан тогдашним председателем ВЦИК И. А. Акуловым. На первом месте по степени опасности стояли контрреволюционные преступления, прежде всего связанные с изменой Родине. Сразу следом за ними шли преступления против социалистической собственности, поскольку, как писал Акулов, Конституция и Закон от 7 августа 1932 г. называли расхитителей социалистической собственности врагами народа. На третье место в докладе были поставлены особо опасные преступления против «государственного порядка». Интересно отметить, что такие преступления этой категории, как хулиганство, организация незаконных забастовок и других незаконных коллективных действий и участие в них раньше традиционно относились к числу преступлений, направленных против существующего порядка управления, но к 1937 г. термин «порядок управления» был заменен понятием «государственный порядок». Все три перечисленные категории преступлений в проекте доклада были объединены названием «преступления против государства» и отнесены к наиболее опасным. Второй раздел доклада рассматривал преступления, направленные против обороноспособности страны и включавшие, в частности, уклонение от исполнения воинского долга. Только в третьем разделе доклада Акулов упоминает преступления против личности или преступления, угрожающие жизни и здоровью советских граждан. Итак, в понимании Акулова, на первом месте находилась защита интересов государства, на втором – поддержание обороноспособности Родины и только на третьем – защита самих граждан²⁰.

Проблема статистики

Классификация преступлений по критериям их угрозы для государственной безопасности ясно указывала на то, какие виды преступлений руководство страны считало наиболее опасными для правящего режима с политической точки зрения, но при этом вносила значительную путаницу в оценки реальных тенденций в криминальной сфере. Традиционная систематизация преступлений, примененная, например, в отчете НКВД за 1930 г., ранжировала их по частоте совершения. После введения новой классификации, согласно которой преступления в докладах и отчетах стали категорировать по критериям, указанным выше, традиционная практика анализа преступности была почти полностью нарушена. В результате доклады,

²⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1523. Л. 103.

которые, как предполагалось, должны были оценивать тенденции преступности, отражали не столько состояние самой преступности, сколько изменения государственных приоритетов. Дополнительную путаницу создавало то, что разные ведомства вели собственную статистику, отражавшую их бюрократические функции в государстве. Суды подсчитывали число осужденных, милиция – число арестованных и количество возбужденных уголовных дел, прокуратура отчитывалась числом обвинительных заключений и дел, направленных в суд. Каждое ведомство вело собственную статистику, причем отсутствовала какая-либо централизованная координация или обобщение представляемых ими данных. Не предпринималось никаких попыток стандартизовать статистические данные, представляемые разными ведомствами, или отслеживать общие тенденции на основе анализа ведомственной отчетности. Подобное отсутствие централизованной координации может только удивлять. Советское государство было в высшей степени бюрократизированным и централизованным. Советские власти больше, чем государственные органы других стран, вели подробнейшую статистику по всем вопросам. Эта тенденция усиливалась приверженностью властей к экономическому и социальному планированию и проведенной Сталиным в конце 1920 – начале 1930-х гг. революционной централизации власти. Тем не менее на протяжении всех 1930-х гг. ни одно правительственное ведомство не занималось координацией сбора и объединением статистической отчетности, относящейся к преступности. Как вкратце сформулировал один из специалистов по криминалистике, «уголовная статистика все еще носит чисто ведомственный характер»²¹.

Но еще сильнее сбивало с толку то обстоятельство, что каждое бюрократическое ведомство писало и рассуждало о преступности и преступниках, основываясь главным образом на собственных статистических данных, но составляло свои отчеты так, будто располагало статистикой общего состояния преступности в стране. Крайне редко отдельные ведомства ссылались на статистические данные других, отличающиеся от их собственных, или признавали неточности и неполноту собственных данных. Так, например, прокуратура и суды представляли секретные сведения о динамике и тенденциях преступности, основанные на своих сведениях, то есть исключительно на количестве осужденных по каждому виду преступлений. Но, как признавали некоторые сотрудники этих ведомств, данные о количестве осужденных охватывали лишь малый процент реально совершившихся преступлений. Сильно различаются оценки того, насколько сведения

---

²¹ Герцензон А. Проблема единого учета преступлений и наказаний // Проблемы уголовной политики. Т. 3. М., 1937. С. 95–120, цитируемая с. 98.

о числе осужденных занижали общее число преступлений. В докладе Верховного Суда РСФСР за 1936 г. отмечено, что расхождение между числом осужденных и числом реально совершенных преступлений составляет от 10 до 20 %. Но эта оценка представляется сильно заниженной²². Более реалистичным являлся доклад Генеральной прокуратуры СССР, в котором утверждалось, что количество совершенных преступлений во много раз больше количества осужденных²³.

При всей неполноте статистических данных есть основания полагать, что государственная статистика должна была, по крайней мере, выявлять существующие тенденции. Но даже в этом смысле официальные данные вызывают сомнения. Статистика, публиковавшаяся прокуратурой и судебной системой, не отражала тенденции преступности с той же точностью, с какой описывались сезонные и другие кампании, проводимые прокуратурой, судами и политическими органами, определявшими политику в борьбе с преступностью. Крупнейшие подобные кампании проводились ежегодно в периоды весенних посевных и осенних уборочных работ в сельской местности. На эти сезоны наряду с милицией на борьбу с хищениями и воровством мобилизовывался весь аппарат прокуратуры и судов. Все остальные обязанности отходили на второй план, а остальные преступления не регистрировались или оставались не расследованными. В эти сезонные кампании, инициированные центром, приблизительно в равной мере были вовлечены все милицейские и судебные органы. В то же время каждое ведомство затевало и собственные кампании, следовавшие одна за другой, исходя из ведомственных функций или изменений политики, проводимой его бюрократической верхушкой. Так, милиция могла осуществлять кампанию по усилению борьбы с хулиганством, в то время как руководство прокуратуры требовало от своих подчиненных более усердного расследования экономических преступлений.

Как результат ведомственности и компанейского стиля в работе полицейской системы в 1930-х гг., разные ведомства издавали противоречащие друг другу отчеты о тенденциях в области преступности, основанные на разных узковедомственных статистиках. В докладе Прокуратуры, вышедшем в 1934 г., который должен был отслеживать тенденции в области преступности, отмечалось, что на основе данных о числе осужденных в конце 1920-х гг. наблюдался быстрый рост числа таких преступлений, как хулиганство и насилие против личности. К 1929 г. доля осужденных за подобные преступления в Российской

²² ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 48.

²³ Например, в первом квартале 1934 г. число зарегистрированных краж всех видов в г. Москве составило 35 775, но число осужденных за кражи за тот же период составило всего 5875. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 233.

Федерации, составлявшая до 1925 г. примерно 3–4 %, резко выросла и достигла почти трети всех приговоров судов²⁴. Напротив, в докладе российской милиции за 1930 г. указывалось на значительное сокращение числа подобных преступлений, расследованных милицией за тот же самый период. В соответствии с милицейской статистикой, число случаев хулиганства и насилия против личности в том же 1929 г. сократилось почти вполнину по сравнению с 1925 г.²⁵ Точно так же в то время как после 1933 г. число осужденных сократилось практически по всем видам преступлений, в правительственных и милицейских докладах середины 1930-х гг. отмечалось, что положение дел с такими видами преступлений, как хищения государственной собственности, спекуляция, бандитизм, хулиганство и должностные экономические преступления скорее ухудшалось, нежели улучшалось. То есть милицейские рапорты вступали в прямое противоречие с судебной отчетностью. Если, основываясь на статистике вынесенных приговоров, судебные власти докладывали о сокращении числа экономических преступлений, совершаемых должностными лицами, то Комиссия советского контроля (КСК) сообщала о «бросающемся в глаза» росте количества подобных преступлений. Как указывалось в докладе КСК за 1935 г., основанном на данных Наркомфина, потери от растрат и хищений денежных средств не только не снизились, но фактически даже возросли по сравнению с предыдущим, 1934 г. Если в 1934 г. эти потери оценивались примерно в 120 млн рублей, то в 1935 г. они выросли еще на несколько миллионов²⁶. Еще в одном докладе, представленном Институтом уголовного права, отмечался не только количественный рост растрат и хищений денежных средств, но и увеличение их доли в общем числе преступлений: от приблизительно 10 % в конце 1920-х гг. до почти двух третей всех преступлений, зафиксированных в 1934 г. Интересно отметить, что этот доклад основывался на милицейской отчетности, а не на данных о числе осужденных. В этом же докладе утверждалось, что хищения государственной собственности и связанные с ними должностные экономические преступления, а также спекуляция представляют самую серьезную угрозу решению задач социалистического строительства в стране²⁷.

Временами официальные лица допускали редкие и произвольные признания политического или кампанейского характера криминальной статистики, ее зависимости от ведомственных бюрократических интересов и отсутствие связи с реалиями общественной жизни.

---

²⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 174.

²⁵ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 4. Л. 22.

²⁶ ГА РФ. Ф. 7511. Оп. 1. Д. 147. Л. 90.

²⁷ Шляпчиков А. Преступность и репрессии в СССР. С. 36.

Например, в докладе Прокуратуры за 1935 г. с удовлетворением сообщалось о значительном сокращении общего числа преступлений после окончательной победы социализма в начале 1930-х гг. по сравнению с его пиковым значением в конце 1920-х гг., когда завершался восстановительный период. В особенности имелись в виду такие преступления, как хулиганство и насилие против личности, доля приговоров по которым в сумме достигавшая 40 % в 1925 г., сократилась почти до 10 % всех приговоров судов, вынесенных в 1933 г. Анонимный автор доклада в одном предложении утверждает, что эти данные отражают реальную и важную тенденцию, являющуюся следствием окончательной победы социализма. Но уже в следующей фразе, явно не увязанной с предыдущей, он сообщает, что сокращение числа указанных видов преступлений произошло в основном в связи с передачей многих дел по ним из государственной судебной системы в товарищеские суды на местах. В докладе прямо об этом не говорится, но несложно понять, что в результате многие случаи хулиганства и насилия против личности выпали из судебной статистики. В другой части доклада его автор описывает ряд других причин невероятного сокращения числа приговоров, вынесенных судами в начале 1930-х гг. по сравнению с концом 1920-х. Все они были связаны с проводившейся в то время судебной и государственной репрессивной политикой. Одной из причин был рост числа дел по хулиганству и другим видам преступлений, рассмотренных во внесудебном административном порядке с последующей высылкой правонарушителей. Другая причина – в эти годы суды также отказывались рассматривать многие случаи насильственных преступлений против личности, поскольку государство переключило внимание следственных и судебных органов на борьбу с другими видами преступлений. Безусловно, это было напрямую связано с кампаниями индустриализации и коллективизации, когда все внимание было сосредоточено на борьбе с антигосударственными преступлениями²⁸. Подобные замечания были запрятаны в глубине 266-страничного доклада, содержавшего массу статистических данных и пояснений к ним. По крайней мере, они содержат намеки на не вполне объективное отражение докладом общественной реальности.

Доклад Верховного Суда РСФСР 1936 г., в котором анализировались тенденции предыдущих нескольких лет, предлагает более откровенное описание состояния дел с преступностью. В докладе даже присутствуют определенные намеки на профессиональный протест

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 3. Д. 48. Л. 175–176, 225–226. Аналогичные аргументы, доказывающие, что падение числа осужденных за хулиганство обусловлено тем, что наказания за эти виды преступлений все чаще выносились в административном порядке, приведены в работе: Шляпочников А. Преступность и репрессии в СССР. С. 92.

и принуждение. На первых страницах выражается сомнение в его полезности в связи с тем, что доклад был призван описывать тенденции преступности, но основывался на судебной статистике, относящейся к числу вынесенных приговоров. Автор признает, что «эти две категории [реальное число совершенных преступлений и число вынесенных судами приговоров] далеко не идентичны», и с сожалением отмечает: «Мы все же вынуждены из-за отсутствия специфичной статистики преступности, пользоваться материалами о движении осужденных». Из текста доклада остается неясным, действительно ли автор верит в отсутствие подобных данных или бросает некий упрек скрытности милицейских органов, не представляющих соответствующие сведения для анализа состояния преступности. В любом случае это заявление автора, причем далеко не единственное, заслуживает внимания. Через несколько абзацев он вновь выражает сомнения в достоверности доклада в качестве справочного руководства по преступности. Намекая на кампанейский стиль работы полицейской системы, автор пишет: «В соответствии с нашей установкой на проверку исполнения конкретных указаний партии и правительства, материал в докладе расположен по темам, соответствующим важнейшим директивам. Начинаем наш доклад с проверки исполнения главной директивы об охране общественной собственности». Такой подход к классификации преступлений ясно указывает, что данный доклад, вопреки своему заглавию, скорее посвящен приоритетам государственной карательной политики, нежели преступности как таковой²⁹.

Зачастую отмеченные выше изменения взглядов на охрану общественного порядка довольно сложно заметить или они становятся понятны только в результате сравнительного анализа различных, достаточно туманных документов и докладов. Однако порой новые представления вырываются на поверхность самым поразительным образом. Одну из наиболее многозначительных иллюстраций того, каким образом экономические преступления были трансформированы в категорию политического саботажа, можно обнаружить в документе, составленном в 1935 г. главным прокурором Западно-Сибирского края Игнатием Барковым. Этот обнаруженный в архиве Новосибирска документ представляет собой проект распоряжения Баркова, отредактированный его заместителем, неким Поздняковым, и содержащий предостережения подчиненным прокурорам против коррупции и антисоветских тенденций, наблюдаемых в деятельности районных судебных и прокурорских работников. «По нашим сведениям, – пишет Барков, – среди сотрудников судебных органов имеется немало лиц, попавших под влияние окружающей их мелкобуржуаз-

---

²⁹ Все замечания взяты из ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 47–48.

ной стихии. Вместо того чтобы вести ожесточенную борьбу против классового врага, борьбу за социалистическую законность, они встали на путь покровительства (укрывания) преступников и бытового разложения». Задав таким образом общий тон своему распоряжению, далее Барков на нескольких страницах приводит примеры преступлений, совершенных такими сотрудниками, описывает нанесенный ими ущерб государству и наказания, понесенные виновными. В одном из абзацев документа Барков повествует о преступной халатности районного прокурора Михаила Жданова, не сумевшего должным образом поддержать обвинение и добиться самого сурового наказания для своего родственника, двоюродного брата по фамилии Хлебников, замешанного в организованной контрабанде и создании нелегальной торговой сети. По словам Баркова, Жданов попытался добиться для Хлебникова смягчения приговора вместо того, чтобы исполнить свой долг «по защите социалистической собственности и разоблачению этого преступления». Более того, Жданов «получал материальную выгоду от преступной деятельности Хлебникова», принимая от того деньги и подарки, и все это на фоне «публичных заявлений о необходимости беспощадной борьбы с подобного рода преступлениями»³⁰. По всему тексту документа Барков называет коррумпированных чиновников, подобных родственнику прокурора Жданова, преступниками, а совершаемые ими действия – уголовными преступлениями. Однако его помощник Поздняков, редактируя проект распоряжения, внес в него ряд существенных поправок, одной из которых стало переименование «преступников» во «врагов народа». Поздняков внес свои исправления от руки черными чернилами, расписавшись под каждым из них той же ручкой. Так, например, в случае с Хлебниковым, которого Барков назвал просто преступником, версия, предложенная Поздняковым, гласила, что его родственник прокурор Жданов не исполнил свой долг «по защите социалистической собственности и разоблачению не просто преступника [как писал Барков], а врага народа». При этом Жданов «получал материальные выгоды не от преступной деятельности своего родственника Хлебникова, но от преступлений, совершенных врагом народа». Подобная замена слов придавала деяниям Хлебникова совсем иной смысл, поскольку врагом народа называли не просто преступника, а контрреволюционера. Его действия теперь представляли не просто уголовные преступления, а попытку подрыва советской власти. Фактически поправки Позднякова политизировали криминальную деятельность Хлебникова в том смысле, которого не содержал текст, составленный Барковым. Более того, назвав Хлебникова врагом народа, Поздняков также значительно утя-

³⁰ ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 220. Л. 10–12об.

желил преступления, совершенные прокурором. В его версии Жданов пытался помочь не просто уголовному преступнику, что было дурно само по себе, а содействовал контрреволюционной деятельности врага государства. Окончательная версия этого документа отсутствует, поэтому осталось неясным, как выглядело распоряжение Баркова в его окончательном варианте. Однако в определенном смысле проект документа представляет большой исторический интерес по сравнению с его окончательной версией, так как он приоткрывает процесс политизации преступности и превращения обычных уголовников во врагов режима, а совершаемых ими обычных уголовных преступлений в преступления против государства.

Должностные экономические преступления

Возможно, криминальная статистика не дает исчерпывающего представления о реальном состоянии дел в этой области, но она немало говорит о приоритетах и взглядах советских руководителей, считавших определенные виды преступлений более опасными по сравнению с другими. В частности, власти считали экономические преступления одной из наиболее быстро нарастающих и самых серьезных угроз. Официальные оценки распространенности экономических должностных преступлений или преступлений против государственной собственности довольно сложно поддаются проверке, поскольку официальная статистика была сильно подвержена влиянию проводившихся кампаний против преступности и основывалась преимущественно на данных о числе вынесенных приговоров. Так или иначе, но власти сообщали о значительном росте как абсолютного числа подобных преступлений, так и той доли, которую они составляли в общем количестве преступлений всех видов. Такой рост хотя бы отчасти можно объяснить повышенным вниманием к экономическим преступлениям со стороны милиции и судебной системы. В любом случае число и удельный вес таковых несомненно возрастали по мере расширения государственной монополии на все аспекты экономической и коммерческой жизни страны. Невероятное количество денег, закачиваемых государством в экономику и развитие промышленности, создавало прекрасные возможности для взяточничества, растрат, хищений и других видов «беловоротничковой» преступности. Но вызывает удивление тот факт, что центральные власти не предпринимали серьезных усилий для сбора статистических данных об экономическом ущербе от подобных преступлений. Еще удивительнее это выглядит на фоне озабоченности властей распространением коррупции в административных и финансовых учреждениях.

Некоторое представление о масштабах экономической преступности дает сравнительный анализ милицейских, партийных и иных

отчетов за разные годы десятилетия. Например, отчеты прокуратуры о состоянии преступности начала 1930-х гг. указывают на скачкообразный рост числа обвинительных приговоров по экономическим или должностным преступлениям – с 101 730 во втором полугодии 1932 г. до 189 159 в конце 1933 г. и 179 891 в первом полугодии 1934 г. Аналогичным образом скакнуло вверх число приговоров по обвинениям в покушениях на государственную собственность: с 151 723 и 161 123 в первом и втором полугодиях 1932 г., соответственно, до 241 914 во втором полугодии 1933 г., после чего последовало снижение числа приговоров по этой категории преступлений до 166 548 в первом полугодии 1934 г.³¹ Отчет Верховного суда СССР обо всех приговорах, вынесенных в довоенный период, обнаруживает аналогичные тенденции, хотя содержит цифры, отличающиеся от прокурорских. По данным Верховного суда, общее число приговоров по должностным экономическим преступлениям быстро выросло с 67 517 в 1928 г. до максимума в 308 322 приговора, достигнутого в 1934 г.³² В соответствии с отчетом прокуратуры, удельный вес «беловоротничковой» преступности во всех видах преступлений, включая контрреволюционные, все эти годы устойчиво нарастал, и с 7,4 % от общего числа вынесенных приговоров в 1928 г. вырос до 33 % в 1934 г. Доля преступлений, связанных с хищениями государственной собственности выросла с 20 % всех вынесенных приговоров в 1928 г. до 30,6 % в 1934 г. Самый значительный скачок доли этой категории преступлений пришелся, естественно, на период 1928–1931 гг., время интенсивной коллективизации и раскулачивания крестьянства, когда она выросла с 20 до 27 %. Это были годы быстрой национализации предприятий и земли, создания кооперативных и государственных институтов вместо рыночных механизмов снабжения населения потребительскими товарами³³.

Одна из немногих попыток оценить реальный ущерб от должностной экономической преступности была предпринята комиссией Верховного суда, по оценке которой только по Москве и Московской области в результате хищений и растрат в 1933 г. было утрачено товаров более чем на 25 млн рублей. Однако эта оценка касалась исключительно системы кооперативной торговли в рамках так называемого «Центросоюза» и не включала никаких сведений о растратах и хищениях в народных комиссариатах легкой и тяжелой промышленности, земледелия и колхозов, в государственных банках и торговых организациях³⁴. Разрозненная статистика, касавшаяся указанных органов,

³¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 68–69.

³² ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 42. Л. 133, 136.

³³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 68–69.

³⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 755. Л. 2.

доказывала, что положение дел в них мало чем отличается от системы Центросоюза. Вместе с тем количественные оценки ущерба от воровства и хищений в разных отраслях колебались в широких пределах в зависимости от того, какой государственный орган проводил их проверку. Например, в 1934 г. Госконтроль докладывал, что ущерб от хищений и воровства в системе Центросоюза только в пределах РСФСР составил, по его оценкам, более 120 млн рублей³⁵. Еще в одном отчете, охватывавшем двухмесячный период марта-апреля 1932 г., милиция привела таблицу с данными об экономическом ущербе от различного вида преступлений по 11 краям и областям РСФСР. По ее оценкам, потери от всех видов должностных экономических преступлений за эти два месяца составили 4 673 030 рублей. Указанный милицейский отчет не содержал суммарных данных за весь год и касался только менее половины краев и областей республики, но он тем не менее указывал на рост числа всех видов экономических и должностных преступлений и сообщал о том, что власти ожидают скачкообразного увеличения их числа в предстоящий период весенних посевных работ. Экстраполяция данных за март-апрель 1932 г. дает оценку годовых потерь РСФСР от должностных экономических преступлений в 28–30 млн рублей. Даже если представить, что эта цифра была вдвое больше (т. е. 55–60 млн рублей), это все же значительно меньше, чем общий ущерб от воровства и хищений за 1934 г. По приведенным выше данным Госконтроля за 1934 г. ущерб оценивался в 120 млн рублей, причем только в системе кооперативной торговли потребительскими товарами. В те годы не предпринималось никаких попыток сглаживания столь больших расхождений или выведения общих тенденций в данной области. Так или иначе, но потери государства от должностных преступлений были громадными и ежегодно исчислялись многими сотнями миллионов рублей.

Примеры воровства и хищений за этот период хорошо известны. На некоторых предприятиях легкой промышленности стоимость ежегодно похищаемых товаров заметно превышала 150 рублей в расчете на одного работника³⁶. На Горьковском автомобильном заводе собранные автомобили пропадали прямо с конвейера, а на ленинградском заводе «Красный треугольник» в течение 1932 г. было украдено несколько тысяч пар галош. Наиболее распространенными преступлениями данного вида являлись хищения денег или товаров. Большинство из них совершалось людьми, занимавшими определенные финансовые или административные должности на государственных или кооперативных предприятиях. В милицейских отчетах среди подобных преступ-

---

³⁵ ГА РФ. Ф. 7511. Оп. 1. Д. 147. Л. 90.

³⁶ Средняя заработная плата в легкой промышленности составляла 150 рублей в месяц.

ников назывались в первую очередь кассиры и бухгалтеры кооперативов, государственных торговых учреждений, колхозов и совхозов, банков и почтовых отделений, машинно-тракторных станций (МТС). Естественно, что самый высокий уровень преступности демонстрировали районы страны, в которых происходило наиболее интенсивное промышленное и экономическое развитие, включая Уральский, Центральный и Западный регионы, Ивановскую область. Во всех этих регионах велось масштабное строительство, сопровождавшееся поступлением больших объемов денежных средств и потребительских товаров через кооперативные и строительные организации, зачастую перевозимых без должной охраны³⁷. В центр криминальной активности попадали также сельские торговые кооперативы и администрации колхозов и совхозов, служившие каналами поступления на село денежных средств и товаров³⁸.

Следует отметить, что достаточно высокий уровень должностной экономической преступности в колхозах и совхозах в конце 1932 г. был тем не менее ниже уровня аналогичной преступности, наблюдавшейся в городах и промышленных регионах. Это можно признать естественным в условиях быстрой индустриализации страны и роста городского населения в начале 1930-х гг. Однако эта тенденция сильно беспокоила большевиков, считавших города островками строящегося социализма и полагавших, что уровень преступности в них должен быть ниже, чем в отсталых, антикоммунистически настроенных сельских районах³⁹. Фактически же расцвет экономической преступности в целом и количество должностных преступлений в частности приводили милицию в замешательство. Только в марте-апреле 1932 г. и всего в одиннадцати областях РСФСР, упоминавшихся выше, было зарегистрировано 27 800 преступлений экономического характера⁴⁰. В это число не входят преступления, совершенные в Москве и Московской области, а также во многих других важных районах страны, прежде всего на обширных территориях Западной и Восточной Сибири. Последние составляли примерно половину площади территории РСФСР, на которой проживало около трети ее населения. Более того, как следует из милицейского отчета, около 80 % раскрытых преступлений, по которым были разоблачены все виновные, были выявлены общественными организациями и государственными контролерами, а не милицейскими проверками или в результате оперативно-розыскной

---

³⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 484. Л. 61а.

³⁸ См.: Доклад Комиссии советского контроля. ГА РФ. Ф. 7511. Оп. 1. Д. 147. Л. 90–91.

³⁹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 484. Л. 61а.

⁴⁰ Там же. Л. 60.

деятельности милиции⁴¹. Как отмечено выше, милиция ожидала роста числа подобных преступлений, но не только в ходе сезонных сельскохозяйственных кампаний. В следующей главе будет показано, что присутствие милиции в отдаленных и в новых промышленных и сельскохозяйственных регионах было минимальным, а местные кооперативные и государственные органы зачастую находились вне поля зрения областных учреждений, призванных их проверять и контролировать. Возможности последних также были весьма ограниченными и редко распространялись за пределы основных городских центров⁴². Даже в густонаселенных городах, не говоря уже об отдаленных районах, финансовые учреждения находились под прицелом организованной преступности, продвигавшей в них своих людей, что было совсем простым делом. Все эти учреждения остро нуждались в мало-мальски грамотных в финансовом отношении кадрах и редко подвергали принимаемых на работу сотрудников углубленной проверке, не считая самой поверхностной, если вообще к ней прибегали. Прошлые принимаемых на службу проверялось самым примитивным образом даже в тех организациях, в которых оно имело значение. Работодатели в основном были вынуждены верить соискателям на слово. В беспорядочный период начала 1930-х гг. человеку не составляло труда скрыть свое предосудительное прошлое. В результате, как отмечалось в милицеском докладе, многие из арестованных и осужденных за должностные и экономические преступления оказывались рецидивистами, причем со многими судимостями по серьезным статьям УК⁴³.

Успешность и масштабы хищений определялись главным образом их организованным характером. Стоило одному члену банды преступников устроиться на работу в учреждение, он протаскивал вслед за собой соратников по преступной деятельности. Размеры некоторых операций, проворачиваемых преступными группами, были поистине впечатляющими. Например, Б. Д. Миганов, член партии с 1918 г., возглавлял управление, распоряжавшееся всеми вагонами-ресторанами и станционными буфетами на Московской железной дороге. Следуя обычной схеме, отмеченной выше, Миганов наводнил свое учреждение соратниками по предыдущей преступной деятельности в управлении ресторанами и в сельскохозяйственной промышленности Московской области, где он служил ранее. Сколоченная им преступная группа сумела в результате систематических хищений только за два года, с 1932 по 1934, украсть более 280 000 рублей. Свои хищения преступники прикрывали в основном с помощью фиктивных счетов, рецептов блюд

---

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 484. Л. 76.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 8–9.

и заказов на продукты. Впрочем, слово «прикрывали» в данном случае не совсем подходит, поскольку деятельность преступников была хорошо известна другим сотрудникам управления. Милицейское расследование выявило, что помимо Миганова и его группы, в управлении имелись и другие работники, незаконно выкачивавшие из него деньги. Один из них похитил 17 тыс., а другой 11 тыс. рублей, причем об этих хищениях знал Миганов и покрывал их. Партийная ячейка управления была в курсе дела, но не докладывала о хищениях, будучи также подкупленной Мигановым и его бандой. Главный бухгалтер управления ресторанами тоже был в деле и регулярно представлял заниженные балансовые отчеты вышестоящим финансовым и административным органам. Проведенный милицией аудит выявил недостачу почти 500 тыс. рублей, образовавшуюся за два года деятельности преступной группы. В милицейском отчете об этом деле не говорится, каким образом удалось раскрыть эту деятельность, но когда ей был положен конец, то под стражей оказался 31 человек⁴⁴.

Банда Миганова была достаточно крупной, но в ней в принципе не было ничего необычного. Милицейские архивы содержат немало докладов о раскрытии других подобных преступных групп. Хищения и взяточничество фактически были нормой жизни того времени. В частности, взяточничество представляло собой явление почти столь же разрушительное с точки зрения экономики и даже более злостное по сравнению с такими преступлениями, как хищения государственной собственности. Важно также отметить, что взяточничество и хищения очень часто оказывались скрытой и порой даже необходимой составляющей повседневной управленческой практики. С их помощью удавалось налаживать нормальную работу организаций и предприятий. Например, начальник отдела московского производственного треста, некто Иванов, хорошо это понимал. Он был так называемым толкачом, то есть человеком, которого отправляли в служебные командировки для преодоления административных заторов при поставках и добывания товаров, поставки которых задерживались, а также для налаживания сотрудничества с руководством других предприятий и местными чиновниками. Иванов хорошо справлялся с порученными ему обязанностями. Во время своих разъездов по овощным рынкам и колхозам Московской области он сумел наладить хорошие рабочие отношения с местным начальством и обеспечить таким образом не только своевременные поставки товаров, но даже перевыполнение планов и графиков поставок. Как выяснилось впоследствии, эти рабочие отношения включали разветвленную систему взяток и откатов руководителям колхозов и совхозов,

---

⁴⁴ Там же. Д. 499. Л. 13.

начальникам железнодорожных станций и, естественно, местным партийным работникам и чиновникам госучреждений за подписание необходимых документов на отпуск товаров и преодоление бюрократических препятствий. Размеры взяток, раздаваемых Ивановым во время его поездок в регионы, колебались в пределах от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей на человека, не считая устройства продолжительных пьянок, оплачиваемых из средств треста. Обо всех этих махинациях было известно, по крайней мере, помощнику начальника треста Гаджиеву, который рассматривал суммы, раздаваемые в качестве взяток как нормальные вознаграждения и премии местным чиновникам. Между тем Иванов и Гаджиев не забывали выплачивать щедрые премии и себе самим⁴⁵.

Взятничество и хищения разрастались подобно коррозии, а у милиции не хватало сил для борьбы с этими видами преступлений. На нее обрушивался вал призывов выделять больше сотрудников для оперативной работы в финансовых и иных организациях, но у милиции не хватало ресурсов для подобного расширенного наблюдения за их деятельностью. Например, на всей территории Средней Волги в уголовном розыске имелось всего 386 оперативных сотрудников, из которых только 18 работало в ведомственном розыске, занимавшемся расследованием преступлений на предприятиях⁴⁶. Экономические и должностные преступления продолжали процветать на протяжении всех 1930-х гг. и позднее.

Спекуляция

Существенной проблемой для власти являлась спекуляция, под которой понималась перепродажа товаров ради извлечения дохода. По определению, подобная деятельность считалась эксплуататорской и, более того, угрожающей государственной монополии на прибыль от торговли и сбор налогов. Тысячи людей ежегодно осуждались по закону от 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией. В феврале 1934 г. Г. Ягода сообщил, что милиция каждый месяц расследует порядка 10 тыс. дел, связанных со спекуляцией, не считая крупных преступлений, которыми занимается Отдел по борьбе с экономическими преступлениями ОГПУ⁴⁷. Согласно докладу НКВД для Совнаркома, в первой половине 1934 г. в нескольких крупных городах страны милицией было арестовано за спекуляцию 58 314 человек. Милиция выслала из этих городов еще 53 тыс. человек, занимавшихся спекуляцией, чье социальное поло-

---

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 499. Л. 4–5.

⁴⁶ Там же. Л. 33.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 186.

жение не позволяло их арестовывать по закону от 22 августа⁴⁸. Но приведенные цифры дают далеко не полное представление о масштабах проблемы, с которой столкнулись советские власти. Несмотря на принятие суровых законов, в ежегодных докладах констатировалось, что «не предпринимается достаточных мер против таких преступлений, как спекуляция», что работа по борьбе со спекуляцией «не ведется с достаточной силой» или, хуже того, «совсем не ведется»⁴⁹.

Спекуляция по большей части была связана с покупкой и перепродажей товаров через комиссионные магазины, но в первую очередь на рынках и толкучках. В докладе, подготовленном для Совнаркома в октябре 1935 г., сообщалось, что спекулянты всех мастей буквально заполонили торговые места на рынках. Глава НКВД Ягода ненавидел рынки, считая их местами, где сосредоточена всевозможная деятельность частных торговцев, социально-вредных элементов и крестьян. Рынки представляли собой торговые точки, почти не поддающиеся контролю со стороны государства, но вместе с тем имевшие жизненно важное значение для экономики страны. Частная торговля на рынках и базарах, почти замершая в начале 1930 гг., не просто ожила в 1934–1935 гг., но и расцвела пышным цветом, что неохотно констатировалось в октябрьском (1935 г.) докладе Совнаркому. Например, на Центральном рынке Ростова-на-Дону каждое воскресенье находилось 10 тыс. торговцев, хотя официально на нем числилась всего тысяча торговых мест. В октябре 1935 г. на московском Ярославском рынке, прилавки которого также были рассчитаны на тысячу торговых мест, постоянно регистрировалось по две тысячи продавцов. Каждое воскресенье через рынок проходило примерно по 300 тыс. человек, продававших и покупавших разные товары без всякого на то разрешения. Толпы торгующих с рук и покупателей беспорядочно сновали по улицам, примыкавшим к забору, окружавшему официальный рынок⁵⁰.

Нелегальная торговля принимала самые разнообразные и порой причудливые формы. Простейшая форма спекуляции заключалась в перепродаже по более высоким ценам дефицитных товаров, купленных в государственных магазинах или украденных с фабрик, складов, из поселов или других звеньев государственной системы производства и распределения продукции. Но одной из самых распространенных была практика скупки городскими перекупщиками, встречавшими поезда из сельской местности, сельскохозяйственной продукции у крестьян, привозившими ее в город. Оживленная нелегальная торговля происходила прямо на платформах или через окна

---

⁴⁸ Например, рабочие по роду занятий, но не имеющие прописки. Там же. Д. 1071. Л. 25.

⁴⁹ Там же. Д. 404. Л. 188.

⁵⁰ Там же. Оп. 16а. Д. 404. Л. 11.

вагонов. В свою очередь, перекупщики направлялись на многочисленные городские рынки, где перепродавали купленные у крестьян товары по более высоким ценам. Обычно перекупщики действовали самостоятельно, на свой страх и риск, но не всегда. Существовали предприниматели, создававшие собственные сети перекупщиков и организовывавшие нелегальную торговлю в довольно крупных масштабах. Такие крупные спекулянты доходили до того, что завязывали прямые связи с руководителями колхозов и городских промышленных предприятий, а также с бандитами, искавшими пути реализации краденого. Частные ремесленники-кустари по закону имели право изготавливать и продавать свою, производимую в небольших объемах продукцию. Предполагалось, что кустари должны были реализовывать ее через государственную кооперативную систему, но в действительности очень многие из них не работали сами, а действовали агентами по снабжению и сбыту для сетей небольших ремесленных предприятий и надомников, а также служили городским прикрытием для банд преступников, промышлявших в сельской местности. Эти сети занимались дефицитными потребительскими товарами, чаще всего одеждой и продуктами, и нередко в значительных объемах. Например, спекулянты Ильевский, Щедровский и Фельтштейн, имея законно выданную лицензию на содержание магазина ремесленных товаров в Москве, на деле занимались поставками материалов не менее чем в двенадцать ремесленных мастерских с целью производства и продажи женских беретов и мужских фетровых шляп⁵¹.

Некоторым гражданам, даже действуя индивидуально, удавалось прокручивать довольно масштабные торговые операции. Примером тому может быть некая гражданка Гурьева, жена рабочего Кунцевской фабрики № 14. Она оказалась в центре целого предприятия по производству и продаже женских блузок. Имея официальный патент ремесленника, она имела законное право приобретать материалы в магазинах, принадлежавших Московскому объединению кооперативной торговли (Мосторгу), но частенько покупала и краденые рулоны тканей, наладив соответствующие контакты с руководителями торговых предприятий. Большую часть блузок Гурьева изготавливала собственноручно, но порой привлекала себе в помощь двух швейнадомниц, также имевших соответствующие патенты на занятие ремесленной деятельностью. Помимо махинаций с ценами, что само по себе придавало ее деятельности незаконный характер, Гурьева продавала через государственную торговлю лишь малую часть своей продукции, уплачивая с нее налоги, а большую часть блузок сбывала частным образом на рынках или перекупщикам. Когда милиция при-

---

⁵¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 13.

шла с обыском к ней на квартиру, то обнаружила там 200 незаконченных блузок и 120 метров ткани⁵².

Некоторые спекулянты действовали на больших расстояниях. Например, группа киевских кустарей создала в деревнях целую сеть сапожников, шивших дамскую обувь. Используя наименование и официальную транспортную лицензию местного киевского городского кооператива, эти предприниматели доставляли изготовленную обувь партиями по 100–200 пар в Ленинград, где временно складировали ее на съемной квартире. Несколько раз в течение года они приезжали в Ленинград, где по предварительной договоренности с администрацией нескольких городских рынков арендовали на них торговые места на 2–3 дня. Распродав свой товар, они «исчезали», возвращаясь в Киев⁵³.

Еще одна распространенная форма спекуляции использовала привилегии, предусмотренные советским налоговым законодательством, которое, как утверждалось в одном докладе⁵⁴, допускало значительные, до 75 %, налоговые послабления для рабочих – членов профсоюза. В то время многие рабочие подавали заявки и получали патенты, разрешавшие им использование собственных трудовых навыков для изготовления в небольших объемах определенных изделий и их сбыт через поддерживаемые государством кооперативы. Такая кустарная деятельность облагалась налогами по пониженным ставкам. Если некоторые рабочие честно заявляли о своих годовых доходах, то многие ремесленники сознательно не разделяли заработную плату, с которой они платили налоги по пониженным ставкам, и доходы от частной ремесленной деятельности, облагавшиеся значительно более высокими налогами. Такие рабочие-ремесленники декларировали весь свой доход как подлежащий налогообложению по пониженным ставкам. Так, например, машинист Янбаев, работавший на Люберецком заводе, получал в виде заработной платы 300 рублей в месяц. При этом от частной побочной работы он имел годовой доход в размере 25 тыс. рублей, но декларировал часть его как заработную плату и платил налог только с 9755 рублей. В отчете не сообщается, какой налог он должен был платить с этой суммы, но совершенно очевидно, что Янбаев обманывал государство, занижая свои доходы от частного предпринимательства. Более того, Янбаев получал большую часть своих чрезмерных доходов, продавая свои изделия на рынках по свободным ценам вместо того, чтобы сбывать их по фиксированным ценам через кооперативы.

Еще один кустарь, некто Камений, рабочий-металлист по специальности, для получения налоговых льгот прибег к оригинальной

---

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 14.

уловке, достав у врача-психиатра справку о «повышенной нервной возбудимости», согласно которой он по состоянию здоровья «не мог работать в коллективе и при изготовлении приборов портит много материалов». В результате ему было позволено работать индивидуально, изготавливая небольшие электронагревательные приборы, а состояние его нервной системы освобождало его от уплаты высоких налогов на доход от продаж изготовленной продукции. На самом деле Камений заключил сделку с комиссионным магазином, расположенным в Москве на Красной Пресне. По удостоверению агента по закупкам от этого магазина, он получил право приобретать металлоизделия, электрические провода, изоляционные и другие материалы непосредственно на заводах-изготовителях. Затем он организовал небольшую мастерскую на заднем дворе магазина, где изготавливал кипятильники и комнатные электрические обогреватели, которые магазин продавал как изделия, сданные на комиссию, предположительно, разными изготовителями. В течение 1934 г. Камений и магазин извлекли из этой своей деятельности доход в сумме 150 тыс. рублей, но осталось неизвестным, в какой пропорции они поделили его между собой. Все это предприятие, безусловно, было совершенно незаконным, а сам Каменев укрыл большую часть своего заработка от налогообложения, ограничившись выплатой фиксированных платежей за патент ремесленника⁵⁵.

Незаконное и полунезаконное ремесленничество стало весьма распространенным явлением, что заставляло многих милицмейских начальников с подозрением относиться к любым кустарям. С точки зрения некоторых из них, патент ремесленника фактически служил лицензией на занятие спекуляцией. В милицмейском докладе за 1934 г. высказывалось предположение, что только 4–5 % из восьми тысяч ремесленников, зарегистрированных в районных органах власти Москвы, на самом деле продавали свою продукцию государству по установленным законом ценам. Остальные же, как утверждалось в докладе, отправляли свои товары на московские рынки, где «имели возможность сбывать их по спекулятивным ценам»⁵⁶. Само по себе отделение спекуляции от законной торговли зачастую представляло собой весьма непростую задачу, особенно для вещей, бывших в употреблении. Действительно, кто был в состоянии определить справедливую цену пары поношенной обуви, инструмента или деталей машин, бывших в употреблении, или любого другого товара, если государственные цены на него менялись еженедельно и различались между разными регионами? Руководители прокуратуры нередко обвиняли сотрудников милиции в излишнем

---

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 4–5.

⁵⁶ Там же. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 25.

рвении, когда те, например, арестовывали невинного рабочего, пытавшегося продать пару старых брюк. Милиция, в свою очередь, упрекала прокуратуру в мягкотелости и в том, что она закрывает глаза на любые виды сомнительной деятельности⁵⁷. С точки зрения милиционеров, тот же рабочий вполне мог сдать пару поношенных брюк или бывшие в употреблении инструменты и вообще любые принадлежащие ему старые вещи в комиссионный магазин, который бы продал их по цене, не превышающей государственные розничные цены на аналогичные новые изделия, вычел бы 20–25 % процентов комиссионных, а остальную выручку отдал бы первоначальному владельцу проданной вещи. К середине 1930-х гг. только в Москве и Ленинграде действовало порядка 98 таких магазинов, официальный оборот которых достигал 150 млн рублей в год. Если доверять отчету о деятельности комиссионков за 1935 г., то они занимались и другими, гораздо более прибыльными видами бизнеса⁵⁸.

Фактически, как показала инспекторская проверка в 1935 г., отсутствие государственного регулирования работы комиссионных магазинов привело к такому разгулу коррупции в них, что большинство из них на самом деле функционировало по совсем иным правилам, сосредоточившись на спекулятивных сделках по скупке и продаже товаров, причем зачастую выступая в роли агентов оптовой торговли⁵⁹. По большей части деятельность этих магазинов носила незаконный характер, заключаясь, например, в сбыте краденых товаров или в перепродаже дефицитных товаров по более высоким по сравнению с государственными ценам. При этом благодаря специфике советских законов о торговле, некоторые виды подобной предпринимательской деятельности им не противоречили. В любом случае объемы продаваемых товаров и выручка от их продажи зачастую были огромными. Например, некто Краснов скупал в больших количествах сапоги на рынках и в государственных магазинах в тех районах, где они производились, после чего привозил их в Москву, где сапоги были в дефиците, и по договоренности с директорами комиссионных магазинов перепродавал их со значительной наценкой. Эти торговые операции принесли только одному Краснову прибыль более 100 тыс. рублей. Сколько при этом досталось работникам комиссионных магазинов, осталось невыясненным. Двое других спекулянтов заработали на перепродаже обуви по такой же схеме до 400 тыс. рублей. В этих и дру-

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Особенно Л. 35–42 о разнице между ценами на зерно и хлеб как причине спекуляции и несправедливых наказаний за нее и о проблеме определения самого понятия «спекуляция».

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 3–15.

⁵⁹ Там же. Л. 14.

гих похожих случаях перепродажи дефицитных товаров директора магазинов скрывали масштабные разовые закупки, оформляя множество фиктивных квитанций на прием товаров от многих отдельных клиентов. По одному из свидетельств⁶⁰, наценка на эти товары колебалась в пределах от 100 до 200 %.

Описанные выше случаи касались относительно мелких операций, проворачиваемых отдельными лицами, но были и такие, которые заслуживали более пристального внимания. Некоторые магазины открыли специальные отделы, проводившие крупные операции, включая скупку и перепродажу в больших количествах тканей, конторского оборудования, ценных мехов и даже тяжелого заводского оборудования типа токарно-револьверных и сверлильных станков и сварочных аппаратов. Некоторые из этих товаров продавались непосредственно в магазинах, но в большинстве случаев магазины выступали в роли посредников между продавцами и покупателями, в качестве которых могли выступать как частные лица, так и государственные предприятия-производители. Другие магазины торговали металлопрокатом, инструментом, большими объемами новых крепежных и других дефицитных изделий, которые либо были похищены с предприятий, либо изготовлены на заказ. Магазины активно конкурировали на черном рынке, рассылая по стране своих агентов по закупкам, призванных изучать и удовлетворять заявки покупателей. Например, ленинградские магазины регулярно командировали своих сотрудников в Москву, Киев, Харьков и другие промышленные центры. Эти агенты обычно брали комиссионные в размере от 3 % с оборота и более, если они хорошо справлялись с выполнением заказов или совершали особенно выгодные сделки⁶¹.

Кампании массовых репрессий и депортаций предоставляли комиссионным магазинам еще одну возможность для расширения их бизнеса. Люди и их семьи, подлежащие высылке в отдаленные районы как классово-чуждые элементы, обычно получали уведомление о грядущей депортации незадолго до нее, и им предоставлялось крайне мало времени, от одной недели до 10 дней, для улаживания своих дел и для продажи имущества или его реализации иными способами. Нередко сдача вещей в комиссионные магазины оказывалась для них единственным средством ликвидации принадлежащего им имущества. В сельской местности продажа имущества обычно не приносила ссыльным существенной выручки, хотя местные скупщики и председатели сельсоветов нередко наживались на высылке классово-чуждых элементов из их районов. Напротив, в таких крупных горо-

---

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 4–6.

⁶¹ Там же. Л. 10.

дах, как Москва и Ленинград, списки высылаемых классово-вредных элементов часто содержали людей и целые семьи, бывшие до революции достаточно обеспеченными и даже богатыми. Наиболее отчетливо это проявилось в ходе печально знаменитой кампании 1935 г. по очистке Ленинграда от так называемых «бывших» и враждебных элементов⁶². Внезапная, вынужденная ликвидация тысячами людей принадлежавшей им собственности создала невероятно выгодную конъюнктуру для скупщиков и принесла неожиданную большую прибыль городским комиссионным магазинам, которые немало нажились на скупке фамильных ценностей – ювелирных украшений, стильной и высококачественной антикварной мебели, мехов, серебряных и золотых столовых приборов и другого имущества людей, получивших приказы о высылке из города. Нельзя сказать, что магазины скупали все это совсем дешево. За некоторые предметы комиссионные магазины давали хорошие цены, например, за пару небольших антикварных шкафчиков их владельцу было уплачено 11 тыс. рублей, но у скупщиков из комиссионных магазинов уже имелся готовый рынок сбыта этих вещей, особенно дореволюционной мебели, в лице нового класса высокопоставленных советских чиновников. Комиссионные магазины проводили небольшую реставрацию скупленных вещей, после чего с выгодой перепродавали антиквариат, порой целыми гарнитурами, представителям новой советской элиты⁶³. Антикварная мебель, особенно в стиле нео-Возрождения, ампир и модерн, в 1930-е гг. пользовалась большим спросом среди тех, кто мог себе позволить ее приобрести. По данным уже цитировавшегося выше инспекционного доклада, продажи антикварной мебели через комиссионные магазины происходили по баснословно высоким ценам. Действительно, фигурировавшие при этом суммы были ошеломляющими, хотя норма прибыли, получаемой комиссионными магазинами, была не слишком высока по сравнению с перепродажей самых обыкновенных товаров. Например, упоминавшиеся выше антикварные шкафчики были проданы директору Карельского животноводческого треста, украсившему ими свой служебный кабинет, за 19 500 рублей. Эта операция принесла магазину совсем неплохую прибыль в 44 %, но несопоставимую с обычной для него нормой прибыли в 100–200 %.

Но действительно примечательным было то, какими денежными суммами на подобные приобретения орудовали советские бюрократы даже невысокого уровня. Так, один из них, некто Николаев, работавший председателем сельского совета, т. е. занимавший совсем невы-

⁶² Leslie Rimmel. A Microcosm of Terror, or Class Warfare in Leningrad: The March 1935 Exile of 'Alien Elements' // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2000. V. 48. No. 4. P. 528–551.

⁶³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 11–12.

сокую должность, за два месяца покупательского бума в Ленинграде спустил почти 300 тыс. рублей. У него нашлись время и деньги, чтобы приобрести несколько антикварных шкафов для одежды, три кресла и четыре кровати⁶⁴.

Безусловно, все эти операции требовали немалой хитрости и изворотливости от представителей власти, но остается не вполне понятным, что незаконного было в них для некоторых комиссионных магазинов. Покупатели, несомненно, жульничали с доверенными им фондами, чтобы совершать покупки, но чем провинились сами магазины? Они не совершали тайных сделок и не перепродавали товары по ценам, превышающим официально установленные государством. На эти товары вообще не существовало государственных цен. Тем более магазины нельзя было упрекнуть в попытках подрыва государственных экономических и торговых планов. Моральная сторона всех этих операций оставалась сомнительной, но, по крайней мере, как следует из приведенных выше примеров, нельзя утверждать, что магазины бессовестно грабили первоначальных владельцев скупаемого имущества, хотя вполне могли это делать, учитывая безвыходное положение людей, получивших уведомления о высылке. Скупщики могли легко обрушить цены до самой земли, не оставив продавцам никакого выхода. Инспекторы, намеревавшиеся раскрыть подобную практику, в своем отчете сообщали, что скупщики магазинов платили за приобретаемые товары высокие рыночные цены. В отчете также не были отмечены нарушения бухгалтерской отчетности. В принципе магазины исполняли те функции, ради которых они были созданы, если только не считать незаконными извлечение прибыли, а также ее размеры и объемы денежных средств, фигурирующих в этих операциях. Тем не менее они были названы в этом отчете «спекулятивными».

Скупка и перепродажа вещей представляли собой выгодный бизнес, но комиссионные магазины получали немалые прибыли также от продажи конфискованного имущества, зачастую занижая цены на вещи, покупаемые ими у милиции, судов и других государственных органов, а потом продавая его по значительно более высоким ценам. Вот этот бизнес действительно был сверхприбыльным. С другой стороны, подобная практика может быть точно описана известной пословицей «вор у вора дубинку украл». Многочисленные доклады подтверждают, что очень часто деньги, конфискованные судами, государственными или милицейскими органами или вырученные от продажи конфискованного имущества, оказывались не в государственной казне, а в карманах чиновников этих ведомств. Когда милицейские или судебные чиновники прибегали к услугам комиссион-

---

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 12.

ных магазинов для продажи конфискованного имущества, то вполне вероятно, что они стремились получить при этом личную выгоду, не имея других возможностей для его превращения в наличные деньги.

Борьбой со спекуляцией занимались несколько ведомств, включая милицию, НКВД/ОГПУ и Наркомфин (Народный комиссариат финансов). Предполагалось, что следственные подразделения милиции (уголовный розыск) или ОГПУ должны были вести дела, связанные с крупномасштабной спекуляцией, а обычная милиция заниматься большинством мелких правонарушений подобного рода. Наркомфин привлекали для расследования нарушений спекулянтами налогового законодательства. Остальные государственные органы постоянно критиковали эти три ведомства за неэффективность борьбы со спекуляцией. Так, в докладе Совнаркома утверждалось, что органы НКВД, под которыми подразумевались как обычная милиция, так и органы госбезопасности, постоянно не справляются со своими обязанностями при проведении любых серьезных кампаний против спекуляции. В докладе, в частности, говорилось, что московская милиция выписывает штрафы спекулянтам, которых только на одном Ярославском рынке в 1934 г. было взыскано более 5 тыс., но делает это только в результате выборочных проверок торгующих на рынках. По-видимому, при этом крупные преступники ускользают от внимания милиции. В Харькове, как утверждалось в докладе, действия милиции, взимающей с каждого спекулянта пятирублевый штраф, что не превышало платы за торговое место на рынке, позволяют ему продолжать торговать своим товаром по произвольно назначаемым ценам и фактически способствуют «легализации спекуляции». Милиция берет взятки с продавцов, позволяя им продолжать торговать, но также взимает крупные денежные суммы с администрации рынков, которая платит за то, чтобы милиция не мешала торговле. Порой подобные сделки между милицией и администрациями рынков даже оформлялись письменными соглашениями. Например, администрация Ярославского рынка в Москве заключила в 1935 г. с руководством Московской милиции договор, по которому согласилась выплатить за год 156 978 рублей «за поддержание порядка на рынке». В Харькове милиция требовала с рынков выплачивать ей 30 % от всей суммы, собираемой за выдачу разрешений на торговлю. Рыночная администрация в Ленинграде обязалась платить каждому милиционеру, дежурившему на рынке, по 240 рублей за смену. В соответствии с этими договорами, милицейское начальство имело право прекращать присутствие милиционеров на рынках, если их администраторы не выплачивали своевременно оговоренные в них суммы. Как отмечено в докладе Совнаркома, подобные финансовые соглашения приводили к тому, что милиция не была заинтересована в том, чтобы беспокоить рынки, предпринимая крутые меры против спекулянтов. Это было особенно справедливым в случаях, когда ми-

лиция получала с рынков определенную долю их доходов. В докладе подчеркивалось, что подобного рода «откаты» скорее всего являлись незаконными и, определенно, недобросовестными действиями милиции, и делался вывод, согласно которому «получается, что без договора рабоче-крестьянская милиция, существующая на средства госбюджета, не обязана охранять революционный порядок на рынке»⁶⁵.

Руководители Наркомфина также предъявляли милиции претензии, обвиняя ее, в частности, в неспособности изымать у спекулянтов гигантские суммы незаконно полученных денег и неуплаченных налогов⁶⁶. Совнарком также критиковал милицию за вялость, но основную тяжесть вины возлагал на местные финансовые органы, которые были настолько увлечены собственными финансовыми целями, что некоторые из них не удосуживались включать в отчетность торговцев и ремесленников, с которых они получали значительные суммы денег в виде «налогов». Поскольку подобная практика была выгодна местным властям, ее можно было приравнять к официально разрешенной форме взяточничества. В Харькове, например, местные налоговики пытались воспрепятствовать арестам местной милицией спекулянтов на городских рынках под тем предлогом, что в случае изгнания всех спекулянтов с улиц города налоговым органам не с кого будет собирать налоги. Точно так же муниципальные власти закрывали глаза на спекуляцию, поскольку получали значительные поступления в городские бюджеты с доходов городских рынков. Например, московские рынки в течение 1934 г. отчислили в бюджет города 3 млн рублей, а Сталинград от рыночной торговли получил в свой бюджет дополнительно 556 тыс. рублей⁶⁷.

Неспособность милиции и муниципальных властей регулировать рыночную торговлю превратили городские рынки из мест торговли подержанными вещами в главные точки сосредоточения преступности. Более того, использование спекулянтами рынков в качестве мест сосредоточения своей преступной деятельности поощряло развитие других, взаимосвязанных со спекуляцией видов преступлений, таких как, например, хищения государственной собственности, бандитизм и должностные экономические преступления. Невзирая на суровость наказаний за такие виды преступлений, их число не сокращалось, представляя собой «серьезную угрозу развитию законных форм торговли в стране»⁶⁸.

---

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 16.

⁶⁶ См.: Письмо Г. Ф. Гринько в Совнарком от 23 января 1934 г. и энергичную защиту действий милиции со стороны Ягоды в его ответе от 26 февраля 1934 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 186–187, соответственно.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 17.

⁶⁸ Там же.

Бандитизм

Ни один вид преступности не беспокоил советское руководство больше, чем бандитизм. Хотя власти в конце 1920-х гг. предприняли целенаправленные усилия по очистке территории страны от остатков бандформирований, но волнения, происходившие в начале 1930-х гг., особенно в сельской местности, вновь привели к оживлению подобных форм преступной деятельности. Некоторые банды мигрировали в пределах довольно обширных территорий, но большинство из них действовало в определенных ограниченных местностях. Некоторые крупные банды насчитывали от 50 до 60 участников, но большинство состояло из 10–12 человек. Реальные масштабы бандитизма сложно оценить, но его проявления наблюдались практически во всех регионах страны. Наиболее активно бандиты действовали в некоторых областях Украины и Западного края, во многих областях Урала и Западной Сибири, на Северном Кавказе и в Средней Азии. В 1932 г., например, только в Уральской области действовало 35 банд⁶⁹. Наиболее опасные мобильные конные вооруженные банды обитали в малонаселенных, относительно труднодоступных горных и лесистых местностях. Банды, как правило, были хорошо вооружены, что порой позволяло им успешно оказывать вооруженное сопротивление местной милиции. Например, банда Федосеева, насчитывавшая около 50 человек, была вооружена револьверами и охотничьими ружьями, имела три американских пулемета марки Винчестер, две бомбы и около двадцати гранат. Некоторые местные милиционеры уклонялись от участия в операциях по уничтожению этой столь хорошо вооруженной банды⁷⁰. Бандиты обычно избегали нападать на отдельных людей, не считая случайного грабежа проезжих на дорогах. Временами они разоряли единоличные крестьянские хозяйства, но по большей части объектами их нападений были колхозы, советские учреждения и государственное имущество – поезда, склады, особенно зернохранилища в периоды посевной и уборки урожая, почтовые отделения, отделения милиции, МТС и т. п.

Члены бандформирований имели разное социальное происхождение. Часть из них, безусловно, были обычными профессиональными уголовниками, но многие, и прежде всего руководители банд, происходили из раскулаченных крестьян, избежавших высылки и оставшихся в родных краях, либо сумевших сбежать из трудовых колоний и специальных поселений, куда они были сосланы как кулаки или «социально-опасные элементы». Учитывая социальное происхождение многих бандитов, инструкции, получаемые руководителями

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 492. Л. 35.

⁷⁰ Там же.

местной милиции, предупреждали о том, что к членам банд следует относиться не просто как к уголовным преступникам, а как к контрреволюционерам и врагам советской власти. Безусловно, такая оценка бандитизма исходила от ОГПУ, но ее поддерживал и Народный комиссариат юстиции, обычно более умеренный в своих суждениях по сравнению с органами госбезопасности. В своем отчете о состоянии преступности за 1931 г. прокуратура зашла так далеко, что утверждала о нацеленности рейдов сельских банд исключительно на уничтожение колхозной собственности и проведение «террористических актов» против сельских партийных, советских и милицеевских руководителей⁷¹. Эта оценка была справедливой, так как государственные органы и учреждения, колхозы, почтовые вагоны, склады и т. п. были самыми прибыльными объектами бандитских нападений. Прокуратура в своем отчете настаивала на том, что, учитывая исключительно опасный, контрреволюционный характер бандитизма, организаторы и руководители банд подлежали исключительной мере социальной защиты – расстрелу. В связи с приданием бандитизму статуса политических преступлений в кампаниях по уничтожению бандформирований нередко были задействованы, помимо местной милиции, сотрудники и войска ОГПУ. Привлечение к этой работе органов ОГПУ было обусловлено также тем, что местные власти обычно не располагали должными ресурсами и силами для преследования и уничтожения банд на своей территории.

Банды также нередко формировались из нерусского населения. В соответствии с одним отчетом, поступившим с Урала в 1932 г., нерусские банды было особенно сложно выслеживать и ликвидировать. Их участники часто имели семейные связи и жилье в тех районах, в которых они действовали. В результате местное нерусское население не только скрывало бандитов от властей, но и снабжало их информацией о передвижениях милиции. Сведения о бандитах было нелегко получать также в связи этническими противоречиями и языковыми барьерами. Милиции было сложно налаживать сети информаторов в нерусских районах, ей требовались переводчики, чтобы расспрашивать местных жителей о действиях бандитов⁷². В тех районах, где власть большевиков еще недостаточно укрепилась, прежде всего, в приграничных регионах с преимущественно нерусским населением, обычный бандитизм нередко перерастал в народные восстания. На Южном Кавказе смесь религиозных и антиросийских настроений с местными культурными

---

⁷¹ Приведенные оценки бандитизма, относящиеся к 1931 г. см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 20. Л. 42. Официальные суждения об откровенно политическом характере бандитизма оставались неизменными на протяжении всех 1930-х гг. См. ниже сноски 77 и 78.

⁷² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 492. Л. 36.

особенностями создавала питательную почву для волнений. С началом коллективизации в начале 1930-х гг. в нескольких районах вспыхнули открытые восстания против немногочисленных сил местной милиции и военных. По официальным докладам об этих событиях, ядро повстанческих сил сформировалось вокруг организованных бандитских групп, традиционно действовавших в этом регионе. В Нагорном Карабахе, расположенном недалеко от турецкой границы, силы повстанцев насчитывали до тысячи вооруженных всадников, действовавших группами по 50–60 человек⁷³. Из Нагорного Карабаха восстание распространилось на Нахичеванскую автономную область, граничащую с Турцией на Западе и с Персией на востоке, с населением более 100 тыс. преимущественно бедных сельских жителей. Столица области Нахичевань оставалась под властью большевиков, но советские власти оказались не в состоянии остановить частые нападения банд на сам город и близлежащие села. Аналогичные восстания произошли одновременно в соседней Армении, и советские власти очень опасались, что традиционно враждовавшие между собой местные этнические группы объединят свои силы.

В ходе этого, как и других восстаний, традиционный бандитизм смешивался с антисоветскими, антиколониальными и исламистскими религиозными движениями. Повстанцы удерживали свой регион в течение нескольких месяцев, свободно переходя границы с Турцией и Персией. Они вывешивали плакаты и транспаранты с лозунгами: «За единение Евангелия с Кораном, долой Советскую власть, за честь, за религию и за свободу!». Порядок в регионе удалось навести только после прибытия частей Красной Армии, усиленных войсками ОГПУ и пограничниками. В ходе операций по подавлению восстания советские войска потеряли убитыми около 80 человек, но им удалось захватить лишь очень малое число бандитов, большинство которых сумело укрыться в горных приграничных районах. В связи с тем, что войска требовались в других местах, советские власти прекратили кампанию по преследованию бандитов в горах и сосредоточили свои силы на предупреждении дальнейших вспышек сопротивления в долинах. Повстанцы постепенно вернулись к прежней жизни, и, как следует из докладов местной милиции, традиционный бандитизм в регионе продолжался практически с той же интенсивностью, что и до восстания.

Восстания такого масштаба, как в Нахичеванской области, представляли собой необычное явление. Но советские власти опасались их повторения, и именно поэтому они рассматривали бандитизм как опасный политический феномен, а не просто как проявление обыч-

---

⁷³ Это сообщение взято из письма Председателя ЦИК Азербайджанской ССР Г. Мусабекова Серго Орджоникидзе с описанием тех событий. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1s. Д. 127. Л. 1–10.

ной сельской преступности. Как указывалось в официальном докладе о восстании в Нахичевани, «кулацко-бандитские элементы» играли в нем ключевую роль. Их действия и проводимая ими агитация решающим образом повлияли на то, что значительная доля крестьян-середняков и даже бедняков этого региона приняли участие в анти-советском движении⁷⁴. Нахичеванское восстание также напоминало более ранние восстания исламистских банд так называемых «басмачей», представлявших серьезную угрозу советской власти в первые послереволюционные годы.

Если многие люди примыкали к бандам просто в связи с крайней нищетой, то, очевидно, не меньшее их число становились бандитами по причинам, которые фигурировали в официальных докладах, а именно – в целях борьбы против большевистской власти. Многие из числа «кулаков», оторванных от родной земли и лишившихся своего имущества, отправленных в ссылку или заключенных в тюрьмы и подавленных в бандиты, понимали, что у них нет иной судьбы, кроме как быть объявленными вне закона, людьми, которым нечего терять. Таким образом, действия, по крайней мере, некоторых бандитских формирований в СССР на протяжении 1930-х гг. полностью соответствовали классической модели «примитивного повстанчества», выведенной Эриком Хобсбаумом⁷⁵. Эти советские повстанцы из числа крестьян вели заведомо обреченную на поражение битву против грубого вторжения в их жизнь городских и, в некоторых случаях, колониальных сил, стремившихся модернизировать село методами экономического и военного принуждения. В более широком историческом контексте бандитизм 1930-х гг. можно рассматривать как последние спорадические вспышки вооруженного сопротивления в рамках евразийской крестьянской войны, начавшейся еще в XIX в., приостановившейся в 1920-е гг. и возобновившейся в 1930-е. Географическая распространенность бандитизма совпадала с районами наиболее ожесточенного крестьянского сопротивления большевизму в 1919–1921 гг., на которые обрушилась месть большевиков в период кампании раскулачивания 1929–1932 гг.⁷⁶

---

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1s. Д. 127. Л. 6.

⁷⁵ Eric Hobsbawm. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. NY, 1965. Первое издание этой книги вышло под названием *Social Bandits and Primitive Rebels*. NY, 1959. См. также: Lynne Viola. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Resistance*. NY, 1996. P. 175, 179.

⁷⁶ В докладе о Нахичеванском восстании дважды отмечается, что центр мятежа и бандитской активности совпадал с районами наиболее ожесточенного сопротивления установлению большевистской власти в 1919–1921 гг. Наиболее убедительные аргументы в пользу того, что коллективизация была продолжением крестьянской войны 1919–1920-х гг., содержатся в книге: Andrea Graziosi. *The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933*. Cambridge, Mass., 1996.

Несмотря на повторяемые кампании по ликвидации бандитизма, спорадическая активность бандитских групп продолжалась. В докладе прокуратуры за 1934 г. отмечалось угрожающее доминирование бандитских группировок в сельских районах страны и рост бандитизма в Западной и Центрально-черноземных областях. Годом позднее НКВД предпринял еще одну серьезную, но неудачную попытку искоренения бандитизма в стране⁷⁷. В марте 1935 г. пленум Верховного Суда СССР отметил продолжающийся рост численности и активности бандформирований в Западной Сибири, Средней Азии и на Украине. Пленум назвал бандитизм все еще сохраняющейся и одной из «наиболее острых форм» классовой войны, «направленной против социалистической собственности и существующего порядка управления»⁷⁸. Как и в прошлые годы, банды пополнялись бежавшими из ссылки кулаками и представителями местного нерусского населения. Но комиссия Верховного Суда также отметила как тревожное явление увеличение в рядах бандитов доли работающей или ранее работавшей молодежи, происходившее несмотря на «повышение политической грамотности колхозников и рабочей молодежи»⁷⁹. В середине 1930-х гг. доклады региональных органов милиции переполнены сообщениями о проведенных операциях по очистке соответствующих регионов от банд, и в каждом из них выражается уверенность в том, что в данном регионе с бандитизмом вскоре будет полностью покончено. Тем не менее количество банд в начале и в середине 1930-х гг. повсеместно оставалось примерно на одном и том же уровне. По мере ликвидации одних банд на их месте возникали новые⁸⁰.

Хулиганство и криминализация беспризорных и безнадзорных детей

Одним из наиболее тревожных признаков социальной неупорядоченности страны являлась проблема бездомных и лишенных родительского присмотра детей – беспризорников и безнадзорников. Огромное их число создавало угрозы поддержанию стабильности в обществе и охране общественного порядка в связи со сращиванием беспризорничества с уголовной преступностью. Беспризорники

⁷⁷ Доклад за 1934 г. см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 49–51.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 91. Л. 133.

⁷⁹ Там же. Л. 134. В докладе ничего не говорится о том, на каком основании комиссия пришла к своим выводам.

⁸⁰ В своих мемуарах Михаил Шрейдер, возглавлявший в 1937–1938 гг. милицию Новосибирска, а затем Казахстана, называет бандитизм одной из постоянных и основных проблем. Шрейдер Михаил. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 86.

и безнадзорники представляли собой основной источник пополнения профессиональной преступности в Советском Союзе. В результате социальных потрясений, происходивших в начале 1930-х гг., численность таких детей только в одной РСФСР скакнула со 129 тыс. в 1929 г. до своего максимума в 400 тыс. в последние месяцы 1933 г., причем последняя цифра учитывала только детей, прошедших через детские дома и приемники-распределители, которые в 1933 г. испытали массовый наплыв пойманных беспризорников. Одним из крупнейших центров приема беспризорников являлся бывший Даниловский монастырь в Москве⁸¹. Приведенные цифры не учитывают также, например, Казахстан, где число беспризорников составляло около 43 тыс. в 1933 г. и порядка 68 тыс. в 1934 г.⁸² В них не включена и Украина, где, по данным Совнаркома, в 1933 г. насчитывалось около 228 тыс. беспризорников⁸³. В целом по СССР в середине 1930-х гг. число беспризорников намного превышало полмиллиона детей.

Многие из этих детей являлись сиротами или были оторваны от родного дома в ходе коллективизации и голода 1932–1933 гг. Проведенный в 1932 г. опрос беспризорных детей, попавших в государственный приемник, размещенный в Даниловском монастыре, показал, что только 15 % из них были полными сиротами, потерявшими обоих родителей. Более частыми причинами беспризорности были нищета (ее назвали 18 % детей), бегство из дома под влиянием улицы и друзей (18 %) и заброшенность или неблагополучие в семьях (29 %). Однако уже на следующий год смерть родителей привела в ряды беспризорников почти половину (42 %) детей. Более того, почти половина опрошенных беспризорников, отвечая на вопрос о социальном положении родителей, отнесла их к категории крестьян-единоличников. Процентное распределение детей по другим причинам беспризорности осталось примерно прежним или соответствующие проценты даже сократились. Тяга к уличной жизни, в частности, упала в 1934 г. до 10 % от общего числа беспризорников⁸⁴. Как и другие приведенные выше цифры, эти данные относятся исключительно к РСФСР. Они не включают, например, Украину, где голод и коллективизация нанесли населению самый тяжелый урон. На Северном Кавказе, бывшем ареной ожесточенной классово-борьбы в период коллективизации и массового голода, число беспризорников перевалило далеко за 120 тыс. только во второй половине 1933 г.

Милиция, суды и органы социального обеспечения, в чьем ведении находились детские дома, затопила волна беспризорных детей.

---

⁸¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 18. Л. 195.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Д. 50. Л. 5.

⁸⁴ Там же. Д. 18. Л. 202.

Милиция ежемесячно устраивала облавы в городах, чтобы отлавливать беспризорников и помещать их в государственные учреждения для социальной адаптации. В Москве за весь 1933 г. милиция поймала около 28 тыс. детей, но условия их существования в детских домах были столь отвратительны, что «существенно более половины» помещенных в них беспризорников снова сбегали. Еще в мае 1934 г. власти оценивали число детей и подростков в возрасте от 12 до 17 лет, живущих на улицах городов России в 45 тыс. мальчиков и 15 тыс. девочек. Только в самой Москве одновременно число беспризорников составляло от 2 до 3 тыс.⁸⁵ Беспризорники отличались значительной мобильностью. В ходе облавы на десяти железных дорогах Западной части России за 1933 г. было выловлено около 4 тыс. беспризорных детей, незаконно разъезжавших по стране на поездах. Москва представляла собой самый популярный пункт назначения для путешествовавших таким образом беспризорных и безнадзорных детей. В 1933–34 годах намного более половины детей, прошедших через приемник-распределитель в Даниловском монастыре, приехали в Москву из-за пределов Московской области. В 1933 г. 27 % из них были уроженцами Украины⁸⁶. Не имея ни жилья, ни работы, социально униженные в связи со своим социальным происхождением и озлобленные жестокими обстоятельствами, превратившими их в беспризорников, многие дети становились преступниками. Несмотря на громадные усилия и гигантские средства, выделяемые государством, беспризорничество детей, как сообщалось в докладе Совнаркома в мае 1934 г., оставалось серьезной проблемой и неизбежно вело к росту преступности среди несовершеннолетних. Совнарком считал проблему беспризорничества и молодежной преступности «исключительно напряженной». В 1933 г. правительство потратило на очистку городов от беспризорников и малолетних преступников свыше 261 млн рублей, причем только в одной Москве на эти цели было потрачено 35 млн⁸⁷. В течение 1932 г. столичная милиция задержала или арестовала 15 648 несовершеннолетних преступников в возрасте от 12 до 17 лет. Большинство малолетних преступников привлекалось за воровство (87 % в 1931, 27 % в 1932 и 41 % в 1933 г.). Подавляющее их большинство происходило из «социально-опасных классов», под которыми понимались семьи не коллективизированных крестьян на селе и семьи нетрудовых элементов в городах⁸⁸. Как следует из упомянутого выше доклада Совнаркома, молодежные банды терроризи-

⁸⁵ Там же. Д. 50. Л. 5.

⁸⁶ Там же. Д. 18. Л. 201.

⁸⁷ Там же. Д. 50. Л. 4–5.

⁸⁸ Там же. Д. 18. Л. 201.

ровали продавцов и покупателей на городских рынках и толкучках. Юные преступники-рецидивисты циркулировали между детскими домами, сбегая оттуда и будучи возвращаемыми в них вновь. Они отрицательно влияли на других детей, вовлекая их в преступную жизнь и подталкивая к совершению различных преступлений, начиная с простейшего выхватывания сумок у прохожих на бегу и заканчивая хулиганством с поножовщиной, грабежами и разбойными нападениями в составе банд уголовников⁸⁹.

Ограничения, налагаемые законом в части недопустимости наказания малолетних преступников таким же образом, как взрослых, и запрет помещать их в тюрьмы сильно осложняли работу милиции по их изоляции и борьбе с подростковой преступностью. До 1935 г., когда были созданы специальные трудовые колонии и рабочие лагеря для несовершеннолетних, милиция была вынуждена просто направлять отлавливаемых малолетних преступников в приемники-распределители. В Москве, например, в 1933 г. третью часть детей, помещенных в эти распределители, составляли задержанные милицией за различные криминальные деяния. В докладе Совнаркома отмечено, что эти приемники-распределители и детские дома в целом быстро превращались во временные пристанища для несовершеннолетних преступников⁹⁰.

Весной 1935 г. советские власти приняли ряд драконовских законов против хулиганства, в которых также затрагивались взаимосвязанные с ним проблемы детских беспризорничества и безнадзорности. Эти законы наделяли милицию широкими полномочиями по задержанию детей, болтающихся на улицах, и применению к несовершеннолетним преступникам юридических и административных мер воздействия⁹¹. Несмотря на подобные меры, малолетняя преступность и хулиганство оставались серьезной проблемой или казалась таковой властям. Более того, опросы несовершеннолетних преступников выявили опасную тенденцию. Оказалось, что только 45 % из них составляли беспризорники и обитатели детских домов, а 55 % жили дома с работающими родителями. К середине 1930-х гг. в отличие от предыдущих лет пре-

---

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 50. Л. 2. См. автобиографические заметки о жизни беспризорника-хулигана в 1930-х гг. в замечательных мемуарах: Nicholas Voinov. *The Waif*. NY, 1955.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 50. Л. 3; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 847. Л. 201. Автобиографические заметки Воинова согласуются с официальными оценками Совнаркома об использовании многих домов в качестве базы для уголовных действий. Воинов описывает даже еще более масштабную систему организованной детской уголовной преступности, включавшей рэкет, подкуп милиционеров и убийства на почве мести представителей власти, прежде всего сотрудников НКВД.

⁹¹ См. с. 282–287.

ступления, совершаемые несовершеннолетними, в большинстве своем были не следствием их социальной неприкаянности, а результатом отсутствия должного присмотра со стороны родителей. Подавляющее большинство несовершеннолетних преступников (71 %) к моменту своего ареста уже один-два года и дольше были беспризорниками и обитали на улицах, ускользая от внимания милиции⁹². Еще более тревожным было то обстоятельство, что основная масса арестованных за преступления, совершенные в городах и промышленных районах, относилась к самой юной категории несовершеннолетних преступников в возрасте от 12 до 15 лет. Более старшие преступники в возрасте 16–17 лет попадались значительно реже и совершали свои преступления преимущественно в сельской местности⁹³.

Приведенная статистика может быть интерпретирована самым разным образом, но авторы исследования настаивали на том, что проблема преступности среди несовершеннолетних все еще оставалась серьезной. Она вовсе не была решена, несмотря на принятие драконовских законов 1935 г. Но еще ужаснее было то, что эти законы, криминализировавшие беспризорных и безнадзорных детей, также зачастую приписывали юным преступникам антисоветские намерения. Прокуратура и Верховный Суд в своих обзорах за 1935 и 1936 гг. предупреждали местные власти о необходимости серьезно относиться к установлению связей между молодежной преступностью и антисоветской деятельностью. Прокурор РСФСР В. А. Антонов-Овсеенко в своем докладе за 1935 г. отмечал, что хулиганство, в частности, перестало сводиться к нападениям и оскорблениям или разнузданному поведению. Хулиганские действия несовершеннолетних все чаще перерастают в организованное насилие, нападения с применением оружия, в грабежи и разбой. В некоторых местах, предупреждалось в докладе, молодежное хулиганство приобретает формы бандитизма и других контрреволюционных преступлений. Хуже всего было растущее число женщин, участвовавших в бандах хулиганов. Антонов-Овсеенко не дает никаких объяснений своим наблюдениям, но видит в них тревожные тенденции и прямые угрозы обществу и общественному порядку⁹⁴. Независимо от объяснений наблюдаемых явлений, даваемых разными обозревателями, заявления Антонова-Овсеенко можно считать типичными. С другой стороны, все они критиковали специальные суды по делам несовершеннолетних за проявляемую ими в целом излишнюю снисходительность к серьезным преступ-

---

⁹² Нахимсон Ф. К вопросу о борьбе с преступностью несовершеннолетних // Проблемы уголовной политики. Т. 3. С. 84.

⁹³ Там же. С. 86.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1619. Л. 39.

никам⁹⁵. В целом критики обрушивались на все органы – милицию, суды, Наркомпрос, возлагая на них ответственность за высокий уровень рецидива среди несовершеннолетних преступников и за то, что те не предпринимают должных мер, чтобы оградить детей от взрослых, «в особенности классово-чуждых и преступных элементов, и их энергичного влияния на преступность несовершеннолетних»⁹⁶.

Социально-вредные элементы

Одним из наиболее серьезных преступлений с точки зрения советских властей и руководителей полицейских органов являлась принадлежность человека к числу так называемых «социально-вредных элементов». Социальная вредность отличалась от других типов преступности, поскольку в самих терминах «социально-вредный» или «социально-опасный» элемент общественный статус человека смешивался с характером совершенного им преступления. До 1935 г. в Уголовном кодексе не было статьи для таких преступников, хотя на протяжении всех 1930-х гг. руководители страны издавали декреты и организовывали многочисленные кампании против социально-вредных элементов, как представлявших наиболее значительную угрозу власти и общественному устройству страны. Вместе с тем данная категория преступников хуже всего поддавалась формальному определению как с точки зрения слоев общества, к которым они принадлежали, так и характера их преступных деяний.

Сама категория людей, считавшихся социально-вредными, существовала еще с начала 1920-х гг., но в 1920-е гг. под категорию социально-вредных попадали только лица, имевшие в прошлом не менее двух судебных приговоров или четырех приводов в милицию⁹⁷. В 1930-х гг. милиция стала применять этот термин в более широком смысле, называя социально-вредными ряд маргинальных или девиантных групп населения. В частности, к социально-вредным или, как их еще именовали, к социально-чуждым стали относить людей, совершивших должностные преступления, безработных, действительных или предполагаемых мелких уголовников, выявленных нарушителей

---

⁹⁵ Нахимсон Ф. К вопросу о борьбе с преступностью несовершеннолетних. С. 86–91.

⁹⁶ Там же. С. 91.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 29. Л. 4. Привод формально не являлся арестом, а был средством запугивания, заключавшемся в доставке задержанного в отделение милиции, где его фамилию и другие данные заносили в картотеку нарушителей порядка. Впоследствии, во время беспощадного массового террора конца 1930-х гг. широко использовались списки лиц, подвергавшихся приводам.

паспортного режима. Согласно совместному приказу милиции и прокуратуры, с 1935 г. в эту же категорию стали включать не только представителей преступного мира, но и всех, кто поддерживал связи с известными уголовниками или не имел трудовых доходов. К ней также стали причислять профессиональных нищих, нарушителей законов о паспортном режиме и прописке, беспризорных или безнадзорных детей, совершивших те или иные преступления. На самом деле лица, включенные в категорию социально-вредных, совсем не обязательно были замешаны в каких либо преступлениях⁹⁸. Этот термин стал обобщенным названием для многих групп граждан, включая членов религиозных сект, людей, принудительно лишенных собственности и так называемых «бывших людей». Любому из них было достаточно в неудачное время оказаться не в том месте, например, быть задержанным во время милицейской облавы с проверкой документов, чтобы быть приговоренным во внесудебном порядке к заключению на пять лет в исправительно-трудовой лагерь или к ссылке в колонию-поселение⁹⁹. Отнесение маргинальных, девиантных и иных нежелательных слоев населения к категории социально-вредных элементов создавало определенные преимущества для власти. Милиция и государственные органы видели в социально-вредных элементах серьезную угрозу советской власти и общественному порядку, более опасную по сравнению с обычными правонарушениями, такими как, например, проституция или мелкое воровство. Так, объединение в одну категорию социально-вредных элементов уголовников и людей, отклоняющихся от принятых социальных норм, стало одним из способов, которыми руководители полицейских органов стремились поднять собственную значимость в защите государства. На практике же подобная перекалфикация существенно облегчала жизнь этим органам, поскольку нивелировала общественные сложности, сводя в одну простую категорию любые случаи нежелательного поведения граждан вместо того, чтобы расследовать сложную смесь разнообразных преступлений по отдельности. Представителей маргинальных и девиантных слоев общества стало проще репрессировать во внесудебном порядке в соответствии с одним общим законом, распространяющимся на все «опас-

⁹⁸ Там же. Оп. 64. Д. 1523. Л. 19.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 6. Л. 61. О социально-вредных элементах см.: Paul Hagenloh. Socially Harmful Elements; Gabor Rittersporn. The Impossible Change: Soviet Legal Practice and Extra-Legal Jurisdiction in the Pre-War Years. Paper given at the University of Toronto, Munk Centre for International Studies workshop, March 1995; David R. Shearer. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // Cahiers du monde russe. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 505–534; Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Ibid. Vol. 39. No. 1–2. 1998. P. 119–148.

ные элементы», чем судить их по разным статьям уголовного кодекса. В последнем случае от милиции требовалась нудная работа по сбору и оформлению свидетельских показаний, составлению обвинительных заключений и другие трудоемкие действия по подготовке обвинения. К арестованным по обвинениям, подпадавшим под разные статьи уголовного кодекса, требовалось применять разные меры пресечения в зависимости от тяжести совершенных преступлений. Приговоры, выносимые судами, не были заранее predeterminedены, а максимальные сроки заключения по большинству мелких преступлений были менее тех пяти лет, которые карательные органы имели право во внесудебном порядке давать людям, признанным социально-вредными. Более того, прокуратура нередко отказывалась утверждать и возвращала милиции обвинительные заключения в связи с нарушениями процедуры сбора доказательств или недоказанностью обвинения. Но самое главное заключалось в том, что милиция и органы госбезопасности получили право арестовывать и во внесудебном порядке отправлять в ссылку или заключать в тюрьму любого человека, который не совершал преступлений, предусмотренных уголовным кодексом, но по тем или иным причинам считался социально-опасным. Ягода постарался извлечь максимальную выгоду из предоставленных его службе возможностей. Ему не хватало терпения соблюдать установленные законом процедуры, и он поощрял своих подчиненных к тому, чтобы они арестовывали нарушителей закона и прочие антиобщественные элементы, объявляя их социально-вредными, вместо того, чтобы предъявлять им обвинения по различным статьям уголовного кодекса¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰ Замечания Ягоды см.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31. Об арестах как социально-вредных лиц, не подпадавших под действие УК, см. также: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 58. Л. 138–139. Нацистский режим в Германии также не только считал уголовными преступниками нищих и бродяг, но видел в них угрозу государству. Законы и власти Веймарской республики не усматривали в маргинальных группах населения политической угрозы, но чиновники пользовались термином «асоциальные элементы» и принимали законы, разрешавшие полиции отлавливать бродяг и лиц без документов и помещать их в трудовые лагеря. Wolfgang Ayass. *Vagrants and Beggars in Hitler's Reich*. // *The German Underworld: Deviants and Outcasts in German History*, ed. Richard J. Evans. London, 1988. P. 210–237, esp. 222–224, 235, n. 49. Об использовании термина «элемент» в российском и советском контекстах см.: Peter Holquist. *To Count, to Extract, to Eliminate: Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia* // *A State of Nations: Empire and Nation Making in the Age of Lenin and Stalin*, ed. Ronald Suny and Terry Martin. Oxford, 2001. P. 111–144. После революционных волнений 1848 г. в германских государствах местная полиция также стала усматривать политическую угрозу в нарушениях общественного порядка. Жандармерия проявляла особую активность в отлавливании криминальных и других маргинальных групп, считая это одной из составляющих антиреволюционной политики. Evans. *Rereading German History*. P. 68.

Милицейские чины весьма изобретательно пользовались таким средством, как криминализация маргинальных элементов. Подтверждением тому служит сообщение о задержаниях людей в Ленинграде в 1934 г. В сообщении содержится список из 16 человек с краткими их характеристиками, задержанных за нарушение вновь введенных законов о паспортах и прописке. Милиция привычно отнесла этих нарушителей к категории социально-вредных элементов. Среди этих шестнадцати были пять женщин без определенного места жительства и постоянной работы. Все они были в возрасте от 20 до немного старше 30 лет и ранее неоднократно задерживались милицией на улицах. Все они были записаны как лица без определенных занятий и места жительства. У нас нет достаточных оснований подозревать этих женщин в занятиях проституцией, исходя из кратких милицейских характеристик, но эти характеристики делают подобные предположения весьма вероятными. В любом случае не имело значения, являлись ли эти женщины бездомными попрошайками, а в 1934 г. в уголовном кодексе не было статьи, карающей за нищенство и бродяжничество, или они занимались проституцией, считавшейся уголовным преступлением. Закон позволил милиции отнести задержанных к категории социально-вредных как нарушителей паспортного режима и легко и просто арестовать их¹⁰¹. Дела всех пяти женщин, указанных в сообщении ленинградской милиции, были быстро рассмотрены милицейскими органами во внесудебном порядке и, в зависимости от того, сколько раз их задерживали прежде, они были выселены из города или отправлены в ссылку. При этом не потребовалось доказывать, что они совершили преступления, предусмотренные уголовным кодексом, не имело также значения, представляли они какую-либо опасность для города. Не интересовал милицию и тот факт, почему эти женщины оказались бездомными и безработными, занимались ли они проституцией или попрошайничеством. Упрощенная система классификации правонарушений в сочетании с внесудебным административным преследованием оказалась очень эффективным средством расправы с человеческими «щепками», отлетающими в ходе строительства сталинского социализма*.

Советские чиновники почти всегда употребляли термин «социально-вредный элемент» в единственном числе, независимо от того, шла ли речь об отдельных лицах или о группе людей. Таким образом, разные люди объединялись в некую однородную массу, несущую угрозу

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 1–3.

* Автор здесь намекает на известное изречение Сталина, неоднократно приводившего русскую поговорку «Лес рубят, щепки летят» в обоснование массовых репрессий 1930-х гг. – *Примеч. пер.*

для общества. При этом в одну группу под названием «социально-вредный элемент» или, как было принято сокращать сложные термины в те годы, «соцвредэлемент» попадали проститутки и мелкие уголовники, члены религиозных сект и профессиональные нищие, хулиганы вместе с деклассированными элементами, лишенными собственности и гражданских прав («лишенцами»), безработными и нарушителями паспортного режима. Все эти люди представляли непокорные, анархические и неорганизованные сегменты населения, преступников или бывших преступников и маргинальные элементы. Они не вписывались в упрощенную классификацию, введенную властями и подразделявшую все население на рабочих, колхозников и служащих. Подобно грязи или мусору, неорганизованным сегментам не было места в обществе. Они не занимались продуктивным трудом, портили лицо города, высасывали государственные ресурсы, переполняли собой хрупкую инфраструктуру городов и сел. Неорганизованные сегменты населения загрязняли общество как в политическом, так и в физическом смысле слова. Они были носителями не только «вируса антисоветчины», но также являлись, на самом деле или как считалось властями, источниками и распространителями эпидемий таких инфекционных заболеваний, как тиф и туберкулез, косивших население в 1930-е гг. Власти противопоставляли мобильные, неорганизованные группы людей (кочевников, бродяг, сирот), считая их вредными, полному местному коренному населению¹⁰².

Категория «социально-вредного элемента» пересекалась с кулаками, но последние тем не менее составляли отдельную преступную группу. К 1933 г., по утверждению Сталина, государство ликвидировало кулачество как враждебный класс. Кулаки содержались в лагерях, а большинство в спецпоселениях, куда было выселено более миллиона крестьян, лишенных собственности. Тем не менее власти не относили кулаков к категории соцвредэлемента за исключением тех случаев, когда сбежавших из ссылки кулаков задерживали как нарушителей паспортного режима или арестовывали за мелкие преступления. Кулаков, отбывших сроки ссылки, но ставших нарушителями закона о прописке, часто идентифицировали в статистике как бывших кулаков или соцвредэлемент. Совсем иное дело представляли собой кулаки, жившие и работавшие в спецпоселениях. По-прежнему считаясь антисоветчиками, кулаки занимались производительным трудом на пользу государству. Содержавшиеся в колониях или спецпоселениях кулаки больше не представляли политической или социальной опасности в отличие от социально-вредных элементов, в которых полицейские органы видели большую угрозу хотя бы потому, что те еще не

---

¹⁰² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

были отправлены в места заключения и присутствовали повсеместно. Конечно, имелись также многие сотни тысяч раскулаченных, но не высланных или сбежавших из ссылки крестьян. Эти люди, лишенные постоянных места жительства или работы, были вытолкнуты на обочину социально-экономической жизни советского общества и слишком часто попадали под определение категории социально-вредного элемента, границы которой постоянно расширялись.

Соцвредэлемент стал главным врагом общества в рамках нового этапа классовой борьбы. В течение большей части 1930-х гг. основное внимание милиции и органов госбезопасности было приковано к этой довольно нечетко определенной категории граждан. В наибольшей степени в кампанию борьбы с социально-вредными элементами была вовлечена политическая полиция в лице органов ОГПУ/ГУГБ, занимавшихся этим и ранее. Еще в 1920-е гг. ОГПУ добились права арестовывать и отправлять в ссылку социально-вредные элементы, и с этим своим правом органы госбезопасности больше никогда не расставались¹⁰³. По мере расширения самого понятия «социально-вредный элемент» обычная милиция и органы госбезопасности, слитые в одно ведомство, совместно участвовали в широкомасштабной кампании по его выявлению и наблюдению. Органы госбезопасности сохранили за собой право изолировать эти категории населения, помещая их в лагерь и спецпоселения или высылая в определенные регионы страны. Эта кампания была продолжением кампаний 1920-х гг. по лишению имущественных и гражданских прав классовых врагов государства и революции, но проводилась другими, более беспощадными методами. В 1920-е гг. этими кампаниями, в ходе которых отдельным лицам присваивался статус законопослушных или сочувствующих советской власти граждан, занимались местные гражданские власти. Зачастую местные советские органы использовали подобные кампании для очищения собственных рядов от смутьянов, слабых или плохих работников и других нежелательных элементов. Местные Советы нередко вовлекали в эти кампании население, организуя разоблачительные письма, обращения, газетные статьи, собрания и опросы. Милиция и органы госбезопасности имели возможность усиливать давление на нежелательных граждан, но лишение их гражданских прав представляло собой процесс самоочищения общества, проходивший под контролем местных советских властей¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Stuart Finkel. An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 5. No. 2. Spring 2004. P. 306.

¹⁰⁴ Golfo Alexopoulos. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2003.

В 1930–1931 гг. ситуация изменилась. Милиция и органы госбезопасности стали все шире привлекаться к решению растущего числа вопросов, связанных с лишением гражданских и имущественных прав и высылкой граждан. В декабре 1931 г. Д. В. Усов, заместитель начальника отдела ОГПУ, контролировавшего деятельность милиции, попытался добиться от нее должной реакции на явления, представлявшие очевидную и растущую угрозу общественному порядку. С одной стороны, Усов являлся сторонником жесткого курса. Он прямо назвал нищих и бродяг «общественными паразитами» и отметил, что по мере обострения классовой борьбы социально-вредные элементы могут попытаться настроить некоторых бедняков и бездомных против советской власти. Усов поставил перед милицией задачу решительной борьбы против любых проявлений общественного паразитизма. С другой стороны, он признавал, что проблема нищенства и бродяжничества имеет уходящие в прошлое корни и заключается в неспособности «несознательных отсталых элементов» приспособиться к новой советской действительности. Учитывая истоки данной проблемы, роль милиции должна быть второстепенной и сводиться к помощи органам социальной защиты, в чью компетенцию входит ее решение. Милиция должна предпринимать прямые репрессивные меры в отношении нищих и бродяг только в случаях, когда действия профсоюзов, органов социальной поддержки и здравоохранения в их отношении не приносят должного эффекта. Усов предостерегал местные органы против необоснованного применения силы. Он напоминал подчиненным о том, что «еще продолжают иметь место со стороны отдельных категорий населения взгляды на нищенство, как на форму религиозного подвижничества, с оказанием поддержки этим явлениям, что укрепляет позиции классовых врагов, использующих эти явления в своих политических целях. В особенности большое значение этот вопрос приобретает в национальных районах, где культурная отсталость масс поощряется фанатически настроенным духовенством, использующим нищих как проводников антисоветской агитации и разных враждебных слухов». В конце своей директивы Усов приказывает милиции арестовывать только тех нищих, которые отказываются от работы, и рекомендует изолировать и высылать их в порядке «охраны революционного порядка и общественной безопасности»¹⁰⁵.

Как следует из осторожных формулировок директивы Усова, ОГПУ в 1931–1932 гг. все еще рекомендовало своим местным органам оставлять маргинальные слои общества в ведении гражданских

---

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 278–279.

социальных учреждений и вмешиваться только в тех случаях, когда маргиналы представляют криминальную или политическую угрозу обществу. В начале 1933 г. рассылаемые на места приказы все еще продолжали проводить различия, пусть неявно и только по оперативным соображениям, между маргинальными слоями общества, подлежащими высылке из городов, и политическими преступными категориями, такими, как контрреволюционеры, кулаки и другие опасные антисоветские элементы. Однако постепенно границы между ними в указаниях руководства начинают размываться. В 1934–1935 гг. Ягода и другие руководители НКВД полностью слили эти категории в одну, считая маргиналов социально-опасными, антисоветскими и даже более опасными элементами по сравнению с теми классовыми врагами, которые были депортированы в ходе раскулачивания. Столь радикальные перемены формулировок были обусловлены выступлением Сталина в январе 1933 г., в котором он назвал преступность новой формой классовой борьбы, а преступников – новым классовым врагом. Этим своим выступлением Сталин дал старт кампании против маргинальных слоев населения, превратив их сначала в «социально-опасные элементы», а затем и в контрреволюционеро-антисоветчиков. Сталинское выступление отразило растущую озабоченность руководства страны теми угрозами политике правящего режима и его стабильности, которые несли в себе нарушения общественного порядка. Сталинские формулировки позволили Ягоде вполне серьезно утверждать, что нищие и попрошайки являются контрреволюционерами, опасными для власти. Сталин в своем выступлении приравнивал охрану общественного порядка к обеспечению государственной безопасности, что в тогдашних обстоятельствах было в определенной степени справедливо, и превратил кампанию по его поддержанию в новый этап классовой борьбы.

Заключение

В 1930-х гг. власти завершили кампании по лишению гражданских и имущественных прав так называемых «бывших людей», после чего ужесточили свое отношение к маргинальным и девиантным слоям населения, видя в них не просто чужеродные, но опасные элементы. Как будет показано в последующих главах, политика в отношении этих групп населения во все большей степени отдавалась на усмотрение милиции и органов госбезопасности. В результате политика в части установления социального статуса граждан и их репрессирования, проводимая местными советскими властями под руководством гражданских органов центра, приобрела милитаризованный характер и стала целиком осуществляться в рамках централизованной полицейской системы. В 1930-х гг. право определять, кого следует счи-

тать чуждым, а кого – социально-близким элементом, кто является законопослушным гражданином, а кто – социально-опасным, постепенно перешло от гражданских органов власти к милиции и органам госбезопасности. Подобное урезание полномочий гражданских властей в пользу полицейских органов стало признаком проведенной Сталиным «революции сверху».

Помимо изменившихся представлений о содержании классовой борьбы, имелось и немало других причин, по которым политическое руководство страны и полицейские органы обратили в 1930-е гг. столь серьезное внимание на маргинальные слои общества. Одной из причин подобного внимания, подробно описываемого в последующих главах, была идея профилактики правонарушений. Другие причины крылись в социально-экономической обстановке, сложившейся в стране в начале 1930-х гг., и в общей недоразвитости сил охраны порядка. Руководство страны во главе со Сталиным имело все основания для беспокойства в отношении кризиса в части охраны общественного порядка и неспособности гражданских властей справиться с этой задачей. Следующая глава книги посвящена проблемам общественного порядка и полицейских органов, возникших в конце 1920 – начале 1930-х гг.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ПОЛИЦЕЙСКИЕ ОРГАНЫ

РКМ в своем нынешнем состоянии не может обеспечить ни в одной республике, крае, области революционный порядок и общественную безопасность.

Георгий Ягода, 1932 г.

Проблема борьбы с преступностью и охраны общественного порядка имела в начале 1930-х гг. две стороны. Сталинские индустриальная революция и классовая война в деревне повлекли за собой социальные сдвиги поистине библейских размеров. Этот период был отмечен масштабными конфискациями собственности, массовыми депортациями и усиленной миграцией населения. Сотни тысяч крестьян, лишившихся имущества и зачастую голодавших, других сельских жителей, включая сельскую интеллигенцию, стекались к железным и шоссейным дорогам, стремясь прорваться в города и промышленные центры. Столь массовая неорганизованная миграция людей подрывала экономические ресурсы страны, угрожая захлестнуть недоразвитую инфраструктуру городов и нарушить стабильность общественного порядка. Массовую миграцию пополняло большое число нищих и бродяг, уголовников, безработных молодых людей, цыган, «лишенцев» и других групп населения. Столь масштабные социальные потрясения порождали рост числа нарушений общественного порядка, ставший в 1933 г. основой для сталинских рассуждений об угрозах со стороны преступности. Безусловно, Сталин сформулировал проблему социальных потрясений в терминах обострения классовой борьбы, и никто из руководителей страны не осмелился публично признать, что столь широко распространившиеся случаи нарушения общественного порядка стали результатом политики правящего режима, а не сопротивления враждебных классов. Но, независимо от причин подъема преступности и нарастания других социальных проблем, лидеры страны были убеждены в том, что эти явления представляют серьезную опасность для государства и решения задач строительства социализма.

Такова была одна часть проблемы охраны общественного порядка в стране. Другая же заключалась в том, что советское государство не обладало достаточными ресурсами для борьбы с нараставшей дезорга-

низацией общества. Социальные службы были слабы и не справлялись с наплывом нуждающихся в их помощи, а государственные правоохранительные органы также испытывали трудности в преодолении внезапно навалившихся на них трудноразрешимых проблем. Вся мощь сталинского социалистического государства была сосредоточена в новых социально-экономических областях, а партийные лидеры бросили небывалые финансовые и человеческие ресурсы на то, чтобы одержать в них победу – подавить крестьянство и его сопротивление коллективизации, провести широкую индустриализацию страны. Эту битву советская власть сумела выиграть как на селе, так и в городах. Но совсем иначе обстояли дела с охраной советских порядков. Центральные партийные органы власти находились в безопасности, но то же самое нельзя было утверждать в начале 1930-х гг. с полной определенностью в отношении гражданских и партийных учреждений на селе или даже во многих городах. Помимо местных партийных органов, ответственность за поддержание хотя бы видимости общественного порядка в ходе сталинского социалистического наступления была возложена в значительной степени на местные полицейские органы, реальные возможности которых не соответствовали порученным задачам. В настоящей главе рассмотрены проблемы охраны порядка и полицейских органов в самый разгар социальных потрясений первой половины 1930-х гг.

Милиция

На переднем крае защиты государства и общества от их врагов должна была находиться милиция. Но главная проблема милиции заключалась в ее малочисленности. В докладе НКВД РСФСР от апреля 1930 г. прямо говорилось о наличии данной проблемы. Согласно докладу, численность милиции совершенно недостаточна даже для решения обычных задач охраны общественного порядка, не говоря уже о дополнительных задачах, которые ставит перед милицией ускоренное строительство социализма в стране. В РСФСР тогда насчитывалось всего 33 563 милиционера, около 53 тыс. работников вневедомственной охраны, нанимаемых предприятиями, и 4441 оперативный сотрудник уголовного розыска. Число милиционеров сократилось почти на тысячу человек по сравнению с предыдущим, 1929 г., а общая численность милиции оказалась почти в четыре раза меньше численности российской полиции, поддерживавшей общественный порядок в 1913 г. накануне Первой мировой войны¹. Кроме

---

¹ Га РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 10. Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. и др. Полиция и милиция России. Страницы истории. М., 1995; Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы советского государства в 1917–1936 гг. Историко-правовое исследование. Саратов, 2001. С. 124; Курицын В. М. История государства и права России 1929–1940. М., 1998; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в советском государстве 1917–1941. Уфа, 1994.

того, главная часть сил регулярной милиции была сосредоточена в крупных городах и промышленных центрах, а защитой интересов государства и охраной порядка в сельской местности по всей РСФСР занималось всего 12 887 человек. Это число было плачевно малым, если исходить из официально установленной нормы, согласно которой один милиционер должен был приходиться на каждые три тысячи жителей. В крупных городах это соотношение поддерживалось на уровне 1: 750–800, но в сельских районах всего один милиционер в среднем приходился на 5371 жителя. Вне крупных городов обеспеченность милиции личным составом колебалась в довольно широких пределах, но оставалась в большинстве случаев недостаточной. В 1932 г. Г. Ягода смог доложить правительству, что численность милиции на Украине, в Белоруссии и на Северном Кавказе достигла приемлемого уровня. Несмотря на это, положение, по его словам, было катастрофическим. К примеру, на Средней и Нижней Волге численность городской милиции упала до уровня одного милиционера на 9–10 тыс. жителей. На Урале, где криминогенная обстановка была особенно напряженной в связи с наличием большого числа лагерей и колоний-поселений, один участковый инспектор приходился на 15 400 человек², в ведении его находилась территория средней площадью 3535 квадратных километров³. Те же проблемы испытывала Западная Сибирь, где в сельской местности один участковый приходился на 14 тыс. жителей и обслуживал территорию площадью в 5513 квадратных километров⁴. Менее 900 милиционеров обслуживало всю территорию Дальнего Востока, простиравшуюся от побережья Северного Ледовитого океана на севере до границы с Китаем на юге. Менее 1400 работников вневедомственной охраны обеспечивали посильную охрану заводов, шахт и других промышленных предприятий на этой территории. На всем советском Дальнем Востоке работало всего 137 сотрудников уголовного розыска⁵.

В докладе ВЦИК цифры численности милиции были несколько выше приведенных НКВД, но также выражалась озабоченность кризисным состоянием органов охраны правопорядка⁶. На самом деле этот кризис был еще более глубоким по сравнению с усредненными статистическими сведениями. Если в большинстве районов страны милиционеров было мало, то имелись районы, где милиции не было вовсе. Таких было 152 района, что составляло 9 % от общего числа районов РСФСР, насчитывавшей в 1932 г. в общей сложности

² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1320. Л. 1–3.

³ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 13.

⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 21; ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 13.

⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 140об. В соответствии с этим отчетом численность штатной милиции составляла 37 673 человек, ведомственной милиции 58 341 человек и уголовного розыска 5014 человек.

1675 районов. Еще треть районов имела по три и менее милиционера. В тех районах, где штат милиции был от пяти человек и больше, эти малые силы были в основном сосредоточены в городах, а правопорядок в прилегающей к ним сельской местности на постоянной основе никто не охранял⁷. Если по нормам в каждой деревне должно было быть не менее двух инспекторов уголовного розыска, то в большинстве сельских отделов милиции их не было ни одного. Некоторые области были довольны иметь хотя бы по одному инспектору уголовного розыска на несколько входивших в них районов.

Состояние милиции в сельских районах было совершенно неудовлетворительным, но и в городах ситуация была ненамного лучше. Именно в городах были сосредоточены основные силы немногочисленной милиции, но до 1932 г. большинство городских районов, за некоторыми счастливыми исключениями, не имели собственных отделений милиции. Как ни странно, во многих городах руководство местной милицией осуществлялось управлениями областного или даже республиканского уровня⁸. Более того, численность городской милиции была также невелика. В предложениях по реорганизации милиции, подготовленных в 1932 г., говорилось, что «несмотря на некоторое увеличение штатов, численность милиции все еще недостаточна для обеспечения революционного порядка и общественной безопасности в ряде городов, рабочих поселков и промышленных районов. Прирост штатов явно отстает от темпов возникновения новых городов и расширения существующих. Имеются случаи ликвидации за отсутствием штатов уже сформированных аппаратов милиции в рабочих поселках»⁹. Управления милиции даже на территориях вокруг Москвы страдали от отсутствия руководящих кадров. В Московской области в 1932 г. оставались вакантными от одной четверти до трети должностей командного состава милиции¹⁰. В милицейском циркуляре отмечалось почти полное отсутствие внимания к формированию органов милиции в провинции вообще и в «национальных» районах, в особенности, где нерусское население составляло большинство. Этот факт вызывал особую тревогу в условиях «интенсификации классовой борьбы в этих регионах, где местные власти нуждались в возможности положиться на лояльные ей силы милиции»¹¹.

В начале 1930-х гг. милиция была плохо подготовлена, слабо оснащена, а работа милиционеров была низкооплачиваемой. Средняя ме-

---

⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1316. Л. 11об.

⁸ ГА РФ. Ф. 9515. Оп. 3. Д. 31. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 159.

сячая заработная плата инспектора уголовного розыска в 1932 г. составляла от 110 до 130 рублей в месяц, хотя в 1933 г. предполагалось повысить их минимальное жалование до 120–130 рублей. Это было ниже средней заработной платы неквалифицированного рабочего в неприоритетных отраслях легкой промышленности. Участковый инспектор получал жалование на уровне продавца магазина, то есть порядка 60–70 рублей в месяц, а рядовой милиционер зарабатывал только 50–60 рублей. В сельских районах Западной Сибири местный милиционер мог рассчитывать на жалование 30–40 рублей в месяц¹². В 1932 г. большинство офицеров милиции снабжалось по второй категории, то есть получало по карточкам меньше продуктов и товаров, причем худшего качества, по сравнению с государственными служащими, которых снабжали по первой категории. Лишь к концу 1930-х гг. сотрудники милиции приблизились по размерам должностных окладов, категориям снабжения и уровню подготовки к военнослужащим и сотрудникам госбезопасности.

Если численность милиции была недостаточной, то же самое можно было утверждать и относительно профессиональной подготовки милиционеров. Их квалификация заметно не соответствовала возложенным на них обязанностям. В докладе российского правительства за 1930 г. с горечью констатировалось неблагоприятное состояние дел в этой области и отмечалось, что «две трети начальников краевого управления и четыре пятых участковых инспекторов на селе не имеют специальной подготовки, хотя на этих плечах лежит самая серьезная задача защиты революции»¹³. Ситуацию усугубляли постоянные «чистки» милиции от «элементов, не заслуживающих доверия». Конечно, «чистки» помогали освободить милицию от многих отталкивающих личностей, но одновременно ослабляли ее, прежде всего – милицейские отделы уголовного розыска, изгоняя из их рядов опытных и хорошо подготовленных сотрудников. Многие из них обычно не были членами партии и работали еще в дореволюционной полиции. Прореживание их рядов заметно снизило общий уровень квалификации милиции. Только за один год в период с 1929 по 1930 г. доля сотрудников уголовного розыска, имевших специальную подготовку, понизилась с 18 до 16 %¹⁴.

Милиция представляла собой военизированную организацию, но до 1931 г. милиционеры практически не обучались обращению с оружием и не проходили тренировок по стрельбе. Многие провинциаль-

---

¹² ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 10–11; ГАНО Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 31; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 29. В 1928 г. жалование начальника отделения милиции в г. Троцке Ленинградской области составляло 94 рубля в месяц, а его пятерых подчиненных – 44 рубля. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 21. Л. 3.

¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 33.

¹⁴ Там же.

ные милиционеры вообще не имели оружия, но даже те, у кого оружие было, зачастую не умели его применять или содержать должным образом¹⁵. Например, восемь милиционеров, составлявших весь штат милиции города Троицка под Ленинградом*, считались хорошо вооруженными, имея два револьвера и один пистолет «Браунинг» на всех. Участковые инспекторы имели в своем арсенале также несколько старых австрийских винтовок, с которыми они конвоировали арестованных¹⁶. В большинстве же районов милиционеры были вооружены еще хуже. В многочисленных приказах милицейское руководство жестко критиковало местные отделения, имевшие оружие, за его плохое содержание, хранение и неумелое применение. В приказе, изданном в 1931 г., общая военная выучка милиционеров характеризовалась как «катастрофическая» и отмечалось, что зачастую местная милиция уступает в этом отношении хорошо организованным вооруженным бандам, действующим почти во всех областях страны¹⁷.

Работа в милиции, даже в уголовном розыске и оперативных подразделениях, мало привлекала молодых и здоровых новобранцев. Например, в 1932 г. только 20–25 % милиционеров были достаточно физически развиты, чтобы с успехом исполнять свои обязанности. В связи с низкой оплатой труда и плохой обеспеченностью жильем, отмечалось в докладе, служба в милиции «сплошь и рядом казалась привлекательной только инвалидам и людям с очень плохим состоянием здоровья»¹⁸. Еще больше усугубляло положение то, что милиционеры были плохо экипированы для нормальной работы. Всего чуть больше трети из них обладали исправным оружием, немногие патрульные имели форменную одежду, а местные власти отказывались предоставлять рабоче-крестьянской милиции подходящие помещения. Большинство удаленных отделений милиции не имели телефонной связи с центральными управлениями, причем даже в крупных городах, и очень немногие из них обладали автотранспортом, необходимым для перевозки арестованных, проведения операций или даже просто для посещения совещаний у руководства¹⁹.

---

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 24; ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 3. Л. 59.

* Так с 1923 по 1929 г. назывался город Гатчина. – *Примеч. пер.*

¹⁶ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 21. Л. 2.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 76.

¹⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 24.

¹⁹ Там же. Плохие служебные и жилищные условия, отмеченные в Западной Сибири, отражали положение дел в милиции в общесоюзном масштабе. Описания аналогичных условий российской и украинской милиции в целом см.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–15; Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 24–40; Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1130. Л. 8–9. См. также критический анализ низкой эффективности и коррупции в руководстве милиции Западной Сибири, приведенный Ягодой в 1934 г. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 13.

В отчете одного из сельсоветов Ленинградской области сохранилось описание типовых проблем сельской милиции. Району, название которого не приведено в отчете, повезло в том плане, что здесь имелся милиционер, правда, в единственном числе, в ранге инспектора. В его ведении находилось несколько деревень района. Соответственно, этот милиционер находился в подчинении нескольких сельсоветов, перед которыми, как можно предположить, он должен был отчитываться. В отчете сельсовета сообщалось, что «у него нет постоянного места, ...и он ездит из села в село и из колхоза в колхоз, часто заполняя формы и составляя документы в собственной квартире, ...также проводит консультации и допросы граждан в своей квартире. ...У сельсовета нет возможности следить за его работой». Отчет сухо констатировал, что в связи с тем, что инспектор имелся в районе в единственном числе, у него не было своего кабинета, и он был перегружен разнообразными обязанностями, его никогда и никто не мог найти, когда это было действительно нужно. Более того, местные Советы не имели представления о том, чем занимается инспектор, и на что он тратит свое время. Отсутствовали какие-либо документы, регламентировавшие его деятельность, и некуда было обращаться с жалобами, претензиями и заявлениями на его работу. «Сельсовет, – отмечалось в отчете, – не располагал никакими возможностями контролировать работу инспектора». Подобное положение милиционеров не только не способствовало поддержанию общественного порядка, но открывало возможности для служебных злоупотреблений. Действительно, в работе милиции на протяжении всех 1930-х гг. мелкое вымогательство, шантаж, взимание лишних штрафов представляли серьезную проблему, наличие которой никоим образом не оправдывали низкая заработная плата и отсутствие нормативов, регламентировавших деятельность милиционеров²⁰.

Описанная выше ситуация была достаточно типичной, но интересно заметить, что тот инспектор, о котором шла речь в докладе, представлял собой счастливое исключение в том смысле, что располагал жильем и по-видимому каким-то транспортным средством в то время, как отсутствие жилья и транспорта являлись хронической проблемой милиции. Предполагалось, что сотрудники милиции, подобно ОГПУ или армии, бывшие военизированной организацией, должны были обеспечиваться жильем в принадлежащих государству капитальных домах или, на худой конец, в бараках. На самом деле служебной жилплощадью были обеспечены менее 5 % милиционеров, и, несомненно, предоставление жилья сотрудникам при приеме на работу в милицию было скорее не правилом, а исключением из него. В Западной Сибири,

---

²⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 3.

которая отражала общие для страны тенденции, только 5 % милиционеров имели служебное жилье. Остальные же были вынуждены выкраивать из своей и без того скромной зарплаты деньги на аренду комнат или квартир. Особенно экстремальная ситуация сложилась в Новосибирске, где половина милиционеров была вынуждена снимать жилье в частном секторе, и, что примечательно, почти 6 % сотрудников милиции числились как вовсе не имеющие жилья²¹. Местные власти обязаны были обеспечивать милиционеров жильем из собственного жилищного фонда, но в милицейском докладе о состоянии дел в Западной Сибири, представленном в 1932 г., отмечалось, что местные Советы полностью устранились от удовлетворения потребностей милиции в жилье и деньгах на оплату труда сотрудников²². Несмотря на свои обязательства, Советы районного и областного уровней постоянно задерживали выплаты заработной платы милиционерам, расходуя деньги на другие первоочередные нужды, включая пополнение чиновниками собственных карманов. Необеспеченность милиции всем необходимым, включая обучение сотрудников, их вооружение, выплаты жалования и предоставление жилья, распространялось также на транспортные средства. Милицейские автомобили и автобусы, редкие даже в крупных городах, на селе отсутствовали вообще. Многие сельские милиционеры не имели в своем полном распоряжении даже лошадей. Они не могли патрулировать свои территории, выезжать на места преступлений и реагировать на вызовы или даже приезжать на совещания²³. Хорошо, если у милиции была хотя бы одна лошадь на весь подведомственный район. В 1930 г. лошадей имели менее половины всех сельских отделов милиции²⁴. Например, в Троцком районе Ленинградской области милиционеры могли рассчитывать только на двух лошадей, принадлежавших местной больнице и сельсовету, да и то, если те не были заняты²⁵.

Не приходится удивляться тому, что при подобных условиях труда милиционеры либо увольнялись, либо становились на путь совершения мелких преступлений, чтобы находить средства существования. В 1929–1930 гг. текучесть кадров в милиции составляла в среднем 64 %. На Дальнем Востоке состав милиции полностью обновлялся каждые два года, а на Урале за 1930 г. из милиции уволились и были заменены новыми почти все сотрудники, не считая 7 %, оставшихся

---

²¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 28.

²² Там же. Л. 32.

²³ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 14.

²⁴ Там же.

²⁵ См. описание работы и проблем сельской милиции Троцкого района Ленинградской области в 1928–29 гг. в ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 21.

с начала года²⁶. Коррупция в милиции была привычным явлением, о чем свидетельствует осуждение в 1929 г. за разные преступления до 20 % рядовых милиционеров. В том же году примерно 5 % милицмейских начальников разного ранга были осуждены за должностные преступления. Во внутреннем милицмейском отчете за 1930 г., из которого взяты приведенные цифры, также отмечалось, что число уголовных преступлений в рядах милиции быстро растет из года в год. В том же отчете утверждалось, что число осужденных среди сотрудников уголовного розыска в 1929 г. достигло 7,6 %²⁷. Прокуратура РСФСР в своем расследовании зашла еще дальше, назвав уголовный розыск настоящим сборищем воров, мошенников и взяточников. Этот отчет, в котором прокуратура, исходя из собственных ведомственных интересов, безусловно, несколько сгустила краски, тем не менее поднимал серьезную проблему. В отчете признается, что милиционеры подвержены соблазну совершения преступлений, что объяснимо низким жалованием и плохими условиями труда, и содержится призыв к улучшению их материального положения. «Низкая плата и тяжелые условия работы приводят многих работников следственного аппарата к полному загниванию, – сообщалось в докладе государственного контрольного органа Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция) за 1931 г. – Варясь в собственном соку, работники начинают костенеть и скатываются к безобразным преступлениям». Расследование прокуратуры, проведенное в Средней Азии, выявило подробности поистине ужасающего положения в милиции вообще, и особенно в ее следственных и розыскных подразделениях, вымогавших гигантские взятки за любые послабления. В частности, с людей требовали взятки за выдачу им для погребения тел родственников, умерших в заключении. Условия содержания заключенных в тюрьмах были ужасными, и если родственники были не в состоянии заплатить, то тела их умерших родственников по нескольку дней оставались лежать в общих камерах с живыми заключенными²⁸.

Как следует из расследования Рабкрин, проблема коррупции и преступности в милиции лишь частично была обусловлена низкой оплатой труда и тяжелыми условиями работы сотрудников. Криминальность была неотъемлемой частью методов работы офицеров уголовного розыска. Сама природа проводимых ими секретных розыскных действий заставляла их постоянно тесно контактировать с преступниками и другими опасными персонажами. Внедряясь в преступный мир и становясь в каком-то смысле его частью, агенты уго-

²⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 38–39.

²⁷ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 11.

²⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 19. Л. 43–102.

ловного розыска слишком легко поддавались его влиянию. Контроль за работой агентов был недостаточен. Они вербовали в качестве информаторов закоренелых преступников, хорошо знавших криминальное подполье, но позже группы информаторов сами становились ячейками преступных сообществ. Они снабжали своих контролеров выборочной информацией, а те, в свою очередь, закрывали глаза на их преступную деятельность и предоставляли им определенные послабления и защиту. Во время милицейских облав информаторы быстро освобождались из-под стражи или, будучи предупреждены заранее, легко избегали ареста. Во многих случаях сами агенты уголовного розыска становились главарями банд, сформировавшихся вокруг групп их собственных информаторов. Их преступная деятельность была самой разнообразной, начиная с шантажа на сексуальной почве и до «крышевания» организованной проституции, контрабанды и других преступлений, более серьезных, чем распространенные в милицейской среде незаконные штрафы или мелкие хищения служебного имущества. Как утверждалось в докладе прокуратуры, «система такого типа не только наносит вред борьбе с преступными элементами, но и подвергает следственный аппарат риску разложения, так как при использовании такого рода методов сотрудники посещают притоны преступников чаще, чем это необходимо, напиваются с ними и сталкиваются с преступным миром». Полагаясь на информацию, предоставляемую преступными элементами, милиция становится слишком зависимой от них. Постепенно сама милиция становится частью того преступного мира, бороться с которым она призвана²⁹.

Прокуратура и Рабкрин были не одиноки среди тех, кто связывал коррупцию в милиции с низкой оплатой труда и тяжелыми условиями работы ее сотрудников. Сами руководители милиции прекрасно это понимали. Например, начальник западносибирской милиции М. Домарев совершенно определенно указывал на взаимосвязи между условиями работы в милиции и уровнем ее коррумпированности. В 1933 г. он предупреждал главу областного Совета Федора Грядинского о том, что низкое жалование и неспособность областного и районного Советов обеспечить местную милицию достаточным количеством продовольствия становятся причинами роста коррупции в ее рядах, которая включает такие действия сотрудников милиции, как открытое воровство мясных и иных продуктов и спекуляцию ими, вымогательство продукции и мяса у колхозов и совхозов, другие пре-

---

²⁹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 75. Л. 132–134. В тенденции к расширению коррупции подобного рода в работе милиции нет ничего удивительного, равным образом, как и в рекомендациях прокуратуры по усилению прокурорского надзора за деятельностью уголовного розыска. Тайные действия агентов неизбежно вели к выходу уголовного розыска из-под «здорового» влияния «трудящихся масс».

ступления, совершаемые милиционерами в тесном сотрудничестве с местным преступным элементом. Домарев сообщал об очевидных фактах, подчеркивая, что подобные действия подрывают возможности милиции в борьбе с опасными преступными элементами, и призывал областной Западносибирский Совет предпринять финансовые и административные меры для улучшения состояния милиции³⁰.

По иронии судьбы сам Домарев всего год спустя был снят с должности и отдан под суд по обвинению в должностных преступлениях, подобных тем, что он разоблачал ранее. Результаты внутреннего расследования, завершившегося его арестом, стали детальным описанием коррупции чиновников. Домарева обвинили в том, что он допустил возникновение в западносибирской милиции культуры всепрощенчества и коррупции. В ходе расследования было выявлено, что «как центральный аппарат, так и в отдаленных районах отделы [милиции] были "засорены" криминальным элементом». Начальник уголовного розыска одного из районов области некто Иванов тайно руководил воровской сетью. В Томске оперативная группа милиции систематически занималась ограблениями квартир³¹.

Введение в 1933 г. паспортной системы создало еще одну прекрасную возможность для извлечения милицией незаконных доходов, позволив начальникам районных отделов наладить оживленную торговлю бланками паспортов. В Западной Сибири в 1933 г. недосчитались 83 633 нумерованных бланков. Скорее всего, эти бланки были незаконно проданы милицейскими чинами местным преступникам и иным сомнительным лицам вместо того, чтобы быть выданными законопослушным гражданам. Следователи ОГПУ, направленные в Западную Сибирь для расследования этого скандала, выявили еще одно крупное преступное сообщество, действовавшее в областном управлении снабжения, которое посредством систематических хищений закупаемых товаров, конфискованного имущества, денежных средств и иных ценностей присвоило несколько сот тысяч рублей. Начальники райотделов милиции наладили целую систему взяточничества, взимания незаконных штрафов, краж лошадей в сельхозпредприятиях с последующей их продажей, преступно пренебрегая при этом исполнением своих служебных обязанностей. Повсеместное распространение получили в милиции области взяточничество, взимание незаконных штрафов и пьянство сотрудников³².

Упомянутый выше отчет о внутреннем расследовании в Западной Сибири содержал резкую критику краевой милицейской системы, но

³⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 26, 29, 32, 36–37.

³¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 13.

³² Там же.

и результаты проверок милицейских органов других областей были не лучше. Руководство ОГПУ получало немало подобных докладов о внутренних расследованиях, становившихся основой для еженедельно рассылаемых циркуляров, официально объявляемых выговоров и приказов о наказаниях милицейских руководителей, порой более суровых, а иногда и менее значительных по сравнению с тем, которому подвергся Домарев. Эти действия преследовали одновременно как воспитательные, так и практические цели, снабжая местных руководителей указаниями по надлежащему исполнению милицией ее обязанностей и предупреждая их о возможных последствиях грубых нарушений правил, установленных центром. Такие предупреждения, содержащиеся в выговорах, были особенно полезны для местных милицейских начальников, которые, прочитав их, выясняли, какие преступления и нарушения наказываются более, а какие менее строго. Один предприимчивый милицейский начальник был уличен в растрате десятков тысяч рублей, полученных в виде штрафов и реализации конфискованного имущества. Эти средства должны были пойти в бюджет, но он предпочел израсходовать их на организацию курортного отдыха для себя самого и своих подчиненных. Хотя растрата считалась и серьезным должностным преступлением, но этот начальник не лишился своей должности. Ягода приказал арестовать его всего на 10 суток, учтя, несомненно, что тот потратил эти средства на нужды милиции³³.

Коррупция в милиции, безусловно, не была исключительной особенностью начала 1930-х гг. Преступность разъедала все органы советской власти на протяжении всего периода ее существования, и милиция был не более, но и не менее коррумпирована по сравнению с остальными. Но все же коррупция расцвела особенно пышным цветом именно в начале 1930-х гг., что объясняется переходным характером этого периода. Многие региональные и местные управления милиции только начинали финансироваться из федерального бюджета и впервые стали получать в свое распоряжение достаточно серьезные деньги из Москвы. В то же время центральные власти пока еще не установили полный административный контроль над местными органами милиции, позволявший следить за расходованием выделяемых средств и работой их сотрудников. Такая ситуация создавала великолепные условия для злоупотреблений и коррупции. Описанные выше условия существования милиции Западной Сибири и примеры коррупции в ней отражали общее состояние дел на общенациональном уровне или, по крайней мере, общие представления о нем, имевшие

---

³³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Л. 176–176об. Напротив, в 1934 г. Ягода уволил нескольких милицейских начальников в Узбекистане за недобросовестное использование конфискованного имущества и его распространение среди приближенных, не имеющих отношения к милиции или ОГПУ. Там же. Д. 166. Л. 126–126об.

место в стране. В докладе для служебного пользования, изданном в 1931 г., дело дошло до утверждения о том, что большая часть милицейских сил является «ненадежной». Значительную часть милицейских кадров представляли бывшие кулаки или люди иного, враждебного советской власти происхождения, легко поддававшиеся соблазнам криминальной среды³⁴. К 1934 г. ситуация в милиции мало изменилась, по крайней мере по словам Ягоды. В тот год в различного рода преступлениях были уличены около 29 тыс. сотрудников, или почти четверть штатного состава милиции по всей стране. Большинство из них были оштрафованы или понесли иные наказания, наложенные во внесудебном порядке, типа временного отстранения от должности или увольнения, но примерно 9 тыс. милиционеров совершили проступки достаточно серьезные для привлечения их к суду военного трибунала. Около 5 тыс. подобных дел завершились обвинительными приговорами и тюремными заключениями осужденных³⁵.

Общественный порядок в стране

Такие города, как Москва и Ленинград, были значительно лучше обеспечены милицейской защитой по сравнению с провинциальными городами и сельской местностью, что не удивительно. В 1931 г. милиция Московской области насчитывала 7733 сотрудника и 873 офицера уголовного розыска. Таким образом, работники милиции общим числом в 8606 человек обслуживали область с числом населения более 9 млн человек, то есть приблизительно на каждую тысячу граждан приходился один милиционер. Данные о численности милиции в самом городе за тот период отсутствуют, но, полагая, что большая часть милиции Московской области была сконцентрирована в самой Москве, население которой в 1933 г. превысило 3,6 млн человек, можно предположить, что один милиционер приходился на 750–800 жителей города³⁶. Как и следовало ожидать, обеспеченность Москвы

³⁴ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 474. Л. 1–1а.

³⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 22. В отчете, датированном ноябрем 1934 г., указана общая численность государственной милиции в 124 068 человек. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1270. Л. 28. Приведенные данные о числе раскрытых преступлений необязательно свидетельствуют о росте уровня милицейской преступности по сравнению с 1930 г., когда разного рода преступления совершили 7 % милиционеров, но, вероятнее всего, отражают ужесточения надзора руководства милиции в центре за работой местных органов.

³⁶ Данные о численности населения Московской области заимствованы из книги: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 38–39. Данные о численности милиции см.: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 21. Данные о численности населения страны приведены: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 29.

сотрудниками милиции намного превышала соответствующие нормы для других регионов страны и приближалась к показателям полиции других европейских столиц, например, Берлина и Лондона³⁷. Тем не менее число милиционеров, патрулировавших московские улицы, было заметно меньшим по сравнению с силами дореволюционной полиции, хотя численность населения в начале 1930-х гг. была больше, чем в первое десятилетие XX в.

Московская милиция удостаивалась в те годы высоких оценок за присутствие милиционеров на улицах, оперативную дисциплину и профессионализм. Внутренний отчет за 1935 г. отмечал высокую эффективность руководящих органов столичной милиции и достигнутые ею значительные успехи в борьбе с такими серьезными преступлениями, как грабежи и вооруженный разбой³⁸. Однако московская милиция страдала теми же проблемами, которые терзали милицеские силы в других регионах страны. Одна из них заключалась в высокой текучести кадров, причем в некоторых районных отделах милиции начальники менялись по 4–5 раз в год. Милиционеры были слабо обучены обращению с оружием, а применявшиеся методы расследования и сети агентов и информаторов обеспечивали «чрезвычайно низкий уровень оперативного успеха». Но еще более тревожным обстоятельством был вывод о том, что милиция в своей работе не руководствуется приоритетными задачами, поставленными высшим руководством страны, а подвержена инерции привычных подходов и «специфичным» отношениям с преступным миром. Иными словами, в милиции доминирует культура негласного сосуществования с преступным миром, в результате чего милиционеры довольствуются отлавливанием мелких правонарушителей, сдаваемых им их агентурой, но не трогают крупных спекулянтов и организованную преступность, а именно они наносят государству гигантский финансовый ущерб³⁹.

Инфраструктура и возможности милицеской системы также отставали от новых условий ее работы. Быстрое огосударствление экономики застало милицию врасплох. Помимо всех прочих угроз, она оказалась неспособна обеспечить надлежащую защиту государствен-

---

³⁷ David Englander. *Police and Public Order in Britain 1914–1918 // Policing Western Europe: Politics, Professionalism, and Public Order, 1850–1940*, ed. Clive Emsley and Barbara Weinberger. London, 1991. P. 90–138; Anja Johansen. *Soldiers as Police: The French and Prussian Armies and the Policing of Popular Protest, 1889–1914*. Burlington, 2005. P. 25. В 1905 г. в г. Эссене при численности жителей в 230 тыс. человек насчитывалось 270 штатных полицейских, т. е. по одному полицейскому на 836 граждан. Здесь не учтены военная полиция и солдаты городского гарнизона. Elaine Glovka Spencer. *Police and the Social Order in German Cities: The Düsseldorf District, 1848–1914*. DeKalb, 1992. P. 90.

³⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 26.

³⁹ Там же.

ной собственности от волны массовых мелких хищений, поднявшейся в начале 1930-х гг. Точно так же быстрый рост численности населения Москвы обнажил недостаточность милицейских ресурсов. Только за один 1932 г. население столицы выросло более чем на полмиллиона человек, с 3135 тыс. до 3663 тыс. Несмотря на то, что перед милицией была поставлена задача организовать патрулирование по всему городу, милиционеры редко отваживались появляться в городских трущобах и ночлежках, разве что только в ходе организованных облав⁴⁰. Ночное патрулирование улиц по-прежнему оставалось редким явлением, и даже центральные районы столицы не были застрахованы от нарушений общественного порядка. Банды хулиганов, обычно состоявшие из беспризорников и бродяг, превращали улицы города в места своих развлечений и нападений на жертв. Обычным явлением на рынках и в бедных городских районах были большие группы одетых в лохмотья детей, похожих на героев романов Диккенса. Согласно одному докладу, за период 1931–1932 гг. милиция задержала за различные преступления, преимущественно воровство и хулиганство, 20 500 детей. В другом докладе сообщалось, что только в 1932 г. московская милиция арестовала 15 648 малолетних преступников. Еще в одном, третьем докладе отмечалось, что за вторую половину 1931 г. было задержано 13 500 несовершеннолетних правонарушителей⁴¹. Так или иначе приведенные цифры задержаний достаточно высоки, причем они касались только несовершеннолетних преступников. Как и в других городах, продавцы и покупатели на московских рынках и базарах постоянно страдали от карманных краж и мелкого воровства, ставших привычной повседневной рутинной. Вполне обычным явлением были вооруженные ограбления пассажиров городского транспорта. Бандиты врываются в трамвай или автобус через переднюю и заднюю двери, грабят пассажиров и кондукторов, угрожая им ножами, после чего спрыгивали и сбегали прочь, не доезжая до следующей остановки, где можно было вызвать милицию. Карманники достигли высокого искусства в выхватывании кошельков у пассажиров открытых трамваев, курсировавших по улицам. Некоторые подростки смело раскатывали по улицам на самодельных самокатах, уцепившись за заднюю часть трамвая, что было небезопасным занятием на мощных службных улицах и трамвайных путях. Даже высокопоставленные служащие государственных учреждений жаловались на то, что были ограблены подростковыми бандами. Проблема беспризорных детей,

---

⁴⁰ О состоянии дел с поддержанием общественного порядка в Москве в 1930-х гг. см.: David Hoffmann. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 478. Л. 49; Ф. 5446. Оп. 26. Д. 18. Л. 20; Ф. 9415. Оп. 5. Д. 479. Л. 13.

наводнивших московские улицы, настолько разгневала Ягоду, что тот потребовал всех их отловить и поместить в специальные детские центры предварительного заключения⁴².

В Москве, как и в других городах страны, главная проблема, с которой сталкивалась милиция, заключалась не столько в большом числе грабежей и других сенсационных крупных преступлений, сколько в повседневном разгуле «мелкой преступности, хищений государственной собственности и хулиганства». Улицы были наводнены попрошайками, бездомными детьми, проститутками и личностями без документов, представлявшими собой обломки деклассированных элементов, принесенных волной грандиозного сталинского проекта построения социализма в одной, отдельно взятой стране. И это в Москве, главном городе страны, в месте пребывания правительства и центре советской власти. Ситуация же в других городах была намного хуже. В докладе Совнаркому Ягода в 1932 г. снова жаловался на то, что «РКМ в своем нынешнем состоянии не может обеспечить ни в одной республике, крае, области революционный порядок и общественную безопасность. ...ГПУ считает, что ситуация особенно напряженная в области крупной промышленности и транспортного строительства, где население растет быстрыми темпами, и наблюдается наплыв уголовного элемента»⁴³. Наибольшая концентрация уголовников, кулаков и антисоветских элементов, естественно, наблюдалась в тех районах страны, которые были избраны в качестве мест ссылки и размещения спецпоселений. Среди таких особо напряженных регионов Ягода выделял Западную Сибирь с ее исправительными лагерями на севере и новыми индустриальными центрами на юго-западе региона, которая, по его мнению, испытывала серьезную недоукомплектованность милиции и была «не очень хорошо защищена»⁴⁴.

Западная Сибирь и общественный порядок

Доклады милиции, органов ОГПУ и местных властей Западной Сибири подтверждали лаконичную оценку состояния дел в регионе, данную Ягодой. Как писал один из местных руководителей, преступники и социально-опасный элемент «стекаются в край с востока и запада»⁴⁵. Их поток пополняли освобожденные из тюрем, лагерей

---

⁴² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1130. Л. 4.

⁴³ Ягода в 1932 г. докладывал о численности милиции в 98 292 человек, в которую входили слушатели учебных заведений, постовые милиционеры и командный состав. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1320. Л. 5. См. также: Доклад ЦИК РСФСР о состоянии милиции в ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 24–40.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1320. Л. 6.

⁴⁵ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 18.

и колоний. Ежегодно десятки тысяч бывших заключенных и ссыльных устремлялись в города и рабочие поселки, переполняя наземный и речной транспорт, в поисках работы в колхозах и совхозах, в местных городах и деревнях⁴⁶. Они были практически неотличимы от десятков тысяч оборванных мигрантов, приезжавших сюда из западных областей страны и Средней Азии в поисках работы или в попытке убежать от невыносимых жизненных условий. Только во втором полугодии 1933 г. свыше 50 тыс. казахов пересекли границу Казахстана с Западной Сибирью, спасаясь от голода и других невзгод, связанных с коллективизацией у себя на родине. Это были обнищавшие, изголодавшиеся люди, сорванные с родной земли, представлявшие, по паническому сообщению одного представителя власти, угрозу общественному порядку и экономическому равновесию тех районов, в которые они устремились⁴⁷. В то время, как численность «социально-опасных» элементов в Западной Сибири быстро росла как в абсолютных, так и относительных цифрах, численность милиции там фактически сокращалась. В результате реорганизаций и «чисток» рядов милиции, проходивших в 1931–1932 гг., ее численность сократилась с 2736 до 2327 человек. В Новосибирске количество милиционеров сократилось с 276 до 197 человек, и это притом, что население города выросло со 146 до 180 тыс. человек. В городе Бийске, центре промышленного и сельскохозяйственного района к западу от Новосибирска, в 1932 г. на 53 тыс. жителей приходилось всего 69 милиционеров. В Новокузнецке в период с 1930 по 1931 г. численность милиции выросла с 24 до 38 человек, но при этом население города увеличилось за тот же период с 28 до более 100 тыс.⁴⁸ В Новосибирске ряды милиции уменьшились настолько, что начальство переполненных местных тюрем перевело заключенных на «самоохрану», и те «приходят

---

⁴⁶ По докладам Главного управления лагерей (ГУЛАГа) по стране в целом за 1932–1935 гг., т. е. за первую половину десятилетия, из спецпоселений бежали 133 435 спецпереселенцев, из которых удалось изловить и вернуть обратно только 44 343. ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1s. Д. 89. Л. 217. Начальник Западносибирского управления ГУЛАГа в 1934 г. докладывал, что в крае удалось изловить только около 15 % беглецов. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933–1938. Под ред. Данилова В. П., Красильникова С. А. Новосибирск, 1994. С. 197. Бегство из лагерей продолжало сохранять «массовые и угрожающие» размеры на протяжении первой половины 1930-х гг. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 3.

⁴⁷ Из письма партийного уполномоченного Т. Р. Рискулова руководству партии от 9 марта 1933 г., воспроизведенного в книге: Квашонкин А. В. и др. Советское руководство. Переписка 1928–1941. М., 1999. С. 204–225, цитируемая с. 205. Недавнее обсуждение вопроса о бегстве казаков во время коллективизации содержится в работе: Niccolo Pianciola. Famine in the Steppe: The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928–1934 // Cahiers du Monde russe. 45/1–2. January – June 2004. P. 137–192, цитируемые с. 153–155.

⁴⁸ Эти цифры содержатся в милицейском отчете от января 1932 г. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 6–7.

и уходят, когда хотят, группами и поодиночке»⁴⁹. В сельских районах отсутствие милиции и органов ОГПУ на местах приводило к тому, что на одного участкового инспектора с двумя-тремя рядовыми милиционерами приходились территории площадью более 5 тыс. квадратных километров с населением от 10 до 15 и более тысяч человек. В нерусских областях западносибирского края присутствие советской милиции почти не ощущалось⁵⁰.

Власти таких городов, как Омск, Томск, Барнаул и Новосибирск, соревновались между собой за сомнительную честь называться городами с самым высоким уровнем преступности. Доклады начальников пестрят сообщениями о том, насколько тяжелая криминальная обстановка складывалась в подвластных им городах. В 1934 г. спецпредставитель Омского обкома партии писал: «В г. Омске настолько развито воровство, грабежи, хулиганство, убийство целых семей, открытые избиения и издевательство над людьми на улицах не только ночью, но и днем, что население г. Омска, особенно железнодорожного узла, не уверено в благополучном своем возвращении домой с работы, не уверено в том, что за время нахождения на работе дома у них все благополучно, что не ограблена квартира, не убили или не избили жену, родителей, детей и т. д.»⁵¹.

Омск считался центром беззаконности, но то же самое можно было утверждать и в отношении Томска, самого крупного города северной части края. Томск находится вблизи Нарымского района, бывшего крупнейшим в стране местом ссылки с самыми неблагоприятными условиями жизни в спецпоселениях. Томск и его окрестности являлись пересыльным пунктом, где скапливались почти все ссыльные и уголовники перед отправкой в лагерь и колонии. Недалеко от города в Томском районе располагалась одна из крупнейших в СССР трудовых колоний для несовершеннолетних преступников и беспризорников, в которой одновременно находилось в среднем по 3 тыс. обитателей. По несколько тысяч заключенных постоянно содержались в городских тюрьмах и местах предварительного заключения. В результате уголовники и ссыльные просачивались в город, особенно весной и летом, когда возобновлялось движение по дорогам и рекам. Как следует из милицейского сообщения, датированного 1933 г., уголовники и освободившиеся из ссылки буквально наводнили Томск до «абсолютно максимального предела». Безусловно, подчеркивалось в сообщении, Томск занимает уникальное положение с точки зрения скопления в нем преступников⁵².

---

⁴⁹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 44.

⁵⁰ ГАНО. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 762. Л. 7.

⁵¹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 177–178.

⁵² ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 166. Л. 140–141.

Административный центр Западной Сибири Новосибирск мало чем отличался от других городов края, и в милицйском докладе за 1933 г. подробно говорилось о росте в нем преступности и числа нарушений общественного порядка. Уровень преступности действительно резко вырос в Новосибирске в начале 1930-х гг. Основываясь только на числе официально зарегистрированных преступлений, новосибирская милиция подсчитала, что в 1933 г. число случаев бандитизма и грабежей с применением физического насилия выросло в городе на 312 %. Многие из этих преступлений включали систематические налеты банд грабителей на квартиры и магазины, в том числе с использованием так называемых «форточников». Число простых ограблений без применения оружия выросло на 129 %, случаев хулиганства – на 214 %, спекуляции или продажи государственных товаров ради собственного обогащения – на 155 %. Число хищений государственного имущества достигло 424 % от уровня аналогичных преступлений, зафиксированных в 1932 г., и выросло со 182 до 955 случаев. Интересно отметить, что при этом число зарегистрированных убийств сократилось со 152 в 1932 г. до 97 в 1933 г. Воровство скота в городе за 1933 г. снизилось на 20 %. За последние два месяца этого года число хищений социалистической собственности сократилось на 66 %⁵³.

В докладе о состоянии преступности в Новосибирске названо несколько причин, по которым город оказался «в исключительно неблагоприятном положении... по сравнению с самыми большими городами Союза»⁵⁴. Главная причина, как честно признается в докладе, состояла в том, что Западная Сибирь стала отстойником для уголовников, собранных со всей страны. Милиция ни одним словом не искадила в своем докладе то обстоятельство, что «ОГПУ и суды ссылают и депортируют через Новосибирск социально-вредные и социально-опасные элементы из центральных регионов страны». Тем самым возлагается дополнительная нагрузка на и так перегруженные территориальные органы милиции и госбезопасности, но самое опасное заключается в том, что недоукомплектованность этих органов позволяет значительной части этого «контингента» бежать из мест заключения. Милиция подсчитала, что только за девять месяцев 1933 г. из лагерей сибирского отделения ГУЛАГа сумело сбежать 12 362 заключенных. Кроме того, в спецпоселениях Нарымского края недосчитались более 2 тыс. предположительно сбежавших ссыльных; 48 тыс. кулаков отсутствовало в трудовых колониях края; многими тысячами измерялось также число детей, сбежавших из детских домов и трудовых колоний⁵⁵. По словам начальника новосибирской

⁵³ Там же. Д. 175. Л. 2, 4.

⁵⁴ Там же. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

милиции, все эти люди устремлялись после освобождения в первую очередь и главным образом в его город.

В этом была доля правды, даже если считать подобную оценку завышенной. Новосибирск представлял собой быстро растущий и развивающийся промышленный и административный центр и крупнейший железнодорожный узел. Но главное заключалось в том, что Новосибирск не относился к числу так называемых «режимных» городов, из которых милиция имела право в административном порядке выселять нежелательных людей⁵⁶. Все эти обстоятельства в совокупности быстро превратили Новосибирск в центр притяжения для «гастролирующих уголовных преступников» и «профессиональных бродяг». Последние представляли особо серьезную проблему, поскольку, как утверждалось в его докладе, «центральные районы Союза ...заражают нашу территорию значительным числом сирот, которые сбегают из своих колоний и направляются в Новосибирск». Наконец, наблюдалось повсеместное бегство ссыльных кулаков. Последние, пользуясь нестрогим соблюдением законов о паспортном режиме и регистрации граждан, достаточно просто находили работу в экономике, остро нуждавшейся в кадрах, особенно в быстро растущих промышленных центрах Сибири. Наличие места работы давало им законное право на прописку и получение паспортов. Это являлось основным способом легализации бежавших кулаков и их «вплавления» в число обычных граждан страны⁵⁷.

Но вопреки стенаниям начальника милиции, Новосибирск не являл собой исключительный случай среди сибирских городов. Как следует из милицейских докладов, аналогичное состояние дел с преступностью и нарушениями общественного порядка наблюдалось в Омске, Томске и многих других отдаленных районах советского государства. Доклад начальника милиции Новосибирска представляет интерес по другой причине. Всего в нескольких коротких абзацах в нем достаточно честно и точно очерчен ряд крайне серьезных социальных проблем, связанных с государственной политикой модернизации и карательной социальной политикой, причем без всяких идеологических рассуждений. В то же время в докладе используется терминология, быстро ставшая общепринятой при классификации милицией и политическими органами различных маргинальных категорий населения. Гастролирующие уголовники, профессиональные бродяги и нищие уже и так считались не поддающимися исправлению. Но вскоре милиция стала относить этих и других маргиналов не только к анти-

---

⁵⁶ В то время режимным статусом обладали только Москва, Ленинград, Киев и Харьков. Новосибирск таким желанным статусом до середины 1930-х гг. не обладал.

⁵⁷ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 175. Л. 2.

общественным, но и к антисоветским категориям рецидивистов, что в середине и конце 1930-х гг. позволило применять к ним, помимо высылки, также и другие, более суровые меры воздействия. Эти категории уже обозначались термином «элементы», использовавшимся для обозначения антигосударственных, антиобщественных категорий граждан, к которым следовало применять особые меры общественного воздействия, преимущественно изъятие из общества и депортацию. Руководство страны, безусловно, относилось к антисоветским элементам также кулаков, но интересно отметить, что в отличие от не желавших трудиться уголовников бежавшие из спецпоселений кулаки пытались найти работу и места для проживания. Какое-то время эта их положительная особенность работала в пользу ссыльных кулаков. Сталин даже признавал право кулачества на добровольный труд. Он избегал применять к ним ярлык «осужденный» и не считал кулаков опасными или вредными элементами, но естественно только при условии, что те оставались в своих спецпоселениях⁵⁸. В середине 1930-х г. многим сотням тысяч кулаков были возвращены гражданские права, которые они заслужили добросовестным трудом в трудовых и сельскохозяйственных колониях, куда были высланы в начале десятилетия. Но эти послабления действовали недолго, и те, кто ранее был признан кулаком, вновь стали объектами массовых репрессий 1937–1938 гг. Но, так или иначе, власти проводили различия между кулаками, стремившимися обрести работу и постоянное место жительства, и профессиональными уголовниками и бродягами, считавшимися социально-опасными и вредными элементами.

Подростковая преступность, общественный порядок и антисоветские заговоры

Руководство западносибирской милиции, подобно милицмейским руководителям в других регионах страны, особенно сильно беспокоил угрожающий рост детской преступности, тесно связанный с проблемами беспризорничества и бегства малолетних преступников из исправительных учреждений. Десятки тысяч беспризорных и безнадзорных детей скитались по сибирским просторам в начале и середине 1930-х гг. Милиция связывала с ними подъем волны преступлений, особенно мелкого воровства на рынках и в других общественных местах. Государственные детские дома были настолько переполнены, что начиная с 1933 г. местные власти решали проблемы неблагополучных детей более простыми способами, нежели помещение их на постоян-

---

⁵⁸ Lars T. Lih et al., eds. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. NY, 1995. P. 228.

ное жительство в приюты. Милиция устраивала периодические облавы на улицах городов и на дорогах, отлавливая бездомных детей. После каждой облавы милиция вывозила собранных детей в соседние районы или в крупные города и оставляла их там. Таким же способом милиция поступала и с взрослыми преступниками, поскольку местные тюрьмы были также переполнены. В результате, как сообщал председатель Томского городского Совета в 1934 г., «улицы г. Томска, рынки, автобусные и трамвайные остановки, железнодорожные станции, магазины и учреждения за последнее время наводнены группами взрослых и беспризорных подростков-рецидивистов, творящих всякие безобразия и терроризирующих население»⁵⁹. Томская милиция не имела возможности направлять малолетних правонарушителей в детские дома, которые также были переполнены. В апреле 1934 г. в городских детских домах, способных вместить не более тысячи детей, содержалось 1475 человек.

В Новосибирске, по официальным данным милиции, только в апреле 1934 г. более сотни преступлений совершили дети и подростки в возрасте от 10 до 16 лет⁶⁰. Эти преступления носили самый разнообразный характер: от карманного воровства и различных уличных краж до разбоя и бандитских налетов на магазины и квартиры. В милицейском отчете за апрель 1934 г. отмечался такой новейший вид уличных грабежей с участием несовершеннолетних, как вырывание золотых сережек из ушей беспомощных жертв, идущих по улице⁶¹. Многие малолетние преступники были вооружены ножами и даже огнестрельным оружием. Милицию также беспокоило частое возникновение организованных подростковых банд, хотя многие преступления совершались одиночками. В течение нескольких месяцев в Новосибирске орудовала банда подростков численностью до 30 человек, возглавляемая двумя взрослыми уголовниками-рецидивистами Шоркиным и Прудом. Большинству членов банды было от 16 до 18 лет, но также в ней состояло не менее 10 подростков моложе 16 лет. Банда занималась разбойными вооруженными нападениями и грабежами, совершила более 50 квартирных краж. Бандиты были вооружены охотничьими ружьями, двумя револьверами «Смит и Вессон», одним браунингом и несколькими пистолетами других систем. На улицах Новосибирска в 1934 г. орудовала похожая банда из 20 человек. После ее разгрома несколько ее членов, бежавших из тюрем и детских домов, присоединились к банде Шоркина – Пруда⁶².

---

⁵⁹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 192. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Л. 64.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Л. 66.

Порой чиновники усматривали в действиях уголовных банд политическую мотивацию, приписывая даже хулиганству контрреволюционный характер. Так, например, к подобным выводам пришел в 1934 г. после инспекционной поездки в Томск инструктор краевого комитета партии М. Флорен. После рабочего собрания в железнодорожных ремонтных мастерских им. Рудзутака Флорен докладывал: «Из беседы с рабочими... я вынес такое впечатление, что рабочие буквально терроризированы этими хулиганствующими элементами, и что эти элементы не простые хулиганы, а политические организаторы террористических актов против государства и против рабочих. Один рабочий выразил опасение, что в случае войны эти элементы, видимо, будут еще более активны, и если правительственные организации не примут меры сейчас, то тогда будет еще хуже»⁶³. Власти нередко приписывали действиям преступников политические мотивы в зависимости от их социального происхождения. Однако в начале 1930-х гг. милиция, как правило, все же относила хулиганство к категории обычных уголовных преступлений, не мотивированных антисоветскими настроениями. Но такое отношение к хулиганству менялось по мере того, как режим все более политизировал уголовную преступность, а подростковая преступность приобретала все более угрожающий характер. Стирание граней между обычными и политическими преступлениями, как показывает доклад Флорена, началось после 1934 г.

Отношение общества к милиции

Народное отношение к милиции было достаточно сложным. С одной стороны, люди обращались к милиции за защитой от того, что многие называли эпидемией преступности и беззакония. В то же время, насколько можно судить по внутренним милицеевским документам, многие обвиняли милицию или, по крайней мере, определенную ее часть, в росте числа нарушений общественного порядка. Общественное недовольство милицией не имело прямого отношения к сопротивлению политике коллективизации и раскулачивания, проводимой советской властью, оно не было также прямым следствием очевидной для всех неэффективности милиции в борьбе с преступностью. Отношение народа к милиции носило специфический характер. Люди считали, что милиция коррумпирована и находится в прямом створе с криминалом.

Мнение о коррумпированности и неэффективности милиции в начале 1930-х гг. получило широкое распространение как в народ-

---

⁶³ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 181.

ных массах, так и среди самого высокого милицейского руководства. В опубликованном докладе о деятельности милиции за 1932 г. «улучшение отношения общественности к милиции» названо, наряду с другими принципиальными изменениями в организационной и оперативной работе, одной из семи главных задач на предстоящий период⁶⁴. В своем докладе о состоянии преступности в Омске Флорен подчеркивал, что негативное отношение общества к милиции определено сдерживает повышение эффективности ее работы. Он иллюстрировал отношение народа к милиции примерами разговоров граждан, подслушанных в общественных местах милицейскими осведомителями. Один из таких разговоров происходил во время обеденного перерыва между четырьмя женщинами-кондукторами на конечной остановке автобуса. Одна из них рассказала о ночном ограблении квартиры ее соседей. Это было хорошо организованное бандитское нападение, при котором грабители вынесли из квартиры все подчистую, вплоть до ставен и оконных рам. По информации Флорена, эта история крайне взволновала собеседниц, которые неоднократно задавали друг другу вопросы, почему такие грабежи были немыслимы в прежнее время. «Почему их не могут поймать? – вопрошала одна из них. – Раньше полиция обязательно кого-нибудь арестовала, она бы нашла преступников, а сейчас не делается ничего». Третья кондукторша заявила, что «здесь все понятно. Эти грабежи не обходятся без участия милиции». В качестве доказательств замешанности милиции в преступлениях все четыре женщины согласились с тем, что всем им неоднократно доводилось наблюдать случаи, когда милиционеры норовили «удрать» с места происшествия, когда видели, как кого-то бьют или грабят на улице, или когда милицейские начальники отказываются принимать заявления граждан о подобных случаях⁶⁵.

О многом говорит тот факт, что женщины, обсуждавшие эти происшествия, полагали, что милиция действовала в сговоре с преступниками, а не из страха перед ними. Николай Воинов, сам бывший беспризорником в 1930-е гг., поддерживает мнение женщин-кондукторов, хотя добавляет еще одну причину – присутствие элемента запуганности милиционеров. В своей автобиографии Воинов описывает преступные сообщества беспризорников, существовавшие в тех городах, где ему доводилось жить. Помимо обычного воровства, бывшего для беспризорников основным источником средств существования, подростковые банды занимались также вымогательством, подкупом милиции и убийствами из мести представителей власти, включая даже работников НКВД. По словам Воинова, многие милиционеры обыч-

---

⁶⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 33.

⁶⁵ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 182–183.

но избегали столкновений с этими бандами и не вмешивались в их дела в районах, где они орудовали, причем не только потому, что за взятки закрывали глаза на действия бандитов, но и потому, что боялись мести с их стороны. Как утверждал Воинов, по крайней мере, в некоторых провинциальных городах целые районы находились под полной властью банд, состоявших преимущественно из несовершеннолетних беспризорников, которые вымогали деньги у местных милиции и администрации⁶⁶.

М. Флорен, направленный крайкомом партии с проверкой местных органов власти в Омск, убедился в наличии коррупции и совершенно неудовлетворительном состоянии дел с преступностью и рекомендовал провести тщательную «чистку» кадров не только милиции, но также органов НКВД, местного партийного комитета и городского Совета. Он писал, что подобные суровые меры необходимы для восстановления общественного доверия к органам советской власти и позволят «обеспечить рабочим и служащим Омска возможность спокойно и уверенно жить и участвовать в строительстве социализма»⁶⁷.

ОГПУ

Сеть органов ОГПУ, как и органов милиции, покрывавшая территорию страны, была в 1930-х гг. достаточно редкой, по крайней мере, по утверждениям представителей самой этой организации. Ягода докладывал, что до создания представительств ОГПУ* при машинно-тракторных станциях в 1932 г. численность штатного состава этого ведомства по всей стране составляла 17 298 сотрудников и выросла до 20 898 человек к началу 1933 г.⁶⁸ Эта цифра включала сотрудников центрального аппарата и так называемых «особых органов» ОГПУ. К последним относились особые отделы в воинских частях, секретные политические отделы в областных и районных органах власти, а также отделы по борьбе с экономическими преступлениями и транспортные отделы. В объявленное Ягодой количество сотрудников органов ОГПУ не входили сотрудники тюремной охраны и чекисты, занимавшие должности, не связанные с оперативной работой, напри-

⁶⁶ Voinov N. The Waif. NY, 1955.

⁶⁷ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 178, 181. См. также письмо начальника западносибирской милиции председателю исполкома Западносибирского краевого Совета, датированное декабрем 1933 г., в котором он признает наличие в милиции края широко развитой коррупции и связей с уголовными бандами. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 175. Л. 159.

* Речь идет об учреждении института заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ–НКВД в МТС и совхозах. – *Примеч. пер.*

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 41. Л. 1.

мер, преподаватели специальных учебных заведений ОГПУ и милиции. В нее также не входили пограничники и военнослужащие внутренних войск ОГПУ общей численностью около 50 тыс. человек⁶⁹. Приведенная Ягодой цифра примерно совпадает с оценками Петрова и Скоркина, определившими по данным из архивных источников НКВД численность сотрудников ОГПУ в 19 400 человек. В целом же, с учетом данных самых последних исследований, состав сил ОГПУ в начале 1930-х гг. по всей стране колебался от 25 до 28 тыс. сотрудников⁷⁰. Это число включало примерно 2 тыс. сотрудников центрального аппарата и еще около 3 тыс. человек, занимавших административные и преподавательские должности в учебных заведениях ОГПУ или работавших на административных должностях в тюрьмах и лагерях. Чуть менее 6 тыс. сотрудников насчитывалось в региональных управлениях или работало в качестве специальных уполномоченных ОГПУ. Еще от 600 до 800 сотрудников работали в представительствах ОГПУ в различных населенных пунктах, не входивших в перечень крупных городов страны. В начале 1933 г. штат транспортных отделов ОГПУ составлял немногим более 5 тыс. по сравнению с 4598 в начале 1931 г.⁷¹ Транспортные отделы базировались на железнодорожных станциях крупных городов. Работали также оперативные пункты на основных железнодорожных узлах. В Московской области имелся 61 транспортный отдел ОГПУ, каждый из которых контролировал один или два оперативных пункта. В Западной Сибири имелось всего 20 оперативных пунктов на железнодорожных узлах Новосибирска, Томска, Барнаула, Омска, Барабинска, Бийска и некоторых других, менее крупных городов. В Казахстане ОГПУ имело 27 таких пунктов, в Средней Азии – 38 и 13 в Свердловской области⁷². Еще 3283 сотрудника насчитывалось в 75 так называемых «специальных оперативных секторах» ОГПУ, сформированных в областных и краевых центрах, по 20–30 человек в каждом. Эти сотрудники были задействованы в проведении специальных операций и оказывали помощь сельским райотделам ОГПУ. Каждый райотдел должен был иметь до трех человек, хотя в начале 1930-х гг. только 20 % сельских райотделов были полностью укомплектованы. В большинстве районов они имели не более двух сотрудников, а примерно в одной трети работало всего по одному уполномоченному. По словам одного из ру-

---

⁶⁹ Курицын В. М. История государства и права России, 1929–1940. М., 1998. С. 99.

⁷⁰ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 35–36.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 41. Л. 2.

⁷² Там же. Оп. 12. Д. 70. Л. 205–207.

ководителей ОГПУ, в 1931 г. сеть информаторов политической полиции в сельской местности была настолько немногочисленной, что даже обычная милиция располагала более отлаженной системой сбора информации и надзора за населением по сравнению с ОГПУ⁷³.

Во время кампаний раскулачивания и коллективизации численность сотрудников ОГПУ в сельской местности была, безусловно, увеличена, а для их поддержки были привлечены специальные формирования ОГПУ, партийные уполномоченные и даже известные рабочие отряды, направленные в деревню для проведения коллективизации. Но подобная насыщенность сельских районов представителями власти сохранялась недолго. По мере того, как партия и карательные органы сворачивали кампании раскулачивания и коллективизации, специальные подразделения ОГПУ и другие типы уполномоченных выводились из деревни, оставляя вновь созданные государственные сельхозпредприятия беззащитными против актов саботажа и действий уголовников. К 1932 г. была снята охрана войсками ОГПУ большинства зернохранилищ, колхозов, совхозов и других объектов в сельской местности и с многих государственных промышленных предприятий. На сокращение численности ОГПУ повлиял также перевод тысяч его сотрудников на работу для укомплектования судов, прокуратуры и других органов государственной власти. Войска ОГПУ продолжали охранять железные дороги, основные узловые станции, некоторые важнейшие шоссейные дороги и промышленные предприятия особой важности. Но этих сил было явно недостаточно, и они были сильно перегружены. В конце 1931 г. нарком путей сообщения А. А. Андреев в письме Сталину предупреждал о том, что численность войск ОГПУ была «явно недостаточной» как для очищения железных дорог от кулацкого элемента, так и для принуждения железнодорожной администрации к надлежащему исполнению возложенных на нее обязанностей⁷⁴. Он писал, что ставит вопрос о том, «чтобы органы ОГПУ на транспорте были бы еще в большей мере активизированы, чего на линии явно не хватает». В июне 1932 г. Совнарком в своем меморандуме докладывал, что в наркомате путей сообщения вооруженная охрана железных дорог насчитывает менее 46 тыс. человек, в то время как в соответствии с докладной запиской ОГПУ ему для этой цели требуется не менее 60 тыс. охранников. Ягода полагал такое увеличение численности охраны минимально приемлемым

⁷³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 7.

⁷⁴ Квашонкин и др. Советское руководство... С. 165–166. Существенное примечание: Андреев посетовал на то, что сотрудники местных органов ОГПУ были слишком тесно связаны с местным железнодорожным начальством и смотрят сквозь пальцы на их попытки сокрытия проблем на их железных дорогах.

и сетовал на то, что Совнарком поначалу отказал ему даже в этом. Его заявка была отклонена всесильным наркоматом финансов, руководитель которого Г. Ф. Гринько наложил на ней лаконичную резолюцию, что для подобного увеличения численности охраны у государства нет свободных средств⁷⁵.

В отчете западносибирского краевого Совета, направленном в ноябре 1933 г. в Совнарком Российской Федерации, содержались претензии общего для всех регионов характера, связанные с бюджетными ограничениями. Сокращение численности органов ОГПУ в связи со сворачиванием кампании коллективизации оставило без должной охраны склады, лесозаготовительные пункты и машинно-тракторные станции, располагавшиеся на территориях крупных колхозов. После 1932 г. эти объекты перестали охраняться не только войсками ОГПУ, но и обычной милицией. Их территорию, так же как и других промышленных предприятий, патрулировали вольнонаемные сторожа, которыми обычно служили пенсионеры или демобилизованные солдаты Красной Армии, чаще всего инвалиды. Западносибирские власти требовали немедленного чрезвычайного выделения фондов для создания трехсот новых должностей в милиции и ОГПУ. Центр также отклонил это требование, сославшись, к досаде местных властей, на ограниченность бюджетных средств⁷⁶.

Политотделы

Вакуум власти в отдаленных и сельских районах страны частично компенсировался политическими отделами машинно-тракторных станций (политотделами МТС). Каждая МТС, где была сосредоточена тяжелая сельскохозяйственная техника, обслуживала несколько окрестных совхозов и колхозов и была укомплектована, помимо механиков и ремонтников, партийными работниками и сотрудниками ОГПУ. Начальник политотдела являлся заместителем директора МТС, а его заместителем, в свою очередь, назначался оперативник ОГПУ. Основной задачей начальника политотдела было отслеживание политических процессов в деревнях, но круг его обязанностей оказывался намного шире. Несмотря на существование сельсоветов и местных партийных организаций, политотделы МТС осуществляли реальную политическую и порой гражданскую власть в сельской местности. Местные участковые инспекторы милиции, обычно рас-

---

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1030. Л. 9. Совнарком осенью предпринял последующие действия с целью усиления присутствия ОГПУ на железных дорогах, в некоторых случаях принимавшего на себя прямое управление ими.

⁷⁶ Там же. Оп. 14а. Д. 762. Л. 7–8.

полагавшиеся в самой крупной из нескольких соседних деревень, подчинялись политотделу соответствующей МТС. Политотделы получали от участковых доклады обо всех серьезных преступлениях, случившихся на их участках, и, как правило, принимали участие в их расследовании. Председатели колхозов и директора совхозов также получали указания от начальников политотделов МТС, особенно в тех случаях, когда они не являлись членами партии. Помимо всех своих остальных обязанностей, политотделы МТС занимались усилением партийной работы в своих районах. Они регулярно отчитывались в своих действиях по созданию или расширению сельских партийных ячеек, организации читален и кружков обучения грамоте, руководству сельскими комсомольскими организациями и даже, где удавалось, изданию местных газет. Политотделы МТС обладали значительной властью в своих округах. Их регулярные доклады региональным партийным комитетам обеспечивали последние подробными сведениями о повседневной жизни сельских районов страны.

Образование политотделов МТС порой вызывало трения между ними и местными партийными органами, но, как заявлял в 1934 г. Лазарь Каганович, политотделы обладали значительно большим влиянием в своих районах. Крестьяне видели в них не просто главную политическую силу, но и главных представителей советской власти в своем районе. Сотрудники политотделов часто, наряду с политическими функциями, занимались урегулированием чисто гражданских дел, участвуя, помимо написания отчетов в партийные органы о политических настроениях среди местных жителей, в решении сельскохозяйственных и даже образовательных проблем. И это не удивительно, если учесть слабость гражданских и политических властей в подведомственных им регионах⁷⁷.

Создание политотделов МТС оказалось блестящей идеей. Эти органы, основанные в 1933 г., эффективным образом способствовали распространению советской власти на сельские районы страны. К концу года действовало уже около 3400 политотделов МТС при колхозах и совхозах. В них трудилось почти 25 тыс. партийных работников, среди которых насчитывалось около 3 тыс. оперативных сотрудников ОГПУ, занимавших должности заместителей начальников политотделов⁷⁸. Они представляли собой весьма внушительную политическую и полицейскую силу в тех районах, где соответствующие органы практически отсутствовали. В 1934 г. власти страны

---

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 94. Л. 146–148.

⁷⁸ Там же. Л. 142. Ягода докладывал в 1933 г., что в политотделы МТС направлены 2900 кадровых сотрудников ОГПУ. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 41. Л. 2.

решили провести разукрупнение, то есть увеличение числа МТС и политотделов при них. Последние действовали настолько успешно, что нарком путей сообщения Каганович попытался создать аналогичные органы на железных дорогах. Однако эта идея успеха не имела, и политотделы в управлениях железных дорог в конце 1934 г. были распущены вслед за ликвидацией политотделов МТС. Это случилось потому, что, несмотря на всю свою эффективность в качестве рычагов политической и гражданской власти, политотделы служили источниками юридических конфликтов. В обоих случаях руководство страны решило усилить влияние и полномочия местных партийных органов вместо того, чтобы допустить разделение власти между ними и политотделами МТС и управлений железных дорог⁷⁹.

Ведмилиция

Помимо ОГПУ и общей милиции в городах и сельских районах действовали правоохранительные органы еще трех типов. Ведомственная милиция, или *ведмилиция*, рассматривалась как дополнение к общей милиции. Некоторые подразделения ведмилиции были вооружены и даже имели право проведения арестов, но заработная плата ее сотрудникам выплачивалась теми предприятиями, охраной которых они занимались. Порой сотрудники ведмилиции занимались также патрулированием территорий, примыкающих к охраняемым предприятиям, где, как часто случалось, не наблюдалось регулярного присутствия обычной милиции. Если численность обычной милиции сократилась по сравнению с серединой 1920-х гг., то численность ведмилиции в этот период быстро росла. К 1930 г. штат ведмилиции только в РСФСР достиг почти 59 тыс. человек в то время, как в общей милиции тогда насчитывалось всего 37 600 сотрудников. В одном из отчетов рост численности ведмилиции в период с 1926 по 1930 г. оценивался в 314 %⁸⁰. В 1932 г. общая численность ведомственной милиции в РСФСР составляла около 82 тыс. человек, почти в 2 раза превышая численный состав обычной милиции. В Западной Сибири число сотрудников ведмилиции в тот год достигло 8586 человек, почти в 4 раза превысив число обычных милиционеров⁸¹.

Столь значительная численность ведмилиции объяснялась рядом причин. В одном из докладов в увеличении численности ведомственной милиции усматривались положительные стороны. В ней видели воплощение советского идеала расширения участия граждан в управлении государством. Но в этом же докладе называлась другая,

---

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 94. Л. 76–86.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 14.

⁸¹ Там же. Оп. 141. Д. 910. Л. 40; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 18.

более реалистичная причина данного явления, заключающаяся в быстром развитии промышленности при одновременном сокращении численности обычной милиции из-за недостатка средств на ее содержание в государственном бюджете⁸². Фактически обычная милиция была настолько перегружена и малочисленна, что предприятия были вынуждены нанимать охранников, не имея при этом в виду никаких идеологических соображений. Таким образом, ведмилиция заполняла собой ту брешь в органах охраны правопорядка, которая образовалась в связи с внезапным ростом экономики и развитием промышленности. Вместе с тем в некоторых случаях руководители государственных предприятий не полагались на обычную милицию в охране своего имущества даже при наличии достаточного числа милиционеров в своем регионе и предпочитали нанимать собственную ведмилицию, которой они могли доверять. В отчете 1932 г. отмечался еще один, корыстный мотив разрастания ведмилиции. В этом докладе фактически утверждалось, что штаты ведмилиции были раздуты сверх всякой необходимости и возможности нанимать на работу квалифицированных охранников. Как выяснилось, предприятия платили совсем неплохие деньги руководителям местной милиции, заключая с ними договора об охране. «Ряд краев и областей, – с горечью констатировалось в докладе, – не изжили еще представления о том, что ведомственная милиция не дойная корова, а крупнейшая государственная задача охраны и обороны объектов соцпромышленности». Соответственно местные милицейские начальники заставляли или вынуждали предприятия содержать крупные охранные силы и навязывали мелким, не очень важным предприятиям договоры на охрану просто ради извлечения большего количества денег. В результате отряды ведмилиции росли как грибы, что тревожило центральное милицейское руководство. Беспокойство вызывало то, что она превращается в легальные вооруженные, слабо контролируемые банды, которые могут стать потенциальными источниками конфликтов с регулярными силами местной милиции. Между тем охрана важнейших государственных объектов и территорий испытывала острый дефицит квалифицированных кадров⁸³.

Сельские исполнители

Система сельских исполнителей существовала еще в царские времена. Постановления от 27 апреля 1924 г., 10 мая 1932 г. и 20 марта 1936 г. «О сельских исполнителях» подробно регламентировали их

⁸² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 14.

⁸³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 3. Л. 52; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 126. Л. 222.

деятельность, однако до сих пор остается не вполне ясным вопрос, каким образом практически действовали эти должностные лица при царе, в 1920-е или в 1930-е гг.⁸⁴ Неизвестно также точное число официально зарегистрированных «сельсполнителей» в начале 1930-х гг. Очевидно, институт сельсполнителей отмер естественным путем, но в официальных документах 1930-х гг. упоминания о них все еще встречаются. Недостаточное число милиционеров в сельской местности заставляло руководителей милиции и ОГПУ настаивать на большем привлечении сельсполнителей к охране общественного порядка. Одно из последних упоминаний о сельсполнителях содержится в рекомендациях ОГПУ конца 1932 г. об усилении органов охраны общественного порядка за пределами городов. В этих рекомендациях критикуются руководители местной милиции, не включающие сельсполнителей в планы оперативной работы. В своих рекомендациях ОГПУ настаивало на максимальной координации работы сельсполнителей и проведении их регулярного инструктирования милицией, на увеличении их численности и уровня квалификации. Но позднее никаких упоминаний в документах ОГПУ о сельсполнителях больше не встречается. Очевидно, что упомянутые рекомендации ОГПУ относились к периоду лихорадочной активности начала 1930-х гг., когда руководство милиции и ОГПУ отчаянно искало любые доступные средства для усиления охраны правопорядка в сельской местности⁸⁵.

Осодмил

Недостаток штатных сотрудников общей и ведомственной милиций восполнялся большим числом общественных организаций содействия милиции, члены которых исполняли вспомогательные милицейские функции. Эти организации известны как общества содействия милиции или *Осодмил*. Осодмильцы, число которых в начале 1930-х гг. росло очень быстрыми темпами, были организованы в небольшие группы или ячейки. Если в 1930 г. по всей стране насчитывалось около 2500 таких ячеек, в которые входило 26 177 членов, то уже весной 1932 г. только в Западной Сибири действовало около 2 тыс. групп Осодмила, число членов которых приближалось к 15 тыс.⁸⁶ Так как число добровольных помощников милиции в стране

---

⁸⁴ В милицейском отчете за 1928 г. перечислено 405 сельских исполнителей в Троцком районе Ленинградской области, внушительное число, намного превышающее численность местной милиции. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 21. Л. 7.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 3. Л. 49.

⁸⁶ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 16.

быстро росло, государство стремилось как-то контролировать их деятельность. Декретом Совнаркома весной 1932 г. общества были преобразованы в бригады, находящиеся в прямом подчинении милиции. С этого момента осодмильцы стали официально именоваться бригадами. Новые правила ограничивали их численность и требовали привлечения в бригады только «передовых рабочих». Бригады должны были действовать в соответствии с указаниями милиции, а их члены могли носить оружие, но только зарегистрированное в милиции. Весной 1934 г. с гордостью докладывали о революционной работе более 325 тыс. бригад содействия, из которых 80 тыс. действовали в городах, а 245 тыс. – в деревнях⁸⁷.

Большому числу осодмильцев в сельской местности не приходится удивляться, если учесть недостаточное милицейское присутствие за пределами городов. В начале 1930-х гг. граждане организовывали группы добровольцев для поддержания общественного порядка, прежде всего во вновь организованных колхозах и совхозах, а также в районах интенсивного строительства государственных промышленных предприятий, таких как, к примеру, барачные пригороды крупных городов. Самый значительный рост числа осодмильцев пришелся на Уральский и Западносибирский регионы, что, безусловно, объяснялось большим наплывом в эти края вынужденных и добровольных переселенцев, резким изменением социального состава населения, связанным с индустриализацией и коллективизацией, и с прибытием в эти регионы страны на поселение большого числа депортированных и маргинальных элементов. Здесь малочисленные силы регулярной милиции испытывали сильное давление, связанное с ростом численности населения и внутренней миграцией⁸⁸.

Добровольческие силы поддержания общественного порядка принимали на себя некоторые наиболее распространенные милицейские функции, такие как борьба с воровством и хулиганством. Группы Осодмила не имели права арестовывать правонарушителей, а могли только задерживать их до прибытия регулярной милиции, а в начале 1930-х гг. у них не было права носить огнестрельное оружие. Наиболее серьезным следствием реорганизации 1932 г. стала отмена территориального принципа его построения и переход к созданию групп Осодмила при организациях и предприятиях. Милиция объявила эти преобразования добровольными и спонтанными. Фактически же эта «добровольная реорганизация» означала, что многие деревни были

---

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 21. О реорганизации Осодмила см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1314. Л. 8–10.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 17.

вынуждены распустить добровольные группы поддержания порядка и организовать вместо них патрулирование объектов государственной важности. Циркуляр, содержащий рекомендации по реорганизации Осодмила, предписывал создание бригад численностью до 20 человек в таких местах, как МТС, государственные приемные пункты зерна, заводские цеха и другие предприятия. С другой стороны, бригадильцы должны были патрулировать места массового скопления граждан, к примеру, рынки и базары. Милиции было поручено осуществлять начальную подготовку бригадильцев и действовать в тесном сотрудничестве с ними⁸⁹. В конце 1937 г. милиция насчитала по всей стране до 350 тыс. членов бригадмила.

Официально милиция приветствовала создание Осодмила и бригадмила в качестве вспомогательной силы. По оценкам милицейских руководителей, эти организации, при условии, что они будут задействованы полностью, способны заменить собой от 20 до 25 тыс. штатных милиционеров. В тот период, когда рабоче-крестьянская милиция была малочисленна, эти организации могли освободить милицию от наиболее рутинных патрульных функций для того, чтобы та имела возможность сконцентрировать свои усилия на оперативной работе и расследовании преступлений. Осодмил рассматривался также как источник пополнения регулярной милиции и недорогая школа начальной подготовки вновь принимаемых штатных сотрудников. Например, в Западной Сибири в течение 1932 г. на работу в районные отделения милиции было принято 262 бывших осодмильца, причем 32 из них были назначены на руководящие должности⁹⁰. В то же время руководство РКМ беспокоила бесконтрольная, не регулируемая законом деятельность добровольных гражданских помощников милиции. Как писал один офицер милиции в 1930 г., «несмотря на их успешное развитие, многие такие группы все еще действуют в отсутствие законодательных актов, регулирующих их деятельность»⁹¹. Кроме того, милицию беспокоил тот факт, что большое число бригадильцев отнюдь не является признаком народной поддержки советской власти или энтузиазма населения. Например, многие профсоюзы отказывались признавать организуемые на их предприятиях бригады содействия милиции или работать с ними. Профсоюзы опасались, что эти добровольные органы охраны правопорядка представляют собой не что иное, как легализованные банды хулиганов и уголовников. Эти опасения, вероятно, имели некоторые основания, учитывая, что бригадильцами на предприятиях становились преимущественно мо-

---

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1314. Л. 8.

⁹⁰ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 16.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 17.

лодые люди в возрасте от 18 до 30 лет⁹². Фактически формирование местных добровольческих органов охраны общественного порядка обнажило слабость государственной власти. Многие организации содействия милиции образовывались по необходимости, поскольку сама милиция была не в состоянии защитить местных жителей и коллективные хозяйства. Еще более многозначительным был тот факт, что, по крайней мере, некоторые предприятия и колхозы отказывались создавать у себя постоянные опорные пункты милиции, предпочитая ей патрулирование добровольцами. Таким образом, им удавалось сэкономить на затратах на размещение милицейских участков и на заработной плате милиционерам. Вполне вероятно, что при этом они избавлялись от дополнительных расходов в виде взяток и откатов милиционерам⁹³. Все это беспокоило милицию. Как отмечалось в милицейском отчете за 1932 г., местные администрации нередко нанимали плохо подготовленных полуинвалидов или пенсионеров в качестве сторожей, охранявших магазины, склады и другие производственные помещения. Подобная практика позволяла руководителям фабрик и колхозов высвобождать более крепких работников для решения производственных задач. Руководство милиции хорошо понимало, какими экономическими соображениями продиктованы подобные решения, но предупреждало о том, что такая практика подвергает опасности расхищения или порчи значительную часть государственного имущества. По мнению милиции, это указывало на то, что задача охраны и сохранности социалистической собственности все еще оставалась не приоритетной для руководителей предприятий⁹⁴. С точки зрения РКМ, большое число добровольческих организаций служило одновременно как помощью, так и препятствием для укрепления советской власти и охраны общественного порядка.

Заключение

В конце 1920 – начале 1930-х гг. сталинский режим приступил к осуществлению важной социально-экономической революции в Советском Союзе. Кампании раскулачивания и коллективизации обеспечили глубокое проникновение советской власти в деревню, прежде враждебно настроенную в ее отношении. Принудительная индустриализация и разрушение рыночных механизмов также способствовали укреплению государственной власти в экономике, преобразованию старых городов и созданию новых промышленных цен-

---

⁹² Там же.

⁹³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 18.

⁹⁴ Там же.

тров. Сталинская революция потребовала мобилизации огромных ресурсов и привела к столь же масштабным общественным потрясениям. Режим оказался неготовым к хаосу, возникшему в обществе как следствие проводимой им политики. Органы социальной защиты были недоразвитыми и слабыми, милиция и органы госбезопасности тонким слоем размазаны по огромным территориям страны. Особенно страдала обычная милиция, действовавшая в условиях общественного хаоса. Будучи недофинансированной, неукомплектованной и малоквалифицированной, милиция представляла собой плохо организованный и коррумпированный институт. Как было показано, она была не в состоянии решать задачи охраны общественного порядка, охраны государственной собственности и защиты интересов государства.

Органы госбезопасности, в свою очередь, не могли заполнить вакуум гражданской власти в стране. Если установление советской политической власти в стране представляло достаточно сложную задачу, то охрана советских порядков оказалась еще одной, пожалуй, даже более сложной проблемой. Сталин понимал, что осуществление его планов, наряду с проведением жесткой репрессивной политики, потребует мощной полицейской поддержки. В конце 1920 – начале 1930-х гг. он поручил тогдашнему заместителю руководителя ОГПУ Ягоде создание единой, централизованной системы охраны общественного порядка. В следующей главе будет показано, насколько тому удалось справиться с поставленной задачей.

3. СОВЕТСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ

Я считал и до сих пор считаю нецелесообразным передавать милицию... в ОГПУ... Слияние этих органов... не будет отвечать сущности, как и той, так и другой организации.

*И. Беспалов, член Верховного суда РСФСР,
ноябрь 1930 г.*

Сталинскую полицейскую систему построил Генрих Ягода. По воспоминаниям большинства современников этот маленький, лишенный каких-либо моральных устоев человек был преданным сталинским палачом, исполнявшим любые прихоти вождя¹. Вместе с тем Ягода был достаточно умен и находчив, обладал невероятной работоспособностью. В качестве заместителя руководителя органов госбезопасности, а затем, возглавляя ОГПУ и НКВД, Ягода выстроил репрессивную полицейскую систему, характерную для сталинского режима. Он принял под свое начало разрозненные полицейские органы и превратил их в полицейскую империю, составлявшую сердцевину сталинского государства. Ко времени своего увольнения в конце 1936 г. Ягода объединил в рамках одного наркомата все функции гражданской милиции и госбезопасности, а также все органы исполнения наказаний и исправительные учреждения. Более того, он распространил юрисдикцию этих органов на многие основные аспекты социальной политики, заполнив тем самым вакуум, обусловленный слабостью гражданской власти. Конечно, расширение полицейской системы происходило под покровительством Сталина, но усилением своего влияния органы НКВД в немалой степени обязаны деятельности Ягоды. В настоящей главе рассмотрены такие вопросы, как передача Ягоде руководства обычной милицией, его роль в создании уникальной советской полицейской системы и его усилия по объединению всех полицейских функций в рамках единого народного комиссариата.

Ягода добился достижения поставленной цели в 1934 г., когда был создан всесоюзный Наркомат внутренних дел (НКВД), под эгидой

---

¹ Виноградов В. Генрих Ягода, нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 89–93.

которого были объединены гражданская милиция, органы госбезопасности, пограничные войска, пожарная служба и все исправительные заведения для обычных и политических преступников. В результате реформы в новый комиссариат целиком вошло ОГПУ, переименованное в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Руководители бывшего ОГПУ возглавили отделы нового НКВД, в котором доминирующая роль стала принадлежать ГУГБ². Создание НКВД должно было стать одним из краеугольных камней революционной централизации государства, задуманной Сталиным, но само существование этого ведомства и его властные полномочия не были заранее predetermined. Для реализации планов централизации власти Сталину руками Ягоды предстояло сломать и воссоздать заново весь бюрократический аппарат. В ходе этой ломки Ягоде пришлось вступить в противостояние с другими конкурирующими органами власти, и эта борьба, по мнению многих критиков сталинской политики, была неконституционной. Централизация полицейской системы также противоречила многочисленным партийным решениям о децентрализации управления страной и подрывала возможности республиканских и региональных властей по управлению внутренними делами на своих территориях. Ягоде удалось за считанные годы создать новую сталинскую полицейскую систему, но для этого ему пришлось преодолеть сопротивление многих властных фигур и институтов³.

Действия Ягоды касались не только централизации полицейской власти. Реформы, приведшие к объединению обычной и политической полиции, воссоздали полицейскую жандармерию в том виде, в котором она существовала во времена позднего самодержавия. Создание «советской жандармерии» произошло в результате слияния милиции с политической полицией, функции которой исполняло ОГПУ. Одним из наиболее впечатляющих достижений Ягоды стало преобразование милиции из местной, плохо организованной полицейской службы в военизированную систему под контролем ОГПУ. В то же время изменение представлений о содержании классовой борьбы придало новое направление деятельности политической полиции как органа управления обществом и охраны общественного

---

² Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 9.

³ О тенденциях к централизации управления полицейскими службами см.: Paul Hagenloh, *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia, 1930–1941*. Ph.D. diss. University of Texas, 1999. Esp. Chap. 1. 'Chekist in Essence, Chekist in Spirit': The OGPU Takeover and the New Stalinist Police; Idem. 'Chekist in Essence, Chekist in Spirit': Regular and Political Police in the 1930s // *Cahiers du Monde russe*. 42/2–4. April–December 2001. P. 447–476; David R. Shearer. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s* // *Cahiers du Monde russe*. 42/2. 3–4. April–December 2001. P. 505–534.

порядка. Совмещение задач охраны общественного порядка и политической полиции и организационное слияние милиции и ОГПУ придали новую динамику сталинским репрессиям, и Ягода был самым подходящим человеком для создания сталинской объединенной полицейской системы.

Предыстория

В течение 1920-х гг. различные части вновь созданного НКВД СССР находились под контролем нескольких комиссариатов, причем не только союзного значения. В частности, обычная милиция номинально подчинялась республиканским Наркоматам внутренних дел, но управлялась и в значительной степени финансировалась местными Советами. В те годы не существовало союзного Наркомата внутренних дел. Тюремь и другие места заключения подчинялись преимущественно республиканским Наркоматам юстиции, хотя под управлением ОГПУ тоже находилось немало исправительно-трудовых лагерей. ОГПУ представляло собой практически независимый орган, обладавший властными полномочиями, приближенный к наркоматам, но подчинявшийся напрямую Совнаркому и высшему органу партии – Политбюро ЦК. Но таким положение ОГПУ было не всегда. В начале 1920-х гг. оно с трудом выживало, а само его существование подвергалось многочисленным нападкам. В конце Гражданской войны, в 1921–1922 гг., группа влиятельных партийных деятелей во главе с Николаем Бухариным и наркомом финансов Георгием Сокольниковым, доказывала, что необходимость в секретной политической полиции с чрезвычайными полномочиями отпала, и ее существование в новой социалистической республике неоправданно. В годы революции и Гражданской войны, то есть в 1917–1922 гг., политическая полиция была известна под аббревиатурой ЧК, обозначавшей Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. По мнению ее критиков, разгром врагов революции лишил ЧК тех функций, которые она выполняла. Поэтому в 1922 г., а затем еще раз, в 1924 г. Бухарин и Сокольников предлагали урезать финансирование и штатную численность этого органа⁴.

---

⁴ Об этих противоречиях прежде всего см.: Stuart Finkel. *An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 5/2. Spring 2004. P. 309; George Lin. *Fighting in Vain: The NKVD RSFSR in the 1920s*. Ph.D. diss. Stanford University, 1997; Nicholas Werth. *L'OGPU en 1924: Radiographie d'une institution à son niveau d'étiage* // *Cahiers du Monde russe*. 42/2–4. April–December 2001. P. 397–422; Хаустов В. Н. Развитие советских органов государственной безопасности, 1917–1953 гг. Там же. С. 357–374; Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики,

В ответ на критику в их адрес руководители ЧК предприняли переименование своей организации со сменой ее облика и назначения. Ее воссоздание под новым названием происходило под руководством первого главы ЧК Феликса Дзержинского и его заместителя Иосифа Уншлихта. Особо важную роль в обновлении и укреплении ЧК, ставшей в 1922 г. именоваться Государственным политическим управлением, а с 1923 г. – Объединенным государственным политическим управлением или ОГПУ, сыграл именно Уншлихт⁵. Он понимал, что роль ОГПУ как полувоенного карательного органа, призванного подавлять сопротивление открытых врагов революции, была исчерпана, и настаивал на его превращении в политическую полицию, охраняющую руководство страны и государственную безопасность. В этом своем качестве ОГПУ должно было продолжать бороться с политическими противниками режима, а также исполнять роль органа социальных исследований, собирающего информацию об отношении к власти различных слоев населения⁶. Одновременно ОГПУ, и это стало его значительным достижением, сумело расширить свои полномочия в качестве органа охраны нового советского общественного порядка. Вопреки возражениям критиков, например, наркома юстиции Дмитрия Курского, ОГПУ обрело право борьбы с бандитизмом. Руководители ОГПУ мотивировали это решение тем, что бандитизм легко перерастает в политическую оппозицию и открытое сопротив-

---

1921–1928. М., 2006. С. 99–115; Paul Hagenloh. Police, Crime, and Public Order. P. 21–32, Chekist in Essence. P. 451–453; Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики 20-х – начала 30-х годов // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е годы). Сборник научных трудов под ред. С. А. Красильникова и Л. И. Пистина // Минувшее, 1997. № 21. С. 179–239; Хэгенлоу, Верт и Лин подчеркивают интенсивность этих противоречий в то время, как другие авторы не признают в них серьезной угрозы для ОГПУ. См. также: Малыгин А. Я. Органы внутренних дел в период проведения новой экономической политики (1921–1929) // Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. и др. Полиция и милиция России. Страницы истории. М., 1995. С. 114–139; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве, 1917–1941. Уфа, 1994. С. 162–230.

⁵ Кокурин А. И., Петров Н. В. Государственное политическое управление и объединенное государственное политическое управление. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. М., 2003. С. 5–6.

⁶ О функциях сбора информации прежде всего см.: Peter Holquist. Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // Journal of Modern History. No. 69. September 1997. P. 415–450; Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением России в 1918–1928 годах. Санкт-Петербург, 1995. В отличие от Холквиста и Измозика, Верт, в частности, подчеркивает важность того, что ОГПУ в большей степени продолжало играть свою роль карательного органа, борющегося с повстанцами, нежели агентство по сбору информации. См.: Werth. L'OGPU en 1924.

ление власти. Поэтому бандитизм представляет собой политическую и общественную угрозу советским порядкам, а борьба с ним является делом политической полиции. В качестве более практического аргумента руководство ОГПУ отмечало, что их организация, имеющая опыт борьбы с контрреволюцией, лучше подготовлена к борьбе с хорошо вооруженными бандами, насчитывавшими порой по несколько десятков участников⁷.

Дзержинскому и Уншлихту удалось добиться успеха в распространении юрисдикции ОГПУ на другие, неполитические категории преступников, включая рецидивистов, опасных спекулянтов и контрабандистов. Как и позднее, в 1930-е гг. руководители ОГПУ еще в начале 1920-х гг. с успехом доказывали, что рецидивисты являются социально-опасными элементами, борьба с которыми должна быть поручена политической полиции. Последний аргумент заслуживает специального упоминания. В 1920-е гг. ОГПУ боролось за обретение контроля за так называемыми социально-опасными личностями и добилось этого права. Само определение «социально-опасная личность» могло быть интерпретировано достаточно широко, но на практике оно чаще всего применялось к безработным и уголовникам, особенно к тем, кто имел более двух судимостей⁸.

Передача обычных преступлений под юрисдикцию политической полиции потребовала внесения изменений в Уголовный кодекс, что сопровождалось ожесточенной борьбой с Наркоматом юстиции и Наркоматом внутренних дел РСФСР⁹. ОГПУ одержало победу в этой борьбе и в результате получило более широкие права, чем право ареста подозреваемых. В частности, ОГПУ вернуло себе ранее принадлежавшее ЧК право осуждения внесудебными административными органами и тройками лиц, подпадавших под его юрисдикцию. При рассмотрении дел тройками не требовалось соблюдать обычные правила доказывания виновности подозреваемых. Последние были лишены права на защиту, присутствовавшее при обычных судебных слушаниях. В революционные годы ЧК безжалостно и интенсивно применяла этот инструмент, а сами тройки в качестве упрощенной формы правосудия перекечевали в 1920-е гг. Но в этот период права троек ОГПУ сократились. В 1920-х гг. тройки не рассматривали по-

⁷ Finkel. An Intensification of Vigilance. P. 306; Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. С. 135–137.

⁸ В своей истории ОГПУ 1920-х гг. Плеханов описывает процесс расширения его полномочий посредством политизации обычной уголовной преступности руководством ОГПУ, усиленной Сталиным в 1930-х гг. Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. С. 135–137, цитируемая с. 137.

⁹ Об изменениях уголовного кодекса см.: ГА РФ. Ф. 393. Оп. 43. Д. 83. Л. 8; а также: Lin. Fighting in Vain. P. 77–122.

литические дела. Они стали прерогативой высшего судебного органа ОГПУ – особых совещаний. Более того, тройки лишились права выносить смертные приговоры за исключением некоторых особых случаев бандитизма и вооруженного грабежа. Тем не менее тройки сохранили значительные полномочия, включая право административной высылки преступников. В середине и конце 1920-х гг. тройками ОГПУ ежегодно осуждалось по несколько тысяч человек¹⁰.

Преобразование ЧК в ОГПУ сохранило ту же структуру, причем не только в качестве инструмента борьбы с политической оппозицией. К середине 1920-х гг. руководители ОГПУ приложили немало усилий к превращению этого, как предполагалось ранее, временного органа революционного правосудия, в постоянно действующий институт, занимавшийся наряду с решением задач государственной безопасности охраной общественного порядка в стране. Распространение руководством ОГПУ юрисдикции своей организации на охрану общественного порядка стало поворотным пунктом в истории советской политической полиции. Такое расширение полномочий открыло дорогу к ликвидации НКВД РСФСР с передачей его функций ОГПУ¹¹. Эти события предвосхищали и объясняли значительное расширение полномочий ОГПУ в 1930-е гг. Новые полицейские функции ОГПУ повлекли за собой пересечение его полномочий с полномочиями республиканских органов НКВД и судебных властей различных республик. Естественно, что такое наложение функций влекло за собой постоянное напряжение между различными органами и юридические разногласия между ними. Особенно значительные конфликты возникали вокруг полицейских и карательных функций, находившихся в ведении НКВД. В самой крупной из советских республик – РСФСР эти конфликты сталкивали между собой заместителя руководителя ОГПУ Ягоду, занявшего этот пост в 1926 г., и главу Российского НКВД Владимира Толмачева. На протяжении 1920-х гг. Толмачев и Ягода вели друг с другом напряженную бюрократическую войну, в ходе которой Ягода искал пути постепенного сокращения сфер, подпадавших под юрисдикцию НКВД, и расширения оперативных полномочий ОГПУ.

---

¹⁰ Это число, составлявшее в 1925–1928 гг. от 4 до 6 тыс. человек, резко подскочило в 1929 г. до 8761 человека, а затем почти до 180 тыс. в 1930 г.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202–203. О тройках см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / Под ред. Данилова В., Маннинга Р., Виолы Л. Документы и материалы в пяти томах. Том 5. 1937–1939. Книга 1: 1937. М., 2004. С. 6012, п. 57. О расширении юрисдикции троек ОГПУ см.: Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. С. 136–137.

¹¹ Finkel. An Intensification of Vigilance. P. 309. Лин и Красильников также подчеркивают важность этих событий с точки зрения формирования роли политической полиции в советском обществе и организации государственной власти.

В то время как Ягода и Толмачев воевали между собой за полномочия своих организаций, последний столкнулся с исключительно серьезными проблемами в НКВД. Его наркомат испытывал значительное недофинансирование. Особенно плачевным было состояние милиции. Из-за недостатка средств практически отсутствовали централизованная координация и общие правила работы ее органов, не хватало денег на подготовку милиционеров. Практически не было средств на приобретение формы, не говоря уже о вооружении или профессиональном обучении. Как уже отмечалось в предыдущих главах, чрезвычайно малой была численность милиции¹². Но подобная дезорганизация милиции была следствием не только недостаточного финансирования, отсутствия должного внимания к ее нуждам или плохого управления, но также результатом ее революционной перестройки после окончания Гражданской войны и отрицания опыта царской полиции. Царская политическая полиция, называвшаяся отдельным корпусом жандармов, действовала по классическим канонам европейской жандармерии XIX в., строившейся на военной иерархии и дисциплине. До реформ 1880-х гг. корпус жандармов действовал отдельно от гражданской полиции. После этих реформ он вошел в состав объединенного департамента полиции, включавшего также обычную гражданскую полицию. Полиция обоих видов, гражданская и политическая, подчинялись вновь созданному министерству внутренних дел, глава которого одновременно возглавлял также корпус жандармов. В результате гражданская полиция оказалась в административном и оперативном подчинении политической полиции. В первом десятилетии XX в. корпус жандармов был преобразован в особый отдел министерства внутренних дел. Такое наименование предвосхитило название некоторых подразделений советского государственного аппарата более позднего времени. Царская политическая полиция тогда приобрела право отправления в ссылку уголовных и политических преступников по приговорам административных судов или так называемых особых совещаний, действовавших в составе вначале корпуса жандармов, а затем и особого отдела. Это учреждение перекочевало и в советский период. Особые совещания особенно в 1930-е гг. стали основным инструментом судебной власти ОГПУ¹³.

После 1917 г. Феликс Дзержинский сохранил царскую организацию полиции на весь период Гражданской войны. Она включала

---

¹² См. с. 88–91.

¹³ О полицейской системе царской России см.: Сижников М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917). М., 1992; Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. Полиция и милиция. Страницы истории. М., 1995. С. 45–67; Перегудова З. И. Политический сыск России 1880–1917. М., 2000. С. 27–100; Ерошкин Н. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 213–215.

контроль гражданской полиции со стороны политической, аресты и вынесение приговоров в административном порядке как обычным уголовникам, так и политическим оппозиционерам. Однако с началом периода нэпа некоторые советские руководители стали указывать на то, что строящаяся система социалистической государственной власти не должна включать карательные органы политической полиции; ни при каких обстоятельствах она не должна иметь отношения к силам поддержания общественного порядка типа гражданской полиции. В 1922 г. ВЦИК принял решение о выделении управления гражданской полицией из ведения ОГПУ и передаче под номинальный контроль российского НКВД. Одновременно Совнарком одержал победу в борьбе с ОГПУ за передачу финансового и оперативного управления органами милиции местным органам советской власти. Правительство исключило из юрисдикции ОГПУ обычные виды преступности и ограничило его административные полномочия только борьбой с явно выраженной политической оппозицией¹⁴.

По своей сути подобные революционные преобразования превратили обычную полицию, называвшуюся милицией, из общенациональной полицейской системы в некую разновидность местных полицейских сил типа западных констеблей. Милиция новой советской республики некоторым образом напоминала британскую полицейскую систему, сложившуюся в конце XIX – начале XX вв., в которой общественный порядок на местах поддерживали констебли или, по советской терминологии, милиционеры. Они разрешали споры и обладали ограниченными полномочиями при расследовании преступлений, сводившимися обычно только к составлению донесений о них. На протяжении 1920-х гг. милиция не имела никакого отношения к борьбе с политическими преступлениями. Расследованиями обычных уголовных преступлений занимались специализированные государственные органы – *уголовным розыск*, бывшие аналогией британского Скотланд-Ярда или CID (Управления уголовных расследований). Подобно последнему, управления или отделы уголовного розыска были самостоятельными органами, не имевшими отношения к обычной милиции, но действовавшими под управлением республиканских наркоматов внутренних дел.

По мнению советских руководителей, децентрализация управления и отделение политической полиции от гражданской стали революционным демократическим ответом на централизованную, военизированную полицейскую систему, существовавшую при царизме и сохранившуюся в ранние революционные годы. Это решение стало,

---

¹⁴ Об истории НКВД начала 1920-х гг. см.: Борисов А. В. Полиция и милиция. С. 114–126. Особо см.: Рассказов Л. П. Карательные органы. С. 212–214.

несомненно, высшей точкой развития советской гражданской власти. Начиная с 1922 г. и позднее происходило временами медленное, а временами и более быстрое превращение ОГПУ в надстройку над советской властью. Уже в 1923–1924 гг. политическая полиция, руководимая Дзержинским, восстановила свою власть и к середине 1920-х гг. превратилась в важный оплот государственной безопасности и охраны общественного порядка. После смерти Дзержинского на протяжении середины и конца 1920-х гг., когда ОГПУ перешло под руководство В. Р. Менжинского и его заместителя Г. Г. Ягоды, происходило дальнейшее усиление власти этой организации. Ягода проводил при этом столь же агрессивную политику, которой придерживался Уншлихт. В 1928–1929 гг. Ягода и другие руководители ОГПУ открыто высказывались за подчинение обычной милиции и уголовного розыска их управлению наряду со всеми тюрьмами и исправительными лагерями страны¹⁵.

Безусловно, предложения Ягоды были обусловлены его собственными политическими и бюрократическими амбициями, но приобретали все больший вес, так как отражали и наличие более серьезных проблем. По докладам некоторых ведомств и даже самого российского НКВД милиция по всей стране к концу 1920-х гг. была полностью дезорганизована. Децентрализация милиции отвечала принципам демократического социализма, но привела ее в хаотическое состояние. Советское правительство никогда не имело достаточно средств, но местные Советы работали в условиях еще больших постоянных и суровых финансовых ограничений. В результате децентрализация финансирования обернулась административной децентрализацией и нищетой милицейской системы по всей стране. Более того, помимо низкого жалования, невысокого общественного авторитета и недостаточной квалификации милиционеров, НКВД не смог или не пожелал координировать наведение порядка в местных органах милиции. В конце 1920-х гг. оказалось, что численность, обязанности и уровни оплаты труда милиционеров существенно различались между регионами страны¹⁶. Положение усугубляло обременение сотрудников милиции, находившихся в подчинении местных Советов, многочисленными обязанностями, не имевшими отношения к борьбе с преступностью и поддержанием общественного порядка. Милиционеры должны были разыскивать пропавших коров, кур и других домашних животных, их привлекали к проверке билетов в местных поездах

---

¹⁵ Дзержинский еще в 1924 г. призывал подчинить милицию и уголовный розыск политической полиции. См.: Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики. С. 135.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 72. Д. 340. Л. 14.

и разбору ссор между соседями. Испытывая постоянный недостаток политических пропагандистов, местные Советы нередко заставляли милиционеров выезжать на деревенские сходы и разъяснять политику партии и правительства. В 1928 г. Толмачев жаловался, что НКВД за год получил более 30 тыс. заявок на проведение расследований, не имевших прямого отношения к деятельности милиции, причем самое большое число подобных требований (около 17 400) поступило от Наркомата юстиции. По словам Толмачева, за второе полугодие 1928 г. сельская милиция, представлявшая самое слабое звено в охране общественного порядка, получила от местных Советов 171 422 поручения, не имевших отношения к ее обязанностям, и это только по Центрально-Черноземному региону России¹⁷.

Но, несмотря на все эти сложности, Толмачев продолжал отстаивать существовавшую организацию милиции. Если Ягода призывал к централизации управления, то Толмачев настаивал на еще большей ее децентрализации. В 1927 г. Толмачев предложил полностью вывести местную милицию из подчинения НКВД и передать ее под административное и финансовое управление местным Советам. В качестве составной части подобной реорганизации Толмачев рекомендовал заменить профессиональную милицию рядовыми гражданами, призываемыми или выбираемыми на двухлетний период в качестве *исполнителей* (по образу и подобию американских помощников шерифов или бейлифов) в местах своего проживания и работы¹⁸. Предложение Толмачева следовало в русле решений XV съезда партии, согласно которому централизованное планирование в стране должно было идти параллельно с децентрализацией управления.

Планы Толмачева по реорганизации управления милицией вполне соответствовали этой модели государственного управления. В отчете Рабкрина РСФСР за 1928 г. эта идея получила дальнейшее развитие. В этом документе предлагалось полностью ликвидировать НКВД, сосредоточив управление милицейскими и розыскными функциями в рамках объединенного органа под юрисдикцией Наркомата юстиции¹⁹. Рекомендации Рабкрина не призывали к передаче контроля над милицией или тюрьмами под эгиду ОГПУ или Наркомюста, но критика Рабкрином НКВД представляла собой достаточно грозный для наркомата сигнал. Подобное критическое отношение к НКВД постепенно нарастало в 1929–1930 гг. Раздавались открытые призывы различных органов, включая Рабкрин, к ликвидации НКВД. Однако

---

¹⁷ ГА РФ. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 14об.

¹⁸ Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы советского государства в 1917–1937 гг. Историко-правовое исследование. Саратов, 2001. С. 114.

¹⁹ Lin. Fighting in Vain. P. 129–130.

в 1930 г. Рабкрин в своем новом докладе и в полном противоречии с докладом 1928 г. рекомендовал целиком передать от НКВД в ОГПУ управление милицией и уголовным розыском²⁰. В такой перемене не было ничего удивительного. До 1929 г. в российском Рабкрине все еще работали старые революционеры-социалисты типа Арона Сольца, которые составляли доклады в духе первоначального предназначения этого контрольного органа, заключавшегося в сокращении масштабов бюрократизма, коррупции и сверхцентрализации в системе государственного управления. Но постепенно система Рабкрин становилась все более политизированной, превращаясь в инструмент захвата Сталиным под свой личный контроль ключевых государственных органов. Начиная с 1926 г. союзный Рабкрин возглавлял ближайший соратник Сталина Серго Орджоникидзе, который сменил руководителей управлений своего ведомства и глав его основных республиканских отделений. В 1929–1930 гг. Орджоникидзе инициировал серию расследований деятельности ряда важнейших государственных органов. Нацелившись на высшие уровни управления государством, Рабкрин признал их работу прискорбно неэффективной и, опираясь на свой авторитет, настоял на «реорганизации с целью централизации управления». Реорганизация управления, как правило, сводилась к слиянию ведомств и передаче их под контроль сталинских назначенцев. Еще начиная с 1928 г., но особенно в 1930 г. расследования Рабкрин стали высоко политизированным средством контроля государственного аппарата со стороны Сталина. Это полностью подтверждает доклад Рабкрин за 1930 г., в котором основное внимание, наряду с чисто бюрократическими задачами разделения труда, уделено политическим проблемам. Критика НКВД, по мнению Рабкрин проводившего излишне мягкую линию в отношении уголовных преступников, заключенных и антисоветских элементов, давала в руки сталинистов дополнительные аргументы в условиях усиления напряженности политической обстановки конца 1920-х гг.²¹

Рекомендации Рабкрин совпадали с мнениями других критиков НКВД. Еще один удар по нему нанесла межведомственная комиссия, рекомендовавшая в июне 1929 г. передать под юрисдикцию ОГПУ все преступления, караемые длительными сроками заключения, превышающими три года²². Сталин, нуждавшийся в рабочей силе для реализации крупных строительных-проектов и в частности планов строительства Беломоро-Балтийского канала, поддержал это

---

²⁰ Ibid. P. 137.

²¹ О Рабкрине см.: E. A. Rees. State Control in Soviet Russia: The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–1934. NY, 1987.

²² Lin. Fighting in Vain. P. 155.

предложение. Поначалу это решение было принято Политбюро, но Толмачев, действовавший с согласия Совнаркома, сумел настоять на его отмене. При этом руководитель НКВД действовал в тесном взаимодействии с А. И. Рыковым, в то время еще возглавлявшим Совнарком и бывшим одним из самых непримиримых критиков сталинских планов индустриализации. В конце августа союзный Совнарком отказался передать заключенных под контроль ОГПУ. Точно так же поступил и российский Совнарком, который возглавлял в то время С. И. Сырцов, бывший оппонентом Сталина по многим внутрипартийным и экономическим вопросам²³. Сталин усмотрел политический заговор в подобном сопротивлении его экономическим планам. В сентябрьском письме Молотову Сталин назвал противодействие его планам «преступным» и ясно высказал свою убежденность в том, что НКВД препятствует достижению поставленных им целей, особенно передаче под контроль ОГПУ принудительного труда заключенных. Он выразил подозрение, что Толмачев и его наркомат «замараны» связями с антипартийной оппозицией, противившейся развязыванию классовой борьбы в деревне и ускоренной индустриализации. Сталин писал Молотову о том, что настало время ликвидировать НКВД²⁴.

Поглощение милиции

С этого момента НКВД стал быстро сдавать позиции в сражении с политической полицией, причем причины его поражения были очевидны. На протяжении всех 1920-х гг. НКВД и ОГПУ вели между собой бюрократическую борьбу, в которую порой включался также Наркомат юстиции, когда дело касалось вопросов заключения преступников и управления исправительными заведениями. Хотя Ягоде часто удавалось брать верх над НКВД в отдельных сражениях, но ни он сам, ни ОГПУ в целом не обладали в то время достаточной мощью, чтобы одержать окончательную победу в этой бюрократической войне. Вялотекущая борьба между этими ведомствами вступила в решающую фазу после того, как Сталин начал проявлять живой интерес к полицейским делам. В 1929–1930 гг. Сталин понял необходимость создания полицейской системы особого типа для достижения своих целей. Приняв решение об ускоренной индустриализации, при-

---

²³ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 215.

²⁴ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 30. См. текст письма: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. ... С. 214.

нудительной коллективизации и уничтожении свободного рынка, советский диктатор нуждался в большом количестве рабочей силы, занятой принудительным трудом. Ему необходимо было, чтобы эти люди перешли под управление ОГПУ. Также Сталин понимал, что ему нужна надежная и эффективная полицейская система для подавления предполагаемого сопротивления его планам радикальной перестройки экономики. Низкая эффективность НКВД, его ограниченная юрисдикция и сопротивление проведению массовых репрессий противоречили планам вождя²⁵.

После того, как Сталин написал уже упоминавшееся выше письмо Молотову, последовавшие события развивались быстрыми темпами. Сталин и Молотов снова надавили на Политбюро и заставили его в июне 1930 г. принять резолюцию о передаче мест заключения под контроль ОГПУ. Затем в ноябре Политбюро приняло секретное постановление, предусматривавшее ликвидацию НКВД РСФСР до конца 1931 г. В процессе ликвидации НКВД сначала лишился двух важнейших управлений, переданных его соперникам. Управление тюрем было передано в Наркомюст, а вновь образованное Управление лагерей и спецпоселений отошло к ОГПУ. Тем же секретным постановлением Политбюро утвердило специальную комиссию, которая должна была детально проработать вопросы, связанные с передачей в ОГПУ руководства милицией и уголовным розыском²⁶. Решением от 15 декабря 1930 г. Совнарком официально утвердил создание Рабоче-крестьянской милиции как самостоятельного органа, но другим секретным постановлением, датированным тем же числом, была подробно прописана подконтрольность милиции ОГПУ, т. е. политической полиции.

Передача милиции под контроль ОГПУ было достаточно противоречивым и нечетко прописанным мероприятием, что вообще было характерно для времени правления Сталина с пересекающимся и противоречивым распределением функций различных ведомств. В соответствии с секретным постановлением Политбюро, милиция была оставлена под формальным контролем республиканских Совнаркомов. Таким образом, управление милицией чисто номинально оставалось децентрализованным и находилось в руках местных органов советской власти. В постановлении говорилось, что «местные управления милиции и уголовного розыска, подчиняясь на общих основаниях соответствующему исполнительному комитету и городскому Совету, ведут работу под руководством соответ-

²⁵ Там же. С. 28–29.

²⁶ Lin. Fighting in Vain. P. 160; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 806. Л. 16–17.

ствующих местных органов ОГПУ»²⁷. Для координации оперативно-го руководства милицией в ОГПУ создавалась Главная инспекция милиции (ГИМ), а подчиненные ей специальные уполномоченные ОГПУ должны были направлять деятельность руководителей местной милиции. Уполномоченными и инспекторами служили кадровые офицеры ОГПУ, приписанные к областным и краевым управлениям милиции. Они были обязаны привести практику работы милиции в соответствие с общей линией и стандартами ОГПУ, следить за очищением милиции от нежелательных элементов и повышением профессионального уровня милиционеров, настаивать на их «чекистском» отношении к работе и к своим обязанностям по защите государства, то есть внедрять бдительность и беспощадность к врагам революции, которыми, как предполагалось, должны обладать все чекисты. Но главное заключалось в том, что офицеры ОГПУ контролировали всю кадровую политику. Прием на работу и увольнение милиционеров формально все еще осуществляли местные Советы, но только по рекомендациям ОГПУ. Как писал исследователь российского НКВД Джордж Лин, «правительственное решение о ликвидации [этого республиканского Наркомата]...было просто официальным прикрытием силового захвата милиции со стороны ОГПУ»²⁸. Номинально милиция все еще оставалась под управлением советского правительства и местных Советов, но втайне она была включена в состав набирающей силу полицейской империи, которой руководил Ягода.

Почему же правительство допускало столь странный конфликт ведомственных полномочий? Лин считает, что руководство страны опасалось общественного недовольства подобным устройством, и как следствие, держало в тайне контроль над милицией со стороны ОГПУ²⁹. Безусловно, это мнение справедливо, поскольку контроль над гражданской полицией со стороны политической фактически воссоздавал полную подчиненность обычной полиции жандармерии, существовавшую в царской России. Фактически сходство с царскими временами стало еще более поразительным в последующие годы, когда уже было сложно избавиться от впечатления, что Ягода и К^о внимательно вглядывались в опыт имперской полицейской системы, используя ее в качестве модели для построения советского полицейского аппарата. Двойственное впечатление оставлял тот факт, что Сталин, сохраняя видимость контроля над милицией со стороны

---

²⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 1141. Л. 61–62. Опубликовано ныне в работе: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник. Под ред. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. М., 2003. С. 526–527.

²⁸ Lin. *Fighting in Vain*. P. 160.

²⁹ Там же.

местных Советов, отдал ее в безусловное подчинение политической полиции³⁰. Опасение общественного мнения не дает полного объяснения этой двойственности. Можно было записать подконтрольность милиции ОГПУ в секретном постановлении, но невозможно было долго это сохранять в секрете. Административное устройство полицейского аппарата очень скоро сделало тайное явным для всех. Частично подобная таинственность объяснялась простой привычкой Сталинского руководства к конспирации и секретности во всех делах, связанных с деятельностью ОГПУ. Но возможно, главная причина заключалась все-таки в финансировании. В то время как центральный бюджет уже испытывал невероятное напряжение в связи с расходами на индустриализацию, Сталин не желал дополнительно нагружать его лишними расходами на содержание милиции. Декабрьское (1930 г.) постановление Политбюро предусматривало повышение заработной платы и всех видов довольствия милиционеров до уровня сотрудников ОГПУ и военнослужащих, но этот призыв оставался не более чем благим пожеланием. Финансирование милиции оставалось обязанностью и без того нищенских, особенно в условиях финансового кризиса 1930–1931 гг., местных бюджетов.

Чекистский дух и методы

Руководители ОГПУ не теряли времени зря, стремясь взять милицию под свой контроль, невзирая на то, что она оставалась в формальном административном подчинении местных Советов. Ради достижения поставленных перед ними целей ответственные работники ОГПУ высокого ранга выдвинули совершенно новую идеологию милицейской работы, разительно отличавшуюся от той, которой придерживалась милиция при прежней ее организации на местном уровне. Уже в 1931 г. вновь назначенный заместителем руководителя ГИМ Д. В. Усов предложил радикальную программу создания новой милиции. В соответствии с выдвинутой им концепцией, задача контроля милиции со стороны ОГПУ заключалась в ее полном преобразовании с превращением из «политически инертного образования» в «боевую организацию, нацеленную на строительство социализма и охрану ре-

---

³⁰ Историк А. Я. Малыгин приводит тот же аргумент, доказывая, что Сталин и руководство ОГПУ постепенно расширяли свой контроль над органами милиции в рамках общего плана лишения национальных республик и автономных образований прав на управление своими внутренними делами, гарантированных им Конституцией 1924 г. «Каждая новая мера, – пишет Малыгин, – приближала их к поставленной цели, но принималась только после того, как руководство страны было убеждено, что она не приведет к непредвиденным последствиям». Малыгин А. Я. Органы внутренних дел // Полиция и милиция... С. 142.

волюционного порядка». Согласно программе Усова, милиция должна была стать оплотом советской власти, соответствующим «на всех уровнях боевому духу, профессионализму и оперативному темпу ОГПУ»³¹. Усов также писал: «Мы должны добиться того, чтобы все наши работники были не только способны стоять и махать палочкой, а активно искоренять преступность, наводить общественный порядок и охранять государственные интересы и собственность».

Если оставить в стороне цветистые выражения, то возникает ряд вопросов относительно точного значения приведенного высказывания и, в частности, о том, где должна проходить граница между обязанностями обычной и политической полиции. В записке, направленной инспекторам милиции от ОГПУ, Усов постарался разграничить функции милиции и политической полиции. Милиция должна была оставаться органом, преимущественно борющимся с преступностью и не решающим политические задачи, но, приобретя новые права в части ареста преступников и расследования преступлений, она обязана наладить свою работу по образу и подобию ЧК. Усов в своей записке недвусмысленно высказался за объединение розыскного аппарата с руководством милицией. Этот объединенный орган должен быть тесными узами связан с ОГПУ в смысле взаимного обмена информацией и применения профессиональных методов работы. По утверждению Усова, уголовная преступность очень часто сращивается с политической и антисоветской оппозицией. Он считал, что этот вывод особенно справедлив применительно к текущему этапу развития советского общества. В качестве доказательства он процитировал известные рассуждения о том, что бандитизм, экономические преступления и вредительство в промышленности служат характерными примерами подобного сращивания. В этой связи слияние политической и обычной полиции представлялось ему неизбежным.

Борьба с определенными видами преступлений, по мнению Усова, была не единственной областью пересечения функций милиции и политической полиции. Он также поднял проблему отслеживания настроений в обществе и роли милиции в этой области. Как указывал Усов, эта проблема не имела столь серьезного значения в городах, где хорошо ощущалось присутствие ОГПУ, но в сельской местности она приобретала совсем иной смысл. По его словам, в деревне ОГПУ не обладало столь значительными силами. Несмотря на постоянный кадровый дефицит, на периферии местная милиция была намного более разветвленной организацией. Недостаточное присутствие органов ОГПУ в сельских и отдаленных районах требовало, чтобы местная

---

³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 910. Л. 43; Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 3–4, 7.

милиция действовала как продолжение ОГПУ, исполняя функции надзора за общественными настроениями и борьбы не только с обычными уголовными, но также с политическими преступлениями³².

Здесь следует отметить важный аспект того, что Усов подразумевал под совершенствованием оперативной работы милиции по примеру соответствующей деятельности ОГПУ. По мнению Усова, и он это часто повторял, оперативной основой всей работы органов ОГПУ является сбор информации с помощью осведомителей³³. Милиция была обязана не только осваивать свои расширенные полномочия в расследовании преступлений и в борьбе с преступниками. Одной из главных обязанностей обновленной милиции должно было стать ее превращение в орган наблюдения за обществом. В своих повседневных контактах с населением сотрудники милиции должны были не только отфильтровывать информацию для собственной розыскной деятельности, но также передавать ее в ОГПУ. Какими точно методами предполагалось решать эти задачи, будет сказано в последующих главах, но здесь важно отметить, что Усов настаивал на этой новой общественной функции милиции еще в 1931 г.

Усов жаловался на то, что в своем тогдашнем состоянии структура и культура работы милиции просто не отвечала ее новой задаче, причем особенно в сельских районах, где ОГПУ сильнее всего нуждалось в ее содействии. Особую проблему в свете новой роли милиции, которую ей приписывал Усов, представляли тесные родственные, дружеские и даже криминальные связи сельских милиционеров. С примечательной откровенностью Усов сожалел о том, что советская милиция не имела возможности воспроизводить опыт царской полиции, в частности, вербовать солдат и жандармов в удаленных от их родных деревень местностях. Из-за дефицита рабочей силы в промышленности милиция не имела возможности набирать новых сотрудников для работы в сельской местности из числа городских рабочих³⁴. Усов санкционировал проведение в 1930–1931 гг. широкомасштабных «чисток» в милиции с целью изгнания из ее рядов враждебных, криминальных и прочих антисоветских элементов, настаивая на том, что одной из целей проведенных «чисток» был разрыв тесных связей милиции с местным населением³⁵. Несмотря на это, Усов подчеркивал, что местная милиция все еще оставалась слишком сильно переплетенной с враждебным общественным окружением. В смешении понятий «враждебный» и «местный» была известная логика. Вместе с тем задача отрыва

---

³² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 5, 7.

³³ Там же. Л. 5.

³⁴ Там же. Л. 9.

³⁵ Там же.

сельского милиционера от «враждебного» окружения не имела механического или хирургического решения с помощью простого переселения его из родной деревни в другой район. Для этого требовалось изменить его менталитет и культуру. Усов характеризовал типичного милиционера как «крестьянина, только что пришедшего из села, из деревни». По мнению Усова, «это наиболее тяжелая проблема. Этот милиционер не имеет никаких политических установок, не понимает, что делается кругом. Ему дают палку в руки (в Москве мы теперь ее ликвидировали), дают 15-минутный инструктаж и говорят: иди и работай. Теперь мы говорим, что, как правило, эти работники должны проходить через 2-х месячные курсы». Усов сравнивал подобное отсутствие всякой профессиональной подготовки милиционеров с годами специального обучения, которое проходил полицейский в капиталистических странах³⁶.

Записка Усова дает представление о том, какими видели советскую жандармерию он сам и его начальник Ягода. Их представления очень сильно противоречили демократическим идеалам 1920-х гг., касавшимся органических связей полиции с обществом и трудящимися гражданами. Напротив, Усов и Ягода настаивали на профессионализации милиции, на ее отрыве от социальной среды и секретности оперативной работы. На конференции, проходившей в ОГПУ в 1931 г., один из ее участников задал Усову вопрос о том, как тот представляет себе функции милиции по защите гражданских прав и личного имущества граждан. Ответ Усова оказался уклончивым, но смысл его был совершенно ясен. Он заявил, что в целом ряде мест были случаи, «когда при ликвидации кулачества некоторые милицейские работники, будучи увлечены тем, что они должны охранять права граждан, часто не понимали этого мероприятия». Местные милиционеры слишком часто выступали на стороне своих соседей, противившихся жесткой политике коллективизации, или, по крайней мере, им симпатизировали. В обозримом будущем, заявил Усов, государственные интересы должны превалировать над частными правами граждан³⁷.

Одно это замечание Усова указывало на то, что поглощение милиции ОГПУ было не просто результатом частных амбиций Ягоды, бюрократического захвата новых позиций или бюрократических представлений об эффективности милиции. Усов не мог более открыто обозначить ту новую роль, которую отводили полиции лидеры режима, рассматривая ее скорее как государственную жандармерию, а не народную силу поддержания правопорядка. И, несмотря на свой пессимизм в отношении современного состояния милиции,

---

³⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 34.

Усов надеялся, что в будущем эта новая жандармерия превратится в хорошо подготовленную, профессиональную силу. Она должна была стать военизированной по методам подготовки и дисциплинированности организацией, использующей самые передовые методы работы ОГПУ. Все это требовало долговременного обучения кадров, но в качестве одной из самых неотложных мер по повышению профессионального уровня милиции Усов наметил направление значительного числа сотрудников ОГПУ на руководящие милицейские должности. Дальнейшие шаги к профессионализации и укреплению милиции директивой от 1931 г. предусматривали передачу под административный надзор ОГПУ всех отделов кадров милиции. После этого потребовались считанные месяцы, чтобы после секретного слияния милиции с ОГПУ полностью вывести ее из-под контроля местных Советов. С этого момента все кадровые назначения в милиции контролировались политической полицией³⁸.

Оппозиция

Столь явная «чеканзация» милиции вызвала озабоченность многих представителей власти и привела к прямому столкновению милиции с органами прокуратуры и юстиции всех уровней. Сам Усов признавал, что его предложения натолкнулись на «острое и открытое неприятие», особенно со стороны сотрудников Наркомата юстиции. Хотя он не называл конкретных фамилий, но скорее всего подразумевал открытую критику его предложений тогдашним наркомом юстиции РСФСР Н. Крыленко³⁹. В ответ на предложенные Усовым новации Крыленко высказал опасения, что предлагаемые реформы грозят превращением милиции в самостоятельный орган следствия, неподконтрольный местным властям или государственной прокуратуре. Относительно новой роли милиции в проведении расследований Крыленко писал в Совнарком в сентябре 1931 г.: «Ни один полицейский в мире не работает подобным образом». Крыленко также решительно возражал против назначения милицейских начальников ОГПУ сверху вместо их выборов местными Советами. Он настаивал на том, что руководители милиции, подобно всем другим советским руководителям, должны избираться на местах и быть подотчетными местным властям. Он жаловался, что реформирование милиции в целом нарушает ряд действующих

³⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 1. Л. 59.

³⁹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 5. Усов особо отмечает сопротивление руководителей органов юстиции «многих регионов» подчинению милиции ОГПУ.

российских законов и, что еще серьезнее, передача ОГПУ административного и оперативного руководства милицией происходит без консультаций с Наркоматом юстиции⁴⁰.

Крыленко понимал, что захват милиции ОГПУ представлял собой нечто более серьезное, нежели просто бюрократическую войну за власть. Он подчеркивал, что подчинение гражданской милиции ОГПУ таит в себе принципиальную угрозу советскому конституционному строю, и он был не одинок в своих опасениях. Один из руководящих работников Прокуратуры РСФСР небезызвестный И. Беспалов выразил те же опасения в написанном им в 1930 г. по собственной инициативе письме одному из руководителей Рабкрин В. Я. Гроссману. В частности, в этом письме Беспалов высказался по данному вопросу следующим образом: «Я считаю необходимым указать в письменной форме, что я считал и до сих пор считаю нецелесообразным передавать милицию, места лишения свободы и аппарат организации принудительного труда в ОГПУ, так как ОГПУ является органом по борьбе с особо опасным общественным элементом, с использованием специфических методов, в то время как милиция и управление мест лишения свободы являются органами широкого массового действия, которые используют совершенно различные методы работы, основным элементом которых является широкая общественность. Слияние этих органов может привести к изменениям в характере ОГПУ или привести к распространению методов ОГПУ в вышеназванных органах, что не будет отвечать сущности как той, так и другой организации»⁴¹.

Это заявление Беспалова можно считать экстраординарным по ряду причин. Прежде всего, оно было сделано добровольно, только исходя из убеждений автора. Заявление Беспалова также отражало его убежденность в том, что Рабкрин был одним из ведомств, выступавшим за слияние милиции с ОГПУ, поскольку он адресовал свое заявление тем, кто, как он считал, обладал должным влиянием в этом деле. Беспалов все еще придерживался распространенной в 1920-х гг. идее, согласно которой политической полиции не должно быть места в гражданском обществе. Напротив, предполагалось, что милиция и исправительные учреждения должны быть составными частями социалистического государства, действующими при широком общественном участии и подотчетными обществу, что кардинально отличает их от секретности работы и карательных задач политической полиции.

---

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 1141. Л. 3–4. Руководство Верховного суда также возражало против расширения полномочий милиции на аресты и розыскные действия. См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1292. Л. 5–5об.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1923. Л. 40.

Беспалов опасался, что секретность и административные политические репрессии, характерные для деятельности политической полиции, заразят также силы охраны общественного порядка, переданные под ее контроль. Его беспокоило то, что милиция из местной организации, защищающей революционную законность, преобразуется в орган, занимающийся репрессиями против общества⁴².

Подобная критика, невзирая на всю ее справедливость, не имела большого значения. Ягода и ОГПУ не теряли времени даром, стремясь подчинить себе милицию. Ягода, Усов и другие руководители ОГПУ не обращали внимания на фиговый листок подчиненности милиции органам советской власти и настаивали на жестком иерархическом и профессиональном подчинении местной милиции исключительно вышестоящим милицейским органам и, соответственно, ОГПУ. Иногда в отчетах местной милиции еще встречались разделы, посвященные участию общества в ее работе, но Ягода не считал себя связанным обязательствами по обеспечению подотчетности милиции местным Советам или обществу в целом⁴³. В ранних докладах Ягоды о деятельности милиции после ее передачи под контроль ОГПУ отсутствуют какие-либо ссылки на участие общественности, если не считать упоминаний об организованных милицией группах добровольных помощников – *осодмильцев*.

Ягода сходиллся во мнениях с Усовым о необходимости преобразования органов милиции в военизированные формирования и соглашался с ним в том, что милиция должна придерживаться в своей работе чекистского духа и методов. В то же время он предостерегал сотрудников против чрезмерной «чекаизации» милиции после запуска процесса милитаризации ее органов. Ягода понимал, что функции милиции по охране общественного порядка на основе гражданского права отличаются от задач политической полиции по искоренению политических врагов, защите государственных интересов и ведению классовой борьбы. Хотя Ягода стремился к полному административному подчинению рабоче-крестьянской милиции ОГПУ, он был убежден в необходимости сохранения функциональных и оперативных различий между этими организациями. Согласно концепции, которой он придерживался, милиция должна была действовать как вспомогательная сила, поддерживающая ОГПУ в обеспечении общественного порядка и защите государственных интересов и соб-

---

⁴² Это письмо более подробно обсуждается: Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. P. 31–32; Hagenloh. *Chekist in Essence*. P. 453.

⁴³ См., например, отчет о работе Сибирской милиции за 1933 г., в котором содержится раздел об участии общественности: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 15.

ственности. Он отмечал в конце 1930 г., что милиционеры должны представлять собой нечто «среднее между чекистом и гражданским населением»⁴⁴.

«Между двух стульев»

Сотрудники милиции оказались в неопределенном и потому опасном положении. Неважно, по каким причинам – политическим, финансовым или бюрократическим происходила реорганизация милиции, но в результате милиционеры оказались в положении людей, пытающихся усидеть между двух стульев, а точнее – в переходном и не до конца определенном состоянии. Например, одной из целей подчинения милиции была ее милитаризация для усиления оперативных возможностей, укрепления дисциплины и повышения норм содержания сотрудников. Тем не менее административная подчиненность милиции в 1931–1932 гг. не была четко определена. Так, милиционеры лишь частично подпадали под юрисдикцию военного правосудия. Сотрудников милиции отдавали под суд военного трибунала только за некоторые виды преступлений, преимущественно связанных с оперативными и финансовыми нарушениями при исполнении служебных обязанностей. Остальные виды преступных деяний милиционеров оставались в юрисдикции гражданских судов⁴⁵. В то же время, хотя деятельность милиции должна была регламентироваться законодательством о военнослужащих, милиционерам тем не менее разрешалось быть членами профсоюзов, защита которых, впрочем, оставалась чисто номинальной. Но хуже всего было то, что милитаризация милиции никак не повлияла на ее бюджетное финансирование или на денежное довольствие милиционеров. Финансирование милиции по-прежнему возлагалось на хронически дефицитные бюджеты местных Советов. В течение пары лет после объединения с ОГПУ не произошло существенного увеличения ни численности, ни должностных окладов милиционеров. Как с раздражением отметил Ягода, после передачи милиции под контроль ОГПУ его требования о немедленном увеличении ее численного состава были отклонены по финансовым соображениям⁴⁶. Ситуация оказалась настолько за-

---

⁴⁴ Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка. Органы... С. 49. Замечание Ягоды о «гражданском населении» свидетельствует о том, что он рассматривал милицию как военное формирование.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 1141. Л. 45. Этот документ определяет военные преступления как нарушения установленного порядка службы, совершенные сотрудниками оперативных и административно-экономических подразделений.

⁴⁶ Там же. Оп. 13а. Д. 1320. Л. 6.

путанной, что работники Совнаркома, составлявшие в 1931 г. положение о милиции, вначале вписали в его проект, а затем вычеркнули из него упоминание о военизированном характере милиции как «административном органе государственной власти»⁴⁷.

Реформирование милиции обнажило намерение Ягоды превратить ее в орган «социального контроля», подчиненный органам госбезопасности, но, наряду с административной неразберихой, затруднявшей достижение поставленной цели, оно натолкнулось на сопротивление сотрудников обеих служб. Сотрудники госбезопасности были недовольны тем, что им поручалось работать вместе с органами милиции. Точно так же сотрудники РКМ были мало настроены на решение новых задач, которые им поручались, особенно в ходе репрессивных кампаний в деревне в начале 1930-х гг. Помимо всего прочего и несмотря на неоднократные протесты Ягоды, местные Советы продолжали нагружать милицию традиционными поручениями, связанными с деятельностью местных общественных и государственных органов.

Многие сотрудники ОГПУ считали недостойным настоящего чекиста направление на работу в РКМ в качестве уполномоченных или участковых инспекторов, видя в этом конец своей карьеры в органах госбезопасности. Руководство ОГПУ старалось развеять эти настроения, настаивая на том, что назначение в органы милиции является особо важной оперативной задачей, а контроль работы милиции – одним из важнейших поручений правительства. На самом же деле руководство ОГПУ признавало, что начальники подразделений фактически пользуются прикомандированием к милиции как способом избавления от некомпетентных, доставляющих им неприятности подчиненных, а также от тех, у кого имелись проблемы со здоровьем или физические недостатки⁴⁸.

Надсмотрщики от ОГПУ имели все основания сомневаться в надежности милиции как средстве борьбы с преступностью и «защиты государственных интересов». Сотрудники ОГПУ не доверяли милиции в связи с низким уровнем подготовки милиционеров и засоренностью ее рядов социально-враждебными элементами. Но важнее всего было то обстоятельство, что работники ОГПУ были вынуждены

⁴⁷ Там же. Оп. 12а. Д. 1141. Л. 45.

⁴⁸ Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка. Органы... С. 531. Даже руководство страны ставило милицию ниже ЧК. После убийства Кирова в 1935 г. Николай Ежов по приказам Сталина провел «чистку» ленинградских органов госбезопасности. Он отметил, что из 280 «вычищенных» 180 человек были отправлены в лагеря, а остальных 100, признанных недостаточно квалифицированными для работы в ОГПУ, по его мнению, вероятно, можно использовать в милиции или в ЗАГСх (Бюро регистрации актов гражданского состояния), подчиненных НКВД, но не для чекистской работы. РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 37.

с большой осторожностью сотрудничать с милицией, в частности потому, что милиционеры традиционно имели тесные личные и служебные связи с местным населением, а также родственные отношения с членами местных преступных групп. По этим причинам руководство ОГПУ не слишком полагалось на местную милицию, несмотря на массовые «чистки» ее рядов в ходе кампаний раскулачивания и коллективизации начала 1930-х гг.⁴⁹ Действительно, как следует из докладов Рабкрин, в ряде регионов местные власти, включая милицию и партийные органы, противились проведению операций ОГПУ по раскулачиванию⁵⁰. В этой связи руководство ОГПУ было весьма озабочено отношением милиции к той новой роли, которая была ему поручена, и часто требовало от своих местных уполномоченных отчетов о состоянии дел по многочисленным проблемам реорганизации и текущей деятельности милиции.

Пространственный доклад, поступивший из Западной Сибири, подтверждал далеко не оптимистичные выводы Усова относительно готовности милиции к решению новых задач. Как докладывал начальник западносибирской милиции в конце 1931 г., «обострение классовой войны... связано с решительным наступлением против капиталистических элементов... Перед милицией стоит повышенная ответственность защищать и укреплять революционный порядок и общественную безопасность... и [действовать как] вооруженный орган пролетарской диктатуры». Но в докладе с сожалением отмечено, что милиция пока не обладает достаточной мощью, чтобы справляться с новыми задачами. В значительной мере это связано с все еще недостаточной ясностью в отношении обязанностей милиции. Подотчетность милиции прописана нечетко, а руководители ОГПУ пока не обладают всей полнотой власти над ней. Милиция получает противоречащие друг другу указания сверху и от местных государственных органов. Кроме того, плохие условия работы и материального обеспечения делают практически невыполнимой задачу поддержания стабильности кадрового состава милиции. Но важнее всего то, что милиция до сих пор еще не прониклась чекистским духом и дисциплинированностью, что нагляднее всего проявляется в остающейся засоренности милицейских рядов «криминальным и коррумпированным элементом» и в том, что местные сотрудники милиции поддерживают слишком тесные связи с «чуждым элементом». Все это создает условия для массовой текучести кадров и серьезного подрыва дисциплины. Слова доклада о связях с криминалитетом и «близости

---

⁴⁹ О вовлечении западносибирской милиции в уборочную кампанию 1933 г. см.: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 119–128. См. также: Полиция и милиция... С. 150.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1992. Л. 1–5.

милиции к чуждому элементу» на бюрократическом языке означали признание сделанного Усовым ранее вывода о неготовности сотрудников местной милиции к проведению государственной репрессивной политики в отношении местного населения, то есть они были не готовы исполнять новую роль составной части государственной жандармерии⁵¹.

Многочисленные доклады с мест подтверждали нежелание местной милиции участвовать в кампаниях массового раскулачивания. В уже процитированном выше докладе начальника западносибирской милиции отмечался «недостаток инициативы» местной милиции в регистрации и уголовном преследовании крестьян, сопротивлявшихся коллективизации или уклонявшихся от сдачи зерна в установленных государством объемах заготовок. В тех же случаях, когда местные милиционеры возбуждали соответствующие дела, они при этом «не всегда выдерживали в необходимой степени классовый подход», предъявляя их фигурантам чисто уголовные, а не политические обвинения. В ряде регионов местные партийные организации и Советы были вынуждены сами проявлять инициативу и арестовывать предполагаемых кулаков за саботаж в ходе сельскохозяйственных кампаний и коллективизации. Но больше всего настораживало то, что местным милиционерам, имевшим родственные или личные связи с контрреволюционными элементами», просто нельзя было доверять. Они скорее выступали на стороне «антисоветских элементов» и в некоторых районах чаще арестовывали за уголовные преступления работников местных органов власти, нежели кулаков⁵².

Коллективизация и раскулачивание вовлекали милицию в новые, непривычные виды деятельности. Одной из наиболее сложных и трудоемких задач, стоявших перед ОГПУ, явилась необходимость привлечения огромного числа работников к депортации десятков и сотен тысяч крестьян. Требовалось собирать их, отбирать у них скот и имущество, грузить в поезда и на другие виды транспорта и сопровождать до мест ссылки. Руководство ОГПУ надеялось переложить значительную часть этих задач на местную милицию. Та уже обладала некоторым опытом, приобретенным в 1920-е гг., но он касался только высылки по приговорам судов, а не в административном порядке. Таким образом, милиция не имела опыта массовой депортации и тем

---

⁵¹ См.: Отчет западносибирской милиции. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 1–33, 119–128. Противоположную точку зрения, согласно которой вышестоящие руководители милиции и ОГПУ сопротивлялись привлечению местной милиции к коллективизации и раскулачиванию, см.: Hagenloh. Police, Crime, and Public Order... P. 82–83; Chekist in Essence... P. 461.

⁵² ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 8, 10, 27.

более опыта массовых репрессий против гражданского населения. Поэтому сотрудники ОГПУ должны были пристально наблюдать за тем, как милиция справляется с новыми для нее обязанностями.

В Западной Сибири первые две операции с участием милиции по массовой депортации были проведены осенью 1931 г. В ходе их проведения было депортировано около 285 600 человек, вывезено порядка 5 тыс. голов крупного рогатого скота, 11 тыс. лошадей, 1800 коров, 2200 овец, и 7 тыс. плугов. Для сбора, сопровождения и перевозки депортируемых было привлечено порядка 1 тыс. милиционеров⁵³. Они действовали под надзором сотрудников ОГПУ, и согласно сообщению уполномоченного ОГПУ по западносибирской милиции, операция прошла достаточно успешно, все было учтено. В целом, по его сообщению, сотрудники милиции действовали в ходе операции «без нарушений основной классовой политической линии и не отходя от выполнения возложенных на них карательных функций». Эту фразу доклада можно прочитать двояко, как в положительном, так и в отрицательном смысле. На самом деле подразумевалось, что милиционеры выполняли свои обязанности, не вполне проникшись «чекистским духом», и уполномоченный ОГПУ должным образом подбирает примеры, подтверждающие отсутствие у него доверия к «классовой бдительности» милиции. В сообщении приведен, например, случай, когда инспектор милиции, «связанный с несколькими местными депортируемыми кулаками», позволил сбежать всему контингенту сопровождаемого им транспорта. Еще один инспектор утратил политическую бдительность, передав письма сосланных на Север кулаков, которых он конвоировал в спецпоселение, членам их семей. Сам этот факт был достаточно возмутительным, но в ходе последующего расследования выяснилось, что эти письма еще и содержали «поджигательные выпады» против Советской власти и «прямые призывы к контрреволюционному восстанию»⁵⁴.

Сейчас сложно оценить, насколько широко распространенным было сопротивление милиции, и являлись ли упоминавшиеся ОГПУ случаи примерами сознательной оппозиции или пренебрежения обязанностями. Кроме того, передача подобной информации в равной мере могла быть обусловлена неосознанным стремлением уполномоченных ОГПУ сообщать своим руководителям сведения, которые те желали услышать. Последующие доклады подтверждают справедливость этого предположения. Еще в конце 1931 г. представители ОГПУ

---

⁵³ Учитывая малочисленность западносибирской милиции, не совсем понятно откуда взялась эта тысяча милиционеров и были ли эти люди реальными сотрудниками милиции.

⁵⁴ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 10.

рапортовали о недостаточном усердии милиции. Однако через год политическая ситуация изменилась. Центр осудил перегибы местных властей, и после этого ОГПУ, наоборот, стало сообщать о примерах чрезмерного рвения местных милиционеров. В конце 1932 г. в обзоре деятельности милиции, составленном ОГПУ, отмечалось, что местная милиция заставляла крестьян выходить на работу в поле или устраивала обыски в их домах в поисках припрятанного зерна. Отчет указал на недопустимость применения подобных противоправных карательных мер против крестьян⁵⁵. Но так или иначе, существует немало свидетельств того, что многие работники милиции по разным причинам без должного энтузиазма относились к своим новым обязанностям. К середине 1930-х гг. и позднее отношение милиции к своей новой роли изменилось, и ее сотрудники уже принимали полноценное участие в репрессивных кампаниях. Однако в первые годы десятилетия, когда переход милиции под контроль ОГПУ был совершен только наполовину, органы госбезопасности испытывали определенные сложности в управлении милицией.

Полное и окончательное подчинение милиции ОГПУ завершилось только в конце декабря 1932 г., когда было создано всесоюзное Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУ РКМ). Интересно отметить, что ГУ РКМ начало свое существование как общесоюзный орган управления милицией, отвечающий за введение и усиление паспортного режима и системы прописки. Создание паспортной системы и формирование ГУ РКМ шли параллельно, рука об руку, и стали важнейшими этапами на пути сталинского режима к централизации полицейской системы и управления страной. Подчинение всей милиции страны вновь созданному ГУ РКМ стало финальным бюрократическим действием, позволившим Ягоде централизовать административный и финансовый контроль милиции наряду с оперативным ее подчинением. Кроме того, и это главное, ГУ РКМ перешло под прямое подчинение ОГПУ. Милиция теперь даже формально не подчинялась республиканским Совнаркомам. ГУ РКМ возглавил высокопоставленный сотрудник ОГПУ Г. Е. Прокофьев, бывший заместителем Ягоды, находившийся в его прямом подчинении. Милиция теперь официально обозначалась как ГУ РКМ при ОГПУ, т. е. новый орган находился в полном подчинении ОГПУ. После этой реорганизации Ягоде, наконец, удалось прибрать к своим рукам полную власть над милицией, выведя ее из-под контроля советского правительства⁵⁶.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 3. Л. 48–49.

⁵⁶ Расшифровка понятия «при ОГПУ» содержится в книге: Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка. Органы... С. 56.

Дальнейшие реформы

Пока Ягода пытался профессионализировать и реформировать милицию и ОГПУ, руководители партии и государства провели целый ряд иных реформ, расширивших властные полномочия ОГПУ. Многие из этих реформ стали следствием массовых репрессивных кампаний, связанных с коллективизацией и раскулачиванием, а также кампаний по очистке городов от нежелательных групп населения. По мнению лидеров страны, эти кампании способствовали укреплению советских порядков, но, решая одни проблемы, они создавали другие. К началу 1933 г. сотни тысяч задержанных переполнили тюрьмы и места предварительного заключения, не считая лагерей, колоний и спецпоселений. Столь большое их число сильно беспокоило местные власти, не знавшие, как следует поступать с задержанными социально-опасными элементами. Генеральную прокуратуру наводнили жалобы местных прокуроров на переполненность тюрем и нарушения установленных законом правил задержания граждан. В апреле 1933 г. в докладах милиции сообщалось, что население тюрем превысило 800 тыс. человек, что вдвое превышало их вместимость⁵⁷. В некоторых регионах количество заключенных оказалось столь велико, что милиция была не в состоянии их контролировать. Например, в Новосибирске численность милиции была столь незначительна, а тюрьмы настолько переполнены, что руководство тюрем перевело заключенных на самоохрану. Многие заключенные нашли себе работу на воле, с утра покидая тюрьмы и возвращаясь в свои камеры на ночь. Тюрьма оказалась для них самым дешевым местом проживания⁵⁸.

Руководство страны реагировало на резкий рост числа заключенных несколькими способами. Ягода стремился к расширению полицейских методов с применением ускоренных процедур обвинения и вынесения приговоров маргинальным элементам во внесудебном порядке. Помимо ускоренного осуждения в обход судебной системы, Ягода предложил увеличить количество колоний для содержания в них ожидаемого в ходе очистки городов большого числа заключенных. Уже в феврале 1933 г. он представил Сталину подробный план, выработанный им совместно со своим заместителем по делам ГУЛАГа М. Д. Берманом. Новые колонии предназначались для содержания в них тех, кого Ягода безапелляционно называл «антисоветскими элементами». По оценкам Ягоды, в течение 1933–1934 гг. предстояло

---

⁵⁷ По состоянию на 10 апреля 1933 г. число заключенных составляло 833 938 человек. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 31.

⁵⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 44.

создать в Казахстане и Западной Сибири новые колонии, способные вместить до 2 млн человек. В это число входило несколько категорий заключенных, таких, как кулаки, которых еще не успели выселить из районов сплошной коллективизации; обвиняемые в саботаже сельскохозяйственных и прочих кампаний; работоспособные осужденные на срок до пяти лет, переведенные из тюрем, находившихся в ведении наркомата юстиции. Но основную массу заключенных в этих колониях должны были составить граждане, которых в связи с введением паспортов и законов о прописке в большом числе выселяли из городов и поселков, а также из западных приграничных районов. Как предвидел Ягода, этот контингент состоял из особо опасных элементов, даже более опасных по сравнению с кулаками, депортированными в разгар коллективизации 1930–1931 гг. Ягода и Берман в своем плане наметили количество будущих колоний, места их размещения и виды экономической деятельности каждой из них. В их плане были подробно расписаны количество жилых помещений и домашнего скота, численность административного и обслуживающего персонала и охраны, необходимые машины и оборудование, количество посеваемого зерна, стоимость транспортировки заключенных⁵⁹.

Ягода предлагал классическое полицейское решение проблемы быстрого роста численности тюремного населения в стране, включавшее ускоренное вынесение приговоров в административном порядке и строительство большого количества колоний для их содержания. Сталин и другие высшие руководители страны предлагали иной, более широкий подход, который предусматривал наведение порядка в государственной системе исправительных учреждений и принятие мер, призванных умерить государственные репрессии. В совокупности весь набор взаимосвязанных реформ, проведенных в 1933–1934 гг., был призван ввести ведомственные и законодательные ограничения роста могущества ОГПУ в целом и его главы, Ягоды, в частности. Уже в марте 1933 г. Политбюро несколько умерило амбиции Ягоды, утвердив его план создания новых колоний, но в урезанном виде. Политбюро согласилось с его предложением о строительстве новых колоний в Казахстане и Западной Сибири, но только для одного вместо двух миллионов заключенных – по 500 тыс. в каждом из этих регионов⁶⁰. Кроме того, Сталин связал реализацию утвержденного плана преимущественно с перемещением в новые колонии заключенных из переполненных тюрем и лагерей, а не с новыми аре-

⁵⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. Под ред. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотниковой. М., 2003. С. 399–406.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 96.

стами и высылкой⁶¹. Затем, в конце апреля Сталин провел еще одно совещание с верхушкой ОГПУ, в ходе которого дал ей ясно понять, что репрессивная политика должна быть изменена, органы обязаны соблюдать процедуры, установленные законом, а уровень репрессий в целом следует понизить⁶². Наконец, в начале мая Политбюро установило дополнительные ограничения в части осуждения людей ОГПУ и местными властями, запретив тройкам выносить смертные приговоры без согласия вышестоящих судебных органов⁶³.

Указанные изменения политики были обобщены в секретной инструкции всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры от 8 мая 1933 г., подписанной Сталиным и Молотовым. Этот документ, часто называемый просто «Инструкцией от 8 мая», был утвержден Политбюро, о чем в протоколе его заседаний от 10 мая есть запись «О рассмотрении мер по сокращению числа заключенных в стране»⁶⁴. Эта инструкция представляла собой совместное распоряжение партии и правительства, о чем говорит его подписание Сталиным как Генеральным секретарем ВКП(б) и Молотовым как Председателем Совнаркома. Инструкция от 8 мая содержала ряд положений, часть которых уже присутствовала в предыдущей инструкции Политбюро, разосланной в июне 1932 г., в частности, слова о победе коллективизации в деревне и необходимости прекратить необоснованные аресты людей в сельских районах. Инструкция от 8 мая усиливала положения, что арестовывать людей имеют право только милиция, ОГПУ и прокуратура, и что все аресты должны производиться только с санкции соответствующих прокуроров; призывала к наращиванию борьбы с классовыми врагами, но без применения изживших себя методов массовых репрессий. Удары государства должны стать более точными, более прицельными, чтобы быть более эффективными. В инструкции было подробно расписано количество кулаков, подлежащих выселению из определенных регионов, но подчеркивалось, что это должно стать последним эпизодом массовых депортаций. Наконец, в инструкции подтверждалась необходимость перевода заключенных из тюрем и лагерей в колонии и поселения. Число заключенных, одновременно содержащихся во всех тюрьмах страны, ограничивалось 400 тыс. человек⁶⁵. Инструкция являла со-

---

⁶¹ Лубянка. Сталин... С. 811. Ссылка 116.

⁶² Там же. Ссылка 115.

⁶³ Там же. С. 435.

⁶⁴ Там же. С. 436; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 томах. Том 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 746–749.

⁶⁵ Лубянка. Сталин... С. 436–440.

бой подробный и всеохватывающий документ, демонстрировавший попытку режима одновременно ослабить применение насилия в советском обществе и восстановить его контролируемость.

Вслед за инструкцией от 8 мая летом 1933 г. последовали серьезные институциональные реформы. Наиболее значительной из них стало создание новой мощной всесоюзной прокуратуры. Это централизованное ведомство заменило собой республиканские прокуратуры, находившиеся под юрисдикцией республиканских наркоматов юстиции. Новая Прокуратура СССР должна была осуществлять надзор за деятельностью судов и карательных органов милиции и ОГПУ. В качестве центрального государственного регулирующего органа обновленная прокуратура была призвана сдерживать амбиции Ягоды и его растущей полицейской империи. Сам Ягода не возражал против создания прокуратуры столь же решительно, как глава наркомата юстиции РСФСР Н. В. Крыленко. Новое ведомство напрямую урезало его власть как главы крупнейшей в стране республиканской прокуратуры, и он безуспешно сражался с Совнаркомом за сохранение своей власти⁶⁶. Новым прокурором СССР был назначен бывший руководящий работник ОГПУ Иван Акулов, но этот человек не обладал должным авторитетом и независимостью. Реальная власть в прокуратуре СССР принадлежала бывшему Генеральному прокурору РСФСР Андрею Вышинскому, который ранее подчинялся Крыленко, но теперь занял более высокий пост во власти по сравнению со своим прежним начальником и соперником. Вышинский на должности заместителя прокурора СССР, а после 1935 г. возглавивший прокуратуру СССР, использовал свой пост для укрепления законности и создания более профессиональной правовой системы в стране. Он вскоре стал защитником судебной и правовой реформы и постоянным «бельмом в глазу» у политической полиции, возглавляемой Ягодой.

Инструкция от 8 мая 1933 г. и создание всесоюзной прокуратуры усилили правовые институты советского государства и значительно ограничили власть полицейских органов. Инструкция сыграла намеченную роль в прекращении произвольных массовых репрессий в отношении крестьянства, но проведенные реформы не положили конец ни применению административных механизмов репрессирования, ни массовым формам репрессий. Не успев выпустить эту инструкцию, Политбюро принялось допускать отступления от нее в части разрешения умеренных полицейских репрессий. Уже в первоначальном тексте этой инструкции, запрещавшем вынесение смертных приговоров тройками ОГПУ, содержалось исключение для гигантско-

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 757.

го по территории региона Дальнего Востока. Затем в июле того же года Политбюро санкционировало расстрелы бандитских элементов по приговорам троек в Западной Сибири. Кроме того, ряд решений Политбюро разрешил ОГПУ проводить оперативные «чистки» отдельных регионов страны от бандформирований и «деклассированных элементов». В августе последовало дальнейшее расширение этих исключений из правил, разрешившее тройкам выносить смертные приговоры в целом ряде других регионов страны, включая целиком Украину, Северный Кавказ, Белоруссию, Казахстан и Урал. Разрешение ограничивалось случаями бандитизма и других вооруженных преступлений, но это формальное ограничение мало повлияло на деятельность троек. В июле Крыленко пожаловался Сталину на десятки тысяч приговоров, вынесенных тройками, многие из которых касались уголовных преступлений и других правонарушений, не подпадающих под юрисдикцию политической полиции⁶⁷. Иными словами, в отсутствие эффективной гражданской милиции органы госбезопасности присвоили себе решение задач борьбы с уголовными преступлениями и охраны общественного порядка, используя при этом кампанейские методы и административные формы репрессий. Столь значительное число отступлений от инструкции 8 мая и столь малые усилия для прекращения деятельности троек по подавлению общественного беспорядка свидетельствовали о том, что режим видел в уголовной преступности главную угрозу социальному порядку и государственной власти⁶⁸. Поэтому за считанные месяцы власти утвердили отступления от инструкции 8 мая, охватившие большую часть территории страны. К осени 1933 г. тройки ОГПУ снова действовали полным ходом повсюду, кроме центральных областей европейской России.

В городах Российской Федерации, невзирая на свертывание масштабных полицейских операций в сельской местности, Совнарком и Политбюро усиливали мощь полицейских сил. Развитие милиции и ОГПУ вытекало из представлений руководства страны относительно того, что городская преступность не только не сокращалась, но создавала все большие проблемы. К концу 1933 г. милиция и ОГПУ были втянуты в кампанию паспортизации городского населения, но положительные результаты этих мероприятий оказались кратковременными и недостаточными. Настроения, близкие к паническим, охватили руководителей партии и правительства. В декабре 1933 г. и в январе 1934 г. Политбюро утвердило целый ряд чрезвычайных мер по подавлению уголовных и иных маргинальных элементов. Их осу-

---

⁶⁷ Лубянка. Сталин... С. 448.

⁶⁸ См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 2, 14.

ществили вначале в Москве, а затем и в других городах. В конце декабря Политбюро неожиданно приняло постановление о борьбе против уголовных преступников и деклассированных элементов, которым разрешило применять смертную казнь в отношении всех участников вооруженных ограблений. Далее Политбюро издало специальную инструкцию для Московского ОГПУ, предписав ему ссылать в административном порядке в удаленные районы всех, кого задерживали в предыдущий год два и более раз по обвинению в кражах. Эта инструкция распространялась также на лиц, уличенных два и более раз в течение года в хулиганстве. Иными словами, инструкция распространялась на всех, кто был даже временно задержан и доставлен в отделение милиции в порядке привода, но не был реально арестован и осужден по статье о хулиганстве. Нищие, бездомные и деклассированные элементы, задержанные органами милиции или ОГПУ, также подлежали высылке из Москвы в места прошлого проживания, в трудовые колонии ОГПУ или даже в исправительно-трудовые лагеря. В январе 1934 г. Политбюро распространило аналогичные правила высылки на Харьков, приказав милиции выслать из города более 2 тыс. деклассированных элементов. В духе новых настроений недопустимости массовых репрессий, а также для того, чтобы не привлекать общественного внимания, милиции было приказано действовать выборочно, не задерживать все две тысячи одновременно, а высылать их группами по 80–100 человек в течение двух-трех месяцев⁶⁹.

Время для более решительных действий настало в январе 1934 г. после увольнения Георгия Прокофьева с поста начальника ГУ РКМ и замены его Л. Н. Бельским, долгое время служившим руководящим работником среднего звена в ОГПУ⁷⁰. Политбюро и Совнарком, не удовлетворенные работой Прокофьева, потребовали от Ягоды и Бельского представить новый план конкретных действий милиции по борьбе с уголовными и социально-вредными элементами, а также по проведению паспортизации населения на 1934 г. В те же первые недели января Политбюро потребовало от Усова, все еще занимавшего должность заместителя начальника инспекции милиции ОГПУ, взять под личный контроль «наведение порядка на улицах Москвы и очистку их от грязи»⁷¹. Осталось не до конца понятным, что конкретно имело в виду Политбюро под «грязью» – отбросы общества

⁶⁹ Там же. Л. 161, 164.

⁷⁰ Это стало возвращением доверия к Бельскому, который ранее был отстранен от активной работы в ОГПУ после поражения во фракционной борьбе против Ягоды, в которой он участвовал в 1931–1932 гг. Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. М., 2003. С. 19.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 937. Л. 28.

или настоящую грязь, мусор и бытовые отходы. Текст инструкции этого не уточняет, и часто поручение руководства трактовалось в обоих смыслах этого выражения. В любом случае инструкция отражала непреклонное желание руководителей партии и правительства очистить города от любой «грязи» и сделать решение этой задачи одним из приоритетных направлений работы как милиции, так и ОГПУ.

Подобные меры отражали представления власти об уголовной преступности и маргинальных слоях населения как о наиболее серьезной опасности для ее существования. Также они служили типичным примером чрезмерной реакции властей на собственные ощущения нарастания беспорядков в обществе. Непоследовательные действия властей отражали свойственную Сталину манеру нарушать утвержденные им же самим законы⁷². Обязав милицию и ОГПУ покончить с массовыми репрессиями против сельского населения, партия и правительство теперь требовали от них действий, которые вылились в массовые репрессии в городах. Вместе с тем сроки издания названных инструкций в определенной степени отражали реальности, сложившиеся в обществе в результате реформирования мест заключения, предпринятого весной и осенью 1933 г. Эти реформы предполагали сокращение численности обитателей тюрем посредством отправки большого числа заключенных из тюрем в колонии и лагеря. На самом деле из примерно 468 тыс. заключенных, подпавших под приказ о сокращении, в лагеря и колонии было переправлено 68 378 человек. В течение мая-июня 1933 г. из тюрем было выпущено порядка 400 тыс. заключенных. В Московской области освобождение затронуло почти половину заключенных. В самой столице из тюрем было выпущено 18 650 осужденных или находившихся под следствием и в ожидании суда⁷³. Многие из этих людей скорее всего не представляли реальной опасности для общества, а были жертвами введения паспортного режима – нищими, бродягами, проститутками или безработными. Однако среди них было немало мелких уголовников – карманников, мелких воришек, квартирных воров. После освобождения значительная их часть оставалась в городе и области. Выпущенные из тюрем летом 1933 г., они не попали под начальный этап паспортизации городского населения, закончившийся в апреле. Ослабление паспортной кампании позволило освобожденным уголовникам легко вернуться к прежним привычкам и занятиям. Драконовские меры, введенные Политбюро в декабре, отражали реакцию лидеров госу-

---

⁷² Об аналогичных противоречиях при применении Указа о революционной законности от 25 июня 1932 г. и Закона о тюрьмах от 7 августа 1932 г. см.: Peter H. Solomon Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 160–161.

⁷³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1073. Л. 34.

дарства на продолжающийся кризис общественного порядка, а также на всплеск преступности на улицах столицы.

План усиления работы милиции в 1934 г., представленный Ягодой, отвечал жесткому настрою политических лидеров страны. Документ, подписанный Ягодой и новым начальником главной инспекции милиции Бельским и представленный ими в январе, охватывал намеченные действия милиции по всей стране. Примечательно, что план начинался с паспортизации, что отражало то значение, какое придавал Ягода этому средству охраны общественного порядка. План был составлен в присутщем ему категорическом и драматическом стиле, примером чему может служить следующая фраза: «ОГПУ считает, что основной и первоочередной задачей милиции является введение [паспортного] режима, при котором ни один гражданин не может проживать за пределами, указанными в его паспорте и прописке по месту жительства, создавая этот режим сначала в Москве и Ленинграде, а затем в остальных городах»⁷⁴. Любого человека, задержанного без паспорта или прописки, по приговору тройки ОГПУ можно было отправить в концентрационный лагерь или трудовую колонию или выслать на прежнее место жительства, в зависимости от его социального происхождения и криминального прошлого. Глава милиции приказывал подчиненным усилить патрульно-постовую службу, чтобы обеспечить постоянную очистку городских улиц от нищих, хулиганов и безнадзорных детей. Милиция была обязана искоренить уголовные притоны и выслать всех задержанных в них в лагеря на срок до 10 лет. Та же мера должна была применяться ко всем задержанным за хулиганство и поножовщину. Милиция должна была регулярно направлять усиленные патрули на базары, рынки, в другие места массового скопления людей такие, как театры и вокзалы, с целью их очистки от криминальных и деклассированных элементов. Интересно отметить, что Ягода поместил последнее поручение в раздел плана, посвященный наведению санитарного порядка и благоустройству городов.

Ягода приберег часть своих наиболее резких высказываний для проблемы беспризорных детей. Милиция была обязана задерживать любого безнадзорного ребенка, нарушающего общественный порядок, обращая особое внимание на тех, кто катается на самокатах, прицепившись к автомобилям или трамваям, торгует контрабандными папиросами и другими товарами, а также на участников детских банд, бесчинствующих на улицах. Беспризорных детей-сирот следовало направлять в детские дома или отсылать по месту жительства. Неоднократно задерживаемых беспризорников милиция должна

⁷⁴ Там же. Д. 1130. Л. 1–10, цитируется л. 1.

была отправлять в специальные лагеря для несовершеннолетних преступников, которые Ягода планировал создать в количестве, достаточном для содержания как минимум 10 тыс. детей и подростков. Задержанные дети, живущие с родителями или родственниками, а также в детских учреждениях, должны направляться в специальные места временного содержания, а взрослые, оставившие их без присмотра, подлежали штрафам до 100 рублей.

Ягода воспользовался подходящим моментом, чтобы предложить увеличить численность милиции за счет привлечения в нее демобилизованных солдат из армии и воинских формирований ОГПУ. Кроме того, он предложил увеличить заработную плату и улучшить питание милиционеров, особенно в части нормы выдаваемого мяса, а также усилить их обучение, главным образом, обращению с оружием. Он рекомендовал вооружить московскую и ленинградскую милицию «резиновыми палками, разрешив применять их в борьбе с хулиганством и для самозащиты, обучить приемам Джиу-Джитсу». Ягода также воспользовался случаем, чтобы высказать давние претензии к соперничавшим с ОГПУ ведомствам. Он призвал Совнарком наложить взыскания на Наркомат просвещения РСФСР, в ведении которого находились детские дома, и потребовать от него увеличить количество этих учреждений и усилить надзор за ними. Он также потребовал от Наркомата юстиции пересмотреть Уголовный кодекс, предусмотрев в нем предложенные им карательные меры, и призвал прокуратуру не загружать милицию делами, не требующими специальных оперативных мер типа розыска, задержания и ареста преступников. Ягода желал навести в оперативной работе милиции порядок, отвечавший его представлениям о деятельности ОГПУ, и он потребовал наведения самой суровой дисциплины в ее собственных рядах. Глава ОГПУ обещал «по максимуму наказывать» любого сотрудника, не справляющегося с решением поставленных перед ним задач⁷⁵.

Высшие политические руководители страны по-разному реагировали на предложения Ягоды. Не сохранилось записей о высказываниях Молотова по этому поводу, которые, как исходившие от председателя Совнаркома, могли иметь решающее значение. Но если Молотов мог быть согласен с этими предложениями по существу, то он вряд ли был позитивно настроен по отношению к общему тону доклада Ягоды. Строгому и сухому стилю Молотова, безусловно, претит трескучая риторика главы ОГПУ. В свою очередь, Генеральный прокурор И. А. Акулов лаконично назвал некоторые меры наказания, предложенные Ягодой, «нецелесообразными». Как он отметил, некоторые из них выходят за рамки прерогатив ОГПУ, установленных

---

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1130. Л. 10.

Постановлением 1930 г. о подчинении ему милиции. Акулов согласился с тем, что наказания за хулиганство, предусмотренные УК, действительно слишком мягкие, но предложил повысить срок заключения по этой статье до пяти лет вместо автоматически назначаемых десяти по предложению Ягоды. Тем не менее Ягоде удалось добиться многого из того, что он запрашивал, по крайней мере, в части реформирования милиции. Совнарком утвердил повышение заработной платы и численности милиции, а также введение для милиционеров формы, сходной с той, что носили сотрудники ОГПУ. Еще важнее было то, что продуктивное снабжение, медицинское обслуживание и другие составляющие социального обеспечения милиции были подняты до уровня ОГПУ и армии. Помимо особых карательных мер, уже введенных в декабре 1933 г., Совнарком и Политбюро воздержались от утверждения предложений Ягоды, касавшихся вынесения приговоров уголовникам и маргинальным элементам. Как и прежде, эти высшие органы власти предпочли более широкое и системное рассмотрение вопроса, рекомендовав учредить специальную комиссию по изучению общей политики наказания преступников, существующих правовых институтов и применяемых ими процедур. В целом же Совнарком и Политбюро одобрили приоритеты в деятельности милиции, предложенные в плане Ягоды в феврале 1934 г.

Виды Ягоды на будущее

Ягода представил нечто большее, чем план действий на год. В докладе он изложил свое видение того, как должны работать органы охраны порядка. По крайней мере, на бумаге его планы удовлетворяли двум условиям: отражали жесткие настроения лидеров страны и предполагали отказ от методов массовых операций. В начале марта 1934 г. вслед за утверждением его планов партией и правительством Ягода разослал серию циркуляров, конкретизирующих его видение способов решения отдельных задач. Краеугольным камнем его стратегии охраны общественного порядка являлось усиление паспортного режима и института прописки. По его мнению, повседневное поддержание этой системы представляло собой «самый важный рычаг», используемый милицией и ОГПУ в борьбе с криминальными и деклассированными элементами и, таким образом, в защите жизненно важных государственных интересов. Ягоде в 1934 г. было совершенно ясно, в чем состоят эти интересы – в охране государственной собственности и общественного порядка⁷⁶. По его убеждению, жесткое и неуклонное соблюдение паспортного режима и системы прописки могло обеспе-

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 23–24.

чить полную очистку специально выделенных, «режимных» городов от «криминально-хулиганствующего элемента». Одновременно это решало и задачу очистки этих городов от антисоветских элементов, поскольку в глазах Ягоды эти категории совпадали. Из городов, где отсутствовал специальный паспортный режим, милиции не так просто было изгонять нежелательных граждан, а паспортизация могла помочь, по крайней мере, выявлять и отслеживать «преступный и подозрительный элемент», что, в свою очередь, «значительно облегчило бы задачу милиции по поддержанию порядка и снижению уровня преступности». Милиция была обязана увеличить число участковых, которые должны были ежедневно совершать не менее двух обходов закрепленных за ними территорий и поддерживать постоянные контакты с рядом доверенных лиц, являвшихся, образно говоря, их глазами и ушами. К их числу относились лавочники, швейцары, мальчишкочистильщики обуви и, прежде всего, управдомы, информировавшие милицию обо всех появившихся в районе новых или подозрительных лицах. Милиция имела возможность регулярно проверять домовые книги регистрации квартирантов, отмечая все изменения в собственных книгах учета жителей не реже одного раза в месяц. Ягода отмечал, что таким образом милиция сможет обеспечить постоянное поддержание общественного порядка и безопасности граждан в городах, вместо того чтобы заниматься этим урывками, при этом не прибегая к устаревшей практике проведения массовых операций. По его мнению, действуя подобным образом, милиция сможет решить насущную задачу профилактики преступлений, а именно предотвращать их, вместо того чтобы реагировать после на их совершение⁷⁷.

Для достижения этого идеального подхода к милицейской работе требовались люди соответствующего склада, и Ягода извел немало чернил, описывая, как должна вести себя милиция и какие отношения РКМ должна поддерживать с ОГПУ. ОГПУ должно было не только служить милиции образцом для подражания, но обеспечить обучение милиционеров и руководство их работой. Ягода предлагал направить большое число сотрудников ОГПУ для укрепления кадрового состава милиции и требовал продолжить выявление и вычисление нежелательных элементов, начатые еще в 1930 г. Милицейские начальники были обязаны тщательно проверять как действующих, так и вновь принимаемых на службу милиционеров. По планам Ягоды каждый участковый уполномоченный должен быть одновременно офицером и милиции, и ОГПУ. Подразделения уголовного розыска обязывались координировать свои операции с местными участковыми, которые также должны были быть в курсе предстоящих опера-

---

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 24–27.

ций, планируемых ОГПУ на их участках, возможно, пересекающихся с операциями уголовного розыска. Ягода при каждом удобном случае напоминал своим подчиненным о необходимости уважительно относиться к гражданам, прислушиваться к их жалобам и реально на них реагировать. Он говорил, что «милиционер должен быть вежлив с гражданами, но показывать твердое и решительное лицо хулиганам, преступникам и лицам, не имеющим документов». Милиция должна постоянно демонстрировать профессиональное, видимое присутствие людей в форме на улицах городов, вселяя тем самым уверенность в добропорядочных граждан и устрашая преступников и прочих подозрительных личностей⁷⁸.

Образование НКВД СССР

Расширение задач и полномочий милиции повлекло за собой проведение дальнейших реформ по централизации управления ее работой. К лету 1934 г. комиссия Политбюро, в которую входили Ягода и ответственные работники наркомата юстиции и прокуратуры, выработала рекомендации по воссозданию наркомата внутренних дел или нового НКВД, который в определенном смысле должен был стать реинкарнацией прежнего НКВД, существовавшего в 1920-е гг., но в значительно более мощном виде. Новый НКВД приобретал союзный статус вместо республиканского, а его полномочия существенно расширялись по сравнению со старым НКВД РСФСР, контролировавшим только милицию. Под вывеской нового НКВД СССР Ягода сумел реализовать то, о чем его предшественники могли только мечтать, а именно – взять под контроль все места заключения, лагеря, колонии и спецпоселения. Но еще важнее, что Ягода теперь возглавил объединенное полицейское ведомство, контролировавшее как гражданскую милицию, так и органы госбезопасности. Милиция сохранила прежнее центральное руководство в лице ГУ РКМ, которое стало одним из управлений нового наркомата. ОГПУ организационно сохранило относительную самостоятельность в виде Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) в составе нового НКВД. Формально ГУГБ было, как и ГУ РКМ, всего одним из нескольких главков НКВД, но фактически все руководящие должности в новом ведомстве заняло бывшее начальство ОГПУ. Фактически ОГПУ просто сменило вывеску, влившись в новый наркомат⁷⁹. Новый НКВД стал синонимом политической полиции, которая теперь напрямую подчинила себе гражданскую милицию.

---

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Лубянка. Сталин... С. 12.

Создание нового НКВД полностью вписывалось в линию Сталина на гиперцентрализацию государственной власти. Однако формирование этого мощного нового ведомства не обошлось без сопротивления. В первые месяцы 1934 г. Акулов и Крыленко написали Сталину о своем несогласии с образованием союзного наркомата при доминирующей роли в нем политической полиции. Оба критиковали широкие полномочия по проведению административных репрессий, отданные «тройкам» органов госбезопасности, и предупреждали о том, что «тройки» злоупотребляют своей властью, осуждая «десятки тысяч» (по словам Крыленко) неполитических преступников. Они оба также предостерегали власти против излишнего увлечения внесудебными методами расследования преступлений и наказания преступников. В частности, Крыленко особенно настойчиво рекомендовал снова существенно ограничить размеры и функции политической полиции и вернуть «тройки» к тем ограниченным полномочиям, которые были им приданы в начале 1920-х гг., когда те имели право выносить приговоры только по делам о вооруженном сопротивлении власти и политически мотивированном бандитизме. Поскольку политическая полиция должна быть исполнительным органом, а не органом государственной власти, Крыленко рекомендовал реформировать ее с приданием органам госбезопасности республиканского статуса. В любом случае, писал он, политическая полиция не должна входить во всесоюзный независимый комиссариат⁸⁰.

Вопреки рекомендациям Крыленко и Акулова, Сталин и другие лидеры режима двинули вперед реформирование карательных органов, согласившись с образованием всесоюзного НКВД. В то же время и по своим собственным соображениям Сталин согласился, по крайней мере, формально, с необходимостью ограничения внесудебных репрессий. Формирование НКВД сопровождалось реформированием юридической системы. Судам передали главную роль в вынесении приговоров, отбирая эти полномочия у органов госбезопасности. Эти реформы, поддержанные Вышинским, Акуловым и Крыленко, имели в виду положить конец полномочиям «троек» на внесудебное вынесение приговоров. В руках милиции и органов госбезопасности, наряду с прокуратурой, осталось право расследования преступлений и ареста подозреваемых, но все репрессии от лица государства, ранее применявшиеся в административном порядке, теперь становились прерогативой судов различного уровня. Обычные и апелляционные суды оставались главным оплотом системы юридического преследования. Военные трибуналы продолжали заслушивать дела, касающиеся военизированных ведомств, таких, как армия, милиция,

---

⁸⁰ Лубянка. Сталин... С. 448, 487, 508.

пограничная и пожарная службы. Однако в конце осени 1934 г. было утверждено постановление об учреждении специальных судебных коллегий или *спецколлегий*, рассматривавших дела, связанные с особо опасными антигосударственными преступлениями. Спецколлегии рассматривали большинство дел, ранее подведомственных госбезопасности и рассматривавшихся во внесудебном порядке «тройками» ОГПУ. Спецколлегиями руководил наркомат юстиции, а надзор за ними осуществлял специальный отдел прокуратуры. Эти коллегии руководствовались всеми правилами судебных слушаний, действовавшими в обычных судах, с тем исключением, что они имели право по решению председательствующего проводить закрытые заседания. *Особое совещание* НКВД осталось чисто административным судом под эгидой органов госбезопасности, рассматривавшим только особые виды политических преступлений, признанных слишком секретными для их рассмотрения в обычных судах⁸¹.

Такое развитие событий имело важное значение и, как написал Питер Солон, означало возврат к традиционным правовым принципам. Судебная реформа укрепила основы правовой системы, в рамках которой некоторые действия полиции могли теперь признаваться излишне жесткими или даже незаконными⁸². В июне 1935 г. ЦК партии ввел новые правовые ограничения на деятельность милиции, возвратив прокуратуре право надзора за НКВД, включая необходимость получения санкций прокуроров на аресты⁸³. Однако вопреки мнению многих представителей советской юридической системы, все эти реформы не означали полного возврата к традиционным принципам права. Юридическое и полицейское ведомства продолжали сосуществовать, а Сталин, как и в других аспектах государственного управления, поощрял эти ведомства, функции которых во многом пересекались и противоречили друг другу, работать в условиях постоянного соперничества. Такое положение отвечало целям Сталина в отношении гибкости и умышленного столкновения полномочий подчиненных ему центров государственной власти⁸⁴.

Заключение

Подчинение милиции органам госбезопасности в 1930 г., последующее образование ГУ РКМ в конце 1932 г. и, наконец, формирование союзного НКВД в 1934 г. стали главными поворотными пунктами

⁸¹ О формировании *спецколлегий* см.: ГА РФ. Ф. 5446ю. Оп. 16а. Д. 126.

⁸² Solomon. Soviet Criminal Justice. P. 153–169.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 965. Л. 75.

⁸⁴ См. также: Solomon. Soviet Criminal Justice. P. 158.

процесса централизации управления полицейскими органами. Эта централизация происходила рука об руку с подчинением обычной милиции органам госбезопасности, которое было ускорено слиянием этих ведомств. Под властью нового наркомата милиция постепенно становилась полностью милитаризированной организацией, что означало уравнивание ее в размерах окладов, методах обучения и дисциплинарных требованиях с органами госбезопасности и армией. С образованием всесоюзного ГУ РКМ сотрудники милиции перешли в подсудность военным трибуналам за любые виды преступлений, а не только связанные с нарушениями при исполнении служебных обязанностей. Они также лишились права объединяться в профсоюзы и пользоваться их защитой. В милиции были восстановлены военные звания, форма и организационная структура. Формально это означало внедрение званий и профессиональных требований, аналогичных тем, что существовали в армии и частях ОГПУ. Но Ягода не допустил, чтобы милитаризация милиции зашла так же далеко, как в ОГПУ. Милиционеры не жили в казармах подобно солдатам и многим сотрудникам госбезопасности. Более того, Ягода распекал некоторых начальников местной милиции, заставлявших своих подчиненных жить в казармах⁸⁵. Полная милитаризация милиции стала еще одним шагом в милитаризации власти в целом, а также к восстановлению полицейской модели царских времен.

Более важным стало то, что нищие бюджеты местных Советов были освобождены от финансирования РКМ, отошедшего к общесоюзному бюджету Главного политического управления. В результате условия жизни и работы милиционеров значительно улучшились по сравнению с их крайне низким уровнем в начале десятилетия. К середине 1930-х гг. милиция сравнялась по уровню довольствия и системе званий сотрудников с органами госбезопасности. Бюджеты РКМ росли из года в год, хотя Ягода никогда не считал их достаточными. У милиции образовалось достаточно средств для приема дополнительных сотрудников, их обучения и оснащения на уровне, не уступающем ОГПУ. Советские власти также не жалели средств на политическое обучение милиционеров с целью подъема их политической благонадежности и профессионализма.

Увеличение бюджета милиции позволило поднять численность ее сотрудников. К середине десятилетия число милиционеров заметно выросло, а многие новые сотрудники были демобилизованными бойцами и командирами Красной Армии или бывшими сотрудниками ОГПУ, направленными на работу в милицию. Если в 1930 г. общее число сотрудников милиции по всей стране составляло около

---

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 128.

87 тыс. человек, то уже в конце 1932 г. Ягода докладывал об общей численности милиции порядка 98 тыс.⁸⁶ Данных о численности милиции в середине десятилетия недостаточно, но в конце 1934 г. Ягода в докладе Совнаркому сообщал о 124 тыс. милиционеров⁸⁷. К 1937 г. штат милицейских сил вырос до 138 тыс. После формирования железнодорожной милиции и образования специальных отделов по борьбе с экономическими преступлениями общая численность милиции резко возросла, достигнув 182 тыс. в 1938 и 213 439 сотрудников в 1940 г.⁸⁸

Профессионализм милицейского аппарата так никогда и не приблизился к требованиям, вытекавшим из стоявших перед ним задач по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка. Вместе с тем процесс централизации управления, начавшийся в 1930 г., позволил создать в руководимом Сталиным Советском Союзе милитаризованную полицейскую систему, подчиненную органам госбезопасности. Организованная Ягодой полицейская система, которую можно назвать советской жандармерией, функционировала достаточно успешно. В последующих главах мы рассмотрим роль милиции и органов госбезопасности, которую они играли в 1930-х гг. в качестве инструмента охраны общественного порядка, надзора за гражданами и проведения репрессий.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1320. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Оп. 16а. Д. 1270. Л. 28.

⁸⁸ Там же. Оп. 22а. Д. 130. Л. 22; Ф. 9401. Оп. 8. Д. 58. Л. 1, соответственно. Отметим также здесь очевидное повышение дисциплины.

4. ИНФОРМАТОРЫ, НАДЗОР И КОНТРОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ

Чтобы разоблачить и нанести решительный удар по врагу, нам нужна точная, аккуратная и глубокая агентурная работа, иначе мы рискуем проглядеть врага.

Георгий Ягода, 1934 г.

Первые два года 1930-х гг. были для Ягоды и возглавляемых им органов госбезопасности периодом лихорадочной деятельности, в течение которого аппарат ОГПУ был полностью поглощен участием в раскулачивании и классовой борьбе в деревне. ОГПУ сыграло в раскулачивании ведущую роль. Кампания массовых репрессий вдохнула новую жизнь в политическую полицию и придала новое направление ее деятельности. Управление вновь подтвердило необходимость своего существования как революционного отряда партии и государства, борющегося с контрреволюцией, каким была ЧК в период 1918–1921 гг. ОГПУ напрягало все силы для проведения массовых облав, вооруженного подавления сопротивления крестьян, транспортировки ссыльных и патрулирования сельской местности. Одновременно на сотрудников ОГПУ вдруг были возложены новые обязанности по управлению трудовыми колониями, созданными для содержания депортированных кулаков и других антисоветских элементов. Ко всему прочему Ягода затеял коренное реформирование всей полицейской системы, стараясь подчинить себе обычную милицию, поднять ее профессиональный уровень и превратить ее во вспомогательный орган ОГПУ. Летом 1932 г. ОГПУ, возглавляемое Ягодой, столкнулось с совершенно новой, почти критической ситуацией, когда Сталин и Политбюро стали подавать сигналы о необходимости заканчивать кампанию раскулачивания.

Свертывание раскулачивания в 1932–1933 гг. опять заставило ОГПУ, как это уже было в начале 1920-х гг., подыскивать себе новую роль в советском обществе. Но, в отличие от тех лет, чекистам в начале 1930-х гг. не пришлось долго ждать, пока им подберут иные занятия. Очень скоро ОГПУ было вовлечено в провозглашенную Сталиным в январе 1933 г. новую форму классовой борьбы против

уголовных преступников, маргинальных и иных нежелательных слоев населения, для ведения которой требовались новые методы полицейской работы. Эти новые методы, в свою очередь, потребовали от милиции и органов госбезопасности изменений подходов к работе и новой институциональной культуры. Как не устал повторять Ягода, в новых условиях органы госбезопасности должны были перейти от проведения массовых операций и вооруженных карательных акций против повстанцев к целенаправленной, секретной оперативной работе, основанной на систематическом сборе информации и нанесении неожиданных колющих ударов по скрывающимся повсюду врагам. От милиции Ягода требовал превращения дезорганизованных отрядов местных милиционеров в дисциплинированную общенациональную организацию. Объединенные силы милиции и госбезопасности были обязаны выкорчевывать врагов государства до того, как они начнут свою разрушительную деятельность, а не после нанесения ими ущерба. По мнению Ягоды, полицейская работа должна носить профилактический характер, а не сводиться к реагированию на уже произошедшие события¹. Полицейские органы должны были оберегать государственную собственность и защищать интересы государства от возможных вредительских действий врагов режима и их союзников из уголовного мира и недовольных властью слоев населения.

В настоящей и следующей за ней главах описаны усилия Ягоды по созданию профилактической полицейской системы с применением самых последних научных методов надзора за общественными настроениями, агентурной и секретной работы. Эти методы в наибольшей степени подходили для использования в новых условиях, а информационное обеспечение должно было служить основой новой полицейской системы. В принципе Ягода придавал большое значение обработке информации, собираемой профессиональной, секретной и широко разветвленной сетью информаторов, агентов и тайных сотрудников милиции и органов госбезопасности. Действительно, даже когда милиция и органы госбезопасности прибегали к массовым репрессивным кампаниям, Ягода продолжал настаивать на том, что наиболее эффективным средством полицейской работы остается использование систематически и тайно собираемой информации. Он подчеркивал, что задача состоит не в кампанейщине, развязываемой в ответ на опасные для общества или несущие политические угрозы акции или проблемы, которые уже произошли

---

¹ О профилактике в полицейской работе см.: История органов внутренних дел России. Сборник научных трудов. Отв. ред. Первушин В. М. Вып. 2. Москва, 1999. С. 38–39.

или возникли, а в использовании методов систематического наблюдения за населением, чтобы предотвратить захват оппозицией или криминалитетом командных позиций в обществе. Информация являлась, по его мнению, ключом к профилактической полицейской работе, способом выявления вредителей, саботажников и паникеров всех сортов и недопущения масштабной организованной политической оппозиции.

Ягоде не удалось создать профилактическую полицейскую систему того типа, о которой он мечтал. Как будет показано в настоящей главе, по разным причинам агентурная оперативная работа и надзор за обществом на основе сбора информации так и не стали достаточно эффективными на протяжении всех 1930-х гг. Безусловно, сотрудники милиции и органов госбезопасности осуществляли широкомасштабный оперативный надзор с использованием своих тайных агентов и собирали информацию с помощью сетей информаторов и доносчиков². Но, вопреки настояниям Ягоды, оперативные методы надзора не могли стать основой для профилактической полицейской работы и широкомасштабного социального мониторинга в связи с тем, что для этого требовалось слишком много людей и ресурсов, которыми милиция и органы госбезопасности не располагали. Более того, сети информаторов обладали большими возможностями для сбора информации о населении и были достаточно широко разветвленными, но их потенциал оставался невостребованным. Тому было несколько причин, но самой важной явилось предупреждение Сталина о возникновении новой формы классовой борьбы, сделанное им в 1933 г. Страх саботажа со стороны классово-вредных элементов, маскирующихся под лояльных граждан, понижывал отношение руководства страны к собственному населению на протяжении всех 1930-х гг., особенно после завершения объявленных успешными кампаний коллективизации и раскулачивания, в ходе которых открытое сопротивление классовых врагов было загнано в подполье. Этот страх влиял также на культуру и практику работы органов охраны правопорядка³. В результате после этих кампаний органы не доверяли участию общества в своих делах, хотя порой и прибегали к услугам доносчиков при

---

² См., например: Iurii I. Shapoval. The Mechanisms of the informational activity of the GPU–NKVD: The Surveillance File of Mykhailo Hrushevsky // *Cahiers du Monde russe*. 42/2–4. April – December 2001. P. 207–230; Volodymyr Semystiaha. The Role and Place of Secret Collaborators in the Informational Activity of the GPU–NKVD in the 1920s and 1930s. *Ibid.* P. 231–244.

³ О противоречиях между необходимостью народного участия в системе наблюдения и недоверием руководителей к населению см.: Cynthia Hooper. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*. Ph.D. diss. Princeton University. 2003. Chap. 2.

проведении некоторых операций⁴. Подобное недоверие усиливалось благодаря уже укоренившейся в органах профессиональной культуре секретности их работы. Кроме того, и в контексте усилий Ягоды по профессионализации милиции многим ее сотрудникам, имевшим чекистское происхождение, претила работа с сетями осведомителей. Таким образом, по целому ряду причин в 1930-х гг. системы сбора информации оставались недостаточно развитыми как в милиции, так и в органах госбезопасности.

Наиболее эффективным инструментом надзора за обществом, выработанным в рамках бюрократизированного процесса сбора информации, оказалась система учета (регистрации) граждан, которая включала сбор и сортировку статистических данных об отдельных лицах и населении в целом с использованием картотек. Системы регистрации уже в 1920-е гг. при всей их ограниченности являлись основой контроля органов госбезопасности над обществом, а в 1930-х гг. превратились в основу системы массового надзора за населением и полицейской работы⁵.

Существовало два разных типа учета. Первый был активным и напрямую связан с непосредственным физическим надзором за криминалитетом и предполагаемыми оппозиционерами. Учет данного типа был характерен для деятельности милиции и органов госбезопасности в 1920-е гг. и сохранил свою важную роль в 1930-х. Учет второго типа был пассивным и представлял собой простое бюрократическое накопление статистических сведений о лицах, принадлежащих к различным сегментам населения. Эта информация могла использоваться в самых разных целях полицейского надзора и выработки политики. Учет последнего типа стал еще более разнообразным в 1930-е гг. Частично это объяснялось бюрократическими причинами, но также, и что важнее, происходило в результате все большего вовлечения милиции в управление системой паспортизации населения и прописки граждан по месту жительства. Милиция стала занимать

---

⁴ Органы прибегали к услугам доносчиков в ходе таких кампаний, как «чистки» в Ленинграде 1935 г., а также некоторым образом в ходе Большого террора 1937–1938 гг. Об этом см.: Leslie Rimmel. *A Microcosm of Terror, or Class Warfare in Leningrad: The March 1935 Exile of 'Alien Elements' // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 48/4. 2000. P. 528–551. Мнения исследователей относительно использования доносчиков полицейскими службами Третьего рейха расходятся. Роберт Геллатели доказывал, что репрессии гестапо часто основывались на доносах, в то время, как Эрик Джонсон полагал, что гестапо с большой осторожностью относилось к подобным формам участия народа в охране правопорядка и репрессиях. См.: Robert Gellately. *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany.* New York, 2001. P. 190–204; Eric Johnson. *Nazi Terror: The Gestapo, Jews, and Ordinary Germans.* New York, 2000.

⁵ О 1920-х гг. см.: Stuart Finkel. *An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 5/2. Spring 2004. P. 314. N. 65; Hooper. *Terror from Within.* P. 123–125, 142–144.

ся не только надзором за уголовным элементом и предполагаемыми оппозиционерами, но и за гораздо более широкими слоями населения. Милицейские картотеки содержали информацию из трудовых книжек, милицейских дел, паспортов, карт учета по месту прописки и других бюрократических форм учета и регистрации граждан. Сотрудники милиции и органов госбезопасности увлеченно занимались регистрацией и анализом собранной информации. Это был научный подход к надзору, согласующийся с научными социалистическими подходами к социальной инженерии. Картотеки стали основой надзора за обществом и милицейской работы, причем приобрели большее значение по сравнению со сбором информации с помощью сетей информаторов и агентов или в ходе тайных операций.

Сети информаторов

Использование сетей информаторов и методов агентурной работы тем не менее оставалось важным, хотя и недостаточно отработанным и противоречивым аспектом полицейской деятельности. По мере профессионализации сотрудников и расширения полномочий милиции и органов госбезопасности развивались системы сбора информации и надзора за населением. Милиция и госбезопасность занимались подобным надзором еще в 1920-е гг., но не в таких масштабах и без пересечения функций, как в 1930-е. В 1920-х гг. ОГПУ всячески подчеркивало важность надзора и сбора информации о гражданах. Однако как доказали многие исследователи, «подавляющее большинство» его ограниченных ресурсов расходовалось на подавление бандитизма и восстаний, на борьбу с уголовными преступниками-рецидивистами и другими «антисоветскими» элементами, на административную высылку неблагонадежных граждан и создание лагерной системы. Отделы, занимавшиеся сбором и обработкой информации, были относительно малочисленными, а собираемые ими сведения о населении имели вторичное значение по сравнению с открытыми формами борьбы с реальными и вымышленными противниками власти⁶.

---

⁶ Finkel. *An Intensification of Vigilance*. P. 315. Стюарт Финкель обобщает различающиеся взгляды тех, кто настаивает на преобладании надзорных функций на основе сбора информации в деятельности ОГПУ в 1920-е гг., и тех, кто доказывает, что, несмотря на усилия органов по сбору информации, эта часть их работы была не столь важна по сравнению с полувоенными средствами вооруженного подавления бандитизма и повстанческих движений и с разведывательными функциями. Здесь я доказываю, что в 1930-х гг. надзорные функции органов госбезопасности стали приобретать все большую важность, технологиям и методам обработки информации придавалось большее значение по сравнению с агентурно-осведомительской работой. Похожая аргументация содержится в книге по истории советской политической полиции: История советских органов государственной безопасности. М., 1977. В соответствующих главах

В 1930-е гг. после завершения коллективизации финансирование и штат работников полицейских органов существенно изменились в сторону надзорных функций. При этом не произошло ослабления сил по борьбе с враждебными классами и чуждыми элементами. Фактически обе эти функции слились в одну. Сбор информации о населении обслуживал цели борьбы с врагами государства. Ягода всегда понимал, что эти две функции самым тесным образом взаимосвязаны, и в процессе слияния милиции с ОГПУ значительно расширил надзорные и карательные возможности обоих этих органов.

Органы госбезопасности собирали информацию о населении через широко разветвленную, двухуровневую систему информаторов и агентов. Основной и самый многочисленный уровень составляли общие осведомители, представлявшие собой самых обычных граждан разных профессий, работавших на заводах, в колхозах и совхозах, в государственных учреждениях, в различных конторах, магазинах и других местах. Общие информаторы не являлись штатными сотрудниками ОГПУ или ГУГБ и не получали оплаты за предоставляемые ими сведения. Их привлекали к осведомительской работе местные резиденты, которым они передавали собранные сведения. Резидентов обычно подбирали из числа наиболее активных осведомителей. При этом каждый резидент получал информацию по крайней мере от десяти, а порой нескольких десятков общих осведомителей. Сотрудники ОГПУ и ГУГБ с общими осведомителями не контактировали, но регулярно встречались с местными резидентами. Последние также не являлись платными штатными сотрудниками органов. Большая часть сетей осведомителей управлялась секретно-политическим отделом и контролировалась аналогичными подразделениями краевых и областных управлений ОГПУ/ГУГБ⁷.

Второй уровень сети составляли специальные осведомители, подбравшиеся непосредственно сотрудниками органов госбезопасности и отчитывавшиеся перед ними. Этими осведомителями управляли соответствующие оперативные подразделения ОГПУ/ГУГБ. Специальные осведомители следили за определенными группами граждан или отдельными лицами в определенных местах или учреж-

---

И. М. Никитин и И. С. Розанов подчеркивают слабость агентурно-осведомительской работы в 1930-х гг. и указывают, что основное внимание органов госбезопасности в это десятилетие было сосредоточено на массовых арестах, тогда как практика выявления антисоветских элементов на основе агентурных данных получила серьезное распространение только в 1939 г. С. 271–283, 309–310.

⁷ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 34. См. также: Инструкция о постановке информационно-осведомительной работы окружных отделов ГПУ СССР. Харьков, 1930 // Джеффри Бурдс. Советская агентура. Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М., 2006. С. 169–206; Hooper. Terror from Within. P. 156–157.

дениях и собирали заданную информацию об их действиях, контактах и работе. Так, например, отдел экономических преступлений, занимавшийся борьбой с вредительством, саботажем, диверсиями и другими экономическими и должностными преступлениями, располагал собственной сетью специальных осведомителей в системе советской торговли и распределения, на рынках и всех предприятиях, занимавшихся экономической деятельностью. Особый отдел ОГПУ/ГУГБ аналогичным образом контролировал осведомителей в оборонных учреждениях и воинских частях, собиравших информацию о проявлениях шпионажа, терроризма и контрреволюционной деятельности в армии и во всех прочих военизированных организациях, включая милицию, пожарную и пограничную службы. Секретно-политический отдел, кроме того, содержал систему осведомителей, тайно внедряемых в состав предположительно контрреволюционных групп граждан. Наконец, собственными сетями информаторов располагали транспортный и оперативный отделы. Кроме того, самостоятельная сеть специальных осведомителей работала под контролем Главного управления лагерей (ГУЛАГ) в исправительно-трудовых лагерях, колониях и спецпоселениях. Предполагалось, что специальные осведомители обладали более высокой квалификацией по сравнению с обычными, в основном потому, что подбирались из интеллигенции, конторских служащих и других специалистов. Большинство из них также не получали платы за свои донесения и не были штатными сотрудниками ОГПУ/ГУГБ, хотя в некоторых случаях могли получать разовые вознаграждения⁸.

В отличие от сетей осведомителей, агентурные сети состояли либо из кадровых чекистов, специально подготовленных для подпольной работы, либо из гражданских лиц, обладавших определенными знаниями или занимавших определенные должности, завербованных органами и получавших плату за свою агентурную деятельность. Этим агентам поручались определенные разведывательные задачи, обычно связанные с подготовкой или проведением конкретных расследований или операций. Агентов подбирали из рядов штатных сотрудников или любой иной среды, но предполагалось, что они обладали некоторой квалификацией для поручаемой им подпольной работы. Как выяснилось, многие агенты представляли собой лиц, уличенных в компрометирующих поступках, которых органы заставили действовать в этом качестве. Агенты из числа сотрудников органов назначались начальниками оперативных отделов специальных расследований областных или краевых управлений госбезопасности и действовали по

---

⁸ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 525–526. О том, что многим осведомителям платили и платили неплохо, а также предоставляли иные особые и ценные поощрения. см.: Semystiaha. The Role and Place. P. 243–244.

их указаниям. Операции с их участием могли длиться неделями или месяцами. Количество агентов в той или иной области или крае зависело от инициативности местного управления ОГПУ/НКВД и числа проводимых им расследований.

По мере возрастания роли органов госбезопасности в охране общественного порядка расширялась и сеть их осведомителей. В докладе Сталину в начале 1935 г. Николай Ежов, бывший в то время секретарем ЦК и председателем комиссии партийного контроля, курирующий органы госбезопасности, сообщал о наличии у подразделений НКВД 27 650 резидентов разного уровня, собиравших сведения от почти 500 тыс. осведомителей. Таким образом, число резидентов более чем удвоилось по сравнению с минимумом (в 1924 г. – от 10 до 12 тыс. резидентов). Число осведомителей в 1924 г. сложно установить, хотя Николаас Верт считает, что только два ключевых отдела ОГПУ – информационный и транспортный располагали 26 520 и 12 580 осведомителями соответственно. Эти цифры несопоставимы с числом осведомителей десятью годами позже, когда оно было раздуто почти до полумиллиона человек⁹, хотя и эта цифра представляется заниженной. В 1937 г. в сделанном экспромтом заявлении о числе помощников органов госбезопасности Ежов утверждал, что количество осведомителей достигло «несколько миллионов»¹⁰.

Изменения численности и структуры органов госбезопасности также отражали перемены их роли, а именно превращения из орудия классовой борьбы в органы охраны общественного порядка и надзора за обществом. В 1922 г. в невоенизированных подразделениях ОГПУ насчитывалось около 90 тыс. сотрудников, а еще 119 400 человек состояло в воинских частях и военизированных учреждениях этого ведомства. После радикального сокращения численности, проведенного в 1923–1924 гг., в ОГПУ остались служить 21 тыс. гражданских лиц и 76 тыс. военных¹¹. К 1930 г. число сотрудников ОГПУ сократилось еще значительно и составило всего 17 476 человек, из которых 1352 служили в военизированных формированиях¹². К 1935 г. штатная численность органов госбезопасности опять резко выросла, составив в январе этого года 25 573 человека, но в это число входили 3769 со-

⁹ Nicolas Werth. L'OGPU en 1924: Radiographie d'une institution à son niveau d'étiage // Cahiers du Monde russe. 42/2–4. April – December 2001. P. 411.

¹⁰ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 574.

¹¹ Werth. L'OGPU en 1924. P. 399, 410.

¹² Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 34.

трудников особых отделов, числившихся военнотружущими¹³. Если в 1924 г. 78 % сотрудников ОГПУ состояло в особых отделах воинских частей и занималось сбором информации о военнотружущих (76 из 97 тысяч), то к 1935 г. число сотрудников ГУГБ, занимавшихся этой работой, сократилось до 15 % общей численности ведомства.

Как следует из доклада Ягоды, сделанного им в 1935 г., рост численности сотрудников ГУГБ в 1930–1935 гг. происходил преимущественно за счет укрепления региональных управлений и введения института уполномоченных при МТС. Эти работники находились на самых нижних ступенях бюрократической иерархии ОГПУ/ГУГБ и самым непосредственным образом контактировали с населением на местах. Действительно, заместитель начальника политотдела МТС был, по определению, штатным сотрудником секретно-политических отделов ОГПУ. К концу 1934 г., когда были ликвидированы политотделы МТС, общее число таких уполномоченных составляло порядка 5 тыс. человек¹⁴. Они, наряду с сотрудниками райотделов ОГПУ, служили источниками наиболее непосредственной информации, получаемой органами госбезопасности о враждебных действиях и настроениях на местах. Остается не вполне ясным, передавали ли вообще эти сотрудники собираемые ими сведения в общую систему сбора информации, а если передавали, то как и когда. Не существовало никаких официальных структур, связывающих руководителей информационных сетей областного уровня с сотрудниками райотделов и уполномоченными ОГПУ при МТС. Последние, естественно, регулярно представляли письменные доклады начальству по результатам их собственных исследований, но неизвестно, контактировали ли они с осведомителями, работавшими на подведомственных им территориях под контролем секретно-политических или оперативных отделов областных управлений. Логично предположить, что они должны были знать резидентов и действовать в качестве связников, но также вероятно, что они не были включены в состав этих сетей сбора информации. Отсутствие координации между разными оперативными уровнями вообще было характерно для систем политической полиции¹⁵.

Еще одна область роста численности органов госбезопасности обнаруживается в приграничных регионах страны, особенно

---

¹³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 41. Л. 11, 12. Н. Петров отмечает рост численности ОГПУ в 1933–1935 гг. с 20 898 до 23 188 человек. *Le Personnel des organes de sécurité soviétiques, 1922–1953 // Cahiers du Monde russe. 42/2–4. April – December 2001. P. 376.*

¹⁴ Виноградов В. Генрих Ягода – нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 421.

¹⁵ Замечания Ягоды по поводу этого явления, особенно касающиеся неэффективности использования уполномоченных ОГПУ при МТС, см.: Там же. С. 421–422.

в Белоруссии, Западной Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке¹⁶. Не так интенсивно росла численность оперативных отделов ОГПУ, кроме экономического отдела, занимавшегося организованной преступностью, и особого отдела, отвечавшего за сеть осведомителей в армии. Вследствие усиления внимания к борьбе с экономическими преступлениями ОГПУ значительно увеличило численность экономического отдела, штаты которого с 1930 до 1935 г. выросли на 72 % с 1387 до 2388 сотрудников. Этот отдел на протяжении 1930-х гг. расширялся наиболее интенсивно среди всех оперативных служб ОГПУ. Выросла также численность самого крупного и одного из наиболее активных в охране общественного порядка оперативных отделов – транспортного, штат которого увеличился с 4598 до 5383 единиц¹⁷. К середине 1930-х гг. именно эти два оперативных отдела, транспортный и экономический, стали наиболее многочисленными в составе ГУГБ. Численность особых отделов выросла с 2680 до 3769 человек. Наименьшее расширение штатов наблюдалось в секретно-политическом отделе, руководившем сетями осведомителей и сбором сведений о политической оппозиции. Фактически, как следует из докладов Ягоды, в 1933–1934 гг., 2900 сотрудников секретно-политического отдела были переведены на службу в политотделы МТС. В результате численность этого отдела выросла всего на 13 %, с 4252 до 4831 человек¹⁸. Как отмечалось выше, значительный рост численности сотрудников госбезопасности наблюдался в приграничных округах, в райотделах и политотделах МТС. Особенно впечатляюще увеличилось число сотрудников, непосредственно контактировавших с населением, число осведомителей и сотрудников отделов, занимавшихся проблемами охраны общественного порядка. Все эти изменения штатной численности отражали существенную смену приоритетов органов госбезопасности, произошедшую в 1930-х гг.

Сети милицейских осведомителей

Значение надзора за населением и тайного сбора информации о гражданах никогда не подвергалось сомнению внутри органов госбезопасности. По меткому выражению Питера Холквиста, сбор

---

¹⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 41. Л. 12. Штаты сотрудников управлений выросли в Белоруссии с 460 до 803 человек (на 74,5 %), в Западной Сибири с 669 до 1097 (на 64 %), на Дальнем Востоке с 406 до 1185 (на 187 %) и в Казахстане с 403 до 889 (120 %). Естественно, значительное расширение штатов произошло также в управлении НКВД по Москве, где число сотрудников выросло с 699 до 1020 человек (на 46 %).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

информации представлял «альфу и омегу» деятельности ОГПУ¹⁹. Совсем иначе обстояли дела в этой области в милиции. На протяжении 1920-х гг. практика милицейского надзора и сама милиция пришли почти в полный упадок, что в основном было связано с недостатком финансирования, малочисленностью сотрудников и общим беспорядком, в котором находилась советская система органов государственной власти. Это было особенно заметно в сельских районах, где оперативный и розыскной аппараты НКВД были весьма слабы, а система сбора информации с помощью осведомителей практически отсутствовала²⁰. В то же время многие сотрудники НКВД были идеологически враждебно настроены по отношению к тайному сбору информации, а некоторые руководители милиции даже полностью расформировали группы тайных осведомителей. Вероятно, это было отражением ненависти к системе тайных полицейских осведомителей, действовавшей в предреволюционную эпоху. Например, на Урале милиция в 1920-х гг. распустила сети осведомителей, а сэкономленные таким образом средства направила на строительство зданий отделений и другие нужды. Этот эксперимент основывался на идее, согласно которой общество достигло такого уровня развития, что оно способно самостоятельно, без привлечения агентурного аппарата, справиться с борьбой против преступников и нарушителей общественного порядка²¹. Согласно столь идеалистическим демократическим представлениям, народ сам может защитить революционный порядок в стране. Подобный идеализм был характерен для сотрудников раннего НКВД.

Таким же демократическим революционным идеализмом была пропитана критика методов работы милиции с использованием осведомителей, тайных агентов и секретных расследований со стороны государственного контрольного органа Рабкрин, раздававшаяся в конце 1920-х гг. Как доказано многими исследованиями, уголовный розыск того времени приобрел дурную репутацию в связи с имевшей место в его рядах коррупцией и криминальными действиями в агентурной и надзорной работе. В 1928 г. руководители Рабкрин сурово осуждали уголовный розыск за то, что тот пропитался культурой той уголовной среды, с которой обязан был бороться. В то же время Рабкрин в своем докладе обвинял милицию и уголовный розыск не столько в утрате контроля над агентурно-осведомительской работой,

---

¹⁹ Peter Holquist. Information is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context // Journal of Modern History. 69. September 1997. P. 415–450.

²⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 575. Л. 56.

²¹ Там же. Л. 55–56.

сколько «в крайне недостаточной связи... с рабочими и крестьянскими массами». Для устранения этого, по мнению авторов доклада, требовалось не просто повышение профессионализма милиции, а культивирование настроения на «товарищеское сотрудничество с общественностью, ...на революционную бдительность». В духе привычного для 1920-х гг. революционного тона руководство Рабркина рекомендовало создавать контрольные комиссии из представителей рабочего класса для наблюдения за деятельностью уголовного розыска, чтобы разорвать контакты его оперативных сотрудников с уголовниками и другими нежелательными лицами и заставить их работать в более тесном контакте с профсоюзами и другими общественными организациями с целью предотвращения преступлений²².

Руководители ОГПУ, надзиравшие за работой милиции и уголовного розыска, пренебрежительно относились к наивному идеализму популистски настроенных политиков. Они полагали, что культивирование борьбы с врагами режима в массовом сознании представляло с точки зрения практики милицейской работы устаревший, неэффективный и даже контрреволюционный подход. Так, во время совещания оперативных работников милиции и ОГПУ один из его участников высмеял упомянутый выше уральский эксперимент подобной популистской политики²³. Вскоре после подчинения милиции ОГПУ его руководство вернулось к воссозданию агентурно-информационной работы как фундаментальной составляющей всей милицейской работы, ее «основного кирпича». «Чистки» в рядах уголовного розыска и его последующее включение в состав РКМ повлекли за собой реорганизацию всей его агентурной, информационной и негласной деятельности. Уголовный розыск целиком вошел в качестве отдела во вновь созданное Оперативно-следственное управление милиции, а его оперативная и надзорная деятельность после объединения милиции с органами госбезопасности стала более широкой и профессиональной.

Реорганизация и расширение милиции поставило новые задачи перед ее новым розыскным органом. В целом органы милиции должны были теперь играть более активную роль в борьбе с преступностью, нарушениями общественного порядка и антисоветскими действиями. Новое положение о милиции, вышедшее в 1932 г., наделило ее значительно расширенными полномочиями в деле охраны общественного порядка, розыскной деятельности и арестах граждан. В свою очередь, эти новые функции обусловили потребность в значительно более организованных и масштабных сборе информации

²² См. доклад с критикой методов секретной работы органов. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 75. Л. 133–134.

²³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 575. Л. 55.

о криминалитете и надзоре за ним по сравнению с прежним уголовным розыском. Опора на сбор информации и тайную агентурную работу должна была прийти на смену прежним методам работы, заключавшимся в простом реагировании на уже совершенные преступления. Надзорная деятельность в сочетании с оперативной работой с использованием тайных, профессиональных методов слежения за преступниками и обычными гражданами должны были обеспечить предвидение и предотвращение преступлений²⁴. Кроме того, предполагалось, что милиция должна была стать активной частью государственной системы общественно-политического надзора, собирающей информацию обо всем населении страны, а не только о преступных деяниях. На самом деле уголовный розыск, как и милиция в целом, стал вспомогательной службой органов госбезопасности, усилившей надзорные и информационные возможности последних²⁵.

Совещание 1931 г.

Решение задачи создания новой профессиональной милиции с расширенными оперативными и надзорными возможностями было возложено, в основном, на заместителя начальника ГИМ Д. В. Усова и его помощника, сотрудника ОГПУ по фамилии Маурер, возглавлявшего инспекцию по надзору за работой оперативно-следственного управления милиции. Усов и Маурер потратили немало сил и времени на создание действующей по всей стране, унифицированной оперативной системы. Они проводили специальные совещания и семинары для руководителей оперативных служб, анализировали действующие инструкции по организации сетей осведомителей и агентов в различных частях страны, вносили в них исправления и утверждали новые.

Общее руководство созданием сетей осведомителей и агентов осуществляли высшие руководители центрального аппарата ОГПУ и милиции, рассылавшие соответствующие циркуляры и проводившие инструктивные совещания. Одним из них стало состоявшееся в мае 1931 г. в Москве совещание начальников местных оперативных служб

---

²⁴ См. заявления Ягоды по этому вопросу. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 2; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122.

²⁵ Ягода открыто призывал руководителей оперативных подразделений органов госбезопасности использовать ресурсы местной милиции, особенно на периферии. В 1934 г. он жестко раскритиковал офицеров ГУГБ, заявив, что постоянно напоминал им о том, что гражданская милиция в промышленных и сельских районах является важным ресурсом для налаживания агентурной работы. «Мы должны использовать эту массу людей, отбирать из нее лучших, чтобы укреплять наши щупальцы». Виноградов. Генрих Ягода... С. 421.

ОГПУ и милиции. Большая часть этого совещания была специально посвящена перестройке и профессионализации методов сбора информации и секретной агентурной работы милиции и их интеграции с информационно-агентурной деятельностью ОГПУ. Высокие чины ОГПУ и милиции обсуждали принципы работы сетей осведомителей и информаторов. Это обсуждение было очень детальным, причем в ходе совещания помимо общих заседаний проводилось немало рабочих семинаров по отдельным вопросам. Не удивительно, что милиция приняла за основу структуру осведомительных сетей ОГПУ. Как в ОГПУ, так и в милиции сети осведомителей построены по двум основным категориям. Секретно-информационные отделы (СИО) на краевом, областном, городском и районном уровнях управляли общими осведомительными сетями (категория I), тогда как Оперативные отделы (ОО) всех уровней руководили специализированными агентурно-осведомительскими сетями категории II.

Сети категории I собирали информацию обо всем населении соответствующего района и организовывались вокруг местных резидентов. Резиденты милиции, так же как и ОГПУ, были особо доверенными рядовыми гражданами, работа которых не оплачивалась. Резидентов следовало подбирать предпочтительно или, как требовали некоторые инструкции, исключительно из числа членов партии и комсомольцев. На милицейском жаргоне резидентов никогда не обозначали этим термином, но обычно называли «руководителями групп» или групповодами. В идеале каждый групповод должен был собирать сведения от десяти осведомителей. Так же как в ОГПУ, сотрудники милиции не поддерживали прямых контактов с общими осведомителями, а встречались исключительно с резидентами²⁶.

Специальные сети агентов и осведомителей организовывались соответствующими рабочими группами оперативно-розыскных отделов (ОРО). На этом уровне информационно-оперативной работы сотрудники ОРО поддерживали прямые контакты со специальными осведомителями и агентами, безусловно, соблюдая при этом те же правила конспирации, что действовали в системе ОГПУ. Сотрудники ОРО обладали большей свободой в подборе специальных осведомителей и агентов, включая бывших осужденных или перевербованных, превращенных в двойных агентов уголовников. В милиции, опять так же как в ОГПУ, каждого агента должен был тщательно проверить на благонадежность завербовавший его сотрудник и начальник ОРО. Работа некоторых специальных осведомителей и агентов оплачивалась, хотя остается неясным, из каких источников и насколько регулярно осуществлялись такие выплаты. Специальных агентов

²⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 56–58.

и осведомителей использовали в ходе подготовки или проведения конкретных операций для сбора определенной информации об отдельных лицах или группах или об их действиях в определенных местах. В начале 1930-х гг. агентурно-осведомительская и оперативная работа милиции была сконцентрирована на трех основных направлениях: бандитизм и преступления против личности; экономические преступления; воровство и мошенничество²⁷.

Нет ничего удивительного в том, что структура милицейских сетей осведомителей зеркально копировала аналогичные структуры, существовавшие в ОГПУ. Это не объяснялось просто привычками руководства или бюрократическим переносом сложившихся методов работы. Руководители ОГПУ стремились к тому, чтобы милицейская система сбора информации органично вписалась в аналогичную систему их ведомства. Поэтому агентурно-осведомительская деятельность милиции должна была строиться по образу и подобию работы ОГПУ и даже находиться в оперативном подчинении соответствующим органам госбезопасности, точно так же, как оперативная работа милиции была подчинена оперативным отделам ГУГБ. В то же время в деятельности милиции и органов госбезопасности сохранялись определенные различия. Оперативные сотрудники милиции были обязаны соблюдать повышенную политическую бдительность в руководстве агентурно-осведомительской работой точно так же, как и в собственной оперативной работе, но, как заявлял руководитель оперативно-следственного отдела Маурер, они должны «ни в коем случае не допускать политизацию осведомительского аппарата ОРО и дачи таковому систематических заданий по политосвещению объектов и лиц. Участие в этом деле сотрудников ОРО и их осведомителей может иметь место только в случае крайней необходимости по отдельным поручениям органов ОГПУ»²⁸. Сотрудники милиции были обязаны немедленно передавать курирующим их работу сотрудникам госбезопасности любые сведения политического характера, собранные их агентами и осведомителями, равным образом как и информацию «о готовящихся или совершенных преступлениях, явно

---

²⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 56–57, 111–13; Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 48–49, 55–57, 70–72, 111–20. Общая организационная структура милиции описана в докторской диссертации: Paul Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia. 1930–1941*. Ph.D. diss., University of Texas, 1999. P. 48–52. О попытках создания милицейских сетей осведомителей см.: Там же. Особенно Л. 67–68, 100–106.

²⁸ Подобные заявления противоречили призывам Ягоды об использовании милиции органами госбезопасности в их оперативной работе, сделанные им в 1934 г. (см. ранее, ссылка 25). С другой стороны, подобные противоречивые заявления были обычными в 1930-е гг., когда стали размываться границы между политическими и обычными преступлениями.

антисоветского или классового характера». К числу последних относились «контрреволюционная агитация; распространение контрреволюционных листовок и литературы; подготовка организованных антисоветских выступлений – заговоров с целью массового неплатежа налогов, срыва хлебо- и лесозаготовок; террор, диверсионные акты и т. п.»²⁹.

Столь тонкие различия было довольно сложно проводить в повседневной агентурной работе и при сортировке собираемой информации. Тем более, согласно Мауреру, все виды бандитизма и любая информация, касающаяся социально-опасных элементов, относились к компетенции ОГПУ, ведавшего политическими преступлениями. Области агентурно-осведомительской и оперативной работы милиции и органов госбезопасности в значительной степени пересекались, а линии раздела между охраной общественного порядка и обеспечением государственной безопасности были достаточно размытыми.

Территориальный принцип организации милиции давал ей в руки еще одну, третью категорию сетей сбора информации, потенциально более разветвленную по сравнению с теми, которыми располагало ОГПУ. Согласно общему порядку, предполагалось, что участковые инспекторы милиции не должны быть вовлечены в функционирование агентурно-осведомительских сетей. Как правило, они не выступали в роли курирующих эти сети сотрудников милиции или резидентов, хотя отдельные исключения на этот счет имели место, особенно в сельской местности, где райотделы милиции находились на большом расстоянии от милицейских участков. Как отмечал один сотрудник ОГПУ, в случаях, когда участковые инспекторы, особенно в сельских районах, были достаточно грамотными, а райотдел милиции находился на большом удалении, то им можно было доверить руководство местными сетями общих осведомителей, но обязанность организации самих сетей тем не менее лежала на плечах оперативников райотделов³⁰. Кроме того, разрабатывая общие схемы милицейской информационной работы, руководители ОГПУ предусматривали существование наряду с общими и специализированными сетями осведомителей вспомогательных сетей еще одного, третьего типа, основанных на повседневных контактах участковых инспекторов милиции с местным населением и трудящимися предприятий подведомственных территорий. Хотя существование подобных сетей было неофициальным, ОГПУ требовало, чтобы каждый участковый инспектор располагал собственной сетью осведомителей. Участковые должны были регулярно, раз в две недели, докладывать собранные сведения начальни-

²⁹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 39–40.

³⁰ Там же. Л. 72.

ку райотдела милиции или направлять ему внеочередные сообщения о чрезвычайных происшествиях. Хотя в положении о милиции, принятом в 1931 г., ничего не говорилось об этой составляющей милицейского надзора, она стала основой для официально утвержденной системы сбора информации о населении, появившейся после введения в начале 1933 г. паспортной системы и прописки. Как признавали руководители ОГПУ, эта вспомогательная информационная система, получившая дальнейшее развитие после введения паспортов, обладала потенциалом для создания системы надзора за населением, по широте охвата и детализации значительно превышавшей возможности органов госбезопасности.

Учреждение сетей осведомителей

Майское 1931 г. совещание обязало руководство ОГПУ разработать на основе предложений, выработанных на совещании, и разослать главам краевых и областных управлений милиции инструкции по созданию сетей осведомителей и проведению агентурной работы. Несмотря на это, даже в середине 1932 г. многие из этих управлений не располагали письменными инструкциями по данному вопросу. Некоторые начальники краевых и областных управлений проявили инициативу и разработали собственные временные инструкции. Изучение этих временных инструкций показывает, что, невзирая на наличие местных, порой серьезных различий в методах сбора информации, они в целом следовали в русле рекомендаций, выработанных майским совещанием 1931 г.

Инструкции, составленные начальниками краевых или областных управлений, содержали указания по подбору осведомителей. В частности, в городах рекомендовалось привлекать к работе в качестве общих осведомителей домоуправов и других работников коммунальных служб, являвшихся превосходными источниками информации, поскольку они «хорошо знали всех жильцов домов, их образ жизни, привычки»³¹. По тем же соображениям предлагалось использовать в качестве специальных осведомителей городских проституток, поскольку те были тесным образом связаны с криминальным миром, представители которого являлись их постоянными клиентами. На совещании, проходившем в Западной Сибири в 1934 г., оперативники отмечали, что в крупных магазинах и универмагах лучшими осведомителями и временными агентами являются женщины, так как в массе своей они были более честны и надежны по сравнению с мужчинами и обычно представляли более точную и подробную инфор-

---

³¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 21.

мацию³². Хорошими источниками информации в силу их подвижной работы были шоферы, таксисты, сборщики мусора, а также ночные сторожа, чистильщики обуви, ремесленники, работники торговли, уличные и рыночные торговцы. Следовало также привлекать в качестве осведомителей обслуживающий персонал баров, кафе, ресторанов, клубов и пивных. Инструкции запрещали набирать без специального разрешения начальства осведомителей из числа отбывших сроки осужденных или бывших уголовников.

Перечни людей, привлекаемых в качестве осведомителей милиции в сельской местности, во многом совпадали с городскими, но также включали работников МТС, сельских активистов, членов кооперативов, почтальонов и снабженцев, в обязанности которых входили частые разъезды по районам. Инструкции разрешали подбирать осведомителей из числа хорошо проверенных на благонадежность единоличников, но категорически запрещали использовать в качестве специальных информаторов или агентов членов партии или комсомольцев. Напротив, в качестве резидентов надлежало набирать исключительно коммунистов и комсомольцев, привлекая для этого беспартийных только по специальному разрешению после тщательной проверки. Более того, резидентов, особенно в сельских районах, предлагалось подбирать из людей, частые перемещения которых по определенной местности составляли неотъемлемую часть их повседневных обязанностей. К их числу относились, в частности, почтальоны, страховые агенты и строительные инспекторы. Осведомителям не разрешалось поддерживать официальных контактов с милицией. Они должны были встречаться только со своими резидентами или, в крайнем случае, с квалифицированными оперативными сотрудниками, руководившими осведомительскими сетями. В этой части милицейская практика некоторым образом отличалась от принятой в ОГПУ, где осведомители никогда не встречались с сотрудниками органов госбезопасности, а контактировали только с резидентами³³. Осведомители ни в коем случае не могли быть вооружены и не имели документов, подтверждавших их связи с милицией. Ни резиденты, ни осведомители никогда не встречались с работниками милиции в отделениях или других милицейских зданиях. Для таких встреч и для передачи информации были предусмотрены безопасные места или конспиративные квартиры. Например, на Урале местная милиция имела такие конспиративные квартиры для встреч

³² ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 973. Д. 12.

³³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 23. Мэри Ледер в своей автобиографии замечает, что она обычно встречалась непосредственно с офицером НКВД в штатском. M. Leder. *My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back*. Bloomington, Ind., 2001. P. 154–155, 171–172.

с осведомителями, резидентами и агентами по меньшей мере в 23 городах. В соответствии с инструкциями краевого управления, милиция должна была иметь конспиративные квартиры только в крупных городах и промышленных центрах, таких как Свердловск, Челябинск или Златоуст. Вероятно, соблюдать конспирацию в сельской местности было намного сложнее, чем в городах, хотя перечень мест, где имелись конспиративные квартиры, наряду с крупными городами содержал также несколько районных центров. Инструкция не регламентировала способы поддержания контактов с сельскими осведомителями, но если последних подбирали из числа людей, имевших подвижный род занятий, то, очевидно, встречи с ними в районных центрах были предпочтительнее по сравнению с приемом отчетов по их месту жительства в небольших деревнях³⁴.

Инструкции также устанавливали, какого рода сведения следовало собирать осведомителям. Естественно, милиция желала получать информацию о любимых местах встреч и обитания уголовников. Поэтому милиционеры хотели знать обо всех, кто появлялся в любых притонах – в пивных, квартирах, особенно расположенных в самых бедных и отдаленных городских районах, рабочих бараках, дешевых гостиницах и ночлежках, на рынках, базарах, железнодорожных станциях, в доках, на ипподромах, в кафе и других подобных заведениях (на «хазах» или «малинах» – используя блатной жаргон), а также – в городских парках и скверах. Милицию особенно интересовали сведения о людях с деньгами, но без определенных занятий или постоянной работы. Осведомителям также предписывалось собирать информацию о подозрительных лицах, имевших обыкновение часто появляться в торговых и снабженческих учреждениях и в скупках. Важное значение придавалось сведениям обо всех контактах внутри советской экономической системы, в частности, о сотрудниках муниципальных органов, больниц, товарных складов, финансовых учреждений и сберегательных касс. В сельских районах сети осведомителей должны были стать «всеобъемлющими» и собирать сведения обо всех, кто работал или часто бывал на рынках, в сельскохозяйственных и ремесленных кооперативах, общественных распределителях, пунктах приема и хранения зерна, животноводческих фермах колхозов и совхозов. Особое внимание следовало обращать на работников кооперативов, казавшихся наиболее обеспеченными, поскольку в начале 1930-х гг. обеспеченность человека сама по себе была признаком наличия у него незаконных источников дохода или коррумпированности³⁵.

---

³⁴ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 23, 27, 49.

³⁵ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 44.

Часто в ходе подготовки специальных операций особые осведомители ОГПУ и милиции собирали данные о конкретных людях, работавших в определенных местах. Одной из главных задач сетей этих осведомителей и секретных агентов являлось их проникновение в криминальный мир. Если милиции запрещалось привлекать уголовников в качестве общих осведомителей, то всячески приветствовалось использование бывших уголовников и проституток в роли особых информаторов. Работа последних не оплачивалась на постоянной основе, но они могли время от времени получать разовые вознаграждения. В отличие от любых осведомителей, включая особых, агентами становились кадровые сотрудники милиции или оплачиваемые высококвалифицированные гражданские лица, прошедшие специальную подготовку. В основном их использовали для внедрения в ряды организованной уголовной преступности с целью сбора информации в ходе подготовки крупных операций по уничтожению преступных формирований. Все агенты находились под непосредственным контролем оперативных отделов милиции и их розыскных подразделений и действовали без привязки к определенным местам внутри региона³⁶.

Как действовали сети осведомителей

Имеющиеся сведения о работе милицейских агентурно-осведомительских сетей относятся либо к началу 1930-х гг., когда они еще только реорганизовывались и расширялись, либо к послевоенным годам, о которых рассказывается в последующих главах. Не сохранилось дающей полную картину информации о начале 1930-х гг., но существуют материалы по отдельным городам и областям, прежде всего, Московскому и Уральскому регионам. Официально московская милиция располагала крупной сетью осведомителей, но ее размеры были несопоставимы с аналогичной сетью осведомителей госбезопасности. В июне 1932 г. оперативные отделы и уголовный розыск Московской области имели в общей сложности 11 171 общих и специальных информаторов. Однако отчет по 80 райотделам области содержит более скромную цифру в 6805 реально действовавших осведомителей. В ней не учтены вспомогательные сети осведомителей, которыми предположительно располагал каждый участковый инспектор милиции. Если учесть последних, то может оказаться, что численность милицейских информаторов была намного большей и потенциально обеспечивающей более широкий и систематический надзор за населением по сравнению с тогдашними возможностями ор-

³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 488. Л. 13–17.

ганов госбезопасности. К декабрю 1932 г. количество осведомителей, связанных с оперативными отделами 131 из 146 райотделов милиции Московской области, составляло 10 455 человек³⁷. Следовательно, число осведомителей значительно выросло всего за несколько месяцев. Тем не менее руководитель информационно-статистического сектора областного управления милиции, некто Бойков, находил его все еще недостаточным. Но даже если согласиться с ним, милиция все равно была не в состоянии выделить достаточное количество квалифицированных резидентов или штатных сотрудников для управления этим, по его мнению «недостаточным» числом осведомителей. Бойков отмечал, что осведомителями были вынуждены руководить непосредственно сотрудники оперативных отделов. В то время не была еще создана надлежащая сеть резидентов, хотя число рядовых осведомителей значительно выросло. В этой связи во много раз возросла нагрузка на сотрудников милиции, поскольку большинство ее райотделов даже в Московской области располагало не более, чем двумя оперативниками. Будучи полностью загруженными своими розыскными обязанностями, они не имели времени и, по словам Бойкова, не испытывали особого желания заниматься совершенствованием сетей осведомителей и руководством ими, от чего в результате страдала результативность их работы. Согласно докладу инспектора по кадрам ОГПУ по фамилии Розанов, за последние три месяца 1932 г. сеть из 10 455 осведомителей в Московской области представила ничтожно малое количество сообщений – всего 6120, причем только 2474 из них некоторым образом послужили предупреждению или раскрытию преступлений³⁸. По мнению Розанова, столь низкая результативность требовала специальных личных разъяснений со стороны Бойкова, тем более, что были и другие претензии. Оперативные сотрудники часто нарушали главное правило конспирации, лично встречаясь с осведомителями вместо того, чтобы получать от них информацию через резидентов. Такая практика личных контактов с осведомителями не только отрывала оперативников от исполнения иных обязанностей по расследованию преступлений, но и раскрывала их как сотрудников милиции³⁹.

Уральская милиция испытывала те же сложности в создании сетей осведомителей, что и ее московские коллеги. В конце 1932 – начале 1933 гг. она располагала по всей Уральской области всего 8553 действующими осведомителями. Большинство из них находилось в столице области в Свердловске и работало на три главных подразде-

---

³⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 491. Л. 1, 28об.

³⁸ Там же. Л. 5, 26.

³⁹ Там же.

ления уральской милиции – отделы по борьбе с бандитизмом, воровством и экономическими преступлениями. Руководители уральской милиции признавали, что не способны накрыть сеть осведомителей сельские и отдаленные районы области и что поступающие оттуда сведения являются весьма скудными⁴⁰. Милиция жаловалась на отсутствие достаточного числа осведомителей и агентов даже в городах. Например, в Егоршинском районе Свердловской области местная милиция располагала всего 48 осведомителями, в то время как по ее подсчетам ей требовалось по меньшей мере 148 человек, чтобы охватить все предприятия и всю территорию района⁴¹. Агентов было намного меньше. В целом по области отдел по борьбе с бандитизмом имел всего 5 работавших на него агентов, и это в одном из наиболее неблагоприятном с точки зрения бандитизма регионе страны. В то же время отдел, занимавшийся борьбой с воровством и мошенничеством, мог похвастаться всего двумя агентами⁴².

На Урале, как в Москве, оперативные сотрудники не слишком удачно взаимодействовали с сетями осведомителей. Это признавал начальник оперативного отдела Уральского областного управления милиции Грязнов и, по-видимому, такое положение было общим для милиции в целом. Возможно, изолирование оперативных отделов от руководства сетями осведомителей имело некоторую бюрократическую логику, но противоречило собственным представлениям оперативников о себе как о профессиональной элите в области особо важных секретных расследований и с исполняемыми ими обязанностями офицеров секретной службы. Начальник оперативного отдела западносибирской милиции Шаров подчеркивал наличие этой проблемы в своем отчете за 1934 г. Тщательно подбирая выражения, он писал, что оперативные сотрудники «недооценивают» эффективность общей осведомительской работы. Он отметил, что оперативники считают осведомителей не более чем сборщиками слухов, отрывающих оперативные отделы от исполнения их прямых обязанностей. В этой связи оперативники сопротивляются привлечению их к работе с общими осведомителями и с «нехорошим чувством» относятся к сотрудникам, взаимодействующим с осведомителями. Многие оперативники склонны не доверять сведениям, собираемым сетями общих осведомителей, или пренебрегать ими⁴³.

⁴⁰ Там же. Оп. 15. Д. 488. Л. 30, 81.

⁴¹ Там же. Л. 46–48. Здесь приведен перечень предприятий, их расположение, число имеющихся и недостающих осведомителей на каждом из них.

⁴² Там же. Л. 81.

⁴³ См.: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 166. Л. 143, 149.

Но, невзирая на все это, центр продолжал настаивать на создании масштабных осведомительских сетей. Испытывая на себе давление с обеих сторон наряду с острым дефицитом кадров, руководство уральской милиции нашло решение, которое, по-видимому, стало повсеместно распространенной практикой. В Свердловске Грязнов придумал более активно привлекать к осведомительской работе участковых инспекторов. Поначалу действовавшие инструкции рекомендовали не привлекать участковых инспекторов в качестве связников с резидентами или к руководству сетями осведомителей, поскольку те не обладали должной квалификацией в обращении с собираемой информацией. Однако к концу 1932 г. руководители милиции, по крайней мере в Свердловске и на Урале, в целом пришли к выводу о том, что в отсутствие достаточного числа сотрудников оперативных и информационных подразделений имеет смысл опираться на местных участковых. Грязнов на специально созванном совещании по этому вопросу отметил, что оперативные сотрудники, особенно работавшие в отдаленных районах области и особо криминальных городских районах зачастую слишком заняты текущей работой по расследованию преступлений и у них просто не хватает времени, чтобы встречаться с резидентами и осведомителями и систематизировать получаемые от них сообщения. С другой стороны, участковые инспекторы уже достаточно подходят для руководства сетями осведомителей, повседневно контактируя с людьми, которых имеет смысл использовать в качестве осведомителей⁴⁴.

В октябре 1932 г. Грязнов доложил об успешном завершении эксперимента, в ходе которого 22 самых опытных свердловских участковых инспектора сумели привлечь 46 человек в качестве осведомителей и получить от них информацию. По его сообщению, эта информация оказалась очень ценной, содержала сведения о местопребывании разыскиваемых преступников и тайниках с оружием и позволила раскрыть несколько серьезных случаев хищения государственной собственности. Исходя из этих первоначальных успехов, Грязнов пошел еще дальше и заявил, что включение участковых инспекторов в информационные сети станет организационной инновацией «прорывного характера», особенно в борьбе со спекуляцией и хищениями социалистической собственности. В подтверждение своего заявления Грязнов выразил удовлетворение скачкообразным ростом числа сообщений, полученных от осведомителей (с 6997 летом до 8593 осенью 1932 г.), что позволило за тот же период довести число агентурных операций с 532 до 660⁴⁵. Грязнов отметил, что в Свердловске в то время насчитыв-

---

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 82.

⁴⁵ Там же. Л. 84.

валось около 100 участковых инспекторов, и предположил, что если каждый из них сумеет привлечь хотя бы по десятку осведомителей, то это будет равнозначно созданию только в самом городе информационной сети, включающей тысячу осведомителей. Передача осведомительской работы на уровень участковых инспекторов, по его мнению, удовлетворит центральное руководство милиции, требующее увеличения количественных показателей. С другой стороны, это высвобождает работников специализированных подразделений, позволив им сосредоточиться на агентурной и розыскной работе⁴⁶.

Привлечение участковых инспекторов к руководству осведомителями, вероятно, имело административный смысл. Участковые были теми сотрудниками милиции, которые поддерживали наиболее непосредственные и развитые контакты с населением. Более того, начиная с 1933 г. участковые инспекторы уже были вовлечены в администрирование информационной работы в рамках проводящейся паспортизации. В то же время эта идея противоречила первоначальному предназначению осведомительских сетей, которые должны были обеспечить постоянное поступление от населения качественной информации, тщательно систематизируемой и анализируемой профессиональными оперативными сотрудниками милиции. Децентрализация управления сетями общих осведомителей с передачей ее на уровень участковых инспекторов существенным образом обесценила бы поступающую информацию, по крайней мере, с точки зрения высшего руководства. Этот подход мог привести к разбуханию информационной системы, в которой отсутствовал достаточный контроль со стороны квалифицированных сотрудников за теми, кто поставлял в нее сведения. Первоначальные результаты свердловского эксперимента следовало оценивать с учетом того, что в нем участвовали особо квалифицированные участковые, а также принимая во внимание стремление Грязнова представить предложенную им схему сбора информации в качестве большого достижения. Скорее всего успешность этого эксперимента представляла типичный пример кампании, при которой интенсивные усилия в течение короткого промежутка времени давали требуемые, но краткосрочные результаты.

Совещание по информационной работе в декабре того же 1932 г. позволило обрисовать более трезвую и типичную картину в этой области. В целом сотрудники, занимавшиеся оперативно-розыскной работой, не испытывали особого доверия к сведениям, поступающим от сетей осведомителей под управлением участковых инспекторов, и предпочитали полагаться на собственные источники информации. Руководство милиции часто упрекало оперативные отделы за игно-

---

⁴⁶ Там же. Л. 83.

рирование сетей осведомителей, руководимых участковыми даже при планировании и проведении своих операций на их участках. Высокомерные оперативные отделы не удосуживались информировать участковых инспекторов о проводимых агентурных операциях, что влекло за собой дублирование и даже опасные сбои в агентурно-осведомительской работе⁴⁷. Со своей стороны, участковые столь же неохотно, как и оперативники, относились к своим обязанностям по руководству работой осведомителей. Перегруженные массой поручений, они не обладали должной подготовкой для решения трудоемких задач по сбору, систематизации и регистрации всей поступающей к ним информации и не проявляли особого усердия в этой работе. В Свердловске, как и в других регионах страны, текучесть кадров осведомителей была высока, а результативность их работы, оцениваемая по количеству переданных донесений, была явно недостаточной. Все это свидетельствовало об отсутствии системного подхода к подбору и использованию кадров осведомителей⁴⁸. Если судить по отчетам и директивным письмам, то участковые инспекторы не уделяли должного внимания задачам паспортизации и регистрации населения по месту жительства, не говоря уже о систематическом руководстве сетями осведомителей⁴⁹.

На протяжении 1930-х гг. использование информации, поставляемой агентами и осведомителями, оставалось узким местом как на уровне оперативных отделов, так и участковых уполномоченных милиции⁵⁰. Это было характерно не только для провинции, но даже для Москвы, главного города страны. В одном из внутренних милицейских отчетов от июля 1932 г. отмечалось, что оперативные отделы милиции Московской области в большинстве своем работали очень слабо. Оперативные и розыскные отделы забросили агентурно-осведомительскую работу и сосредоточились на раскрытии мелких преступлений, не требующем напряженной сыскной и оперативно-агентурной работы. Во многих районах области агенты и информаторы не проявляли сколь бы то ни было заметной активности. Начальники оперативных отделов обычно не принимали должного участия в руководстве агентурно-осведомительской работой, в результате чего их подчиненные относились к ней столь же безответственно. В одном из наиболее резких комментариев автор отчета, заместитель начальника областной милиции Одинцов отметил, что прокуратура области уде-

---

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122. Л. 2–3.

⁴⁸ Там же. Л. 2.

⁴⁹ Соответствующие претензии см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 57–99; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122. Л. 3, 6.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122. Л. 1–2.

ляет больше внимания руководству незначительной по своей активности работой агентов и осведомителей, чем начальники оперативных отделов милиции⁵¹. Последнее замечание в определенном смысле отражало дух соперничества и зачастую неприязненные отношения между руководителями прокуратуры и милиции.

Приведенные выше критические замечания относятся к 1932 г., но три года спустя ситуация мало изменилась к лучшему. Основываясь на результатах проверки московского уголовного розыска и оперативных отделов московской милиции, проведенной в июле 1935 г., Ягода критиковал их за продолжающееся отсутствие серьезного внимания к работе с осведомителями и агентами. Оперативники и сыщики переложили обязанности по руководству сетями осведомителей на рядовых сотрудников и резидентов. Как и ранее, в 1932 г., в 1935 г. начальники отделов почти совсем не участвовали в руководстве информационными сетями и только 15 % сотрудников их подразделений активно работали с осведомителями. В отчете о проверке указывалось, что лишь 30 % формально существовавших сетей осведомителей реально поставляли полезную информацию, а многие городские райотделы милиции вообще не располагали действующими сетями осведомителей. Ягода отметил, что только 7 % всех расследований, проведенных московским уголовным розыском, успешно завершились благодаря использованию сведений осведомителей. Еще хуже обстояли дела в областных и городских оперативных отделах, где менее 1 % дел было возбуждено на основе сообщений осведомителей. В целом расследования уголовных дел, особенно касающиеся опасных преступлений и хищений государственной собственности, никак не были связаны с агентурной работой. Согласно отчету, в результате оперативные отделы и подразделения уголовного розыска погрязли в преследовании мелких воров и жуликов, но не достигли значительных успехов в раскрытии крупных, организованных банд уголовников, деятельность которых наносила гигантский ущерб государству⁵².

Все недостатки, присутствовавшие в Москве, наблюдались, и даже в большей степени, повсеместно. Спорадическое использование сетей осведомителей сочеталось со слабостью руководства и выливалось в откровенную коррупцию. Как правило, начальники подразделений почти или даже совсем не участвовали в надзоре за деятельностью осведомителей. Информация, собираемая общими информаторами, зачастую уходила в песок, оседая в необработанном виде в архивах. Но еще хуже было то, что начальство не утруждало себя изучением и анализом работы агентов и осведомителей, поручая это сотрудни-

⁵¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 491. Л. 12–12об.

⁵² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122.

кам более низкого ранга, которые фактически и руководили агентурными сетями. В свою очередь, оперативники далеко не тщательно подходили к подбору осведомителей и агентов, выбирая для этой цели первых подвернувшихся людей. Во многих случаях оперативно-статистические бюро не регистрировали осведомителей, работавших на оперативные отделы, а это означало, что оперативники не информировали начальство о том, кого они привлекали в качестве своих агентов, и, следовательно, надежность последних должным образом не контролировалась. Как отмечено в циркуляре, разосланном в 1934 г., «во многих отделах органов РКМ аппарат разведки принимает людей, непроверенных, не испытанных», которых также и увольняют «без особо уважительных причин, без всякого предупреждения о неразглашении нашей работы и т. д.»⁵³. Последствия подобной неуправляемости, по мнению Ягоды, были вполне предсказуемыми. Многие агенты оказывались ненадежными криминальными личностями или двурушниками, которые своими донесениями манипулировали проводившимися милицейскими расследованиями и другими действиями милиции в интересах самосохранения или к выгоде уголовников⁵⁴. Как следовало из внутренних расследований, сети осведомителей и агентов милиции были наводнены уголовниками. Вместо того чтобы служить средством проникновения в преступный мир и выявления нежелательных элементов, эти сети оказывались каналами внедрения преступников в милицию и ее засорения социально-опасными лицами.

Несмотря на общее улучшение регулярной патрульно-постовой службы милиции, ее агентурно-осведомительская работа оставалась в целом неэффективной и коррумпированной. Эта проблема оказалась столь трудноразрешимой, что Ягода инициировал полномасштабную чистку агентурных сетей вместо того, чтобы попытаться их реформировать. В конце 1934 – начале 1935 г. ГУГБ и его подразделениям было поручено провести чистку и полную перестройку милицейской системы агентурно-осведомительских сетей в государственных отраслях экономики. Однако проведенные чистки коснулись только этой одной стороны милицейской работы. Как отмечал Ягода, серьезные недостатки все еще оставались в агентурно-осведомительской работе в сельском хозяйстве, в кооперативах и других негосударственных секторах⁵⁵. Слабое управление сетями осведомителей, недостаточное

---

⁵³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 497. Л. 2.

⁵⁴ Неясно, каким образом пришел Ягода к этим выводам и приводил ли он какие-то примеры в обоснование своего заявления. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Док. 122. Л. 1. 2; Д. 138. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 2–2об.

их использование и коррупция оставались постоянной проблемой агентурно-осведомительской системы.

Во внутренних милицейских отчетах рисовалась картина почти отмирающей системы осведомителей и агентов, хотя ее состояние все же было не столь несостоятельным, как утверждалось в этих документах. В иных докладах указывалось, что эта система функционировала на некотором более или менее приемлемом уровне. Например, в течение 1934 г. в Москве и Московской области в результате операций, проведенных милицией, было раскрыто, по крайней мере, 6 крупных преступных группировок, занимавшихся воровством и хищениями. Каждая из них обычно состояла из 10–12 человек, работавших в различных секторах советской торговли и распределения товаров. В ходе только одной из таких операций агенты уголовного розыска вскрыли шайку из 10 человек, занимавшихся хищениями в кооперативном союзе Московской области. Ее члены занимались массовыми хищениями товаров и мошенничеством посредством подделки бухгалтерской отчетности, продажи товаров по взвинченным ценам и поставки некачественных товаров в розничную торговлю. В течение года шайка похитила почти 60 тыс. рублей. Еще одна операция закончилась арестом 31 работника Московского управления железнодорожных буфетов и ресторанов. Все они были вовлечены в единую систему хищений, в которой каждый член банды получал свою долю от подделок счетов и накладных. Потери государства от их деятельности в течение года приблизились к 500 тыс. рублей⁵⁶. В том же году уголовный розыск города Дзержинска Горьковской области разоблачил банду из 16 беглых кулаков, живших под вымышленными именами и по поддельным документам. Эта группа, 6 членов которой состояли в родстве между собой, объявила себя кооперативом из бедных крестьян, проживавших в одной местной деревне, и получила лицензию на добычу и продажу торфа. Очевидно, банда привлекла к себе внимание милиции тем, что занималась перепродажей дефицитных промышленных товаров на местных рынках. Эти товары, вероятнее всего, были краденными или незаконно приобретенными, а их продажа приносила скромному кооперативному предприятию весьма высокую прибыль. Члены так называемого кооператива, как утверждалось в секретном докладе, были настолько обеспеченными людьми, что каждый из них сумел приобрести, по меньшей мере, по одной лошади, по нескольку голов коров и другого домашнего скота, не считая домашней птицы⁵⁷.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 488. Л. 19, 26, 50; Там же. Д. 499. Л. 1–5, 13–17.

⁵⁷ Там же. Д. 498. Л. 1.

Эти операции представляли собой определенные достижения милиции, приведшие к ликвидации нескольких крупных преступных группировок, но они оставались каплей в море системы коррупции, обходившейся государству в сотни миллионов рублей в год. Сами масштабы и относительная открытость некоторых из выявленных хищений наводят на мысль о распространенности и безнаказанности подобной преступной деятельности, особенно в тех случаях, когда на нее закрывали глаза подкупленные милиционеры, а также свидетельствуют о неэффективности работы НКВД по борьбе с крупными преступлениями. Как многократно отмечал Ягода, милицейские агентурно-осведомительские сети лучше всего справлялись с раскрытием мелких преступлений, розыском и поимкой мелких уголовников. Наибольших успехов милиция добивалась в проведении массовых операций и кампаний по охране общественного порядка типа облав на рынках, путях сообщений и на городских улицах. Подобная деятельность милиции не очень нравилась руководству, но с ней приходилось мириться, учитывая ее достаточную эффективность⁵⁸.

Интересно также, что реакция Ягоды на сообщения о коррупции в милиции отличалась от того, как на нее реагировали авторы более ранних докладов. В конце 1920-х гг. Рабкрин, все еще придерживавшийся революционных идеалов, рекомендовал углубление «пролетаризации» системы агентов и осведомителей вместо усиления уголовного розыска. Предполагалось, что вливание рабочих в милицию и надзор за ней со стороны рабочих советов обеспечит ее подотчетность обществу. Эти взгляды отражали глубоко укоренившуюся среди революционеров нелюбовь к тайным полицейским методам. Подход Ягоды к борьбе с коррупцией, отражавший присущее ему недоверие к общественному контролю, был прямо противоположным. Он предпочитал проведение внутренних «чисток», повышение профессионального уровня милиции и ее дальнейшее подчинение органам госбезопасности, надзиравшим за ее работой.

Осведомительские сети госбезопасности

Критикуя милицию, Ягода часто ссылаясь на опыт ОГПУ и ГУГБ в качестве примера того, как ей следует работать, хотя аналогичные процессы разложения наблюдались и в управлении собственными сетями информаторов органов госбезопасности. К этому выводу пришел Ежов, о чем свидетельствуют ряд ряд его докладных записок за 1935 г. Будучи тогда еще секретарем ЦК партии, надзиравшим

---

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 3. См. также: Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. P. 115.

за органами госбезопасности, Ежов оценивал суммарное количество общих осведомителей по всей стране в более чем 500 тыс. человек. Но он тем не менее признавал, что эта цифра является предполагаемой. В ряде докладов Сталину в начале 1935 г. Ежов смог только указать, что число резидентов ГУГБ в «организованных» или социалистических секторах экономики и общества составляло тогда 27 650 человек, а число общих осведомителей было чуть менее 271 тыс. Число резидентов и осведомителей в «неорганизованных» секторах Ежов определить точно не мог. Фактически тогда не существовало централизованного учета так называемых «дворовых осведомителей», работавших среди населения. Но, как ни удивительно, отсутствовала также регистрация осведомителей в армии и на транспорте. Что касается централизованной регистрации и отчетности в отношении специальных осведомителей и даже агентов территориальных (областных и краевых) управлений НКВД, то она также существовала⁵⁹.

В подтверждение неупорядоченности управления осведомительскими сетями Ежов докладывал о том, что данные ГУГБ о численности официально зарегистрированных осведомителей колеблются в широких пределах от одного областного управления к другому, причем без всякой связи с плотностью населения или стратегическим значением того или иного региона. Например, в Саратовской области, огромной территории вдоль Волги, действовало всего 1200 осведомителей ОГПУ в то время, как управление ГУГБ по малонаселенному Северному краю докладывало о наличии у него 11 942 осведомителей. Как и следовало ожидать, НКВД наводнило своими агентами Московскую область, где у него имелось 3625 резидентов и около 22 тыс. общих осведомителей. Здесь у органов госбезопасности имелось даже больше осведомителей, чем у милиции, и это не считая агентов, действовавших в армии, и «дворовых» осведомителей. В середине 1930-х гг. ГУГБ вело постоянный агентурный надзор на почти 70 улицах и площадях столицы и как минимум в 200 предприятиях, учебных заведениях, научно-исследовательских институтах, общежитиях, деревнях, животноводческих фермах, заводских поселках и складах области. Для сравнения, управление НКВД по Западносибирскому краю, одному из крупнейших в стране по территории и промышленному значению, где располагались самые большие лагеря и спецпоселения, обладало всего 2900 резидентами и 18 452 осведомителями⁶⁰.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп 1. Д. 118. Л. 4, 6.

⁶⁰ Там же. Л. 4, 40; ГА РФ. Ф. 9401 (Приказы НКВД за 1937 г.). Л. 1–3.

Ежов резко критиковал организацию осведомительской системы. Он отмечал, что сотрудники органов никогда не встречаются с осведомителями, как это должно быть, а резиденты вербуют осведомителей самостоятельно. Это означает, что оперативные сотрудники не контролируют напрямую источники получаемой ими информации. В то же время, согласно выводам Ежова, резиденты не проявляют должной разборчивости при вербовке собственных осведомителей и редко с ними встречаются. Поскольку труд резидентов никак не оплачивается, а сами они перегружены на основной работе, они не имеют возможности уделять много времени руководству своими сетями осведомителей⁶¹.

Ежов писал, что агентурная работа представляет основу деятельности ЧК, однако руководители отделов и отделений, целиком полагаясь на подчиненных рядовых сотрудников, уделяют мало внимания надлежащему надзору за осведомительскими сетями. Слишком часто агентами, а также резидентами и их осведомителями руководят малоквалифицированные сотрудники низшего ранга⁶². Руководители отделов слабо контролируют процессы вербовки и проверки агентуры: вербовка осведомителей и агентов так же, как в милиции, поставлена на самотек и зачастую носит характер кампаний, развертываемых в ответ на давление со стороны высшего руководства. Например, начальник Ленинградского отдела специальных операций в ответ на критику проверявшего его работу инспектора издал приказ, обязавший каждого сотрудника его отдела завербовать как минимум 10 агентов или осведомителей. По словам Ежова, «в результате такой вербовки через месяц Особый отдел захлебнулся в агентуре, руководить ею не мог...» и задыхался от агентурных сообщений, по большей части бесполезных, а порой и вводящих сотрудников в заблуждение⁶³. Методы вербовки агентуры были настолько хаотичными и небрежными, что широко распахнули двери ЧК для проникновения в нее преступников и оппозиционеров, использующих ее в собственных гнусных целях. Ежов тоже писал о присутствии в ГУГБ таких двойных агентов или, как он их называл «двойников», о которых докладывал Ягода, критикуя работу милиции⁶⁴. Ежов утверждал, что проверки прошлого агентов и осведомителей госбезопасности позволили разоблачить среди них многих матерых уголовников и оппозиционеров с многолетним стажем, завербованных среди людей, ранее находившихся под арестом или активно действовавших в политически неблагона-

---

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп 1. Д. 118. Л. 6–7.

⁶² Там же. Л. 8–9, 25.

⁶³ Там же. Л. 27.

⁶⁴ Там же. Л. 29–30.

дежных кругах⁶⁵. Это относилось не только к осведомителям, но, что еще тревожнее, даже к агентам. Многие из них были завербованы среди преступников-рецидивистов, священников или даже членов оппозиционных партий. Неудивительно, заключил Ежов, что при полном отсутствии контроля над подбором агентуры или его недостаточности, многие оперативные сотрудники НКВД фактически являлись активными агентами враждебных иностранных правительств⁶⁶.

В первые два месяца 1935 г. Ежов по поручению Сталина представил несколько докладов, посвященных проверкам ГУГБ в целом и его ленинградского управления в частности. Выбор времени и направленности этих докладов не были случайными. Ежов проводил свои расследования и представлял доклады по их результатам на фоне убийства в декабре 1934 г. Сергея Кирова, руководителя ленинградской партийной организации и близкого доверенного лица Сталина. Ежову было поручено раскрыть причины, по которым ГУГБ оказалось настолько беспомощным, что позволило убийце подобраться к высокому партийному руководителю. Из представленных Ежовым докладов ясно видно, что он искал не просто недостатки в системе охраны. Исходя из предположения, что убийца Кирова являлся политическим террористом, Ежов стремился обнаружить доказательства наличия стоявшей за ним тайной организации и принципиальных недостатков в структуре органов госбезопасности, открывших пути для массового внедрения в НКВД врагов правящего режима. Безусловно, Ежов понимал явные и неявные последствия данного ему поручения, и поэтому достоверность его хитроумного заключения о возможном широком заражении ГУГБ вражескими элементами через агентурно-осведомительную систему представляется сомнительной.

Вместе с тем, при всей политической мотивированности его докладов и явной политизированности его заключений, критика Ежовым системы агентов и осведомителей госбезопасности в некоторой степени была справедливой, если учесть ее раздутость, высокую текучесть кадров и некачественный их отбор, малую результативность и нерегулярное использование осведомителей. На протяжении 1930-х гг. информация, поступающая от этой системы, была невысокого качества, невзирая на увеличение численности осведомителей. Сотрудники госбезопасности имели обыкновение не слишком доверять сведениям, поступавшим от осведомителей, и даже сам Ежов отмечал немало случаев дутых дел, заведенных по информации, переданной агентами или

---

⁶⁵ Там же. Л. 27. Ягода не принимает во внимание, что именно такие осведомители и только они могли эффективно внедряться в преступный мир или в мир политических оппонентов режима.

⁶⁶ Там же. Л. 26–27.

осведомителями⁶⁷. И Ежов, и Ягода рекомендовали «резко сократить агентуру», обеспечить более тщательное управление ее работой и более интенсивно использовать имеющиеся агентурно-осведомительские сети⁶⁸. В 1937 г. Ежов отмечал, что в соответствии с его рекомендациями численность осведомителей и агентов была сокращена вдвое в течение 1935 г., а весной 1936 г. была урезана еще в половину⁶⁹. Но если подобные рекомендации действительно имели место, то их эффективность оказалась невелика. Напротив, как будет показано в следующих главах, сети осведомителей продолжали все это время скорее расти, чем сокращаться. ГУГБ, подобно милиции, обращало больше внимания на численность осведомителей, чем на качество их работы. Как милиция, так и органы госбезопасности имели обыкновение создавать сети, состоявшие из чрезмерного числа осведомителей, используемых от случая к случаю, вместо того, чтобы выращивать жестко контролируемые и интенсивно используемые надежные источники информации. Этот вывод подтверждают документы. Например, в Западной Сибири китайский иммигрант, сосланный в город Прокопьевск, был завербован в качестве резидента сети осведомителей, набранных среди китайцев, живших в этом регионе. Согласно официальным данным, этот резидент ГУГБ по имени Сойкин руководил сетью, состоявшей из нескольких тысяч осведомителей⁷⁰. Ежов в своем докладе писал, что в некоторых областях число даже специальных осведомителей измерялась сотнями и даже тысячами человек. Во многих случаях специальные информаторы и агенты были намного менее квалифицированными людьми по сравнению с теми, о ком им было поручено собирать и представлять информацию⁷¹.

Заключение

Систему агентов и осведомителей так никогда и не удалось превратить в основу профилактической работы милиции и органов госбезопасности, о чем мечтал Ягода в 1931–1932 гг. Дутая, не вызывавшая доверия информация, предоставляемая осведомителями.

---

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 671. Оп 1. Д. 118. Л. 33.

⁶⁸ Там же. Л. 32.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 597. Л. 11. Ежов фактически критикует кампанейский стиль руководства Ягоды, который в течение короткого промежутка времени сокращал штаты, а затем в массовом порядке набирал новых людей.

⁷⁰ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского НКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах, 1997. № 21. С. 242. Я благодарю Габора Риттершпорна, указавшего на этот источник.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп 1. Д. 118. Л. 29–30.

которым не придавалось должного значения, часто не включалась в отчеты или отражалась при составлении документов, которые никто не читал и не использовал. В этой связи милиция и госбезопасность обратилась к иным методам сбора информации о населении – каталогизации данных, хранящихся в архивах с перекрестными ссылками, что отвечало стремлению высшего руководства к использованию научных подходов к информационной работе. Системы каталогизации также больше соответствовали бюрократическим методам секретной работы по сравнению с неточной информацией, поставляемой ненадежными осведомителями. Как будет показано в следующей главе, система регистрации и каталогизации информации стала основой полицейского надзора за населением.

5. УЧЕТ НАСЕЛЕНИЯ

Милиция недооценивает необходимость широкого применения статистической работы.

Г. Ягода, 1935 г.

На оперативном совещании руководящих работников ОГПУ и милиции, состоявшемся в мае 1931 г., многие его участники критиковали бессистемность в представлении и обработке информации, развлекая друг друга забавными историями из недавнего прошлого, и скептически отзывались о непрофессионализме и даже старомодности, характерных в этом деле для НКВД РСФСР в 1920-е гг. Доклады руководителей местных управлений милиции больше напоминали беллетристические упражнения, нежели профессиональные милицейские сообщения. Один из выступавших, к вящему удивлению слушателей, поведал о том, что многие начальники отделений милиции посылали вышестоящим руководителям простые открытки обычной почтой с описаниями тенденций, выявленных на подведомственных территориях. Милицейская отчетность в целом не была стандартизирована, что не позволяло скоординировать анализ наблюдаемых тенденций даже в пределах одной республики, не говоря уже о межреспубликанских сопоставлениях. Отчетность носила хаотичный и противоречивый характер, причем различные учреждения одной области докладывали совершенно разные статистические данные. Собираемая статистика предназначалась для составления отчетов, направляемых в вышестоящие правительственные органы, но никак не подходила для решения реальных оперативных задач по противодействию определенным видам преступности, по изучению состава преступных группировок или состояния преступности в отдельных районах¹.

Наряду с усилиями по профессионализации оперативно-информационной работы, руководство милиции и органов госбезопас-

---

¹ Например, в отчете уголовного розыска сообщалось о 2 тыс. расследованных преступлений за 1930 г., в то время как милиция докладывала о 4 тыс. дел, расследованных уголовным розыском за тот же год. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 55, 61–62.

ности в начале 1930-х гг. стремилось придать обработке собираемой информации более профессиональный и системный характер. Желая добиться повышения точности и эффективности в работе милиции, руководство потратило немало сил и времени, проводя специальные совещания и рассылая приказы, в которых детально описывались формы и правила отчетности. Уполномоченные представители ОГПУ, занимавшиеся перестройкой структуры милиции и управления ее оперативной работой по образу и подобию органов госбезопасности, также внедряли в милиции методы обработки информации, принятые в ОГПУ. Руководство органов госбезопасности одновременно с оперативным подчинением милиции стремилось интегрировать милицейскую отчетность в общую систему надзора ОГПУ за населением. В частности, в ходе майского 1931 г. совещания представители ОГПУ подробно, в деталях объясняли начальникам управлений милиции, какие сведения следует включать в месячные и квартальные отчеты, чем эти отчеты должны отличаться от чрезвычайных, внеочередных докладов и сообщений, как вся эта информация должна использоваться в оперативной работе. Поначалу в милицейской отчетности статистическая информация сочеталась с повествовательными описаниями, но они отмирали по мере того, как сотрудники милиции все более переходили к созданию картотек, в которых отображали статистические данные и биографические сведения. В течение 1930-х гг. система картотек стала главной опорой полицейской и надзорной работы.

Классификация и обработка информации

В ходе майского совещания 1931 г. высшие руководители ОГПУ и милиции учредили усложненную систему милицейской отчетности, основным видом которой стали месячные и квартальные отчеты, регулярно представляемые в письменном виде. Кроме того, была предусмотрена более частая отчетность, обычно с периодичностью в 10 дней, представляемая в ходе проведения специальных милицейских кампаний. Месячные и квартальные отчеты должны были содержать статистический анализ по стандартной форме, в которой были пункты о числе арестов, происшествий и преступлений, социальном составе преступников. Еще одна стандартная форма отчетности содержала сведения о статистике штатного состава органов милиции и об их оперативной работе. Отчеты должны были также содержать описательный раздел, объясняющий приведенные статистические данные или выводящий из них те или иные тенденции. Оперативные сотрудники включали в отчеты также короткие опи-

сания отдельных дел в качестве примеров, почерпнутых из практики повседневной работы².

Отчеты сначала проходили через информационно-статистические отделы областных управлений милиции. Затем оперативные подгруппы отделов возвращали их начальникам оперативных отделов для проведения по ним соответствующих действий. Помимо месячных и квартальных отчетов, руководители районных отделов и областных управлений милиции могли представлять внеочередные донесения о необычных происшествиях или тенденциях. Эти донесения направлялись непосредственно руководителям оперативных отделов вышестоящего управления для принятия по ним неотложных решений. Донесения содержали отчеты об уже предпринятых действиях и запросы дальнейших указаний³.

Обобщение материалов от осведомителей происходило отдельно от оперативной отчетности, но по той же схеме представления периодических отчетов и внеочередных донесений. Начальники районных отделов милиции и ОГПУ обобщали информацию, поступившую от осведомителей, и передавали ее в информационно-статистические отделы областных управлений. Там поступившие сведения обрабатывались и возвращались в соответствующие оперативные подразделения для проведения по ним необходимых действий. Информация, собираемая агентами в ходе ведущихся расследований, направлялась непосредственно начальникам оперативных отделов, отвечающих за соответствующие дела. Информация, поставляемая осведомителями, должна была обобщаться в месячных и квартальных отчетах. Тем не менее, согласно инструкциям, принятым в 1931 г., оперативные сотрудники, ответственные за агентурно-осведомительские сети, были обязаны собирать и обобщать получаемые от агентов и осведомителей сведения с периодичностью не более трех дней. Эти рабочие сводки должны были представляться оперативным группам, специализирующимся на борьбе с бандитизмом, экономическими преступлениями и воровством, и служить основаниями для инициирования оперативных действий⁴.

---

² См. например: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 486. Здесь содержатся статистические и описательные сведения о работе милиции Московской области за 1932 г. Доклады с аналогичными сведениями за 1933 г., представленные Закавказским и Среднеазиатским управлениями милиции: Там же. Д. 494. Аналогичные сведения о преступности и работе ленинградской милиции за 1932 г. содержатся в докладе: Там же. Д. 486.

³ См. формы и описания карт 1931 г.: Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 12–36; Там же. Оп. 5. Д. 475. Л. 60–63, 72–73.

⁴ Там же. Л. 55–58.

Сотрудники ОГПУ подробно разъясняли новую систему отчетности работникам милиции. Но некоторые милицейские начальники все еще отказывались признать ее целесообразность и наличие взаимосвязей между необходимостью систематической статистической отчетности и новыми обязанностями милиции. В частности, недоумение руководителей областных управлений милиции вызывал вопрос, зачем сотрудникам местной милиции требуется составлять подробные месячные и квартальные отчеты, если они и так представляют внеочередные донесения. Последовавший обмен мнениями по этому вопросу высветил новые оперативные и надзорные функции милиции. Руководители ОГПУ снисходительно разъясняли милиционерам необходимость наличия двух форм отчетности, которые должны были существовать одновременно не просто для того, чтобы докладывать о преступлениях, преступниках или деятельности милицейских осведомителей, но также для построения «нормальной» для каждого региона картины состояния преступности и выявления преступлений, в нее не вписывающихся. Они доказывали, что, располагая социально-статистической картиной своего региона, руководство региональной милиции сможет немедленно и просто выявлять и пресекать любые неординарные действия и определять социальные типы нарушителей, их совершающих. Более того, регулярная отчетность позволяет создать историю или своего рода ведомственную память, к которой могут обращаться сменяющие друг друга руководители милиции. Стандартизация статистической отчетности и сохранение отчетов являются необходимым условием для налаживания профилактической работы милиции, решающей оперативные и надзорные задачи по защите советского государства и общества от их врагов. Совещание руководителей милиции и ОГПУ 1931 г. стало важным этапом нового процесса, в ходе которого милицейская отчетность становилась важной частью расширяющейся системы статистического надзора за населением страны⁵.

Картотеки

Регулярные отчеты и внеочередные донесения образовывали информационные потоки, призванные служить источниками данных, питающими оперативную и надзорную деятельность милиции. Если эти информационные потоки представляли кровеносную систему милицейского организма, то его сердцем был учет (регистрация) информации. На протяжении 1920–1930-х гг. милиция и органы гос-

---

⁵ Там же. Л. 73.

безопасности создавали формализованные системы каталогизации с перекрестными ссылками на данные обо всех видах преступлений или оппозиционных действий, биографических сведениях о подозрительных лицах, требующих наблюдения – уголовных преступниках, осужденных и заключенных, оппозиционерах и т. д., а также об осведомителях. Вся эта информация заносилась в специальные карточки, вкладываемые в различные каталоги, или картотеки. Системы картотек, которыми обладали милиция и органы госбезопасности, постоянно расширялись и усложнялись. Сейчас трудно точно определить число лиц, состоявших в тот или иной момент времени на учете в различных оперативных и надзорных картотеках милиции и органов госбезопасности. Однако известно, что к концу 1930-х гг. только картотеки госбезопасности содержали надзорную информацию примерно на 1,2 млн человек⁶. Эти данные образовывали гигантский объем архивных и оперативных сведений, питающих систему надзора советского государства за его гражданами.

Подобно оперативной и агентурно-осведомительской работе, РКМ и ОГПУ/ГУГБ старались поддерживать функциональную дифференциацию систем регистрации данных. Так, милиция и ОГПУ вели отдельные картотеки по различным категориям лиц и правонарушений. Предполагалось, что милиция регистрирует информацию, касающуюся обычных уголовных преступлений, и личные данные уголовных преступников, в то время как соответствующие бюро ОГПУ ведут картотеки политических преступлений и подозрительных в политическом отношении лиц, требующих активного надзора. На деле же картотеки милиции и ОГПУ были устроены таким образом, что зачастую пересекались и дублировали друг друга. Эти пересечения касались широкого спектра преступных действий и людей, их совершающих, но особенно серьезное дублирование наблюдалось в регистрации сведений об определенных группах лиц, бежавших из тюрем, лагерей, колоний и спецпоселений; осужденных за бандитизм, хулиганство, серьезные экономические и антигосударственные преступления; признанных социально-опасными элементами⁷. Безусловно, ОГПУ/ГУГБ вели собственные картотеки политически подозрительных и поднадзорных лиц, а также на заключенных системы ГУЛАГа. Существовала также особая регистрация всех иностранцев, живущих в Советском Союзе, включая тех, кто имел статус политических беженцев. В заведенных на них карточках имелись специальные отметки о запретах на проживание в особых, «режим-

---

⁶ Хаустов В. Н. Развитие советских органов государственной безопасности, 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe. Vol. 42. No. 2–4. Апрель–декабрь 2001. С. 370.

⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 7.

ных» регионах страны⁸. Милиция тоже вела свои собственные картотеки на лиц, отбывших сроки заключения за политические или обычные уголовные преступления, проживающих в подведомственных районах. Кроме того, информация об уголовных преступниках и их преступлениях нередко сочеталась со сведениями о политической деятельности и действиях подрывных элементов. Отделы уголовного розыска и органы ОГПУ/ГУГБ одного с ними уровня обменивались информацией о социально-опасных элементах и лицах, совершивших побег из мест заключения.

Самая крупная и масштабная по охвату населения картотека присутствовала в паспортной системе и системе прописки граждан. Милиции было поручено администрирование паспортной системы и ведение картотеки паспортного учета и регистрации граждан по месту жительства. Эта картотека отличалась от всех остальных тем, что в ней регистрировались сведения обо всех гражданах, имевших право на получение паспортов, а не только о подозрительных лицах. Таким образом, система паспортного учета и прописки давала в руки милиции инструмент надзора практически за всем населением страны. Так, дублирующие друг друга картотеки лиц, которым было запрещено проживание в главных городах страны, велись одновременно в милиции и в органах ОГПУ/ГУГБ. Карточки на людей, зарегистрированных в этих картотеках, содержали также сведения о причинах, по которым им было отказано в выдаче паспортов. Если человек, которому было отказано в выдаче паспорта, переезжал в другой, не режимный район страны, то его карточка следовала за ним с прежнего места жительства в соответствующие органы и милиции, и ОГПУ/ГУГБ. Если лицо, получившее паспорт, имело криминальное прошлое, соответствующая запись вносилась в паспортную картотеку по месту жительства. Кроме этого дублирующие карточки на него заводились в картотеках сведений обо всех бывших осужденных, подозрительных или общественно-опасных лицах и в милиции, и в ОГПУ/ГУГБ. Сведения о людях, предположительно принадлежавших к враждебным классам, также фиксировались в паспортной картотеке. Как и в случае оперативной и осведомительской работы, руководство ОГПУ стремилось к тому, чтобы милицейские системы учета и регистрации были взаимосвязаны с общим надзорным аппаратом госбезопасности и вписывались в него⁹.

⁸ Там же. Д. 137. Док. 15.

⁹ См. инструкции милиции, отданные Ягодой: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1130. Л. 2. А также совместную инструкцию РКМ и ГУГБ от ноября 1935 г. по розыску политических и уголовных преступников: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Док. 52. Инструкцию по координации розыска беглых заключенных см.: ГАРФ. Ф. 9410. Оп. 12. Д. 106.

Система регистрации, применявшаяся ОГПУ/ГУГБ, уходила корнями в карательные и полицейские функции этого ведомства, исполнявшиеся им еще в 1920-х гг. При этом методы регистрации 1930-х гг. сохраняли преемственность с 1920-ми, хотя и значительно развились. Напротив, милицейские системы регистрации, описанные выше, стали следствием проведенных в начале 1930-х гг. реформ, нацеленных на оперативное подчинение милиции органам госбезопасности и на усиление внимания к ее агентурно-надзорным функциям. Милиция в составе дореформенного российского НКВД располагала собственными картотеками, но их размеры и уровень стандартизации сведений были несопоставимы с теми, что стали результатом реформ начала 1930-х гг. Критическое отношение к практике руководства работой милиции в предыдущие годы к тому времени стало привычным, в связи с чем в 1931 г. руководители милиции и ОГПУ называли прежнюю систему регистрации данных «устаревшей, громоздкой и иррациональной» и упрекали руководство прежнего НКВД РСФСР в недооценке важности этой работы и необходимости наличия специалистов-статистиков, обученных обращению с подобными информационными системами¹⁰. В прежней системе информация хранилась в отдельных картотеках, сформированных по различным критериям. Например, существовали отдельные картотеки осужденных, подсудимых, разыскиваемых, подозрительных по разным причинам лиц и т. д. Таким образом, сведения об одном и том же лице могли быть рассеяны по нескольким видам картотек. В новой системе вся информация об определенном человеке, включая его физические данные (пол, рост, вес, цвет волос и глаз, особые приметы), была сосредоточена на одной или нескольких карточках, расположенных в общей картотеке в алфавитном порядке. В них были внесены также биографические сведения, прежде всего о социальном происхождении и общественном положении, о местах работы, принадлежности к политическим партиям, месте проживания, наряду со сведениями об арестах и задержаниях милицией или ОГПУ, судебных приговорах, сроках пребывания в тюрьмах, лагерях или в административной ссылке, если таковые имели место¹¹.

Помимо записей, карточки имели насечки и перфорацию в определенных местах, например, по углам. Расположение и форма этих отметок также были стандартизованы в соответствии с различными признаками, например, по видам преступлений, приговоров и наказаний преступников. Эти отметки позволяли быстро и легко сгруппировать карточки по различным признакам и обеспечивали возможность

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 76.

¹¹ Там же. Л. 67, 76, 82.

перекрестных ссылок при анализе состояния преступности и относительной распространенности преступлений разных видов в данном регионе. Главный следователь по уголовным делам московской милиции Владимиров, оценивая научно-технические преимущества подобной системы, с гордостью утверждал, что согласно хронометрическим исследованиям применение перфорированных карточек повышало производительность труда при классификации уголовной статистики на 40–50 % по сравнению с прежними методами, основанными на анализе содержащихся в карточках письменных данных. Он пояснял, что для исследования определенных тенденций и принятия оперативных решений «отпала необходимость что-то читать или решать. Требуется просто подобрать все карточки с насечками или пробивками в определенных местах, а затем подсчитать число карточек с одинаковыми метками». Карточки можно было тасовать или распределять разными способами в зависимости от того, какая информация требовалась для решения тех или иных оперативных задач¹².

Помимо сосредоточения всей информации об определенном лице на одной карточке, милиции было предписано расширить содержание надзорных сведений, подлежащих хранению. На карточках должны были теперь регистрироваться не только сведения о конкретном лице, но также обо всех членах его семьи и ближайших родственниках, о его регулярных контактах с другими людьми, прежде всего с представителями уголовного мира или с подозрительными и социально-опасными лицами. Кроме того, в карточки предполагалось вносить ссылки на любые оперативные действия в отношении определенного гражданина или имени и фамилии всех связанных с ним лиц, бывших объектами таких действий. Все клички преступников регистрировались также во вспомогательной картотеке имен, кличек, уголовных или уличных прозвищ. При наличии отпечатков пальцев они должны были храниться вместе с именами преступников в еще одной вспомогательной картотеке. Для целей идентификации картотека отпечатков пальцев должна была иметь перекрестные ссылки с картотекой кличек и с основной биографической картотекой. При наличии фотографий они должны были храниться вместе с карточками соответствующих лиц в главной и вспомогательных картотеках отпечатков пальцев и кличек. Обычно фотографии и отпечатки пальцев лиц, не подвергавшихся арестам и не привлекавшихся к суду, отсутствовали, но система временных задержаний (приводов) успешно устраняла этот пробел. Милиция получала возможность в случае привода сфотографировать задержанного, снять его отпечатки пальцев и со-

---

¹² Там же. Д. 575. Л. 68.

брать его биографические данные. Человек мог быть освобожден после временного задержания, но милиция имела возможность внести его данные в список лиц, подлежащих надзору, или взять его на учет. Милиция часто пользовалась этим приемом в отношении мелких преступников, хулиганов или маргиналов с подозрительными прошлым и происхождением.

Кто подлежал учету

В ходе совещания руководящих работников милиции и ОГПУ в мае 1931 г. поднимались вопросы о том, кого следовало ставить на учет и какого рода сведения о подобных лицах следовало регистрировать. Служебные записки, рассылавшиеся в 1930-е гг. руководителями милиции, ОГПУ и НКВД, свидетельствуют, что обсуждение этих вопросов было весьма детальным и подчас вызывало горячие споры, обнажавшие достаточно утопические представления этих ведомств о надзоре за обществом. О масштабах системы надзора и регистрации можно судить не столько по претенциозным заявлениям руководителей, сколько по обсуждению таких мелких и приземленных проблем, как, например, следует ли ставить на учет проституток. Некоторые руководители возражали против этого, утверждая, что проституция не является уголовным преступлением или что проститутки не относятся к категории политически опасных элементов. Но московский главный следователь по уголовным делам Владимиров, в свою очередь, настаивал на том, что проститутки, не являясь преступным или политически опасным элементом, подлежат постановке на учет, по крайней мере, по двум соображениям. Во-первых, как он откровенно заявлял, это следует делать просто в связи с их многочисленностью, а вторая причина заключалась в том, что очень многие проститутки «были тесно связаны с уголовным элементом». Этот оборот заявления Владимирова указывал на то, что он не считал проституток преступниками. Он полагал, что проституция, будучи прискорбным отклонением от норм общественного поведения, сама по себе не представляла общественной или политической опасности. Владимиров пошел дальше и сказал, что московская милиция завела специальную сеть осведомителей среди проституток, чтобы выявить, кто из них связан с преступным миром, а кто нет. Несмотря ни на что, проститутки были объектами административной высылки и судебного преследования, а проституция в целом – явлением, зависевшим от роста преступности и связанной с ним¹³.

---

¹³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 73–74.

Владимиров долгое время проработал милицейским следователем и поэтому был хорошо знаком с реалиями преступного мира. Его необычные рассуждения о проституции основывались на богатом опыте практической милицейской работы и отражали его представления о том, что проститутки не были целиком ответственны за занятие ремеслом, к которому их принуждали экономические или жизненные обстоятельства. Той секцией совещания, на которой выступал Владимир, руководил Маурер, высокопоставленный сотрудник ОГПУ, член инспекции этого ведомства, надзиравшей за работой милиции, и по проблеме проституции именно ему принадлежало последнее слово. Маурер внес политический оттенок в классификацию преступности и настоял на включении занятия проституцией в перечень критериев для постановки женщин на милицейский учет. Следуя в русле категорических заявлений Ягоды относительно маргинальных социальных групп, Маурер утверждал, что вопрос постановки проституток на учет не подлежит обсуждению. Как он категорически заявил, проститутки представляют собой часть деклассированного элемента и в этой связи, безусловно, заслуживают подозрительного к себе отношения. Поэтому, исходя из политических и чисто практических соображений борьбы с уголовной преступностью, их непременно следовало охватить системой милицейского учета¹⁴.

Проект инструкции по ведению регистрационных карточек не предусматривал внесения в них данных о национальности лиц, на которых они заводились. Этот факт интересен сам по себе, указывая на то, что в 1931 г. национальной принадлежности регистрируемых лиц еще не придавалось того решающего значения в репрессивной политике государства, которое она приобрела всего год-два спустя. В ходе майского совещания этот вопрос еще оставался спорным. Некоторые участники полагали национальность обязательной информацией для включения в регистрационные карты. В то же время Владимир считал, что этот фактор не является определяющим для характера совершаемых преступлений. Национальность преступника, утверждал он, не имеет никакого значения, важны только социальные факторы, формирующие преступников, и состав самого преступления. Представители национальных меньшинств становятся преступниками не в силу национальной принадлежности, а в связи с социальными условиями их жизни. «Неправда!» – воскликнул кто-то из зала в ответ на это заявление в ходе продолжившейся дискуссии по поводу сложных взаимосвязей между национальностью и социальным происхождением преступников. Интересно отметить, что Маурер по во-

---

¹⁴ Там же. Л. 74–75.

просу учета национальности преступников не занимал столь же категорической позиции, как по поводу постановки на учет проституток, и ограничился спокойной рекомендацией более подробно обсудить этот вопрос в рабочих группах. Но этой проблеме не суждено было долго оставаться спорной¹⁵. Уже в 1932 г. в типовую форму регистрационных карт, применявшихся милицией и ОГПУ, была введена графа «национальность». К тому моменту национальность уже начинала занимать одно из центральных мест в государственной репрессивной политике¹⁶.

Еще одним из вопросов, обсуждавшихся на совещании, стала целесообразность заведения надзорных карт на всех без исключения лиц, подвергшихся приводу в милицию. В их число, наряду с предполагаемыми уголовниками и социально-опасными элементами, могли попадать, например, самые обычные пьяницы. По этому поводу Маурер заметил, что милиция часто регистрирует не тех, кого следовало бы, и более трети (35 %) поставленных на милицейский учет составляют совершенно безвредные люди. Он напомнил присутствовавшим, что главная задача регистрации состоит в отслеживании рецидивистов, представлявших наиболее опасную часть уголовного элемента. Лиц, не имевших криминального прошлого и задержанных за мелкие правонарушения, ставить на учет не следовало, за исключением связанных с криминальным миром, а также и прежде всего тех, которые представляли собой социально-враждебный элемент. Последних следовало обязательно ставить на учет, независимо от тяжести совершенных ими проступков, поскольку существовала опасность их превращения в настоящих уголовников или участников общественных беспорядков¹⁷.

Еще одну категорию лиц, подлежащих учету и активному слежению, составляли бывшие осужденные. Начальник секретно-информационного отдела РКМ РСФСР Ларисов обратил на это особое внимание в ходе обсуждения масштабов охвата населения системой учета и ее привязки к системе жесткого оперативного надзора. Цель регистрации, по мнению Ларисова, состояла не в пассивном статистическом учете, а в обеспечении постоянного надзора за всеми подозрительными лицами, включая прежде всего и главным образом бывших осужденных. «Имейте в виду, – настаивал Ларисов, – что эти объекты, т. е. бывшие осужденные, должны, как особочетники, по-

---

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 74–75.

¹⁶ О дебатах по вопросу записи национальности во внутренних паспортах см. в частности: Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 293–297.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 76–77.

стоянно оставаться в поле нашего зрения в качестве особой категории лиц, подлежащих учету и надзору»¹⁸. Выступая по другому поводу, Ягода также подчеркнул, что оперативная работа не завершается арестом лица, находящегося под надзором. Напротив, его арест – это только начало. Милиция и ОГПУ обязаны поддерживать постоянное агентурное наблюдение за местами обитания криминальных и подозрительных элементов, отслеживать все их связи и контакты и т. д., причем не столько после ареста того или иного лица, сколько и главным образом после его выхода из тюрьмы или лагеря на свободу¹⁹. По словам Ларисова, учетная карточка осужденного должна находиться в архиве на постоянном хранении, а после его освобождения из мест заключения – передаваться в активную картотеку для агентурно-оперативного наблюдения за ним в том регионе, куда бывший заключенный направился на место жительства и где он будет прописан. Там оперативные сотрудники должны следить за ним как за особоучетником²⁰.

Это заявление Ларисова было поразительным по следующим двум причинам. Система надзора, за которую он выступал, шла вразрез с официальной идеологией и государственной политикой трудового перевоспитания преступников. Предполагалось, что граждане, отбывшие срок заключения или ссылки, выходят на свободу с полным восстановлением в правах. Считалось, что, пройдя курс политического и трудового перевоспитания, они возвращаются в общество в качестве полноценных граждан. Несмотря на это, в глазах органов госбезопасности, и это ясно следует из заявления Ларисова, эти люди продолжали представлять угрозу для государства. Поэтому они сами, их родственники и знакомые должны были оставаться в поле зрения органов госбезопасности.

Ларисов сознавал идеологические последствия подобного подхода. По крайней мере, он постарался прикрыть их фиговым листком юридического обоснования. Он утверждал, что постановка человека просто на учет, а не под активный надзор за его криминальной и политической деятельностью, представляла «в конце концов, не разновидность наказания, а профилактическую меру». Ларисов напомнил слушателям, что преступность находится на подъеме, а рост числа нарушений общественного порядка теснейшим образом связан с действиями враждебных антисоветских элементов. В условиях обострения классовой борьбы и в связи с необходимостью усиления защиты

---

¹⁸ Там же. Л. 71.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 2об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 78–79.

социалистического строя, совершенно оправдано постоянное наблюдение за этими группами населения²¹.

Помимо того, что предложенные Ларисовым мероприятия вступали в противоречие с официальной идеологией и политикой, их практическое внедрение было нереальным. Осуществление сформулированной им системы слежения потребовало бы огромных расходов, учитывая, какое число граждан одновременно находилось в тех или иных местах заключения. Если следовать предложениям Ларисова, все эти миллионы людей должны были после освобождения попадать под постоянный надзор, а милиция и ОГПУ были обязаны обеспечить наблюдение за ними. Более того, миллионы людей, поставленных под активное наблюдение, следовало дополнить членами их семей, родственниками и знакомыми. Всех этих лиц милиция должна была также зарегистрировать и взять под определенный вид наблюдения. Но, невзирая на все сложности, Ларисов не сомневался в целесообразности внедрения предлагаемой им системы надзора. Напротив, вслед за Ягодой и высшими чинами милиции, он выражал уверенность в эффективности системы учета. Картотеки, дополняемые непрерывным потоком информации, получаемой в процессе паспортного учета и прописки граждан, а также информацией, поставляемой агентами и осведомителями, должны были стать основой поистине всеохватной системы надзора за населением и поддержания общественного порядка. Предполагалось, что в совокупности система прописки и учет политических и уголовных преступников должны были работать безотказно, помогая милиции вылавливать всех лиц без документов, нелегальных жителей и беглых преступников. Эти системы должны были позволять милиции знать точное место пребывания любого лица, признанного вредным или опасным для интересов государства, даже если этот человек не был замешан в уголовных или политических преступлениях. Ягода при каждом удобном случае напоминал подчиненным, что надлежащая регистрация граждан по месту прописки, наряду с непрерывным потоком информации, поставляемой местными агентами и осведомителями, дает в руки органов госбезопасности и милиции мощное средство выявления и отслеживания преступных и социально-опасных элементов советского общества²².

Одна из наиболее напряженных дискуссий между руководителями милиции и ОГПУ развернулась вокруг проблемы местонахожде-

---

²¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 77.

²² См., например, брошюру с инструкциями для начальников отделений милиции, изданную в 1936 г.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 133. См. также заявление 1935 г., согласно которому текущие паспортные данные должны быть основой для любой розыскной деятельности милиции: Там же. Д. 138. Л. 18.

ния различных картотек. Этот на первый взгляд несложный вопрос имел между тем серьезное значение. Споры вокруг того, на каком уровне должна храниться собираемая информация, затрагивали коренную проблему системы надзора, а именно – вопрос о координации местной и централизованной информационно-оперативной работы. Картотечная система ОГПУ имела как минимум три уровня – центральную картотеку в Москве и картотеки областного (краевого) и районного уровней. По-видимому, республиканские управления ОГПУ/ГУГБ также располагали собственными картотеками, но остается неясным, насколько они дублировали картотеки упомянутых выше трех уровней. На майском 1931 г. совещании милиции и ОГПУ некоторые чиновники выступили за жесткую централизацию системы. По их мнению, полные картотеки надо создать на уровне не ниже республиканского на основе сведений районных отделов и областных управлений милиции. Другие же утверждали, что подобная централизация делает систему слишком громоздкой и не обеспечит должной гибкости и быстродействия, необходимых для получения сотрудниками милиции на местах сведений, требуемых для текущей оперативной работы. Подозрительные личности могут легко сбежать за то время, пока местные оперативники ожидают получения запрошенной из центральной московской или республиканской картотеки информации для их идентификации. Попытки ведения полных централизованных картотек также угрожали переизбытком информации, скапливающейся в центре, создавая заторы при ее прохождении и снижая эффективность использования картотек. Учитывая все эти соображения, руководители ОГПУ и милиции решили, что централизованные картотеки должны содержать информацию об особо опасных лицах и людях и группах, занимающихся межреспубликанской или международной контрабандой и шпионской деятельностью. Точно так же областные картотеки должны ограничиваться данными о лицах, преступная деятельность которых охватывает несколько районов области. Наиболее полные картотеки должны создаваться районными секретно-информационными отделами. К ним должен быть открыт прямой доступ местных оперативных работников, а содержащиеся в них сведения могут легко обновляться на основе информации, проходящей через районные отделы милиции. Картотеки районного уровня также наиболее подходили для увязки с картотеками паспортного учета и прописки граждан, которые существовали во всех отделениях милиции по районам. Таким образом, районные отделы ОГПУ и милиции предполагалось сделать, как им и было положено, нервными узлами оперативной и надзорной деятельности этих ведомств²³.

²³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 81–83.

Итак, система регистрации и надзора представляла собой квинт-эссенцию взглядов Ягоды на профилактическую полицейскую деятельность и отражала убежденность руководителей милиции и ОГПУ в слиянии маргинальных, криминальных и контрреволюционных слоев общества. Система учета по своей внутренней логике служила отражением милицеских представлений о возможности организации всестороннего надзора за обществом. Руководители ОГПУ и милиции гордились научно-техническими сторонами создаваемой системы учета. Теоретически эта система была подробной, полностью интегрированной и автоматически обеспечивающей перекрестные ссылки между составляющими ее картотеками. Высшие чины милиции приводили результаты хронометражного анализа эффективности системы, в самых довольных тонах описывали гладкость прохождения информации внутри подразделений милиции и между ними, подробно расписывали создаваемые ею преимущества в управлении сложными сетями агентов и осведомителей, распространялись о новых возможностях в проведении тайных операций и розыске преступников, строили планы постепенного перехода к плавно работающей системе профилактического надзора и предупреждения преступлений. Все это создавало впечатление о создании хорошо отлаженной и бесперебойно работающей бюрократической машины с участием большого числа людей, задействованных в сложном процессе хорошо просчитанных взаимодействий.

Регистрация и деятельность милиции

Реалии милицеской работы весьма существенно отличались от благостной картины, нарисованной руководством. На практике система регистрации никогда не работала должным образом, по крайней мере, в тех профилактических целях, которые ставил перед ней Ягода. Источники информации, необходимой для наполнения системы картотек, никогда не работали, как того хотелось на протяжении всех 1930-х гг. Как уже отмечалось выше, осведомительские сети пользовались дурной славой, а ценность информации, поставляемой осведомителями, была сомнительной. Более того, Ягода постоянно критиковал подчиненных за эпизодический или кампанейский характер оперативного надзора. Они проводили его только по особым случаям или в ходе отдельных операций и прекращали с арестом разыскиваемых преступников. Для того чтобы учет преступников и профилактическая деятельность милиции были эффективными, наставлял подчиненных Ягода, надзор должен быть непрерывным, охватывая осужденных, отбывших срок заключения, членов семей и знакомых арестованных преступников. «Оперативные сотрудники»

считают свою работу завершённой, когда они арестовали преступника, – отмечал Ягода, – в то время, как арест фактически служит лишь началом оперативной и учетной работы»²⁴.

Отсутствие регулярного обновления информации, поставляемой оперативными сотрудниками и осведомителями, было лишь одним из пробелов системы учета. Сотрудники милиции редко обновляли учетные данные посредством систематической проверки записей в книгах учета граждан по месту работы или прописки, ограничиваясь компиляцией сведений, поставляемых агентами и осведомителями²⁵. Многие милицмейские руководители в целом уделяли мало внимания ведению картотек, и проводившиеся проверки зачастую обнаруживали отсутствие должного порядка в этой работе. Отсутствие внимания к учету граждан шло рука об руку с ослаблением жесткости в соблюдении законов о паспортах и прописке. Милиция постоянно позволяла селиться в паспортизированных районах лицам без паспортов или прописывала людей, которым было запрещено проживание в определенных частях страны. «Руководители милиции на местах не предпринимают никаких мер для того, чтобы остановить приток нежелательных категорий граждан», – сетовал в 1934 г. заместитель руководителя ОГПУ Ф. Фокин²⁶. Более того, многие милиционеры оказывались неспособны проводить перерегистрацию граждан при их переезде с одного места жительства на другое, то есть удалять из картотеки текущие адреса их прописки и указывать планируемый при переезде новый адрес. При прописке на новом месте милиция также нередко не требовала указывать предыдущий адрес прописки, оказываясь поэтому не в состоянии отслеживать предыдущие места проживания²⁷. Таким образом, недостаточно жесткое соблюдение паспортного режима и закона о прописке предоставляло враждебным и подозрительным лицам еще одну возможность проскальзывать через бреши в системе учета.

Как следствие отмеченных недостатков, информация в милицмейских картотеках быстро устаревала и оказывалась недостаточно эффективным инструментом надзора и оперативной работы милиции. Представляется, что этим недугом в равной степени страдали как милицмейские картотеки, так и картотеки органов госбезопасности. Проверка картотек управления госбезопасности Воронежской об-

---

²⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 2об.

²⁵ Там же. Л. 4–5.

²⁶ Претензии к участковым инспекторам в связи с отсутствием должного внимания к лицам, незаконно проживающим на их территории см.: Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 56; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 2–3.

²⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 18.

ласти, проведенная в 1934 г., выявила тревожные несоответствия их данных реальной картине. В докладе комиссии отмечено, что при выборочной проверке учетных карточек 75 «социально-чуждых и анти-советских элементов» выяснилось, что 23 из них, то есть одна треть, уже более полутора лет не работают или не проживают по указанным в карточках адресам. Иными словами, они оказались безнадзорными, выпав поля зрения НКВД²⁸. В ответ на служебную записку Молотова, ссылавшегося на доклад контрольной комиссии, Ягода заявил, что воронежский случай представлял собой исключение из правил, и что в целом НКВД сделал большой шаг вперед в учете, изоляции или ликвидации опасных для государства категорий населения. Однако Молотов в записке, направленной Яну Рудзутаку, заместителю председателя Совнаркома, выразил сомнения на этот счет, лаконично заметив, что заявление Ягоды кажется ему «не слишком убедительным»²⁹.

Молотов имел все основания усомниться в правдивости заявления Ягоды, постоянные критические высказывания которого в адрес подчиненных противоречили уверениям в том, что беспорядок в управлении НКВД по Воронежской области представлял собой нечто исключительное. Информация, хранившаяся в картотеках, слишком часто не отвечала потребностям оперативной работы по розыску пропавших или сбежавших из мест заключения граждан. Отсутствие должной координации создавало не просто трещины, а зияющие дыры в пенитенциарной системе, через которые утекали сотни тысяч беглецов. Руководители колоний, лагерей, тюрем и специальных поселений с запозданием сообщали местным органам НКВД (милиции и госбезопасности) о сбежавших заключенных или спецпоселенцах, а порой просто скрывали случаи побегов³⁰. Кроме того, системы учета лагерников и спецпоселенцев были настолько малоэффективными, что начальство зачастую не имело точных сведений о местах их работы и проживания. Складывается впечатление, что во многих случаях они не сообщали в местные органы милиции и госбезопасности о побегах заключенных, поскольку просто не знали о том, кто именно сбежал. Они не вели или не имели возможности вести ежедневный учет наличия заключенных. Это особенно касалось колоний и спецпоселений, обитатели которых только один раз в неделю, а иногда и один раз в месяц отмечались в местных отделениях милиции. В результате персонал поселений часто не знал о побегах³¹.

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 71. Д. 176. Л. 122.

²⁹ Там же. Л. 120.

³⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 106. Л. 11.

³¹ Спецпоселенцы, например, были обязаны отмечаться в местном отделении милиции раз в неделю.

Положение усугублялось тем, что сотрудники областных управлений госбезопасности, как правило, не координировали розыскные и иные оперативные мероприятия районных отделов милиции и госбезопасности. Отсутствие координации вело к ослаблению режима и хаосу в работе. Списки разыскиваемых преступников, сбежавших из мест заключения, и подозрительных лиц, подлежащих надзору, распространявшиеся областными или центральными управлениями НКВД, не могли быть подвергнуты перекрестной проверке с использованием местных картотек зарегистрированных паспортов. Как отмечалось в одном из докладов НКВД, зачастую на местах «ничего не делалось с этими списками. Их просто складывали в стопки на полках в местных отделениях НКВД и милиции, где они оседали в качестве ненужной макулатуры»³². По словам Ягоды, начальники отделов и управлений плохо контролировали состояние дел на удаленных участках подведомственных территорий, особенно в сельской местности, или вообще не знали, что там происходит. Выступая в августе 1934 г. перед начальниками областных и краевых управлений своего ведомства, Ягода упрекал их в том, что они неудовлетворительно руководят работой подчиненных, особенно на периферии своих территорий. Оперативники не имеют ясного представления о том, кто проживает на их территориях и что реально происходит на их окраинах. В результате отдаленные районы краев и областей и отдаленные регионы страны в целом становятся прибежищем для маргиналов, скрывающихся там от власти, по крайней мере, временно³³.

Статистика побегов из мест заключения и ссылки только подтверждала и усиливала эти анекдотические наблюдения. Поселения и колонии ОГПУ охранялись очень слабо, и бежать из этих мест заключения не составляло особого труда, хотя, с другой стороны, проживание на воле в этих диких местах само по себе было опасным. Кроме того, многие депортированные были обременены семьями, что также удерживало их от побегов. Тем не менее многие сотни тысяч ссыльных сбежали из спецпоселений, особенно в беспорядочные годы начала 1930-х гг. ОГПУ и милиции удавалось отлавливать довольно незначительный процент беглецов. С начала 1932 по 1940 г. из мест ссылки сбежало примерно 630 тыс. спецпоселенцев, из которых удалось изловить и вернуть обратно 235 тыс., то есть только 37 %. Как отмечал Ягода, большинство беглецов были пойманы в ходе проверки паспортов. Это означало, что паспортная система действовала достаточно эффективно в сочетании с массовым облавами, но и она была

³² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 18–19.

³³ Виноградов В. Генрих Ягода, нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 421–422.

далека от идеала, который подразумевал Ягода, говоря о «железной системе регистрации, надзора и оперативной работы»³⁴. Не вызывает сомнений тот факт, что большая часть из этих 37 % выловленных беглецов пришлось на специально организованные кампании массовых операций 1937–1938 гг., а не стала результатом стабильной работы надзорных и оперативных служб НКВД. Об этом свидетельствуют данные начала и середины 1930-х гг. В течение первой половины десятилетия с 1932 по 1935 г., когда начались реформы системы, самовольно покинули спецпоселения около 554 тыс. ссыльных, из которых удалось вернуть обратно примерно 178 тыс., или менее трети (32 %), что значительно ниже среднего процента возврата беглецов за десятилетие в целом³⁵. Многие беглецы меняли имена и фамилии, выправляли себе фальшивые документы и отыскивали иные способы раствориться в окраинных районах страны, в новых промышленных регионах, остро нуждавшихся в рабочей силе, или в районах, где еще не проводилась паспортизация, и постараться кое-как зарабатывать себе на жизнь, оставаясь незамеченными. Их число демонстрировало наличие глубокого разрыва между теорией и практикой системы полицейского надзора.

Имелось немало причин, по которым эта система действовала не столь эффективно, как на то надеялся Ягода. Одна из них заключалась в том, что затеянная ОГПУ в начале 1930-х гг. реорганизация представляла собой не совершенствование уже действовавшей системы, а полную перестройку самых ее основ. Картотечная система, по крайней мере, в милиции, создавалась на пустом месте, точно так же, как системы оперативной работы и милицейского надзора. ОГПУ к тому времени располагало долгим опытом подобной деятельности, но это ведомство было также подвергнуто быстрому расширению, реорганизации и слиянию с гражданской милицией. И все это происходило на фоне массовых репрессивных кампаний, одновременно осуществлявшихся во всесоюзном масштабе. Не приходится удивляться, что система не работала должным образом, учитывая ее новизну и большое число малоквалифицированных сотрудников, работавших тогда в милиции и ОГПУ.

Сложность проблемы была обусловлена не только масштабами решаемых задач и низкой квалификацией исполнителей, но и их недостаточной численностью. На самом деле вся тяжесть оперативной и надзорной работы падала на плечи сотрудников местных подразделений милиции и госбезопасности. Несмотря на значительное увеличение их численности в 1930-х гг., они оставались наименее

---

³⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 217.

³⁵ Там же. Л. 217–218.

квалифицированными и наиболее недоукомплектованными звеньями обоих этих ведомств. В отделах РКМ большинства регионов за пределами крупных городов насчитывалось в лучшем случае по 3–5 оперативников, но чаще всего по 2–3. В отделах ОГПУ работало примерно такое же число оперативных сотрудников плюс один водитель и 1–2 секретаря. В соответствии с требованиями к системе это ограниченное число сотрудников должно было обеспечивать три главных направления оперативной работы – борьбу с бандитизмом, экономическими преступлениями и воровством. Кроме того, предполагалось, что эти горстки людей обязаны были организовывать сети осведомителей и руководить ими, вести работу с агентурой, проводить надзорные операции, вести статистику и составлять отчеты, регистрировать преступников и вести паспортный учет, активно расследовать преступления.

Недостаточный штат часто низкоквалифицированных сотрудников не мог справиться со всеми задачами, возложенными на полицейскую систему. Поэтому не приходится удивляться, что регистрационная работа деградировала, сети осведомителей не действовали, отчетность задерживалась и зачастую была неполной, а оперативная работа велась спорадически. Начальники местных отделений, задавленные столь большим числом заданий и недостатком людей, старались делать все, что было в их силах. Как отмечалось начальниками более высокого ранга, многие из них часто отчитывались в выполнении приказов только на бумаге, а некоторые просто игнорировали приказы и указания, поступавшие сверху. Когда одного местного инспектора спросили, почему он не выполнял инструкцию о снятии отпечатков пальцев преступников как часть системы их регистрации, он ответил, что «этого не требуется»³⁶.

Все эти проблемы только усиливали недостатки полицейской системы и одновременно придавали ее работе кампанейский, урывочный характер. Под давлением начальства, требовавшего быстрых результатов, местным полицейским работникам приходилось мобилизовать своих подчиненных и даже сотрудников других ведомств. Введение паспортной системы, борьба с мелкими преступлениями вроде спекуляции, розыск преступников и очистка местности от социально-опасных элементов – все эти задачи милиция и ОГПУ вынуждены были решать кампанейским методом. Эти кампании отнимали время и силы, нарушая исполнение обычных полицейских обязанностей и рутинной работы. Чрезвычайщина в решении этих задач также мешала нормальному функционированию полицейско-надзорной системы.

---

³⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 47.

Реформирование и дальнейшее объединение полицейских органов

Руководители милиции и органов госбезопасности провели целый ряд реформ, направленных на нормализацию полицейско-надзорной системы. Многие из этих реформ вытекали из необходимости решения проблемы побегов из мест заключения³⁷. Часть из них была нацелена на совершенствование сбора и обработки информации, в то время как другие касались методов оперативной работы. Все эти реформы имели своей конечной целью дальнейшее слияние милиции и органов госбезопасности, а многие из них привели к тому, что последние оказались еще сильнее погружены в сферу деятельности обычной милиции. Например, начиная с 1935 г. все действия по розыску бежавших из мест заключения преступников, как уголовных, так и политических, были отданы под контроль местных органов госбезопасности³⁸. Прочие реформы предусматривали расширение сетей осведомителей в тюрьмах и лагерях, ужесточение руководства ими и более полное использование получаемых от них сведений в оперативной работе по розыску и задержанию беглых заключенных. Особенно важным нововведением стало создание межрегиональных оперативных отделов. Эти административные службы среднего звена были организованы в милиции и в госбезопасности в начале 1930-х гг. Они состояли из десяти оперативных сотрудников со вспомогательным персоналом и размещались в крупных городах, являвшихся преимущественно региональными административными центрами. Их задача заключалась в оказании поддержки местным отделениям милиции и в координации их оперативной и надзорной работы. Многие из этих оперативных центров были распущены после завершения кампании раскулачивания, но некоторые из них сохранились и оставались важными учреждениями в отдаленных или территориально обширных регионах. Они оказались особенно эффективными в процессе проведения массовых оперативных кампаний, поддерживая и направляя работу местных сотрудников по изоляции определенных категорий населения, по очистке территорий от социально-опасных элементов, в кампаниях по проверке паспортов и прописки, в исполнении иных оперативных и надзорных функций.

Некоторые наиболее важные реформы коснулись управления потоками и хранением информации. В начале лета 1935 г. Ягода прика-

---

³⁷ Ссылку на специальный приказ НКВД от 21 апреля 1935 г. о необходимости принятия чрезвычайных мер по предотвращению побегов и поимке беглых заключенных см.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 106. Л. 11.

³⁸ Там же. Л. 25–27; ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 9. Л. 35–36.

зал, чтобы местные информационные картотеки были продублированы органами госбезопасности республиканского уровня и в Москве, а в июле того же года начался процесс внедрения системы дактилоскопирования и фотографирования всех заключенных. Во все областные управления НКВД и ГУЛАГа были направлены группы инструкторов, установлены необходимые технические средства и разосланы инструкции по проведению этой работы. Действующие параллельно бюро регистрации предполагалось организовать в центральном ГУЛАГе и в управлении паспортизации населения при ГУ РКМ. Было решено изготовить копии уже имевшихся карт с отпечатками пальцев и фотографий преступников для включения в соответствующие областные и региональные картотеки. Следовало создать отдельные картотеки на всех административных уровнях системы с перекрестными ссылками по фамилиям лиц, на которых заведены основные регистрационные карточки³⁹.

Требования к бумажной отчетности местных органов упростились, но при этом было усилено внимание к сбору и объединению картотечной информации⁴⁰. Но важнее всего было то, что система картотек было отдана под полное управление ГУГБ. В соответствии с указаниями Ягоды, картотеки преступных и подозрительных лиц теперь должны были находиться не только в районных управлениях милиции, но полностью дублироваться на всех административных уровнях НКВД – в его областных, краевых и республиканских управлениях и самом Наркомате, расположенном в Москве. На деле это означало передачу картотек под контроль руководителей госбезопасности, которые возглавляли управления НКВД всех уровней выше районного. Карточки биографических данных должны были расставляться в алфавитном порядке и включать фотографии, клички и ссылки на дактилоскопические карты. В бланках карточек, выполненных типографским способом, имелись поля для записи таких сведений, как социальное положение, национальность, номер паспорта, физические данные для опознания, данные о приговорах, депортациях и других оперативных действиях. Параллельно с картотекой биографических данных должны были быть заведены картотеки отпечатков пальцев и уличных кличек с перекрестными ссылками на биографическую картотеку.

Реорганизация повлияла на милицейскую регистрационную систему и была до смешного избирательной. Милицейские картотеки содержали только некоторые определенные виды данных об уголовных преступниках, социально-опасных личностях и даже полити-

³⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 6–6а.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 494. Л. 172.

чески неблагонадежных. Напротив, картотеки ГУГБ всех уровней, кроме районного, должны были быть всеохватывающими и включать всю имеющуюся информацию о лицах, состоящих на учете как в ГБ, так и в милиции. Более того, регистрация всех данных и организация всех видов картотек были поставлены под контроль офицеров, подчинявшихся статистическому управлению ГУГБ. В этой части проведенная реорганизация противоречила сложившейся ранее практике, когда милиция сама отвечала за свои собственные картотеки⁴¹.

В сентябре 1936 г. Ягода начал серьезную реорганизацию внутренней паспортной системы и системы прописки граждан по месту жительства. Она включала процедуру дублирования картотек, аналогичную той, что уже была внедрена в системе регистрации уголовников и политических преступников. Как и в случае предыдущих реформ, описанных выше, реорганизация картотек паспортного учета была нацелена на еще более полное подчинение милиции ГУГБ. Начиная с конца 1936 г. управления и отделы НКВД во всех городах с населением более 20 тыс. человек (около 360 городов) были обязаны организовать кустовые адресные бюро, картотеки которых объединяли и дублировали всю информацию о паспортах и прописке граждан в прилегающих районах. Эти бюро, подобно паспортным бюро и бюро прописки, служили для многих целей: установления демографической картины для решения экономических и социальных задач, контроля нежелательной миграции населения, планирования экономического развития, поиска пропавших лиц или родственников. Но первоначально и главным образом кустовые бюро были организованы в качестве справочных картотек для розыскных и оперативных групп милиции и ГУГБ. Эти картотеки создавались помимо существовавших картотек уголовных, контрреволюционных и других подозрительных лиц и должны были применяться для обеспечения оперативной работы обоих ведомств. В ведении милиции все еще оставались картотеки паспортного учета и регистрации по месту жительства, тогда как кустовые картотеки размещались в зданиях управлений НКВД крупных городов. Это означало, что картотеки паспортного учета, подобно всем остальным регистрационным картотекам, отходили под непосредственный контроль руководства органов госбезопасности.

Подобно другим реформам, реорганизация системы картотек паспортного учета была нацелена на повышение эффективности операций милиции и органов госбезопасности против уголовных преступников, лиц, сбежавших из мест заключения, и других опасных

---

⁴¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 7–12. По причине недостатка кадров это не всегда было возможно на самых нижних уровнях милицейской системы, т. е. на уровне участковых уполномоченных.

для государства элементов. Приказ о создании кустовых бюро был озаглавлен «О розыске преступников», и в нем Ягода предписал создание еще одной картотечной системы, на этот раз содержащей сведения обо всех лицах, сбежавших из мест заключения и спецпоселений. Предполагалось, что информация, хранящаяся в этой системе, предназначалась для координации деятельности руководства ГУЛАГа с другими органами НКВД всех уровней. Информация должна была обновляться ежемесячно и иметь перекрестные ссылки с картотеками регистрации граждан по месту жительства и паспортного учета⁴². В этом приказе Ягода еще раз упрекал подчиненных в недооценке важности статистических методов в полицейской работе, прежде всего и главным образом сбора паспортных сведений и данных о регистрации граждан по месту жительства, но также регистрации других видов информации, включая отпечатки пальцев и фотографии. Он вновь повторил прежние указания по более эффективному распространению списков разыскиваемых преступников и еще раз напомнил о процедурных правилах координации оперативной работы и обмена информацией между ГУЛАГом и территориальными органами НКВД. Ягода вновь подчеркнул распределение полномочий между оперативной работой милиции и органов ГБ, но, как и в случае регистрации преступников, поставил всю розыскную деятельность милиции под оперативный контроль ГУГБ. Последнее указание отличалось от сложившейся ранее практики, согласно которой на милицию возлагалась самостоятельная юридическая ответственность за розыск и поимку на своих территориях лиц, бежавших из ссылки⁴³. Отныне областные управления НКВД были обязаны ежемесячно докладывать центральному ГУГБ в Москве о результатах розыскной деятельности в областях. В свою очередь, на областные управления ГУГБ была возложена координация рассылки списков разыскиваемых лиц и розыскной деятельности⁴⁴.

Развитие регистрационных систем продолжалось по мере того, как руководство добавляло все новые категории в перечни лиц, предположительно опасных для государства или подлежащих контролю со стороны органов НКВД. Регистрации подлежали бывшие участники политических оппозиций, социально-вредные элементы, обычные уголовники, рецидивисты, осведомители, агенты и т. д. В апреле 1935 г. Ягода издал новый приказ, обязывавший всех участковых инспекторов завести отдельные картотеки учета известных им хулиганов и лиц без определенных занятий, проживающих

⁴² Там же. Л. 18–22.

⁴³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 1. Л. 26–27.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 19.

на подведомственных им территориях⁴⁵. Расширение перечней людей, подлежащих надзору, и дублирование картотек имели смысл в оперативном плане, но также означали дальнейшее вовлечение органов госбезопасности в деятельность милиции и в надзор за населением страны. Система картотек стала хранилищем информации, активно используемой милицией и органами госбезопасности для выявления и задержания преступников, маргиналов и подозрительных личностей. Инструкции по регистрации разграничивали сферы оперативной ответственности милиции и органов госбезопасности, но все регистрационные системы создавались таким образом, чтобы они легко вписывались в информационные и оперативные системы ГУГБ. Сотрудники местных отделов и участковые инспекторы милиции продолжали вести картотеки паспортного учета. Адресные бюро, которые одновременно стали главным источником надзорной информации, были поставлены под безусловный контроль органов госбезопасности.

Заключение

На протяжении 1930-х гг. Ягода старался усовершенствовать методы полицейской работы посредством проведения целого ряда реформ. Некоторые из них касались усиления контроля со стороны ГУГБ милицеских систем регистрации и оперативной работы милиции. Проводя эти изменения, Ягода стремился повысить общую эффективность оперативной работы милиции и управления ею, но у него не было намерения полностью стереть границы юрисдикций милиции и органов госбезопасности. К 1935 г. эти границы уже были сильно размыты, а реформы Ягоды только усилили уже имевшуюся устойчивую тенденцию к подчинению милиции органам госбезопасности. Эти реформы привели к дальнейшему вовлечению последних в широкий надзор за обществом, борьбу с обычной уголовной преступностью и охрану общественного порядка. Успехи Ягоды в части интеграции милиции и органов были использованы в обвинениях, выдвинутых против него после его снятия с должности и ареста в начале 1937 г. Но это произошло позднее, а не в 1935–1936 гг., когда Ягода действовал с официального разрешения властей и в соответствии с официальной точкой зрения, сформулированной Сталиным, согласно которой защита общественного порядка была названа приоритетным направлением в обеспечении государственной безопасности и соответственно законной и даже неотложной задачей органов ГБ.

---

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 12. Д. 138. Л. 3.

Изменения в правоохранительной системе, происходившие в середине 1930-х гг., наряду с тенденцией к слиянию задач охраны общественного порядка и государственной безопасности, повлекли за собой и некоторые другие перемены. Как отмечено другими исследователями, на протяжении 1920-х гг. органы госбезопасности в основном полагались на описательные методы надзора за обществом посредством регулярных сводок, описывающих общественные настроения⁴⁶. Однако в соответствии с позитивистскими, научными взглядами руководства этих органов они постепенно стали расставаться с подобными описательными приемами надзорной деятельности. В 1930-х гг. милиция и органы госбезопасности разработали и все шире стали применять статистические методы надзора, базирующиеся на системе учета и картотек. Как показано в настоящей главе, система картотек постоянно расширялась, включая в себя реестры уголовных преступников, осведомителей и агентов, маргиналов и даже буйных скандалистов и подозрительных личностей. Эти реестры не просто заменили собой прежние сводки, но стали преобладать над описательными формами отчетности, представляемой агентурно-осведомительскими сетями.

Число и разнообразие типов картотек быстро нарастали в начале – середине 1930-х гг., включая в себя системы паспортного учета и регистрации граждан по месту жительства. Последние со временем стали самым эффективным инструментом государственного надзора за обществом, значительно более мощным по сравнению с сетями осведомителей. К концу 1936 г. Ягода имел все основания утверждать, что оперативная деятельность на основе регистрационных данных намного улучшилась по сравнению с хаотической практикой начала 1930-х гг. Тем не менее оба эти направления деятельности, как оперативное, так и информационное, были далеки от совершенства. Несмотря на некоторые улучшения, вопреки постоянным инструкциям центра и усилению контроля со стороны ГУГБ, системы регистрации осведомителей, паспортных данных, уголовных преступников и другие продолжали действовать не столь эффективно, как того желало руководство⁴⁷. Работа милиции и органов госбезо-

---

⁴⁶ Terry Martin. Uchet and Nastroyenie: Information Report and the OGPU Surveillance System. Unpublished paper. 2000.

⁴⁷ Даже после реформирования милиция редко своевременно обновляла данные о прописке и регистрационные данные, и в результате розыскные службы НКВД работали неэффективно. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 18. См. ряд служебных записок Фриновского и Ежова по этому поводу, разосланных в августе 1937 г.: Там же. Д. 66. Л. 161.

пасности все еще скорее сводилась к реагированию на уже совершенные преступления и правонарушения, нежели к их профилактике. Не полностью использовались возможности сетей осведомителей, а поставляемая ими информация редко становилась основой оперативной работы. Агентурное наблюдение оставалось эпизодическим и организовывалось в ответ на уже свершившиеся преступления, вместо того, чтобы становиться постоянным и всеобъемлющим. Милицейская отчетность все еще описывала существующие тенденции на основе сведений об уже произведенных арестах, видах совершенных преступлений и типах задержанных преступников, а не на базе анализа надзорной информации. В условиях недостатка квалифицированных кадров деятельность милиции определялась не комплексным использованием информации, поступающей от осведомителей, содержащейся в системах регистрации или получаемой в ходе оперативных мероприятий, а политическими решениями руководства, реализуемыми посредством репрессий, проводимых в кампанейском стиле.

Системы паспортного учета и другие системы регистрации действовали эффективно в той мере, в какой они были связаны с проведением указанных кампаний, обычно направляемых из центра, и только в тех случаях, когда проблемы борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка становились безусловным государственным приоритетом. Так, например, сведения о различных подозрительных личностях, задержанных во время массовых милицейских облав, проверялись с помощью различных картотек, прежде всего картотек паспортного учета и регистрации по месту жительства. Во время оперативного совещания в 1931 г. руководители ОГПУ с похвалой отзывались об использовании систем регистрации при проведении массовых милицейских операций, усматривая в этом сочетании эффективное средство изоляции криминальных и социально-опасных категорий населения⁴⁸. Тем не менее в 1931 г. массовые репрессии все еще оставались главным средством борьбы против крестьян и маргинальных групп населения. В 1935 г. ситуация изменилась, и руководство стало видеть в массовых репрессивных кампаниях неспособность к использованию профилактических методов поддержания общественного порядка. Тем не менее, как будет показано в последующих главах, кампанейские методы в этой области оставались достаточно эффективными и преобладающими. Власти продолжали прибегать к ним в сочетании с использованием быстро развивавшихся систем картотечной регистрации. В середине

---

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 475. Л. 47.

1930-х гг. эти кампании усилили мобилизационный стиль поддержания общественного порядка, во многом обусловленный как инерцией местных органов, так и проблемами неуккомплектованности штатов и недостаточной квалификации сотрудников милиции. Массовые репрессии в 1933 г. не завершились, но форма и методы их проведения изменились.

6. КАМПАНИИ ПРОТИВ МАРГИНАЛОВ

Что мы будем делать теперь, раз мы ликвидировали капиталистические элементы?

Ответственный сотрудник ОГПУ, 1934 г.

Участие в новой разновидности классовой борьбы, объявленной Сталиным, повлекло за собой переориентацию ОГПУ, которое из революционного карательного органа постепенно превращалось в полицейскую организацию, во все больших масштабах вовлеченную в контроль и надзор за обществом и в поддержание общественного порядка. Эту новую роль ОГПУ усиленно продвигал Ягода, опираясь на поддержку Сталина. На протяжении 1930-х гг. происходило внедрение ОГПУ и пришедшего ему на смену НКВД в те области социальной политики, которые ранее находились в компетенции других государственных органов, прежде всего судов и учреждений социальной защиты, и постепенное их подчинение политической полиции. Передача под контроль ОГПУ общественного порядка привела к небывалой милитаризации гражданских властей, которой не существовало в 1920-е гг. Это превратило политическую полицию в сердцевину социально-географической конструкции советского социализма.

Настоящая глава посвящена классовой войне против социальных маргиналов и ее последствиям для органов госбезопасности. Также рассматриваются последствия ее для регулярной милиции, реформирование которой обнажило намерения Ягоды превратить милицию в орган контроля общества, подчиненный органам госбезопасности и равноценный им по уровню подготовки. Отдавая милицию под административный контроль ОГПУ, Ягода намеревался милитаризовать, но при этом не полностью «чекаизировать» ее, то есть административное объединение милиции и органов госбезопасности не сопровождалось их полным слиянием в оперативном плане. Милиция должна была выступать в роли вспомогательной силы ОГПУ при наведении общественного порядка и в защите государственных интересов и собственности. Борьба же с контрреволюционными проявлениями оставалась исключительной прерогативой ОГПУ как органа государственной безопасности.

На деле оказалось сложно поддерживать четкое разграничение функций милиции и органов госбезопасности. Границы между

охраной общественного порядка и обеспечением государственной безопасности быстро стирались по мере того, как власти пытались справиться с масштабными дезорганизациями общества, которые порождались их собственной политикой. И на словах, и на практике руководители страны легко смешивали эти задачи политической и обычной полиции. Вопреки намерениям Ягоды, происходило значительное наложение друг на друга административных и оперативных функций милиции и ОГПУ. В то время как милиция обретала новые для нее жандармские функции, внимание ОГПУ переключалось с классовой борьбы в деревне на проведение кампаний против маргинальных, подозрительных и криминальных элементов в городах, на путях сообщений и в других стратегически важных областях, как, например, приграничные районы страны. Эти кампании «социальной защиты», как их было принято называть, власти начали широко проводить летом и осенью 1932 г., тогда как массовые репрессии, коллективизации и раскулачивания подошли к завершению. Кампании против маргинального населения середины десятилетия потребовали привлечения немалого внимания и оперативных возможностей органов госбезопасности и милиции.

Наложение функций политической и обычной полиции имело еще одно последствие, заключавшееся в продолжении использования кампанейских методов и внесудебных массовых репрессий. Тому было несколько причин. Практика административного преследования больших масс людей глубоко укоренилась в действиях ОГПУ во время кампаний раскулачивания деревни и чисток приграничных районов страны, проходивших в начале 1930-х гг. Подобная карательная политика трудно поддавалась изменениям, и ОГПУ привнесло ее в оперативную культуру милиции, а затем и НКВД. В результате кампанейские, административные методы проведения репрессий продолжали применяться в ходе кампаний социальной защиты середины 1930-х гг. Эти методы оказались наиболее эффективным способом использования властями ограниченных ресурсов, находившихся в их распоряжении. Несмотря на увеличение финансирования и расширение штатов, на протяжении всех 1930-х гг. органы милиции работали с большим напряжением. Недостаточная численность сотрудников, слабая подготовка, отсутствие дисциплины, наряду с другими проблемами по-прежнему мешали милиции своевременно расследовать и предотвращать преступления, поддерживать общественный порядок. Собственную неэффективность милиция старалась компенсировать проведением операций кампанейского стиля по очистке городов, регионов, железнодорожных станций, рынков и других мест. Во многих местах спорадические, интенсивные милицейские кампании становились скорее нормой, чем исключением из правил. Наконец, даже милицейская терминология, подразделявшая население на та-

кие широкие категории, как социально-близкие, социально-чуждые и социально-опасные элементы, поощряла применение массовых кампаний. Такая терминология влияла на расширение репрессий, обращенных против целых общественных групп, вместо борьбы против отдельных правонарушителей. Подобный «категорический императив» стал неотъемлемой характеристикой сталинской полицейской культуры 1930-х гг.¹

Кампания на железных дорогах и против хулиганства

Привлечение органов госбезопасности к охране общественного порядка началось в 1932 г. с проведения серии операций, направленных на преодоление хаоса, царившего на железных дорогах страны. В составе ОГПУ имелись транспортные отделы (ТО ГПУ), которые были организованы для защиты железных дорог от контрреволюционного саботажа, то есть для борьбы с врагами государства. Сотрудники ОГПУ регулярно сопровождали поезда с целью обеспечения безопасности перевозок военных и специальных грузов, а также почтовых отправок, защищая их от бандитских нападений. Они также осуществляли охрану важных железнодорожных узлов и сортировочных станций, депо и мостов. Тем не менее, судя по официальной переписке, руководители органов госбезопасности не считали обязанностью ОГПУ охрану общественного порядка в поездах или на железнодорожных путях. В соответствии с принятым тогда распределением обязанностей эти задачи находились в ведении ведомственной охраны наркомата путей сообщения².

---

¹ Дополнительные материалы по вопросам советской государственной политики управления обществом полицейскими методами содержатся в работах: Paul Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia, 1930–1941*. Ph.D. diss. University of Texas. 1999. Esp. chap. 3. *Criminality, Policing, and 'Socially Harmful Elements' in the Mid-1930s*; Idem. *Socially Harmful Elements' and the Great Terror // Stalinism: New Directions*. Ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 286–308; Idem 'Chekist in Essence, Chekist in Spirit': *Regular and Political Police in the 1930s*. // *Cahiers du Monde russe*. 42/2–4. April – December 2001. P. 447–476; David R. Shearer. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Ibid.* 39/1–2. 1998. P. 119–148; Idem. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s*. // *Cahiers du Monde russe*. 42/2–4. April – December 2001. P. 505–534. Хэгенлоу подчеркивает эволюционный характер изменений в политике борьбы против социально-вредных элементов под влиянием перемен в общей тактике борьбы с преступностью. Я же настаиваю на более общей интерпретации, согласно которой на протяжении 1930-х гг. стратегия действий милиции и органов госбезопасности в значительной степени направлялась сверху под влиянием идеологии классовой борьбы, интересов госбезопасности и прямого вмешательства руководства страны, и прежде всего Сталина.

² О милитаризации охраны железных дорог и роли органов госбезопасности см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1030. Л. 1–3.

У Сталина имелись собственные соображения относительно роли в этом деле органов госбезопасности. В письме, направленном Кагановичу 4 августа 1932 г. из Сочи, где он отдыхал, Сталин, явно разгневанный состоянием дел на железнодорожном транспорте, писал: «На железных дорогах творятся безобразия. Служащие по линии насилуются и терроризируются хулиганами и беспорядочниками. Органы ТОГПУ спят (факт!). Нельзя дальше терпеть это безобразие. Призовите ТОГПУ к порядку. Заставьте его охранять порядок на линии. Дайте директиву ТОГПУ иметь вооруженных людей на линии и расстреливать на месте хулиганов. Где ТОГПУ? Чем он занят? Как может терпеть все это безначалие и безобразие т. Благодетель?»³.

Сталин имел в виду Георгия Благодетеля, совмещавшего в то время посты заместителя наркома путей сообщения и начальника транспортного отдела ОГПУ. Интересно отметить, что Сталин в своем послании ничего не пишет о пассажирах, как объектах насилия, а только о государственных служащих. В письме Кагановичу он не призывал к проведению массовых операций на железных дорогах, но не оставляет сомнения, что он ожидал немедленных результатов. В. Р. Менжинский как глава ОГПУ и Г. И. Благодетель отреагировали на поручение Сталина должным образом, и в результате была проведена первая массовая операция по наведению общественного порядка, продолжавшаяся четыре месяца с апреля по август 1932 г. В ходе этой санкционированной Политбюро операции подразделения ОГПУ объединили усилия с бригадами военизированной железнодорожной охраны и даже с привлеченными комсомольскими активистами с целью очистки железнодорожных станций, поездов и речного транспорта от хулиганов, беспорядочников и мелких ворюшек. В ходе проверок проездных билетов и документов было задержано свыше 49 тыс. «хулиганствующих элементов» и отловлено 13 122 беспорядочника. В общей сложности среди этих двух категорий было проведено 3558 арестов. Еще было арестовано 8288 лиц, задержанных с краденными товарами. Кроме того, 118 085 граждан были оштрафованы за мелкие нарушения общественного порядка или за безбилетный проезд⁴.

Менжинский доложил об окончании этой операции в августе, но поскольку дела арестованных все еще рассматривались в судах, в его докладе отсутствовали сведения о вынесенных им приговорах. Между тем Менжинский предупредил Сталина о том, что, несмотря

³ Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. Г. Дэвис и др. М., 2001. С. 260.

⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов и Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 316–319.

на успешность операции по снижению уровня хулиганства и воровства на транспорте, эти успехи будут временными, если транспортный наркомат не предпримет серьезных профилактических мер по защите железных дорог посредством систематического патрулирования. К сожалению, как отметил Менжинский, железные дороги не в состоянии обеспечить подобную охрану, а профсоюз железнодорожников отказался участвовать в этой работе, настаивая на том, что она входит в обязанности линейных бригад и милиции⁵. Правительство отреагировало на этот доклад, передав значительный контингент сотрудников ОГПУ для постоянной работы на железных дорогах. Уже в июне Совнарком принял решение об объединении внутренних войск ОГПУ с военизированной охраной транспортного наркомата со специальной целью охраны железных дорог на постоянной основе. К началу 1933 г. ОГПУ должно было перебросить 20 тыс. военнослужащих для доведения численности своих сил на железных дорогах до 54 120 человек. Кроме того, Совнарком рекомендовал ОГПУ выделить еще 3251 сотрудника для охранной работы на водном транспорте и 820 человек для охраны нефтеперегонных заводов. Все эти силы оставались в ведении ОГПУ, которое было обязано оплачивать их снаряжение и проживание, но подчинялись начальникам соответствующих железных дорог, к которым они были приписаны, и действовали по их распоряжениям⁶. Сложившаяся ситуация, вероятно, вызывала некоторое возмущение среди сотрудников ОГПУ, но она ясно указывала на совмещение его функций с обязанностями обычной милиции, характерное для 1930-х гг.

Для того чтобы максимально использовать переданные на транспорт силы ОГПУ, Менжинский запросил и получил разрешение Политбюро на проведение, по крайней мере, еще двух массовых операций непосредственно после завершения первой. Вторая операция, вновь нацеленная на борьбу с хулиганством и воровством на железнодорожном транспорте, состоялась в сентябре–ноябре 1932 г. В ходе ее проведения было арестовано 8439 хулиганов и 3224 вора, а также «большое», без указания точной цифры, число социально-опасных элементов и беспризорников. Интересно отметить, что дела 1826 человек, задержанных за хулиганство, были переданы на рассмотрение товарищеских судов, тогда как 2092 хулигана получили реальные, от 3 и более лет, сроки заключения по приговорам обычных судов.

---

⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов и Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 319.

⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1030. Л. 2. См. также: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 2. Л. 217–217об.

а 361 человек был приговорен к смертной казни и расстрелян. Хотя за воровство было арестовано 3224 человека, к заключению было приговорено больше – 3460 человек. Последняя цифра учитывала воров, арестованных до начала этой кампании⁷. Наиболее зловещей стороной данной операции оказалось задержание не указанного точно, но достаточно большого числа лиц, обозначенных в отчетах как социально-опасные элементы или беспризорники. Это число действительно было значительным, если учесть, что только 36 887 лиц, отнесенных к категории социально-опасных, были приговорены к тем или иным видам принудительных работ, включая 6 тыс. человек, отправленных в трудовые лагеря. Остальные, очевидно, были отправлены в трудовые колонии или спецпоселения. Последнее менее вероятно, если учесть, что до 1933 г. спецпоселения предназначались преимущественно для сельскохозяйственных рабочих, депортированных в ходе коллективизации и раскулачивания. Возможно также, что многие были отправлены в местные тюрьмы. Наконец, как отмечено в докладе Менжинского, сотрудники госбезопасности, призванные защищать страну от ее смертельных врагов, оштрафовали примерно 594 тыс. человек за проезд без билетов и другие мелкие нарушения⁸.

Операции подобных масштабов перегружали суды и создавали серьезные задержки с рассмотрением дел арестованных. В этой связи ОГПУ прибегло к старой, проверенной и оправдавшей себя практике. Как и в ходе раскулачивания, массовые кампании на железных дорогах и речном транспорте породили запросы со стороны ОГПУ на разрешение подвергать большое число лиц, особенно отнесенных к категории социально-опасных или вредных, административному аресту и рассматривать их дела во внесудебном порядке «тройками» под контролем ОГПУ. Ягода направил соответствующий запрос во ВЦИК в декабре 1932 г., в котором просил передать тройкам право вынесения приговоров по таким делам, как хулиганство и дебоширство, а также, как ни странно, по «людям, игнорирующим требования охранников на шоссейных и железных дорогах и в специально охраняемых местах». Последняя просьба, вне всякого сомнения, отражала тот факт советской жизни, что массы людей просто игнорировали существовавшие правила и требования местных властей, пытавшихся заставить их соблюдать. Ягода просил, чтобы тройкам было предоставлено право вынесения любых приговоров вплоть до расстрела. Секретарь

---

⁷ В этом заключалась специфика советской системы, в которой человек, не будучи формально арестованным, мог быть обвинен, его дело могло быть рассмотрено в суде и ему вынесен приговор.

⁸ Лубянка. Сталин... С. 343–344.

ВЦИК Абель Енукидзе согласился на создание троек как таковых, но вычеркнул из проекта Указа разрешение тройкам приговаривать арестованных к расстрелу⁹. Последнее отвечало стремлению власти восстановить централизованный контроль за применением государственного насилия и особенно за вынесением смертных приговоров. Важно отметить, что проведенные «чистки» создали прецедент, указывающий на то, как власти намерены обращаться с людьми, отнесенными к достаточно расплывчатой категории «антисоциальных» и «социально-вредных» элементов, составлявших самую многочисленную группу среди задержанных и арестованных в ходе операций на железных дорогах. Из кратких отчетов неясно, кто точно попадал в эту категорию, но милиция и органы госбезопасности продолжали использовать и расширять ее на протяжении всего десятилетия.

ОГПУ считало операцию против хулиганов своим значительным достижением, причем настолько серьезным, что Менжинский запросил разрешение на увеличение численности специальных сил ОГПУ в феврале 1933 г. Обосновывая свой запрос, Менжинский ясно дал понять, что ОГПУ убедилось в особой эффективности «внесудебных методов обращения или, говоря точнее, расправы с деклассированным хулиганско-бандитским элементом». Поэтому ОГПУ продолжило проведение массовых операций, причем не только в феврале. В марте 1933 г. Политбюро снова рекомендовало провести операцию по очистке железных дорог с применением административных арестов и приговоров во внесудебном порядке, сосредоточив на этот раз особое внимание на железных дорогах Украины, Северного Кавказа, Юго-Восточной области и Казахстана. Как и прежде, эти операции были нацелены на очистку дорог от «классово-чуждых, контрреволюционных и продажных антисоветских элементов» и предупреждение их проникновения на пути сообщения¹⁰. Они совпали по времени с организацией на железных дорогах политотделов по образу и подобию уже существовавших на селе политотделов МТС. ОГПУ и органы милиции продолжали применять тайные методы сыска в борьбе с организованными перевозками краденых и контрабандных товаров и против организованных преступных групп, использовавших железные дороги и почту в преступных целях. Но наиболее эффектные или, по крайней мере, заметные для публики результаты достигались посредством оперативных «чисток». В отсутствие регулярной и эффективной работы

---

⁹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1356. Л. 1–2.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 103. В документе не содержится информации о том, сколько таких лиц было задержано и куда они были отправлены.

милиции, оперативные группы ОГПУ постоянно занимались очисткой железнодорожных грузовых дворов, станций, других учреждений и поездов от уголовных банд и бродяг. Порой сотрудники ОГПУ вынуждены были даже заниматься проверкой проездных билетов и транспортных накладных.

Операции против хулиганов на железных дорогах стали первыми в числе проводившихся в 1930-х гг. кампаний, получивших название «кампании социальной или общественной защиты». Они также стали одним из первых примеров использования органов госбезопасности и внутренних войск не в борьбе с политическими противниками или с предположительно враждебными классами, а в кампаниях по охране общественного порядка. Эти операции отличались от кампаний раскулачивания тем, что представляли собой отдельные мероприятия, которые проводились по особым приказам и под контролем профессиональных сотрудников госбезопасности. Они не сопровождались никакими заметными пропагандистскими кампаниями или попытками привлечения к ним широких слоев общественности. Они были нацелены не на изменение общественно-экономических отношений, а исключительно на охрану общественного порядка и на защиту государственных интересов и собственности. В ходе операций на железных дорогах не проводились массовые репрессии, масштабы которых были бы сопоставимы с кампаниями по раскулачиванию, но тем не менее они включали аресты многих людей и вынесение им приговоров в административном порядке. Арестованные и задержанные во время этих операций лица были не только нарушителями определенных статей закона, но и просто попадали в категорию социально-опасных или были беспризорниками. Эти кампании стали не единственным и не последним случаем вмешательства органов госбезопасности в решение задач наведения и охраны общественного порядка. Напротив, они стали типичным, можно сказать, образцовым примером полицейских методов управления обществом, ставших характерными для середины 1930-х гг. Операции на железных дорогах были только началом. За ними последовали более масштабные кампании, ставшие следствием хаоса в обществе, порожденного политикой власти.

Угроза городам

К концу 1932 г. в результате форсированной коллективизации и раскулачивания в стране сложилась критическая и даже угрожающая режиму ситуация. Эти беспощадные кампании, вследствие которых стало не хватать продовольствия в деревне, была согнана

с земли значительная часть сельского населения¹¹. Сотни тысяч людей, избежавших депортации, покидали деревни и поселки, если им удавалось прорваться через милицейские патрули и заставы. Многие из них устремлялись в города и промышленные районы, где системы распределения продуктов и так уже работали с большим напряжением. Только в 1931 г. в городах было официально зарегистрировано 10,8 млн вновь прибывших жителей, а еще 10,6 млн прибавилось в 1932 г. Зарегистрированное число убывших из городов за эти годы составило 6,7 и 7,8 млн человек соответственно. Таким образом, чистый прирост городского населения составил почти 4 млн в 1931 г. и около 3 млн в 1932 г.¹² Многие, но не все эти мигранты прибыли в города из сельской местности. Общее сокращение числа домовладений в деревне в 1929–1932 гг. составило всего около 1 млн. Это означало, что многие люди кочевали из города в город, скорее всего в поисках пропитания и работы¹³. Но так или иначе, и независимо от того, откуда появлялись приезжие – из сельской местности или других городов, они оказывали серьезное давление на городские ресурсы продовольствия и жилья. Последствия этого были вполне предсказуемыми. В ряде городов вспыхнули серьезные беспорядки, вызванные дефицитом продовольствия. В белорусском городе Борисове несколько сотен человек атаковали зернохранилища, частыми стали демонстрации женщин и детей. Органы госбезопасности и милиция сообщали о забастовках и демонстрациях, проходивших в других городах. Самые серьезные стачки происходили в центре текстильной промышленности – городе Иваново. Кое-где толпы людей нападали на местные отделения милиции и ОГПУ. Но самым тревожным сигналом для руководства страны стало то, что в ряде мест милиция сочувствовала демонстрантам¹⁴. Все

---

¹¹ Gijs Kessler. *The Peasant and the Town: Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1940*. Ph.D. diss. European University Institute, Florence, 2001. P. 57, 59. Более подробные сведения об этих кампаниях и их последствиях можно найти в работах: Andrea Graziosi. *The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933*. Cambridge, Mass., 1996; Eugene Kulischer, *Europe on the Move: War and Population Changes, 1917–1947*. New York, 1948. Esp. P. 88–98; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М., 1994; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 томах. Редкол.: Зеленин И. (отв. ред.) и др. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 32–33, 634; Sheila Fitzpatrick. *The Great Departure: Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1933* // *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / ed. William G. Rosenberg and Lewis H. Siegelbaum. Bloomington, Ind. 1993. P. 15–40.

¹² Kessler. *The Peasant and the Town*. Табл. А–3. Сводка статистических данных за 1936 г.

¹³ *Ibid.* P. 59.

¹⁴ *Ibid.* P. 133–134. Jeffrey J. Rossman. *The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender, and Identity Politics in Stalin's Russia*. *Russian Review*. 56/1. 1997. P. 44–69.

эти тревожные события усугубил значительный неурожай зерновых, ставший очевидным в конце лета. В результате были сорваны государственные планы заготовок зерна, начался новый отток жителей из деревни и возник дефицит продовольствия в городах. Запасы зерна в городских хранилищах сократились на 16 % по сравнению с и так невысоким уровнем 1931 г., и это произошло на фоне растущего населения городов в конце лета и осенью 1932 г.¹⁵ Поздней осенью в стране начался голод, который продолжался с ноября 1932 до июня 1933 г., унеся жизни почти 5 млн человек. Уже в конце 1932 г. массы людей устремились из районов голода.

Государственные и партийные лидеры были встревожены наплывом людей в города, так как это не только грозило ростом социального напряжения, но и перегружало новыми потребителями государственную карточную систему распределения продуктов. Возникли также проблемы расселения растущего населения городов в условиях остро-го недостатка жилья. Все это происходило в то время, когда города испытывали огромный дефицит товаров, основных продуктов питания и услуг. Волнения в городах представляли для власти серьезную угрозу, и в конце лета руководство страны решило, что настала пора действовать, чтобы защитить города и промышленные центры. Ранней осенью был принят ряд мер, направленных на укрепление трудовой дисциплины и усиление контроля карточной системой распределения продуктов с целью подавления в ней коррупции. Например, в октябре 1932 г. ЦИК СССР разослал местным Советам директиву, предписывавшую обеспечивать продуктами карточками только людей, занятых производительным трудом и имеющих постоянную прописку по месту жительства¹⁶. Но исполнение этой директивы натолкнулось на неспособность местных властей контролировать миграцию населения. Исследование, проведенное летом того же года российским республиканским статистическим управлением, выявило очевидное. Серьезные недостатки системы регистрации и прописки граждан позволяли большому числу людей оседать в городских районах без соответствующих разрешений¹⁷. Столкнувшись с этой ситуацией, Политбюро приняло решение, устанавливающее стратегию дальнейших действий одновременно в двух направлениях – по очистке горо-

---

¹⁵ Kessler. The Peasant and the Town. P. 135.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А–374. Оп. 23. Д. 198. Л. 24. О последствиях недостатков в паспортной системе см.: Письмо В. А. Балицкого в Центральный Комитет от 23 ноября 1932 г. в статье: Изменения паспортной системы носят принципиальный характер. Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // Вестник архивов, 1997. № 6. P. 104.

дов от маргинальных слоев населения и по воспрепятствованию массовому оттоку крестьян из сельских районов страны.

Правительственные постановления, реализовывавшие эту стратегию, заслуживают более внимательного прочтения, поскольку они узаконивали масштабные репрессии в качестве средства наведения и охраны общественного порядка. Первое из них, изданное 15 ноября 1932 г., предписывало разгрузить важнейшие города, особенно Москву и Ленинград, от «лишних людей, не занятых производительным трудом на промышленных предприятиях и в учреждениях». Эта мера предполагалась как составная часть внедрения новой системы идентификации граждан на основе внутренних паспортов и ужесточения системы прописки по месту жительства с соответствующими отметками в паспорте. Важно заметить, что это постановление было нацелено не только или даже не столько на очистку городов от классовых врагов вроде кулаков, но и содержало подробный перечень социально бесполезных слоев населения, включая «уголовников и антиобщественный элемент». Интересно, что в постановлении пока еще шла речь об антиобщественных, но не о социально-опасных элементах. Эта более жесткая терминология появилась только в более поздних документах¹⁸. Эти слои населения должны были быть вычищены из городов и не допускаться в них в дальнейшем благодаря введению новой, более жесткой системы паспортизации и прописки. Не менее важно отметить тот факт, что это постановление и последовавшие за ним оперативные приказы предписывали тесную кооперацию милиции и органов госбезопасности при проведении операций по очистке городов от названных выше категорий населения. Точно так же серия распоряжений, изданных в январе 1933 г., настаивала на взаимодействии милиции и органов госбезопасности в операциях по перекрытию маршрутов миграции населения из районов, охваченных голодом. Применявшиеся для этого меры включали проведение облав на шоссе и, главным образом, на железных дорогах. Кроме того, местным властям и милиции было предписано не выдавать разрешения крестьянам на отъезд из деревень. Был также введен запрет на продажу проездных билетов гражданам без предъявления ими письменных разрешений с места работы или от местных органов власти¹⁹. Иными словами, власти пытались справиться с неконтролируемой миграцией населения с помощью откровенных полицейских репрессий, направленных как на деревню, бывшую главным источником мигрантов, так и на города, в которые они главным образом устремлялись.

---

¹⁸ Изменения паспортной системы... С. 104; Лубянка. Сталин... С. 339–340.

¹⁹ Лубянка. Сталин... С. 391–394; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 634–638.

Терминология, используемая в директивах, касающихся прекращения миграции населения из сельских районов, и в оперативных сообщениях об их исполнении, свидетельствует о том, что в то время режим сосредоточил значительное внимание не только на классовой борьбе, но и на обеспечении общественного порядка. Карательным органам предписывалось задерживать не «кулаков», а «крестьян», пытавшихся бежать из охваченных голодом областей Украины и Северного Кавказа, чтобы добраться до городов или до обеспеченных зерном центрально-черноземного и западного регионов страны. Итоговый доклад, подготовленный в конце января, привычно объявлял бегство крестьян провокациями, организованными контрреволюционными агитаторами и польскими агентами. Сообщалось о значительных усилиях, направленных на борьбу с этими классовыми и антисоветскими врагами. Но вместе с тем в том же докладе приводятся данные, согласно которым лишь малая доля задержанных в ходе облав оказалась бывшими кулаками или белогвардейцами. Таких, например, из 11 674 лиц, задержанных на Северо-Кавказской железной дороге, было выявлено всего 659 человек. Из 5 тыс. человек, задержанных черноморским оперативным отделом ОГПУ, 1216 были признаны контрреволюционерами²⁰. Органы правопорядка не предпринимали карательных действий в отношении подавляющего большинства задержанных мигрантов, а просто возвращали их домой в родные деревни. Иными словами, подобная репатриация задержанных означала, что власть не видела в них классового врага, хотя во многих случаях возвращение их домой было равноценно вынесению смертного приговора, учитывая голод, царивший в их местностях. Так или иначе, но эти операции, наряду с операциями по борьбе с хулиганством на железных дорогах, были одними из первых, в ходе которых население стало объектом массовых репрессий, нацеленных на восстановление социально-экономического порядка в стране. Одна из наиболее масштабных операций данного типа была проведена в конце января 1933 г. на украинских и белорусских железных дорогах. Она продолжалась в течение недели, и в ходе ее проведения было задержано около 25 тыс. человек, из которых 16 тыс. были возвращены в родные деревни, 1016 человек были арестованы, а расследования в отношении остальных к моменту представления доклада, из которого взяты эти сведения, еще не были завершены²¹.

Указанные операции против миграции вовлекли органы госбезопасности в решение проблем охраны общественного порядка и за-

---

²⁰ Лубянка. Сталин... С. 393.

²¹ Там же.

ставили их еще теснее взаимодействовать с милицией. На Украине, как и повсюду, эти операции проводились разными группами, но во всех случаях ими руководили специальные оперативные группы или оперативные отделы ОГПУ. Эти межрайонные оперативные подразделения состояли из 20–25 сотрудников ОГПУ, которые совместно с сотрудниками местных отделов и политотделов МТС проводили облавы на дорогах с целью задержания беглых крестьян. Важно отметить, что они также привлекали сельскую агентуру ОГПУ к выявлению «организаторов и агитаторов», провоцировавших крестьян к бегству. Иными словами, оперативные отделы одновременно занимались индивидуальным сыском с использованием осведомителей и проводили массовые облавы на дорогах, задерживая людей без разрешительных документов. В качестве помощников они привлекали местную милицию, и даже комсомольцев и сотрудников местных госучреждений. Главная цель заключалась в том, чтобы создать заслоны на основных маршрутах миграции крестьян, пытавшихся бежать из Восточной Украины и Северного Кавказа в Причерноморье и Дагестан. При проведении аналогичных операций подвижные оперативные группы из сотрудников транспортного отдела ОГПУ действовали на железнодорожных линиях, в поездах и на вокзалах. Эти группы, учитывая их ограниченную численность, сосредоточили основное внимание на проведении рейдов на ключевых железнодорожных узлах и станциях, служивших «сборными пунктами» для бежавших крестьян. Милиция и ОГПУ также проводили совместные облавы в городах с целью отлова незаконно осевших там без прописки крестьян²². Иностранные консульские службы уже в августе 1932 г. сообщали о проведении крупных милицейских операций по выдворению из Москвы и Харькова* бездомных попрошайек, проституток и голодающих крестьян²³.

Как и в ходе других массовых операций, количество задержанных было слишком велико, чтобы обычные суды могли справиться с рассмотрением заведенных на них дел, и ОГПУ получило разрешение на вынесение приговоров тройками в административном порядке. Но к началу 1933 г. тройки ОГПУ также оказались перегруженными, и милиция взялась им помогать, впервые учредив собственные милицейские тройки. Такие тройки, действовавшие на городском или област-

---

²² Лубянка. Сталин... С. 392–393.

* Иностранные консульства на Украине располагались в Харькове, являвшемся тогда столицей Украинской ССР. – *Примеч. пер.*

²³ Graziosi. Lettere da Kharkov: La Carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani. Turin, 1991. P. 109–110. Цитируется по книге Kessler. The Peasant and the Town. P. 136.

ном уровнях, вскоре стали широко распространенным инструментом наказания нарушителей паспортного режима. Они состояли из представителя ОГПУ, начальника оперативного отдела и начальника милиции области, однако последнего вскоре сменил начальник вновь образованного областного паспортного отдела. Как и в случае троек при раскулачивании, предполагалось, что за работой милицейских троек должна была надзирать соответствующая прокуратура. Эти тройки начали действовать в ходе кампаний против незаконной миграции, а затем превратились в постоянный орган, рассматривавший дела о нарушениях паспортного режима. Итоговый отчет, датированный февралем 1933 г., сообщает о 145 190 задержанных беглецах, из которых 108 478 были возвращены на прежние места проживания, 18 448 человек привлечены к различным видам уголовной или административной ответственности, немногим более 3 тысяч были немедленно сосланы в Западную Сибирь или Казахстан, а еще 11 659 человек были подвергнуты предварительному заключению до выяснения принадлежности их к кулакам или иным антисоветским элементам²⁴. В другом итоговом отчете по результатам этих операций, относящемся к середине марта, приведены иные цифры, согласно которым число задержанных составило 219 460 человек, из которых 185 588 были возвращены на места постоянного проживания²⁵.

Кампании паспортизации

Кампании борьбы с хулиганством и неконтролируемой миграцией завершились арестами и задержаниями многих десятков тысяч людей. Однако главным инструментом властей в борьбе с бесполезными, уголовными и маргинальными элементами стали паспортная система и институт прописки. Начиная с середины 1932 г. именно эти слои представлялись властям наиболее серьезной угрозой, поскольку, наводняя города, они вносили серьезные нарушения в государственные системы обеспечения граждан жильем, поставок продовольствия и распределения товаров. Вводя гражданские паспорта и реформируя систему регистрации граждан по месту жительства, советские руководители рассчитывали одновременно защитить городское работающее население, представлявшее основную базу их поддержки, и сохранить способность планировать и контролировать системы торговли и распределения товаров. В решении Политбюро

---

²⁴ Не считая еще 3596 человек, не включенных в отчетность. Мозохин О. Б. Право на репрессию. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности с 1918 по 1953 г. М., 2006. С. 129–131.

²⁵ Лубянка. Сталин... С. 810. Ссылка 110.

от 15 ноября 1932 г. эти цели были сформулированы в общем виде, а в следующем постановлении Совнаркома, принятом 15 декабря, специально подчеркивалось, что паспорта вводятся «для лучшего учета и чистки населения СССР»²⁶.

Ноябрьское решение Политбюро предусматривало создание комиссии, которой поручалось детально проработать новый Закон о паспортах. Неудивительно, что комиссию поначалу возглавил ответственный сотрудник ОГПУ В. А. Балицкий. Вскоре ему пришлось отправиться на Украину в качестве специального представителя ОГПУ с особыми полномочиями. Балицкий возглавил украинское ГПУ во время жестокого голода и руководил им вплоть до 1937 г. Он отбыл из Москвы сразу после того, как провел первое заседание комиссии в конце ноября, после чего обязанности ее председателя перешли к Авелю Енукидзе. Но в самой комиссии доминировали представители ОГПУ, включая самого Ягоду, заместителя начальника главной инспекции милиции ОГПУ Д. В. Усова и заместителя председателя ОГПУ Г. Е. Прокофьева, вскоре назначенного первым начальником всесоюзного Главного управления РКМ²⁷.

Комиссия работала быстро, и, изучив паспортные системы, действовавшие в царской России и других странах, уже 27 декабря представила окончательную редакцию проекта нового закона. Закон обязывал всех граждан старше 16 лет, постоянно проживающих в городах, рабочих поселках и совхозах, получить паспорта и зарегистрировать их в местных отделениях милиции с целью прописки по указанному в паспорте адресу. На селе паспорта предполагалось выдавать работникам МТС и транспортной системы. Лица, проживавшие в паспортизированных районах без зарегистрированных паспортов, подлежали штрафам или высылке. Нарушители паспортного режима, пойманные вторично, подвергались более суровым наказаниям в виде тюремного заключения или ссылки. В паспортизированных районах нельзя было принимать на работу людей, не имеющих паспортов, а сами работники были обязаны регистрировать паспорта по месту службы. Всякий сотрудник, принятый на работу на законных основаниях, но не имевший паспорта, должен был получить временный паспорт, который потом менялся на постоянный. Военнослужащие армии и внутренних войск ОГПУ попадали в особую категорию. Ранее выданные паспорта изымались у них командованием части, а взамен выдавались особые удостоверения или справки, действовавшие вместо паспортов в течение всего срока службы. В то время существовали и другие категории милитаризированных предприятий и учреждений, прежде

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1096. Док. 15.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 909. Л. 107.

всего железнодорожных, работников которых надежно привязывало к месту службы отсутствие у них на руках паспортов, хранившихся в отделах кадров.

По указанию Политбюро паспортизация населения должна была проводиться в первую очередь в трех главных городах страны – Москве, Ленинграде и Харькове, которые были особенно наводнены мигрантами, а также в прилегающих к ним территориях в радиусе 100 км вокруг первых двух и 50 км вокруг третьего. После этого комиссия по подготовке закона о паспортной системе предлагала распространить паспортизацию на города первой категории – Киев, Минск, Ростов-на-Дону и Владивосток, а затем на такие промышленные центры, как Кузнецк, Сталинград и Баку. В общей сложности первая очередь паспортизации должна была охватить 13 городов и приграничных районов. Комиссия предполагала в 1933–1934 гг. провести паспортизацию и в других городах, приграничных, стратегически важных и промышленных областях страны²⁸. Важным положением нового закона стало создание ГУ РКМ для проведения паспортизации населения, действовавшего под контролем ОГПУ. Во всех отделениях милиции следовало создать паспортные столы, занимавшиеся выдачей и проверкой паспортов и выдававшие разрешения на прописку²⁹.

14 января 1933 г. комиссия и вновь созданное ГУ РКМ выработали подробные инструкции по проведению паспортизации. В дополнение к опубликованному Закону, ГУ РКМ разослало в местные управления милиции и ОГПУ ряд секретных инструкций, в которых было подробно расписано, кто и при каких условиях имел, а кто нет, право на получение паспорта и прописки, что делать в отношении лиц, которым было отказано в выдаче паспортов и в разрешениях на прописку. В этих инструкциях были впервые установлены различия в подходах к паспортизации между городами и территориями первой («режимной») категории и остальными областями страны. Первоначально в перечень режимных городов входили только Москва, Ленинград и Харьков, но вскоре этот перечень был распространен на целый ряд других городов и приграничных территорий. На нережимных территориях паспорта следовало выдавать всем гражданам, кроме осужденных по уголовным статьям и беглых кулаков. На режимных же территориях паспортизация была намного более ограниченной. Милиция должна была отказывать в выдаче паспортов и разрешений на прописку целым категориям маргинальных групп населения. К ним относились «лица, не занятые на производстве, не работаю-

²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 1–10.

²⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 15.

щие в учреждениях или учебных заведениях или не занимающиеся иным, общественно полезным трудом». В этот перечень был включен и ряд других категорий граждан, в частности, все лица, прибывшие на режимную территорию после 1 января 1931 г. и не имевшие официального письменного приглашения на работу; не имевшие работы на момент паспортизации; «явные летуны», по не вполне ясной формулировке инструкции, и граждане, уволенные с предыдущего места работы. В режимных районах не следовало выдавать паспорта и прописывать так называемых лишенцев, т. е. лиц, лишенных гражданских прав, имевших криминальное прошлое, кроме находившихся на иждивении граждан, проходящих действительную военную службу. Наконец, права на получение паспортов в режимных районах были лишены все мигранты, за исключением официальных политических иммигрантов, а также все без исключения члены семей граждан, которым было отказано в выдаче паспортов по причинам, перечисленным выше³⁰.

Специальные инструкции касались паспортизации сезонных рабочих из числа колхозников. Вокруг этой категории развернулись оживленные споры, поскольку Ягода стремился ужесточить ограничения на миграцию «неорганизованных» или маргинальных и опасных групп населения. В первоначальной редакции инструкции предусматривалось, что сезонные рабочие или так называемые «отходники» должны получать временный паспорт сроком на 3 месяца при условии предъявления ими официального приглашения на работу от нанимающего предприятия и справки-разрешения, выданной правлением колхоза или сельсоветом по месту постоянного проживания. Этот временный паспорт давал им право на жительство. По истечении трех месяцев его обменивали на годичный временный паспорт, который затем продлевался на срок от 3 до 5 лет. Поначалу временные паспорта отходникам выдавали отделения милиции, на территории которых находились предприятия, принимавшие их на работу. Но в феврале 1934 г. в качестве первой из многих мер по контролю миграции населения стало предписание милиции покончить с подобной практикой. Теперь временные паспорта отходникам должны были выдавать местные Советы по месту постоянного проживания крестьян до их убытия в паспортизированные области³¹.

Милиция планировала провести паспортизацию в главных городах страны в два этапа. На первом этапе предполагалось выдать паспорта работникам крупных предприятий и учреждений с числом работающих свыше 2 тыс. человек. На втором этапе паспорта долж-

---

³⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 15.

³¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 9. Л. 33.

ны были выдаваться всем, кто не получил их по месту работы. В их число входили работники малых предприятий и служащие небольших учреждений, иждивенцы, пенсионеры, престарелые и инвалиды. Милиция поручила предприятиям составить и до начала паспортизации представить ей списки всех работающих, указав биографические данные и сведения о предыдущих местах работы каждого сотрудника. На предприятиях были созданы временные паспортные столы, занимавшиеся выдачей паспортов, в то время как во всех отделениях милиции следовало организовать постоянные паспортные столы, контролирующие паспортизацию и прописку граждан на подведомственных территориях. Паспорта выдавались гражданам на основании любого документа, подтверждавшего их происхождение, рабочую биографию и места проживания. Все эти сведения, заодно с любой компрометирующей информацией, заносились в учетную карточку гражданина, хранившуюся в картотеке паспортного стола отделения милиции. Со временем эти карточки копировались для включения в картотеку вышестоящих органов милиции. Граждане были обязаны регистрироваться в паспортном столе отделения милиции по месту жительства и сниматься с учета при отъезде.

Предполагалось, что паспортизация послужит средством как пассивного, так и активного управления обществом. Пассивным средством был отказ в выдаче паспортов нежелательному населению. Каждый человек, которому на режимной территории было отказано в выдаче паспорта, был обязан в десятидневный срок покинуть эту территорию, уведомив милицию о том, где он намерен поселиться. Имелось в виду, что всякий, кто не имел права на получение паспорта на режимной территории, мог переселиться в нережимный район страны и там получить паспорт. Беспаспортные граждане, не покинувшие режимную территорию в установленный срок, штрафовались и выселялись милицией в принудительном порядке. Проверка документов в процессе паспортизации также предполагала выявление бывших осужденных или беглых кулаков, отваживавшихся попытаться получить паспорта и разрешения на прописку. Впрочем, милиция ожидала, что эти нелегалы скорее предпочтут покинуть запретную территорию, нежели рисковать быть пойманными при проверке документов. В любом случае поставленная задача по очистке территории от нежелательных элементов будет решена, и милиция надеялась, что со временем все нелегалы будут отловлены, не сумев просочиться через все более мелкое сито проверок, охватывавших территорию страны по мере распространения паспортизации.

Такой подход казался достаточно эффективным, но органы госбезопасности и милиция не желали пассивно наблюдать за тем, как паспортная система справляется с решением этой задачи. В начале 1933 г. в ходе подготовки к введению паспортов они предприняли

ряд активных наступательных действий, направленных на выявление, задержание и удаление из городов нежелательного населения. В Москве, например, этот процесс был запущен секретным приказом по ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. «О чекистских мероприятиях по проведению паспортной системы», который Ягода издал, не дожидаясь, пока комиссия закончит детальную проработку готовившегося закона о паспортах. Приказ требовал от всех отделов и управлений ОГПУ и милиции по Москве и Московской области «с особым вниманием отнестись к проведению операции по очистке города от контрреволюционных, кулацких, уголовных и других антисоветских элементов». Им предписывалось в установленные сроки составить списки указанных элементов, подлежащих удалению из Москвы, по прилагавшейся к приказу форме и передать их для дальнейшей проработки, проверки и объединения в оперативный отдел ОГПУ и полпредство ОГПУ по Московской области³². В списки следовало включить всех лиц, «проходивших по оперативным материалам (литерные дела, дела-формуляры, агентурные разработки, данные учета и пр.)». Одновременно им было приказано представить особые списки лиц из числа указанных нежелательных элементов, но подлежащих оставлению в Москве по оперативным соображениям (агентура, фигуранты агентурных разработок и т. п.). В эти списки следовало включить только действительно необходимых для оперативной работы лиц, ставя себе задачей максимальное освобождение (и удаление из Москвы) от малоценной, неработоспособной и неквалифицированной агентуры и фигурантов малоценных разработок.

Паспортизация главных режимных территорий страны проходила в период с января по конец апреля 1933 г. За это время милиция выдала 6 596 514 паспортов в 13 режимных городах страны, а также в Московской и Ленинградской областях. Было отклонено примерно 266 тыс. заявок на получение паспортов, то есть примерно 4 % от общего числа желающих. Самую крупную по численности группу «отказников» составили 76 670 граждан, переселившихся в города в 1931–1932 гг., не имевших общественно-полезных занятий. Другие категории социально-нежелательных граждан составляли беглые кулаки (60 508 человек), бывшие преступники (34 338), «лишenci» (21 926), лица, не занимавшиеся общественно-полезным трудом (34 851), а также лица, находившиеся на иждивении перечисленных выше категорий граждан (28 379). Еще 7310 человек были арестованы и отправлены в тюрьмы в результате проведенных милицией об-лав³³. Все эти граждане, которым было отказано в выдаче паспортов,

---

³² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 1.

³³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 71.

были либо задержаны и высланы, либо принуждены к добровольному отъезду из режимных городов.

По мере того, как паспортизация набирала ход, и разворачивались милицейские операции по зачистке городов, из них начался массовый исход населения. По милицейским сообщениям, Москва пустела со скоростью 1 тыс. человек в день. К концу апреля 1933 г. население столицы сократилось на 98 тыс. человек по сравнению с январем того же года. Но как отмечалось в докладе ОГПУ, важнее всего было то, что в результате отказов в выдаче паспортов, проведенных операций по зачистке и «добровольного» отъезда граждан в Москве высвободилось как минимум 1673 комнаты, пригодные для заселения. В Ленинграде паспортизация «высвободила» 3380 комнат в коммунальных квартирах³⁴.

«Чистки» в режимных районах, следовавшие за паспортизацией, также дали серьезные результаты. За период с лета 1933 до лета 1934 г. милицией было задержано 630 613 нарушителей паспортного режима, нелегально обитавших в этих районах, в дополнение к тому большому количеству, которое выявила паспортизация зимы–весны 1933 г. Большинство из них, а именно более 360 тыс., были оштрафованы и высланы из режимных городов. Еще 3400 человек были арестованы, а их дела отправлены на рассмотрение в суды. Органы ОГПУ подвергли 65 661 человека различным мерам «социальной защиты», что означало отправку их в лагеря или на принудительные работы в трудовые поселки ОГПУ. Большинство репрессированных подобным образом составляли лица, подпадавшие под категорию «деклассированных и криминальных элементов»³⁵.

Первоначальные успехи, достигнутые в Москве, Ленинграде и других режимных городах, подтолкнули милицию и партийное руководство к началу второго и третьего этапов паспортизации населения. В апреле Совнарком дал на это добро. Главное управление милиции заказало миллионы бланков паспортов, зарегистрировало их номера, разослало бланки в местные отделения и направило своих уполномоченных и специальные подразделения на места, чтобы следить там за подготовкой к выдаче паспортов. Власти открыли публичные просветительские кампании с тем, чтобы подготовить группы населения, подлежащие паспортизации. Между тем, Г. Е. Прокофьев разослал местным органам милиции и ОГПУ секретные приказы приступить к операциям по зачистке подведомственных территорий³⁶. Так эти органы готовились к важнейшей кампании социальной инженерии.

---

³⁴ Там же. Л. 72–73.

³⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 27.

³⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 46.

Частью этой кампании стал новый приказ Ягоды, упорядочивавший репрессивные меры, связанные с паспортизацией. Когда милиция приступала к ее первому этапу, она располагала только не очень четкими инструкциями центрального руководства относительно наказания нарушителей. В результате первые кампании паспортизации породили многочисленные претензии на местах со стороны как граждан, так и местных прокуроров о произволе и жестокости наказаний, применявшихся к нарушителям паспортного режима и к тем, кому было отказано в выдаче паспортов. Во избежание последующих протестов Ягода издал Приказ № 0096 от 13 августа 1933 г., детально расписавший правила внесудебных репрессий в отношении граждан, нарушающих законы о паспортизации населения. Приказом были учреждены специальные «паспортные тройки» республиканского, краевого и областного уровней для рассмотрения дел и наказания нарушителей паспортного законодательства. Тройки возглавляли полномочные представители ОГПУ по контролю работы местной милиции, а членами назначались начальники паспортных отделов милиции и оперативных отделов ОГПУ. Надзор за деятельностью троек осуществляли местные прокуратуры. Тройки рассматривали дела нарушителей паспортного режима по спискам, составленным местными органами соответствующей республики (края, области). Они выносили приговоры, которые направляли на утверждение центрального карательного органа ОГПУ – *особого совещания*, находившегося в Москве.

Этим приказом Ягоды устанавливались наказания для нарушителей паспортного режима, подразделенных на следующие четыре категории: 1) лица, не занятые полезным трудом, и дезорганизаторы промышленности; 2) лишенцы и кулаки; 3) лица, выпущенные из тюрем, или отбывшие сроки ссылки, но лишенные права проживания в тех городах, из которых они были высланы; 4) уголовники и другие асоциальные элементы. Последняя категория подлежала отправке в трудовые лагеря на срок до трех лет. Лиц, отнесенных к первым трем категориям, следовало высылать в специальные исправительные поселки или на поселение за пределами тридцатикилометровой зоны вокруг паспортизируемого города. Приказ предусматривал особо жесткие меры наказания для любой из этих четырех категорий, повторно нарушивших закон о паспортизации. Они подлежали заключению в трудовые лагеря на срок до трех лет³⁷. Интересно отметить, что приказ не содержал никаких разъяснений в отношении того, как определять «асоциальность» того или иного человека или

---

³⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 48. Л. 202–204.

какие занятия следует считать «общественно бесполезными». Все отдавалось на усмотрение местных властей, прежде всего органов, занимавшихся паспортизацией. Таким образом, человек, получивший отказ в выдаче паспорта и сосланный в спецпоселение, совершенно не обязательно должен был быть замешан в совершении какого-либо преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Аналогичные правила действовали в отношении «лишенцев», которые становились объектами репрессий, вовсе не нарушив никаких законов. Таким образом, репрессии в ходе паспортизации расширили права ОГПУ на применение административной высылки граждан. При этом было подтверждено, что продолжал действовать давний, принятый еще в конце 1924 г. закон, распространивший формы репрессий, применяемые к уголовникам, на социально-нежелательных лиц, не нарушавших никаких законов. Подобная практика особенно широко распространилась в ходе полицейских кампаний середины 1930-х гг.³⁸

Второй и третий этапы паспортизации начались весной и летом 1933 г. Оперативные приказы дали старт кампаниям изъятия населения, проводившимся органами милиции и ОГПУ по всей территории Советского Союза, и к концу августа 1934 г. милиция завершила первоначальную паспортизацию всех намеченных районов РСФСР. В ходе этой кампании было выдано 27 009 559 паспортов. Из этого числа около 12 млн паспортов получили жители режимных городов и почти 15 млн – граждане, проживавшие в нережимных городах и в сельской местности³⁹. Как и на первом этапе паспортизации, выдача паспортов, прописка граждан по месту жительства и специальные операции по чистке «паспортизируемых» районов от нежелательных обитателей привели в движение большие массы маргинального населения страны. Сотни тысяч человек покидали режимные города и промышленные центры или вследствие отказа в выдаче паспортов, или в ожидании начала паспортизации. В докладе начальника паспортного отдела российской милиции Фокина, представленном Верховному Совету РСФСР в августе 1934 г., указывалось, что в республике было отказано в выдаче паспортов 384 922 лицам, что составляло немного более 3 % от общего числа граждан, паспорта получивших. В приграничных районах Восточной Сибири отказы в выдаче паспортов получили около 11 % населения. В результате эти граждане были высла- ны или были вынуждены добровольно покинуть места проживания⁴⁰. В одном из отчетов сообщалось, что примерно 35 тыс. человек поки-

---

³⁸ См. обсуждение этого закона во время пересмотра УК в июле 1934 г.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1523. Л. 19–20.

³⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 31.

⁴⁰ Там же. Л. 30.

нули город металлургов Магнитогорск еще до начала паспортизации, а 1500 «паразитических элементов» были задержаны милицией и высланы из города в ходе кампании выдачи паспортов⁴¹.

К концу лета 1934 г. милиция уже могла оценить долговременные тенденции миграции населения в результате паспортизации. Как и прежде, руководство уделяло особое внимание Москве и Ленинграду. По официальным оценкам, в 1932 г., т. е. за год до начала паспортизации в Москву ежемесячно прибывало от 40 до 45 тыс. переселенцев, в результате чего численность населения города выросла более чем на полмиллиона человек: с 3 135 000 до 3 663 300 человек. К началу 1934 г. в результате паспортизации и ужесточения правил прописки население города сократилось до 3 613 000 человек. Чистый отток населения, составивший всего 50 тыс. человек, тем не менее оказался весьма значительным, если сопоставить его с прогнозами роста численности населения Москвы в отсутствие паспортизации. По оценкам милиции, на 1 января 1934 г. численность населения города оказалась на 578 тыс. человек меньше той, что ожидалась при сохранении темпов прироста, наблюдавшихся за год до введения паспортов в 1932 г. Аналогичным образом численность населения Ленинграда за период с 1 января 1933 до 1 января 1934 г. реально сократилось на 176 тыс. человек при прогнозировавшемся его увеличении на 300 тыс. без проведения паспортизации⁴². Всего за первую половину 1933 г. советские города испытали отток населения порядка 400 тыс. человек, и это время стало единственным после Гражданской войны периодом реального уменьшения численности городского населения. Это явление можно считать исключительным для периода ускоренных индустриализации и урбанизации страны в 1930-е гг.⁴³

Паспортизация как способ контроля общества и тактика действий милиции и органов госбезопасности в ходе сопровождавших ее массовых операций оказались весьма успешными, по крайней мере, на первых порах. Полицейские кампании достигли своей непосредственной цели, заключающейся в удалении маргинальных слоев населения из городов и в ослаблении нагрузки на городские системы обеспечения жителей продовольствием и жильем. Эти кампании принесли, как казалось милиции и органам госбезопасности, дополнительные выгоды, позволив им точно подсчитать новых врагов режима

---

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 30; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1227. Л. 90.

⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 29.

⁴³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3. Однако если сравнить 50-тысячный отток населения за целый год с увеличением его численности на 98 тыс. за период с января по апрель, то можно сделать вывод о том, что фактически численность населения города восстановилась и начала расти быстрыми темпами.

и выявить, где они скрываются. Например, в милицейском докладе от августа 1934 г. содержалась таблица предположительных оценок числа общественно-нежелательных лиц, живущих и работающих в нережимных городах, в которых была проведена паспортизация. В нережимных городах все, кроме беглых кулаков и находящихся под следствием, имели право на паспорт. Напротив, в режимных районах таким, как они, отказывали в выдаче паспортов, и как результат, они или были вынуждены уезжать, были депортированы или еще хуже. Так или иначе, но паспортизация позволила милиции отслеживать эти маргинальные слои населения. Например, начальник паспортной службы милиции Фокин докладывал, что в нережимных городах, паспортизированных до августа 1934 г., было выявлено 158 тыс. бывших осужденных. В тех же местах проживало еще 196 тыс. «социально-чуждых» элементов, и еще 71 тыс. паспортов была выдана лицам без определенных занятий⁴⁴.

Другие кампании социальной защиты

Ожидая значительной миграции населения в результате паспортизации, руководство милиции и ОГПУ запустило проведение операций, нацеленных не только на подсчет, но и на контроль маргинальных и опасных слоев населения. В течение 1933–1934 гг. ОГПУ провело ряд подобных операций в разных городах, приграничных и индустриальных районах. Некоторые из них, проводившиеся параллельно с паспортизацией, не были связаны с ней напрямую, поэтому на их проведение требовалось специальное разрешение Политбюро⁴⁵. Но многие операции имели непосредственное отношение к паспортизации и поэтому не требовали специального разрешения. Иными словами, паспортизация дала милиции и органам госбезопасности практически неконтролируемые права на проведение массовых полицейских операций. Многие такие операции сводились к массовым облавам в таких местах, как рынки, вокзалы, городские трущобы и рабочие поселки на окраинах крупных городов. Крупная подобная операция по отлову уголовников, «социально-чуждых» элементов и контрабандистов была проведена в августе 1933 г. в приграничных районах Ленинградской области. Некоторые операции были нацелены против определенных групп населения, а не на отдельные мест-

---

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 28.

⁴⁵ См. например, утверждение Политбюро в феврале 1933 г. операции ОГПУ по очистке Магнитогорска от криминальных элементов и такое же решение об очистке Харькова от деклассированного элемента. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 3; Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 164, соответственно.

ности. Например, в июне и июле 1933 г. милиция провела в Москве операции по проверке паспортов и прописки с целью задержания и высылки цыган и деклассированных элементов, завершившихся удалением из города нескольких тысяч человек. При этом к числу деклассированных элементов относили уголовников-рецидивистов и лиц, имевших судимость за мелкие уголовные преступления. В ходе этих операций, в частности, были сосланы в трудовые колонии под Томском в Западной Сибири 5470 цыган (всего 1008 семей, включая 1440 мужчин, 1506 женщин и 2524 детей). Из Томска цыганские семьи были разосланы в разные колонии, сформированные по этнической принадлежности их обитателей⁴⁶.

Безусловно, одной из главных целей милицейских кампаний была категория лиц, объединенных достаточно расплывчатым наименованием «спекулянты». Учитывая суровый дефицит продовольствия и потребительских товаров в начале 1930-х гг., не приходится удивляться наблюдавшемуся в эти годы буйному расцвету подпольной торговли. Местная милиция была не в состоянии справиться с этой проблемой, и в результате Политбюро в августе 1932 г. издало постановление о привлечении ОГПУ к борьбе со спекулянтами⁴⁷. Это постановление первоначально касалось только продажи и перепродажи зерна и хлеба, но на практике эта борьба очень скоро распространилась на любые способы извлечения прибыли. Таким образом, данное постановление Политбюро стало основой для нового направления полицейских кампаний с участием милиции и органов госбезопасности, проведенных в начале и середине 1930-х гг. В апреле 1933 г. Ягода докладывал о задержании за спекуляцию более 54 тыс. человек, из которых 32 340 были осуждены либо обычными судами, либо тройками ОГПУ и милиции. В первой половине 1934 г. милицией и ОГПУ были осуждены 58 314 человек, причем об общем числе задержанных за спекуляцию в докладе не сообщалось, хотя их было намного больше. Ягода утверждал, что милиция возбуждает ежемесячно примерно по 10 тыс. дел, связанных со спекуляцией⁴⁸. Многих милиция и ОГПУ арестовывали в индивидуальном порядке, но Ягода с удовлетворением отмечал, что немалое их число было отловлено во время массовых облав на рынках и вокзалах. Он сообщил, что, помимо 58 314 осужденных за спекуляцию граждан, в первой половине 1934 г. примерно 53 тыс. человек были высланы из крупнейших городов страны, преимущественно из Москвы, Ленинграда, Киева

---

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 9.

⁴⁷ Лубянка. Сталин... С. 316.

⁴⁸ Там же. С. 425; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 25; Д. 1073. Л. 186.

и других важных центров. Эти «чистки» являлись составной частью кампаний по удалению из городов «паразитического и чуждого элемента» и были взаимосвязаны с паспортизацией населения⁴⁹.

Законы о паспортах и прописке дали в руки милиции мощный инструмент для освобождения городов от маргинальных жителей. Одновременно эти законы усилили применение кампанийских полицейских методов, направленных против определенных категорий граждан, и привели к дальнейшему вовлечению органов госбезопасности в решение задач охраны общественного порядка. Последнее вытекало из переопределения Сталиным содержания классовой борьбы и вылилось в размывание границ категорий граждан, подлежащих репрессированию. Обычные уголовники и маргиналы теперь могли быть отнесены к антисоветским и даже контрреволюционным элементам. В ходе раскулачивания администрация спецпоселений часто жаловалась на то, что ОГПУ включает в число ссылаемых в них кулаков обычных уголовников и другие группы граждан, которые не являлись объектами данной кампании. Хотя такие ошибки происходили, предполагалось, что их быть не должно. Начиная с 1933 г. целевые группы полицейских операций еще более перемешались. Приказы по очистке территорий часто распространялись одновременно на несколько категорий – кулаков, деклассированных и других элементов, проходивших под общим наименованием антисоветских. Операции в приграничных районах имели своими целями их очистку от контрабандистов, подозрительных национальных меньшинств, предполагаемых шпионов и диверсантов и других антисоветских элементов. Аналогичным образом милиция в курортных зонах Кавказа, где отдыхали руководители партии и правительства, получала приказы по их очистке от широкого перечня нежелательных контингентов. Во всех этих операциях вместе с милицией участвовали и подразделения ОГПУ. Сознательное смешение категорий репрессируемых граждан отражало генеральную линию властей на наведение общественного порядка и обеспечение государственной безопасности, особенно отчетливо проявлявшуюся в приказах по усилению охраны мест отдыха правящей элиты на курортах и государственных границ⁵⁰.

В июне 1934 г. органы милиции и госбезопасности получили приказы по проведению новой операции, на этот раз продолжительностью в два месяца, по очистке железных дорог от «профессиональных хулиганов, уголовников и беспризорников». Первые две категории лиц подлежали заключению в концентрационные лагеря на срок от 6 месяцев до 3 лет. Беспризорников же, задержанных за хулиганство,

---

⁴⁹ Там же. Д. 1073. Л. 25.

⁵⁰ Например: Лубянка. Сталин... С. 427.

отправляли в специальные лагеря для несовершеннолетних правонарушителей. Интересно отметить, что эти операции были направлены не только против хулиганствующих элементов. В отличие от предыдущей кампании по борьбе с хулиганством, на этот раз они проводились в рамках кампании по снижению большого числа крушений поездов. Причем проводилась прямая связь между действиями уголовников и хулиганов, разорявшими транспортные объекты, и массовыми сбоями движения на железных дорогах. Координация и проведение этих операций возлагались преимущественно на подразделения транспортного отдела ОГПУ, действовавших совместно с военизированной охраной наркомата путей сообщения. В ходе операций предстояло проверить паспорта и выдать новые пропуска на проход в железнодорожные сооружения, на сортировочные станции и пути. Сотрудникам было дано указание регулярно очищать поезда от лиц, разъезжающих на буферах, площадках и крышах локомотивов и вагонов. Поскольку эта кампания проводилась в столь важном секторе экономики, как железные дороги, она была санкционирована специальным постановлением ЦК партии⁵¹.

Масштабы массовых репрессий, связанных с паспортизацией и другими кампаниями социальной защиты, сложно оценить, но они в 1933–1934 гг. определенно затронули многие сотни тысяч человек и, вероятно, приближалось к одному миллиону. Подавляющее большинство этих людей либо были подвергнуты административной ссылке или насильственному переселению в нережимные районы страны, либо их заставили вернуться в голодающие деревни, из которых они пытались бежать. Эти сотни тысяч людей, многие из которых умерли в результате полицейских действий, не учтены в общей статистике репрессированных, основанной только на подсчете числа заключенных. Они не были арестованы или приговорены к той или иной форме тюремного или лагерного рабства, но тем не менее являются жертвами массовых репрессий или, как их называли власти, мер «социальной защиты». Кроме того, десятки тысяч людей были подвергнуты тюремному заключению или ссылке в трудовые колонии и, как их все еще было принято называть, в концлагеря вновь формируемой системы ГУЛАГа.

Возобновление и интенсификация репрессий

Милиция и органы госбезопасности продолжали проводить операции по социальной защите даже в то время, когда руководство страны, казалось бы, планировало свертывание административных

---

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 946. Л. 65.

форм массовых репрессий. Инструкция Политбюро от 8 мая 1933 г. и реформы, проведенные в этом и следующем году, казалось, стали признаками поворота в политике в сторону более сбалансированного разделения судебной и полицейской властей. Ограничение власти милиции и ОГПУ также нашло отражение в статистике следующего, 1934 г., ставшего для органов, по крайней мере, судя по отчетам, «тихим годом», когда общее число арестованных и осужденных резко сократилось по сравнению с предыдущими годами. В частности, число арестованных в 1934 г. упало с величины, намного превышавшей 500 тыс. в 1933 г., до 205 173 человек, а количество осужденных сократилось с примерно 240 тыс. до 79 тыс. Эти цифры оказались самыми низкими с середины 1929 г. – момента, когда власти всерьез приступили к коллективизации и раскулачиванию⁵². Более того, впервые за несколько лет число дел, рассмотренных в обычных судах, превысило число приговоров, вынесенных в административном порядке тройками ОГПУ и милиции. Действительно, летом 1934 г. в результате слияния милиции и ОГПУ в рамках вновь образованного НКВД СССР было покончено с особой ролью троек ОГПУ. После этой реорганизации все дела, которые до этого рассматривались в административном внесудебном порядке, были переданы на решение в перестроенную судебную систему. Это касалось многих дел, относившихся ранее к компетенции милицейских «паспортных» троек и троек ОГПУ. Эти тенденции отмечались в ежегодном докладе Прокуратуры СССР о состоянии преступности и борьбе с нею. В докладе с восторгом говорилось об укреплении законности в стране и отмечались «крупнейшие сдвиги в судебной политике», которые «не могли не сказаться на значительном снижении числа осужденных» и общем ослаблении уровня репрессий. К концу 1934 г. руководители прокуратуры были убеждены в том, что они, наконец, сумели одержать важную победу в своем давнем противостоянии с органами госбезопасности⁵³.

Действительно, статистика за 1934 г. указывала на ослабление репрессий в Советском Союзе. Однако сокращение числа арестованных и осужденных было обманчивым. Статистика не учитывала огромного числа людей, которые не были арестованы, но тем не менее пострадали в результате депортаций и других административных форм репрессий, осуществлявшихся силами милиции и госбезопасности. Более того, сокращение числа арестованных мог-

---

⁵² ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960 / Сост. А. И. Кокорин и Н. В. Петров. М., 2002. С. 432.

⁵³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 48. Л. 1.

ло объясняться в равной мере как проведением административных реформ, так и сознательными изменениями политики. Прошло несколько месяцев после того, как в июле 1934 г. было объявлено о начале реформирования милиции и ОГПУ, когда партия и правительство, наконец, утвердили новые положения, регулирующие деятельность судов и органов НКВД. В этот переходный период Ягода и его подчиненные не сидели сложа руки. Милиция и ОГПУ продолжали трудиться из всех сил, и Ягода уже в августе того года торопил Сталина с утверждением положения о новом особом совещании НКВД. Он писал, что в результате проведенных зачисток городов и транспорта от социально-опасных элементов скопилось значительное число задержанных, ожидающих заслушивания их дел в административных судах ОГПУ. Ягода настаивал на острой необходимости расчистки образовавшихся завалов дел, размеры которых столь значительны, что могут служить основанием для разрешения особым совещаниям начать работать, не дожидаясь окончательного решения правительства об образовании нового НКВД⁵⁴. Таким образом, кажущаяся победа сторонников умеренных реформ не слишком поколебала позиции руководителя органов госбезопасности. Напротив, Ягода воспользовался реформами для консолидации собственной полицейской империи. К концу 1934 г. он завершил подчинение себе всех органов правопорядка в рамках нового, мощного всесоюзного наркомата. Он также контролировал население всех мест заключения в стране, служивших богатым источником доходов для НКВД и превратившихся в мощную отрасль экономики. Следующие два года (1935–1936) были отмечены новыми репрессивными кампаниями. Многие из них, как и в предыдущие 1933–1934 гг., были связаны с паспортизацией и наведением общественного порядка, особенно с обменом выданных в 1933 г. паспортов на новые. В 1935–1936 гг. кампании против маргиналов усиливались по мере того, как новый НКВД расширял и придавал систематический характер кампаниям социальной защиты, направленным против нищих, согнанных с земли крестьян и нелегально проживавших в городах граждан. Наряду с расширением и интенсификацией репрессивных мер в отношении маргиналов, мелких уголовников и спекулянтов, руководство страны также затеяло репрессивные кампании против неблагонадежных этнических групп населения. Реформы и реорганизации 1934 г. не ослабили органы милиции и госбезопасности. Напротив, сосредоточение в руках НКВД всей социальной политики сопровождалось усилением его власти и расширением юрисдикции.

---

⁵⁴ Лубянка. Сталин... С. 558.

Оперативный приказ 00192

Запрет на использование троек, введенный в конце лета 1934 г., действовал всего несколько месяцев. В начале января 1935 г. Ягода и Андрей Вышинский, ставший Прокурором СССР, выпустили совместный приказ о восстановлении специальных троек для рассмотрения дел о нарушениях паспортного режима «криминальными и деклассированными элементами». Как и прежде, во время начального этапа паспортизации и проведения операций против социально-вредных элементов 1933 г., в 1935 г. недоразвитая судебная система оказалась не в состоянии справиться с потоком обрушившихся на нее дел. Попытка перехода от административных к судебным формам репрессий провалилась. Снова потребовались тройки для того, чтобы управиться с огромным числом нарушителей паспортного режима, выявляемых в ходе обмена паспортов и продолжавшихся зачисток городских районов. Своим январским приказом Ягода и Вышинский санкционировали создание специальных милицейских троек, организуемых и действующих по образу и подобию недавно распущенных паспортных троек ОГПУ. Эти тройки создавались на республиканском, краевом и областном уровнях и включали в свой состав главу управления НКВД, начальника управления рабоче-крестьянской милиции и прокурора соответствующего уровня. В письме Сталину, датированном 20 апреля 1935 г., Вышинский пояснял, что формирование указанных троек необходимо в связи с невероятно большим числом нарушений паспортного режима со стороны социально-вредных элементов. Дела этих нарушителей буквально затопили судебную систему и особое совещание. Это приводило к переполнению мест предварительного заключения и, соответственно, к нарушениям советских законов, не допускающих длительного задержания людей без вынесения им приговоров. Вышинский просил Сталина утвердить проект постановления Центрального Комитета партии, разрешающего продолжение деятельности этих троек, а также проведение операций, направленных на «быстрейшую очистку городов от уголовных и деклассированных элементов, а также злостных нарушителей Положения о паспортах»⁵⁵.

Письмо Вышинского было кратким, но достаточно откровенным. Оно указывало на то, что, во-первых, массовые операции по зачистке городов 1933–1934 гг. не решили проблему их переполнения нежелательными жителями. В 1935 г. вопрос о дефиците ресурсов не стоял столь остро, как в 1933 г., но, как утверждал Ягода в директивном письме, неспособность милиции обеспечить соблюдение закона о па-

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 155. Л. 66–67.

спорхах позволила бесполезным и уголовным элементам в больших количествах вернуться на городские улицы. Первоначальные успехи паспортизации оказались недолговременными, и города в неприемлемых темпах вновь стали переполняться бесполезными и нежелательными людьми, напрягающими муниципальные ресурсы и способствующими росту преступности. В обращении члена ЦК партии Е. М. Ярославского в феврале 1935 г. отмечалось, что улицы Москвы заполнены нищими и бродягами⁵⁶. Ягода упрекал местную милицию за вялость, проявляемую ею в усилении контроля над соблюдением законов о паспортах и прописке. Но для местных органов милиции эти усилия можно было уподобить попыткам носить воду решетом. На смену тем, кого они изгоняли из городов, в них проникало почти такое же количество вновь прибывших со всех сторон. Не имело значения, сколько социально-вредных элементов милиции удалось согнать с улиц, они всегда возвращались в прежнем обличье или сменив его на другое⁵⁷.

Суды не успевали выносить приговоры нарушителям достаточно быстро, и проблема заключалась не только в их количестве. В своем письме Сталину Вышинский прямо заявлял, что одной из функций троек должно быть рассмотрение дел уголовных и деклассированных элементов, «для передачи которых в суд нет никаких оснований». Иными словами, тройки создавались для упрощения процесса репрессирования нежелательных граждан в обход нормальных для судебной системы требований предъявления доказательств их вины. Таким образом, тройки имели возможность осуждать людей, чьи дела могли быть прекращены обычными судами в связи с отсутствием доказательств. Ради сохранения видимости законности, Вышинский предлагал, чтобы приговоры троек по подобным делам утверждались особым совещанием при условии отсутствия возражений со стороны прокуратуры любого уровня⁵⁸.

Подобную двусмысленность нельзя считать нетипичной для Вышинского. Будучи прилежной сталинской марионеткой, он неоднократно санкционировал применение внесудебных репрессий,

---

⁵⁶ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов / Сост. В. К. Виноградов и др. Казань. 1998. С. 423–424.

⁵⁷ О сложностях, связанных с очисткой Москвы от профессиональных нищих. Ягода писал: «Мы их высылаем, а они возвращаются обратно». История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 томах. Том 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 257.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 155. Л. 67.

хотя на словах и выступал за укрепление законности⁵⁹. Так, в данном случае Вышинский, якобы бывший сторонником судебных реформ, одновременно отстаивал применение троек для того, чтобы избежать доказательных судебных процедур, особенно при рассмотрении дел социально-опасных лиц. На какое-то время, а фактически на большую часть 1935 г., Прокуратура и Верховный суд официально санкционировали практику прохождения через особые совещания дел «лиц из числа социально-опасных элементов, обвиненных в преступлениях, в отношении которых не собрано достаточных доказательств для осуждения». Верховный Суд и Прокуратура СССР издали соответствующее разъяснение, которое фактически противоречило действовавшей общей директиве Вышинского местным прокурорам об укреплении революционной законности и усилении прокурорского надзора за деятельностью НКВД⁶⁰. Неважно, какими мотивами руководствовался Вышинский, подписывая столь противоречивые указания, но местные прокуроры, по-видимому, неохотно соглашались с директивой, касавшейся социально-опасных элементов, и исполняли ее, учитывая только то внимание, которое руководство страны обращало на эту категорию населения. Судебные власти вскоре пересмотрели свою позицию, и постановлением в январе 1936 г. Верховный Суд отменил указанную выше практику и потребовал, чтобы дела без надлежащих доказательств направлялись на доследование соответствующим прокурорам, а не передавались автоматически в административные суды НКВД⁶¹.

Сталин отреагировал на апрельское (1935 г.) письмо Вышинского и предложенный им проект постановления ЦК, написав поверх текста красным карандашом: «Быстрейшая очистка опасна. Надо очищать постепенно и основательно, без толчков и излишнего административного восторга. Следовало бы определить годичный срок окончания чисток. В остальном – согласен»⁶².

Вероятнее всего, Сталин сознательно «не понял» письмо Вышинского. Доказывая, что использование троек позволит максималь-

---

⁵⁹ О двусмысленной позиции Вышинского см., в частности: Peter H. Solomon Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 157–158; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры XX века. 1937–1953. С. 7–94.

⁶⁰ О позиции Вышинского в отношении социально-опасных элементов см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 11. Л. 39–40. Директиву Вышинского «Об усилении надзора за революционной законностью» от 11 мая 1935 г. см.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем... С. 439–442.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 11. Л. 18.

⁶² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 155. Л. 66. Опубликовано в сборнике: Изменения паспортной системы... С. 109–111.

но ускорить очистку городов, Прокурор СССР отнюдь не предлагал возвратиться к массовым полицейским операциям, против которых он решительно выступал. Тройки привлекали Вышинского своей эффективностью в качестве вспомогательного орудия для ускорения репрессий. Тем не менее Сталин воспользовался терминологией Вышинского, чтобы предостеречь против излишней торопливости в деле «очистки городов», установив годичный срок для ее завершения и согласившись с остальными его предложениями. Текст соответствующего постановления ЦК в рассекреченных архивах отсутствует, но подготовленные на его основе совместные оперативные инструкции Прокуратуры СССР и НКВД имеются в архивных делах Прокуратуры. Эти инструкции, оформленные в виде оперативного приказа 00192, подписанного Ягодой и Вышинским и подробно расписывающего правила работы новых троек, были разосланы во все республиканские, краевые и областные управления НКВД. Содержание этих инструкций заслуживает специального рассмотрения, чтобы показать, насколько к тому времени расширилось определение категории социально-опасных элементов. В 1920-х гг. милиция относила к этой категории исключительно лиц с криминальным прошлым. Оставаясь под подозрением, эти лица, как правило, не подлежали арестам просто по причинам их девиантности или маргинальности. Между тем новой директивой 1935 г. в понятие «социально-опасные элементы» были включены несколько категорий, в том числе лица, ранее отбывавшие наказания по уголовным статьям и «не порвавшие связи с уголовно-преступной средой», а также лица, не подвергавшиеся ранее уголовному преследованию, но не имеющие постоянного места работы и обладающие связями в преступном мире. К другим категориям были отнесены: «профессиональные» нищие; лица, неоднократно задерживавшиеся в городах без соответствующего разрешения на проживание; лица, вернувшиеся на прежние места проживания, где им жить было запрещено, и дети старше 12 лет, задержанные на месте преступления. Все перечисленные выше категории граждан были отнесены к социально-опасным и подлежали теперь отправке в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет по приговорам, выносимым во внесудебном порядке тройками⁶³.

Приказ 00192 не означал оправдания или приведения в действие массовых полицейских операций как таковых, но стал основанием для некоторых крупнейших по своим масштабам кампаний массовых репрессий, проведенных НКВД в середине 1930-х гг. Эти операции продолжались до конца 1935 г. и, по крайней мере, первые месяцы

---

⁶³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 6. Л. 61; ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 220. Л. 32–33.

1936 г. Подобно предыдущим «чисткам», осуществлявшимся милицией и органами госбезопасности, эти операции были нацелены на определенные городские районы, прежде всего, на ночлежки, где в большом числе обитали сезонные рабочие и бродяги, на трущобные районы промышленных городов, рынки, железнодорожные вокзалы и станции и другие места скопления людей, на некоторые сельскохозяйственные предприятия и деревни. К концу года только операции, проведенные одной милицией, привели к задержанию 266 тыс. лиц, фигурировавших в отчетности под рубрикой «социально-опасный элемент». Эта цифра приведена в докладе, составленном уголовным розыском, согласно которому примерно 85 тыс. задержанных попали под юрисдикцию троек НКВД, а дела еще 98 тыс. были направлены на рассмотрение обычных судов. «Иные меры социальной защиты», от наложения штрафов до высылки в места постоянного проживания или за пределы городов, были применены в отношении 64 448 лиц. Только в октябре милиция задержала в Москве и Московской области примерно 6300 человек без документов, подтверждавших их места жительства или работы. По этой или иным причинам они были отнесены к категории социально-опасных личностей. С момента начала кампании и по ноябрь милицией было задержано 26 530 человек в Ленинграде и 38 356 человек в Москве⁶⁴.

Приведенные выше цифры относятся только к действиям милиции. В отдельной докладной записке, поданной Сталину, Ягода докладывал, что в 1935 г. ГУГБ привлекло к ответственности в общей сложности 293 681 человек, из которых 193 083 человека были арестованы. Дела 228 352 задержанных были направлены в суды или прокуратуру для дальнейших юридических действий по ним⁶⁵. Ягода отчитался о 33 823 граждан, чьи дела были заслушаны в административном порядке особым совещанием. Кроме того, он сообщил о 122 796 лицах, дела которых в 1935 г. рассмотрели тройки НКВД и милиции⁶⁶. Можно предположить, что те, чьи дела прошли через особое совещание, обвинялись в политических преступлениях, в том

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Л. 148. О кампаниях против социально-вредных элементов см.: Hagenloh, *Police, Crime, and Public Order*. P. 114–146; Idem. *Socially Harmful Elements*; Габор Риттершпорн. Вредные элементы, опасные меньшинства и большевистские тревоги // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Сборник статей под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1988. С. 101–119; Shearer. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD and Crime and Social Disorder*. P. 134–137.

⁶⁵ Заметим снова, что число обвиненных и осужденных превысило число арестованных, что было особенностью советской юридической системы, в которой человека могли обвинить и допросить без предварительного ареста.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 70. Л. 138.

числе в контрреволюционной деятельности, и их дела не были связаны с массовыми операциями против социально-опасных граждан. И напротив, тройки рассматривали дела лиц, задержанных в основном, а вероятнее всего, исключительно, в ходе «чисток», связанных с паспортизацией, поскольку в 1935 г. практически действовали только «паспортные» тройки.

Чем можно объяснить такое расхождение в цифрах? Приведенные Ягодой данные о примерно 123 тыс., осужденных тройками милиции и НКВД в 1935 г., превышают аналогичные данные уголовного розыска, сообщавшего о 85 тыс. дел, рассмотренных этими же тройками за 10 месяцев с января по октябрь включительно. Конечно, милицеские операции против маргиналов продолжались и в ноябре, и в декабре, но для того, чтобы цифры в докладах Ягоды и уголовного розыска совпали, за эти 2 месяца требовалось пропустить через тройки не менее 38 тыс. человек, то есть примерно по 19 тыс. в месяц. Таким образом, масштабы операций ноября-декабря должны были намного превышать обычные, когда ежемесячно задерживали и осуждали по 8–9 тыс. человек. Теоретически это возможно, учитывая привычку милиции откладывать самые значительные усилия на конец календарного года. Но цифры в обоих докладах не совпадают с данными о 119 159 человек, осужденных тройками НКВД в 1935 г., которые объявило МВД в 1953 г. после смерти Сталина⁶⁷. Так или иначе, но, несмотря на расхождения, все эти три оценки достаточно близки, чтобы составить по ним правдивое представление о масштабах полицейских операций против маргинальных слоев общества, имевших место в середине 1930-х гг. Они были намного значительнее, чем можно предположить, исходя только из того, сколько людей было заключено в лагеря в этот период. По отчетам ГУЛАГ, в 1935 г. за нарушения паспортного режима к заключению в лагеря и колонии были приговорены всего 19 642 человека⁶⁸. Это число намного ниже количества задержанных в ходе операций, связанных с паспортизацией и пропущенных через паспортные тройки, о котором докладывали руководители милиции и НКВД. На самом деле десятки тысяч людей стали объектами тех или иных административных или судебных репрессий, будучи признанными нежелательными для общества элементами или просто оказавшись не в то время и не в том месте. Данные ГУЛАГ также не учитывают многие сотни тысяч тех, кто были задержаны в ходе милицеских облав или проверок документов и отпущены или чьи дела были прекращены за отсутствием доказательств вины. В одной только Западной Сибири

---

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 203.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 5.

число таких людей в середине 1930-х гг. измерялось несколькими десятками тысяч в год. Краевой прокурор Игнатий Барков сетовал на то, что задержания людей достигли масштабов массовых репрессий⁶⁹.

Порядок приведенных общих данных, не говоря уже о фрагментарных докладах с мест, свидетельствует о том, что местные органы пренебрегали инструкциями Центра о недопустимости массовых репрессий. Сам характер приказа об усилении борьбы с социально-вредными элементами подталкивал скорее к применению операций кампанейского типа, чем к настойчивой повседневной работе по усилению паспортного режима и правил прописки. Если Ягода и был заинтересован в такой работе органов, то он не давал это ясно понять, отделиваясь мягкими замечаниями и напоминаниями подчиненным о необходимости усиления работы по соблюдению законов о паспортах. Реакцию местных прокуратур на этот приказ можно проследить на примере западносибирского прокурора Баркова. Он следовал генеральной линии, обозначенной Ягодой и Вышинским, понимая, что постановление, касающееся социально-опасных элементов, дает в руки НКВД мощное оружие для борьбы против уголовников и других врагов советского общественного строя. Барков подтверждал, что новые полномочия, предоставленные милиции этим постановлением, обеспечивают «максимизацию усилий по изъятию преступно-деклассированного и бродячего элемента», позволяют «существенно снизить уровень преступности и в особенности грабежей и вооруженных ограблений»⁷⁰. Независимо от собственных мыслей Баркова по этому поводу, публично он не усматривал противоречий между принципами социалистической законности и внесудебными методами, применявшимися органами НКВД в отношении социально-вредных элементов. В случаях же, когда дела обвиняемых по статьям уголовного кодекса направлялись в суды, Барков постоянно критиковал сотрудников милиции и ГУГБ за небрежности в расследованиях, нарушения процедур и прав подсудимых. В то же время он крайне редко критиковал действия милиции и органов госбезопасности, связанные с административными формами репрессий⁷¹. Придерживаясь терминологии постановления Политбюро от 8 мая 1933 г., Барков только рекомендовал органам воздерживаться от «массовых операций кампанейского типа», при этом одновременно, буквально в той же фразе, настаивая на усилении повседневной работы по изъятию

⁶⁹ ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 220. Л. 34; Ф. 47. Оп. 5. Д. 227. Л. 81–82.

⁷⁰ ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 220. Л. 32.

⁷¹ Там же. Л. 1–1об.

«преступно-деклассированного элемента», то есть фактически на применении административных репрессий⁷².

В конце 1935 – начале 1936 г. Ягода и подчиненный ему начальник ГУ РКМ Бельский подвели итоги кампании по борьбе с социально-опасными элементами. Независимо от их отношения к методам органов НКВД, оба в целом оценили кампании, основанные на Приказе 00192, как значительный успех. В докладах Совнаркому они подчеркивали, что об успешности этих кампаний свидетельствовало значительное сокращение преступности в режимных городах, в основном достигнутое за счет их очистки на основе законов о паспортах. С другой стороны, темпы снижения уровня преступности в сельских районах были намного ниже, чем в городах. Ягода подчеркивал, что, помимо недостаточной численности сельской милиции, одной из главных причин этого было нераспространение на сельские районы страны постановления партии и правительства по очистке городов от «паразитических и бродячих элементов»⁷³. В своем мартовском докладе Совнаркому Ягода, основываясь на успешности проведенных операций, просил разрешения продолжить работу троек НКВД по очистке городов и рабочих поселков от деклассированных элементов. Когда Совнарком запросил мнение Вышинского по этому вопросу, тот ответил, что не имеет принципиальных возражений. Он только заметил, что его следует обсудить на специальной комиссии, поскольку существуют специальные директивы, регламентирующие деятельность этих троек⁷⁴.

Интенсификация кампаний по борьбе с преступностью

Совнарком удовлетворил просьбу Ягоды, и милицейские тройки продолжили действовать на протяжении всего 1936 г. Продолжились также операции кампанейского стиля, причем не только в виде проверок паспортов с целью поимки людей без документов и социально-чуждых элементов. Массовые кампании 1935–1936 гг. были также связаны с ужесточением политики в отношении уголовных преступников и других маргиналов. Например, в марте 1935 г. Политбюро в третий раз с 1931 г. подтвердило свою директиву о расстреле лиц, обвиненных в вооруженном грабеже. Поначалу она распространялась только на несколько крупных городов, но впоследствии все большее число местных органов власти запрашивали разрешения применять ее с целью подавления преступности, нараставшей быстрыми тем-

---

⁷² ГАНО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 220. Л. 32.

⁷³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 3.

⁷⁴ Там же. Л. 16.

пами⁷⁵. В апреле 1935 г. вышел новый закон, ужесточающий меры наказания несовершеннолетних преступников, за которым вскоре последовали другие законы, придававшие борьбе с преступностью политический характер и наделявшие органы НКВД более широкими карательными полномочиями против хулиганов и других опасных преступников. Апрель и май ознаменовались новыми директивами партии и правительства по борьбе с беспризорничеством, а также по возобновлению кампаний против бандитизма и спекуляции. В соответствии с реформами конца 1934 г. карательные органы поначалу применяли новые законы и директивы с использованием судебных методов репрессирования преступников. Но приказ НКВД по борьбе с маргинальными элементами, изданный в мае 1935 г., расширил юрисдикцию милицейских троек и позволил проводить через них дела уголовных преступников и других социально-нежелательных элементов.

Применение законов о паспортах и прописке в качестве средства поимки преступников и предупреждения преступлений было вполне логичным шагом, по крайней мере, с точки зрения милиции. Ягода и другие руководители НКВД очень скоро осознали, что люди, не имеющие документов, и преступность идут рука об руку. Поэтому Ягода вновь и вновь повторял подчиненным, что помимо других мер, необходимо применять паспортное законодательство в качестве средства отлова преступников, лиц, бежавших из мест заключения, и других опасных личностей. Он предпочитал направлять дела преступников и рецидивистов, находившихся в розыске и задержанных при проверках паспортов, на рассмотрение милицейских троек и в конечном счете в особое совещание. Ягода советовал местной милиции не тратить впустую время на оформление обвинений против пойманных рецидивистов по статьям уголовного кодекса для передачи их дел в обычные суды, считая более разумным пропускать их через паспортные тройки. Он полагал, что административное репрессирование преступников и других нежелательных элементов на основе законов о паспортах быстрее и гарантированнее обеспечивает вынесение им обвинительных приговоров и назначение соответствующих наказаний, чем судебное рассмотрение. Ягода не доверял судебной системе

---

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 119. В записке Вышинского Сталину и Молотову от 8 апреля 1935 г. Генеральный прокурор написал, что он получил телеграмму от прокурора западносибирского края Фридберга с просьбой разрешить распространение директивы от 16 марта 1935 г. на лиц, участвовавших в вооруженных ограблениях на стройках Улан-Уде, Черемхова и Усолья. Фридберг сообщал, что его просьбу поддерживают руководители милиции и органов госбезопасности упомянутых городов. Вышинский рекомендовал удовлетворить эту просьбу, и Политбюро с ним согласилось.

и с подозрением относился к ее сотрудникам. По мнению руководителя НКВД, судебное преследование преступников было слишком трудоемким делом и нередко заканчивалось смягчением выносимых им приговоров⁷⁶.

Руководство НКВД открыто поощряло милицию действовать в обход судов и юридических процедур, прибегая к внесудебным формам репрессий в отношении все более широкого спектра уголовных преступников и маргинальных слоев населения. Милиция понимала, что операции по зачистке городов в сочетании с применением законов о паспортах и прописке были особенно эффективны в отношении определенных типов преступников, прежде всего, мелких городских спекулянтов и воришек⁷⁷. А в середине 1930-х гг. организованная и мелкая спекуляция продолжала нарастать, невзирая на постоянные требования властей по усилению борьбы со спекулянтами. В 1936 г., с точки зрения государственных лидеров, мелкая торговля превратилась в серьезную и постоянно усугубляющуюся проблему, особенно после восстановления в 1935 г. частной торговли, отмены карточной системы и возврата к денежно-рыночным отношениям в экономике. Легализация частной торговли открыла для преступных элементов новые возможности антигосударственной деятельности. В результате мелкая спекуляция приобрела неприемлемые с позиции властей масштабы, создавая, как они полагали, серьезные сбои в системе государственного планирования и распределения и вызывая нехватку многих дефицитных товаров⁷⁸. Как следует из директив НКВД того времени, агентурные сети и негласные расследования экономического отдела ГУГБ не справлялись с масштабами этого явления. Все меры милиции и органов госбезопасности против организованных сетей незаконной торговли сводились к нулю в результате массовой перепродажи товаров из рук в руки, ежедневно происходившей по всей стране⁷⁹. В этих условиях руководство страны в целом и НКВД в частности вновь обратились к проведению операций в кампанейском стиле, как к наиболее эффективному средству снижения уровня этого типа преступности. В октябре 1935 г., а затем еще раз

---

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071, 1073. Особенно Л. 186; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 71. Л. 220.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 142. Л. 1–2об.; Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 11–17.

⁷⁹ В циркуляре от сентября 1935 г., подписанном руководителем ЭКО ГУГБ Мироновым, отмечались достижения и одновременно критиковалась работа оперативных и агентурных групп ЭКО, но в нем также указывалось, что агентурные расследования пока не позволяют решить проблемы нелегальной торговли и спекуляции. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 142. Л. 16–17.

в июле 1936 г. ЦК партии и Совнарком поручили милиции и органам госбезопасности организовать кампании против мелких спекулянтов. Совместные указания партии и правительства на этот счет содержались в директивах, подписанных Молотовым и Сталиным. Директива от 19 июля 1936 г. предписывала НКВД представить план проведения единовременной операции против спекулянтов с использованием административных процедур в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске. Директива предусматривала аресты около 5 тыс. спекулянтов с организацией показательных судебных процессов или с их высылкой из указанных городов⁸⁰.

Операции НКВД, проведенные во исполнение правительственных директив, не только были примерами продолжавшейся кампанийщины в применении полицейских методов, но и обнажили процесс бюрократических искажений этим ведомством получаемых им указаний. Июльская (1936 г.) директива Совнаркома приказывала провести милицейские операции только в 4-х главных городах страны, но выпущенный на ее основе оперативный приказ НКВД предписал провести подобные кампании во всех крупных городах. Совнарком в своей директиве рекомендовал милиции высылать спекулянтов из 4-х городов, подлежавших зачистке, запрещая им возвращаться в них в течение последующих 4 лет. В свою очередь, приказ НКВД предписывал ссылать всех спекулянтов в Казахстан с запретом возвращаться на прежнее место жительства в течение 5 лет. Приказ запустил весь полицейский механизм для решения этого особого задания. Начальникам милиции было приказано немедленно сформировать специальные оперативные группы для активного проведения кампании, освободив включаемых в них сотрудников от всех остальных обязанностей. Это в первую очередь касалось сотрудников всех подразделений, занимавшихся экономическими преступлениями и агентурной работой, сотрудников уголовного розыска и патрульно-постовой службы. В приказе были подробно расписаны статьи уголовного кодекса, по которым следовало привлекать спекулянтов к ответственности за правонарушения, и предписывалось провести всех нелегальных торговцев, отловленных в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске, через милицейские тройки в целях скорейшей разгрузки этих городов от спекулянтов⁸¹.

Приказ Ягоды был типичным примером продолжения руководителями НКВД использования массовых форм репрессий, хотя формально власти якобы запрещали применение подобных методов.

---

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 57 (постановления Совнаркома за 1936 г.). Д. 1285. Л. 124; Оп. 16а. Д. 404. Л. 4–9 (октябрьская директива 1936 г.).

⁸¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 142. Л. 1–2об.

Язык приказа отражал приверженность Ягоды к использованию армейского жаргона и военизированных способов мобилизации подчиненных. Приказ о проведении милицейской операции против мелких спекулянтов читается как план настоящего крупного сражения, перенасыщенный распоряжениями о срочных перегруппировках сил и приоритетных направлениях наносимых ударов. Все имеющиеся ресурсы необходимо было сосредоточить на нанесении решительного удара и разгроме врагов всеми имеющимися средствами. Возможно, приказ звучал привычно и надоедливо для местного милицейского начальства, видевшего в этой кампании еще одну в длинной череде прежних кампаний, приносявших незначительные результаты, но они были вынуждены его исполнять.

В этот момент произошел новый поворот в использовании милицейских троек. Эти тройки были созданы для наказания нарушителей паспортного режима, а не для рассмотрения обычных уголовных дел. Директива Совнаркома о проведении кампании против спекулянтов разрешила применение административных мер в отношении спекулянтов, но это касалось только права милицейских властей высылать этих нарушителей из городов. Директивой не предусматривалось наделение милицейских троек правом в административном порядке заключать людей в тюрьму или отправлять их в ссылку. Последнее было добавлено Ягодой уже от себя. Далее его оперативный приказ требовал представления отчетов о ходе кампании каждые 10 дней, а в 4-х упомянутых городах, намеченных для специальных операций, отчетность должна была представляться раз в 3 дня. К концу августа, то есть месяц спустя после выхода приказа, в этих 4 городах в рамках кампании против спекуляции тройками были осуждены 4 тыс. человек, и еще 1635 человек были осуждены судами. Эти цифры контрастируют с 5 тыс. спекулянтов, дела которых рассмотрены судами с января по май 1936 г. Более того, данные за август не учитывают результаты кампаний в остальных городах и областях страны помимо Москвы, Ленинграда, Киева и Минска⁸². Эти данные демонстрируют кампанейский стиль операций НКВД и показывают, что административные приговоры милицейских троек использовались не только для наказания нарушителей паспортного режима. Стоило появиться паспортным тройкам, как НКВД стал в растущих масштабах использовать их для решения постоянных проблем борьбы с нелегальной торговлей, хищениями товаров и уголовной преступностью в целом.

---

⁸² ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 73. Л. 19; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 142. Л. 1. Для сравнения укажем, что, по данным Ягоды, за весь 1935 г. было задержано 104 645 лиц по обвинению или по подозрению в занятиях спекуляцией. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 4.

Национальные меньшинства и «бывшие» люди

Группы сотрудников милиции и органов госбезопасности участвовали в проведении и других операций, направленных против граждан страны, которых власти по каким-то причинам считали вредными или политически опасными. Уже в 1933–1934 гг. последние операции по раскулачиванию были в основном нацелены на определенные национальности. 1933 г. был отмечен массовыми выселениями казахов в процессе коллективизации советской Средней Азии. В западных приграничных областях Украины и Белоруссии кампании раскулачивания, социальной защиты и притеснений по национальному признаку во многом пересекались. Оперативные приказы в отношении неблагонадежных национальных меньшинств обнаружили, насколько в сознании властей были спутаны и совмещались такие категории, как социальная девиантность, государственная безопасность и подозрения к враждебным нациям, паранойя в отношении которых постоянно нарастала⁸³. Операции по очистке приграничных районов, проводившиеся в 1933–1934 гг., были направлены против обычных враждебных категорий, как кулаки, шпионы, диверсанты и антисоветские элементы. Кроме того, на западных границах страны милиции было предписано уделять особое внимание семьям польского и немецкого происхождения, которые, как предполагалось, поддерживали связи с Польшей⁸⁴. В августе 1934 г. ЦК партии издал директиву, обязывающую партийные комитеты на местах взять на особый учет всех иностранцев и лиц «несоветской национальности», работавших на предприятиях и в учреждениях⁸⁵. Национальные операции усилились в 1934 г. в Карелии, на Украине и в Белоруссии. В то время руководство страны уже начинало переключать внимание с борьбы с классовыми врагами и социальными маргиналами на преследование национальных меньшинств.

Серьезные масштабные кампании против определенных наций начались в 1935 г., когда органы госбезопасности с привлечением милиции и местного партийного актива предприняли крупные депортации подозрительных национальных меньшинств, прежде всего из за-

---

⁸³ Terry Martin. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. No. 70. December 1998. P. 813–861; *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. P. 345.

⁸⁴ Распоряжение С. Косиора об усилении паспортного режима в приграничных районах Украины и взятии под особый контроль деревень с польским и немецким населением см.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 582–584.

⁸⁵ Alain Blum. Administrative Forms, Demographic Forms and the Limit of Ascribing Identity. Paper presented to the American Association for the Advancement of Slavic Studies. Washington D. C., 1991.

падных и дальневосточных приграничных областей страны в Сибирь и Среднюю Азию. В течение двух лет, в 1935–1936 гг., операции ГУГБ затронули сотни тысяч финнов, поляков, немцев, корейцев и украинцев, живших в приграничных районах, которых власти подозревали в лояльности к загранице⁸⁶. Самая крупная из этих операций состоялась зимой-весной 1935 г., когда власти насильственно переселили 412 тыс. немцев и поляков из приграничных областей Украины в ее восточную часть. Затем, весной и летом следующего года еще примерно 45 тыс. немцев и 60 тыс. поляков были вывезены из приграничных районов в Казахстан⁸⁷. В 1935 г. Ягода также рекомендовал выселить несколько тысяч советских граждан греческой национальности, живших в приграничных районах Черноморского побережья. Последняя кампания была особенно характерна с точки зрения смещения этнических «чисток» с раскулачиванием, поскольку Ягода утверждал, что лица греческой национальности особенно упорно сопротивлялись коллективизации в 1930–1931 гг.⁸⁸

Власти с подозрением относились к указанным группам населения, особенно в контексте усиления международной напряженности в середине 1930-х гг. Лидеры партии и правительства верили, что государство имело полное право переселять эти народы в качестве превентивной меры, хотя и не считало их заведомо антисоветскими. Не было также и намерения ущемлять гражданские права переселяемых граждан. Например, Вышинский настаивал на том, что греки, выселяемые с Черноморского побережья, должны были получать компенсации за переселение, за исключением тех, что были арестованы за особые провинности. Партийным руководителям и руководству НКВД предлагалось тщательно проводить различия между теми, за кем при переселении сохранялись гражданские права в полном объеме, и теми, кто был отнесен к категории социально-опасных или антисоветских элементов. Последние подлежали арестам или, не будучи арестованными, должны были «отфильтровываться» и приговариваться специальными тройками к отправке в лагеря или трудовые колонии. В некоторых случаях высшие чины ГУГБ спускали оперативным службам контрольные цифры, устанавливающие число лиц, подлежащих задержаниям и арестам. В письме местным прокуратурам по очистке приграничных районов, направленном

---

⁸⁶ Martin. *Origins...* P. 847–850; Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. См. также: Щербакова И. Л. Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; Гурьянов А. Е. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

⁸⁷ Полян П. М. Не по своей воле... С. 87–90; ГА РФ. Ф. 5546. Оп. 18а. Д. 209.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 59. Л. 183–198.

в июле 1935 г., Вышинский указывал, что для выселения отобраны 2 тыс. домовладений из 6 тыс., первоначально обследованных НКВД. Не очень понятно, на каких основаниях проводились эти обследования, но, по-видимому, до некоторой степени в них использовался анализ паспортных картотек, поскольку дело касалось приграничных районов, в которых была проведена паспортизация. Вполне вероятно также, что уполномоченные НКВД опирались на доклады и собеседования с руководителями местных Советов и секретарями местных комитетов партии⁸⁹.

Еще одна характерная особенность этих депортаций заключалась в том, что десятки тысяч людей, выселенных из домов и согнанных с родных мест, никогда не фигурировали в числе репрессированных. Как и в случае маргинальных слоев населения, число которых также измерялось десятками тысяч, люди, депортированные по национальному признаку, не были официально арестованы и поэтому никогда не учитывались при определении числа заключенных в лагерях, колониях и трудовых поселениях. Таким образом, их упускали из виду во всех исследованиях репрессий 1930-х гг., основанных на этих подсчетах. Только после того, как поднялась волна исследований по национальным вопросам, нам стала известна эта форма массовых репрессий, хотя они и происходили в больших масштабах⁹⁰.

Одной из наиболее хорошо изученных массовых операций середины десятилетия является очистка Ленинграда от так называемых «бывших людей», проведенная зимой и в начале весны 1935 г. Эта кампания была нацелена на изгнание из города якобы антисоветски настроенных и потенциально нелояльных граждан из числа бывших буржуев, буржуазных специалистов и интеллигенции. Эта «чистка» была самым непосредственным образом связана с нарастанием дефицита жилья в городе, и поэтому отчеты о ее результатах всегда сопровождались данными о количестве квартир и комнат, высвобожденных под заселение новыми жителями⁹¹. Ленинградская кампания

---

⁸⁹ Там же. Л. 187об. О методах допросов местных активистов см. также: Смирнов Д. М. Записки чекиста. Минск, 1965. С. 46.

⁹⁰ Действительно, в раннем исследовании Гетти, Риттершпорна и Земскова авторы не учитывали сосланных по национальному признаку при подсчете жертв репрессий, как они не включали в свои подсчеты многих людей, высланных из городов или отправленных обратно в родные деревни во время голода и городских чисток. См.: J. Arch Getty, Gabor Rittersporn, and Viktor Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. Vol. 98, No.4, October 1993. P. 1017–1049. Как показано в предыдущей главе, число этих жертв репрессий не поддается оценке.

⁹¹ L. A. Rimmel. A Microcosm of Terror, or Class Warfare in Leningrad: The March 1935 Exile of 'alien elements' // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. V. 48. No. 4. 2000. P. 528–551.

проходила совместно с этническими «чистками» по выселению финнов из приграничных районов Ленинградской области и Карелии, примыкавших к городу, а также из Калининской области. В ходе «чисток» из Ленинграда были высланы примерно 11 700 «бывших», а еще 23 217 кулаков и антисоветских элементов были депортированы из приграничных районов в специальные трудовые колонии Западной Сибири, Казахстана и Таджикистана. Еще 23 565 человек были отправлены в ссылку из Калининской области и приграничных районов Белоруссии. Ленинградские операции проводились под руководством нового начальника Управления НКВД и ГУГБ по Ленинграду и Ленинградской области Л. М. Заковского. Он определял задания по числу граждан, изгоняемых из города, исходя из потребностей городских властей в жилищных площадях и собственных представлений об угрозе, исходившей от социально-опасных элементов. Заковский отчитывался непосредственно перед Ягодой, который, в свою очередь, давал ему задания, основываясь на контрольных цифрах, утвержденных Сталиным и Политбюро. Ленинградские «чистки» были одной из крупнейших операций подобного типа, проведенных в середине 1930-х гг.⁹²

Заключение

Операции социальной защиты и этнические «чистки» середины 1930-х гг., описанные в данной главе, отличались от ранее проводившихся операций по раскулачиванию и коллективизации. Они не были нацелены на укрепление государственной власти или революционную перестройку социально-экономических отношений. Они специально и сознательно были ориентированы на новые государственные приоритеты, заключавшиеся в усилении охраны государственной собственности, территориальных границ и социалистических принципов организации общества. В то же время эти операции

---

⁹² Обращение Заковского к Ягоде по поводу увеличения квот см.: Лубянка. Сталин... С. 613–616. Письмо Ягоды к Сталину, в котором он поддерживал обращение Заковского см.: Там же. С. 617, 820, сноска 157. Оперативный приказ по ленинградским чисткам см.: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–5. Отчет Заковского о проведенной операции, в котором он сообщал о 11 700 высланных из города см.: Лубянка. Сталин... С. 654–657. Сообщения об операциях в Ленинграде и Карелии см.: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1s. Д. 30. Л. 13–14об. Я признателен Линн Виола за эту и другие ссылки на Ф. 9479. Об операции в Калининне см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 71. Л. 225. Об озабоченности Сталина приграничными районами, особенно в то время, когда центр был ослаблен или находился в опасности, см.: Alfred J. Rieber. *Struggle over the Borderlands // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*. Ed. S. Frederick Starr. Armonk. 1994, P. 61–90; Stalin, Man of the Borderlands // *American Historical Review*. Vol. 106. No. 5. December 2001. P. 1651–1691.

фактически явились продолжением революционных преобразований советского строя. В 1935–1936 гг. милиция и органы госбезопасности оказались глубоко вовлечены в очистку и преобразования советского общества. Несмотря на запрещение внесудебных массовых репрессий, эти методы, так же как органы, отвечавшие за их применение, стали неотъемлемой частью государственных программ реформирования социального и этнического состава страны. Действительно, массовые операции против социально-вредных элементов и национальных меньшинств оказались настолько эффективными, что руководство страны использовало те же методы для решения других социальных проблем. В частности, облавы на беспризорных детей стали основным методом решения проблем роста детской безнадзорности и преступности. Поскольку эти проблемы серьезно усугубились в начале 1930-х гг., руководство страны все чаще стало поручать милиции и органам госбезопасности проведение государственной политики в отношении несовершеннолетних. Таким образом, сталинский режим криминализировал и политизировал проблему детской беспризорности и преступности в масштабах, нехарактерных для 1920-х гг. В следующей главе мы рассмотрим, каким образом была передана в компетенцию НКВД и милитаризирована эта проблема, ранее находившаяся в ведении гражданских органов власти.

7. БЕСПРИЗОРНОСТЬ. СПОРЫ ВОКРУГ РЕПРЕССИЙ

То, что нам нужно, – больше законности и меньше целесообразности.

Андрей Вышинский, 1936 г.

На протяжении всех 1920-х гг. и в самом начале 1930-х многие представители власти рассматривали детское хулиганство и беспризорность как взаимосвязанные проблемы, заниматься которыми должны государственные социальные службы. Милиция охотно соглашалась с этим мнением. Еще в 1930 г. НКВД РСФСР, как следует из его доклада, придерживался в этом вопросе «мягкого» курса, считая хулиганство общественной аномалией, влиять на которую следует преимущественно культурно-воспитательными, а не милицейскими средствами. Как утверждал анонимный автор этого доклада, подавляющее большинство хулиганов составляли рабочие и крестьяне, и только один этот факт, по его мнению, опровергал сложившееся представление, согласно которому хулиганство является одной из форм политического протеста против советской власти, провоцируемого деклассированными и враждебными элементами. Поэтому вместо жестких милицейских репрессий он призывал усилить работу социальных ведомств и профсоюзов по культурному воспитанию молодежи. Этот призыв вытекал из анализа сведений об арестованных хулиганах, который доказывал слабое влияние на них социальных служб и молодежных организаций. В любом случае, отмечалось в докладе, милицейские репрессии могут оказаться совершенно неадекватным подходом, учитывая, что имеющиеся данные указывают на нежелание общественности передавать юных правонарушителей в руки милиции. Доклад подтверждал справедливость широко распространенного мнения, согласно которому общественность способна более эффективно, чем милиция, справляться с проблемами подростковой преступности¹.

После подчинения милиции ОГПУ в 1930 г. начался отход от этого мягкого курса, особенно в связи с резким и очевидным ро-

---

¹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 84. Д. 24. Л. 17об.

стом подростковой преступности и числа безнадзорных детей на улицах городов, наблюдавшимся в начале 1930-х гг. В настоящей главе описано, как происходили перевод этой проблемы под контроль органов милиции и госбезопасности и постепенная милитаризация политики в этой области. Этот процесс сопровождался ужесточением отношения к детскому хулиганству и беспризорности, политизацией этих явлений, ранее считавшихся социальными аномалиями, и решительным сосредоточением Ягодой в своих руках проблем поддержания общественного порядка, становившихся все более острыми.

Первые шаги

Еще в 1931 г. Д. В. Усов, первый начальник РКМ, назначенный ОГПУ, стал продвигать идею включения проблем подростковой преступности в сферу деятельности милиции в рамках общего усиления ее участия в жизни общества. В августе этого года Усов разослал руководителям милиции на местах директиву, предупреждавшую о растущей угрозе, связанной с ростом числа беспризорных детей и подростковой преступности. Для более полного изучения масштабов этой проблемы он приказал не позднее декабря представить доклады о ситуации с детской беспризорностью на местах. Интересно отметить, что из окончательной редакции директивы Усов вычеркнул требование проанализировать причины беспризорности, которое присутствовало в ее проекте. Видимо, ему не хотелось, чтобы местные милицейские начальники рассуждали о социальной или политической природе беспризорности и подростковой преступности, высвечивая связи между этими явлениями и жестокой государственной политикой коллективизации и раскулачивания².

Усов ловко обошел эти взаимосвязи в отдельном распоряжении, изданном в декабре 1931 г., в котором он попытался предложить адекватный милицейский ответ на очевидно нарастающую угрозу общественному порядку. С одной стороны, Усов был сторонником жесткого курса. Руководствуясь своим общим непримиримым отношением к нищим и бездомным, он призывал милицию к решительным действиям, направленным против детской беспризорности и преступности. С другой стороны, Усов все еще признавал, что роль милиции в обращении с этой частью населения может быть только вторичной и вспомогательной, в то время как основная ответственность за работу с сиротами и юными правонарушителями ложится на социальные

---

² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 177.

учреждения³. Вместе с тем он не очень доверял этим учреждениям, поэтому в своей августовской директиве подготовил почву для проверки милицией эффективности проводимой ими социальной политики. Усов потребовал, чтобы местная милиция не только представила статистические данные по беспризорности и подростковой преступности в ее регионе, но и хотел получить сведения о мерах по борьбе с этими явлениями, принимаемых образовательными учреждениями, отделениями Общества друзей ребенка, управлениями и отделами здравоохранения, детскими комиссиями местных Советов. Иными словами, Усов собирал факты, свидетельствовавшие против местных служб социальной поддержки детей и подростков. Он затребовал сведения о численности «несовершеннолетнего преступного элемента» и количестве малолетних правонарушителей, отправленных в детские исправительные заведения закрытого типа и в открытые трудовые колонии⁴.

К середине 1933 г. Усов обладал всей запрошенной информацией, а уголовный розыск РКМ представил ему критический доклад о состоянии дел с молодежной преступностью в 1931–1932 гг. Этот доклад не отличался особой четкостью. В нем отмечались ускорение темпов роста подростковой преступности и неспособность социальных служб справляться с молодежными проблемами, но выводы доклада о социальном происхождении и политическом значении молодежной преступности противоречили приведенной в нем статистике. Более того, не все отчеты местных милицеских руководителей соответствовали тому общему курсу, который собирался проводить Усов. Так, руководство московской милиции согласилось с мнением о росте подростковой преступности, а, к примеру, в дальневосточном крае считали, что местные социальные службы сами, без привлечения милиции в состоянии полностью справиться с проблемой детской беспризорности⁵. Авторы доклада уголовного розыска предостерегали, что среда юных правонарушителей сильно засорена враждебными элементами и что классовые враги манипулируют несовершеннолетними преступниками, подталкивая их к совершению таких преступных действий против советских порядков, как поджоги. Содержавшаяся в докладе таблица социального происхождения несовершеннолетних преступников, осужденных в конце 1931 – начале 1932 г., указывала, что примерно 40 % из них происходили из рабочих семей. Вторую по численности группу составляли дети государственных служащих (13 % в конце 1931 г. и 10 % в начале 1932 г.) и колхозников-бедняков

---

³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1. Л. 278об.

⁴ Там же. Л. 177об.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 478. Л. 45, 40 соответственно.

(6 % и 4 % соответственно). Еще одним курьезом стало то, что в докладе отнесение несовершеннолетних преступников к категории «социально-опасных элементов» определялось видом преступлений, за которые они были осуждены, а не их социальным происхождением. В докладе утверждалось, что 39 % и 48 % осужденных в 1931 и 1932 гг. являлись «социально-опасными», то есть оказалось, что этот вид «преступлений» был не менее распространенным среди малолетних преступников, чем традиционное мелкое воровство, за которое было осуждено 46 % в каждом году. Таким образом, манипуляции с классификацией преступников и статистические уловки, позволявшие придать обычным преступлениям «социально-опасный» характер, послужили милиции «доказательством» того, что подростковая преступность становится частью классовой войны против советского государства. Однако реальная статистика рисовала совсем иную, типичную в этой области картину. Большинство несовершеннолетних преступников занималось традиционной криминальной деятельностью, такой, как карманные кражи или простое воровство. Только около 5 % из них были осуждены за хулиганство, и никто не был привлечен к суду за антисоветскую деятельность. В докладе справедливо отмечена также тревожная тенденция к росту рецидивной преступности, т. е. преступления совершали подростки, уже имевшие судимости или приводы в милицию⁶.

В милицейском докладе рост подростковой преступности связывался с обострением проблемы беспризорности, а также в нем остро критиковалось отсутствие координации действий различных ведомств по ее разрешению. Анонимные авторы доклада отметили, что в связи с отсутствием межведомственного обмена информацией нет даже четкой статистики, характеризующей состояние дел в этой области, кроме, разумеется, милицейской. Работа учреждений соцобеспечения и специальных комиссий о несовершеннолетних преступниках (так называемых «комонес») в докладе расценивалась как совершенно неудовлетворительная, сводящая на нет все усилия милиции. Хуже того, отсутствие действительно работающих социальных учреждений вынуждало милицию заниматься проведением малоэффективных облав на беспризорных детей на улицах городов и на транспорте. Милиция не контролировала места содержания или распределения задержанных детей, переданных ею социальным учреждениям или судам по делам несовершеннолетних. Детские дома и исправитель-

---

⁶ Там же. Д. 479. Л. 14. Согласно общей статистике, полученной ГУ РКМ из 18 краев и областей во второй половине 1931 г., здесь милицией было задержано всего 26 230 несовершеннолетних, а данные за первую половину 1932 г. из 15 краев и областей сообщают о задержаниях 11 202 несовершеннолетних. Там же. Л. 13.

ные заведения содержались настолько плохо, что их можно было считать проходными дворами или даже кузницами несовершеннолетних преступников. Специальные суды по делам несовершеннолетних системы комонес часто выносили подросткам слишком мягкие приговоры даже за тяжелые преступления. В результате, как с досадой утверждалось в докладе, беспризорные дети и несовершеннолетние преступники очень скоро снова оказывались на улице. Наиболее остро указанная проблема касалась детей младше 16 лет, составлявших почти половину задерживаемых милицией в качестве беспризорников или за разные преступления, но большинство из них утекало через сито системы. Регулярные суды отказывались принимать к рассмотрению дела несовершеннолетних правонарушителей моложе 16 лет. Условия жизни в детских домах были не намного лучше, чем на улицах. В них либо вообще отсутствовал надзор за детьми, либо детей эксплуатировали и жестоко с ними обращались. В любом случае существовавшие методы не обеспечивали перевоспитания этого сегмента отверженной молодежи, быстро растущего в количестве⁷.

Рекомендации, содержащиеся в докладе, были вполне предсказуемыми. Отмечая рост численности беспризорных детей и усиливающееся влияние на них деклассированных элементов, авторы доклада призывали к более активному участию милиции в решении этой проблемы. Милиция должна была продолжать решительную очистку городских районов от беспризорников, но при этом также взять под свой контроль центры размещения задержанных детей. Рекомендовалось ликвидировать систему комиссий о несовершеннолетних преступниках, передав их функции милиции. В докладе также предлагалось учредить трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей в системе милиции, в которых они должны были перевоспитываться и превращаться в полезных членов советского общества⁸.

Призыв к созданию специальных колоний для беспризорников мог показаться слишком жестокой мерой, но с такими рекомендациями выступала не только милиция. Годом ранее, в 1932 г., нарком юстиции Крыленко и глава наркомпроса РСФСР А. С. Бубнов отмечали тревожный рост числа беспризорников, попадавших в детские дома. Они, подобно докладу угрозыска 1933 г., называли детские дома проходными дворами, которые служили лишь временным пристанищем для беспризорников и питательной средой для выращивания несовершеннолетних преступников. По мнению обоих правительственных чиновников, часть проблемы заключалась в близости детских

---

⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 489. Л. 18.

⁸ Там же. Д. 479. Л. 22.

домов к основным городским центрам, что позволяло воспитанникам достаточно легко сбежать из них и пробираться в близлежащие города. Крыленко и Бубнов рекомендовали для «радикального разрешения ситуации» разрешить наркомюсту и наркомпросу создать несколько крупных колоний для беспризорных детей с различными уровнями строгости режима в «отдаленных районах» Северного края. Они были убеждены в том, что такое решение будет удерживать детей от попыток бегства, учитывая изолированность мест размещения колоний и сложности, с которыми будут сталкиваться беглецы. Не совсем ясно, какие действия предприняли ЦК партии или правительство в ответ на это предложение, но оно было вскоре подкреплено аналогичными требованиями НКВД⁹.

Комиссии Политбюро

Руководители НКВД продавливали свои рекомендации, являясь участниками комиссии Политбюро по вопросам детской беспризорности и преступности. Эта комиссия была образована в конце зимы или ранней весной 1934 г. под председательством члена Президиума Совнаркома В. Я. Чубаря. Наряду с руководителями НКВД высокого ранга, заместителем Ягоды Я. С. Аграновым и видными политиками М. И. Калининым и председателем комитета по делам детей ВЦИК Н. А. Семашко, в ее состав входили представители всех заинтересованных социальных ведомств. Последний был главным сторонником реформирования детской политики и принимал активное участие в руководстве системой детских домов. Дебаты, происходившие в этой комиссии в период лета и до конца 1934 г., и окончательная редакция проекта постановления, подготовленная ею в апреле 1935 г., дают редкую возможность взглянуть на то, как происходил захват НКВД этого важного направления государственной социальной политики. Изучение материалов комиссии и проектов подготовленных ею документов показывает, как по существу была криминализована беспризорность, а подростковая преступность политизирована как несущая угрозу советским порядкам и государственной безопасности.

Первые результаты работы комиссии отражали традиционные взгляды на ответственность социальных ведомств за решение проблемы беспризорности. Будучи остро критически настроенной по отношению к деятельности комиссариатов, отвечавших за образование и здравоохранение (наркомпроса и наркомздрава), и других органи-

⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 515. Л. 1–3. См. также: Paul Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia, 1930–1941*. Ph.D. diss. University of Texas, 1999. P. 165.

заций, занимавшихся социальным обеспечением населения, комиссия тем не менее не призывала к радикальному изменению политики в данной области. Члены комиссии требовали увеличения бюджетных ассигнований, расширения сети детских домов и улучшения финансирования исправительных учреждений. Проекты постановлений, подготовленные в июле, а затем в сентябре 1934 г., требовали принятия серьезных специальных мер по улучшению содержания детей в детских домах, повышению профессионализма персонала, ужесточению дисциплины и охраны. Оба проекта призывали к большей диверсификации трудовых и исправительных колоний и других институтов системы наркомпроса¹⁰.

Новые и неоднозначные предложения касались учреждения специальных судов для юных преступников в возрасте от 12 до 16 лет, но в проектах постановлений ничего не говорилось о том, в чьем ведении они должны находиться – оставаться в рамках неэффективной системы комонес или подчиняться наркомюсту. Комиссия рекомендовала ввести запрет на самостоятельные, без сопровождения родителей или специально назначенных сопровождающих лиц, поездки детей младше 14 лет на таких видах дальнего транспорта, как железнодорожный и речной. Предлагалось изменить законодательство в направлении ужесточения ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а также родителей или опекунов, не обеспечивших должный присмотр за собственными или находящимися под их опекой детьми, совершившими преступления. Наиболее противоречивым оказалось предложение подкомиссии по подростковой преступности, рекомендовавшей поручить милиции провести разовую десятидневную операцию по зачистке городских районов¹¹. В ходе этой операции следовало задержать всех безнадзорных детей на улицах и временно разместить их в расширенной системе приемников-распределителей наркомпроса в ожидании решения дальнейшей судьбы специальными комиссиями, действовавшими в каждом приемнике-распределителе. Эти комиссии должны были состоять из местных представителей милиции, систем образования, здравоохранения и судебной. Детей, не замешанных в преступлениях, следовало возвращать под присмотр родителей или родственников, направлять в центры социальной адаптации или в исправительные

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 18. Л. 259–269 (июльский проект), Л. 32–41 (сентябрьский проект); а также: Там же. Оп. 71. Д. 176. Л. 16–29 (июльский проект).

¹¹ Фактически Чубарь сформулировал свои предложения в виде написанных от руки набросков к докладу, который ему предстояло представить ЦК. Свои рекомендации он основывал на рекомендациях подкомиссии по детской преступности, в которой доминировали представители НКВД. Там же. Оп. 26. Д. 18. Л. 228.

учреждения. Детей с криминальным прошлым следовало направлять в исправительные колонии, а подростков, осужденных за тяжелые преступления, или юных рецидивистов помещать во вновь созданную систему закрытых детских исправительных учреждений тюремного типа, которая должна находиться в ведении наркомюста¹².

Такие видные члены комиссии, как Калинин и Семашко поначалу безуспешно возражали против включения репрессивных мер в проекты постановлений. Калинин ясно высказал свои возражения против установления системы специальных подростковых судов и создания закрытых исправительных заведений. Он был принципиальным противником систематических репрессивных кампаний, направленных против несовершеннолетних правонарушителей¹³. Семашко, весьма критически настроенный в отношении наркомпроса, призывал к значительному расширению программ социальной поддержки бездомных детей. Комиссия, очевидно, прислушалась к их аргументам, поскольку из проекта постановления, составленного в декабре 1934 г., был полностью исключен весь раздел с рекомендуемыми действиями милиции против беспризорников¹⁴. Тем не менее в этом проекте остались положения, касающиеся создания специальных судов и закрытых исправительных заведений для несовершеннолетних преступников. Но наиболее зловещим изменением стало внесение в проект предложения о выведении этих исправительных заведений из-под юрисдикции наркомюста и передаче в ведение НКВД. Это изменение, касающееся административной принадлежности исправительных заведений, соответствовало проводимой в то время общей реформе полицейской системы, в результате которой все места заключения были подчинены НКВД, но оно послужило предзнаменованием грядущих, более суровых мер¹⁵.

Декабрьский проект постановления не стал последним словом в процессе выработки ювенальной политики. По неясным до конца причинам, а скорее всего под давлением приверженцев жесткого курса, недовольных проектом, Политбюро пересмотрело состав комиссии. Ее председателем был назначен Калинин. В состав комис-

---

¹² См.: Там же. Л. 259–269 (июльский проект), Л. 32–41 (сентябрьский проект); а также: Оп. 71. Д. 176. Л. 16–29 (июльский проект). В более раннем, июньском проекте постановления (Там же. Оп. 26. Д. 18. Л. 67), эта комиссия именовалась тройкой, но такое ее название было исключено из последующих проектов. Несомненно, слово «тройка» вызывало ассоциации с политическими тройками, которых члены комиссии старались избегать, а также потому, что комиссии состояли из четырех человек вместо традиционных трех.

¹³ Там же. Оп. 26. Д. 50. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 43.

¹⁵ Там же. Л. 44.

сии вместо Агранова был введен Ягода, что усилило влияние НКВД на выработку ее решений. Наряду с другими в комиссию был также включен преданный сталинист К. Ворошилов, руководивший наркоматом обороны. На первый взгляд, председательство Калинина в комиссии было признаком сохранения «мягкого» курса в решении подростковых проблем, но проект рекомендаций, выработанных ею в феврале 1935 г., был ориентирован на значительное расширение полномочий милиции. Февральский проект предусматривал сокращение бюджетных ассигнований, выделяемых на увеличение сети детских домов. Против этой меры решительно возражала Надежда Крупская, входившая в состав комиссии как специалист по народному образованию. С другой стороны, в этом проекте содержалась рекомендация НКВД учредить собственную систему исправительных центров и колоний для трудновоспитуемых детей. Проект также призывал к интенсификации чисто полицейских мер воздействия на несовершеннолетних. Вновь появилась рекомендация по проведению милицейских облав на безнадзорных детей, но на этот раз не в качестве одноразового мероприятия. Проект постановления поручал милиции проводить систематическую очистку от них улиц, рынков и железнодорожных станций во всех городах. Выловленные при этом дети должны были помещаться в детские дома или направляться в колонии НКВД¹⁶.

В следующем, мартовском проекте постановления и в его окончательной редакции, подготовленной в апреле, полномочия НКВД были дополнительно расширены с одновременным, еще более решительным урезанием роли социальных учреждений. Например, из общей картины практически полностью выпал наркомпрос, бывший ранее основным правительственным ведомством, отвечавшим за все, что было связано с беспризорными детьми и малолетними преступниками. В ведении наркомпроса формально осталась система детских домов для трудновоспитуемых, но ее лишили всякого государственного финансирования. Предполагалось, что эти детские дома должны содержаться исключительно за счет вычетов из заработной платы родителей или опекунов воспитывавшихся в них детей¹⁷. Одновременно НКВД поручалось создание системы исправительных учреждений для беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей. На бумаге эта система выглядела настоящей империей. В частности, НКВД должен был взять под свое руководство все исправительные заведения и детские колонии, а также специальные изоляторы для не-

---

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 50. Л. 77–87.

¹⁷ Предположительно под контролем наркомпроса осталась все еще обширная сеть детских домов для детей-сирот.

совершеннолетних, совершивших тяжелые преступления. Более того, в ведении НКВД теперь оказывались приемники-распределители, куда временно помещали задержанных безнадзорных детей до решения вопроса об их дальнейшем размещении или об отправке в места заключения. Предполагалось, что дети должны были содержаться в этих учреждениях не более месяца, в течение которого должен был решиться вопрос об их передаче родственникам, отправке в спецшколы или колонии НКВД или до передачи их дел в суды. Режим содержания детей в этих заведениях предполагался достаточно строгий, чтобы предотвратить бегство и возвращение беспризорников на улицы, то есть разрешить проблему, с которой не справлялась прежняя система, подчиненная наркомпросу¹⁸. В результате всех этих перемен ребенок, подобранный на улице, полностью оказывался во власти НКВД, независимо от того, был ли он замешан в каких-либо преступлениях или нет. Этим детей задерживала милиция и как настоящих заключенных помещала в управляемые НКВД центры временного содержания строгого режима. Таким образом, происходил первый и важный контакт бездомных детей с государственной властью.

Почтенные специалисты возражали против подобных рекомендаций. К их числу, безусловно, принадлежали Семашко и Надежда Крупская. Крупская была решительной защитницей социального решения проблемы беспризорных детей и подростковой преступности, выступая, пусть даже косвенно, против жестоких милицеских подходов. Она стремилась доказать, что бездомность и безнадзорность детей и подростковая преступность уходят корнями в социальные изменения в стране и в перемены ситуации в семьях, связанные прежде всего с увеличением доли женщин в рабочей силе, постоянным отсутствием дома работающих родителей и суровым дефицитом жилья, возникшим в последние годы. Эти проблемы, по ее мнению, следовало решать не путем криминализации детей, а усилением общественной помощи семьям и муниципальным учреждениям образования и социального обеспечения¹⁹. Но вопреки всем возражениям, чисто полицейские методы, предлагавшиеся НКВД, взяли верх над более умеренными рекомендациями. Предложения НКВД были законодательно оформлены в виде совместного поста-

---

¹⁸ Окончательный апрельский проект постановления см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1612. Л. 93–102.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 22–26. Приводя эти аргументы, Крупская избегала упоминаний о самой очевидной причине детской бездомности, заключающейся в жестокой политике власти, проводившейся ею в начале 1930-х гг.

новления Совнаркома и ЦК партии от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»²⁰.

Способность руководителей НКВД навязать свою волю при выработке государственной социальной политики, проявившаяся при подготовке этого постановления, отражала усиление власти ведомства и прежде всего умение Ягоды манипулировать выработкой политических решений. Внезапное изменение положений постановления по сравнению с декабрьскими рекомендациями комиссии Калинина определенно связано с участием Ягоды в ее работе, но также объясняется необходимостью учета предложений другой комиссии Совнаркома, в это же время готовившей постановление о борьбе с преступностью и улучшении работы милиции. Последняя была образована под председательством заместителя Председателя Совнаркома Яна Рудзутака одновременно с комиссией по детской преступности во главе с Чубарем. Ягода параллельно с участием в комиссии Калинина заседал также в комиссии Рудзутака и написал для нее основной проект постановления Совнаркома. Ягода придавал настолько большое значение проблеме молодежной преступности, что убедил комиссию Рудзутака уделить ей 3 из 5 основных предложений по реформированию милиции, стоявших на повестке дня²¹. Его предложения почти слово в слово повторяли меры, включенные в окончательную редакцию проекта постановления о ликвидации детской беспризорности, подготовленного комиссией Калинина. Ягода убедил комиссию по борьбе с преступностью понизить возраст привлечения подростков к уголовной ответственности до 13 лет, уговорил внести предложение, разрешающее НКВД учредить специальные закрытые исправительные учреждения и трудовые колонии для несовершеннолетних преступников и настоял на ужесточении наказаний для взрослых за вовлечение или попустительство участия детей в преступной деятельности²².

Вопреки попыткам прокуратуры несколько смягчить наиболее жесткие меры, исходившие от Ягоды, его предложения почти полностью вошли в окончательный текст постановления ЦИК и Совнаркома СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Этим постановлением власть разрешила

---

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 22–26. Протокол 24 от 26 апреля 1935 г. Опубликованный текст закона см.: Собрание законов и распоряжений. № 32. 20 июня 1935 года. С. 473–476. В опубликованном тексте закона отсутствовал раздел о милицеских операциях. О работе комиссии Чубаря см. также: Hagenloh. Police, Crime, and Public Order. P. 179–180.

²¹ Обобщено в: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1270. Л. 5.

²² Там же. Л. 7.

«привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания... несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству»²³. Секретное дополнение к этому постановлению, датированное 20 апреля, информировало прокуратуры и судебные органы о том, что наказания, выносимые малолетним преступникам, могут включать смертную казнь²⁴. Апрельское постановление о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних было непосредственно основано на рекомендациях комиссии Рудзутака, но дебаты, проходившие в этой комиссии, определенно повлияли также и на работу комиссии Калинина. ЦК партии 31 мая 1935 г. утвердил жесткий вариант постановления о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, учитывавший существенные предложения НКВД по этому вопросу и составленный в выражениях, характерных для постановления от 7 апреля, касавшегося борьбы с преступностью среди несовершеннолетних.

Ягода был не единственным представителем высшего руководства страны, действовавшим из-за кулис. На поворот к ужесточению политики в отношении несовершеннолетних повлияли и другие политические лидеры. К написанию окончательной редакции доклада комиссии по детской преступности приложили руку Сталин и Молотов, официально в ее состав не входившие. Молотов отредактировал предварительный проект постановления, а Сталин от руки внес на его полях рекомендацию по снижению возраста привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности с 16 до 12 лет. Ягода первоначально предлагал понижение этого возраста до 13 лет, но в окончательном варианте постановления было учтено предложение Сталина. Будучи сторонником жестких мер, Сталин также выразил неудовольствие в отношении написанного Вышинским раздела о применении к несовершеннолетним преступникам, наряду с наказаниями, «мер воспитательно-медицинского характера». Сталин подчеркнул это предложение и на полях написал «Непонятно!». В окончательном тексте апрельского постановления «воспитательно-медицинские меры» не упоминаются вовсе²⁵.

²³ Собрание законов. № 19. Май 1935 года. С. 262.

²⁴ Текст дополнения воспроизведен в книге: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов / Сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995. С. 144–145.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 23–24. Питер Соломон подчеркивает личную роль Сталина в формулировании закона о несовершеннолетних преступниках, принятого в 1935 г. См.: Peter H. Solomon Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 197–203, особенно p. 201. См. также: Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order*. P. 140–141; David R. Shearer. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia*:

Свою лепту внесли и другие заметные политические фигуры. В конце марта Ворошилов, входивший в детскую комиссию Калинина, написал резкое письмо, адресованное одновременно Сталину как Генеральному секретарю ЦК партии, Молотову как Председателю Совнаркома и Калинину как председателю упомянутой комиссии. Прочитав в газете о «чудовищных формах, в которые... выливается хулиганство подростков», Ворошилов выразил свое возмущение «почти благодушным отношением судебных органов в отношении этих фактов»²⁶. В своем письме Ворошилов повторил сведения, полученные им от начальника московской милиции Л. Д. Вуля относительно нескольких тысяч «зарегистрированных» несовершеннолетних хулиганов, шатающихся по улицам Москвы. Под «зарегистрированными» Вуль подразумевал несовершеннолетних правонарушителей, известных милиции, сведения о которых содержатся в милицейских надзорных картотеках. Речь шла не о заурядных хулиганах, а об «особо злостных хулиганах-подростках», среди которых имелось «не менее 800 бесспорных бандитов, способных на все». В своем письме Ворошилов отметил, что «комиссии т. Жданова (по школам) и т. Калинина (по беспризорным и безнадзорным детям) на днях внесут свои предложения в ЦК. Но и после этого вопрос об очистке Москвы от беспризорного и преступного детского населения не будет снят, т. к. не только Вуль, но также Хрушев, Булганин и Ягода заявляют, что они не имеют никакой возможности размещать беспризорных из-за отсутствия детдомов, а, следовательно, и бороться с этой болячкой». В конце марта, когда, очевидно, Ворошилов выступил со своим обращением, вопрос о передаче системы детских учреждений в НКВД и ее расширении еще не был решен, и возможно письмо Ворошилова подтолкнуло к ускорению принятия соответствующих решений. Он доказывал, что в ведение милиции следует передать не только беспризорных, но и безнадзорных детей с тем, чтобы защитить столицу от растущей проблемы детского хулиганства. Было ли это как-то связано с письмом Ворошилова или нет, но окончательная редакция проекта постановления, подготовленного комиссией Калинина, практически полностью передала детские учреждения под юрисдикцию НКВД и

A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du Monde russe. Vol. 39. No. 1–2. 1998. P. 129–130; Gabor Rittersporn. Between Revolution and Daily Routine: Youth and Violence in the Soviet Union in the Interwar Period // Sowjetjugend 1917–1941: Generation Zwischen Revolution und Resignation. Ed. Corinna Kuhr-Korolev, Stefan Plaggenborg, Monica Wellmann. Essen, 2001. P. 66.

²⁶ Поводом к написанию Ворошиловым данного письма стал приговор шестнадцатилетнему убийце, которого суд приговорил всего к пяти годам заключения. Сталинское Политбюро... С. 144.

впервые предоставила милиции право высылать беспризорных в те регионы, откуда они прибыли, вместо того, чтобы помещать их в московские детские дома²⁷.

Хулиганство

Проекты постановлений, подготовленных комиссиями Рудзутака и Калинина, а также процитированное выше письмо Ворошилова отражали растущие опасения властей в отношении хулиганства и его связи с социально-опасными личностями. Хулиганству был посвящен один из пяти основных пунктов рекомендаций комиссии Рудзутака по борьбе с преступностью, а в окончательный проект постановления, подготовленный в апреле 1935 г. комиссией Калинина, был включен отдельный раздел, озаглавленный «Об организации борьбы с хулиганством детей на улицах». Такой раздел, специально посвященный детскому хулиганству, в более ранних редакциях постановления отсутствовал, а все виды детских преступлений были объединены под рубрикой «правонарушения несовершеннолетних», или «детская преступность». Включение в проект буквально в последнюю минуту положений о хулиганстве, а этот раздел появился в марте всего за несколько недель до представления окончательной редакции постановления, поднимал его на уровень одной из главных социальных опасностей. Переключение внимания с просто детской преступности на хулиганство развязывало руки милиции в криминализации этого явления и в применении в его отношении более суровых мер, чем ранее, когда хулиганство считалось «социальной аномалией». Внезапно, как следовало из заключения комиссии Калинина, оказалось «совершенно нетерпимым, что... на улицах столичных и крупных городов все еще имеют место возмутительные хулиганские выходки детей и подростков». Примерами подобных выходок являлись драки, оскорбления взрослых, катание на бамперах уличного транспорта. Соответственно, следовало «поручить милиции установить персональную ответственность за поддержание нормального и культурного порядка на городских улицах, и обеспечить правильное поведение детей в общественных местах». Безусловно, все это вылилось в привычные призывы к милиции обеспечить «систематическое изъятие с улиц беспризорных и хулиганствующих детей». Подобная фразеология, наряду с уже состоявшимся возложением на милицию ответственности за проведение политики в отношении несовершеннолетних, решительно криминализовала детскую беспризорность,

²⁷ Там же. С. 144; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1612. Л. 100.

приравняв ее к растущей угрозе со стороны хулиганства. При этом беспризорность автоматически совершенно четко связывалась с криминальным и общественно-опасным поведением²⁸.

Очевидно, что раздел, посвященный хулиганству и ответственности милиции за борьбу с ним, написал председатель детской комиссии при ВЦИК Н. А. Семашко. Ягода возражал против стиля изложения этого раздела с его критическим отношением к работе милиции и предложениями о создании при исполкомах местных Советов специальных комиссий для наблюдения за работой милиции по очистке городских улиц от беспризорников и малолетних хулиганов. В частности, эти комиссии предлагалось наделить правом привлечения к строгой ответственности как рядовых милиционеров, так и их начальников за нерадивость в исполнении ими своих обязанностей. Это предложение звучало достаточно жестко, и Ягоде не могло понравиться само предположение, что милиция не справляется или может не справиться со своими обязанностями²⁹. Однако он не стал особо возражать, и это предложение осталось в окончательной редакции проекта постановления. Ягода мог позволить себе не обратить особого внимания на эти критические замечания в адрес милиции, поскольку при подготовке новых постановлений по борьбе с беспризорностью и детской преступностью добился практически всего, чего желал. Предоставленное исполкомам местных Советов право налагать взыскания на сотрудников милиции на деле было не более, чем фиговым листком, прикрывающим тот факт, что НКВД захватил важный сегмент социальной политики и узурпировал властные полномочия и финансовые средства, ранее принадлежавшие местным властям. Под юрисдикцией НКВД оказался еще один существенный аспект поддержания общественного порядка.

Отождествление детских правонарушений с хулиганством приобретало все более зловещий смысл, поскольку к 1935 г. власти начали усматривать в росте детской преступности серьезную политическую и общественную проблему. Как уже было отмечено выше, комиссия Рудзутака, готовившая постановление о борьбе с детской преступностью, посвятила в нем заметный раздел хулиганству, а Прокуратура и Верховный Суд в своих докладах за 1935, а потом и за 1936 гг. предупреждали местные власти о необходимости серьезного отношения к взаимосвязям между подростковой преступностью и антисоветскими настроениями. Как отмечалось в докладе Прокуратуры РСФСР за 1935 г., хулиганство теперь не сводится исключительно к оскорблениям и бесчинствам, но все чаще проявляется в организованных актах насилия и разбойных нападениях с применением

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1612. Л. 99–100.

²⁹ Там же. Л. 67.

оружия, совершаемых несовершеннолетними преступниками. В некоторых местах, говорилось в докладе, подростковое хулиганство перерастает в бандитизм и другие контрреволюционные преступления³⁰. В документе, выпущенном Верховным Судом СССР, утверждалось, что хулиганство приобретает все более опасные формы, поскольку включает акты, «подрывающие порядок управления и направленные против органов советской власти, которые охраняют общественный порядок». Более того, хулиганство является одним из наиболее опасных преступлений, поскольку его жертвой может стать любой человек. Но по странной логике Верховного Суда такие нарушения общественного порядка, как драки в кафе, кинотеатрах или на улицах, представляли большую опасность по сравнению с нападениями на граждан, поскольку хулиганство в общественных местах представляло собой прямые выступления против советской власти. Цитируя ставшие к тому времени знаменитые формулировки Сталина, объявившего в январе 1933 г. преступность новой формой классовой борьбы, Верховный Суд декларировал, что по мере экономического и политического укрепления советского государства решительная борьба с хулиганством становится все более неотложной необходимостью³¹.

Операции против детей и хулиганов

Милиция, не теряя времени даром, приступила к активным действиям во исполнение вновь принятых постановлений по борьбе с беспризорностью, хулиганством и детской преступностью. С весны 1935 г. начались массовые облавы на беспризорных и безнадзорных детей, в результате которых многие из задержанных были отправлены в трудовые колонии НКВД. Как докладывал Ягода, за вторую половину 1935 г. местная и железнодорожная милиция задержали в общей сложности порядка 160 тыс. беспризорников и безнадзорных детей, из которых 62 тыс. были отправлены в колонии НКВД, а еще 74 тыс. возвращены под надзор родителей или родственников. По сообщению Ягоды, в детские дома, находившиеся в ведении наркомпроса или наркомздрава, было помещено 13 700 детей, а еще около 10 тыс. были арестованы, уличены в совершенных преступлениях и осуждены по приговорам троек³². Как и в случае паспортных и иных

³⁰ Там же. Д. 1619. Л. 39.

³¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 10. Д. 49. Л. 4–5.

³² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 6. О кампаниях по борьбе с несовершеннолетней преступностью см. также: Hagenloh, *Police, Crime, and Public Order*. P. 141–142, 186–190. О реакции на них судебной системы см.: Solomon, *Soviet Criminal Justice*. P. 204–208. Соломон доказывает, что, в отличие от агрессивной политики милиции, судьи зачастую избегали выносить самые суровые приговоры несовершеннолетним.

кампаний, данные НКВД о результатах проведенных операций существенно отличались от цифр, сообщавшихся другими ведомствами. В соответствии с докладом ЦИК СССР, опубликованном в 1938 г., местной и железнодорожной милицией во второй половине 1935 г. было задержано всего около 62 тыс. детей, что намного меньше тех 160 тыс., о которых докладывал Ягода, а число задержанных детей за весь 1936 г. слегка превысило 92 тыс. По сведениям ЦИК, в детские учреждения наркомпроса и других гражданских ведомств во второй половине 1935 г. было помещено 16 560 детей. В результате общее число задержанных и помещенных в различные детские учреждения за этот период, составило 78 560 человек. По версии ЦИК, примерно 14 тыс. из них в 1935 г. и около 17 тыс. в 1936 г. были отправлены в детские трудовые колонии НКВД. Еще 18 тыс. детей во втором полугодии 1935 г. милиция вернула родителям. ЦИК сообщил, что примерно половина из 78 560 детей, задержанных во второй половине 1935 г., а именно – 35 тыс., попали в детские дома, находившиеся в ведении наркомпроса или наркомздрава³³.

Как следует из приведенных выше цифр, данные ЦИК, содержащиеся в докладе за 1938 г., почти вдвое отличаются от сведений, приведенных Ягодой в его докладе за 1936 г. Если Ягода докладывал, что примерно 40 % детей, задержанных на улицах, были направлены в колонии НКВД, то, по данным ЦИК, это число составляло менее 25 %, а подавляющее большинство из них, около половины, оказались в детских домах, не подведомственных милиции. Но, несмотря на расхождения, оба документа отражали невероятно усилившуюся роль НКВД в решении проблемы беспризорных детей. В них, в частности, отмечался значительный сдвиг от наркомпроса к НКВД в управлении детскими учреждениями, в которых размещались выловленные беспризорники. Ягода докладывал, что к июню 1935 г. 260 таких учреждений сменили свое подчинение, а это означало, что около 23 тыс. детей вместо органов социального обеспечения неожиданно оказались под милицейской юрисдикцией³⁴. К этому числу следует прибавить еще 22 тыс., которые уже содержались в центрах и колониях НКВД. В целом, согласно докладу ЦИК, за период с весны 1935 г. по август 1937 г. с улиц городов страны было убрано примерно 325 тыс. детей, из которых более 259 тыс. были задержаны органами местной и железнодорожной милиции. Большинство из них составляли не настоящие беспризорники, а так называемые «безнадзорные» дети, которые были возвращены родителям. Таковых, по данным ЦИК, насчитывалось около 147 335 человек. Примерно 100 тыс. бездомных

---

³³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 2032. Л. 26–27.

³⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 591. Л. 21.

детей были помещены в детские дома, находившиеся в ведении таких органов социальной защиты, как наркомпрос или наркомздрав, а еще около 40 тыс. были отправлены в колонии НКВД или в различные места заключения. Данные, содержащиеся в докладе Ягоды за 1935 г., существенно отличались от сведений ЦИК за тот же период, но в целом пропорции в обоих докладах совпадали. Если Ягода сообщал, что в детские учреждения НКВД во второй половине 1935 г. попало около 40 % задержанных детей, то примерно та же пропорция детей, оказавшихся под юрисдикцией НКВД, но только за два года, указана в докладе ЦИК³⁵.

Споры вокруг репрессий

Продолжившееся в 1935 г. применение внесудебных репрессий породило ряд ожесточенных дискуссий среди высших представителей власти и в бюрократических кругах относительно уровней, видов и назначения репрессий как таковых. О некоторых из возникших разногласий хорошо известно. В начале 1936 г. Крыленко и Вышинский в письмах к руководителям партии и правительства выразили озабоченность растущим числом арестованных на основе постановлений и законов об усилении борьбы с контрреволюцией. Оба были недовольны, что масштабы политических репрессий, если судить по росту числа осужденных по 58 статье Уголовного кодекса (о контрреволюционной деятельности) достигли неоправданных размеров. Первое письмо Вышинского, адресованное одновременно Молотову как Председателю Совнаркома и Сталину как Генеральному секретарю ЦК партии, датировано февралем 1936 г.³⁶ Это письмо повлекло за собой острый обмен обвинениями с Ягодой, на подчиненных которого Вышинский возлагал ответственность за слишком значительный рост численности тюремного населения. Со своей стороны Ягода обвинял суды и прокуратуру в росте числа заключенных в лагерях и тюрьмах страны³⁷. Этот обмен обвинениями иллюстрировал крайнюю ведомственную замкнутость органов милиции и прокуратуры и сложности подсчетов репрессированных. Вышинский и Ягода оказались не в состоянии даже привести согласующиеся между собой статистические данные о числе арестованных за политические преступления, находившихся в государственной пенитенциарной системе, или сообщить, по

³⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 2032. Л. 26.

³⁶ Sarah Davies. The Crime of 'Anti-Soviet Agitation' in the Soviet Union in the 1930s // Cahiers du Monde russe. Vol. 39. No1–2. January – June 1998, P. 142–167.

³⁷ Письмо Вышинского см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 70. Л. 103–106. Ответ Ягоды см.: там же. Л. 138–142.

каким причинам они там оказались. Ягода называл общее число привлеченных за 1935 г. к уголовной ответственности – 293 681, из которых было арестовано 193 083. Он также привел значительно более умеренное число осужденных особым совещанием НКВД, составившее в 1935 г. 33 823 человека. По его уверениям, подавляющее большинство, а именно 228 352 репрессированных, прошло через прокуратуру и суды. Со своей стороны, Вышинский утверждал, что число приговоренных самим НКВД превысило 150 тыс. человек, включая тех, дела которых были рассмотрены паспортными тройками или особым совещанием НКВД. Он также подчеркнул, что 90–95 % осужденных судами были арестованы органами НКВД, а органы прокуратуры, по сведениям Вышинского, возбудили всего около 5–10 % дел, переданных в суды. Кроме того, Вышинский отметил, что реальное число репрессированных еще выше, если учесть членов семей тех, кого осудили по политическим статьям и отправили в ссылку вслед за осужденным родственником. Вышинский привел пример Ленинграда, где количество высланных во время чистки города 1935 г. более чем в 2 раза превысило официальную цифру в 5130 человек, названную милицией. По данным прокуратуры, было отправлено в ссылку 4833 глав семей и 6239 их родных, то есть всего более 11 тыс. жителей города.

Вышинский выдвинул в адрес НКВД еще два критических замечания, связанные с вопросами подсчета числа репрессированных в 1930-е гг. Генеральный прокурор не только сурово осудил слишком большое общее число задержаний и приговоров НКВД, но также отметил немало случаев арестов граждан, чьи дела впоследствии были прекращены или опротестованы прокурорами. Эти дела не поступили на рассмотрение ни в обычные суды, ни в административные органы, наделенные правом вынесения приговоров, а сопровождалось незаконными задержаниями граждан. По оценкам Вышинского, число граждан, пострадавших от подобных злоупотреблений только за 1935 г., намного превысило 800 тыс. человек, причем их дела были инициированы только милицией, не считая органов госбезопасности. Таким образом, по словам Вышинского, от 500 тыс. до 1 млн граждан были незаконно задержаны или арестованы органами НКВД. Это число потрясает, писал Вышинский. Задержания этих людей представляли одну из разновидностей репрессий, существование которой Ягода отказывался признавать³⁸.

---

³⁸ По данным Вышинского, милицией было возбуждено 2 401 412 уголовных дел, в ходе расследования которых было задержано 2 430 585 человек, из которых милиция арестовала 539 519. В конечном счете милиция закрыла 431 276 возбужденных дел, а еще примерно такое же число дел было прекращено прокуратурой. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 70. Л. 134об.

Еще одна и главная претензия Вышинского заключалась в том, что, по его мнению, слишком много людей осуждалось НКВД в административном порядке особым совещанием и милицейскими тройками. Вышинского, конечно, беспокоило слишком значительное число репрессированных, но главную проблему он видел в продолжении неюридических форм репрессий, применение которых с образованием НКВД в 1934 г. предполагалось резко ограничить. При этом также предполагалось, что дела о преступлениях против государства должны были проходить через прокуратуру и суды, а в юрисдикции НКВД останется вынесение приговоров в административном порядке только по особо опасным политическим преступлениям. Таким образом, критика Вышинского в адрес НКВД, в сущности, касалась только распределения полномочий, фактически являясь формой бюрократической борьбы между ведомствами. Он старался утвердить авторитет прокуратуры и судов в проведении государственной репрессивной политики по сравнению с полномочиями НКВД.

Вопросы законности также играли свою роль. Вышинский отмечал, что процедуры сбора доказательств при прохождении дел через особое совещание не соблюдались так строго, как при их рассмотрении в судах. При рассмотрении дел внесудебными органами не требовалось допрашивать свидетелей, необязательным было даже присутствие самих обвиняемых. В результате, писал Генеральный прокурор, решения особого совещания и милицейских троек слишком сильно подвержены ошибкам и злоупотреблениям. Для преодоления всех отмеченных им проблем Вышинский в своем обращении к Сталину и Молотову рекомендовал, прежде всего, расширить участие прокуратуры и судов в политических репрессиях, сократить число дел, проходящих через особое совещание, и еще больше ограничить юрисдикцию этого органа³⁹.

Помимо чисто юридических и бюрократических проблем, споры между Вышинским и Ягодой отражали принципиальное расхождение их взглядов на предназначение репрессий. В этом заключалось главное, что разделяло двух чиновников. Для Ягоды целью репрессий являлась защита государства от его врагов. По его мнению, репрессии должны проводиться безжалостно и эффективно, но тайно, вне поля зрения общества и его институтов. Несмотря на все его заверения в обратном, Ягodu мало заботило соблюдение законных, судебных процедур, которые, по его убеждению, только препятствовали защите государственной безопасности наиболее эффективными способами.

---

³⁹ Там же. Л. 103, 105. Вышинский не конкретизировал ограничения по передаче политических дел на рассмотрение в суды, ограничившись теми, что уже действовали.

Например, он постоянно напоминал руководителям оперативных подразделений НКВД, что их главной задачей является защита государственной безопасности, но при этом они обязаны действовать «на основе революционной законности». На первый взгляд казалось, он убеждал подчиненных в необходимости соблюдать закон и установленные им процедуры, но Ягода тут же цитировал Сталина, чтобы прояснить, что он имел в виду: «И если задачей НКВД является охрана революционного порядка как государственной безопасности на основе революционной законности, то надо при этом помнить указание тов. Сталина, что “основная задача революционной законности в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности”»⁴⁰. В этом заявлении содержался скрытый выпад против прокуратуры и судов с их обоснованными претензиями к НКВД в пренебрежении революционной законностью, которую они трактовали как приверженность соблюдению закона и законных процедур. Обращение Ягоды к расхожей терминологии не могло пониматься его подчиненными иначе, как скрытое одобрение агрессивной полицейской политики, подкрепленное авторитетом Сталина. Подобные заявления и общее отношение Ягоды к законности только усиливали характерное для ОГПУ открытое пренебрежение законом, причем настолько явное, что, как рассказывают, многие сотрудники этого ведомства хвастались тем, что никогда не читали ни уголовный, ни уголовно-процессуальный кодексы. По словам Ягоды, даже многие руководители оперативных служб госбезопасности не имели представления о том, что прокуратура наделена правом надзора за следственными действиями НКВД⁴¹. При этом трудно было подсчитать число претензий руководителей прокуратуры и судебной системы в отношении несоблюдения процедурных требований и вопиющего беззакония в деятельности НКВД⁴².

Для Вышинского так же, как для Ягоды, главная цель репрессий состояла в защите государства, но, в отличие от Ягоды, он доказывал, что репрессии должны иметь также воспитательный смысл, направ-

---

⁴⁰ Из выступления Ягоды перед начальниками оперативных служб вновь сформированного НКВД в 1934 г. Виноградов В. Генрих Ягода – нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов / Сост. В. И. Виноградов и др. Казань, 1997. С. 410.

⁴¹ Там же. С. 417–418. О том же писал Ежов в докладе Сталину в 1935 г.: «Сотрудники не знают законы и даже гордятся этим. В целом их образовательный уровень низок, и они не любят читать». РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 34.

⁴² Историк Н. С. Плотникова утверждает, что даже сам Ягода не понимал, какие отношения должны существовать между прокуратурой и органами госбезопасности. См.: Плотникова Н. С. О деятельности особого совещания при НКВД СССР / Исторические чтения на Лубянке. 1999 г. (www.fsb.ru/history) С. 2.

ленный на укрепление дисциплинированности общества. По мнению Вышинского, репрессии не только не должны быть тайными, но, напротив, иметь как можно более публичный характер. Вышинский был убежден, что публичные суды представляют собой наиболее подходящее место для гражданского и политического воспитания общества и поэтому более всего подходят для рассмотрения политических дел. Расхождение во взглядах между Вышинским и Ягодой относительно назначения репрессий составляло существо многих противоречий между прокуратурой и НКВД. Одним из наиболее абсурдных примеров таких споров стала возникшая в 1936 г. дискуссия вокруг допустимости цитирования в публичных судебных процессах анекдотов, частушек и «клеветнических» измышлений о советской власти или руководстве страны. Ягода считал необходимым это запретить по соображениям безопасности, а также в связи с недопустимостью превращения судов в арену для распространения антисоветской клеветы. Вышинский со своей стороны утверждал, что в соответствии с правилами представления доказательств такое цитирование следует разрешить, причем и главным образом для того, чтобы показать присутствующим на процессе, как государство относится к тем, кто такую клевету распространяет. В конце концов, Совнарком разрешил этот спор, приказав, чтобы подобные материалы включались в судебные протоколы, но цитировались только на закрытых заседаниях судов. Подобное соломоново решение стало попыткой примирения разногласий между Ягодой и Вышинским⁴³.

Вышинский наиболее отчетливо изложил свои взгляды на репрессии и законность в ходе серии дискуссий, состоявшихся в Институте уголовного права при наркомате юстиции. В этом институте работали многие крупнейшие специалисты в области права, включая высокопоставленных функционеров органов юстиции и прокуратуры. Институт опубликовал материалы этих дискуссий в многотомном труде под названием «Проблемы уголовной политики», вышедшем в 1935 г. В своем выступлении Вышинский изложил собственное видение репрессий в рамках советского законодательства и особенно соотношение между судебными и внесудебными их формами⁴⁴. Как и следовало ожидать, Вышинский настаивал на сокращении применения милицией внесудебных форм наказания преступников. Признавая необходимость последних в отдельных редких случаях, он доказывал, что «для дальнейшего развития пролетарской демократии необходимо при наказании преступников твердо и последователь-

⁴³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 849. Л. 1–4.

⁴⁴ Вышинский А. К реформе уголовно-процессуального кодекса // Проблемы уголовной политики. Т. 1. М., 1935. С. 26–39.

но становиться на точку зрения единого универсального процесса законности»⁴⁵. На первый взгляд может показаться, что в приведенной фразе содержится призыв к умеренности, к соблюдению законности и возврату к принципам защиты прав личности в условиях социалистической демократии. На самом деле, настаивая на нормальном судопроизводстве, Вышинский писал, что его не волнует защита прав обвиняемых. Главное заключается в том, насколько та или иная форма репрессий полезна с точки зрения защиты и поддержки государственных интересов. По мнению Вышинского, главное преимущество нормального судопроизводства заключается в открытости судебных процессов для общественного наблюдения, но отнюдь не для влияния общества на принимаемые решения. Вышинский призывал к умеренности в использовании административных репрессий не ради защиты прав граждан. Напротив, он часто критиковал даже суды за излишнюю мягкость выносимых приговоров⁴⁶. Он считал судебный процесс «одной из наиболее удобных форм организации общественного мнения; он, как правило, чрезвычайно удачно выполняет эту свою задачу, именно таким путем достигая лучше всего своей цели – воспитания масс к дисциплине в интересах укрепления государственного авторитета»⁴⁷. Внесудебные репрессии проводятся втайне от общества и потому не являются столь же эффективным средством приучения масс к дисциплине⁴⁸.

Гражданское или военизированное государство

НКВД критиковали и другие руководящие работники судов и прокуратуры, причем эта критика была особенно интенсивной в середине 1930-х гг. Крыленко и Вышинский были не одиноки в своих призывах к сокращению политических репрессий. Генеральный прокурор Российской Федерации Антонов-Овсеенко также призывал к большей умеренности в проведении репрессий, причем не только политических. Выступая на совместной конференции работников судов и прокуратуры в июле 1936 г., Антонов-Овсеенко предлагал положить конец всем формам административных репрессий не только

---

⁴⁵ Вышинский А. К реформе уголовно-процессуального кодекса // Проблемы уголовной политики. Т. 1. М., 1935. С. 34.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 11. Л. 44; ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1619. Л. 38об.

⁴⁷ Вышинский. К реформе... С. 35.

⁴⁸ Так, участие Вышинского в показательных процессах середины – конца 1930-х гг. отнюдь не противоречило его выступлениям в пользу судебного рассмотрения дел и соблюдения законности, но, напротив, было естественным продолжением его взглядов о необходимости придания репрессиям публичного характера.

против политических преступников, но и прежде всего по отношению к социально-опасным группам населения. Он резко критиковал НКВД за тенденции к произволу в применении милицейских репрессий, заявив, что подобные тенденции все еще остаются чрезвычайно живучими. Антонов-Овсеенко осудил «самовоспроизводящийся идиотизм подобной политики», которая ведет к криминализации маргинальных слоев общества, превращая их во врагов самим фактом их маргинальности. «Мы распространяем деклассированные элементы, из которых вербуются криминальный слой», – заявил он. По его словам, маргиналы, на которых навешен ярлык «социально-опасные», не имеют возможности устроиться на работу и находят последнее прибежище в совершении преступлений. Антонов-Овсеенко зачитал несколько адресованных ему писем граждан, пострадавших от подобной политики, чтобы проиллюстрировать свою мысль о том, что политика милицейских репрессий служит основным источником умножения числа преступников и повышения уровня преступности в стране. После зачитания одного из этих писем, Антонов-Овсеенко заметил, что оно при всей своей краткости говорит о многом⁴⁹.

Антонов-Овсеенко в своем выступлении сосредоточился на репрессиях в отношении маргинальных элементов, и тем самым противопоставил себя не только НКВД, но и своему начальнику Вышинскому, поскольку последний, критикуя уровень репрессий, прибегал к крайне осторожным формулировкам. В своем февральском письме Сталину Вышинский назвал следующие три основных источника для расширения применения административных репрессий: аресты за контрреволюционную агитацию, аресты за подготовку и попытки осуществления террористических актов против сотрудников партийных и государственных органов и аресты людей, признанных социально-опасными или социально-вредными. Вышинский писал, что его возражения против административных форм репрессий касаются преимущественно первых двух категорий преступников, но не отказывался от их использования при проведении операций по очистке общества от социально-вредных элементов⁵⁰. Вышинский не объяснил, почему он не возражал против административного преследования маргинальных элементов. Возможно, он верил в то, что нарушения закона или процедур вынесения приговоров милицейскими тройками, рассматривавшими дела этой категории граждан, менее вероятны, поскольку в их состав входили представители прокуратуры, хотя решения особого совещания также являлись объектами прокурорского надзора. Другое возможное объяснение этого противоре-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 68. Л. 48–150.

⁵⁰ Там же. Д. 70. Л. 103.

чия может проистекать из дидактических взглядов Вышинского на репрессии. Он мог верить в то, что публичность репрессий против маргинальных элементов не дает должного воспитательного эффекта. Но, так или иначе, из замечаний Вышинского следует, что он не был противником репрессий как таковых, но возражал только против способов их проведения органами НКВД. Точно так же он не был противником административных форм репрессий, обращенных против так называемых социально-вредных элементов.

Явное отсутствие у Вышинского возражений против репрессирования маргинальных слоев населения противопоставляло его Антонову-Овсеенко, и вполне вероятно, что июльские заявления последнего были в равной степени направлены как против его непосредственного руководителя, так и против НКВД. Письмо Вышинского и его обмен уколами с Ягодой состоялись в феврале 1935 г., а Антонов-Овсеенко выступил со своими замечаниями перед коллегами в июле 1936 г. Нет документальных подтверждений тому, что российский генеральный прокурор был посвящен в детали разногласий между Вышинским и Ягодой, но допустимо предположить, что ему было о них известно. В таком случае вполне вероятно, что он умышленно выбрал тему своего выступления на июльском совещании руководящих работников прокуратуры, тем более что во время его выступления сам Вышинский сидел в президиуме. Кроме того, Вышинский выступил на совещании со вступительным словом, в котором он опять подчеркнул необходимость усиления законности. Для знающих людей в выступлении Антонова-Овсеенко прозвучал скрытый, но вполне понятный упрек в адрес Вышинского.

Российский прокурор был не одинок в своей критике НКВД, критические замечания в адрес которого прозвучали также в выступлениях некоторых других прокуроров на июльском совещании 1936 г. Несколько выступавших поддержали его идею о необходимости покончить со всеми формами административных репрессий, а некоторые из них призвали к серьезным ограничениям власти НКВД. Один из прокуроров, долгое время проработавший в особом отделе прокуратуры, надзиравшем за деятельностью милиции и органов госбезопасности в приграничных районах и на транспорте, отметил в своем выступлении, что НКВД в этих районах обладает почти безграничной властью, поскольку под его особую юрисдикцию подпадают практически все граждане. Даже местные прокуратуры оказались в материальной зависимости от НКВД, обеспечивающего их средствами транспорта и даже продовольствием и жильем. В результате многие прокуроры, особенно в приграничных районах, оказались полностью зависимы от НКВД, что не могло не привести к ослаблению прокурорского надзора за его деятельностью. Некоторые участники совещания решительно возражали против этого утверждения.

дения, но многие его поддержали и настояли на включении данной разновидности коррупции в перечень вопросов, относящихся к политике и практике работы прокуратуры, требующих перемен⁵¹.

По проблемам репрессий, произвола НКВД и необходимости соблюдения законности выступил А. Сольц, многие годы проработавший в контрольных партийных органах и прокуратуре. Он также критиковал Вышинского. Вслед за Антоновым-Овсеенко Сольц особо подчеркнул порочные последствия кампанейщины в проведении репрессий и отметил, что подобные кампании всегда приводят к необходимости пересмотра прокуратурой и судами тысяч и десятков тысяч дел невиновных граждан, арестованных НКВД. По словам Сольца, это чревато гигантскими затратами времени и средств, расходуемых впустую, не говоря уже о том, что тысячи людей оказываются оторванными от нормального существования, а их жизни нередко полностью разрушены в результате подобных действий НКВД. Подобно многим другим выступившим на совещании, Сольц призвал к усилению законности и ограничению прав НКВД на аресты граждан. При этом он постарался провести различия между своими замечаниями и позицией своего начальника Вышинского. Он бросил открытый вызов Вышинскому, тонко намекнув на фальшивость его призывов к усилению законности. Обратившись напрямую к Вышинскому, Сольц заметил, что усиление законности не следует понимать просто как передачу наиболее суровых репрессий, проводимых в административном порядке, в ведение судов. Больше законности, по его мнению, означает также не вынесение судами самых суровых приговоров по всем делам, а справедливое применение закона в интересах защиты социалистического государства и прав граждан с учетом всех смягчающих их вину обстоятельств⁵².

Участники июльского совещания были вдохновлены принятием в 1936 г. новой Конституции, и многие из них подкрепляли свои предложения по усилению законности ссылками на установленные этим документом права и гарантии. Прокурор Западной Сибири Игнатий Барков, в частности, заявил, что принятие конституции открывает новую эру в защите гражданских прав⁵³. Прокурор Радченко отметил, что с опубликованием новой конституции руководящие работники прокуратуры и судов должны обратить большее внимание на построение сильного гражданского государства. Радченко сослался на растущее число гражданских дел, рассматриваемых судами, число которых только по РСФСР в 1935 г. достигло порядка 2 млн, и зая-

---

⁵¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 68. Л. 69, 90–92, 106.

⁵² Комментарии Сольца см.: там же. Л. 42–43.

⁵³ Там же. Л. 251.

вил, что прокуратура должна выделить больше ресурсов для надзора за соблюдением имущественных и иных гражданских прав жителей. По его мнению, дела, связанные с владением домами, землей и другой собственностью, с алиментами и многими другими вопросами, должны были теперь рассматриваться на основе Гражданского кодекса, приведенного в соответствие с положениями новой Конституции, и общих принципов социалистического правопорядка⁵⁴. Коллеги Радченко, кто более, а кто менее, но в основном благожелательно отнеслись к его призыву о перестановке приоритетов в деятельности прокуратуры, хотя некоторые из них посчитали ее преждевременной. Однако, несмотря на подобные возражения, общий настрой совещания отражал общие ощущения руководителей судов и прокуратуры того, что настало время употребить свою власть над НКВД и убедить государство в необходимости постепенного отхода от репрессивной политики и больше полагаться на закон, судопроизводство и усиление законности.

«Заметные успехи»

Размышления ученых-правоведов и чиновников судебной системы мало повлияли на политику НКВД, несмотря на усилия прокуратуры по укреплению законности и процессуальных норм. Сталин по своим собственным соображениям уклонился от роли арбитра в спорах вокруг репрессий, разделив прокуратуру, суды и НКВД. На протяжении всех 1930-х гг. сталинский режим продолжал применять как административные, так и судебные формы репрессий. Несмотря на развернувшиеся дебаты вокруг масштабов и форм политических репрессий, лишь немногие официальные лица возражали против продолжавшихся административных кампанийских методов, применявшихся НКВД против маргинальных слоев общества и национальных меньшинств. Эти методы работали достаточно хорошо, позволяя руководству страны полагаться на них при разрешении целого ряда социальных проблем. Действительно, в первые месяцы 1936 г. Ягода смог обрисовать в целом достаточно благоприятную для НКВД картину борьбы с преступностью и наведения общественного порядка. В этом отношении его мартовский доклад Совнаркому разительным образом отличался от мрачной картины, обрисованной им двумя годами ранее⁵⁵. В этом докладе Ягода сообщал, что благодаря проведенным реформам и реорганизациям, значительному расширению штатов

---

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 68. Л. 82.

⁵⁵ Этот доклад был на самом деле составлен начальником ГУ РКМ Бельским. См.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1130. Л. 2; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 71. Л. 220–226.

и повышению профессиональной подготовки сотрудников, НКВД сделал значительный шаг вперед в охране общественного порядка и обуздании преступности. Число наиболее опасных преступлений в результате сократилось до незначительного уровня. Он хвастливо утверждал, что за 1935 г. во всем Советском Союзе было совершено меньше убийств, чем в одном Чикаго.

Вместе с тем Ягода отметил, что проблему продолжают представлять некоторые виды преступлений, а именно обычное воровство, организованные формы хулиганства и хищения социалистической собственности. Не столь широко распространенные, как в начале 1930-х гг., эти преступления сохранились, невзирая на все усилия милиции по их искоренению. Продолжала оставаться проблемой безнадзорность бездомных детей, а в 1934–1935 гг. также выросло число случаев вооруженного бандитизма. По словам Ягоды, одновременно с укреплением дисциплины в милиции вырос уровень квалификации и образованности ее сотрудников. За прошедшие годы заметно сократилось число случаев коррупции и преступлений, совершенных милиционерами, но Ягода отметил, что еще немало предстоит сделать для повышения профессионального и культурного уровня сотрудников милиции по всей стране⁵⁶.

Внутренний доклад НКВД, утвержденный Ягодой в начале 1936 г., выдержан в тех же позитивных тонах, что и доклад Совнаркому, и в нем отмечены одни и те же недоработки. В целом, по мнению Ягоды, милиция навела порядок в стране и добилась заметных успехов в борьбе за снижение уровня преступности и поддержание общественного порядка⁵⁷. Но какими бы ни были успехи НКВД в этой борьбе, они были достигнуты не за счет систематической работы. Даже в середине 1930-х гг. в стране отсутствовала эффективная полицейская система, обеспечивающая повседневную охрану общественного порядка. Несмотря на значительное увеличение численности милиции, количество милиционеров в стране в 1935 г. все еще оставалось вдвое меньше числа полицейских в России до Первой мировой войны⁵⁸. В большинстве городов, даже в самых крупных, было недостаточно милиционеров для организации дневной патрульно-постовой службы. В провинциальных городах, таких, как Новосибирск, регулярное милицейское патрулирование рабочих окраин отсутствовало вовсе. В Барнауле, крупном промышленном центре, расположенном к югу от Новосибирска в пяти часах езды от него на поезде, немногие милиционеры отваживались

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 2–14.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31. Л. 1–5.

⁵⁸ Оценка Ягоды: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 2.

появляться в трущобных районах города⁵⁹. Попытки ввести ночное патрулирование хотя бы в крупных городах, как правило, проваливались и вскоре были прекращены, а в районах, где не наблюдалось эффективной работы милиции, продолжало расти число общественных групп поддержания правопорядка. Поддержание порядка во многих сельских районах, по словам Ягоды, оставалось за пределами ограниченных возможностей милиции⁶⁰.

Заключение

Важнее всего было то, что Ягода, несмотря на все свои оптимистические доклады, так и не смог изменить общую культуру органов НКВД. Местные органы лишь sporadически занимались надзором за соблюдением законов о паспортах и прописке. По собственному признанию Ягоды, массовые кампании против социально-вредных элементов оставались наиболее эффективно действующим механизмом. В отсутствие регулярной полицейской системы кампании по очистке от нежелательных или маргинальных элементов оставались главным методом борьбы с уголовной преступностью и другими видами правонарушений и защиты от них городов, приграничных областей, курортов партийной элиты и других жизненно важных районов страны. На протяжении всей середины 1930-х гг. вопреки указаниям партии и правительства о прекращении массовых репрессий многие сотни тысяч людей были подвергнуты проводившимся в широких масштабах арестам, депортациям и принудительным высылкам. Массовые репрессии в отношении определенных категорий граждан не закончились с окончанием коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг. Если массовые аресты и депортации сельского населения после 1933 г. сошли на нет, то их интенсивность и масштабы значительно выросли в городах и приграничных районах, которые НКВД стремился очистить от криминального и маргинального элемента, а также от потенциально нелояльных по отношению к власти национальных меньшинств. Оперативные группы сотрудников милиции и госбезопасности занимались расследованиями крупных организованных преступлений, но мелкая преступность вроде воровства и спекуляции продолжала бесконтрольно расти, причем наиболее эффективными средствами борьбы с нею оставались массовые милицеские облавы на рынках, железнодорожных станциях, в ночлежках и других местах возможного сосредоточения преступного элемента.

---

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 24; Док. 14. Л. 1–2.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 3.

Аналогичными методами НКВД пытался в середине 1930-х гг. справиться с еще одной, наиболее тревожной с точки зрения поддержания общественного порядка проблемой, а именно – с детской беспризорностью и подростковой преступностью. Еще одну серьезную проблему, угрожавшую общественному порядку в стране, представляли социально-опасные элементы, и власти пытались справиться с нею такими же методами. Применение административных форм судопроизводства и массовые кампании оставались основной составляющей культуры и практики работы органов НКВД на протяжении всех 1930-х гг.

8. ПАСПОРТА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОНТРОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ

Паспортная система – первая и важнейшая линия охраны революции.

Генрих Ягода, 1935 г.

ОГПУ категорически возражает...

Генрих Ягода, 1934 г.

Советский режим располагал многими средствами классификации, надзора воздействия на граждан, но наиболее всесторонней являлись система паспортов и институт прописки по месту жительства. Паспортная система, введенная в начале 1930-х гг. в качестве механизма защиты городов от массового притока мигрантов, вскоре превратилась в комплекс средств полицейского контроля. Как было показано в предыдущих главах, кампанейские методы охраны общественного порядка с использованием законов о паспортах и прописке подменяли собой несовершенную и все еще неразвитую полицейскую систему. Власти использовали эти законы для подавления волны преступности и нарушений общественного порядка в стране, для борьбы с девиантными и маргинальными слоями населения. В то же время милиция и органы госбезопасности использовали паспортную систему для сбора персональных данных населения. Перечень этих данных, вносимых милицией в паспорта после тщательной проверки документов граждан, был установлен рядом официально утвержденных инструкций. Паспортная система фиксировала данные о социальном положении, месте жительства и национальности людей, получавших паспорта, и косвенным образом отслеживала те же данные о гражданах, которым паспорта были не положены. Таким образом, паспортная система усилила тенденцию режима к сортировке граждан по категориям и зафиксировала уникальную советскую систему таксономии населения.

Паспортная система не только разделила население страны на категории, но также служила средством привязки граждан к определенным местам жительства. Выдача паспорта была напрямую связана с регистрацией по местам проживания и службы. Закон о паспортах, в свою очередь, позволял определенным группам населения проживать и работать в некоторых привилегированных городах и районах страны и, наоборот, препятствовал проникновению в них нежелательных

с точки зрения режима личностей. Таким образом, паспорта служили не только средством определения идентичности граждан, но и мощным инструментом полицейского контроля. Как власти надеялись, категорирование граждан по личным данным паспортов позволяло подсчитывать численность нежелательного населения, отслеживать и ограничивать его перемещения, очищать от него важные в стратегическом отношении районы страны, как, например, приграничные и курортные. В результате ограничения мест проживания определенных категорий граждан создавалась сложная мозаика социально-близких и социально-чуждых элементов, отдаленных и ближних районов страны. Иными словами, паспортизация была связана с определенными взглядами на внутреннее устройство страны и его упорядочением как по географическим признакам, так и по признакам социального, этнического и профессионального состава населения.

В настоящей главе рассмотрены социально-географические аспекты паспортной системы и роль органов милиции и госбезопасности в ее администрировании¹. Эта роль представляется наиболее важным

---

¹ Среди относительно недавних исследований, посвященных советской паспортной системе, отметим следующие: Gijs Kessler. *The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940* // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 478–479; Gijs Kessler. *The Peasant and the Town: Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40*. Ph.D. diss. European University, Florence, 2000; Nathalie Moine. *Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale* // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 38. No. 4. 1997. P. 587–600; Nathalie Moine. *Le Système des passeports à l'époque stalinienne: De la purge des grandes villes au morcellement du territoire, 1932–1953* // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*. Vol. 50. No. 1. January – March, 2003. P. 145–169. Из работ, опубликованных на русском языке, см.: Чернолуцкая Е. Т. Паспортизация дальневосточного населения // *Revue des Etudes slaves*. No. 71. 1999. P. 17–33; Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // *Социологические исследования*. 1995. № 8. С. 3–14. В том же духе выдержаны работы: Paul Hagenloh. *Police, Crime, and Public Order in Stalin's Russia, 1930–1941*. Ph.D. diss. University of Texas, 1999, прежде всего, глава 5: *The Passport System, Social Quarantine, and the Mass Operations of 1937–1938*; Paul Hagenloh. *'Socially Harmful Elements' and the Great Terror // Stalinism: New Directions*, ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 295–300. David R. Shearer. *Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State* // *Journal of Modern History*. No. 76. December 2004. P. 835–881. Если Попов настаивает на том, что паспортная система использовалась в основном как средство дискриминации крестьян, то новаторская работа Натали Муан впервые рассматривает паспортную систему в качестве средства контроля миграции и защиты городов. Кесслер сосредоточился на исследовании паспортизации как средства контроля миграции сельского населения в города, а Хэгенлоу подчеркивает роль паспортизации в борьбе с преступностью. Настоящая глава развивает работы перечисленных выше авторов и включает сравнительный анализ советской паспортной системы, ее социально-географические аспекты и описывает эволюцию паспортного законодательства в контексте бюрократических межведомственных противоречий и конкуренции взглядов различных государственных ведомств. В ней также подчеркивается роль паспортной системы как средства массированного надзора за обществом и социальной инженерии.

моментом последующего изложения. Посредством управления паспортной системой и особенно связанных с ней репрессивных мер, руководители ОГПУ, а затем и НКВД оказались вовлечены в новые для них области социальной политики и охраны общественного порядка. Регистрация криминальных и опасных элементов всегда была частью их работы, но администрирование паспортной системы во всей ее сложности повлекло за собой широкомасштабное вовлечение органов милиции и госбезопасности в процессы социальной инженерии и надзора за обществом. Социальная инженерия в тех масштабах, которых требовала паспортная система, была принципиально новым направлением деятельности как для милиции, так и для органов госбезопасности и требовала от них новых знаний и навыков. По необходимости их сотрудники были вынуждены овладевать статистическими методами описания населения, т. е. вникать в область знаний, долгое время оставшейся прерогативой демографов. По мере того, как сотрудники милиции и органов госбезопасности вторгались в области статистики населения, они неизбежно вступали в противоречия со специалистами Государственного статистического управления, отвечавшими за переписи населения и другие системы регистрации гражданских сведений. Конфликты, возникавшие между НКВД и статистиками в середине 1930-х гг., хорошо освещены в документах². Из них следует, что вторжение органов госбезопасности в область статистики служило еще одним признаком милитаризации властями сферы социальной политики.

Кроме того, администрирование паспортной системы повлекло руководителей милиции и органов госбезопасности в решение колоссальной по своим масштабам задачи управления трудовыми лагерями, исправительными колониями и поселениями. Эта сторона их деятельности также достаточно полно документирована. Менее известно, каким образом решались такие вопросы, как выявление граждан, подлежащих депортированию, определение мест их ссылки, установление условий, если таковые вообще существовали, при которых возможна реинтеграция в общество «чуждых элементов». Безусловно, последнее слово в решении всех этих проблем принадлежало Сталину и его политическим соратникам, но, как будет показано в настоящей главе, руководство органов НКВД играло при этом не последнюю роль. Осуществляя повседневное управление практическим применением закона о паспортах, сотрудники милиции и орга-

---

² Наиболее глубокое исследование данной проблемы содержится в работе: Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. См. также: Alain Blum. *A l'origine des purges de 1937 // Cahiers du Monde russe*. Vol. 39. № 1–2. January – June 1998. P. 169–196; Kessler. *The Passport System...* P. 495–501; Moine. *Passeportisation*.

нов госбезопасности определяли, к какой категории отнести того или иного гражданина. Более того, они решали, что следует записывать в графу паспорта «социальное положение» и какие сведения о неблагонадежных лицах, которым отказывалось в выдаче паспортов, должны отражаться в картотеках паспортного учета. Система паспортизации населения и институт прописки служили властям одним из главных инструментов учета и классификации граждан, а милиция и органы госбезопасности, осуществляя администрирование паспортной системы, играли важную роль в этом процессе.

Задача выявления социально-чуждых элементов среди населения также была новой для милиции и органов госбезопасности. Ранее, в 1920 – начале 1930-х гг., этим занимались местные органы советской власти, в обязанности которых входил контроль соблюдения законов о выборах и ограничений избирательных прав граждан³. В 1920-х гг. эти законы постепенно ужесточались, но в то время милиция и органы госбезопасности не решали, кого следует считать благонадежным гражданином, а кого – социально-чуждым элементом. Это входило в компетенцию местных советов. В сталинском милитаризованном государстве выявление социально-чуждых и подозрительных элементов населения было изъято из юрисдикции местных властей и передано в ведение органов НКВД. Это произошло посредством наделения органов правом проведения административных репрессий в ходе кампаний по внедрению закона о паспортах и борьбы с социально-опасными элементами. Социальная инженерия с привлечением граждан и под руководством гражданских органов власти была заменена бюрократизированной системой репрессий, осуществлявшихся преимущественно по секретным приказам. Эта система оставляла гражданам мало шансов как-то влиять на нее или получать компенсации за допущенные в их отношении несправедливости.

Власти верили, что личные данные, фиксируемые в паспортах, отражают общественные реалии и основывали на этих сведениях собственную политику поощрения и наказания граждан, их выдвижения и репрессирования. Несмотря на существование и других типов удостоверения личности, паспортная система стала главным средством, с помощью которого власти определяли социальный и этнический состав советского общества, степень лояльности различных групп населения и их распределение по территории страны. Занимаясь администрированием паспортной системы, милиция превратилась не только в ведомство для охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, но и в орган социальной инженерии и надзора

---

³ Golfo Alexopoulos. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2003.

за обществом. Точно так же расширились функции органов госбезопасности, включавшие теперь помимо борьбы с контрреволюцией и политическими противниками власти широкомасштабные задачи социальной инженерии.

Категорический императив. Охрана правопорядка и бюрократизация идентичности личности

Советская паспортная система изначально создавалась в целях выявления и изоляции маргинальных и опасных для режима жителей страны, а союзное Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУ РКМ) первоначально было организовано специально для управления всесоюзной паспортной системой⁴. В результате создание системы социальной идентификации граждан посредством паспортов разных категорий тесным образом переплелось с бюрократическим процессом надзора за населением и его репрессирования. Действительно, паспортная система работала на бюрократизацию и автоматизацию обоих процессов – социальной идентификации и надзора. Один из этих процессов вытекал из другого. Паспорт фиксировал личные данные его обладателя – социальное положение, род занятий и этническую принадлежность посредством записей в соответствующих графах с использованием заранее установленных категорий. Прописка паспорта в местном или региональном отделении милиции закрепляла географическое местопребывание данного лица. Если человек покидал прежнее место жительства, он был обязан «выписаться» в милиции и указать свой новый адрес. По прибытии по указанному новому адресу он был обязан снова прописаться. Если эта система работала корректно, то у человека не могло быть идентификационных данных, скрытых от милицейских проверок.

Задачи идентификации и надзора решались не только с использованием тех данных, которые были зафиксированы в паспортах, но также с помощью более детализированной информации о каждом гражданине, хранившейся в милицейских паспортных картотеках. Предполагалось, что такие картотеки имелись в паспортных столах всех местных отделений милиции, в региональных паспортных центрах и в центральной каталожной системе наркомата внутренних дел в Москве. Карточка с номером, соответствующим номеру выданного паспорта, содержала все указанные в нем сведения о его владельце, а также дополнительные данные о его происхождении, предыдущих местах жительства и работы, прошлых судимостях и любую другую

---

⁴ См. ранее. С. 149.

компрометирующую информацию. Паспортные картотеки основывались на справках, представленных владельцем паспорта, и анкетах на выдачу паспорта, а затем должна была регулярно обновляться сотрудниками паспортного стола или милиции при поступлении новых сведений. Предполагалось, что система картотек действует автоматически, то есть новые сведения о владельце паспорта, занесенные местным паспортным столом, немедленно отправляются в местную и центральную картотеки.

На деле паспортная система славилась своей низкой эффективностью. Многие отделения милиции пренебрегали своими повседневными обязанностями по ведению паспортного учета или не соблюдали правила выдачи, проверки и прописки паспортов. Инспекторские проверки показывали, что даже в крупных городах, располагавших достаточно профессиональными милицейскими кадрами, в книгах регистрации прописки значились десятки и даже сотни людей, не живущих на данном участке, или покинувших места жительства без выписки, или вновь прибывших, живущих без прописки. В главных городах страны расхождения в численности реальных и прописанных жителей могли достигать десятков тысяч человек, которые существовали без правильно оформленных документов. Несмотря на все недостатки, паспортная система действовала, давая в руки государства мощный инструмент управления обществом. Паспортизация населения и ужесточенные законы о прописке имели своими целями обеспечение прозрачности советского общества, предоставление милиции возможности следить даже за повседневной жизнью его граждан. И, как отмечали Алан Блум и Натали Муан, паспортная система представляла собой более точный инструмент сбора и хранения информации о гражданах по сравнению с теми, что применялись другими статистическими ведомствами, включая те, что занимались проведением переписей населения или регистрацией актов гражданского состояния – рождений, смертей, заключенных браков и других изменений состава семей⁵. В результате паспортная система и институт прописки вскоре заменили собой другие средства общественного мониторинга. Милиция и органы госбезопасности продолжали заниматься гражданами, находившимися под агентурным наблюдением, но такое наблюдение было выборочным и весьма трудоемким делом. Точно так же дорогостоящим занятием было полагаться на сообщения сомнительной ценности, поступающие от обширной и громоздкой сети милицейских агентов и малоквалифицированных осведоми-

---

⁵ Alain Blum. Administrative Forms, Demographic Forms and the Limit of Ascribing Identity. Paper presented to the American Association for the Advancement of Slavic Studies. Washington, D. C. November 2001. P. 1; Moine. Passeportisation... P. 590–591.

телей⁶. Напротив, паспортизация представляла собой действительно массовое средство создания идентичности граждан и надзора за ними. Первая кампания паспортизации населения началась в 1933 г., и к концу 1934 г. паспорта были выданы чуть более 27 млн граждан в возрасте старше 16 лет, причем только в одной советской республике – РСФСР. Это составляло около 20 % взрослого населения страны. Сколько жителей к концу 1934 г. получили паспорта по Советскому Союзу в целом, точно не известно, но зато известно, что из упомянутых 27 млн примерно 12,7 млн проживали в главных городах страны Москве и Ленинграде и других стратегически важных центрах, промышленных регионах, военных городках и приграничных районах, а еще около 15 млн человек было охвачено паспортизацией в нережимных районах страны. Не были пока паспортизированы города с населением менее 10 тыс. человек, не выдавались паспорта в большинстве сельских районов, прежде всего, колхозникам, но работники совхозов были паспортизированы⁷. К концу 1930-х гг. паспортизацией были охвачены примерно 50 млн человек при общей численности населения страны в 162 млн⁸. Простое сопоставление этой цифры с примерно 1,2 млн человек, состоявших на милицейском учете в конце 1930-х гг., доказывает гигантскую разницу в надзорных возможностях двух этих систем⁹. Паспортная система при ее надлежащем поддержании обладала возможностями автоматического, универсального и секретного надзора за всеми гражданами страны милицией и другими государственными органами, представляя собой инструмент, позволяющий найти и идентифицировать любого человека в любой момент времени. Если сети осведомителей и прямого надзора были «невидимыми глазами» власти, то в еще большей степени такое определение относилось к паспортной системе¹⁰.

Подобная бюрократизация наделения граждан идентичностями и надзора за ними имела несколько важных последствий. С началом паспортизации законы о паспортах и прописке стали одним из главных орудий милиции в борьбе с преступностью по всей стране. Возможно, такое назначение паспортизации не являлось одной из первоначаль-

---

⁶ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 31.

⁸ Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер. Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // Вестник архивов. 1997. № 6. С. 111.

⁹ Сведения о 1,2 млн человек, находившихся под надзором госбезопасности, черпнуты из работы: Хаустов В. Н. Развитие советских органов государственной безопасности, 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde russe. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 370.

¹⁰ Michel Foucault. Discipline and Punish: The Birth of the Prison, trans. Alan Sheridan. New York, 1977. P. 171.

но планировавшихся ее функций, но оно стало таковой как следствие общей слабости регулярной работы милиции в стране. Стоило милиции осознать все прикладные возможности паспортизации, она стала пользоваться ими в полном объеме. К середине 1930-х гг. оперативные группы из сотрудников милиции и органов госбезопасности начали проводить массовые проверки паспортов в городах. Это стало основным способом отлавливания десятков тысяч социально-опасных элементов. К этой категории относили уголовников и членов преступных сообществ, безработных, нищих, проституток, бродяг и других маргиналов. Ягода и начальник РКМ Л. Н. Бельский при каждом удобном случае подчеркивали важность законов о паспортах и прописке и милицейских паспортных троек как основных инструментов борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. Ягода инструктировал подчиненных обходить громоздкие судебные процедуры и использовать облавы с проверками паспортов прежде всего как способ выявления, задержания и отправки в места заключения уголовников-рецидивистов и других социально-опасных личностей¹¹.

Введение паспортов не только упорядочило практику милицейской работы, но также повлекло за собой изменения в назначении и методах проведения репрессий. Начиная с 1933 г., когда началось ускоренное свертывание коллективизации и раскулачивания, лидеры страны, не отказываясь от репрессивной политики, стали меньше полагаться на массовые кампании, требующие мобилизации общества, а больше доверять чисто милицейским методам ее проведения. Милиция не только принуждала граждан к исполнению принятых законов, но и определяла, кого из них относить к благонадежным, а кого – к социально-чуждым. Милиция и ОГПУ осуществляли репрессивную политику, руководствуясь секретными приказами, основанными на подконтрольной ей бюрократизированной системе определения идентичности граждан. Соответственно, милицейские паспортные чистки или так называемые кампании «социальной защиты» стали главным репрессивным инструментом. Введение паспортной системы не привело к изменению методов работы милиции, однако заложенный в паспортах механизм категорирования граждан позволил ее руководителям отказаться от участия общества в репрессиях. Паспортизация способствовала профессионализации,

---

¹¹ В дополнение к предыдущим главам см. также: David R. Shearer. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 519–529; David R. Shearer. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State // *Journal of Modern History*. No. 76. December 2004; Paul Hagenloh. 'Chekist in Essence, Chekist in Spirit': Regular and Political Police in the 1930s // *Ibid.* P. 469; Paul Hagenloh. 'Socially Harmful Elements' and the Great Terror // *Stalinism: New Directions*, ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 296–300.

бюрократизации и большей секретности репрессивной деятельности карательных органов. Соответствующим образом все это повлияло на само назначение репрессий после 1933 г., которые теперь были в большей степени нацелены на защиту институтов государственной власти и государственной собственности, нежели на разрушение старых и создание новых общественных отношений. Защита государственных интересов стала в середине 1930-х гг. очевидной целью кампаний социальной защиты и преследования подозрительных национальных меньшинств. Введение паспортной системы вывело эти репрессивные кампании на недостижимые прежде уровни секретности и применения методов социальной инженерии.

Паспортизация привела к бюрократизации как надзора за обществом, так и репрессий. Например, развитие разных форм учета граждан и паспортизация вызвали решение об отмене составлявшихся милицией сводных докладов или сводок, которые существовали еще с царских времен и служили барометром отношения общества к власти и проводимой ею политике. Эти сводки составлялись регулярно начальниками местных отделений милиции, а затем обобщались и фильтровались на более высоких уровнях милицейского руководства для придания им вида, пригодного к употреблению политическими и правительственными учреждениями. Органы милиции также подавали месячные и квартальные сводки состояния преступности на своих участках. В 1933 г. милиция отменила регулярную подачу этих сводок, и запрашивала их только по мере необходимости и по определенной тематике¹². С введением паспортизации сводки перестали быть необходимым средством надзора. Милиции больше не требовалось оценивать психологические аспекты общественных настроений. С помощью законов о паспортах и прописке власти обрели или им казалось, что обрели, возможность систематически классифицировать местное население и с достаточной точностью количественно оценивать соотношение в нем лояльных и потенциально опасных элементов и влиять на него. Таким образом, можно было вести речь о масштабном применении методов социальной инженерии, причем вся прелесть новой системы для органов милиции и госбезопасности заключалась в ее автоматизированности, профессиональности и скрытности от глаз широкой публики¹³.

---

¹² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 494. Л. 172–173.

¹³ Точность, с которой власти описывали состав населения на основе паспортных данных, доходила до абсурда. Например, в марте 1934 г. начальник западносибирской милиции Домарев докладывал, что по текущим данным паспортизации 4,5 % населения края составляют «социально-чуждые элементы». Для полноты абсурда добавим, что Домарев, очевидно, заметил ошибку в расчетах, от руки зачеркнул 4,5 % и написал 2,5 %. ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.

Одним из наиболее важных следствий паспортизации стало то, что она заставила власти и общество мыслить обобщенными категориальными терминами. Более того, с точки зрения власти паспортизация позволила свести все население страны, представлявшееся ранее в виде массы отдельных личностей, к нескольким упрощенным типовым категориям. Это было достигнуто простым введением в паспорта графы «социальное положение». Циркуляры, выпущенные в начале и середине 1930-х гг., содержали инструкции для местной милиции по правилам отнесения граждан к одной из трех основных категорий – рабочие, крестьяне или служащие. Крестьяне далее распределялись еще по трем категориям – бедняки, середняки и кулаки. Помимо указанных трех основных категорий, граждан классифицировали дополнительно по роду занятий, среди которых выделялись такие, как кустари, студенты, пенсионеры, домохозяйки, а также «остатки капиталистического строя и деклассированные элементы – торговцы, служители религиозных культов, люди без определенных занятий». Для людей, сменивших род занятий, могло указываться прошлое социальное положение, например, «кустарь, бывший кулак». В инструкциях часто смешивались такие понятия, как род занятий и социальное положение, и за милицией, прежде всего за сотрудниками местных органов, оставалось право решать, к какой из указанных трех категорий социального положения следует отнести того или иного человека. Благодаря тому, что администрирование паспортной системы было возложено на милицию, существенным образом возросла роль ее сотрудников в определении социального положения граждан¹⁴.

Использование приведенной выше классификации граждан по их социальному положению позволяло властям рассуждать и писать о так называемом «организованном» и «неорганизованном» населении. Организованное население, т. е. те, кто подошли под определенную категорию на основе законов о паспортах и прописке, считались благонадежными (порядочными), а неорганизованные граждане, не имевшие паспортов или не вписавшиеся в одно из тонких определений, данных властью, считались подозрительными. Неорганизованное население следовало вычищать подобно грязи или мусору, его считали источником заразы как в прямом физическом, так и в морально-политическом смысле, элементами, загрязняющими общество. Например, в директиве, изданной в январе 1933 г., руководители милиции и здравоохранения возложили вину за наблюдавшиеся в то время вспышки эпидемических заболеваний, прежде всего тифа, на «движущиеся неорганизованные группы населения, кочевников, от-

---

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1096. Л. 1–23.

кочевников, беспризорников, которые в основном являются передатчиками этих инфекционных заболеваний среди местного коренного населения»¹⁵. Похожим образом руководители милиции описывали в докладе за 1932 г. присутствие маргинального населения, называя его «грязью, пятнающей лицо наших городов». В этом же докладе, фактически, буквально на следующей его странице начальство обязывало местную милицию возглавить борьбу за общественную гигиену. Таким образом, призывая превратить города в образчики социализма, руководство возлагало на местную милицию обязанность вначале «убрать социальный мусор с улиц», подразумевая под ним опасные и неорганизованные элементы населения, а затем очистить улицы от грязи и мусора в самом буквальном смысле¹⁶. Аналогичным образом Ягода в середине 1930-х гг. предупреждал об опасности для общества приема на работу мигрантов в обход государственной системы оргнабора. Он полагал, что среди лиц, особенно прибывавших из сельской местности и искавших работу в городах, минуя организованные договоры между колхозами и промышленными предприятиями, определено присутствовали социально-опасные элементы – уголовники, охотники за длинным рублем, беглые кулаки, способные вредить производству и «засоряющие» режимные регионы.

Паспортизация приучала людей мыслить социальными категориями, причем только теми, что были установлены властью. Как уже отмечалось в главе 1, теперь не было необходимости ловить женщин, подозреваемых в проституции, когда они приставали к мужчинам, чтобы их арестовать. Этих женщин, многие из которых не имели определенных места работы или жительства, можно было задерживать и подвергать суровым наказаниям как нарушительниц законов о паспортах и прописке или просто как «социально-вредный элемент». Именно с введением паспортной системы принадлежность к категории «соцвредэлементов», которая существовала достаточно давно, была официально признана социальным положением, наказуемым по закону. В главе 6 уже упоминался Оперативный приказ 00192, вышедший в мае 1935 г. и установивший, кого следовало относить к этой категории. Соцвредэлементами считались лица, ранее осужденные за уголовные преступления и не разорвавшие связи с преступным миром, а также люди, ранее не судимые, но не имеющие определенного места работы и контактирующие с преступным миром. Кроме того, в эту категорию входили профессиональные нищие, лица, неоднократно задержанные в городах без разрешения на прописку или вернувшиеся на прежнее место жительства, где им запрещено проживать, а также дети старше 12 лет, задержанные за совершение преступлений. Все граждане, от-

---

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 55–56.

носившиеся к перечисленным выше группам, считались социально-вредными и теперь подлежали аресту и отправке по приговорам троек в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет¹⁷.

Работники прокуратуры нередко возражали против злоупотреблений, допускавшихся милицией при навешивании на людей ярлыка «социально-вредный элемент», но эта их порой даже резкая критика отражала общественное согласие с самим фактом существования подобной категории граждан. Например, в 1936 г. сотрудник прокуратуры Хаевский с возмущением говорил о том, что работники милиции, выдавая паспорта освобожденным из мест заключения, иногда вносили запись «соцвредэлемент» в графу паспорта «род занятий». Безусловно, подобная практика противоречила закону, и ее можно считать проявлением милицейского «черного юмора», а Хаевский совершенно верно указывал на печальные последствия, ожидавшие владельцев паспортов с подобными записями. При этом он не подвергал сомнению полезность самого существования данной категории для характеристики определенных лиц и только критиковал ненадлежащее ее применение. Даже критикуя милицию, Хаевский невольно демонстрировал, насколько понятие категорий проникло в сознание граждан и официальных лиц¹⁸.

Несмотря на успехи, достигнутые в стандартизации категорий социального положения граждан, тем не менее имело место некоторое недопонимание назначения самой паспортизации и целей введения этих категорий. Многие руководители милиции на местах, по крайней мере в Западной Сибири, с энтузиазмом втретили паспортизацию, наивно полагая, что она позволит им избавиться от бывших кулаков, маргинальных личностей и других групп граждан, отнесенных к категории «социально-вредного элемента». Они не поняли того, что в нережимных районах именно эту категорию граждан высшее руководство желало паспортизировать в первую очередь, чтобы иметь возможность надзирать за ними. Поэтому пришлось тактично разъяснить непонятливым подчиненным на местах, что паспортизация населения не имела своей целью привести местности к социализму путем очищения их от враждебного населения, а напротив, предполагала их превращение в «социальную свалку» для неблагонадежных лиц, высылаемых из режимных районов¹⁹.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 6. Л. 61.

¹⁸ Там же. Оп. 37. Д. 68. Л. 7.

¹⁹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155–156. Наиболее распространенная претензия со стороны рядовых граждан заключалась в том, что они считали несправедливым, что бывшие кулаки и осужденные получают паспорта, дающие им те же права и социальные привилегии, что и рабочим и другим честным советским гражданам. Там же. Л. 157–158.

Были и те, кто понимал эту и другие подобные ей цели паспортизации, и это знание не прибавляло им симпатий к милиции, которая, в свою очередь, тщательно отслеживала мнения людей о паспортизации, особенно критические. Наиболее часто о ней говорили как еще об одной возможности выкачивания денег из населения. Один недовольный назвал паспортизацию «ничем иным, как способом привязки людей к определенным местам, еще одним заговором коммунистов, от которых нигде и никогда нельзя ожидать ничего хорошего». Некоторые ставили знак равенства между советской и царской паспортными системами, поскольку и та, и другая служили целям определения социальной идентичности людей и ограничивали их свободу угодными властям способами. Были также и те, кто считал паспортизацию, создававшую социальные различия между людьми, несовместимой с целями построения бесклассового общества. Еще один критик паспортизации попал в самую точку, назвав ее новой волной социальных чисток и покорения общества, близкой к раскулачиванию: «Во время первой пятилетки советские правители изгоняли и высылали кулаков. Во время второй пятилетки они выдумали паспортизацию, чтобы выловить новых “кулаков”, поселившихся в разных местах, и таким образом получить немалые выгоды для себя»²⁰.

Паспортизация и развитие исправительных колоний

На протяжении 1930-х гг. и позднее советский режим прибегал к систематическим крупномасштабным депортациям групп населения, которых он считал подозрительными и антисоветски настроенными. Паспортизация и проводившаяся милицией очистка городов и других регионов страны от маргинальных элементов посредством их депортации в середине 1930-х гг. стали продолжением массовых кампаний раскулачивания. Режим очистил значительные территории приграничных областей Украины и Белоруссии от граждан польской, немецкой и других «антисоветских» национальностей. Аналогичные кампании позволили изгнать финское население из Карелии и очистить Москву, Ленинград, Киев и такие промышленные центры, как Магнитогорск, Днепрострой, Харьков и другие города от маргиналов, «бывших» людей и деклассированного элемента. В 1935 г. Ягода предложил очистить Черноморское побережье от греков и «прочего антисоветского контингента». Два года спустя из приграничных районов Сибири были в массовом порядке выселены

---

²⁰ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 158–159.

корейцы. Большой террор 1937–1938 гг. вновь обрушился на крестьян и маргинальные слои общества наряду с некоторыми этническими группами. Депортации целых народов усилились в ходе и по завершении Великой Отечественной войны, когда все ужасы принудительного переселения испытали на себе чеченцы и другие национальные меньшинства²¹.

Во всех этих операциях были задействованы органы милиции и госбезопасности, занимавшиеся депортацией и охраной многих миллионов людей. Не все они были направлены в трудовые лагеря ГУЛАГа. Многие оказались в системе штрафных поселений, подконтрольных НКВД. Эти спецпоселки, как их называли, занимали большие участки в специально отведенных для них районах страны. Многих других ссыльных просто выселяли с прежних мест обитания и ограничивали их перемещения определенными регионами. Для этой категории ссыльных не предусматривалась вооруженная охрана, но им было запрещено покидать регионы, в которые они были перемещены²². Директивой НКВД 1935 г. был установлен перечень районов страны, определенных в качестве мест заселения социально-вредных или опасных лиц. В этот перечень вошли Западная Сибирь, и прежде всего суровый и негостеприимный север Нарымского региона; значительные части Средней Азии, включая главным образом Северный Казахстан и северные части Узбекистана; Дальний Восток и Северный край Европейской России. Все эти районы было принято считать «отдаленными», причем не всегда и не только в чисто географическом понимании, но и в смысле их экономического и культурного отставания от центральных и основных «социалистических» регионов страны. Таким образом, массы людей, депортированных в эти районы, оказывались в буквальном смысле вырваны из социалистического общества и выброшены на его отдаленные окраины²³.

Термин «отдаленные районы» стал в то время советским эквивалентом понятия «фронтир». Именно так их воспринимали власти. В течение всех 1920-х гг. руководство ОГПУ считало Западную

---

²¹ Лучшие описания этнических и национальных операций на английском языке содержатся в работах: Terry Martin. *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. Chap. 8. *Ethnic Cleansing and Enemy Nations*; Amir Weiner. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001. Chap. 3. *Excising Evil*. См. также: Terry Martin. *The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History*. No. 70. December 1998. P. 813–861.

²² Lynne Viola. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. New York, 2007. P. 24.

²³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1252. Л. 26.

Сибирь регионом, коренное население которого было враждебно настроено по отношению к советской власти. Вплоть до 1936 г. эти места в платежных и снабженческих документах НКВД именовались «отдаленными районами с экстремальными условиями службы»²⁴. Точно так же партийные руководители, направляемые на работу в Западную Сибирь, считали себя миссионерами современной социалистической цивилизации в эти края. Один из таких руководителей называл Западносибирский край «крепостью социализма на Востоке»²⁵. Таким образом, отдаленные районы не были просто отстойниками для нежелательного населения, но им, как и любым приграничным территориям, была присуща некоторая двойственность. С одной стороны, они подлежали освоению, а с другой стороны представляли собой места ссылки, где свобода соседствовала с неволей²⁶. Природные ресурсы этих неосвоенных земель имели критически важное значение для государства, и власти расходовали немалые усилия для их развития и присоединения к основным районам страны. В то же время режим считал их подходящим местом изоляции опасных граждан, которые служили дешевой рабочей силой. Применение подневольного труда для эксплуатации богатых природными ресурсами, неосвоенных отдаленных земель стало при Сталине жизненно важной частью государственной политики советского правительства²⁷.

---

²⁴ Nicholas Werth. L'OGPU en 1924: Radiographie d'une institution à son niveau d'étiage // Cahiers du Monde russe. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 413. О том, что Западная Сибирь считалась местностью с экстремальными условиями службы. см.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 273. Л. 86.

²⁵ Это было сказано на июньской 1937 г. западносибирской краевой партийной конференции. ГАНУ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 828. Л. 11.

²⁶ См.: Hiroaki Kuromiya. Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. New York, 1998; David R. Shearer. Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia during the 1930s // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953. Ed. Donald Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 194–216.

²⁷ Может показаться некоторой несообразностью применение колониальной терминологии к Западной Сибири, для которой больше подходит аналогия с американским Диким Западом XIX в. как территории, прилегающей к основному государству, но еще не полностью ассимилированной, которую еще предстоит освоить и ассимилировать. Как подчеркивает Питер Блитштейн, существуют различия между политикой ассимиляции и дискриминации, характерной для многонациональных государств, и колониальной имперской политикой, нацеленной на поддержание разделения между метрополией и колониями. В определенном смысле Западная Сибирь, наряду с другими отдаленными регионами СССР, обладала одновременно некоторыми чертами и колонии, и фронта, но не вписывалась целиком ни в одну из этих двух категорий. См.: Peter Blitstein. Why the Soviet Union Was Not an Empire, and Why It Matters (unpublished paper).

Милиция и другие органы государственной власти относились к сотням тысяч ссыльных, жившим и работавшим в отдаленных районах страны, как к заключенным или людям, обязанным трудиться подневольно. Власти отправляли этих людей подальше от надежных центров советского государства, чтобы защитить жителей мест, где уже был построен «социализм», от вредного влияния. Но была еще одна причина, по которой эти люди оказывались в столь отдаленных местах. Руководство страны рассматривало их как новых поселенцев, а, точнее говоря, спецпереселенцев, которые должны были сыграть ключевую роль в освоении окраин советского государства²⁸. В этом смысле спецпереселенцы представляли собой некое отражение каторжников-колонистов, существовавших в иных странах в прошлом. В самом деле способы, которыми советские власти заставляли этих людей жить и работать в специальных поселениях или трудовых колониях, во многом напоминали те, что использовало правительство Великобритании, ссылая в XVIII–XIX вв. уголовных и политических заключенных осваивать территорию Австралии. Подобно Франции в Южной Америке или Великобритании в Австралии и Новой Зеландии, советская власть эксплуатировала труд заключенных-колонистов не только для освоения и использования сельскохозяйственных земель, но также для извлечения лес-

---

²⁸ Термин «спецпоселенцы», которым обозначали обитателей исправительных колоний, был введен, чтобы отличать их от добровольцев, поощряемых государством к переселению в неевропейские регионы СССР. В правительственных документах и выступлениях руководителей страны середины – конца 1920-х гг. процесс заселения слабо развитых регионов страны часто называли *колонизацией*, а, соответственно, отправку людей в исправительные колонии, расположенные на этих территориях, чтобы подчеркнуть их особый статус, именовали *спецколонизацией*. Колонизаторская терминология быстро утратила популярность и уступила место более нейтральному термину «освоение», хотя еще в конце 1920-х гг. некоторые руководители продолжали ее применять. См. например: Указ ВЦИК от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», воспроизведенный в книге: Голотик С. Н., Минаев В. В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 117. См. также документы 1928–1929 гг., относящиеся к планам колонизации и заселения: ГА РФ. Ф. 3260. Оп. 9. Д. 6, 27, 28, 34. Но эта терминология тем не менее сохранилась еще в середине 1930-х гг. См., например, доклад заместителя начальника ГУЛАГ И. И. Плинера о планах колонизации территорий, прилегающих к строящейся Байкало-Амурской магистрали, воспроизведенный в сборнике: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1930-х годов. Собрание документов: в 7 томах / Под ред. Т. В. Царевской-Дьякиной. Том 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. Док. 49. С. 226–227. О колонизации см. также: Edward Hallett Carr. *Socialism in One Country, 1924–1926*. Vol. 1. New York, 1958. P. 519–530; и более позднюю работу: Niccolo Pianciola. *Famine in the Steppe: The Collectivization of Agriculture and the Kazakh Herdsmen, 1928–1934* // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 45. № 1–2. January – June 2004. P. 153–159.

ных и рыбных ресурсов, в охоте и животноводстве, в металлургической и горнодобывающей промышленности²⁹.

Программа принудительной колонизации отдаленных территорий сопровождалась милитаризацией государственной социальной политики. Ссылных, подобно заключенным, загоняли в поселения, напомиравшие военизированные резервации. Каждая такая резервация управлялась спецкомендатурой и охранялась внутренними войсками ОГПУ/НКВД. Но все же поселенцев удерживала в местах ссылки не столько вооруженная охрана, сколько паспортные ограничения, не позволявшие им покидать районы, назначенные для проживания. Подобно кулакам или социально-опасным элементам, спецпереселенцы не имели паспортов. Им не разрешалось покидать места поселения даже после демилитаризации резерваций, когда переселенцам были возвращены избирательные и прочие гражданские права, а сами поселения перешли под управление местных гражданских властей. После восстановления в правах бывшим кулакам были выданы паспорта. Им были возвращены все гражданские права, включая право голосовать на выборах, но специальные штампы в паспортах запрещали им выезжать и переселяться в другие места за пределами того региона, в который они были ранее высланы. По абсурдной бюрократической логике циркуляр, изданный в марте 1935 г., предпри-

---

²⁹ Таким образом, советская политика депортаций не была уникальным явлением, но воспроизводила в крайних формах колонизаторскую политику других европейских империй. О колонизации Австралии см.: Robert Hughes. *The Fatal Shore: The Epic of Australia's Founding*. New York, 1987; L. L. Robson. *The Convict Settlers of Australia*. Melbourne, 1965; George Rudé. *Protest and Punishment: The Story of the Social and Political Prisoners Transported to Australia, 1788–1868*. London, 1978; A. G. L. Shaw. *Convicts and Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and Other Parts of the British Empire*. Melbourne, 1966. Во Франции уголовное законодательство, разрешавшее массовую высылку в колонии бродяг, нищих, уголовников-рецидивистов и других маргиналов, поэтапно вводилось в период 1883–1885 гг. См.: Robert Nye. *Crime, Madness, and Politics in Modern France: The Medical Concept of National Decline*. Princeton, 1984. P. 59–95. Ричард Эванс описывает попытки Германии высылать в XIX в. уголовников-рецидивистов, политических революционеров и других нежелательных лиц, которые осложнялись отсутствием в то время заморских колоний. Правительства отдельных германских государств были вынуждены заключать договоры с правительствами стран Южной Америки и даже России на отправку в эти страны своих ссылных. После объединения Германии проблема создания исправительных колоний по образу и подобию британских и французских возникла вновь в процессе приобретения Германией обширных заморских территорий. В конечном итоге, проект создания этих колоний был отменен, как объясняет Ричард Эванс, по нескольким причинам. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что британский опыт в этой области оказался не слишком удачным, что заставило Великобританию свернуть свою политику депортаций. См.: Richard J. Evans. *Tales from the German Underworld: Crime and Punishment in the Nineteenth Century*. New Haven, 1998. P. 40–81.

сывал местным властям разъяснять бывшим кулакам, что те теперь обладают всеми правами за исключением права покидать районы своего поселения. Естественно, что ответственность за соблюдение паспортного режима и правил прописки была возложена не на сотрудников ОГПУ, а на местную милицию. Информация о спецпереселенцах содержалась в милицейских регистрационных картотеках, а сами переселенцы были обязаны раз в месяц являться в местные отделения милиции, чтобы подтвердить место своего проживания, указанное в адресной книге³⁰. Таким образом, милиция посредством администрирования паспортного режима играла важную роль в репрессивной политике государства в отношении лишенных свободы граждан и в реализации планов властей по ускоренному освоению отдаленных территорий.

География принудительной миграции

Паспортизация служила инструментом социальной очистки городов и приграничных районов страны, а также средством контроля большого числа заключенных и ссыльных. Она имела также сопутствующие эффекты, поскольку помимо людей, арестованных как опасные для государства элементы, многие граждане вынуждены были «добровольно» покинуть города и районы, где, как они подозревали, им будет отказано в выдаче паспортов или, хуже того, где их могли арестовать как социально-вредный элемент. Таким образом, в дополнение к насильственным депортациям паспортизация сама по себе породила масштабную добровольную миграцию неблагонадежного населения из режимных в нережимные регионы. В первой половине 1933 г. в результате первой волны паспортизации, проходившей в крупных городах, городское население страны сократилось примерно на 400 тыс. человек. Как отмечено в главе 5, это был единственный период реального сокращения численности населения городов со времен Гражданской войны, что делает его примечательным исключением для всего периода ускоренной индустриализации и урбанизации страны в 1930-е гг.³¹

Депортация и вынужденная миграция нежелательного населения превратили географическую карту страны в причудливую мозаику социалистических и не социалистических частей. Властям достаточно было взглянуть на карту и ознакомиться со статистикой, чтобы, как это делал Ягода, увидеть достижения в построении

³⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. Док. 75.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.

социализма в стране. Продвижение к социализму не происходило единым фронтом и по одному географическому направлению, но в целом социально-географическая картина строительства социализма в Советском Союзе в середине 1930-х гг. характеризовалась заметными различиями между Востоком и Западом, а также между городом и деревней. К этому времени число городов и промышленных центров страны, которым был присвоен режимный статус, выросло с первоначальных 3 (Москва, Ленинград и Харьков) до 37³². Этот статус не только давал режимным городам определенные привилегии в снабжении и в покровительстве милиции, имевшей право ограничивать проживание там нежелательного населения, но и одновременно возводил их в ранг мест победившего социализма. Например, в докладе Ягоды о состоянии преступности за 1935 г. с гордостью говорится о положительных последствиях паспортизации в очистке городов от нежелательного населения и в их превращении в образцы социализма³³. Поэтому Ягода даже рекомендовал распространить права, которыми были наделены органы милиции и госбезопасности режимных городов, на сельские и иные нережимные районы страны³⁴. Тем не менее статус «режимный» далеко не всегда означал «безопасный». Например, в 1934 г. Совнарком присвоил режимный статус всему Восточносибирскому краю, причем именно потому, что эти места были очень опасными. Восточная Сибирь была перенасыщена преступниками и беглыми заключенными, но одновременно она была стратегически важным регионом благодаря богатству природными ресурсами, а также из-за наличия протяженной и местами спорной границы с оккупированной японцами Маньчжурией³⁵.

По мере того как все большее число районов страны объявлялось режимными, нежелательное население выдавливалось из них в нережимные регионы. Власти последних старались, но часто безуспешно, справиться с массовым наплывом новых нежелательных жителей, ко-

---

³² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 125–127. К 1940 г. режимный статус был присвоен уже 175 городам и 460 районам страны, что заставило руководство ввести дальнейшую градацию уровня режимности территорий, введя категории режимности I и II. Moine. *Le Système des passeports...* P. 156.

³³ См. замечание на этот счет начальника Главного управления милиции Л. Н. Бельского, заявившего: «Лучшие показатели снижения уровня преступности демонстрируют города с населением более 50 тысяч, значительная часть которых является режимными. Эти города, общим числом 120, находятся под особым контролем Главного управления милиции». ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 71, Л. 220. Аналогичную оценку состояния дел с преступностью давал также Ягода. См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31. Л. 3. Кроме того, см. доклад об уровне преступности в режимных городах: там же. Там же. Л. 146.

³⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 71. Л. 226.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 157.

торых подозревали в антисоветских настроениях. Это было особенно актуально для Урала и Западной Сибири, которые рассматривались властями как наиболее предпочтительные места поселения депортированных граждан, и в то же время стали основными пунктами назначения для населения, выдавливаемого паспортизацией из режимных районов. На карте видно, что эти регионы примыкали к европейской части Советского Союза, откуда прибывало большинство мигрантов. Они не были особо экстремальными с точки зрения удаленности или климатических условий, как восточносибирские или среднеазиатские регионы страны. Кроме того, здесь строилось немало новых промышленных предприятий в городах, многие из которых на протяжении 1930-х гг. оставались нережимными. Таким образом, многие граждане, которым было отказано в получении паспортов в режимных городах, могли надеяться получить паспорта и найти работу в промышленных и горнорудных центрах Западной Сибири и Урала. По тем же причинам эти регионы магнитом притягивали к себе нелегальных мигрантов. Потребность в рабочей силе в этих регионах была столь высока, что местные власти предпочитали смотреть сквозь пальцы на нарушения законов о прописке. В результате здешние места как губка впитывали в себя десятки тысяч беглых кулаков и других депортированных, а также бывших заключенных и освободившихся кулаков. Последние по закону не имели права селиться в режимных местностях или возвращаться в родные места, поэтому как люди второго сорта были вынуждены сосредотачиваться в экономически развивающихся, но отсталых в социальном смысле районах страны.

В начале 1930-х гг. Западная Сибирь была особенно наводнена обломками строящейся сталинской цивилизации. Проблемы, связанные с наплывом добровольных и принудительно направленных в край мигрантов в середине десятилетия сильно тревожили местные власти. Один из недовольных этим чиновников писал, что уголовники и социально-опасные элементы «стекаются в край с востока и с запада»³⁶. Только за вторую половину 1933 г. более 50 тыс. казахских детей-беспризорников пересекли границу Западносибирского края, спасаясь от голода и ужасов коллективизации у себя на родине. Всего за два года сотни тысяч казахов бежали на север и восток, чтобы попасть в Сибирь³⁷. В докладе начальника западносибирского управления НКВД Сергея Миронова указывается, что порядка

---

³⁶ ГАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 18.

³⁷ Из письма партийного уполномоченного Т. Р. Рыскалова руководителям партии от 9 марта 1933 г., воспроизведенного в книгах: Советское руководство. Переписка, 1928–1941. М., 1999. С. 204–225, цитируемая с. 205; Pianciola. Famine in the Steppe... P. 171.

9 тыс. «социально-опасных» лиц проживали в 1937 г. в юго-восточных районах Кемеровского угольного бассейна. Миронов докладывал, что в результате притока нежелательного населения Кузбасс и Нарым оказались особенно сильно засорены антисоветским и другим маргинальным элементом. По его словам, в этих районах жили 208 400 ссыльных кулаков, не считая местных бывших кулаков. Еще 5350 человек находились здесь в административной ссылке. Среди них были белые офицеры и бывшие служащие царской полиции. Край переполнен, как утверждал Миронов, большими массами бродяг, цыган, нищих, беспризорников и уголовников³⁸.

Похожая на Урал и Западную Сибирь ситуация сложилась в Казахстане. Когда Михаил Шрейдер, назначенный заместителем наркома внутренних дел Казахстана по милиции, прибыл в столицу республики Алма-Ату, он был поражен громадным числом уголовников, скопившихся в этом городе и в республике в целом. Он охарактеризовал положение дел с преступностью в Алма-Ате как «катастрофическое». Шрейдер быстро понял две основные причины сложившейся ситуации. Выбранный в качестве одного из отстойников нежелательного населения, Казахстан стал местом сосредоточения многочисленных крупных лагерей, колоний и спецпоселений, включая огромный Карагандинский лагерь, расположенный вдоль границ республики с Алтаем и Западной Сибирью. Проблему усугублял тот факт, что в Алма-Ате отсутствовал паспортный режим, что делало этот город привлекательным для огромного числа беглых заключенных и социальных маргиналов, слетавшихся в него из паспортизируемых и режимных районов Европейской части страны. Ситуация в Казахстане, жаловался Шрейдер, сильно напоминала ту, что он ранее наблюдал в Западной Сибири, где до назначения в Алма-Ату служил начальником краевой милиции³⁹.

Некоторые представители местных властей мирились с наплывом нелегалов и лиц, признанных режимом социально-вредным или маргинальным элементом, надеясь на то, что ослабление с их помощью дефицита рабочей силы перевесит негативные социальные последствия этого явления. Иные же придерживались другой стратегии в этом вопросе. На протяжении 1930-х гг. местные власти бомбардировали Совнарком просьбами об изменении статуса своих регионов, что позволило бы очистить их от нежелательных мигрантов. Как правило, такие просьбы поступали из районов, примыкавших к режимным городам, приграничным районам или важным промышленным центрам и, как отмечали в своих обращениях в правительство многие их

---

³⁸ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 26. Л. 2.

³⁹ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 86–87, 98–99.

руководители, паспортизация режимных районов вызывала приток криминальных, антисоветских и маргинальных элементов в соседние нережимные районы. В результате последние превращались в места сосредоточения или в опорные базы для криминальных групп – контрабандистов, грабителей и карманников, орудовавших в близлежащих режимных городах. Участники более организованных видов преступности типа нелегального производства или торговли также старались селиться в этих нережимных районах поближе к режимным наряду с теми, кто рассчитывал впоследствии найти там работу и обрести желанное жилье. Ягodu особенно беспокоило подобное проникновение людей в режимные районы, так сказать, «с черного хода»⁴⁰. Но чаще всего нережимные районы становились прибежищем людей, изгнанных из родных домов и не имевших ни средств, ни желания двигаться дальше. Так или иначе, независимо от причин этого явления, нережимные районы оказались переполнены людьми, которым некуда было податься, или надеявшимися обосноваться там, либо со временем перебраться обратно в режимные города. В некоторых случаях Совнарком, обычно по рекомендациям НКВД, удовлетворял просьбы местных властей о присвоении подведомственным им территориям режимного статуса, но в основном эти обращения отклонялись, предоставляя местным чиновникам справляться с возникшими проблемами самостоятельно⁴¹.

Михаил Шрейдер относился к той категории представителей власти на местах, которые пытались очистить свой регион от маргинального населения. Будучи начальником республиканской милиции и одновременно заместителем наркома внутренних дел Казахстана, Шрейдер в 1938 г. с успехом пролоббировал включение Алма-Аты в перечень режимных городов. Когда город обрел статус режимного, Шрейдер немедленно развернул кампанию паспортизации его населения, сопровождавшуюся массовыми высылками. Однако, как он отметил в своих мемуарах, социальная чистка города досталась высокой ценой, поскольку пришлось выселить из него многих профессионалов – врачей, инженеров, преподавателей, в свое время сосланных в Казахстан как «бывших людей». Многие из них прибыли сюда в середине 1920-х гг. в ходе проводившихся в то десятилетие кампаний по лишению «бывших» гражданских прав. Теперь они подлежали новой высылке на основании постановления о социально-вредных элементах, вышедшего в мае 1935 г. По оценкам Шрейдера, как минимум половина из многих тысяч людей, высланных из Алма-Аты в течение 1938 г., принадлежала к числу лучших людей города. Многие из них

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 31–32.

⁴¹ См. примеры таких обращений: Там же. Оп. 14а. Д. 740.

были специалистами, трудившимися в административном аппарате республиканского уровня. Даже первый секретарь ЦК компартии Казахстана Мирзоян попытался за них заступиться, и Шрейдер был вынужден допустить несколько сотен исключений, вычеркивая самых незаменимых людей из списков лиц, подлежащих выселению из города. Впоследствии он критиковал непродуманность последствий принятия постановления 1935 г., касавшегося социально-вредных элементов, но утверждал, что «делать было нечего. Теперь все мы были обязаны выполнять приказ ЦК и Совнаркома». В течение нескольких недель Шрейдер подписал ордера на высылку громадного числа граждан, список которых в переплетенном виде составил обширный том⁴². По логике законов о паспортах и прописке эти люди подлежали переселению в провинциальные районы, в которых паспортизация не проводилась вообще или происходила по правилам, установленным для нережимных территорий. В 1930-х гг. по всему Советскому Союзу многократно умножилось число людей, которых отрывали от дома и отправляли в ссылку по два и более раз. Их насчитывалось много сотен тысяч, если не миллионов человек. Репрессивные мероприятия, сопровождавшие паспортизацию, привели к масштабным насильственным перемещениям населения страны.

Степени социальной «отдаленности»

Стоило человеку попасть в определенную социальную категорию, и он практически не имел возможности быть из нее вычеркнутым. Запись о социальном положении, особенно вызывающем подозрение властей, делалась в специальном штампе, проставляемом в паспорте, а соответствующие данные затем переносились в картотеки НКВД. Эти отметки со ссылками на соответствующие параграфы инструкций о выдаче паспортов содержали сведения о прошлых судимостях или другие дискредитирующие человека сведения, например, о предыдущих депортациях. Эти отметки определяли, где данному лицу разрешено жить, работать, путешествовать, а также доступные для него права и привилегии. Действовавшие в СССР законы о паспортах и прописке устанавливали многоуровневые ограничения гражданского статуса людей, касавшиеся избирательных прав, свободы перемещения и выбора места жительства, приобретения товаров. Эти варьируемые уровни ограничений определяли уровень принадлежности или, наоборот, исключения из определенного социального круга или социальной инклюзии и эксклюзии. Указанные ограничения имели

---

⁴² Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 99–100.

также географическую привязку. Соответственно ограничения права выбора места жительства и свободы перемещения варьировались в зависимости от его «вредности для общества» и ограничений гражданских прав, установленных для этой категории населения. Более того, ограничения по месту жительства, отмеченные в паспортах, для некоторых категорий граждан оставались в силе постоянно. Власти редко допускали полное восстановление в правах лиц, когда-либо попавших в категорию маргинальных или социально-вредных элементов, причем даже для тех бывших ссыльных или заключенных, которые отбыли сроки наказания и по закону должны были обрести гражданские права в полном объеме. Например, массовый пересмотр дел раскулаченных крестьян, проходивший в 1934 г., привел к освобождению по протестам прокуратуры десятков тысяч невинно осужденных людей. Им было гарантировано полное восстановление гражданских прав в надежде на то, что они, вступая в колхозы, сумеют заново интегрироваться в советское общество. Правда, «полное восстановление гражданских прав» не предполагало возврата незаконно конфискованной собственности. Если кто-то из них настаивал на том, чтобы оставаться единоличником, то его вынуждали арендовать у государства бывший ранее в его собственности или иной участок земли.

Весной 1934 г. ВЦИК начал процесс восстановления в гражданских правах крестьян, сосланных как кулаки. В течение нескольких лет со специальных поселений была снята вооруженная охрана, а их обитателям «возвращены в полном объеме» гражданские права. Предполагалась, что эти бывшие кулаки, а их именно так и называли, честным трудом на сельскохозяйственных предприятиях этих поселений заработали полный возврат гражданских прав, включая избирательные права и права на получение паспортов. Опять же, «полное восстановление гражданских прав» не включало возвращение в родные места или проживание в режимных районах. Более того, Ягода сумел настоять на включении в постановление ВЦИК о восстановлении в гражданских правах бывших кулаков, принятое в январе 1935 г., запрета выезжать за пределы того региона, куда они были высланы⁴³.

Лица с судимостями по уголовным статьям попадали под иную категорию ограничений. Бывшим уголовникам, освободившимся из заключения, закон разрешил возвращаться в родные дома, то есть по условиям реинтеграции в общество уголовники получили более высокий социальный статус по сравнению с бывшими кулаками. Тем не менее в зависимости от характера совершенных преступлений многим бывшим уголовникам было запрещено селиться в режимных го-

---

⁴³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 67. Воспроизведен в сборнике: Спецпереселенцы в СССР... Док. 35. С. 209; Там же. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. Л. 75.

родах, если они не отвечали четко сформулированным и достаточно жестким условиям⁴⁴. Фактически же до начала реформ августа 1936 г. почти никто из бывших заключенных не имел права вновь приезжать или возвращаться в режимные районы. После напряженных дебатов Вышинскому удалось убедить Совнарком в необходимости сократить перечень особо опасных преступлений, на совершивших которые распространялись указанные ограничения. В результате Совнарком ограничил перечень самых дерзких преступлений всего четырьмя наименованиями – грабеж, разбой, убийство и физическое насилие при отягчающих обстоятельствах, не считая целого ряда чисто политических антигосударственных преступлений⁴⁵. Однако Вышинский не смог доказать Совнаркому, что следует ввести ограничения срока действия запрещений на переезд или возвращение в режимные зоны.

Закоренелые преступники и социальный атавизм

В описанной выше «кастовой» системе присутствовали социальные категории, которые в зависимости от конкретных обстоятельств заслуживали прощения и подлежали частичной реинтеграции в общество. Однако некоторые категории граждан не могли рассчитывать на полное искупление⁴⁶. При Сталине реабилитации или репатриации ни в коем случае не подлежали бывшие кулаки или рецидивисты, а также некоторые этнические группы: немцы, поляки или финны. Милиция и органы госбезопасности старались изолировать эти группы граждан от «здоровых сегментов социалистического общества», помещая их в лагеря или охраняемые колонии и ограничивая места их проживания определенными географическими регионами страны⁴⁷.

Постоянные ограничения в правах, установленные для определенных категорий населения, отражали произошедший в середине 1930-х гг. сдвиг во взгляде властей на проблему социальной идентичности, в котором стали преобладать атавистические представления⁴⁸. Иллюстрацией к тому стали события, приведшие к введению

---

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 7, 21, 36.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 47.

⁴⁶ Шейла Фицпатрик подчеркивает корпоративный характер или сословность сталинского общества в статье: *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History*. № 65. December 1993. P. 765–768.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 931. Л. 2; Ф. 8131. Оп. 37. Д. 83. Л. 43–44.

⁴⁸ Этот сдвиг можно считать социальным эквивалентом того, что Терри Мартин назвал возникновением первобытных взглядов на национальные проблемы, оформление которых происходило в начале и середине 1930-х гг. *Terry Martin. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Fitzpatrick. Stalinism: New Directions... P. 348–367.*

постоянных ограничений на места проживания бывших кулаков, начало которым положило постановление ЦИК СССР 27 мая 1934 г. о порядке восстановления их в гражданских правах. С выходом этого постановления начался массовый исход обитателей спецпоселений, породивший среди высших руководителей страны и органов госбезопасности настроения, близкие к паническим. Как следовало из доклада начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана, к декабрю 1934 г. были восстановлены в правах порядка 32 тыс. «трудпоселенцев». Как Берман пояснил в докладной записке Ягоде, из этих 32 тыс. только около 8 тыс. человек, т. е. 25 %, предпочли остаться в своих трудовых поселениях. Он предлагал приостановить процесс массового восстановления в правах бывших кулаков и запретить им возвращаться на прежние места жительства⁴⁹. Ягода немедленно приказал своему заместителю не разрешать бывшим ссыльным покидать места ссылки до того, как эта проблема не будет прояснена на высшем уровне, после чего обратился с письмом к Сталину с просьбой исправить эту недоработку в постановлении ЦИК. Ягода обосновывал в письме необходимость ограничить перемещения бывших кулаков следующими двумя соображениями. Во-первых, потому что массовый исход бывших кулаков из спецпоселений способен, как он выразился, подорвать государственные планы «освоения мест, малоприспособленных для проживания», а, во-вторых, потому, что возвращение спепереселенцев на места их прежнего жительства, опять-таки по его выражению, было «политически нежелательным». Второе соображение Ягоды, безусловно, опровергало всякие претензии идеологов на возможность трудового перевоспитания и по существу было равноценно утверждению, что всякий кулак навсегда кулаком и останется. Так или иначе, но Ягода заявил, что НКВД обязано действовать, чтобы приостановить массовое перетекание бывших кулаков обратно в западные части Советского Союза⁵⁰.

В январе 1935 г. ЦИК издал исправленное постановление, отменявшее бывшим кулакам в праве покидать регионы, ранее назначенные им в качестве места ссылки. Но Ягода все еще оставался неудовлетворенным этими поправками. По его мнению, ограничения, введенные для бывших кулаков, следовало распространить на всех ссыльных. Его заместитель Берман не только был с этим согласен, но в своем докладе в конце февраля 1935 г. призывал Ягоду убедить ЦИК в необходимости принятия соответствующего постановления. Этот доклад касался завершения кампаний очистки городов от де-

---

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1s. Д. 29. Л. 12. Воспроизведен в сборнике: Спецпереселенцы в СССР... С. 207–209.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1s. Д. 29. Л. 11.

классированных элементов, инициированных в связи с первыми волнами паспортизации, прошедшими в 1933 и 1934 гг., а также перевода из лагерей в спецпоселения всех заключенных, которым оставалось провести в них менее 5 лет. Берман отметил в докладе, что сроки заключения лиц, посаженных в лагерь в 1930–1931 гг., подходят к концу, и они подлежат освобождению. Эти лица могут возвратиться на прежние места жительства, что, по его мнению, следовало бы остановить. Поэтому он рекомендовал Ягоде изыскать возможности распространить на этот «контингент» действие «кулацкого» постановления ЦИК от 25 января. С этим предложением был согласен влиятельный заместитель наркома внутренних дел Г. А. Молчанов, возглавлявший секретный политический отдел НКВД, а Берман даже приложил к докладу проект постановления, которое должны были подписать М. И. Калинин и А. С. Енукидзе, возглавлявшие в то время ЦИК. Ягода одобрил проект и представил его в ЦИК, но не дожидаясь принятия решения по нему, в марте направил приказы комендантам спецпоселений и руководителям местных управлений НКВД остановить передвижение бывших заключенных и других отбывших сроки ссылки лиц. К несомненному разочарованию Ягоды тогдашний Генеральный прокурор Акулов блокировал принятие этого постановления, которое так и осталось неутвержденным⁵¹. Ягоду немного утешило только то, что перечень преступлений, наказания за которые включали постоянный запрет на проживание в режимных районах, остался достаточно обширным, но этот запрет был далеко не равноценен пожизненной изоляции бывших заключенных в отдаленных регионах страны.

Отношение Ягоды к бывшим заключенным и ссыльным было экстремальным среди других советских руководителей, но оно отвечало общей культуре и практике работы его ведомства. Судя по протестам прокуратуры, милиция, вопреки действовавшим законам, регулярно отказывала бывшим заключенным в выдаче «чистых» паспортов без отметок, ограничивавших их права. 29 июня 1935 г. Ягода выпустил приказ с указаниями не выдавать никому из освобожденных заключенных паспорта, допускающие проживание в режимных районах. Этот приказ напрямую нарушал паспортное законодательство, в котором было четко установлено, какие правонарушители имеют, а какие не имеют права возвращаться в режимные районы страны и проживать там⁵². Еще одним, похожим примером, относящимся к 1935 г., стало получение Ягодой докладов о том, что руководители некоторых местных управлений НКВД освободили значительное число недавно прибывших ссыльных. По приказу Прокурора РСФСР мест-

---

⁵¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–5.

⁵² ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 59. Л. 17–19.

ным властям следовало освобождать из трудовых колоний ссыльных, прибывших без надлежащим образом оформленных документов на арест и этапирование. Отметив, что человек, однажды оказавшийся на изнанке советской жизни, не может быть возвращен в нормальное общество, Ягода инструктировал местных руководителей, что они могут игнорировать приказания прокуратуры и оставлять в заключении лиц, прибывших даже при отсутствии надлежащих сопроводительных документов⁵³. Работники прокуратуры постоянно и, очевидно, безрезультатно сообщали о подобных нарушениях, причем, что еще важнее, даже после снятия Ягоды с его поста в 1936 г., и это свидетельствует о том, что данная практика вообще была характерна для полицейской культуры того времени, а не обязана была своим появлением исключительно Ягоде. В июле 1937 г. заместитель Прокурора СССР и член Совнаркома Леплевский докладывал Молотову о разногласиях, возникших в комиссии по пересмотру уголовного кодекса по вопросу о разрешении бывшим заключенным возвращаться в главные города и промышленные центры. Он сообщил, что ответственный представитель НКВД в комиссии Берман выступил против подобного разрешения. Леплевский критиковал его позицию, ссылаясь на большое число законов, допускавших возвращение многих бывших заключенных в режимные регионы⁵⁴.

Стремление властей ограничить места проживания бывших заключенных объяснялось их страхом перед рецидивизмом. Рецидивизм действительно представлял собой любопытное явление. Советские криминологи отвергали преваляровавшее в Европе представление о рецидивной уголовной преступности как биологически обусловленном явлении или следствии общих социальных деформаций. Выдающийся российский, а потом и советский криминолог М. Н. Гернет возражал против биологических теорий прирожденных преступных типов, выдвинутых итальянским френологом Чезаре Ломброзо в конце XIX в., оказавших сильное влияние на представления о рецидивизме и девиантном поведении. Гернет предлагал социологические объяснения преступности как следствия не биологических факторов, а социальных условий. Его взгляды в некоторых пунктах совпадали с классовой теорией Маркса⁵⁵. С Гернетом был

⁵³ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 14–15.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 31.

⁵⁵ Гернет М. Н. Предисловие к работе «Преступный мир Москвы (1924)» // Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 435. Европейские взгляды по данной проблеме см.: Robert Nye. Crime, Madness, and Politics; Daniel Pick. Faces of Degeneration: A European Disorder, c. 1848–c. 1918. Cambridge, 1989. Наиболее полная работа Ломброзо, изданная на английском языке: Crime: Its Causes and Remedies. London, 1911.

согласен ответственный работник прокуратуры и специалист по преступности Г. И. Волков, который пошел еще дальше, доказывая, что само по себе одно улучшение социальных условий не способно полностью разрешить проблемы преступности. Выступая в духе марксистской идеологии, Волков писал, что для устранения преступности из общественной жизни требуется изменение отношения целых классов к политической власти и производственным отношениям⁵⁶. Таким образом, только советский социализм создает условия для полного искоренения преступности и рецидивизма. Под влиянием подобного рода идей многие социологи и должностные лица в правительстве выступали за обучение заключенных-уголовников трудовым профессиям и привлечение их к общественно-полезному труду в качестве средств их интеграции в здоровое социалистическое общество. Система исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний, по-видимому, основывалась на этом принципе трудового перевоспитания преступников в условиях советского социализма.

Ягода на словах разделял эти социал-детерминистские взгляды и часто ссылался на реабилитационные функции трудовых лагерей и колоний. В то же время он не мог не обращать внимания на статистику, согласно которой многие преступления совершают лица, уже имевшие судимости в прошлом, и недоумевал, как в таком случае можно объяснить наличие рецидивной преступности в условиях советского социализма. Он осыпал рецидивистов бранью и, подобно многим европейским криминологам и полицейским, был убежден, что склонность к рецидиву является врожденной, атавистической чертой личности, а преступники-рецидивисты составляют особый класс неисправимых людей. Вместе с тем Ягода верил в то, что рецидивизм имеет социальные, а не биологические корни. Большинство тяжелых преступлений в стране, утверждал он в докладе в 1936 г., были совершены закоренелыми преступниками, которые одновременно составляют категорию социально-вредных, преимущественно деклассированных элементов⁵⁷. Ягода пояснял, что уголовный рецидивизм представляет собой проявление антисоветской социальной ориентации, а поэтому рецидивисты являются неисправимыми преступниками, внутренне враждебными советской власти, и они ни в коем случае не поддаются реабилитации⁵⁸.

---

⁵⁶ Волков Г. И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право. М., 1935. Особенно гл. 4: Критика буржуазных теорий преступления.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31.3.

⁵⁸ Начальник ГУЛАГ Берман еще в 1933 г. выражал точку зрения, согласно которой рецидивисты не поддаются исправлению. N. Werth and G. Moullec. *Rapports secrets soviétiques: La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991*. Paris, 1994. P. 44.

Таким образом, Ягода облек в криминологическую фразеологию сталинскую идею, согласно которой уголовники и маргинальные слои общества представляют собой новую разновидность классового врага. Эти группы и исходящие от них угрозы не подходили под определение класса по признаку отношения к владению собственностью, ибо уголовники не владели никакой собственностью, кроме украденного имущества, но их можно было считать классом в смысле вклада, а точнее – отсутствия такового, в производство продукции и услуг для государства. Исходя из подобного ужесточения отношения власти к девиантным и маргинальным группам населения, Ягода призывал руководителей органов милиции и ГУГБ на местах интенсифицировать очистку подведомственных территорий от социально-вредных элементов на основе приказа 00192 и проявлять большую строгость в применении паспортного законодательства. На деле ужесточение отношения к этим элементам выливалось в растущую категоричность применения ограничений по выдаче паспортов и прописке. В начале 1930-х гг., например, милиция в режимных городах довольно гибко подходила к выписыванию ордеров на выселение постоянным жителям, ранее лишенным избирательных прав или не занятым общественно полезным трудом. В соответствии с оперативными инструкциями, сопровождавшими паспортизацию населения, такие лица либо подлежали выселению, либо ссылке в специальные поселения. Однако милиция имела право применять эти меры селективно. Если лицо, отнесенное к данной категории, не было замечено в антисоветской или иной подозрительной деятельности во время паспортизации, имело родственников в городе или проживало в нем длительное время, то милиции было указано не применять в его отношении такие меры, как выселение или ссылка. Однако в марте 1935 г. начальник паспортного отдела Главного управления милиции Фокин и заместитель начальника этого управления Макарьян издали приказ, отменявший предыдущие инструкции. Милиция теперь обязывалась категорически исполнять приказы, согласно которым все бывшие «лишенцы» и маргиналы подлежали высылке из режимных городов, невзирая на любые их жизненные обстоятельства⁵⁹. Решительное ужесточение применения законов о паспортах и борьбе с социально-опасными элементами должно было, по подсчетам Ягоды, очистить страну одновременно как от антисоветских элементов, так и от за-

---

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 69. Этот приказ вызвал такое количество вопросов со стороны руководителей местных органов милиции, что 25 апреля был издан дополнительный разъясняющий его циркуляр. Первоначальный приказ не был аннулирован, но новый циркуляр рекомендовал не освобождать лиц, если имеются данные о том, что они остаются социально-опасными. Там же. Д. 130. Док. 70.

коренелых преступников, представлявших, по его мнению, одно и то же. Подобные, неисправимые личности должны быть, по словам Ягоды, навсегда вычищены из советского общества без всякого права на реинтеграцию⁶⁰.

Против столь категоричной политики наряду с некоторыми другими чиновниками возражал Вышинский, и после изгнания Ягоды в конце 1936 г. Генеральный прокурор попытался оживить политику социальной реинтеграции уголовников-рецидивистов. В первые месяцы 1937 г. Вышинский совместно с НКВД предложил программу амнистирования рецидивистов и привлечения их к общественно-полезному труду при условии, что они добровольно сдадутся милиции. В докладе, направленном в Совнарком и Сталину, Вышинский заявил, что возглавляемая им комиссия, работавшая в тесном сотрудничестве с милицией, нашла работу для более чем 600 рецидивистов. В подтверждение эффективности предложенной им программы Вышинский приложил письма от нескольких глав муниципальных властей, поддерживавших его инициативу. Кроме того, он представил также благодарственные письма воров-рецидивистов, каждый из которых неплохо отзывался о своей прежней «профессии» и связанном с нею кодексе воровской чести, но при этом благодарил за предоставленную возможность «честно трудиться». Один из них с удовольствием сообщил о получении настоящего паспорта, регулярной заработной платы и жилья⁶¹.

Наследник Ягоды Н. И. Ежов придерживался несколько более гибкой политики в отношении рецидивистов по сравнению со своим предшественником. Ежов поддержал проект Вышинского и сотрудничал с ним в продвижении программы амнистирования и трудоустройства рецидивистов. Ежов при этом пошел так далеко, что даже предложил Совнаркому в апреле 1937 г. создать комиссию при ВЦСПС, отвечающую за программу трудоустройства и обеспечения жильем амнистированных рецидивистов. В докладной записке, адресованной в Совнарком и Сталину, Ежов тем не менее не мог недооценивать общественной опасности рецидивной преступности. Основываясь на статистике арестов и приговоров за 1936 г., он подчеркнул, что «контингентом» рецидивистов совершается значительный процент серьезных преступлений. По мнению Ежова, ранее неоднократно судимые лица зачастую представляют собой ядро «руководящих кадров» преступных банд. В своей докладной записке он писал, что каждый месяц из заключения выходят более 60 тыс. осужденных уголовников, отбывших свои сроки, но НКВД в состоя-

---

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 31. Л. 3–4.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 2–13.

нии трудоустроить только 6–7 тыс. из них. Остальные же, по словам Ежова, «разъезжаются по Союзу, без работы, опять начинают совершать преступления, даже по дороге из лагеря»⁶². Ежов признавал, что многие бывшие преступники не могут устроиться на работу из-за предубежденного к ним отношения со стороны нанимателей, но многие из них, по его мнению, просто не желают честно трудиться, даже когда им предлагают работу. Ежов цитировал, очевидно, подслушанные тюремным осведомителем слова одного вора, продолжавшего отбывать свой срок, который хвастливо заявлял: «Я не хочу работать, когда я выйду отсюда. Мне нравится ездить по разным городам. Я вору. Я люблю солнце, свежий воздух, костры. Сидеть буду только до лета, потом обязательно убегу»⁶³.

Хотя Ежов и поддержал программу трудоустройства рецидивистов, предложенную Вышинским, но предупреждал, что с учетом подобного отношения необходимо держать их под строгим контролем. Ежов предложил Совнаркому разрешить лагерным надзорным органам автоматически продлевать сроки заключения рецидивистам при малейших проявлениях неповиновения или хулиганства с их стороны, но не более чем на 3 года. Против этой рекомендации возражали Вышинский, а также его заместитель Г. Леплевский, бывший одновременно членом Совнаркома, и нарком юстиции Н. Крыленко. Все трое доказывали, что любой человек может быть осужден только за конкретное преступление, а не за неопределенное «неповиновение», и в любом случае право вынесения приговоров должно принадлежать специальным судебным органам, а не тройкам НКВД. Леплевский в письме Председателю Совнаркома Молотову, отметил, что руководство НКВД продолжает настаивать на запрете проживания в режимных городах и промышленных районах всем лицам, вышедшим из заключения, независимо от характера совершенных ими преступлений и числа прошлых судимостей. Ссылаясь на августовские 1936 г. изменения паспортного законодательства, Леплевский утверждал, что подобные требования НКВД являлись неконституционными, поскольку проживание в режимных регионах было теперь запрещено только лицам, совершившим наиболее серьезные преступления. Письмо Леплевского доказывало, насколько широкое распространение в практике работы милиции и других органов НКВД получил в то время эссенциализм по отношению к бывшим преступникам и другим маргинальным элементам⁶⁴.

---

⁶² Там же. Л. 46.

⁶³ Говоря «Обязательно я убегу», этот уголовник имел в виду относительную легкость при желании побега из лагерей. Там же. Л. 45.

⁶⁴ Там же. Л. 31.

Депортации по категориям

В отличие от индивидуальных приговоров, выносимых в обычном судебном порядке по политическим и уголовным делам, административные формы репрессий нередко сводились к коллективным депортациям определенных категорий граждан. Жертв коллективных депортаций по категориям обычно отправляли в одно место или ссылали партиями («контингентами») в несколько разных мест. Самый крупный и наиболее широко рассеянный по стране «контингент» ссыльных образовался в начале 1930 г. в ходе раскулачивания. Кулаков ссылали преимущественно в восточные районы Уральской области, северные части Западной Сибири, Северный край Европейской России и некоторые области Казахстана. Большую часть ссылаемого контингента составляли выходцы из западных сельских регионов страны. Поскольку само понятие «кулак» было классовой категорией, то контингент ссыльных состоял из лиц разных национальностей, но преимущественно из русских, украинцев и белорусов. Кулаков, выселенных из Приморского края, высылали в основном на Северный Кавказ, хотя некоторые партии ссыльных оседали в нижнем течении Волги⁶⁵.

Органы милиции и госбезопасности старались не смешивать между собой разные контингенты ссыльных. Так, национальные меньшинства, депортированные из приграничных районов страны в середине и конце 1930-х гг., никогда не направляли в уже существовавшие колонии. Органы заставляли партии ссыльных этой категории строить для себя новые колонии-поселения в малонаселенных районах Средней Азии, чаще всего в Казахстане, Северном Узбекистане и в некоторых районах Таджикистана. Ссыльных финнов из Карелии депортировали в 1935 г. в Вологодскую область и Западную Сибирь, но селили в специально создаваемых для них колониях, отдельных от уже имевшихся поселений для кулаков.

В определенном смысле раздельное содержание разных категорий ссыльных было следствием того, что их депортации происходили в ходе различных операций, но эта политика имела и иное обоснование. Власти ясно давали понять, что классовых врагов не следует смешивать с преступниками, которые могли иметь «социально-близкое» происхождение. Одна группа ссыльных могла «загрязнять» другую, нарушая политику властей, нацеленную на определенную категорию ссыльных. Руководство страны полагало, что эта проблема получила наиболее широкое распространение во время раскулачивания. Многие местные власти, торопясь очистить свои территории от

---

⁶⁵ См. сводные таблицы в книге: Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 245–249; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. Особенно главы 13–15.

классово-враждебных крестьян, пользовались случаем, чтобы заодно с ними выслать других неблагонадежных лиц – уголовников, бродяг и нищих, и в результате их отправляли в одних эшелонах с депортируемым кулацким вражеским элементом. Принимавшие эшелоны коменданты колоний часто жаловались, что кулацкий контингент оказывался засоренным большим числом представителей указанных криминальных групп, доставлявшим им бесконечную головную боль. Рецидивисты совершали преступления и как дезорганизаторы общества отрицательно влияли на общий моральный климат в колониях. Они также были наиболее склонны к побегам из колоний и поселений. Руководство ОГПУ постоянно предупреждало местные органы о недопустимости перемешивания уголовников с кулаками и о необходимости отправки закоренелых преступников в хорошо охраняемые трудовые лагеря строгого режима⁶⁶.

Имелись и другие различия между контингентами ссыльных, создававшие определенные сложности при их нарушениях. Например, деклассированные «бывшие», высланные из Ленинграда в 1935 г., подлежали отправке в колонии Западной Сибири и Северного края. Несмотря на это, судя по поступавшим жалобам, группы этого контингента ссыльных по разным причинам оказались рассеянными по другим колониям или среди коренного населения нережимных регионов. Многие коменданты лесозаготовительных и сельскохозяйственных колоний жаловались на то, что «ленинградский контингент» не вписывается в их колонии или не подходит для той работы, на которой они специализируются. Ленинградцы создавали для руководства колоний дополнительные проблемы, поскольку существовали специальные директивы, запрещающие привлекать деклассированных интеллигентов и «бывших» к работе в качестве преподавателей, не смотря на их квалификацию и опыт⁶⁷.

Государственная безопасность или модернизация экономики

Рационализация репрессивной политики на основе принятых законов о паспортах и прописке позволила государству бюрократизировать надзор за населением и обеспечение государственной безопасно-

---

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 9. См. обращение секретаря западносибирского крайкома партии Роберта Эйхе летом 1933 г. с предложением об удалении уголовников-рецидивистов из сельскохозяйственных колоний. По словам Эйхе, уголовникам легко удается бежать из колоний, они формируют банды, терроризирующие их обитателей. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 36.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 70. Л. 166; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 149.

сти с применением количественных методов. Власти были убеждены в реальном существовании учрежденных ими категорий населения и полагали, что, манипулируя их составом и географическим размещением, они защищают государственную безопасность. С точки зрения советских лидеров, введение паспортной системы способствовало упорядочению социального состава населения и закреплению граждан на определенных местах проживания. В действительности, практически в каждом случае введения изменений в правила и процедуры паспортной регистрации, аргументы Ягоды об усилении контроля и охраны государственной безопасности вступали в противоречие с другими приоритетами власти. В частности, местные руководители и экономисты жаловались, что массовые паспортные ограничения проживания в тех или иных районах страны мешают перемещениям рабочей силы и обостряют проблему дефицита кадров особо важных и редких профессий. Иными словами, законы о паспортах и прописке скорее душат миграцию рабочей силы, нежели способствуют управлению ею, и скорее угрожают выполнению экономических планов, нежели совершенствует контроль населения. В мае 1934 г. председатель украинского республиканского Совнаркома П. Лобоченко ходатайствовал перед Молотовым о смягчении действовавших законов о паспортах и прописке для так называемых отходников, т. е. сельских жителей, покидавших свои деревни в поисках работы на городских предприятиях. В соответствии с действовавшими на тот момент законами, отходник не мог получить паспорт и разрешение на прописку в том городе, где располагалось предприятие – потенциальный работодатель, за исключением случаев принятия на работу на основе коллективного соглашения между этим предприятием и колхозом или совхозом. Лобоченко просил Совнарком разрешить регистрацию в городах отходников, нанятых на работу в индивидуальном порядке при отсутствии подобных соглашений⁶⁸.

Просьба Лобоченко была не слишком радикальной. Он был согласен с тем, чтобы принимаемый таким образом на работу человек имел на руках действующий паспорт или справку, выданную председателем колхоза или сельсоветом, разрешавшую ему отправиться на поиски работы за пределами его колхоза. Одновременно Лобоченко предупреждал, что в случае ужесточения паспортного режима некоторые крупнейшие промышленные предприятия Украины потеряют многих работников, поскольку руководители будут вынуждены уволить тех, кого наняли в индивидуальном порядке в нарушение правил приема на работу и прописки, а милиция

---

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1175. Л. 12.

должна будет принудительно выселить уволенных из городов, где эти предприятия расположены⁶⁹.

Ягода попытался заблокировать обращение Лобоченко с просьбой об изменении правил прописки, а его собственное письмо в Совнарком обнаруживает близкий к истерике страх, который он испытывал перед неорганизованной миграцией населения. Письмо Ягоды служит также хорошим примером того, насколько статичными и упрощенными категориями мыслил он сам и его ведомство. Он пишет: «ОГПУ категорически возражает против разрешения прописки лицам, прибывающим самотеком в индивидуальном порядке в режимные города в поисках работы», и далее обосновывает свои возражения следующим образом: «Как показали фактические проверки, самотеком в города прибывает только незначительное количество действительных колхозников. Основную же массу лиц, прибывающих самотеком под видом "колхозников", составляют классово-чуждый и уголовный элемент, который в результате паспортизации удален из крупнейших городов и друг[их] режимных местностей и, получив паспорт в нережимных местностях, заручившись подложными справками, стремится проникнуть обратно в города на крупнейшие предприятия. Таким образом, разрешение самотека приведет к засорению городов и предприятий социально-чуждым элементом, что и имеет место в предприятиях режимных городов УССР»*.

Развивая свою аргументацию и стремясь показать, что его возражения касаются не только одной Украины, Ягода далее сообщает, что разрешение колхозникам неорганизованного поиска работы вне рамок заключенных соглашений между колхозами и предприятиями приведет к возникновению еще одной нежелательной ситуации, когда люди начнут покидать колхозы и искать другие места работы просто ради улучшения своего материального положения. Опасность такой ситуации состоит, по его мнению, в том, что она приведет к высокой текучести кадров и будет способствовать ускоренному выращиванию «явных летунов» и «дезорганизаторов производства»⁷⁰.

Язык письма Ягоды обнажает те коварные способы, которыми паспортная система категорическим образом узаконивала социальные идентичности граждан посредством отнесения их к определенным категориям. По мысли Ягоды, всякий человек, не подпадающий под ту или иную категорию населения из числа применявшихся при оформлении паспортов, автоматически по определению вызывал подозре-

---

⁶⁹ Там же.

* Сохранены стиль, орфография и пунктуация оригинала письма Ягоды. –

Примеч. пер.

⁷⁰ Там же. Л. 8–9.

ния как социально-опасный элемент. Точно так же считался вредным каждый человек, осмелившийся проявить личную инициативу и в поисках лучшей доли постараться устроиться на новое место работы. Но вопреки энергичным возражениям Ягоды, Совнарком все же удовлетворил просьбу Лобоченко, и правила прописки были смягчены применительно к ситуациям, описанным украинским руководителем. Разочарованный начальник управления милиции Л. Н. Бельский был вынужден издать соответствующий приказ, не забыв приписать, что он отдан «по предложению Совнаркома»⁷¹. Интересно отметить, что буквально за месяц до обращения Лобаченко, в апреле 1934 г. Совнарком отклонил аналогичную просьбу донецких обкома партии и облисполкома. Возможно, обращение главы правительства одной из главных республик Союза имело больший вес. Однако через год в августе 1935 г. Совнарком отклонил предложение ленинградских обкома и облисполкома о распространении принятого в апреле 1934 г. решения об отходниках на крестьян-единоличников, не являвшихся членами колхозов. Заместитель Ягоды Г. Е. Прокофьев в ответе от имени ОГПУ⁷² привел почти те же аргументы, что и Ягода о нежелательности засорения города неорганизованным населением, особенно единоличниками, и без того подозрительной категории граждан. По словам Прокофьева: «ходатайство Ленсовета по прописке в Ленинграде прибывающих самотеком крестьян-единоличников следует отклонить... Состав прибывающих самотеком, не проверенных на месте людей, в значительной степени засорен беглыми кулаками, уголовниками, летунами и лицами, скрывшимися из деревни от уплаты налогов, разбазарившими свое хозяйство. Прописка их в Ленинграде, безусловно, снизит эффективность оперативных мероприятий, проведенных органами НКВД по разгрузке Ленинграда от соц-чуждого и уголовного элемента»⁷³. Перспективы массовой самостоятельной трудовой миграции сельского населения в города пугали власти не только угрозами «засорения» городского общества, но и тем, что эти мигранты являлись или были прежде независимыми сельскими хозяевами.

Отметки в паспортах

НКВД победил в своем споре с ленинградской администрацией, но перспективы «засорения социалистического пространства» городов продолжали беспокоить Ягodu. Несмотря на определенные успехи,

---

⁷¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1175. Л. 6.

⁷² Там же. Оп. 16а. Д. 1332. Л. 2.

⁷³ Там же.

Ягода к концу 1935 г. пришел к выводу, что законы о паспортах и прописке работали не столь эффективно, как могли бы. Имевшихся в распоряжении его ведомства средств оказалось недостаточно «для решения проблемы очистки режимных мест от социально-чуждого и преступного элемента». Нежелательные лица продолжали просачиваться в города, причем зачастую вместе с толпами людей, ежедневно приезжающих на поездах, чтобы что-то продать или купить на городских рынках. Кроме того, жаловался Ягода, лица, которым было запрещено проживание в режимных районах, научились обходить действующие законы о паспортах и прописке. По его словам, люди, высланные из одних режимных мест, просто получали на законных основаниях паспорта в нережимных городах, а затем, устроившись на работу в другом режимном городе, оседали в нем на постоянное жительство. Поскольку в их паспортах не было никаких отметок о предыдущих высылках из режимных районов, сотрудники милиции в новых местах, где они подавали заявления на прописку, не имели возможности проверить, не относятся ли эти лица к категории социально-вредных. Ягода утверждал, что немало бывших ссыльных и заключенных проникает обратно в режимные районы именно таким образом. В результате, по его словам, вместо очистки режимных территорий происходит обмен между режимными городами социально-вредным и преступным населением⁷⁴.

В декабре 1934 г. Ягода предпринял неудавшуюся попытку ввести специальные штампы в паспортах освобожденных из заключения преступников и других лиц, которым запрещено проживание в режимных районах⁷⁵. В конце 1935 – начале 1936 гг. он вновь поднял перед Совнаркомом вопрос об ограничении свободы перемещения и прописки указанных лиц. Его переписка с властями по этому вопросу представляет определенную ценность, поскольку она обнажает склад мыслей политических лидеров страны и имевшиеся между ними расхождения во мнениях. Итак, в декабре 1935 г. Ягода, которого по-прежнему продолжали волновать проблемы засоренности режимных территорий маргинальным и другим антисоветским элементом, предложил ставить в паспорта всех, «кому запрещено проживание в режимных местах», специальные штампы или делать в них отметки следующего простого содержания «Для нережимных местностей». Такие штампы или отметки, утверждал Ягода, необходимы для того, чтобы заткнуть бреши в защите социалистических городов, которые

---

⁷⁴ Там же. Оп. 18а. Д. 845. Л. 31–32.

⁷⁵ В декабре предыдущего 1934 г. Ягода уже выступал с аналогичными предложениями. Не сохранилось никаких записей обсуждений этих его более ранних предложений, но они определенно были отклонены. Там же. Оп. 16а. Д. 1270. Л. 30.

он описывал в сопроводительном письме к проекту постановления, направленном членам Совнаркома⁷⁶.

В связи с этим предложением Ягоды необходимо особо отметить два момента. Во-первых, он явно преувеличил проблему. Членам Совнаркома было хорошо известно, что многочисленные ограничения, нацеленные на предотвращение нелегальных перемещений по стране бывших ссыльных и заключенных, включая штампы в паспортах и особые пропуска, в то время уже действовали. Более того, милиция любого города, тем более режимного, была обязана проверять прошлое любого гражданина, обратившегося с заявлением на прописку, и эти проверки обязательно должны были включать установление контактов с органами милиции тех мест, где этот гражданин проживал прежде. С другой стороны, властям также была известна небрежность, с которой милиция проводила подобные проверки и вела регистрацию паспортов и прописок. Постоянное недовольство Ягоды вызывало то обстоятельство, что милиция на местах часто не проверяла все места проживания прибывающих мигрантов, ограничиваясь последним. (В данном случае, географическая разбросанность прежних мест жительства играла скорее на руку маргинальным слоям населения.)

Во-вторых, предложение Ягоды имело двусмысленный характер, и эта его двусмысленность заключалась в том, что текст его письма допускал при желании более или менее широкие толкования. В письме Молотову шеф НКВД рекомендовал ставить постоянные отметки в паспортах всем, кому по паспортному законодательству запрещено сидеть в режимных местах. Таким образом, на первый взгляд предложение Ягоды было нацелено на недопущение в режимные города преступников, кулаков, бывших ссыльных и других маргинальных и антисоветских элементов. Архивные документы доказывают, что некоторые официальные лица, включая Вышинского, поначалу полагали, что эти предложения направлены исключительно против указанных граждан. Так, Вышинский, получив от секретаря Совнаркома Мирошникова предложения Ягоды, направленные в генеральную прокуратуру на заключение, кратко ответил, что «в принципе» не имеет возражений против введения подобных отметок в паспортах. По его мнению, эти предложения, в конечном счете, просто формализуют уже существующие процедуры и правила⁷⁷.

Однако вскоре стало очевидным, что предложения Ягоды имели намного более далеко идущий характер. По крайней мере, некоторые чиновники осознали, что он намеревался ставить отметку «Для

---

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 32.

⁷⁷ Там же. Л. 34.

нережимных местностей» в паспорта всем, у кого не было специального разрешения на проживание в режимных районах, а не только нежелательным элементам. Реализуемость его предложений на практике была крайне сомнительной. В своем письме Молотову член Совнаркома и заместитель Генерального прокурора Леплевский отметил, что помимо явной неконституционности этого предложения милиция и другие органы НКВД не способны справиться с его применением на практике, поскольку они не справляются должным образом с исполнением уже действующих правил паспортизации и прописки⁷⁸. Если даже оставить в стороне неконституционность и нереализуемость в полном объеме этих предложений, они, по мнению Леплевского, способны только осложнить доступ всех граждан в главные столичные города страны. Он напомнил Молотову, что комиссия, первоначально готовившая закон о паспортах, с крайней осторожностью подходила к вопросу о простановке в паспортах различных ограничительных штампов и отметок. Леплевский также предупреждал, что реализация предложений Ягоды даже в узкой их интерпретации будет сопряжена с серьезными трудностями и рисками злоупотреблений⁷⁹. Более того, как напоминал Леплевский Молотову, первоначальные инструкции Совнаркома по паспортизации уже содержали подробный перечень преступлений, виновные в которых лишались права проживания в режимных городах. В связи со всем, упомянутым выше, Леплевский призывал Молотова и Совнарком отклонить предложения Ягоды. По его мнению, требовалось не введение новых правил, а строгое исполнение уже действующих⁸⁰.

Когда Вышинский, наконец, осознал подлинный смысл предложений Ягоды, он также включился в затяжную борьбу за их отклонение. При этом Вышинский не только возражал против этих конкретных предложений, но пошел дальше и попытался убедить руководство страны в необходимости сокращения перечня преступлений, наказания за которые включали высылку виновных из режимных районов. Он также доказывал необходимость ограничения 3–5 годами запрета на проживание в этих местах вышедшим из заключения преступникам в зависимости от вида и тяжести преступлений. Вышинский ар-

---

⁷⁸ Там же. Л. 28–30; Ф. 8131. Оп. 71. Д. 118–120.

⁷⁹ Те же аргументы приводились в 1953 г., когда Совет министров отменил систему режимных городов и ограничений на прописку. К тому времени от 2 до 10 млн человек испытали на себе указанные ограничения (2 млн только за период 1945–1953 гг.), которые были введены в начале 1930-х гг. Текст постановления Совмина см. в сборнике: Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы, март 1953 – февраль 1956 / Под ред. А. Аристова. М., 2000. С. 45–48.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 28.

гументировал свое предложение тем, что несправедливо отказывать в полном восстановлении в гражданских правах людям, искупившим свою вину и исправившимся. Юридический советник Совнаркома одобрил предложения Вышинского и рекомендовал поручить ему совместно с Ягодой подготовить основанный на них проект постановления правительства⁸¹. Молотов, очевидно, также склонялся в пользу рекомендаций Вышинского, поскольку он критиковал предложения Ягоды на заседании согласительной комиссии Совнаркома. Тем не менее Ягода считал предложения Вышинского неприемлемыми. После двух месяцев безуспешных обсуждений они так и не пришли к единому мнению.

В апреле 1936 г. Ягода обобщил свои возражения против реформ, предложенных прокуратурой. Как обычно, его комментарии отличались непримиримостью и категоричностью. Он утверждал, что предлагаемое прокуратурой законодательное ограничение запретов на проживание в режимных районах «сводится к тому, чтобы немедленно вернуть в режимные местности всех тех, кого мы удалили в 1933 году, т. е. свести на нет результаты по очистке режимных местностей». Ягода также доказывал, правда, не очень убедительно, что нет никакой опасности в пожизненном запрете на проживание в определенных местностях, предусмотренном действующими законами. По его мнению, бывшие осужденные, освобожденные по амнистии, имели право подавать просьбы о снятии с них судимостей, удовлетворение которых автоматически упраздняло любые ограничения по местам их проживания. Ягода отметил, что не имеет возражений против предложенного Вышинским сокращенного перечня преступлений, но тут же предложил расширить его еще на 14 статей Уголовного кодекса с различными подпунктами. Он возражал против предоставления бывшим заключенным и ссыльным, осужденным за преступления и нарушения, не включенные в сокращенный перечень, полной свободы перемещения и выбора места жительства. Он также возражал против предоставления прокуратуре права надзора за соблюдением милицией паспортного законодательства. Ягода в принципе был не согласен с Вышинским, настаивавшим на сужении круга лиц, которым следует проставлять отметки в паспортах. По его мнению, «предложение тов. Вышинского сводилось к тому, чтобы упомянутые отметки в паспортах делать только лицам, отбывшим срочное лишение свободы или высылку, освобождая от отметок перебежчиков и всех прочих, кому по действующему закону запрещено жить в режимных местностях, т. е. разрешить проживание в режимных мест-

---

⁸¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 23.

ностях перебежчикам»⁸². Ягода не сумел найти внятных возражений против предложения Вышинского и ограничился декларативным заявлением о том, что «неправильность такого предложения не нуждается в доказательствах»⁸³.

После более чем трехмесячных ожесточенных споров НКВД и Прокуратура, наконец, согласовали компромиссный вариант реформы. Принятое 8 августа 1936 г. пересмотренное положение о паспортах можно считать частичными победами каждой из противоборствовавших сторон. С одной стороны, Совнарком утвердил предложенный Вышинским сокращенный перечень преступлений, осужденным за которые запрещалось проживание в режимных районах, но с дополнением его 14 статьями УК, предложенными Ягодой. Совнарком также одобрил предложение Вышинского гарантировать полную свободу выбора места жительства всем бывшим заключенным и ссыльным, осужденным за преступления, не входящие в упомянутый выше перечень. (Это разрешение, как известно, не распространялось на бывших кулаков.) Однако Совнарком не поддержал рекомендацию Вышинского о включении пунктов о введении временного срока запретов на ограничение мест проживания бывших заключенных. Члены Совнаркома решили, что эта проблема должна быть рассмотрена в контексте происходившего тогда пересмотра уголовных кодексов советских республик. Однако этот пересмотр, начавшийся еще в 1934 г., в 1936 г. был далек от завершения, и эта отсрочка стала частичной победой Ягоды. Совнарком также одобрил его предложение о введении специальных отметок в паспортах лиц, которым запрещено проживание в режимных районах, но НКВД проиграл главное сражение вокруг того, насколько широко могли применяться эти отметки. В Совнаркоме возобладали настроения в пользу рекомендаций прокуратуры о необходимости ставить специальные отметки в паспорта только тех лиц, которые были осуждены за преступления, перечисленные в особом перечне инструкций. Совнарком одобрил текст специальной отметки в паспорте «Выдан на основании п. 11 постановления СНК СССР за № 861 от 28. IV. 1933 г.», который предложил Вышинский, вместо более расплывчатой и неоднозначной формулировки Ягоды «Для нережимных мест». Ссылка на п. 11 указанного постановления фактически означала, что такие отметки должны были ставиться в паспорта лиц, осужденных за преступления, перечисленные в постановлении и по которым предусматривались ограничения мест проживания после освобождения. В соот-

---

⁸² Из контекста документа следует, что под «перебежчиками» Ягода имел в виду беженцев.

⁸³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 15–17.

ветствии с предложением Ягоды Совнарком включил специальное упоминание о беженцах, которым также запрещалось проживание в режимных городах⁸⁴.

Милиция продолжила совершенствование системы паспортного учета, введя в конце 1930-х гг. дактилоскопирование и фотографирование граждан. Продолжились также усилия по разрешению проблемы отслеживания перемещений граждан при смене ими мест постоянного проживания. Крупнейшей проблемой паспортной системы на протяжении всех 1930-х гг. оставалась ее неспособность регистрировать как прежние места проживания при прописке по прибытии, так и предполагаемые – при убытии. Когда граждане сдавали свои паспорта на прописку по новому месту жительства, они зачастую не удосуживались выписаться с предыдущего или указать при выписке, куда они направляются. Если всего 5 % граждан не регистрировали в милиции свое прибытие на новое место проживания, то почти 13 % не регистрировали место нового назначения при убытии с предыдущего⁸⁵. В такой ситуации людям оказывалось достаточно легко скрывать или затемнять свое прошлое. По словам Ягоды, нарушения гражданами правил прописки служили серьезной помехой милиции в розыске лиц, совершивших преступления или бежавших из мест заключения⁸⁶. Милиция так и не сумела полностью разрешить эту проблему вплоть до окончания Второй мировой войны, когда летом 1945 г. в оккупированный Берлин была направлена специальная милицейская комиссия, в течение нескольких недель изучавшая систему регистрации граждан по местам их проживания, действовавшую в Германии в 1920–1930-х гг. Глава комиссии Л. Чижиков в своем докладе рекомендовал воспользоваться немецкой системой, согласно которой все граждане при смене места жительства были обязаны заполнять в трех экземплярах специальные регистрационные формы. В случае советской милиции по одному экземпляру заполненных форм следовало направлять в областные и республиканские паспортные столы и в центральное паспортное управление в Москву. В докладе комиссии немало места было уделено детальным описаниям методов архивации и хранения документации, применявшихся немецкой полицией. Доклад сопровождался фотографиями каталожных ящиков, штампов для удостоверений личности и даже папок-скоросшивателей для

---

⁸⁴ Редакционные поправки, внесенные от руки. См.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 845. Л. 12. Опубликованный проект см.: Там же. Л. 1–2.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 52. Л. 18.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 10–11.

подшивки документов. Чижиков также отметил, что немецкая система действовала так эффективно еще и потому, что полиция была обязана каждое полугодие проверять свои регистрационные картотеки и привлекать к ответственности всех лиц, нарушивших правила регистрации⁸⁷.

Второе пришествие крепостничества

Историки часто ссылаются на отсутствие паспортов у сельского населения в качестве наиболее наглядного подтверждения дискриминационного характера советской паспортной системы. Подавляющему большинству крестьян было отказано в выдаче паспортов, и на этом основании делается вывод, что они, таким образом, были привязаны к земле, лишены права свободного перемещения и стали жертвами второго пришествия крепостного права⁸⁸. Большевики действительно были настроены против крестьян, но утверждения о втором крепостничестве вводят в заблуждение в вопросе, как действовала советская паспортная система и институт прописки. В самом деле паспортная система отражала постоянно усложнявшуюся иерархию привилегий и ограничений, полных или частичных ограничений в правах, постепенно вводившихся запретов на свободу перемещений, которые испытывало на себе все население Советского Союза. В сталинской

---

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 463. Л. 36–37, 48, 65.

⁸⁸ Из русскоязычных источников отметим превосходную работу Попова «Паспортная система в СССР...». В числе работ, опубликованных на английском, особого внимания заслуживают: Marc Garcelon. Colonizing the Subject: The Genealogy and Legacy of the Soviet Internal Passport // Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World, ed. Jane Caplan and John Torpey. Princeton, 2001. P. 83–100; John Torpey. Revolutions and Freedom of Movement: An Analysis of Passport Controls in the French, Russian, and Chinese Revolutions // Theory and Societ. 1997. Vol. 26. No. 4. P. 837–868. Попов, как и Гарселон и Торпи, описывают советскую паспортную систему как более или менее простой способ разделения сельского и городского населения. Они оба приводят лакопичные и полезные описания развития советских систем идентичностей на протяжении 1920-х гг., начиная с полного революционного отрицания практики царского режима в этой области и заканчивая постепенным восстановлением паспортов в ходе ускоренной индустриализации, коллективизации и порожденного ими хаоса начала 1930-х. Вместе с тем я не согласен с характеристикой паспортизации, данной Гарселоном, как «набор дисциплинарных способов, привязывающих поощрения и наказания граждан к уровню поддержки ими общепринятых идеологических дискурсов» (Garcelon. Colonizing the Subject... P. 88). Паспортизация служила дисциплинирующим обществом механизмом только частично, например, посредством ограничения прав отбывших сроки заключения уголовников. Подавляющее большинство граждан пользовалось привилегиями или было ограничено в правах не по идеологическим соображениям, а в зависимости от их социального положения или национальности.

корпоративной разновидности государственного социализма сельские жители находились на самом нижнем уровне пирамиды прав и привилегий. Однако крестьяне были не единственной категорией граждан, привязанных к местам жительства и работы. Подобные ограничения в правах существовали для всех служащих милитаризованных государственных органов и учреждений. Безусловно, такие ограничения имели место для всех военнослужащих армии и внутренних войск НКВД, а также для сотрудников милиции, пожарных, некоторых категорий медицинских работников, работников оборонных предприятий и всех железнодорожников. Командиры частей и отделы кадров учреждений и предприятий изымали у подчиненных паспорта и выдавали взамен них рабочие справки или удостоверения личности. Всем этим категориям граждан нужно было особое разрешение для поездок по стране или увольнения. Многие руководители невоенизированных учреждений и предприятий также прибегали к подобной, хотя и незаконной практике изъятия паспортов работников, чтобы свести к минимуму текучесть кадров⁸⁹.

Большинство сельских жителей действительно не имели паспортов в 1930-х гг., но важно отметить, что они имели право на их получение в случаях законного переезда в паспортизированные местности. Это обстоятельство важно иметь в виду, чтобы правильно понять, почему власти отказались от паспортизации в сельской местности. Фактически паспорта были выданы многим миллионам крестьян, работавшим в сельских совхозах, а также рабочим совхозов и членам колхозов, находившимся в пределах городов, стратегически важных и приграничных районов страны. Но еще важнее понимать, что отсутствие паспортов у большинства сельского населения привязывало крестьян к земле не больше, чем обладание паспортами давало свободу передвижения другим категориям граждан. Безусловно, колхозники нуждались в получении письменных разрешений или словесных справок, чтобы перебраться на работу в другие места. Они не имели права просто уехать в город в поисках работы. Это разрешалось только при определенных условиях, например, при наличии

---

⁸⁹ Безусловно, имелись существенные различия в условиях жизни и труда колхозников и лиц, находящихся на воинской службе. Последние, если не считать рядовых солдат, находились на самой вершине системы снабжения продовольствием и товарами, но испытывали паспортные ограничения, сопоставимые с колхозниками. Но в отличие от них, военнослужащие и люди, занятые в военизированных секторах экономики, подпадали под юрисдикцию гораздо более строгих по сравнению с обычными судами военных трибуналов. О незаконной практике изъятия паспортов см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 38. Л. 3. Об ограничениях, связанных с паспортизацией работников железных дорог, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 76; ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Док. 63; Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 719. Л. 1–2.

подтверждения от городского предприятия о приеме на работу или родственников, уже прописанных в городе. Это было достаточно суровым ограничением в правах, но оно вытекало из действовавших в то время законов о найме на работу, а не из отсутствия паспортов. Разрешения на отъезд из колхоза должны были получать даже те крестьяне, у которых паспорта имелись. Подобно всем жителям непаспортизированных районов, всякий колхозник, направлявшийся на работу в промышленности на основе коллективного трудового договора между колхозом и предприятием, получал годовой временный паспорт, который затем продлевался на следующие 3 года. Затем этот временный паспорт заменялся постоянным, действовавшим 5 или 10 лет, при условии, что бывший колхозник, ставший фабричным рабочим, оставался работать в промышленности.

По закону большинство граждан, работавших в промышленности, имели право свободно покидать свои предприятия и искать работу в других городах или частях страны, и этим их трудовые права отличались от прав работников сельскохозяйственных предприятий⁹⁰. На самом деле действовавшие законы о прописке ограничивали трудовую мобильность всех без исключения граждан независимо от законов, регулировавших найм на работу. Лица, имеющие паспорта, так же как и беспаспортные граждане, могли покидать место постоянной прописки и оставаться на продолжительный срок в режимных районах только при наличии прописанных там родственников или официального приглашения на работу от местного предприятия. По мере того, как на протяжении 1930-х гг. расширялся список режимных территорий, дискриминирующие ограничения распространялись на все более обширный сегмент населения, как городского, так и сельского, отказывая им в доступе к лучшим условиям существования и к более желанным местам работы и проживания. Таким образом, дело было не столько в отсутствии паспортов у сельских жителей, привязавшем их к местам проживания, сколько в трудовом законодательстве и правилах прописки, затрагивавших все городское и сельское население страны.

В конце 1930-х гг. власти ввели ряд дополнительных ограничений на свободу движения рабочей силы. К тому времени стало ясно, что паспортизация достаточно успешно препятствует «засорению» общества нежелательными элементами. Однако действовавшие в то время законы, регулировавшие занятость и места проживания граждан, недостаточно эффективно контролировали трудовую

---

⁹⁰ Жалобы городских рабочих на то, что паспортная система привязывает их посредством изъятия паспортов работодателями к месту работы и прописки, см.: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155–159.

миграцию в промышленности. Высокая текучесть рабочей силы продолжала присутствовать на промышленных предприятиях, работники которых, подобно несознательным крестьянам, пытались улучшить условия существования, перебираясь с места на место. Поскольку страна находилась на пороге войны, сталинские власти в 1940 г. ввели драконовские трудовые законы, которые были еще больше ужесточены в 1940-х и в начале 1950-х гг. Эти законы служили городским эквивалентом жестоких законов, принятых в начале 1930-х гг. с целью ограничения миграции сельского работоспособного населения. В период 1940–1956 гг. несколько миллионов работников были осуждены за нарушения законов, запрещавших им увольняться с заводов и других предприятий без специального разрешения на переход на другое место. Если считать, что крестьяне испытали на себе новое крепостное право, то, в конечном итоге, его жертвами оказались практически все работавшие в сталинском государстве⁹¹.

Причины, по которым не проводилась паспортизация сельских районов, носили комплексный характер, но скорее всего это было связано с организационными проблемами и первоначальными целями, которые ставились властями при паспортизации населения. В соответствии с законом о паспортах цели паспортизации заключались в «подсчете численности и чистке населения». Обе эти цели на селе были достигнуты еще до ее начала⁹². Можно считать, что раскулачивание и коллективизация уже очистили сельскую местность от социально-враждебных элементов, и поэтому паспортизация как очистительное средство на селе уже не требовалась. В соответствии с первым проектом инструкций по выдаче паспортов, паспортизация сельского населения также не требовалась для подсчета его численности. По мнению авторов этого проекта, перепись сельского населения уже была проведена ранее посредством составления его списков сельскими советами под жестким контролем местной милиции⁹³. Таким образом, по крайней мере с точки зрения властей, паспортизация на селе не требовалась ни для очистки сельской местности от враждебно настроенного населения, ни для при-

---

⁹¹ Эти законы предусматривали суровые приговоры к заключению в лагеря за различные нарушения трудовой дисциплины, включая переход на другое место работы без разрешения. Donald Filtzer. *Labour Discipline and Criminal Law in Soviet Industry, 1945–1953*. Paper delivered at the Sixth World Slavic Congress, Tampere, Finland, 2000. P. 1; Yoram Gornitzki. *Rules, Incentives, and Soviet Campaign Justice after World War II / Europe-Asia Studies*. 1999. No. 51. P. 1245–1265.

⁹² См. протокол заседания Политбюро от 15 ноября 1932 г. в сборнике: *Изменения паспортной системы...* С. 104.

⁹³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 740. Л. 6.

вязки крестьян к месту их работы. Поэтому главным приоритетом при проведении паспортизации являлось упорядочение именно городского населения, заключавшееся в его чистке, регистрации и защите от пополнения нежелательными элементами. На первых порах паспортизацию можно было считать городским эквивалентом раскулачивания, и это ясно видно из первых редакций инструкций по ее проведению, хотя власти очень скоро распространили репрессивную паспортизацию на решение более широкого диапазона полицейских задач⁹⁴. Но уже в начале 1936 г. Ягода фактически уже сожалел о том, что власть не имеет возможности управлять сельскими районами с использованием закона о паспортах теми же способами, какими она осуществляла чистку городов⁹⁵. Этим своим заявлением он одновременно подтвердил как эффективность паспортного режима и прописки в качестве средств полицейского контроля, так и сохранение проблем с его осуществлением в сельской местности, несмотря на коллективизацию.

Развитие паспортной системы, проводившееся в 1940 г., а затем и в 1952 г., подразумевало полную паспортизацию всего населения Советского Союза. В 1952 г. милиция предлагала завершить ее к 1956 г.⁹⁶, но Политбюро ЦК под руководством Хрущева отложило эти предложения до лучших времен, а затем полностью их отвергло в конце 1960-х гг. уже во времена правления Брежнева. Причины, по которым власти отказывались выдавать паспорта сельским жителям после окончания Второй мировой войны, остаются не вполне понятными, но наиболее правдоподобным объяснением может служить то, что в этот период руководство страны было более, чем в 1930-е гг., озабочено проблемой утечки населения из села. По мере того, как в течение 1950-х гг. постепенно смягчались ограничения прав других групп населения, паспортизация фактически становилась средством дискриминации, направленным исключительно против сельских жителей, которым паспорта в полном объеме стали выдаваться только в 1970-е гг.

---

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 78. В первом разделе инструкции «Общие положения» установлены функции милиции при введении паспортной системы, среди которых главной и основной являлась выдача паспортов и прописка граждан по месту жительства. Следующей функцией была названа «очистка режимных местностей от кулаков, уголовных и других асоциальных элементов, а также лиц, не занятых на производстве или иным полезным трудом». Следующий пункт инструкции требовал от милиции «учета на основе паспортизации насыщенности нережимных районов и предприятий кулаками, уголовным и другим асоциальным элементом и проведение оперативных мероприятий на основе результатов учета».

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Л. 3.

⁹⁶ Там же. Оп. 86а. Д. 7932. Л. 70.

Советская паспортная система в сравнительно-исторической перспективе: социальное выравнивание и прозрачность

Система присвоения идентичности гражданам с помощью внутренних паспортов не является исключительной особенностью Советского Союза или сталинского периода его истории. Система внутренних паспортов была введена царским режимом, и большевики отменили ее одним из первых революционных декретов, направленных на ликвидацию деспотической системы власти, существовавшей во времена самодержавия. Фактически большевики действовали в духе Великой французской революции предыдущего столетия. По иронии истории, французские революционеры тоже впоследствии восстановили систему определения идентичности как необходимого средства охраны общественного порядка и противодействия контрреволюционной угрозе⁹⁷. К концу XIX в. системы идентичности уже были хорошо отработаны практически во всех европейских государствах. По мере того, как гражданская политика, проводимая правительствами, становилась всю более централизованной и бюрократизированной, происходила стандартизация форм идентификации личности граждан. Независимо от того, какие цели преследовали власти, будь то усиление гражданской инклюзии, как утверждали Макс Вебер и позднее Чарльз Тилли, или усиление контроля общества (по Фуко), государства стали вводить категории идентичности, которые были направлены на стирание социальных и региональных различий с целью создания единой государственной системы управления гомогенным обществом⁹⁸.

В своей работе по вопросам идентичности Джейн Каплан и Джон Торпи, ссылаясь на исследования де Токвиля, Вебера и Тилли, утверждают, что характерным признаком современности является наличие центрального правительства, управляющего обществом, которое стремится к однородности⁹⁹. Эта тенденция, по мнению Чарльза Стейнвидела, была свойственна царской России в не меньшей степени, чем другим европейским государствам. Упоминая о церковно-приходских книгах и внутренних паспортах, Стейнвидел отмечает, что, стремясь добиться большей вовлеченности граждан в

---

⁹⁷ О Франции см.: Torpey. *Revolutions and Freedom of Movement*.

⁹⁸ Max Weber. *Economy and Society*, trans. G. Roth and C. Wittich. 2 vols. Berkeley. 1978. Vol. 1. P. 223–225; Foucault. *Discipline and Punish*.

⁹⁹ Caplan and Torpey. *Documenting Individual Identity*. P. 5; Charles Steinwedel. *Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia*. P. 68.

общественную жизнь, Петр Столыпин, а до него Сергей Витте, приступили к изживанию различий между разными конфессиями и статусными группами. В свою очередь, это вело к своего рода гражданскому «уравниванию управляемых». В России этот процесс вел к тому, что две главные идентификационные характеристики граждан, а именно – принадлежность к определенному сословию или конфессии, постепенно утрачивали свою роль в качестве средства структурирования общественного устройства империи. После 1905 г., когда удостоверения личности получили в России более широкое распространение, в них стали реже применяться сословные и религиозные личные данные. Одним из признаков происходивших перемен стала более частая идентификация субъектов по национально-этнической принадлежности¹⁰⁰.

Некоторым образом советская паспортная система по мере ее эволюции обнаруживала те же тенденции, но одновременно и сильно от них отходила. В большинстве европейских государств системы идентичностей были нацелены на обеспечение если не социальной, то, по крайней мере гражданской однородности населения или на его «выравнивание», о котором писали Каплан и Торпи. Категории социальной инклюзии и эксклюзии при этом корреспондировались с национальными границами и границами землевладений. Иными словами, по мере того как государства придавали все большую однородность системе гражданских идентичностей, уравнивался и доступ в гражданское пространство. Напротив, и это будет показано ниже, сталинское государственное устройство никогда не отличалось «ньютоновым» равновесием в управлении обществом, характерным для европейских государств XIX в. Социальные группы в Советском Союзе не взаимодействовали с государством и между собой на основе единого законоприменения. Сталинский космос можно уподобить архаичной картине мира по Аристотелю, где объекты, принадлежащие разным сферам (земным или небесным) движутся по разным законам¹⁰¹. В Советском Союзе разные категории населения были разделены географически и взаимодействовали с государством и друг с другом по разным законам, свойственным каждой группе и месту ее обитания. Эта система развивалась по все более сложным правилам по мере того, как милиция и органы госбезопасности продолжали модернизировать правила, регулирующие мобильность населения и его

---

¹⁰⁰ Steinwedel. Making Social Groups... P. 77–81.

¹⁰¹ Этим объясняли, почему пылечные ядра летят по дуге и падают на землю, в то время как небесные тела, по общепринятой точке зрения, описывают правильные окружности. J. L. E. Dyer, A History of Astronomy from Thales to Kepler. New York, 1953. P. 414–415.

гражданские права. В результате постоянных изменений эти правила становилось все сложнее не только для исполнения, но даже и для понимания. К концу десятилетия лишь немногие представители власти в Советском Союзе полностью понимали, к кому конкретно и при каких условиях следовало применять существовавшие в то время паспортные ограничения и регулирующие их правила. В результате сложившаяся система открывала простор для злоупотреблений как для граждан, желавших избежать ограничений, так и для представителей власти, незаконно выдававших за взятки паспорта и разрешения на прописку, или недостаточно компетентных, чтобы справедливо применять существующие правила¹⁰².

Развитие иерархически дифференцированной системы идентичностей граждан в Советском Союзе происходило в направлении, противоположном процессам унификации управления и выравнивания гражданских прав, характерных для других европейских стран. Однако изучение европейской политики в области методов классификации идентичностей граждан обычно затрагивает только метрополии, оставляя в стороне политику идентичностей в колониях. С учетом же последней можно признать, что советская паспортная система не представляется чем-то исключительным. В 1930-х гг. советская политика освоения территории страны и политика дискриминации разных групп населения осуществлялись скорее по признакам социальной, нежели национальной принадлежности. Существование разных режимов идентичностей, характерное для советского государства, в значительной мере корреспондировалось с колониальными моделями и отличалось широким использованием колониальной терминологии, включая такие понятия, как поселения, штрафные колонии, коренные и отдаленные территории. Хотя советская власть избегала говорить о колонизации, предпочитая использовать термин «освоение», тем не менее политика депортаций и связанная с ней многоуровневая система классификации граждан во многом напоминала административные конструкции и методы классификации идентичностей, применявшиеся европейскими государствами в их колониях.

Заключение

Советские руководители изначально создавали паспортную систему с целью защиты городов от массовой миграции и для управления ею в хаотичных условиях начала 1930-х гг.¹⁰³, но по мере своего разви-

---

¹⁰² Об усложнении паспортной системы см. в частности: Moine. *Le Système des passeports...*

¹⁰³ Kessler. *The Passport System...* P. 479–481; Moine. *Le Système des passeports...* P. 144.

тия на протяжении этого десятилетия паспортная система и институт прописки обрели более широкие и разнообразные функции. Когда государство впервые учредило внутренние паспорта в начале 1930-х гг., граждане были обязаны указывать свою национальность, социальное происхождение и положение, но классовая принадлежность оставалась главным критерием социальных инклюзии и эксклюзии. Массовые репрессии, сопряженные с раскулачиванием и коллективизацией, проводились по классовому признаку. Привилегии в части мест проживания и карточного распределения в рамках вводимой паспортной системы поначалу также основывались на социальных критериях классовой принадлежности и рода занятий. Но вскоре руководители НКВД отказались от этих критериев в качестве средств надзора за населением, очистки городов от нежелательных элементов и организации социальной политики привилегий и притеснений разных категорий граждан. В середине 1930-х гг. Ягода настаивал на простановке в паспортах постоянных особых отметок, основанных не на достаточно распылчатых характеристиках социального положения или происхождения их владельцев, а на вполне определенных критериях их преступного прошлого или маргинальности. Ягоде не удалось полностью добиться желаемого, но к тому времени привилегии или ограничения, касавшиеся мест проживания граждан, уже чаще базировались на этих особых отметках в паспортах, нежели на социальном положении или происхождении их владельцев. В течение 1930-х гг. такие понятия, как социальные близость или чуждость стали все чаще ассоциироваться с социальной девиантностью и маргинальностью. Таким образом, преступное прошлое и маргинальность фактически стали новыми классовыми характеристиками.

Милиция использовала паспорта и институт прописки в качестве средств борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. В то же время они стали мощным рычагом насильственного перераспределения населения по территории страны путем проведения массовых репрессий и депортаций. Таким образом, паспортная система превратилась в одну из составляющих советского государственного аппарата, нацеленного на колонизацию и освоение отдаленных территорий бывшей Российской империи. Все более доминирующую роль в нем играли полицейские органы. Репрессии на основе законов о паспортах и прописке также служили механизмом, с помощью которого власти очищали приграничные и другие стратегически уязвимые зоны от некоторых подозрительных национальных меньшинств. Таким образом, эти разнообразные задачи – обеспечение классовой чистоты, охрана общественного порядка, внутренняя колонизация и территориальная безопасность сливались в 1930-х гг. в общее направление – государственную политику принудительной миграции и паспортизации.

Опытные люди при желании или по необходимости находили способы обхода законов о паспортах и прописке. Многие люди создавали и изменяли свои идентичности – при помощи нелегальных перемещений, включения в паспорта ложных сведений, частой смены места жительства и другими способами. Это делалось по целому ряду причин, включая стремление скрыться, в целях криминальной деятельности, обретения прав, превращения в добропорядочных советских граждан, а чаще всего – ради избавления от клейма прошлого. Индивидуальные идентичности граждан постоянно изменялись и эволюционировали, но при этом всегда оставаясь в рамках системы идентичностей, реализуемой государством через паспорта и прописку. Эта система усилила «категорический императив» советской социальной политики, проводимой органами милиции и госбезопасности, и отвечала уже присутствовавшей в ней мощной тенденции приписывать определенные характеристики целым группам населения. Советские карательные органы отрицали существование биологических причин социальных отклонений, которые столь явно просматривались в работах европейских и американских исследователей. Власти были убеждены, что социальные и общественные пережитки порождают рецидивную преступность, верили в существование неисправимых общественно-вредных элементов и враждебных наций внутри советских границ. Им казалось, что законы о паспортах и прописке дают в руки милиции средства выявления, изоляции и, при необходимости, ликвидации этих групп.

9. «РАЗ И НАВСЕГДА» Истоки Большого террора

Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208 400 человек высланного кулачества и находится в административной ссылке 5350 человек бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей, станет ясным, на какой широкой базе была построена повстанческая работа.

*Сергей Миронов,
начальник Западносибирского управления НКВД,
июнь 1937 г.*

В 1936 г. Ягода был убежден в том, что ему удалось решить проблему поддержания общественного порядка. По крайней мере, об этом свидетельствует его доклад, представленный Совнаркому в начале года. Но уже год спустя Ягода был снят с поста руководителя НКВД и заменен Николаем Ежовым, а руководство страны было настолько обеспокоено большой численностью социально-опасного населения, что летом 1937 г. отдало приказ органам госбезопасности и милиции провести массовые задержания и ликвидировать антисоветские элементы. Эти массовые операции стали составной частью кампании, продолжавшейся с конца июля 1937 до конца ноября 1938 г. и получившей позднее название Большой террор. За этот период были арестованы почти 800 тыс. человек, из которых примерно 367 тыс. расстреляны в соответствии с оперативным приказом НКВД 00447. Сотни тысяч людей были отправлены в спецпоселения или заключены в исправительно-трудовые лагеря. В приказе, положившем начало этим массовым операциям, Ежов заявлял о своем намерении «раз и навсегда» покончить с опасными группами населения¹.

---

¹ Впервые был в сокращенном виде опубликован в журнале: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81–82; в газете: Труд. 4 июня 1992 г. С. 2. Полный текст приказа содержится в сборнике: Книга памяти жертв политических репрессий / Под ред. Ю. М. Золотова. Ульяновск, 1996. С. 766–780. Более поздняя публикация неполного текста приказа содержится в сборнике: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х гг. Собрание документов: в 7 томах / Под ред. Н. Верта и С. В. Мироненко. Т.1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 267–275.

События, которые принято называть Большим террором, окружены немалым числом тайн и загадок. В настоящей и следующей главах мы попытаемся разобраться в том, что известно точно, а что остается неизвестным об этих событиях, и добавим некоторые данные из архивов, заполняющие отдельные пробелы в наших знаниях о том, что происходило в 1937–1938 гг. Основное внимание при этом, как и в других главах, будет уделено массовым репрессиям социального характера, а не всему террору в целом. Массовые социальные репрессии в то время обычно называли «массовыми операциями»; этот же термин используется и в книге. Массовые операции имели определенные отличия от других оперативных аспектов террора, развернутого в те годы, и в этих главах указанные различия и сходные черты будут рассмотрены наряду с анализом Большого террора с точки зрения проведения именно массовых операций.

С самого начала следует указать на два главных различия. Первое из них является семантическим, поскольку представляется терминологически неверным именовать Большим террором массовые «чистки», проведенные в Советском Союзе в конце 1930-х гг. Определенно, люди, пострадавшие от них, имели все основания именовать террором все происходившее с ними, и поэтому не следует воспринимать стремление к уточнению терминологии как попытку приуменьшения масштабов или тем более оправдания ужасов тогдашней трагедии. Желание называть события 1937–1938 гг. Большими чистками, а не Большим террором не является также попыткой вдаваться в излишние терминологические тонкости. Такое уточнение наименования тех событий важно с исторической точки зрения, позволяя лучше понять, как представители власти воспринимали происходящее, что они при этом делали или испытывали. Руководство страны и органов НКВД считали массовые операции средством политической чистки, а не террором в том смысле, который вкладывали в это понятие Ленин и большевики во время революционной борьбы 1918–1924 гг. Таким образом, термин «массовая чистка» или во множественном числе «массовые чистки» можно считать исторически более точным обозначением тех событий, которые происходили в стране в конце 1930-х гг. Использование этого термина позволяет одновременно и проводить различия между этими событиями и массовыми репрессивными процессами, имевшими место до того и позднее, и выявлять их сходные черты. Ежов использовал выражение «раз и навсегда» для описания цели этих чисток. Под этими словами он имел в виду полную и окончательную ликвидацию враждебных элементов в советском пространстве.

Второе отличие выборочных политических чисток государственных и партийных органов и учреждений от массовых операций, направленных против целых социальных групп, имеет уже не семантический, а оперативный характер. Как следует из многих исторических

исследований и мемуарной литературы, выборочные чистки тяжелее всего обрушились на элиту партийной и государственной бюрократии. Эта кампания сопровождалась ритуальными процессами разоблачений, арестов и допросов. Партийные чистки включали трудоемкие процессы изучения документов и рассмотрения апелляций. Аресты не приносили достаточных для предъявления обвинений доказательств, а допросы обвиняемых могли продолжаться многими неделями и месяцами. Массовые операции, проводившиеся на основании оперативного приказа 00447, напротив, затрагивали значительно более широкий спектр криминальных и маргинальных групп населения. Доносы играли определенную роль при проведении этих операций, но многие из тех, кто стал их жертвами, подверглись преследованиям не в связи с их участием в реальных или вымышленных уголовных или политических преступлениях, а потому что принадлежали к подозрительным группам населения или были арестованы просто случайно. Иными словами, политические чистки происходили в индивидуальном порядке, а целями массовых операций служили целые социальные категории. Чаще всего арестованные по приказу 00447 никогда не встречались со следователями, их редко держали в одиночных камерах. Обычно жертв массовых операций арестовывали, судили, приговаривали к смертной казни или тюремному заключению массово, по спискам. В ордерах на их аресты редко присутствовало более нескольких фраз, если таковые имелись вообще. Совпавшие по времени с массовыми операциями чистки партийных и государственных институтов проводились совсем иными методами. Отличались действия органов НКВД, характер предъявляемых политических обвинений, порядок прохождения и расследования дел арестованных.

Накануне

Как было показано в предыдущих главах, изменения в методах работы органов милиции и госбезопасности в период между началом и серединой 1930-х гг. отражали перемены в общей политике Сталина. С окончанием массовых репрессий в сельских районах руководство этих органов вновь монополизировало в своих руках насилие против общества, невзирая на то, что власти перешли от революционной перестройки общественных отношений к защите государственных интересов и наведению общественного порядка. Кампании массовых репрессий продолжались и после завершения раскулачивания, но проводились соответствующими органами более профессиональными методами без мобилизации масс на применение революционного насилия. Власти определяли направленность массовых репрессий с помощью оперативных приказов, связанных преимущественно с реализацией вновь принятых законов о паспортах и прописке, а так-

же законов по борьбе с социально-опасными группами населения. Таким образом, массовые или направленные против определенных категорий граждан репрессии, скорее, стали средством борьбы с девиантными и маргинальными слоями населения, нежели перестройки классовых отношений. Власти не отказались от дискриминации и репрессий, направленных против традиционных врагов режима – бывших помещиков, царских чиновников, священников, крестьян, объявленных кулаками. Вместе с тем меры так называемой социальной защиты, применявшиеся в середине 1930-х гг., были нацелены в основном на мелких уголовных преступников, бывших заключенных, маргинальные и девиантные слои населения, объявленные новой разновидностью классового врага. Считалось, что эти группы населения представляли угрозу для государства именно своей массовостью, поскольку потребляли государственные ресурсы, не занимаясь полезным трудом в интересах нового сталинского общества. К середине 1930-х гг. классовая борьба вылилась в массовые репрессии против традиционных категорий девиантного и маргинального населения.

Борьба с преступниками и маргиналами была объявлена Сталиным новой формой классовой борьбы в январе 1933 г., и милиция вместе с органами госбезопасности энергично взялась за нее с использованием всех ресурсов мощного государства. К началу 1936 г. Ягода имел все основания докладывать о заметных успехах в поддержании общественного порядка, защите государственной собственности и подавлении опасных групп населения. Но этим усилиям органов по-прежнему мешали значительные нерешенные проблемы. НКВД все еще оставался организацией, достаточно далекой от того, какой ее желал видеть Ягода. Численность и уровень квалификации сотрудников милиции и госбезопасности оставались прискорбно недостаточными. О настоящей профилактике преступлений можно было только мечтать. Эффективность полицейской работы зачастую достигалась исключительно репрессивными кампаниями, связанными с внедрением законов о паспортах и прописке или проводимыми в кампанейском стиле операциями социальной защиты. Введение паспортной системы можно было бы считать существенным достижением на пути к созданию универсальной системы надзора за обществом, но на практике милиция часто не выполняла законы о паспортах и прописке. Нелегальная миграция, незаконная торговля и спекуляция продолжали высасывать государственные ресурсы и угрожать исполнению государственных экономических планов. Крупной проблемой оставалась подростковая преступность, несмотря на драконовские меры, предпринимаемые милицией. Мелкая уголовная преступность, особенно связанная с хищениями личной и государственной собственности, также процветала, несмотря на суровые наказания преступников. Но так или иначе, полицейские средства, взятые на вооружение в 1932–1933 гг., к 1936 г.

уже начинали, по крайней мере по личному мнению Ягоды, приносить результаты. Уровень преступности, особенно в главных городах страны, снижался, в основном благодаря принятию законов, связанных с социальной защитой, и милицейским зачисткам. Проведенные НКВД операции позволили очистить приграничные районы от подозрительного и потенциально нелояльного населения. Но что еще важнее, благодаря созданию многоуровневой системы регистрации граждан власть теперь обладала хотя и громоздкой и неуклюжей, но действенной системой выявления и изоляции опасных личностей и целых групп населения. Несмотря на все недостатки в соблюдении законов о паспортах и прописке, с их помощью к середине 1930-х гг. удалось загнать в лагеря, колонии и спецпоселения многие категории населения, которые были признаны социально-враждебными. Советское общество постепенно приходило в норму, и Ягода был склонен полагать, что этими достижениями страна в немалой степени обязана социальной политике, проводимой его ведомством².

Новая система карательных органов, созданная Ягодой, изменила как милицию, так и органы госбезопасности. Сильнее всего повлияли на эти перемены профессионализация и реорганизация милиции в связи с ее слиянием с ОГПУ. В 1935–1936 гг. у Ягоды уже не осталось сомнений в дееспособности милиции, которые он испытывал ранее, в 1931–1932 гг. Он все еще продолжал сокрушаться по поводу неорганизованности, коррупции и недостатка профессионализма милиции, но к тому времени она уже перестала быть плохо организованной системой разрозненных милицейских отделений, подчинявшихся местным властям, каковой являлась в 1920-е гг. К моменту завершения кампаний социальной защиты милиция была уже военизированной организацией, полностью подчиненной органам безопасности. Милиция теперь подчинялась центральному правительству, а не местным Советам, и была полностью интегрирована, по крайней мере, на бумаге, в государственную систему надзора за населением. Централизация управления повлекла за собой повышение профессионализма милиции. Ягода старался поднять профессионализм милиции до такого уровня, чтобы сделать ее эффективной частью советской жандармерии.

Новый этап классовой борьбы, провозглашенный Сталиным, потребовал перемен не только в милиции, но и в органах госбезопас-

---

² Сейчас сложно оценить, насколько стабилизация обстановки в городах стала следствием некоторой либерализации политики власти с началом выполнения второго пятилетнего плана, предусматривавшей увеличение инвестиций в торговлю и производство потребительских товаров и снова допускавшей работу торговых механизмов. Ягода, по крайней мере, был убежден, что общественная стабильность была достигнута преимущественно благодаря действиям милиции.

ности, выразившихся, в частности, в преобразовании ОГПУ в НКВД. Оно стало кульминацией последовательного расширения полномочий руководства ОГПУ, в частности самого Ягоды, и адаптации возглавляемого им ведомства к изменениям политической культуры и приоритетов государства, произошедшим после 1932 г. Эта адаптация напоминала реорганизацию ВЧК 1920-х гг., но существенно отличалась от предыдущих реинкарнаций органов госбезопасности. На протяжении 1920-х гг. аппарат органов испытал значительные сокращения штатов и финансирования, несмотря на попытки руководителей превратить их из чрезвычайных органов революционного террора в конституционные государственные органы защиты общественного порядка. Испытав в 1922 г. угрозу роспуска и пережив кризис 1924 г., ОГПУ постепенно расширяло свои властные полномочия, хотя ему приходилось этим заниматься в условиях относительной слабости центральной власти и постоянных конфликтов с конкурирующими учреждениями, прежде всего, с республиканскими наркоматами внутренних дел и юстиции. Вновь укрепив свои позиции в качестве орудия массовых революционных репрессий в ходе коллективизации, ОГПУ в 1932 г. опять столкнулось с кризисом, сходным с тем, что уже пережило ранее, в 1922 г.

Преобразования ОГПУ в начале 1930-х гг. происходили под управлением Ягоды. Как попытка 1922 г., так и перестройка ОГПУ 1932 г. была нацелена на его превращение из орудия революционной классовой войны в орган охраны общественного порядка. Но на этот раз перестройка происходила не в условиях конкуренции с милицией, а, напротив, заключалась в поглощении милиции вместе с системой исправительных заведений органами госбезопасности и в создании таким образом новой полицейской империи. Вновь созданный союзный НКВД был не просто еще одним учреждением, подчинявшимся Совнаркому подобно прежнему ОГПУ. Ягода и другие руководители ОГПУ возглавили теперь наркомат союзного уровня, в распоряжении которого находились все ресурсы центральной власти. Быстрое расширение могущества и юридических полномочий НКВД при Сталине вскоре превратили его в один из важнейших органов власти, но это было не единственным последствием изменений, произошедших в политической полиции. Методы массовых репрессий, применявшиеся ОГПУ в ходе коллективизации и раскулачивания, оказали долговременное влияние на всю ведомственную культуру органов госбезопасности. Несмотря на призыв Сталина к переходу на новую тактику, было сложно изменить глубоко укоренившийся в этих органах обычай к проведению массовых репрессий и к внесудебным, административным расправам, тем более что они оказались достаточно эффективными в новый период классовой борьбы, развернутой в 1930-е гг. В условиях относительной слабости гражданского государства и отсутствия развитой регулярной системы охраны правопорядка проводимые в

кампанейском стиле операции и массовые репрессии против отдельных категорий населения оставались основными способами защиты общественного порядка и государственных интересов.

Безусловно, Сталин сыграл ключевую роль в реорганизации органов правопорядка. Без его поддержки органы госбезопасности могли легко оказаться в том же положении, что и в 1924 г. Именно Сталин создал мощное централизованное государство в 1930-е гг., именно он ввел новое определение классовой борьбы, вдохнувшее новую жизнь в ОГПУ, именно Великий вождь был склонен решать кадровые проблемы, ставя своих фаворитов на ответственные посты в государстве. Но преобразование ОГПУ не было делом рук одного Сталина. Конечно, именно он определял направления государственной репрессивной политики и роль органов госбезопасности в ее проведении. Удачливым бойцом в бюрократических битвах показал себя и Ягода, сумевший отвоевать новые полномочия руководимым им органам госбезопасности. Сталин указал новые направления деятельности милиции и ОГПУ, но именно Ягода успешно осуществил санкционированные вождем преобразования этих ведомств, одновременно военизировав милицию и придав ОГПУ функции не только политической, но и гражданской полиции. Именно Ягода добился передачи под власть органов госбезопасности государственной системы исправительных учреждений и перестроил ее в огромную империю принудительного труда в целях экономического освоения обширных пространств страны. Ягоду с большим основанием, чем кого-либо, можно считать архитектором сталинской системы политического и общественного управления полицейскими средствами.

К середине 1930-х гг. НКВД уже представлял собой нечто большее, чем средство защиты государства от политических врагов. За счет применения массовых репрессий сначала в сельских районах, а затем и в городах, создав гигантскую систему лагерей, колоний и спецпоселений, НКВД оказался глубоко вовлеченным в общественное, экономическое и территориальное устройство советского государства. Огромные массы людей, которых НКВД ежегодно отправлял в места заключения, образовали целую систему дешевой, почти рабской рабочей силы. Управляя колониями и поселениями для ссыльных, НКВД вторгся в государственные программы освоения и заселения новых территорий страны и практически захватил полномочия по ее проведению в жизнь. Система колоний и специальных поселений строилась в соответствии со сложной иерархией категорий населения, более или менее опасных с точки зрения органов госбезопасности и власти, а выбор мест ссылки отвечал разделению страны на более или менее «социалистические» регионы. Подобная классификация населения и территорий диктовала, как распределять категории ссыльных по регионам и раздавать полагавшиеся им большие или меньшие ограничения прав. Она затрагивала не только социально-опасные или маргиналь-

ные группы населения. С помощью введения паспортной системы и института прописки органы госбезопасности получили возможность распространить иерархию привилегий и ограничений на все население страны. Администрирование паспортной системы превратило НКВД из ведомства, боровшегося с политическими врагами государства, в организацию, отвечающую за массовую социальную инженерию.

Крутой поворот

Ягода стал создателем сталинской полицейской системы, пригодной для исполнения поставленных Сталиным задач по защите государства. В начале и середине 1930-х гг. Ягода, вслед за кампаниями раскулачивания и коллективизации, взял на вооружение заявления Сталина о том, что наибольшую угрозу государству теперь представляли уголовные преступники и нарушители общественного порядка. Противодействие этой угрозе приобрело не только политическую, но социальную значимость, сопоставимую с политической борьбой против контрреволюции. Сталин и другие руководители страны поначалу поддерживали политическую линию Ягоды, но после убийства руководителя ленинградской партийной организации Сергея Кирова в декабре 1934 г. приоритеты Сталина во внутренней политике стали меняться, и он постепенно перестал доверять руководителю НКВД. К осени 1936 г. Сталин уже был готов убрать Ягodu с поста, чтобы обеспечить продолжение намеченной им оперативной политики НКВД.

В сентябре 1936 г. Сталин организовал смещение Ягоды с поста главы НКВД. В телеграмме, направленной членам Политбюро из Сочи, где Сталин отдыхал вместе с еще одним секретарем ЦК А. А. Ждановым, он рекомендовал заменить Ягodu на посту наркома внутренних дел Николаем Ежовым. В этой телеграмме Сталин обвинил Ягodu в неспособности уничтожить троцкистско-зиновьевский блок внутри Советского Союза. Сталин упомянул своих давних соперников в борьбе за политическую власть в партии Льва Троцкого и Г. Я. Зиновьева. Угроза с их стороны была давно нейтрализована, но Сталин опасался или скорее делал вид, что эти два бывших партийных вождя объединились и стоят за спиной организованной сети вредителей и агентов иностранных правительств, использующих любые средства, включая убийства высших руководителей страны, для отстранения его самого и Коммунистической партии от власти в стране. По мнению Сталина, убийство Кирова было частью их планов. Смерть Кирова окружена множеством спекуляций. Многие убеждены в том, что Сталин сам фактически организовал его убийство, чтобы развязать чистки в стране ради сохранения собственной власти, но некоторые историки сомневаются в этой версии. По их мнению, Киров, вероятно, был убит по причинам, в которых на допросе якобы

сознался его убийца, а именно – из ревности, подозревая Кирова в романе с его женой. Действительно, Сталин был потрясен убийством секретаря Ленинградской партийной организации, одного из высших партийных руководителей и его ближайших доверенных лиц. С присущей ему паранойей он легко поверил в то, что убийство Кирова было делом рук его личных политических врагов³.

После убийства Кирова усилились опасения Сталина в отношении возможного организованного политического переворота. Первейшей его задачей стала чистка ленинградских органов безопасности, а затем он приступил к расширенным чисткам партии и органов НКВД, в процессе которых стремился выследить и уничтожить политических оппонентов, о которых он упоминал, указывая на неспособность Ягоды обеспечить политическую безопасность государства. В контексте подобной оценки убийства Кирова секретарь ЦК Ежов писал в начале 1935 г. о прискорбно неудовлетворительном состоянии сыскной и агентурной работы НКВД, не отвечающей задачам борьбы с активно действующими в стране контрреволюционными элементами⁴. Недоверие Сталина к Ягоде к тому времени выросло настолько, что он, в обход главы органов госбезопасности, поручил Ежову, как курирующему их секретарю ЦК, провести тайное расследование деятельности НКВД. К концу лета 1936 г. Ежов собрал достаточно информации, чтобы составить изобличающий Ягоду доклад, обвинив его в тесных связях со сталинскими врагами из числа членов так называемой «правой оппозиции». Этот доклад в равной мере поспособствовал падению Ягоды и возвышению Ежова. Тем не менее Сталин не спешил с обнародованием своих подозрений в отношении Ягоды. Открытые обвинения его в контрреволюционной деятельности возникли позднее, уже после ареста в марте 1937 г. В сентябрьской телеграмме 1936 г. Политбюро из Сочи Сталин и Жданов ограничились более нейтральной, но не предвещавшей Ягоде ничего хорошего оценкой его деятельности, написав, что тот «явным образом оказался не на высоте своей задачи» по защите партии и государства от организованных политических заговорщиков, сконцентрировавшихся вокруг лидеров правой оппозиции. Поэтому Сталин настаивал на снятии Ягоды и замене его Ежовым⁵.

Едва заняв новую должность, Ежов приступил к зачистке верхушки НКВД от людей, близких к Ягоде. Чистки затронули боль-

---

³ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 141.

⁴ См. С. 194–198.

⁵ Полный текст этого письма и комментарии к нему содержатся в книге: Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936. Под ред. О. В. Хлевнюка и др. М., 2001. С. 682–683. См. также: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 824, сноска 176.

шое число руководителей областных и краевых управлений НКВД и ключевые фигуры в его центральном аппарате. В частности, в ноябре Ежов снял с должности начальника Особого отдела, отвечавшего за безопасность в армии, М. И. Гая, заменив его тогдашним руководителем НКВД Белоруссии И. М. Леплевским, а Гай был переведен на должность начальника восточносибирского краевого управления НКВД, которую он исполнял вплоть до своего ареста в апреле 1937 г. Одновременно, и это было еще важнее, Ежов сместил давнего соратника Ягоды Г. А. Молчанова с поста начальника секретно-политического отдела. Эта должность имела ключевое значение в НКВД, поскольку секретно-политический отдел руководил всеми сетями агентов и осведомителей. Молчанова сменил В. М. Курский, бывший начальник западносибирского управления НКВД, а сам Молчанов был отправлен на место руководителя НКВД Белоруссии, освободившееся после перевода в Москву Леплевского. Молчанов продержался на новой должности всего несколько месяцев и был арестован в феврале 1937 г., как раз накануне ареста Ягоды. Чистки продолжались, и в апреле 1937 г. Ежов назначил М. П. Фриновского, бывшего начальника пограничных и внутренних войск НКВД, руководителем всего ГУГБ и заместителем наркома внутренних дел. Фриновский сменил Я. С. Агранова, который недолгое время после смещения возглавлял секретно-политический отдел, а затем был понижен снова, на этот раз до должности начальника саратовского управления НКВД. Агранова арестовали в июле 1937 г.

К началу 1937 г. Сталин уже был готов обвинить Ягоду не только в «грехах недеяниями», но и «в грехах деяниями»*. На февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК Ежов обрушился на прежнего главу НКВД с критикой за неспособность защитить государство от политических врагов, но пошел еще дальше. Впервые Ежов связал ошибки Ягоды с излишним вниманием, которое тот уделял в предыдущие годы проблемам социальной политики. Он ожесточенно раскритиковал Ягоду за то, что тот сосредоточил всю энергию органов госбезопасности на задачах поддержания общественного порядка и не переориентировал их деятельность с проведения массовых операций на усиление контрразведывательной и агентурно-оперативной работы. Таким образом, политика Ягоды, ранее одобрявшаяся властями, теперь была признана опасной недооценкой реальных угроз, исходивших от подпольных политических организаций и иностранных разведывательных служб⁶.

---

* Здесь автор прибегает к библейским понятиям грехов действием (деянием) и бездействием (недеянием). – *Примеч. пер.*

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 597. Л. 8–10, 12–14.

Критическое выступление Ежова на пленуме стало сигналом к крутому повороту в определении приоритетов в деятельности органов госбезопасности. Начатое Ежовым реформирование ГУГБ и НКВД в целом отражало его стремление разделить пересекавшиеся функции милиции и органов госбезопасности. Ежов желал переориентировать ГУГБ на борьбу против политической оппозиции, подразумевая под нею не нарушителей общественного порядка, а деятелей, напрямую организующих заговоры с целью свержения существующего общественного строя или занимающихся шпионажем. Так, Ежов распустил отдел ГУГБ, занимавшийся экономическими преступлениями и отбиравший время и энергию оперативных сотрудников госбезопасности. Он возложил ответственность за борьбу с организованной экономической преступностью на вновь сформированную в составе милиции и усиленную службу борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС). В ходе серьезной реорганизации НКВД по итогам февральско-мартовского пленума ЦК Ежов также учредил в структуре ГУ РКМ новый отдел железнодорожной милиции, четко отделив его функции от задач, решаемых прежним транспортным отделом ГУГБ. В подготовленном им проекте директивы ЦК по этому вопросу Ежов писал: «Транспортный отдел ГУГБ... будет освобожден от задачи охраны общественного порядка на железнодорожных линиях, дежурства на станциях, борьбы с хищениями социалистической собственности, хулиганством и детской беспризорностью. Эти функции будут переданы вновь сформированной железнодорожной милиции, которая подчиняется ГУРКМ НКВД». По мнению Ежова, сотрудники транспортного отдела ГУГБ должны заниматься исключительно борьбой с контрреволюционным саботажем на жизненно важной для страны системе железных дорог. Не совсем понятно, что эта борьба означала на практике, но намерения Ежова были очевидны. Он был намерен освободить ГУГБ как орган государственной безопасности от охраны почтовых вагонов, отлова хулиганов на сортировочных станциях, преследования беспризорных детей, воров и бродяг, путешествовавших на поездах, от патрулирования железнодорожных вокзалов и станций и вылавливания безбилетников⁷.

Вокруг реорганизаций, проведенных Ежовым, существует немало спекуляций. Неизвестно, сумел ли он усовершенствовать и переориентировать работу агентурно-осведомительских сетей НКВД, которая, по его заявлениям, нуждалась в улучшении. Точно так же не совсем ясно, насколько фундаментально он реорганизовал и вычистил аппарат НКВД. Вопреки своим первоначальным намерениям Ежов так и не смог полностью разделить функции милиции и ГУГБ.

⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 479. Л. 36.

Окончательное разделение этих ведомств состоялось по решению правительства только в 1940 г., когда закончился краткий, но кровавый период правления Ежова в НКВД и руководство перешло в руки Лаврентия Берия. Тем не менее начало разделения функций милиции и госбезопасности было положено Ежовым непосредственно после февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г.

Новый поворот

Ежов резко и недвусмысленно критиковал Ягоду и политику НКВД, которую, как было всем понятно, он намерен изменить. В самом деле, всего 5 месяцев спустя после завершения февральско-мартовского пленума ЦК, а именно в конце июля 1937 г. Ежов издал оперативный приказ 00447, которым был дан старт массовым карательным операциям 1937–1938 гг. За ним последовало несколько новых приказов, касавшихся массовых репрессий, направленных против разных национальных меньшинств и других групп населения⁸. В соответствии с приказом 00447 и постановлением Политбюро НКВД было поручено начать массовые расстрелы или отправку в места заключения нескольких категорий социально-вредных элементов. К наиболее опасным среди них руководство страны отнесло бывших кулаков, бандитов и уголовников-рецидивистов, а также бывших членов антисоветских партий, белогвардейцев, возвратившихся в страну эмигрантов, священников и сектантов, бывших жандармов и чиновников царского правительства⁹. К концу ноября 1938 г., когда руководство страны приказало остановить эти операции, милицией и ГУГБ было арестовано около 768 тыс. человек, из которых примерно 387 тыс. были отнесены к вражеской категории I. Все они были расстреляны. Остальные арестованные, отнесенные к категории II, были приговорены к заключению в трудовые лагеря или тюрьмы строгого режима на срок от 8 до 10 лет¹⁰.

Как следует оценивать эти операции и приказ 00447, положивший начало их проведению? Казалось бы, массовые операции 1937–1938 гг. находились в прямом противоречии с перестройкой НКВД, проводившейся Ежовым. Если не принимать во внимание размах и жестокость насилия, значительно выросших при их проведении, то

---

⁸ Приказы в отношении репрессий против: немецких граждан от 25 июля 1937 г.; бывших работников Маньчжурской железной дороги от 20 сентября 1937 г.; латышей 30 ноября 1937. См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 267–285.

⁹ Там же. С. 269.

¹⁰ См. таблицы с числом арестованных в книге: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2033. С. 122–136.

эти массовые операции во многих своих деталях были аналогичны тем кампаниям против маргинальных слоев населения и уголовников, которые проводил Ягода. Они осуществлялись теми же оперативными методами, которые Ежов порицал, и были направлены против тех же социальных групп, которыми, по прежним заявлениям Ежова, не должны заниматься органы госбезопасности. Сотрудники и подразделения ГУГБ вновь оказались вовлечены вместе с милицией в массовые чистки, участвуя в кампаниях облав на уголовников, бродяг, нищих, цыган, бывших кулаков и многих других категорий подозрительных лиц.

Итак, возврат к массовым социальным репрессиям может показаться не имеющим смысла. Во-первых, он противоречил намеченному Ежовым перевороту политики НКВД. Во-вторых, он фактически признавал безуспешность политики, проводившейся ранее Ягодой. В своем мартовском 1936 г. докладе о состоянии преступности Ягода информировал Совнарком о том, что проблему поддержания общественного порядка за редкими исключениями можно считать решенной. По его словам, снизилось количество всех серьезных преступлений. Рекомендуя продолжить проведение кампаний против социально-вредных элементов, Ягода предсказывал дальнейшую стабилизацию обстановки в обществе. В-третьих, возврат Ежова к массовым репрессиям еще в меньшей степени можно было объяснить озабоченностью руководства состоянием экономики. Промышленное производство по-прежнему вызывало некоторое беспокойство в связи с невыполнением планов многими наркоматами. Уборка урожая в 1936 г. была сопряжена с традиционными трудностями. Высшему руководству было известно о том, что предпосылки нового голода вновь возникли в некоторых регионах страны, особенно в сельских районах Западной Сибири. Однако все эти проблемы не слишком тревожили руководство, поскольку не было слышно никаких разговоров о кулацком саботаже или необходимости принятия чрезвычайных мер¹¹. И последнее, в рядах партийной элиты отсутствовали озабоченность или открытые дебаты о необходимости массовых чисток, не проводились также массированные пропагандистские кампании по подготовке к ним населения. Так, в пору больших кампаний раскулачивания и коллективизации начала 1930-х гг. в высших партийных органах открыто обсуждался кризис в сельском хозяйстве и шли горячие дебаты вокруг того, что следует делать. Когда партийное руководство наконец приступило к коллективизации, оно подготовило почву для ее проведения, организовав массированные пропагандистские кампании

---

¹¹ R. W. Davies. *The Soviet Economy and the Launching of the Great Terror // Stalin's Terror Revisited*. Ed. Melanlie Ilic. New York, 2006. P. 11–37.

и попытавшись мобилизовать на участие в ней определенные сегменты населения. Ничего подобного в 1937 г. не наблюдалось. Поэтому на первый взгляд кажется, что массовые операции 1937–1938 гг. начались неожиданно, без всякого предупреждения, чем решительно отличались от проводившейся ранее политики¹².

Истоки

Отсутствию открытых дискуссий и споров внутри партийного руководства подобных тем, что происходили вокруг коллективизации, не стоит удивляться. К середине и концу 1930-х гг. изменился стиль сталинской диктатуры. Он все менее полагался на традиционные механизмы обсуждений в ходе регулярных заседаний Политбюро и Центрального Комитета. Эти заседания проводились намного реже, чем в начале 1930-х гг., а роль партийных органов все чаще сводилась к простому утверждению решений, уже обсужденных и принятых в кругу ближайших соратников Сталина. Все серьезные решения принимались лично Сталиным и его ближайшим окружением, в которое входили Молотов и Каганович, а также достаточно часто Георгий Маленков, руководивший партийными органами. Ежов был обязан проводить выработанную ими политику, и хотя определенно он был причастен к выработке решений, касавшихся репрессивной политики, его нельзя отнести к узкому кругу особо доверенных лиц в сталинском окружении. Политические вопросы обсуждались в неформальной обстановке в личном кабинете Сталина в Кремле или на его подмосковной даче. Протоколы этих заседаний велись редко, а принимаемые на них решения утверждались партийными и государственными органами практически без обсуждения. Сталин руководил страной через Политбюро и Центральный Комитет партии, но к концу 1930-х гг. эти органы уже не обладали теми самостоятельными властными полномочиями, которые принадлежали им в первые годы сталинской диктатуры. К 1937 г. они фактически представляли классический механизм штамповки решений, принимаемых Сталиным единолично¹³.

Протокольных записей обсуждений вопросов, связанных с массовыми репрессиями, не сохранилось, но существует немало косвенных свидетельств, позволяющих судить о настроениях руководства стра-

---

¹² Самое последнее и наиболее четкое изложение этой точки зрения содержится в статье: J. Arch Getty. 'Excesses Are Not Permitted': Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. No. 61. January 2002. P. 115.

¹³ Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995. С. 16.

ны в тот период. Фактически в чистках присутствовала своя логика. Некоторые историки, например, отмечают наличие связей между массовыми чистками и принятием в 1936 г. широко разрекламированной «сталинской» Конституции. Новая Конституция гарантировала гражданские права бывшим кулакам и другим маргинальным группам населения, включая избирательные права и право на защиту личной собственности. Фактически Конституция провозгласила окончание классовой войны в стране и протянула руку примирения тем общественным группам, которые ранее притеснялись властями или подвергались открытым репрессиям. Прогрессивный тон новой Конституции признавал требования бывших кулаков, членов религиозных сект и других маргинальных групп о возврате гражданских прав и их притязания на превращение в полноправных членов нового советского общества. Подобные требования ошеломляли местные власти и вызвали озабоченность партийных и государственных чиновников возрождением антисоветских элементов. Эти настроения стали близкими к паническим, когда в соответствии с новой Конституцией на конец 1937 г. были назначены всесоюзные выборы депутатов Верховного Совета. Советские лидеры, обеспокоенные тем, что участие в выборах миллионов антисоветски настроенных избирателей может бумерангом ударить по власти, нашли типично сталинское решение этой проблемы. Летом 1937 г. Сталин распорядился провести в преддверии выборов массированную чистку общества. Суммируя аргументы в пользу этой гипотезы, один исследователь задает риторический вопрос: «Нельзя ли рассматривать ежовщину как попытку удаления из общества всех, кто не вписывался в рамки нескольких официально установленных классовых категорий граждан однородного советского государства?»¹⁴.

Не приходится сомневаться в том, что приближение выборов и последствия введения новой конституции сыграли свою роль в при-

---

¹⁴ Barry McLoughlin. *Mass Operations of the NKVD, 1937–8: A Survey // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union*. Ed. Barry McLoughlin and Kevin McDermott. London, 2003. P. 142; Гетти и Жуков особо подчеркивают особую значимость выборов в Верховный Совет и конституционных изменений. См.: Getty. 'Excesses Are Not Permitted...'; J. A. Getty, O. V. Naumov. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, 1999; Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 3–26. Наиболее полный обзор предпосылок внутренней политики Сталина: McLoughlin. *Mass Operations: A Survey...*; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»..., прежде всего в разделе 5 «Большой террор с точки зрения приказа № 00447». С. 205–259. Хотя Гетти, Юнге и Биннер подчеркивают внутренние предпосылки больших чисток, но Гетти обращает внимание на их иррациональность, в то время как Юнге и Биннер выделяют их рациональность в смысле «социальной инженерии»: Getty. 'Excesses Are Not Permitted'... P. 116, 135–136; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 242–243.

нятии руководством страны решения об очистке общества от враждебных элементов. Действительно, замечания, касающиеся новой Конституции и предстоящих выборов, прослеживаются в выступлениях партийных лидеров на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК. Именно этим пленумом воспользовался Сталин для подготовки наступления на врагов своего режима и последующего развязывания массовых репрессий и опустошительных чисток партийного и государственного аппарата. По словам Ежова, массовые репрессии должны были раз и навсегда разрешить разнообразные проблемы, в течение ряда лет заботившие власти. Марк Юнге и Рольф Биннер правы, характеризуя массовые репрессии конца 1930-х гг. как масштабную и жестокую форму социальной инженерии¹⁵. Тем не менее подобные объяснения причин массовых репрессий представляются далеко недостаточными. В частности, приведенная выше аргументация не объясняет их контекстуальную связь с одновременным репрессированием ряда других сегментов советского общества, например, национальных меньшинств (немцев, поляков, финнов, выходцев из Азии) или многих офицеров Красной Армии, партийных и государственных чиновников. В 1937–1938 гг. по приказу 00447 всего было вынесено 767 397 приговоров, тогда как только репрессии по национальному признаку составили 335 513 человек, то есть почти 44 % числа репрессированных по приказу 00447. Кровавые чистки партийных, государственных и военных органов еще больше увеличили число арестованных. В общей сложности за эти годы в ходе различных чисток были арестованы от 2,5 до 3,1 млн человек¹⁶. Военные чистки особенно сильно проредили старший

---

¹⁵ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 242–243. Юнге и Биннер проводят различия между собственной аргументацией более общего плана, касающейся больших чисток как средства социальной инженерии, и точкой зрения Гетти и Жукова, подчеркивающих особое значение предстоявших выборов. Они настаивают, что сам по себе страх перед возможными неблагоприятными результатами голосования не может быть единственным или даже основным объяснением причин массовых чисток. Выборы, прошедшие в декабре 1937 г., никак не повлияли на сложившиеся властные отношения и никак им не угрожали, но чистки продолжались и даже усиливались после выборов на протяжении всего 1938 г.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 212–213; Getty. 'Excesses Are Not Permitted'... P. 125–126; Жуков Ю. Н. Репрессии... С. 113.

¹⁶ О национальных чистках см.: Terry Martin. *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001. P. 338. Общее число жертв в 2,5 млн человек приведено: Getty and Naumov. *The Road to Terror...* P. 590. Наиболее заслуживающую доверия оценку общего числа арестованных в ходе чисток 1937–1938 гг., равную 3 141 444 человека, приводит В. Н. Земсков в сборнике: *Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900–1939 / Под ред. В. Б. Жиромской*. М., 2000. С. 318.

офицерский корпус советской армии. Только из Генерального штаба было вычищено 84 % сотрудников. К концу 1938 г. под арестом находились две трети делегатов XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 г., которых посадили по вымышленным обвинениям за принадлежность к троцкистско-зиновьевскому блоку. Были арестованы или расстреляны практически все секретари областных и краевых комитетов партии¹⁷.

Чистки подобных масштабов были акцией насколько сложной, настолько и кровавой. Разные категории населения арестовывали на основе разных оперативных приказов и по различным основаниям. Например, чистки партийной элиты происходили по иным политическим и оперативным линиям, нежели массовые репрессии против национальных меньшинств и других социальных групп. Механика проведения репрессий против разных групп также различалась. Многих арестованных в индивидуальном порядке подвергали длительным допросам и пыткам, иных же арестовывали большими группами и выносили им приговоры без лишних формальностей – допросов, следствий, административных или судебных разбирательств. Тем не менее у Сталина в голове без сомнения имелись определенные стратегические представления, связывавшие воедино все эти разнообразные формы репрессий, и наша задача состоит в том, чтобы понять, как вписывались в эту стратегию вождя массовые чистки, проходившие в конце 1930-х гг. Безусловно, соображения, связанные с конституционными переменами и предстоявшими выборами, сыграли свою роль в принятии им решения о проведении чисток, но следует также рассмотреть и иные факторы, чтобы объяснить причины массовых репрессий и одновременных с ними чисток рядов партийных, советских и военных чиновников.

Война и мятежи: международное измерение

Один из ключей к пониманию причин массовых чисток общества можно обнаружить в изменившейся терминологии директив и докладов НКВД. В этом смысле одним из важнейших следует считать доклад от 17 июня 1937 г., представленный первому секретарю Западносибирского крайкома партии Роберту Эйхе начальником краевого управления НКВД Сергеем Мироновым, в котором описаны операции по искоренению «кадетско-монархических и эсеровских организаций» в Западной Сибири. По словам Миронова, эти

---

¹⁷ E. A. Rees. The Great Purges and the XVIII Party Congress of 1939 // Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941. Ed. E. A. Rees. London, 2002. P. 191–194.

подпольные организации по приказам японской разведки и зарубежного белогвардейского «Русского общевоинского союза» (РОВС) объединились, образовав общий фронт под названием «Союз спасения России». Этот союз готовился одновременно с вторжением японских войск «поднять восстание и захватить власть в Сибири». Миронов в своем докладе описывал различные ответвления этой организации и указывал их местоположения, раскрытые НКВД посредством агентурно-оперативной работы. Он также поименно называл различных сотрудников местных органов власти, вовлеченных в эти подпольные организации и действовавшие под прикрытием занимаемых ими должностей, приводил примерные оценки числа подпольщиков.

Как бы сомнительно ни выглядели умозаключения Миронова, они, в частности, отражали новую политику Ежова, призывавшего к усилению борьбы с подпольными политическими организациями. Доклад Миронова был полностью в русле новых политических указаний, высказанных Ежовым на оперативных совещаниях и в докладе февральско-мартовскому пленуму ЦК. В то же время Миронов связал деятельность этих подпольных групп с проблемой маргинальных и других подозрительных групп населения, чего не наблюдалось прежде. В своем докладе он, в частности, писал: «Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 208 400 человек высланного кулачества и находится в административной ссылке 5350 человек бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей, станет ясным, на какой широкой базе была построена повстанческая работа»¹⁸.

Рассуждения о заговорах и мятежах существенным образом отличались от того языка, которым писались документы НКВД в ходе массовых операций по очистке городов от социально-вредных элементов, проводившихся в середине 1930-х гг. Руководители партии и органов госбезопасности давно усматривали наличие связей между криминальными и другими маргинальными элементами населения, с одной стороны, и антисоветскими, даже контрреволюционными элементами – с другой. По их мнению, неограниченная миграция большого числа маргинальных личностей угрожала засорением общества и экономическими неурядицами. Однако на протяжении 1930-х гг. политика в отношении маргинальных слоев общества была в оперативном плане отделена от действий, направленных против политических оппонентов и оппозиционных политических организаций. Эти

---

¹⁸ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 26. Л. 2; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 томах, 1927–1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и Л. Виолы. Т. 5. 1937–1939. Книга 1. 1937. М., 2004. С. 256–258.

два направления оперативной работы преследовали разные цели и использовали разные методы. Если против маргиналов применялись в основном массовые операции «изъятия», то в борьбе с политической оппозицией главная роль отводилась агентурно-оперативным методам. В 1937 г. руководители НКВД и режима связали эти направления, что привело к слиянию применявшихся в них, ранее различавшихся между собой оперативных подходов. Они пришли к выводу, что политические враги манипулируют криминальными и маргинальными элементами с целью их объединения и привлечения не только к участию во вредительстве, о чем Сталин впервые заговорил еще в 1933 г., но и в организованных мятежах против советской власти. Таким образом, предупреждения Миронова, прозвучавшие в его докладе, касались не только угрозы засорения общества социально-вредными элементами или расстройств экономики и не являлись простым повторением привычной риторики о тайном вредительстве. Миронов предупреждал о формировании в регионе организованной подпольной оппозиции, готовившей вооруженные мятежи против власти, используя терминологию, связывающую неблагополучные в социальном смысле слои населения с организованной политической оппозицией и угрозами вооруженных восстаний.

Угроза вооруженного сопротивления была новой и представлялась властям более опасной по сравнению с угрозами, связанными с общественными беспорядками или экономическими неурядицами. Но чем была обусловлена неожиданная эскалация подобной риторики? Историк Олег Хлевнюк доказывает, что внезапная тревога перед возможными вооруженными восстаниями имела зарубежное происхождение и прежде всего была следствием изучения Сталиным в конце 1936 г. примеров восстаний в тылу республиканских войск во время гражданской войны в Испании. Хлевнюк подчеркивает, что Сталин внимательно читал доклады агентов НКВД из Испании, и на него глубокое впечатление произвела роль, сыгранная там так называемой «пятой колонной». Сам термин «пятая колонна» родился в ходе гражданской войны в Испании и обозначал диверсионную и партизанскую деятельность антиреспубликанских сил во время осады Мадрида. Наступая на окруженный город четырьмя колоннами регулярных войск, Франко рассчитывал на помощь диверсионных сил в самой столице, способных поднять восстание против республиканской власти и ускорить ее свержение, назвав их «пятой колонной». По мнению О. Хлевнюка, Сталин опасался возникновения подобного повстанческого движения в Советском Союзе в случае начала войны, становившейся все более вероятной. Он боялся, что враждебные государства и внутренние политические противники могут попытаться организовать подобные выступления «пятой ко-

лонны» в Советском Союзе, если разразится война и страна подвергнется вражескому вторжению со стороны Германии или Японии¹⁹.

В своем докладе Миронов говорит не просто об угрозе вооруженных мятежей, но о вооруженном восстании во время войны. Это упоминание о возможной войне также представляло нечто новое. Рассуждений о приближающейся войне не было во времена предыдущих кампаний против маргинальных слоев населения и депортаций национальных меньшинств. Они имеют решающее значение в контексте поиска истоков массовых чисток 1937–1938 гг. Конечно, Сталин и другие руководители страны в течение многих лет предупреждали об угрозах со стороны враждебного капиталистического окружения, но в конце 1936 – начале 1937 г. руководство заговорило уже не о смутных опасениях, а о реальных перспективах войны и интервенции²⁰. Иными словами, в 1937 г. в сознании советских лидеров стали вырисовываться контуры возможных организованных повстанческих выступлений в случае приближающейся войны с Германией и Японией, в неизбежности которой они были убеждены.

Объяснения массовых чисток 1937–1938 гг. приближающейся войной и опасениями возможных повстанческих выступлений в случае ее начала представляются достаточно убедительными. Только в этом контексте массовые операции хорошо вписываются в общую политическую стратегию чисток, направленных против национальных меньшинств, высшего командного состава армии и многих руководящих

---

¹⁹ Хлевнюк О. В. Причины «Большого террора». Внешнеполитический аспект (неопубликованная рукопись); O. Khlevniuk. The Reasons for the 'Great Terror': The Foreign-Political Aspect // *Russia in the Age of Wars, 1914–1945*. Ed. S. Pons and A. Romano. Milan, 2000. P. 159–169. Подробное обсуждение национальных чисток в контексте международных отношений того времени содержится в работах: Terry Martin. *Modernization or Neo-Traditionalism: Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // *Stalinism: New Directions*. Ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 348–367; The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. 1998. No. 70. P. 813–861. Среди других работ, в которых национальные чистки рассмотрены в контексте международной политики, укажем: Hiroaki Kuromiya. Accounting for the 'Great Terror' // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 53. No. 1. January 2005. P. 86–101; David R. Shearer. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 42. No. 2–4. April – December 2001. P. 505–534; Marc Jansen, Nikita Petrov. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Yezhov, 1895–1940*. Stanford, 2002. P. 79.

²⁰ Сталин и другие советские лидеры считали угрозу войны реальной и неминуемой, к чему их подталкивали доклады иностранного отдела ГУГБ о проходивших в феврале 1937 г. переговорах руководителей США, Великобритании и Франции. Эти переговоры были сосредоточены вокруг возможного перерастания гражданской войны в Испании в крупный общеевропейский конфликт, в котором Германия, Италия и Япония будут противостоять Советскому Союзу. Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД, 1937–1938. М., 2004. С. 79–82.

партийных и советских работников²¹. Подобное объяснение придает смысл внезапной смене в конце 1936 – начале 1937 г. терминологии, использовавшейся Сталиным и его окружением. Действительно, выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. густо усыпано высказываниями о военной угрозе, работе вражеских агентов и вредительстве внутренних врагов. Упомянутый доклад Миронова в 1937 г. также переполнен рассуждениями о мятежных настроениях, организованной деятельности оппозиционеров и управляемых из-за границы агентов и подпольных организаций. К похожей терминологии прибегают в своих мемуарах Молотов и Каганович, объясняя причины массовых репрессий конца 1930-х гг. и пытаясь оправдать их. Они оба рассуждают о диверсионной активности «пятой колонны» и ссылаются на усилившиеся внутри руководства страны в конце 1930-х гг. ощущения неизбежности скорой войны. По их мнению, чистки партийных и государственных органов и массовые зачистки общества, ставшие впоследствии известными как Большой террор, были полностью оправданным средством защиты тылов советских вооруженных сил²².

Оценки Миронова опасностей для государства, исходивших от социально-вредных элементов, в равной мере относились как к сельским, так и к городским районам. Сельский аспект этих опасностей также отличал его рассуждения 1937 г. от предыдущих оценок. Летом 1937 г. речь шла уже не только о безопасности социалистических городов, как это было в ходе кампаний социальной защиты середины 1930-х гг. Теперь руководители страны и органов НКВД заговорили об угрозах организованных вооруженных выступлений маргинальных элементов, рассеянных по всей территории страны, но особенно в ее сель-

---

²¹ Юнге М. и Биннер Р. признают, что внешнеполитические соображения частично могли сыграть свою роль в решении Сталина развязать массовые чистки, но они настаивают на том, что массовые чистки общества в конце 1930-х гг. прежде всего объясняются грандиозными замыслами Сталина по формированию нужного ему общества внутри страны. Того же мнения придерживается Маклафлин. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 243–244; McLoughlin. Mass Operations: A Survey... P. 143. Хотя Гетти опровергает аргументы, связанные с социальной инженерией Сталина, он также настаивает на внутренних причинах массовых чисток. Getty. 'Excesses Are Not Permitted'... P. 135–136. Несомненно, Сталин по большому счету мог видеть в массовых чистках средство социальной инженерии, но этот аргумент не объясняет, почему он начал их только летом 1937 г., а не двумя-тремя годами ранее. Подобная аргументация, как будет показано в настоящей главе, не объясняет также причины того, почему массовые операции этого времени настолько отличались своими масштабами и жестокостью от политики в отношении тех же групп населения, проводившейся прежде. Аргументы, настаивающие только на внутренних причинах массовых чисток, могут достаточно убедительно раскрывать их истоки, но они представляются не столь убедительными, если рассматривать массовые операции в контексте Большого террора в целом.

²² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 390–391, 416; Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1996. С. 13–14.

ских районах. Действительно, Ежов в преамбуле приказа 00447 ссылался не на необходимость защиты городов, а на угрозы, исходившие из села. Он писал, в частности, о том, что «в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.)», а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п. ... Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий»²³. Вопреки оптимистическим заявлениям Ягоды в начале 1936 г. о том, что его ведомству удалось справиться с этими проблемами, теперь, всего год спустя после разоблачения Ягоды, руководители страны неожиданно заметили, что она переполнена опасными элементами. Ягода считал, что под его руководством НКВД защитил основные города страны, но, как он отмечал в марте 1936 г., у милиции не хватало ресурсов и полномочий, чтобы распространить свой контроль на сельские районы страны. Напротив, Ежов в июле 1937 г. более мрачно оценивал оперативную обстановку. Он утверждал, что антисоветские элементы опять начали просачиваться в режимные города, на промышленные предприятия, на транспорт и в систему торговли, в колхозы и совхозы, в сельские районы и в незащищенные города и поселки. По мнению Ежова, это происходило не вследствие недостатка у милиции полномочий, но в результате ее политической близорукости и непринятия должных полицейских и надзорных мер.

Внутренние враги – кулаки, ссыльные, сектанты

Опасения войны и ее внутренних последствий для страны объясняют не только изменение терминологии, но и перемены политики в отношении ряда социальных групп советского общества. Высшие

---

* Ежов перечисляет членов распущенных, частично ушедших в подполье националистических и исламистских партий, действовавших или находившихся у власти в Закавказье до присоединения Грузии, Армении и Азербайджана к СССР. Грузмеки – грузинские меньшевики, иттихадисты – члены партии Иттихад, азербайджанской партии панисламистской ориентации начала XX в., созданной по аналогии с турецкой партией «Единение и прогресс», дашнаки – члены армянской партии Дашнакцютюн, правившей в Армении в 1918–1920 гг., мусаватисты – члены азербайджанской буржуазно-националистической партии «Мусават» (Равенство), правящей в Азербайджане в 1918–1920 гг. – *Примеч. пер.*

²³ Книга памяти... С. 766.

партийные руководители во время февральско-мартовского пленума ЦК уделили особое внимание большому количеству опасного населения, широко распространившемуся по всей стране. От каждой группы таких опасных элементов исходили собственные угрозы, а все они вместе взятые вызывали значительную обеспокоенность руководства страны. Прежде всего, это касалось кулаков и бывших кулаков. Роберт Эйхе был одним из первых партийных секретарей, призывавших руководство партии в 1935–1936 гг. навести порядок в отношении ссыльных из числа бывших кулаков, доказывая, что им следовало бы вернуть гражданские права и постараться интегрировать их в советское общество²⁴. Но во время упомянутого пленума Эйхе, наряду с другими местными партийными секретарями, неожиданно сменил курс и охарактеризовал присутствие в Западной Сибири бывших кулаков и вообще ссыльных как серьезную угрозу, поскольку те продолжали бороться против советской власти. В этом же духе выступил секретарь свердловского обкома партии И. Д. Кабаков, которого беспокоил «значительный приток враждебных элементов» на заводы и в учреждения области. Секретарь ЦК компартии Туркменистана Я. А. Попок отметил, что большое число кулаков сумело миновать лагеря и колонии и работает под личиной честных тружеников. Многие из их числа вернулись домой и нахально требуют возвращения им отобранных земли и имущества, ссылаясь на статьи новой сталинской Конституции, принятой в 1936 г.²⁵

Эти оценки ситуации в стране отражали параноидальное настроение руководства, но надо признать, что у него имелись определенные причины для беспокойства. Ежовские описания социальной динамики советской репрессивной политики 1930-х гг. в целом достаточно точны. В результате раскулачивания было сослано более 2 млн крестьян. Последовавшие за нею кампании социальной очистки позволили удалить из городов подозрительных и маргинальных жителей. В ходе паспортизации и чисток середины 1930-х гг. из режимных городов и приграничных территорий были отправлены в ссылку или выселены социальные группы, объявленные властями антисоветскими и нашедшие прибежище в нережимных городах и сельской местности, где они и остались наряду со многими другими, бежав-

---

²⁴ Одно из предложений Р. Эйхе см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 58. Л. 170–178. Дополнительные материалы по данному вопросу см.: David R. Shearer. *Modernity and Backwardness on the Soviet Frontier: Western Siberia during the 1930s* // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953*. Ed. Donald Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 194–216.

²⁵ Кошелева Л. П., Наумов О. В. и Роговая Л. А. *Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года* // *Вопросы истории*. 1993. № 6. С. 25, 27. Цитируется также в книге: Хлевнюк О. В. *Причины «Большого террора»...* С. 80.

шими или освободившимися из лагерей или ссылки. Контингент последних был достаточно многочисленным, причем значительную его часть составляли крестьяне, раскулаченные в начале 1930-х гг. и отбывшие пятилетние сроки ссылки или освобожденные по амнистии 1934–1935 гг. Действительно, окончание в середине 1930-х гг. сроков заключения и ссылки кулаков и других ссыльных повлекло за собой их массовый исход из контролируемых НКВД районов и спецпоселений. До того как Ягода сумел протолкнуть закон, запрещающий освободившимся ссыльным покидать свои поселения, почти 80 % из тех, кому были возвращены гражданские права, а именно 23 500 из 31 300 человек покинули трудовые поселки. Об этом сообщал начальник ГУЛАГа Берман. Золотодобывающая промышленность Свердловской области потеряла почти половину рабочей силы только за первую неделю после начала возвращения гражданских прав ссыльным. По сообщению Бермана, почти полностью опустели некоторые поселения²⁶. Бывшие кулаки продолжали покидать места ссылки даже после выхода в 1935 г. закона, запрещавшего их отъезд. Они делали это нелегально или после удовлетворения их настоятельных просьб разрешить вернуться в те районы, где проживали члены их семей. Воодушевленные возвращением гражданских прав, бывшие или готовившиеся к освобождению ссыльные без стеснения заваливали местные власти, милицию и органы госбезопасности своими обращениями, которых скопилось во множестве. В результате местные власти и органы НКВД оказались между двух огней. С одной стороны, официальные инструкции ясно указывали, что местные власти не имели права возвращать жилища и конфискованное имущество бывшим кулакам и осужденным. С другой стороны, граждане, подававшие соответствующие обращения, ссылались на конкретные статьи конституции, касавшиеся реституции и амнистии. Застигнутые врасплох местные органы власти пришли в замешательство и продолжали требовать от вышестоящих руководителей четких разъяснений относительно курса, которого им следовало придерживаться в отношении подобных обращений граждан²⁷.

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

²⁷ См. специальные сообщения УНКВД по Татарской АССР за январь 1937 г. в книге: Трагедия советской деревни... Т. 1, С. 83. Об особом месте, отводившемся кулакам и крестьянам в ходе чисток, см.: Там же. С. 7–50; Sheila Fitzpatrick. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford, 1994. P. 238–254; Габор Риттершпорн. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги. Массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Вихавайнена Т., Такала И. Петрозаводск, 1992. С. 99–122.

Люди, отбывшие сроки ссылки или заключения в лагерях, в достаточно большом числе прибывали на прежние места жительства, и это обостряло опасения органов НКВД относительно возможности повторного «засорения» населения. В апреле 1937 г. Вышинский разослал во все прокуратуры директиву, подготовленную в ответ на типовой запрос, на этот раз прокурора Оренбургской области, просившего разъяснений по поводу правил возвращения ссыльных. Подобно другим местным государственным органам, оренбургские власти были завалены обращениями людей, отбывших сроки ссылки, с просьбами разрешить им возвратиться на родину, несмотря на отказы, полученные из НКВД. Вышинский снова разъяснил разнообразные ограничения, вытекавшие из закона о паспортах и чрезвычайных директив НКВД, согласно которым некоторые категории бывших заключенных и ссыльных на основе законов о социально-опасных элементах имели право возвращаться на прежние места жительства, а другим категориям это было запрещено²⁸.

Если Вышинский пытался придать видимость законности решению проблем возвращения бывших ссыльных, то милиция прибегала к значительно более простым способам. Как следовало из письма оренбургского прокурора, паспортные столы местного управления НКВД просто отказывали всем бывшим ссыльным и освободившимся из лагерей в праве возвращения в родные места. Подобная практика нарушения закона была вполне обычной. Ягода неоднократно издавал внутренние приказы по НКВД о запрещении возвращений или переездов всем отбывшим сроки ссылки или заключения, невзирая на установленные законом различия в этих вопросах для различных категорий граждан. Весной 1936 г. заместитель Ягоды Молчанов имел неосторожность подать предложение о запрете всем бывшим ссыльным и заключенным возвращаться на жительство во все режимные местности. Это предложение повлекло за собой взрыв нового напряженного обмена мнениями с Совнаркомом, последовавший вскоре после длительной борьбы вокруг отметок в паспортах. Предложение Молчанова было отвергнуто. Тем не менее оно послужило напоминанием о том, что органы НКВД намерены продолжать свою «категорийную» политику в отношении опасных групп населения. Предложение Молчанова также отражало жесткое настроение в НКВД относительно угрозы, исходившей от маргинальных слоев населения²⁹.

Требования бывших кулаков и ссыльных о возврате конфискованной собственности представляли серьезную проблему в 1937 г., тем

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 931. Л. 2.

²⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 83. Л. 67–70.

более что многие подобные обращения подкреплялись ссылками на новую Конституцию, гарантировавшую широкие гражданские права всем гражданам, и особенно и прежде всего тем, кто отбыл ссылку или заключение или был лишен избирательных прав. Мягкость новой Конституции породила волну законных требований граждан к государству, особенно о возврате конфискованной собственности в процессе раскулачивания начала 1930-х гг. Во многих районах страны местные власти были завалены подобными обращениями и не знали, как на них реагировать. В октябре 1935 г. во время пленума Верховного Суда, посвященного исключительно усилению борьбы с бандитизмом, украинский судья Евменюк предложил вместо обсуждения бандитизма обратиться к более насущной, по его мнению, проблеме, а именно – к завалу судов гражданскими делами о возврате конфискованного имущества. По его заявлению количество таких дел в местных судах Украины примерно втрое превысило общее число дел, возбужденных по всем статьям Уголовного кодекса, вместе взятым³⁰. Как писал в феврале 1937 г. уполномоченный КСК по Западной Сибири Розит, проблема имущественных претензий лиц, которым были возвращены гражданские права, остается нерешенной законодательно и потому потенциально взрывоопасной. По его словам, местные партийные органы не в состоянии возвращать конфискованную собственность, давно использованную на другие цели, но они также не могут отклонять подобные обращения, просто сославшись на то, что «с тех пор прошло много времени». Розит предсказывал, что после принятия новой Конституции число таких обращений резко возрастет и может стать основным источником социальных конфликтов на местах³¹.

Люди, расставшись с надеждами на возврат отобранного имущества, селились где придется. Те, кто не имел возможности вернуться на родину или кому было запрещено проживание в режимных городах, подыскивали себе работу там, где удавалось ее найти, чаще всего это были низкооплачиваемые административные должности в деревнях, селах и малых городах, работали учителями, бухгалтерами, конторскими служащими, мелкими чиновниками, трудились в торговле и кооперативных предприятиях³². В таком положении оказались сотни тысяч, если не миллионы людей, загнанных властями на задворки общества и влачивших жалкое существование, с трудом

---

³⁰ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 87. Л. 38.

³¹ ГАНО. Ф. 923. Оп. 1. Д. 1347. Л. 1–2. См. также: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 16.

³² Всего лишь одним известным примером может служить эпизод из жизни поэтессы Надежды Мандельштам, сосланной в сельский район Казахстана, где она пережила 1930-е гг. после ареста ее мужа.

зарабатывая на жизнь в самых глухих углах страны. Но по представлениям Ежова 1937 г. эти люди опять вызывали подозрения, а само их положение служило доказательством того, что они опять просочились в различные советские учреждения. По мнению советских лидеров, все они только ждали сигнала, чтобы в подходящий момент вражеской интервенции или начала войны поднять восстание, саботировать строительство социализма и разрушить оборону страны. С очевидной паранойей Сталин доказывал участникам февральско-мартовского пленума ЦК, с какой легкостью такие вредители способны взрывать мосты и плотины, проводя в жизнь стратегические планы, разработанные вражескими генеральными штабами³³. Только в фантазиях Сталина можно было вообразить, что ссыльные и маргинальные группы населения представляют собой единый союз заговорщиков, ожидающих сигнала, чтобы поднять восстание против власти. Возможно, он действительно страдал паранойей, но в своих подсчетах великий вождь был достаточно точен. Действительно, в городах, селах и деревнях страны обитали сотни тысяч, если не миллионы лишенных гражданских прав людей и членов их семей.

Проблемы сельских районов не сводились исключительно к бывшим кулакам и ссыльным. Недовольство крестьян колхозной системой усугублялось экономическими трудностями, вызвавшими в 1936–1937 гг. массовое бегство из колхозов. На протяжении 1936 г. число крестьян, вступавших в колхозы, все еще превышало число тех, кто вышли или были исключены из них. Их соотношение составляло примерно 3 к 2, что внушало тревогу. К концу 1936 и в начале 1937 г. отток людей из колхозов уже практически сравнялся с приходом в них новых колхозников. Весной 1937 г. в некоторых ключевых регионах страны, таких как Западная Сибирь и Урал, из колхозов уходило больше людей, чем вступало в них вновь. Особенно широко распространилось бегство из колхозов трудоспособных мужчин, от чего особенно сильно страдали некоторые регионы. Например, в начале 1937 г. управление НКВД по Воронежской области докладывало, что из некоторых деревень сбежали практически все мужчины трудоспособного возраста³⁴. Как следует из отчета ЦК, рост числа людей, уходящих из колхозов, обусловлен излишне жесткой политикой управления и нищенскими условиями существования, временами граничащими с голоданием. Одновременно тревожными темпами нарастало число единоличных крестьянских хозяйств, отделившихся от колхозов. Крестьяне покидали коллективные хозяйства, чтобы собственными силами и с участием членов семей учредить индивиду-

³³ Кошелева Л. П. и др. Материалы... // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 13–14.

³⁴ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 18.

альные хозяйства, либо вообще покидали деревни, чтобы попытаться подыскать работу в промышленных центрах³⁵. Власти пытались укротить потоки трудовой миграции из села, отказывая крестьянам в выдаче паспортов, необходимых им для выезда с прежнего места жительства. Отказы в выдаче паспортов порождали новые потоки жалоб на нарушения закона, поступавших в местные прокуратуры. Все это привлекало внимание центральной власти в Москве. В апреле Вышинский направил в ЦИК СССР протест, согласно которому отказы в выдаче паспортов колхозникам достигли таких масштабов, что приобрели форму массовых репрессий. Это было незаконно, так как противоречило Постановлению ЦК партии от 8 мая 1933 г., запрещавшему массовые репрессии в сельских районах³⁶. Руководство ГУГБ было настолько встревожено нарастанием волнений среди крестьянства, что в декабре 1936 г. издало приказ, обязавший всех руководителей краевых и областных управлений госбезопасности подавать специальные доклады о бегстве крестьян из колхозов, а также обо всех других проявлениях антисоветской деятельности, особенно о прибывающих на прежние места жительства кулаках, получивших на это право в связи с принятием новой Конституции³⁷.

Крестьяне, насильственно привязанные к колхозам, обозленные новым голодом и продолжавшимся обнищанием, все чаще проявляли открытую враждебность по отношению к властям. О нарастающей напряженности в сельских районах свидетельствуют доклады руководителей местных милиции и органов госбезопасности. Например, в январе 1937 г. заместитель главного прокурора Западной Сибири Поздняков посетил несколько колхозов Беловского района края в качестве полномочного представителя краевого комитета партии. Его задача, как обычно, заключалась в проводившейся ежегодно проверке готовности колхозов к выполнению государственных заданий по поставке зерна и того, насколько местные власти мобилизованы на принятие всех необходимых для этого мер. В отчете о своей поездке Поздняков сообщал, что в некоторых колхозах, где он побывал, имело место сильное недовольство, организованное, по его предположениям, неизвестными контрреволюционными элементами. Когда, например, он появился в клубе колхоза им. Ворошилова,

---

³⁵ По данным за 1936 г., из колхозов по всей территории СССР было исключено 196 728 крестьянских семей и еще 463 446 семей вышли из колхозов добровольно. За тот же период в колхозы вновь вступило 1 019 433 семей. К июлю 1937 г. в колхозы вступили 226 398 семей, 129 236 семей покинули колхозы добровольно, а 39 369 были из них исключены. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 334. Л. 21.

³⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1885. Л. 1–10б.; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 230–231.

³⁷ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 79.

чтобы выступить на общем колхозном собрании, его встретили криками: «Мы голодаем, мы раздеты и разуты! Весь наш хлеб забрали!». Поздняков сообщал о некоторых других инцидентах, которые он назвал наглыми контрреволюционными провокациями, а также о неприкрытой трусости секретаря местного райкома партии Гусева, который, сопровождая его на собрание в колхозе им. Ворошилова, в частном порядке предупреждал: «Не давите на вопрос о хлебозаготовках, иначе они еще могут убить». При этом секретарь райкома не уточнил, кого он имел в виду под неопределенным местоимением «они». Предположительно, он подразумевал «кулацкие элементы», но на собрании присутствовали только колхозники, которые по определению не относились к контрреволюционным слоям населения. Поздняков заключил свой отчет выводами о том, что местные власти запуганы этими неясными «контрреволюционными элементами», не проводят жесткого курса и не контролируют свои районы. Он констатировал слабость районных властей, которые все еще нуждались в присутствии уполномоченных со стороны и другой помощи от краевых партийных и советских органов³⁸.

Подобное состояние дел не было исключительной особенностью Беловского района. Регулярные доклады райотделов НКВД и секретарей райкомов партии о «морально-политическом климате» в других районах края свидетельствовали о том, что они испытывали те же чувства изолированности и беспомощности, что и секретарь Беловского райкома. Их беспокоили недостаточная численность партийного актива, рост числа единоличных хозяйств и враждебные настроения среди колхозников. Эти настроения, приближавшиеся к точке кипения, нередко переваливали через нее, что проявлялось в избиениях колхозных руководителей, массовых отказах от выходов на работу и даже в убийствах уполномоченных. В некоторых частях страны местные коммунисты даже боялись передвигаться по своим районам в одиночку³⁹. Местные власти также беспокоил подъем активности религиозных сектантов, происходивший по мере распространения слухов о принятии новой Конституции. Как сообщал сотрудник одного из политотделов МТС, широкое распространение получили разговоры о том, что новая Конституция не только узаконила, но даже поощряет восстановление религиозных учреждений. Он отмечал увеличение в его районе числа самопровозглашенных священников, вовлекающих в свою паству новых верующих⁴⁰. Другой

---

³⁸ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 810. Л. 15–28, здесь листы 15 и 28 соответственно.

³⁹ О том, как председатели колхозов боялись собственных колхозников см.: Там же. Л. 3–5, а об участвовавших отстрелах бандитами сотрудников местных советских учреждений см.: Там же. Оп. 1. Д. 591. Л. 148.

⁴⁰ Там же. Оп. 2. Д. 726. Л. 45.

секретарь райкома докладывал о нескольких таких священниках, вербовавших новых верующих в колхозных деревнях, утверждая, что согласно новой Конституции, матерей, не окрестивших своих детей, будут изгонять из колхозов⁴¹. Распространился еще один слух, что новая Конституция требует, чтобы в каждой деревне было 3 священника⁴².

Подобные опасения и настроения высказывали не только местные власти. Специальные доклады сотрудников местных управлений НКВД также отмечали рост недовольства, разочарованности и озлобления крестьян⁴³. К моменту начала февральско-мартовского пленума ЦК партийные лидеры уже ознакомились с предварительными итогами переписи населения 1937 г., и эти материалы только усиливали их опасения в отношении массовости враждебных слоев населения. К тому времени уже было хорошо известно об избиениях переписчиков в деревнях и даже о нескольких убийствах и частых оскорблениях членов избирательных комиссий. В своем выступлении на пленуме Эйхе подчеркивал наличие среди населения «самых отсталых, опасных настроений». Его, кажется, застали врасплох жестокое обнищание в стране и распространение враждебных настроений. Выступая перед участниками пленума, Эйхе связал между собой оба эти явления, заявив: «В каждом районе имеются заброшенные глухие села и в каждом городе есть заброшенные глухие участки. Это нам ярко показала всесоюзная перепись, когда пришлось обойти каждое село, каждый участок». С похожими замечаниями выступил на пленуме секретарь ЦК Компартии Украины С. В. Косиор, который сказал: «Перепись показала, что у нас есть еще много примеров страшной дикости, консерватизма, косности даже в городах. Я не говорю уже о маленьких городишках, медвежьих углах. Там мы вскрыли наибольшее количество отсталых настроений, наибольшее количество враждебных настроений»⁴⁴. Шокированные окружающей их нищетой и примитивизмом советские лидеры опасались, что они могут ударить бумерангом по их заверениям о превосходстве социалистического строя.

Как подтверждали доклады с мест, одним из наиболее тревожных открытий прошедшей переписи населения стал уровень религиозной активности в стране. В своем выступлении на февральско-мартовском пленуме Андрей Жданов заявил, что антисоветские элементы, прежде всего, церковники и сектанты всех мастей организуются, готовясь к предстоящим выборам в Верховный Совет. Ободряемые законными

---

⁴¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 233. Л. 15об.

⁴² Там же. Л. 18, 139–140.

⁴³ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 17–20.

⁴⁴ Кошелева Л. П. и др. Материалы... // Вопросы истории. 1993. № 6, С. 5, 8.

правами, гарантированными новой Конституцией, эти группы теперь обнаружили себя и организуют антисоветские политические партии. Глава Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский поведал участникам пленума, что в стране насчитывалось почти 40 тыс. легально зарегистрированных религиозных организаций, объединяющих в своих рядах более 1 млн верующих, не считая большого числа подпольных религиозных сект и организаций, также работающих над организацией антисоветских выборов. В том же духе выступал Косиор, отметивший, что перепись выявила наличие «исключительно фанатичных» религиозных верований среди населения, которые, в свою очередь, разжигают «неприкрытую ненависть» к социалистическому обществу⁴⁵. Эйхе и секретарь ЦК Компартии Казахстана Л. И. Мирзоян дружно предупреждали о наличии большого числа антисоветских религиозных активистов в своих регионах. Мирзоян и секретарь ЦК Компартии Туркмении Я. А. Попок особенно отмечали присутствие в их республиках сильных, высокоорганизованных и вероятно активно антисоветски настроенных исламских групп⁴⁶.

Перепись выявила, что, несмотря на многолетние репрессии, почти 57 % взрослого населения страны в возрасте старше 16 лет обозначили себя как «верующие», но еще удивительнее оказалось то, что 44 % граждан в возрасте от 20 до 24 лет, то есть принадлежащие к поколению, выросшему при советской власти, также признали, что придерживаются религиозных убеждений. Ярославский заявил, что во многих наиболее отсталых регионах доля верующих, принадлежащих к тем или иным религиям, в общей численности взрослого населения доходит до 80 %. По словам Ярославского, еще хуже, что даже большое число колхозных руководителей в то или иное время принадлежали к различным церквям⁴⁷. Трудно оценить, в какой мере религиозные убеждения людей были связаны с их антисоветскими настроениями, но лидеры страны были убеждены в наличии подобной и заметной связи. Подобно другим выступившим на пленуме секретарь Азово-Черноморского обкома партии Е. Г. Евдокимов особо подчеркнул связь религиозности с антисоветской деятельностью, угрожающей проведению советской аграрной политики. Он заявил, что цель церковников состоит в том, чтобы зарегистрировать в качестве верующих как можно больше людей и тем самым вернуть церкви занимаемое ею прежде место одного из центров власти. Обобщая свои

---

⁴⁵ Там же. № 5. С. 4–5 (Жданов), 14 (Ярославский). Там же. № 6. С. 8 (Косиор).

⁴⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 197, сноска 95.

⁴⁷ Жиромская В. Б. Демографическая история России, 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 193–194.

представления о конечной цели церковников, Евдокимов утверждал, что в таком случае «все пойдет по-старому, и колхоза не будет»⁴⁸. Заявления Евдокимова были весьма типичны для региональных партийных руководителей, которые, судя по их выступлениям, опасались, что новая Конституция может серьезно ударить бумерангом по советской власти.

Уголовники и бывшие заключенные

Из приказа Ежова 00447 следовало, что уголовные преступники и отбывшие свои сроки осужденные представляют собой еще одну группу, из которой могли вербоваться участники вооруженных выступлений против советской власти. Существование такого убеждения подтверждают дискуссии в верхах, хотя, как и в случае остальных групп населения, сложно оценить, насколько обоснованными были такие опасения. Более интересна убежденность власти, что эта группа готова к восстанию не просто потому, что это криминальный и маргинальный класс, а из-за особенной жестокости, с которой проводились кампании даже против мелких уголовников и нарушителей закона. Также представляло интерес то обстоятельство, что власти в 1937 г. продолжали верить в особую опасность, исходившую от уголовной преступности, несмотря на несколько лет массовых кампаний, направленных на ее искоренение. Стремясь продемонстрировать масштабы этой опасности и необходимость противодействия ей, Ежов в апреле 1937 г. письменно доложил Сталину, что НКВД ежемесячно выпускает из тюрем и лагерей более 60 тыс. заключенных, отбывших сроки наказания. По словам Ежова, всего несколько тысяч из них намерено исправиться и найти общественно полезные занятия, и НКВД готов оказать им всю необходимую помощь. Но подавляющее большинство вышедших на свободу заключенных возвращаются к преступной жизни. Этот прискорбный факт отнюдь не свидетельствует о неспособности лагерей исполнять положенные им

---

⁴⁸ Сталин прервал выступление Евдокимова, чтобы выразить согласие с его оценками. Кошелева Л. П. и др. Материалы... // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 10. Власти на местах, прежде всего, руководители местных органов НКВД докладывали о распространявшихся слухах о скором падении советской власти в результате переворота или внешней агрессии, после чего колхозная система будет ликвидирована. Порой среди крестьян ходили слухи, что надо выходить из колхозов, не дожидаясь вторжения, поскольку новое, антисоветское правительство будет сурово преследовать колхозников. См., например: ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 95. Юнге и Биннер убеждены в том, что рост напряженности в отношениях между верующими гражданами и местными властями сильно преувеличен историками того и более позднего времени. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 170.

исправительные функции. По оценкам Ежова, криминальный класс, особенно рецидивисты, просто неисправимы и не поддаются усилиям по перевоспитанию⁴⁹.

Предполагалось, что средствами противодействия этой группе и надзора за нею могут служить ограничения разрешенных мест проживания и регистрация личных данных преступников, собираемых в процессе их паспортизации и пребывания в заключении. Тем не менее Ежов не мог гарантировать Сталину, что НКВД сумеет справиться с уголовным населением страны. Широко распространенная коррупция внутри паспортной системы, нестрогое соблюдение правил и прорехи в законах о прописке позволяли многим тысячам уголовников ускользать из поля зрения НКВД и бесконтрольно просачиваться в города и другие районы страны. Сотрудники паспортных столов в лагерях и в районах, где размещались тюрьмы и колонии, за взятки легко выдавали отбывшим свои сроки уголовникам чистые паспорта, без всяких ограничительных отметок и другой порочащей информации. При этом преступники имели возможность сменить имена и фамилии или удалить информацию о себе из картотек. На самом деле чистые бланки паспортов продавались с рук десятками и сотнями. Только в 1936 г. милиция недосчиталась нескольких десятков тысяч похищенных бланков паспортов. Если преступникам не удавалось изготовить себе фальшивые паспорта, то они прибегали к старому, испытанному способу, переезжая с место на место, рассчитывая на слабости в соблюдении режима прописки, мешавшие милиции выявлять и отслеживать их криминальное прошлое.

Приведенная Ежовым цифра в 60 тыс. осужденных, освобождаемых ежемесячно из мест заключения, только на первый взгляд кажется завышенной. Конечно, Ежов мог слегка ее преувеличить, но она не покажется удивительной, если вспомнить, что только в местных тюрьмах содержались многие тысячи людей, осужденных на срок до одного года. К их числу относились мелкие нарушители общественного порядка, конокрады, карманники и другие мелкие уголовные преступники, которых не отправляли в лагеря, колонии и спецпоселения. Реальную численность этого тюремного контингента сложно подсчитать точно, но она, судя по свидетельствам сотрудников милиции и других пред-

---

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 46. См. также выше. С. 334–335. Фактически «помощь» Ежова свелась к рекомендации профсоюзам взять на себя все хлопоты и расходы, связанные с трудоустройством бывших заключенных, желающих найти работу. О письме Ежова и его последствиях см.: Jansen and Petrov. *Stalin's Loyal Executioner...* P. 81–82; Paul Hagenloh. 'Socially Harmful Elements' and the Great Terror // Fitzpatrick. *Stalinism: New Directions...* P. 300; Габор Риттершпорн. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги... С. 103. Я признателен Полу Хэгенлоу, уклавшему мне этот документ.

ставителей власти, была весьма значительной. На самом деле проблема уголовной преступности и нарушений общественного порядка в 1937 г. хотя и не стояла так остро, как в самом начале 1930-х гг., но и не смягчилась заметным образом, несмотря на полицейские кампании, суровые приговоры и заверения Ягоды о снижении уровня преступности в начале 1936 г. Михаил Шрейдер писал в своих мемуарах о переполненных бандитами и рецидивистами тюрьмах в Иваново в конце 1936 – начале 1937 г., когда он служил начальником Ивановского областного управления РКМ⁵⁰. Власти Западной Сибири часто сообщали о массовых хищениях скота с животноводческих ферм, продуктов со складов и особенно угля и жидкого топлива из хранилищ, не говоря уже о постоянном утаивании и расхищении зерна. Эйхе в конце 1935 г. отмечал, что рабочие, лишённые должной охраны со стороны милиции, особенно в таежных районах края, не решаются оставлять домашних животных на ночь без присмотра и заводят в дома кур, коров, свиней и собак, чтобы их не украли. Лошадей приходилось охранять постоянно. «Массовое воровство скота стало обыкновенными ежедневными фактами», – заявил Эйхе на пленуме краевого комитета партии⁵¹. В мае 1937 г. председатель Калининского облисполкома в отчаянии сообщал о том, что в его области оседает значительное число бывших заключённых после освобождения из тюрем и лагерей. В 1935 г. в области поселилось около 5 тыс. бывших заключённых, а в 1936 г. – 4523 человека. Эти цифры не учитывали значительно большее число тех, кто, скрыв свое криминальное прошлое, осел в области нелегально. Городские и областные власти были не в состоянии трудоустроить всех этих людей, и многие из них после безуспешных попыток найти работу вновь становились на преступный путь⁵². В докладе Ленинградского управления НКВД, поданном в начале 1937 г., приведена поразительная оценка, согласно которой 2,3 % населения города составляли тогда освободившиеся из заключения уголовные преступники и осуждённые по другим статьям, а в области этот контингент достигал 5,4 % населения⁵³.

Как уже говорилось в предыдущей главе, пытаясь заделать бреши в системе общественного порядка, Ежов предложил Сталину новаторскую идею – разрешить лагерным тройкам и судам продлевать сроки заключения лицам, осуждённым за уголовные преступления.

---

⁵⁰ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 41, 46.

⁵¹ Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 82.

⁵² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 18–19.

⁵³ Иванов В. А. Операции НКВД СССР по приказу № 00447 против уголовников в Ленинградской области. С. 8. Доклад на конференции «Сталинизм в советской провинции, 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447». Москва, 12–15 октября 2006 г.

Такая мера, по его предложению, могла бы применяться ко всем заключенным, нарушающим трудовую дисциплину, уличенным в хулиганстве или отказывающимся становиться на путь исправления. Продление сроков заключения могло составлять до 3 лет одновременно⁵⁴. Будучи не в состоянии обеспечить соблюдение паспортного режима и потерпев неудачу в попытках ввести общие для всех бывших заключенных и ссыльных запреты на проживание в определенных местностях, Ежов предложил Сталину иное решение проблемы засорения общества преступными элементами, а именно – просто не выпускать уголовников из заключения. Крыленко и Вышинский возражали против подобной практики. Оба утверждали, что заключенных можно осуждать заново и продлевать им сроки содержания в местах заключения только в соответствии с определенными статьями уголовного кодекса, а не за такие расплывчатые проступки, как нарушение трудовой дисциплины или отказ от участия в программах перевоспитания. Но в любом случае, доказывали они, вынесение подобных приговоров может быть поручено отнюдь не временным тройкам НКВД, а только законно назначенным специальным судам, под юрисдикцией которых находятся лагеря и тюрьмы⁵⁵. Специальная комиссия, учрежденная Совнаркомом для рассмотрения этого предложения Ежова, с пониманием отнеслась к его стремлению не допускать закоренелых преступников в города и промышленные зоны, но члены комиссии возражали против предложенных им мер. При этом они вновь ссылались на действовавшие законы, позволявшие бывшим заключенным, за исключением осужденных за особо тяжкие преступления, свободно селиться в городах и рабочих поселках, а некоторым из них – даже в режимных регионах⁵⁶.

Вышинский, Крыленко и члены Совнаркома рассматривали предложения Ежова с точки зрения их соответствия действующему законодательству и решения проблем трудоустройства отбывших срок заключения уголовников с целью их реинтеграции в общество. Высшие правительственные чиновники обменялись большим числом служебных записок по данному вопросу, причем в этом обмене приняли участие многие основные наркоматы. К его рассмотрению были привлечены даже руководители профсоюзов, которые ограничились заявлением о том, что они не обладают полномочиями, чтобы заставлять членов профсоюза участвовать в трудоустройстве и поддержке бывших заключенных. Вышинский даже организовал письма от бывших уголовников с тем, чтобы подкрепить свои возражения

---

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 69. Л. 44.

⁵⁵ Там же. Л. 21–22.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

против продления сроков заключения за неучастие в программах перевоспитания. Но никому из участников этой оживленной переписки не были известны истинные намерения Сталина, за исключением его ближайшего соратника, Председателя Совнаркома Молотова и главы НКВД Ежова. Сталина мало интересовали вопросы перевоспитания преступников. Обращение к нему Ежова в основном касалось способов выявления, изоляции и в конечном итоге ликвидации уголовников как потенциально опасной группы населения.

Организаторы: бывшие коммунисты и иностранцы

Кулаки и бывшие кулаки, уголовники, бывшие заключенные, ссыльные всех мастей, лишенцы и бывшие лишенцы, другие маргинальные группы в глазах режима представляли те недовольные слои населения, из рядов которых могли вербоваться участники будущих восстаний против советской власти. Но, как уже отмечалось выше, они нуждались в организации и лидерах. Поэтому внимание советского руководства было приковано не столько к массовому общественному недовольству, сколько к возможности его сочетания с активной организующей деятельностью недовольных элементов внутри партийного и государственного аппарата. Иными словами, Сталин в равной мере опасался как «кадрового бунта», так и массовых выступлений населения⁵⁷. Сталинские опасения в отношении оппозиционных группировок в военных кругах, приведшие к кровавым чисткам в армии, а также чистки органов НКВД, хорошо отражены в известных документах. Другим ключом к разгадке причин этих чисток может быть предположение о том, что Сталин боялся приближающейся войны и стремился подавить любые попытки организации «пятой колонны» внутри Советского Союза. Так, например, еще в декабре 1936 г. Сталин передал через Ежова приказание руководителям ключевых наркоматов представить списки подозрительных руководящих сотрудников областного и краевого уровней. Соответственно Вышинский секретным письмом от 20 декабря того года приказал прокурорам республиканского, краевого и областного уровней составить списки сотрудников, имевших в прошлом связи с оппозиционными партиями, и «предоставить сведения о всех рабочих, которые когда-либо проявили колебания в период борьбы с разными оппозициями». Вышинский потребовал, чтобы главы прокуратур составили такие списки тайно и собственноручно⁵⁸. В феврале 1937 г. Маленков, отвечавший в ЦК за работу партийных органов,

---

⁵⁷ Хлевнюк О. Причины «Большого террора»... С. 70.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 16. Л. 13; Д. 19. Л. 19.

подготовил для Сталина аналогичный список потенциально недовольных лиц среди действующих и бывших членов партии. Маленков составил этот документ в ходе подготовки к февральско-мартовскому пленуму ЦК 1937 г. и привлек внимание Сталина к тому факту, что на свободе находятся и работают в различных государственных учреждениях, на заводах и предприятиях, в сельских и городских администрациях более 1,5 млн бывших членов партии, исключенных из нее с начала 1920-х гг. Только за два предыдущих года в ходе обмена партийных документов из партии были исключены 315 528 человек, что составило более 13 % общей ее численности в 1935 г. На некоторых заводах число исключенных из партии превышало численность партийного актива, и это, как предупреждал Маленков, было тревожным явлением. Эти люди обладали некоторым организационным опытом, приобретенным во время работы в партии, и представляли собой угрозу в качестве потенциальных организаторов антисоветской деятельности. Интересно отметить, что значительную часть исключенных из партии за этот период, а именно 27,5 %, или 86 888 человек, были изгнаны из нее как «социально-враждебные или опасные элементы». Сталин подчеркнул эту цифру в докладе Маленкова красным карандашом, как и число исключенных из партии троцкистов-зиновьевцев⁵⁹. В докладе на февральско-мартовском пленуме Сталин ссылаясь на данные Маленкова. Говоря о диверсантах и «пятой колонне», он заметил, что столь значительное число бывших членов партии представляет собой резерв организованных сил врагов советской власти⁶⁰. Предостережения Сталина повторил в своем выступлении на пленуме Роберт Эйхе, говоривший о большом числе бывших членов партии, сосредоточившихся в Западной Сибири. По его словам, фактически число исключенных из партии за период с середины 1920-х гг. в Западной Сибири превысило количество активных коммунистов. По состоянию на январь 1937 г. в крае насчитывалось около 93 тыс. исключенных из партии против порядка 44 тыс. действующих коммунистов. Многие бывшие члены партии, по заявлению Эйхе, были настроены откровенно враждебно по отношению к власти. Подобно Сталину, Эйхе также преувеличил политический опыт этих «врагов»

---

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 733. Л. 110, 115. Вторую по размерам категорию исключенных из партии, численностью 65 030 человек, или 20,6 % от общего числа, составляли люди, изгнанные из партии за коррупцию. Число исключенных из партии предполагаемых троцкистов-зиновьевцев составило 17 486 человек, или 5,5 %. Число вступивших в партию в обход установленных процедур и впоследствии исключенных из нее на этом основании составило 20 585 человек, или 6,7 %.

⁶⁰ Кошелева Л. П. и др. Материалы... // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 21–22. Цитируется также Хлевнюком в книге «Причины “Большого террора”...» С. 79.

и их возможности в качестве организующей силы антисоветских группировок⁶¹.

Если недовольные коммунисты были основной потенциальной угрозой как организаторы сопротивления властям, то не меньшая опасность исходила от многочисленных иностранцев, находившихся в стране. В сталинском видении мира каждый иностранец выглядел возможным шпионом. Мемуары иностранных дипломатов, работавших в Москве в 1930-х гг., переполнены воспоминаниями о странной атмосфере, царившей в то время в стране. Все советские официальные лица понимали опасность любых контактов с иностранцами, пусть даже необходимых в их профессиональной деятельности в качестве дипломатов или торговых представителей. Под иностранцами понимали далеко не одних дипломатов или иных представителей зарубежных правительств. К их числу относились политические беженцы, приглашенные иностранные работники, выходцы из разных стран, получившие советское гражданство, а также цыгане, мигрировавшие в Советский Союз в 1930-х гг. из Центральной Европы. Так, например, многочисленные специалисты, приехавшие на работу в Советский Союз в 1930-х гг. по приглашению советского правительства, теперь оказались под подозрением как возможные шпионы, саботажники и подпольщики. К 1937 г. число таких работников измерялось многими десятками тысяч⁶². В 1937–1938 гг. они подверглись наиболее суровым репрессиям вместе с членами зарубежных оппозиционных партий, нашедшими политическое убежище в Советском Союзе.

Сталин с подозрением относился ко всем иностранцам как к потенциальным шпионам и, как в случаях с другими подозрительными лицами, поручил НКВД составить их списки. В первые недели 1937 г. НКВД упорядочил регистрацию всех иностранных граждан на территории страны. Органам милиции на местах было приказано проверить адреса и род занятий всех зарегистрированных иностранцев. По результатам этих проверок управление уголовного розыска разослало по стране списки иностранных граждан, которые не были обнаружены в ходе их проведения. Перечень, датированный февралем 1937 г., содержал 766 фамилий в алфавитном порядке. В списке иностранцев помимо имени и фамилии, были указаны национальность, номера паспорта и въездной визы, последний адрес регистрации. Вслед за тем управление издало приказ о срочном розыске этих лиц⁶³.

---

⁶¹ Кошелева Л. П. и др. Материалы... // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5–6.

⁶² По оценкам Андреа Грациози, 2–3 % рабочей силы в СССР в начале 1930-х гг. составляли иностранцы. Andrea Graziosi. A New Peculiar State: Explorations in Soviet History 1917–1937. New York, 2000. P. 227.

⁶³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Док. 18.

В том же духе был выдержан мартовский приказ НКВД, обязавший Отделы виз и регистраций (ОВИРы) представить списки всех иностранцев, получивших советское гражданство после 1 января 1936 г.⁶⁴ Еще одним примечательным документом был циркуляр, разосланный весной 1937 г. начальником Главного управления милиции Бельским, который откровенно и категорично утверждал, что доказанным является факт, что «подавляющее большинство иностранцев в стране является организующим началом шпионажа и диверсий». Бельский отметил, что милиция на местах не предпринимает активных действий в отношении иностранных агентов на подведомственных территориях. Он дал начальникам местной милиции понять, что хотя главным оружием в борьбе со шпионами является агентурно-оперативная работа, они также обязаны вносить свой вклад в борьбу с этими врагами. Бельский проинструктировал местную милицию о необходимости специального надзора за иностранцами и принятия мер по ограничению их передвижений, «чтобы воспрепятствовать возможности их вовлечения в шпионскую и диверсионную деятельность». Такими мерами могли быть задержки в рассмотрении заявлений иностранцев с просьбами о разрешении туристических поездок по стране, ограничения на их перемещения и контакты, длительные сроки проверки документов⁶⁵.

Страх, испытываемый властью по отношению к иностранцам, распространялся также на национальные меньшинства страны. Любая национальная группа подозревалась в наличии общественных или этнических связей с соотечественниками, проживающими в других странах. Наибольшее подозрение вызывали, безусловно, лица немецкого, польского и финского происхождения наряду с корейцами и китайцами, жившими в Сибири. Советские руководители уже много лет с подозрением относились к этим национальным меньшинствам. На них были в основном нацелены кампании по очистке приграничных, прежде всего, западных районов страны, начавшиеся в 1933 г. Одной из первых организованных попыток выявления неблагонадежных национальных меньшинств на остальной территории страны стал циркуляр ЦК партии Московскому областному комитету, которым было поручено уполномоченным НКВД на московских заводах начать регистрацию определенных национальных групп, подозреваемых во враждебном отношении к советской власти. В первую очередь это касалось немцев, финнов, латышей, литовцев, поляков и корейцев. Лиц

---

⁶⁴ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве. 1917–1941 гг. Уфа, 1994. С. 316.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Док. 139.

указанных национальностей постепенно увольняли с предприятий города, в первую очередь тех, кто занимал ответственные должности. Циркуляр также указывал на необходимость обращать особое внимание на национальные меньшинства «второго эшелона», а именно – евреев, армян, крымских татар, чеченцев, ингушей и осетин. Следовало немедленно информировать органы НКВД и центральные партийные органы обо всех случаях проявления представителями этих национальных меньшинств недовольства условиями труда, советской властью и любыми иными аспектами советской жизни⁶⁶.

Руководство страны не ограничилось простым надзором за национальными меньшинствами. Их масштабные депортации начались в 1935–1936 гг. совместно с кампаниями по очистке городов от антисоветских и социально-опасных элементов. Депортации национальных меньшинств осуществлялись по специальным приказам вплоть до конца 1930-х гг. и совпадали с массовыми социальными репрессиями 1937–1938 гг. по приказу 00447. На самом деле приказы о выселении немцев и поляков были отданы практически одновременно с приказами о репрессиях против кулаков и других маргинальных элементов. Как показали Терри Мартин и другие исследователи, к 1937 г. советские лидеры пришли к выводу, что эти нации являются «вражескими», то есть потенциально или даже исконно враждебно настроенными к советской власти⁶⁷. Одна из целевых групп при проведении массовых чисток, также отнесенная к «иностранцам», фактически не была национальным меньшинством и состояла не из граждан других стран, а преимущественно из русских, работавших в 1920–1930-х гг. на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге). Эта железная дорога, соединявшая Транссибирскую магистраль с китайским городом Харбином в Маньчжурии, принадлежала Советскому Союзу и обслуживалась советским персоналом. В середине 1930-х гг., когда японские войска вторглись в Маньчжурию, советские власти продали дорогу Маньчжоу-Го, марионетчному государству, созданному Японией на территории Маньчжурии. Несколько тысяч советских железнодорожников с семьями были возвращены в СССР. Все они были выделены в картотеках НКВД в особую категорию «харбинцев» и попали под подозрение в 1937 г., когда Ежов в сентябре издал секретный оперативный приказ в отношении харбинцев, выдержанный в том же непримиримом духе, что и другие приказы, отражавшие от-

---

⁶⁶ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 3. Пленум ЦК ВКП(б) и ГК города Москвы 24.09.1934; ЦАОПИМ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 28. Л. 3 от 12 декабря 1935 г.

⁶⁷ T. Martin. *Origins of Soviet Ethnic Cleansing...*; Он же. *An Affirmative Action Empire*. P. 335–345.

ношение властей к «иностранцам». В своем приказе Ежов утверждал, что подавляющее большинство работников КВЖД было завербовано японской разведкой для внедрения в Советский Союз, прежде всего, в его транспортную отрасль, с тем, чтобы во время приближавшейся войны действовать в качестве организаторов мятежей, шпионов и саботажников. По его словам, НКВД раскрыл этот заговор, в связи с чем он приказал арестовать харбинцев и вынести им приговоры как предателям, шпионам и диверсантам⁶⁸.

Заключение

Большой террор имел свои предысторию и предпосылки, определившие особенности и жестокость его осуществления. Одна из предпосылок массовых репрессий конца 1930-х гг. была создана в ходе кампаний раскулачивания начала десятилетия. Раскулаченные крестьяне образовали самую многочисленную категорию граждан, попавших под подозрение и арестованных в 1937–1938 гг. на основании приказа 00447. Вторую и почти столь же существенную предпосылку Большого террора создали кампании «социальной защиты», проводившиеся в середине 1930-х гг. Приравнивание нарушений общественного порядка к контрреволюционной деятельности особенно сильно повлияло на политику государства и методы работы НКВД. Механизмы репрессий 1937–1938 гг. во многом были идентичны тем, что применялись ранее против нежелательных групп населения, а сами эти репрессии были нацелены против тех же социальных групп, что и прежде. Точно так же предыдущие кампании подавления национальных меньшинств стали предшественниками массовых репрессий, обрушившихся на них в 1937–1938 гг. Но массовые репрессии периода Большого террора не были обусловлены только угрозой, по мнению властей исходившей от нарушителей общественного порядка. После убийства Сергея Кирова руководство страны обуял страх перед оппозиционными политическими организациями троцкистов, зиновьевцев и т. д. Нацеливание машины государственной безопасности на разгром подозрительных оппозиционных групп стало главным приоритетом лидеров страны, хотя они и продолжали проводить оперативную политику контроля маргинальных и других нежелательных элементов населения.

Каждая из таких проблем, как классовая оппозиция, общественные беспорядки, подпольная подрывная деятельность и засорен-

---

⁶⁸ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 281–283; Ленинградский мартиролог, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. ред. А. Я. Разумов. Том 3. Ноябрь 1937 г. Санкт-Петербург, 1998. С. 583–585.

ность общества неблагонадежными национальными меньшинствами, требовала самостоятельного политического ответа и применения особой оперативной политики. Все эти проблемы и способы их решения в 1937 г. слились воедино. К этому времени руководство страны пришло к убеждению, что оппозиционеры, действуя совместно с иностранными агентами, активно заняты организацией «пятой колонны», сколачиваемой из недовольного советскими порядками населения. Лидеры режима опасались, что начало иностранного вторжения, казавшегося все более вероятным в конце 1930-х гг., станет сигналом для вооруженных выступлений как этих элементов, так и подозревавшихся в недовольстве советской властью национальных меньшинств. Угроза войны была ключевым моментом. Эта угроза, будучи вполне реальной, привносила особую жестокость в советскую политику репрессий и служила обоснованием ее политической необходимости.

Различные опасения советских руководителей причудливым образом переплетались в контексте неминуемой войны и иностранного вторжения, но проводимый ими политический курс, вылившийся в Большой террор, не был принципиально новым. Он был хорошо знаком всем сотрудникам милиции и государственной безопасности. Если и было что-то удивительное для руководства НКВД, так это внезапный поворот в политике Ежова в конце февраля – начале марта 1937 г. Новыми стали также масштабы и срочность самих чисток. Сталин руками Ежова осуществил в 1937–1938 гг. массовую чистку советского общества с целью ликвидации социальной базы для вооруженного свержения своего режима, в существовании которой он был убежден. В следующей главе мы рассмотрим динамику этого процесса.

10. МЕХАНИЗМЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов.

*Начальник Пензенского управления НКВД,
сентябрь 1937 г.*

Февральско-мартовский пленум 1937 г. Центрального Комитета согласился со сталинской оценкой опасностей, стоявших перед страной. В постановлении пленума признавалось нарастание внешних угроз, связанных с объединением враждебных держав, и внутренних опасностей. В постановлении утверждалось, что большое число антисоветских организаций скрытно, но настойчиво простирают свои щупальца и координируют свои усилия, готовясь к подрывной деятельности и открытым восстаниям в случае начала войны, что агенты темных сил сеют недовольство среди населения, а мятежные настроения охватывают значительные сегменты советского общества. ЦК партии пришел к единому мнению о том, что партия и органы НКВД обязаны действовать быстро и решительно, чтобы ликвидировать все эти угрозы.

Сталин и новый глава органов госбезопасности, не дожидаясь решений пленума ЦК, приступили к широкомасштабным чисткам, направленным против старых большевистских лидеров и рядовых членов партии, а также против многих специалистов, работавших в экономике, науке, образовании и прессе. В период октября 1936 – февраля 1937 г. под надзором Ежова было арестовано 2116 человек, якобы активно участвовавших в антисоветских блоках или работавших на правительства враждебных зарубежных государств. В это время состоялись сенсационные аресты таких многолетних лидеров большевистской партии, как Алексей Рыков и Николай Бухарин, наряду с арестами многих других высокопоставленных и хорошо известных в стране членов партии. Пленум единодушно одобрил эти аресты и генеральную линию, предложенную Сталиным, Молотовым и Ежовым¹. Одобрение пленума ознаменовало важную победу

---

¹ Более подробное описание тех событий содержится в работе: Marc Jansen and Nikita Petrov. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Yezhov, 1895–1940*. Stanford, 2002.

Сталина, который впервые связал бывших крупных партийных вождей с контрреволюционными заговорами. Одновременно пленум выдал Сталину, а точнее НКВД, практически бесконтрольный мандат на проведение широкомасштабных репрессий. Эти репрессии начались в конце июля 1937 г. и отличались типичной для Сталина исключительной жестокостью².

В настоящей главе воспроизведена последовательность событий, приведших к массовым операциям, проводившимся по приказу № 00447, и описано расширение масштабов репрессий после того, как им был дан старт. Документов об истинных причинах начала массовых операций почти нет, тогда как относительно оперативных аспектов чисток существует обильная информация. В настоящей главе особое внимание уделено взаимосвязям в динамике проведения репрессий на центральном и местном уровнях. Чистки проходили в соответствии с одними и теми же оперативными приказами, но сам процесс их проведения развивался по-разному в городах, сельских и приграничных районах. Эти местные особенности, как и личности сталинских палачей, помогают объяснить различия в схемах проведения разного рода чисток в различных районах страны. Прослеживая маршруты сталинских доверенных убийц, можно достаточно глубоко проникнуть в представления Сталина о социально-политической динамике событий в стране. Местные особенности достаточно много говорят о процессе чисток, но их детальное изучение позволяет рассмотреть направляющую руку Сталина во всех его ключевых и поворотных пунктах. В данной главе подчеркнута также значительная роль милиции в осуществлении Большого террора и детально рассмотрены этапы превращения чисток в индустриализованный, бюрократизированный процесс массовых убийств. Процесс бюрократизации чисток в ответ на требования власти об увеличении числа арестов стал важным и необходимым механизмом их проведения, позволившим трансформировать масштабы и интенсивность действия сталинской машины массовых убийств.

Объявленная цель чисток заключалась в очищении страны от преступных и антисоветских классов, но, насколько можно судить по оценкам после их завершения, чистки не привели к достижению поставленной цели. Волна массовых арестов предполагаемых преступников и асоциальных элементов, судя по всему, мало повлияла на уровень уголовной преступности в стране. Данные об уровне преступности и нарушений общественного порядка, содержащиеся в ди-

---

² Ход пленума и принятые постановления см. в сборнике: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 5 томах / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг и Л. Виолы. Т. 5. 1937–1939. Книга 1. 1937. М., 2004. С. 26, 162–168.

рективах конца 1930-х гг., мало отличались от сообщавшихся в начале и середине того десятилетия. Чистки предположительно способствовали очищению советского общества, хотя не совсем понятно, от чего именно. Единственное, что не вызывает сомнений, так это опустошительные последствия Большого террора 1937–1938 гг. для Советского Союза. Бесчеловечное насилие, которому подверг Сталин советское общество, стоило жизни сотням тысяч людей и искалечило жизнь миллионам. Большой террор представляет собой один из крупнейших актов государственного насилия в XX в.

Четырехмесячное промедление

Аресты и чистки в государственном и партийном аппарате продолжались после февральско-мартовского пленума ЦК, причем наиболее заметными явились чистки высшего армейского командования, а также руководства наркоматов, ведавших сельским хозяйством³. Но Сталин и Ежов отложили начало массовых чисток по социальному и национальному признакам до середины лета. Официальное разрешение на этот счет дано только 2 июля, когда Политбюро, очевидно, без долгих обсуждений приняло известное постановление «Об антисоветских элементах», которым был дан старт процессу массовых чисток⁴. Вслед за выходом этого постановления началась подготовка к проведению массовых операций, сопровождавшаяся изданием многочисленных приказов и другими действиями. Уже на следующий день Ежов передал по телеграфу приказ руководителям всех региональных управлений НКВД взять «на учет всех осевших в... области кулаков и уголовников, вернувшихся по отбытии наказания и бежавших из лагерей и ссылок». Всех учтенных кулаков и уголовников следовало подразделить «на две категории: первую – наиболее враждебные элементы, подлежащие аресту и расстрелу в порядке административного проведения их [дел] через тройки; вторую – менее активные, но все же враждебные элементы, подлежащие высылке в районы по указанию НКВД СССР». Составление этих списков само по себе требовало значительных усилий, поскольку в каждом регионе перечни «враждебных элементов» содержали несколько тысяч фамилий. Но Ежов требовал представить эти данные по телеграфу до

---

³ В конце мая были арестованы несколько высокопоставленных офицеров Красной Армии, включая маршала Михаила Тухачевского. Все они были тайно осуждены и расстреляны в июне. В середине апреля один из ближайших советников Сталина, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК А. И. Яковлев поручил НКВД провести аресты руководства наркоматов земледелия и сельского хозяйства. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 29–30.

⁴ Там же. С. 319.

8 июля. При этом составление списков было далеко не единственным мероприятием, которые следовало провести в кратчайшие сроки⁵. Не успели местные власти справиться с составлением списков, как Ежов 16 июля созвал в Москве оперативное совещание начальников УНКВД краевого и областного уровня, которым было дано указание действовать и быстро подготовить подчиненных к оперативным действиям. Им следовало укомплектовать оперативные группы и утвердить состав троек для вынесения приговоров. Любые подобные мероприятия могли растянуться на недели, и некоторые руководители местных управлений запросили разрешения перенести сроки окончания подготовки. Однако Ежов был непреклонен и настаивал на том, чтобы весь аппарат органов НКВД был готов к проведению операций к началу августа.

Таким образом, всего несколько недель отделило принятие постановления Политбюро об антисоветских элементах в начале июля от стремительного развертывания операций против них в конце июля и в августе того года. Но эта внезапная лихорадочная активность развернулась с почти четырехмесячной задержкой от даты завершения февральско-мартовского пленума ЦК партии. Любопытны даты и последовательность указанных событий, в связи с чем возникает ряд вопросов относительно мотивов проведения чисток. Особое недоумение вызывает столь длительная задержка их начала. Как известно, пленум своим решением одобрил предложения Сталина о необходимости масштабных чисток. В таком случае, почему они начались только 4 месяца спустя после? Этот вопрос может показаться имеющим чисто академическое значение, но тем не менее поиск точного ответа на него представляется важным. Существуют разные объяснения указанной задержки, относящиеся к мотивации репрессий и к распределению властных полномочий внутри сталинского режима. Некоторые исследователи утверждают, что Сталин, затеявая массовые чистки, был заложником не им самим выработанной политики и испытывал давление со стороны. В соответствии с этим сценарием Сталин согласился на проведение массовой зачистки общества только под давлением региональных партийных руководителей, которое проявилось во время февральско-мартовского пленума и продолжилось после его завершения. Региональные руководители, согласно этой гипотезе, боялись социального взрыва против их власти со стороны населения, обретшего гражданские права, гарантированные Конституцией 1936 г. Это взрыв мог совпасть по времени с выборами в Верховный Совет, намеченными на декабрь 1937 г. Сталин якобы со-

---

⁵ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 319.

гласился на проведение массовых чисток в обмен на сотрудничество местного руководства при внедрении конституциональных перемен и проведении выборов⁶. Другие же историки полагают, что Сталин намеревался развязать кампанию массовых чисток еще в феврале-марте, но по ряду причин еще колебался. Несмотря на одобрение пленумом предложенной им политики широкомасштабных политических чисток, Сталин еще не был убежден в полной поддержке массовых репрессий против общества не только со стороны всех членов ЦК, но даже внутри Политбюро. В соответствии с такой интерпретацией Сталин маневрировал несколько месяцев после пленума, чтобы подготовить проведение массовых чисток⁷.

Прямых подтверждений в пользу того или иного из приведенных объяснений задержки начала массовых чисток не существует, но есть свидетельства того, что Сталин был твердо намерен развязать их, а приготовления к их началу шли уже весной и в начале лета 1937 г. Эти свидетельства также доказывают, что если местные партийные руководители в своем большинстве поддерживали развертывание кампании массовых репрессий, то сопротивление проведению чисток возникало внутри самого НКВД.

Списки репрессированных и совещание у Ежова

В течение весны и начала лета 1937 г. центральный аппарат НКВД готовился к массовым чисткам советского общества и его правящих институтов. Одним из наиболее важных мероприятий в ряду этих приготовлений, о котором имеются некоторые свидетельские показания, полученные из вторых рук, явилось совещание начальников местных управлений и полномочных представителей НКВД в середине июля 1937 г. Ежов собрал это совещание в Москве всего за несколько недель до запланированного начала операций. Во время совещания Ежов заявил его участникам, что предыдущий нарком внутренних дел Ягода, разоблаченный как шпион и диверсант, мало делал для обеспечения безопасности государства и его руководителей и фактически допустил наводнение врагами органов безопасности и страны в целом. Ежов предупредил собравшихся о том, что подготовка к очистке общества от врагов идет полным ходом, и что начальники местных управлений обязаны подготовить подчиненных к развертыванию широкомасштабных операций. Затем Ежов зачи-

---

⁶ J. Arch Getty. 'Excesses Are Not Permitted': Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. № 61. January 2002. P. 126.

⁷ Этот аргумент выдвигает В. П. Данилов в сборнике: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 28.

тал примерное количество людей, подлежащих арестам по каждой республике, области и району. По рассказам одного из участников совещания, начальника Ивановского областного управления НКВД В. А. Стырне, «когда Ежов закончил свое выступление, в зале воцарилась мертвая тишина. Все застыли на своих местах, не зная, как реагировать на подобные предложения...». После того как Ежов закончил зачитывать контрольные цифры, с протестом выступил начальник Омского областного управления НКВД Э. П. Салынь, назвавший невысказанным предположением о наличии столь большого числа врагов в его области. В любом случае, по мнению Салыня, недопустимо объявлять, сколько людей следует арестовать и расстрелять, без всякого предварительного расследования. Ежов отреагировал на заявление Салыня взрывом негодования, сопровождаемого визгливым криком и размахиванием руками. Он заявил, что Салынь – первый враг из Омска, с которого должна быть сорвана маска, и тут же приказал охранникам арестовать начальника Омского УНКВД.

Эту, впрочем, не совсем достоверную историю Стырне якобы пересказал тогдашнему начальнику Ивановского областного управления милиции Михаилу Шрейдеру, который воспроизвел ее в своих мемуарах⁸. Но, как и во многих других деталях своих воспоминаний, Шрейдер искажил некоторые факты. Он пишет, что это совещание происходило где-то в апреле, хотя известно, что оно состоялось 16 июля. Рассказ Шрейдера об аресте Салыня также не совсем точен. На самом деле Салынь оставался на своем посту начальника управления НКВД по Омской области до августа 1937 г., когда он был наконец арестован⁹. Кто-то из этих двоих, Стырне или Шрейдер, излишне драматизировал случай с арестом Салыня, а сам Шрейдер в своих воспоминаниях искажил хронологию событий на несколько месяцев. Но, невзирая на все эти неточности, общий тон описания Шрейдером июльского совещания представляется верным, по крайней мере, в его части, касающейся удивления и возражений, вызванных заявлениями Ежова у некоторых руководителей региональных управлений НКВД. По меньшей мере еще четверо участников совещания усомнились в необходимости массовых чисток, аргументируя свои точки зрения тем, что при столь торопливой подготовке могут необоснованно пострадать многие невинные люди. Все сомневавшиеся были, подобно начальнику Омского УНКВД, жестоко раскритикованы Ежовым и впоследствии также арестованы. По сообщениям некоторых свидетелей, Ежов гневно распекал подчиненных и угрожал тем из них, кто

---

⁸ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 41–42.

⁹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 374.

проявлял, как ему казалось, «оперативную инертность» и не демонстрировал должного усердия в выискивании врагов¹⁰.

Изумление руководящих работников НКВД заявлениями Ежова было вполне объяснимым, поскольку его призывы к массовым социальным чисткам противоречили тону прежних высказываний Ежова и Сталина и политическому курсу, намеченному всего несколькими месяцами ранее пленумом ЦК. Предполагалось, что ГУГБ больше не должно принимать участия в массовых операциях против гражданского населения, то есть продолжать политику дискредитированного Ягоды. Теперь же Ежов приказывал подчиненным готовиться именно к подобным операциям, причем беспрецедентным по своим масштабам. Также собравшимся на совещание казалось совершенно абсурдным и наносящим ущерб их профессионализму предположение о том, что они не увидели такого большого количества врагов и позволили им сеять хаос и саботаж в стране. Начальники региональных управлений НКВД безусловно еще до июльского совещания знали о грядущих чистках антисоветских элементов из Постановления Политбюро от 2 июля, а они сами уже составили запрошенные списки кулаков и других социально-опасных элементов до вызова в Москву. Ежов пользовался данными из этих списков, когда сводил вместе зачитывавшиеся на оперативном совещании контрольные цифры. Тем не менее, по крайней мере, некоторым участникам совещания все еще казалось, что чистки не примут столь грандиозных масштабов, о которых говорил Ежов. В действительности же Ежов предупредил подчиненных, что зачитанные им цифры не являются окончательными, а категории лиц, подлежащих зачистке, должны быть расширены и включать, наряду с кулаками и уголовниками, также харбинцев, поляков, немцев и членов, как он выразился, «кулацко-белогвардейских группировок» в партии и советском управленческом аппарате. Он также предупредил подчиненных о необходимости быть готовыми к более масштабным чисткам¹¹.

Возражения, с которыми столкнулся Ежов во время июльского совещания, было не единственным случаем неповиновения подчиненных. Еще до оперативного совещания начальники, по крайней мере, семи управлений НКВД в ответ на приказания Ежова о составлении списков врагов попросили увеличить установленный им пятидневный срок их представления. Начальник управления НКВД по Татарской АССР запросил переноса этого срока на целый месяц. Другие начальники управлений отмечали предварительный харак-

---

¹⁰ Jansen and Petrov. Stalin's Loyal Executioner... P. 82–86; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 33, 602–603.

¹¹ Там же. С. 603.

тер представленных списков¹². Подобные проволоочки в исполнении прямых и безотлагательных указаний руководства были необычным явлением в практике работы НКВД и могли служить признаком нежелания исполнять требования Ежова. Насколько сильным было сопротивление началу массовых чисток внутри ведомства остается неясным. Многие начальники управлений, напротив, с энтузиазмом откликнулись на призывы Ежова. Тем не менее это сопротивление, причем достаточно сильное, определенно имело место, о чем свидетельствует обращение Ежова 10 июля в ЦК с предложением о немедленном снятии с занимаемых постов начальников 13 региональных управлений НКВД. К списку начальников, подлежащих увольнению, Ежов не приложил никакой пояснительной записки, но дата его обращения в ЦК сама по себе говорит о многом. Он отправил его через два дня после истечения сроков представления запрошенных им списков и менее чем за неделю до проведения оперативного совещания в Москве. Учитывая это и ту суматоху, в которой происходили приготовления к началу чисток, предложения Ежова о наложении дисциплинарных взысканий на начальников управлений вероятнее всего связаны с их нежеланием или неспособностью исполнить его приказания, отданные 3 июля¹³.

Угрозами или увольнениями Ежову удалось справиться с сопротивлением подчиненных. Тем временем процесс составления списков продвигался вперед под тщательным надзором со стороны Сталина и Ежова. Сталин, действовавший через Ежова, правил списки, представлявшиеся из регионов, увеличивая или сокращая число людей, намеченных к расстрелу. Сталин и Ежов подняли лимиты расстрелов для 17 и снизили для 19 регионов, оставив на прежнем уровне в 4 случаях. Они же правили списки по второй категории, включавшие людей, подлежащих отправке в заключение или в ссылку. Здесь они подняли лимиты для 18 и снизили для 22 регионов. В общей сложности число намеченных к репрессиям решением Политбюро от 11 июля 1937 г. составило до 187 тыс., то есть примерно на 20 тыс. меньше суммарной заявки 40 регионов страны¹⁴. Какими стратегическими соображениями руководствовались Сталин и Ежов, редактируя списки репрессированных, остается неясным. Можно предположить, что Ежов и центральный аппарат НКВД уже располагали ориентировочными цифрами до получения списков с мест, несмотря на то, что

---

¹² Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 33.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Оп. 1156. Л. 21–23. Список снятых с должностей начальников УНКВД см.: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 34.

¹⁴ Getty. 'Excesses Are Not Permitted'... P. 127–128; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 35.

инициатива в установлении лимитов репрессированных была отдана начальникам местных управлений. Это неудивительно, имея в виду централизованную организацию картотек НКВД. С их помощью центральный аппарат НКВД имел возможность составлять собственные списки, чтобы контролировать местную инициативу. Не приходится сомневаться в том, что Сталин имел также собственные соображения относительно распределения по стране групп населения, представлявших, по его мнению, наибольшую опасность для власти¹⁵. Так или иначе, но Сталин и Ежов пристально следили за цифрами, предлагавшимися начальниками региональных управлений.

Ранние предвестники репрессий

Помимо составления списков, массовые чистки подобных масштабов требовали серьезной организационной подготовки, и имеются признаки того, что она началась в органах НКВД уже весной. В рамках организационных преобразований в целях предстоящих чисток прошла реорганизация оперативных служб. Дело в том, что при всей своей кажущейся вездесущности региональные органы НКВД не были должным образом укомплектованы для решения поставленных перед ними задач. Например, в Западной Сибири на 124 района края приходилось всего от 600 до 700 сотрудников госбезопасности¹⁶. В таких городах, как Новосибирск или Томск, концентрация сотрудников НКВД была выше, чем в прилегающих районах, но в целом плотность оперативного состава оставалась на уровне середины 1930-х гг., составляя в среднем по 3–4 сотрудника на район. При такой численности оперативники едва справлялись с повседневными обязанностями, не говоря уже об экстраординарных задачах. Административное руководство работой десятков, если не сотен, районных отделов НКВД со стороны областных управлений отличалось медлительностью и неповоротливостью. С целью кадрового укрепления местных органов и совершенствования управления предстоящими чистками Ежов приказал разбить все города и области на пересекающиеся между собой оперативные сектора, состоящие из нескольких районов. Командующими секторами назначались старшие офицеры госбезопасности в звании майора или капитана или, в крайнем случае, лейтенанта; в их подчинение были переданы несколько сотрудников. Во многих областях и городах ру-

---

¹⁵ Гетти доказывает, что это сокращение числа лиц, подлежащих арестам, отражало попытки Сталина противостоять давлению со стороны местных руководителей, настаивавших на чистках. Getty. 'Excesses Are Not Permitted'... P. 128.

¹⁶ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах. 1997. № 21. С. 241.

ководство секторами было поручено начальникам отделов милиции, чаще всего отделов уголовного розыска¹⁷.

Многие из этих оперативных секторов были сформированы в лихорадочном темпе в ходе подготовки к чисткам, проходившей в июле 1937 г., но в отдаленных регионах страны НКВД создало такие сектора уже в конце апреля – начале мая. Руководство Прокуратуры СССР 11 мая обсуждало вопрос о том, как следует реагировать на эти изменения в структуре органов НКВД, чтобы местные прокуратуры имели возможность надирать за вновь сформированными оперативными секторами. В ходе обсуждения выяснилось, что штабы оперативных секторов размещались в крупных городах, и было решено, что каждый сектор должен подпадать под юрисдикцию прокуратуры того города, в котором размещен его штаб. Эта реформа была настолько масштабной, что прокуратура решила вместо того, чтобы отвечать на индивидуальные обращения с мест, разослать общую директиву во все областные прокуратуры, касающуюся необходимых изменений¹⁸.

Межрегиональные оперативные сектора в отдаленных или крупных частях страны существовали еще в начале 1930-х гг. Эти сектора, однако, были отменены в 1935 г. после реформирования административно-территориального устройства страны, когда крупные территориальные единицы были разбиты на более мелкие регионы. Для приведения структуры своих органов в соответствие с измененным административно-территориальным делением страны и во избежание дублирования НКВД ликвидировал оперативные сектора, заменив их вновь сформированными региональными управлениями¹⁹. Восстановление этих секторов в конце апреля – начале мая 1937 г. не было связано с какими-либо административными реформами. Оно носило временный характер, не представляя собой постоянной структурной реорганизации органов НКВД. Эти изменения, вероятнее всего, были частью своего рода приготовлений Ежова к массовым операциям. Оперативный состав каждого сектора был сформирован из офицеров областного управления и сотрудников НКВД, приписанных ко всем включенным в сектор районам. Им в помощь были выделены дополнительные кадры из числа выпускников учебных заведений НКВД, партийных и комсомольских школ. В высших и средних учебных заведениях НКВД состоялись

---

¹⁷ Таким образом, милиция с самого начала была глубоко вовлечена в чистки. В. А. Иванов отмечает активную роль ленинградской милиции в чистках в докладе «Операция НКВД СССР по приказу № 00447 против уголовников в Ленинградской области», представленном на конференции «Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447». Москва, 12–15 октября 2006 г.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 83. Л. 43–44.

¹⁹ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД... С. 37–38.

ускоренные выпуски курсантов, которые были назначены в оперативные подразделения²⁰.

О приближении определенных массовых акций сигнализировали и некоторые другие признаки, наблюдавшиеся весной и ранним летом того года. В апреле Политбюро приняло решение о создании постоянной комиссии «в целях подготовки..., а в случае особой срочности – и для разрешения – вопросов секретного характера... в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова». По мнению историка Виктора Данилова, создание этой комиссии дало в руки Сталина и его ближайшего окружения инструмент для расширения массовых чисток в обход формального утверждения соответствующих решений всем составом Политбюро²¹. Еще одним решением, принятым также в апреле 1937 г., Политбюро расширило полномочия особого совещания при НКВД, передав ему функции специальных милицейских органов вынесения приговоров, известных как милицейские тройки. Эти органы, созданные в мае 1935 г., имели право во внесудебном порядке высылать, депортировать или заключать в тюрьмы социально-опасные элементы. Хотя милицейские тройки продолжали действовать в 1937 г., в апреле Политбюро вынесло решение, по которому борьба с социально-опасными элементами была передана под непосредственный контроль органов госбезопасности наряду с расширением их полномочий в части репрессирования лиц, заподозренных в шпионаже, вредительстве и диверсионной работе. Это решение все еще ограничивало внесудебные приговоры этих групп тюремным заключением или ссылкой на срок от 5 до 8 лет, но стало грозным сигналом того, что политика в отношении маргинальных групп теперь открыто связывалась с борьбой с теми, кто, как считалось, представлял прямую угрозу государству. Интересно также отметить, что на основании этого решения для ссылки было достаточно подозрения в подрывной деятельности. Тройки не обязаны были доказывать, что лицо, приговоренное к ссылке, действительно нарушило закон. Достаточно было лишь в письменном виде изложить, в чем оно подозревается. Это решение стало еще одной в серии предварительных мер, которым предстояло в ближайшие недели и месяцы перерасти в массовые репрессивные операции²².

НКВД, получив новые полномочия, действовал быстро, организуя кампании против различных групп населения. В кон-

---

²⁰ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 248, 256. См. также: Речь Ежова в марте 1937 года перед группой комсомольских активистов, недавно мобилизованных на службу в НКВД // Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 569–582.

²¹ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 28.

²² РГАНИ. Ф. 89. Оп.73. Д. 10. Л. 35–36.

це мая Политбюро утвердило план Ежова по высылке из Москвы, Ленинграда и Киева бывших оппозиционеров и лиц, исключенных из партии, вместе с их родственниками. Только в Москве составленный Ежовым список людей, подлежащих высылке, содержал более 6 тыс. человек, из которых 1160 не имели «определенного места работы». Последняя формулировка, появившаяся в проекте оперативного плана Ежова, стала зловещим предзнаменованием последующей привязки маргинальных слоев населения к угрозам мятежей против власти. Ежов написал, что эти люди представляют собой существенную базу поддержки вражеских сил, работающих против советской власти. В июне, когда операция по высылке указанных лиц уже началась, перечень городов, подлежащих зачистке, был расширен, и в него были включены курортный город Сочи, где отдыхала партийная элита, а также промышленные центры Таганрог и Ростов-на-Дону²³. В конце мая и в июне были проведены операции по очистке железных дорог от деклассированных элементов. Получив соответствующую информацию во время совещания руководителей местных прокуратур, проходившего 19 июня, Вышинский распорядился направить Ежову письмо, в котором выражалась поддержка возобновлению кампании против т. н. «*тридцатипятников*»*.²⁴

О подготовке милиции к чрезвычайным действиям свидетельствует также инцидент, произошедший в июне того года в Москве, где начальник управления милиции А. П. Панов, не предупредив Вышинского и без согласования с прокуратурой, направил руководителям подчиненных ему управлений и отделов инструкцию, разрешающую отступать от обычных процедур арестов. Эти отступления, в частности, касались необязательности получения санкции прокурора на арест. Вышинский отреагировал на это, приказав прокурору Москвы внести протест и заблокировать введение нового порядка арестов. Сложно представить, что начальник издал эти инструкции по собственной инициативе. Скорее всего он действовал по приказу сверху. Осталось неясным, была ли Москва единственным городом, где появились подобные инструкции, но очевидно, что подобные приказы могли появиться в связи подготовкой к крупным операциям. В любом случае эта инструкция стала прообразом другого приказа, имевшего более широкую область распространения и появившегося в ходе подготовки к массовым чисткам всего месяц спустя.

---

²³ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. Собрание документов: в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 311.

* «Тридцатипятники» – осужденные по 35 статье УК 1926 г. за воровство. – *Примеч. пер.*

²⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 83. Л. 70.

Московский же инцидент остался любопытным случаем, произошедшим в самый канун Большого террора²⁵.

Работа по подготовке к массовым операциям шла и на местах. Ежов разослал начальникам областных и краевых управлений НКВД директиву о составлении списков 3 июля 1937 г. По словам заместителя начальника Западносибирского краевого управления НКВД П. А. Егорова, «эта директива обязывала нас составить списки на весь контрреволюционный элемент из социально-чуждой среды и весь уголовный рецидив»²⁶. Оперативный отдел управления подготовил доклад, основанный на оперативных материалах, милицейских сообщениях, данных из паспортных и других картотек, о враждебных и других антисоветских элементах, живших и работавших в то время в крае. В докладе утверждалось, что эти элементы проникли, наводнив их, в такие важнейшие инфраструктурные объекты, как Томская железная дорога, другие сети железнодорожного, речного и автодорожного транспорта, зернохранилища, сельские, районные и деревенские органы управления. Однако еще до этого, в июне районные отделы НКВД уже представляли в краевое управление справки о числе вражеских элементов и их подрывной деятельности. Эти справки были выдержаны в том же тоне и терминологии, что и обобщенная докладная записка, представленная в середине июня секретарю крайкома партии Р. Эйхе начальником краевого управления НКВД Мироновым. Если верить этим документам, то враги и заговорщики, готовившие мятежи, были повсюду, а край буквально кишел антисоветскими элементами²⁷.

Таким образом, имелись все признаки того, что в середине июня руководящие работники НКВД в Западной Сибири уже готовились к массовым чисткам и составляли списки лиц, подлежащих репрессиям. Все же Эйхе считал необходимым проинформировать о предстоящих действиях местный партийный актив. Многие местные чиновники уже могли знать о них по ходившим среди них слухам, но Эйхе посчитал необходимым предупредить их, что чистки, наряду с уголовниками, ссыльными и другими маргинальными элементами,

---

²⁵ Там же. Л. 71.

²⁶ Егоров написал обращение в 1938 г. после своего ареста в ходе проводившихся Берией чисток НКВД после смещения Ежова. См. его письмо: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 6329. Л. 12–16. Оно также приведено в книге: Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995. С. 95; История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 313–325.

²⁷ Доклады ГУГБ за весну и лето 1937 г., касающиеся Томской и других железных дорог, содержатся в секретной части архива Западно-Сибирского краевого комитета партии. ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 8 и Ф. 4. Оп. 34. Д. 12. Доклады, касающиеся региона в целом см.: там же. Д. 22.

затронут также крестьян, и в частности колхозников. Объяснить это было совсем непросто, учитывая, что колхозники по определению считались лояльными советскими гражданами, а массовые чистки в крестьянской среде прямо противоречили политике, проводившейся властями в течение нескольких предыдущих лет. Действительно, после свертывания раскулачивания репрессии в деревне были преимущественно направлены против местных руководителей низшего звена, а не против рядовых крестьян. В середине 1930-х гг. вся тяжесть вины за аграрные проблемы в стране и неудовлетворительную работу колхозной системы была возложена властями на председателей колхозов, председателей сельских советов и других управленцев на местах. В период 1934–1937 гг. на эту группу обрушились суровые репрессии, вылившиеся почти в миллион арестов. В то же время власти старались завлечь крестьян в колхозы посредством смягчения политики, нацеленной на стабилизацию положения в деревне. Массовые чистки среди крестьян означали крутой поворот этой политики, и Эйхе пришлось искать слова для его обоснования. Колхозники были вновь переименованы в крестьян, среди которых следовало отыскивать и репрессировать кулаков.

Эйхе не стал рассылать по районам директивы, разъясняющие такой разворот, а предпочел направлять специальных уполномоченных крайкома партии. Как и в ходе предыдущих сельских кампаний, одним из таких уполномоченных, посланных Эйхе в сельские районы, был его любимый партийный «цепной пес», заместитель краевого прокурора Поздняков. Тот уже объехал в январе 1937 г. несколько районов края, оценивая в них обстановку и предупреждая местных руководителей о необходимости усиления бдительности. Как и прежде в январе, так и теперь в июне, Поздняков ругал сельских руководителей за приверженность ошибочным настроениям об окончательном разгроме классового врага и вновь убеждал их в необходимости проявления сверхбдительности в отношении повсеместно скрывающихся врагов. Однако его терминология по крайней мере в одном смысле заметно отличалась от того языка, на котором он изъяснялся ранее. Если в январе Поздняков обтекаемо рассуждал об «антисоветских элементах», то в июне он уже, образно говоря, брал быка за рога, прямо указывая на источники опасности для социалистической деревни. Он заявил, что «антисоветски ... верить, что крестьяне не могут быть вредителями», открыто давая понять, что пора репрессий только против сельских руководителей закончилась, и снова предстоят масштабные чистки крестьянства. Докладывая о результатах своей поездки Эйхе, Поздняков привел многочисленные примеры разоблаченных им «крестьян-кулаков», занимающихся антисоветской агитацией или открытым саботажем. Для Позднякова и других партийных работников высшего звена Западной Сибири со-

циалистический статус колхозника или рабочего совхоза перестал быть защитой для крестьянина. Неожиданно оказалось, что сельская местность буквально наводнена крестьянами-кулаками, от которых ее следовало очистить²⁸.

Июльский пленум

Отчеты уполномоченных, подобные тому, что представил Поздняков, подкрепили предостережения, содержащиеся в справках райотделов НКВД и обобщенных Мироновым в докладной записке о возможных мятежах в крае июня 1937 г. Фактически записка Миронова сыграла ключевую роль в развитии процесса, приведшего в конечном итоге к изданию оперативного приказа НКВД № 00447. Основываясь на его информации, Эйхе телеграфировал в ЦК о заметном присутствии в крае мятежного кулацкого населения и других антисоветских элементов и повторил это в своем выступлении на июньском пленуме ЦК. Стенограмма первых нескольких заседаний этого пленума, проходившего 23–29 июня 1937 г., не велась. Тем не менее существуют фрагментарные свидетельства, согласно которым выступление Эйхе о положении в Западной Сибири сыграло заметную роль в обосновании необходимости массовых репрессий²⁹. Доклад Ежова на пленуме также содержал ссылки на ситуацию в Западной Сибири и был выдержан в тех же тонах, что и записка Миронова. Ежов утверждал, что край находится в предмятежном состоянии, когда главные диверсионные организации объединились с «партизанско-бунтарскими кадрами спецпереселенцев», составив потенциально опасную контрреволюционную силу. Подрывная организация, о которой рассуждал Ежов, представляла, по его мнению, порождение вездесущего РОВС, о котором предупреждал Миронов. Интересно отметить, что в докладе Ежова перечислялись 12 основных направлений контрреволюционной деятельности, 10 из которых касались подпольных групп, действовавших в партийных, государственных и военных организациях, и только 2 относились к массовым проявлениям мятежных настроений, причем именно в Западной Сибири и Оренбургской области. Что касается последней, Ежов высказал предположение о готовящемся восстании против советской власти многочисленного оренбургского казачества³⁰. ~

---

²⁸ Январский отчет Позднякова см.: ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 810. Л. 15–27; его же июньский отчет: ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 233. Л. 16–17.

²⁹ Ссылку на выступление Эйхе см.: Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 23–24.

³⁰ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 306.

Изучение упомянутых 12 пунктов доклада Ежова заставляет усомниться в обоснованности аргумента о том, что Сталин развязал массовые репрессии против общества под давлением местных партийных руководителей³¹. Напротив, выступление Эйхе и доклад Ежова скорее свидетельствуют, что Сталин, как обычно, тщательно подготовил сценарий проведения пленума ради достижения собственных целей. Характеристики ситуации в Западной Сибири и Оренбурге стали для Сталина поводом для обоснования чисток и начала кампании массовых социальных репрессий. Основываясь на телеграмме и последующем выступлении Эйхе, Политбюро ЦК 28 июня официально признало наличие в Западной Сибири угрозы со стороны «контрреволюционной подрывной организации», состоящей из ссыльных и кулаков. Принятое решение Политбюро требовало применения расстрела ко всем активистам подобных организаций. С целью ускоренного рассмотрения во внесудебном порядке дел в отношении этих активистов Политбюро также утвердило создание специального органа – тройки в составе Эйхе, краевого прокурора Баркова и Миронова³². Эта тройка стала первой среди таких органов, создававшихся позднее, и послужила моделью для них. Несколько дней спустя, а именно 2 июля, Политбюро утвердило текст письма, разосланного всем руководителям республиканских, краевых и областных партийных организаций и посвященного проблеме борьбы с антисоветскими элементами. Письмо предписывало создание во всех автономных республиках, краях и областях страны троек по образцу и подобию той, что была организована в Западной Сибири. Эти тройки создавались по той же схеме и состояли из первого секретаря комитета партии, главного прокурора и начальника управления НКВД области или края³³.

Использование Западной Сибири в качестве повода для начала массовых чисток и модели их проведения было вполне в духе предыдущей практики Сталина. В 1928 г. он воспользовался сопротивлением крестьян хлебозаготовкам в Западной Сибири в качестве предлога для внедрения политики насильственного отбора зерна, что достаточно быстро привело к развязыванию кровавых кампаний раскулачивания и коллективизации. В 1930 г. Сталин назначил Роберта Эйхе первым секретарем Западно-Сибирского краевого комитета партии, и тот зарекомендовал себя доверенным членом сталинской

---

³¹ Это главный аргумент, выдвинутый Гетти: Getty. 'Excesses Are Not Permitted'...

³² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 48. Л. 31.

³³ Постановление Политбюро воспроизведено в книге: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 78–79.

элиты. Эйхе был безжалостен, и Сталин неоднократно прибегал к его услугам, когда ему требовалась помощь в выработке и проведении жестокой репрессивной политики³⁴. Осенью 1934 г. в ответ на продолжавшееся крестьянское сопротивление в крае, Эйхе запросил в Политбюро разрешения учредить специальные тройки, чтобы приговорить к расстрелу некоторое число сопротивлявшихся в назидание остальному населению³⁵. Сценарий, разыгранный в июне 1937 г., во многом напоминал тот, что был реализован в октябре 1934 г., с тем лишь отличием, что в 1934 г. Сталин ограничил деятельность троек и вынесение внесудебных приговоров всего несколькими регионами страны, включая Западную Сибирь и Дальний Восток, и коротким промежутком времени, поэтому через тройки прошло значительно меньше дел. Тогда ему требовались лишь наглядные примеры, чтобы подавить спорадическое, спонтанное сопротивление политике власти. Но в 1937 г. Сталин был убежден или сумел убедить себя и партию в том, что страна стоит на пороге возможного восстания, что оправдало и требовало широкого применения жестоких репрессий.

Постановление Политбюро от 2 июля отдало местным властям всего 5 дней на подготовку списков лиц для репрессирования. Такой срок полностью исключал проведение каких-либо следственных действий в их отношении. Центр вполне определенно ожидал, что на местах эти списки будут сформированы просто по определенным категориям граждан и с использованием имен и фамилий, взятых непосредственно из картотек НКВД³⁶. Вероятно, руководство НКВД уже располагало собственными списками, составленными по централизованным картотекам, и дополняло их данными с мест. Как бы то ни было, процесс составления списков происходил спешно, небрежно, в свойственной НКВД манере, без должного внимания к точности включаемых в них данных. Это было неизбежно при проведении репрессий по категориям, списками.

В Западной Сибири, как и в остальных частях страны, приказ Ежова от 3 июля повлек за собой взрыв лихорадочной активности. Хотя краевые власти уже располагали сведениями, поступившими ранее из районов края, времени у них было мало. Руководители краевого управления НКВД экспроприировали отдельное здание в цен-

---

³⁴ Об Эйхе см.: Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории, 2001. № 1. С. 70–88.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 88.

³⁶ Именно так действовали сотрудники НКВД в Западной Сибири, по словам начальника секретно-политического отдела К. К. Пастаногова. Тепляков А. Г. Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» 1937–1938 гг. Доклад на конференции «Сталинизм в советской провинции. Массовая операция на основе приказа № 00447». Москва, 12–15 октября 2006. С. 4.

тре Новосибирска для того, чтобы использовать его в качестве специального помещения для сверки списков. Сотрудники управления доставили туда регистрационные картотеки и получили разрешение краевого комитета партии мобилизовать себе в помощь курсантов училища НКВД и комсомольских активистов. Им был поручен просмотр картотек и регистрационных данных ссыльных, известных уголовников, бывших заключенных и других лиц, попадавших под категорию социально-опасных, и отбор из них кандидатов для включения в списки. К 8 июля Миронов уже представил Эйхе подробный перечень «врагов», якобы просочившихся в учреждения краевой системы заготовок и переработки зерна³⁷. Миронов принял участие в совещании 16–17 июля в Москве и вернулся в Новосибирск, чтобы 25 июля провести совещание со своими собственными подчиненными. Во время этого совещания он ознакомил руководящих сотрудников краевого управления с проектом приказа, вскоре ставшего известным как оперативный приказ № 00447, и сообщил, что сам приказ находится на окончательной стадии утверждения в «руководящих органах», подразумевая под ними Политбюро ЦК. Он также информировал подчиненных о квотах репрессируемых по каждой из двух категорий, установленных для края, и проинструктировал о том, как следует оформлять дела и приговоры арестованным в упрощенном порядке. Миронов объявил, что вскоре последуют соответствующие оперативные распоряжения, а все подразделения управления должны быть готовы к немедленному началу операций³⁸.

Оперативный приказ № 00447

31 июля 1937 г. Ежов с одобрения Политбюро издал оперативный приказ № 00447, ответственность за исполнение которого была возложена на его заместителя М. П. Фриновского. Приказ предписывал начать операции в период между 5 и 15 августа и завершить их в течение 4 месяцев. В приказе содержались установленные для всех союзных республик и входящих в них областей, краев и автономных образований контрольные цифры репрессий по категориям I и II. Суммарное число лиц, которых предстояло арестовать по стране в целом, составило 259 450 человек. Из них 72 950 подлежали репрессиям по категории I, то есть расстрелу. Как уже отмечалось выше, этим приказом был утвержден состав троек для всех автономий.

---

³⁷ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 4. Л. 51–64.

³⁸ Выдержки из выступления Миронова опубликованы в книге: Юнге М., Биллер Р. Как террор стал «большим»... С. 81–83. См. также: Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... С. 129.

краев и областей, которым были предоставлены экстраординарные полномочия в вынесении приговоров арестованным. Политбюро разрешало время от времени и в ограниченных масштабах использовать тройки еще в начале 1930-х гг., но впервые со времен раскулачивания и коллективизации этим административным органам были предоставлены столь необъятные полномочия в масштабах всей страны³⁹. Тройкам было предписано действовать быстро и выносить приговоры на основе минимума информации, содержащейся в ордерах на арест и обвинительных заключениях. В условиях подобной спешки оперативным сотрудникам НКВД было приказано не заботиться о соблюдении процессуальных тонкостей вроде допросов свидетелей и даже самих обвиняемых⁴⁰. Ежов лишний раз подчеркнул значение операций, потребовав, чтобы начальники управлений НКВД каждые пять дней подробно докладывали ему по телеграфу о ходе их проведения. Органы госбезопасности были обязаны обращать особое внимание на соблюдение секретности, чтобы не допустить бегства контингента, подлежащего арестам, или формирования банд сопротивления.

Секретность была важна как в связи со спецификой проводимых операций, так и из более общих соображений. Например, Ежов подчеркивал необходимость соблюдения особой секретности при исполнении расстрельных приговоров, особенно в части времени и мест казней⁴¹. Во время оперативного совещания в Новосибирске 25 июля Миронов также обратил внимание подчиненных на этот аспект операций. Инструктируя подчиненных, он настаивал на том, что руководители операций обязаны правильно подыскивать мало заметные места для казней. Места казней, как и места захоронения трупов должны быть совершенно секретными. После исполнения приговоров могилы казненных следовало как можно тщательнее сравнивать с землей, чтобы они, по словам Миронова, не становились «для контриков, для церковников местами религиозного фанатизма». В более общем плане Миронов настаивал на сохранении в строгой тайне количества людей, подвергшихся репрессиям. Для того чтобы его сотрудники прочувствовали масштабы и значение операций, он ознакомил их со спущенными в край квотами на аресты, предварительно заявив: «Когда я буду знакомить Вас с планом по краю в целом, то всякие цифры, о которых Вы услышите, по мере возможности должны в Вашей голове умереть, а кому это удастся, он должен эти цифры

---

³⁹ Милицейские тройки, рассматривавшие дела о нарушениях паспортного режима, действовали начиная с 1935 г., но имели право приговаривать нарушителей только к заключению в лагерь на срок до 5 лет.

⁴⁰ Инструкции Миронова оперативным сотрудникам НКВД см.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 82.

⁴¹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 274.

из головы выкинуть, кому же это не удастся, он должен совершить над собой насилие и все-таки их из головы выкинуть, потому что малейшее разглашение общей цифры и виновные в этом пойдут под военный трибунал». В конце совещания Миронов еще раз напомнил сотрудникам о необходимости поддержания секретности всех аспектов операций, чтобы сам НКВД не стал источником сведений для общества о массовых репрессиях⁴².

Подобный уровень секретности далеко выходил за пределы обычной конспирации в практике работы органов госбезопасности. Даже Вышинский призывал подчиненных к молчанию. В секретной директиве, разосланной в августе, главный прокурор СССР предупредил всех прокуроров, включенных в состав троек, о том, что они не должны разглашать информацию об операции даже в разговорах с коллегами и подчиненными в аппарате прокуратуры⁴³. Для Вышинского это предупреждение было совершенно необычным. Возможно, это был первый и, возможно, единственный случай, когда он призывал подчиненных к молчанию. Надзор за деятельностью НКВД представлял собой одну из важнейших задач прокуратуры, причем единственную, всегда обсуждавшуюся открыто. Проблемы методов НКВД, особенно процедуры арестов и количество арестованных, являлись постоянными темами обсуждения на оперативных совещаниях в прокуратуре. Но с началом осени 1937 г., а затем и в январе 1938 г. Вышинский все реже стал допускать подобные обсуждения. Например, на оперативном совещании в январе 1938 г. городской прокурор г. Коканда (Узбекистан) попытался поднять вопрос об отношениях с НКВД, но Вышинский резко оборвал его, не дав даже договорить заготовленную фразу. «Этот вопрос, – лаконично заявил он, – является секретным». После этого краткого обмена репликами председательствующий на совещании быстро прекратил дискуссию и предоставил слово Вышинскому для заключительной речи⁴⁴.

Власти не публиковали количественные данные о кампаниях репрессий, но в то же время они и не стремились скрыть их от общества. Даже напротив, важной частью массовых чисток 1937–1938 гг. стали репортажи о показательных процессах против обвиненных в контрреволюционной деятельности, начиная с сенсационных московских процессов бывших большевистских лидеров и заканчивая публичными процессами, проходившими практически во всех краях и областях страны. Эти показательные судебные процессы преследовали воспитательные цели и придавали репрессиям видимость законности.

---

⁴² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 81, 83.

⁴³ Воспроизведено там же. С. 98–99.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 15. Д. 3. Л. 107.

Сотрудники ЦК партии рассылали на места точные инструкции, касавшиеся числа таких процессов и характера обвинений, предъявляемых подсудимым. Инструкции напоминали местным руководителям о необходимости широкого освещения этих процессов в газетах и обсуждения на собраниях общественности. Совсем иной подход применялся в отношении массовых репрессий. Руководство страны старалось сохранять в тайне масштабы массовых списочных чисток с тем, чтобы по возможности круг лиц, знакомых с этими сведениями, ограничивался руководителями и исполнителями массовых операций.

Причины подобного образа действий не совсем понятны, если не считать очевидной озабоченности режима возможной негативной реакцией общества в случае широкого распространения информации о массовом характере репрессий. Одно дело – открытые суды над широко известными лицами или репортажи в газетах о раскрытых контрреволюционных заговорах и подпольных организациях. О таких организациях можно было говорить публично как об опасных и распространенных, но совсем иное дело, если бы широкая публика узнала о массовых расстрелах граждан, проводимых НКВД. Эту информацию следовало держать в секрете. Безусловно, сам массовый характер репрессий затруднял обеспечение секретности при их проведении, но власти постоянно старались ограничить распространение информации о них, явно руководствуясь при этом политическими, но отнюдь не нравственными соображениями. Члены руководства страны, подобные Молотову или Кагановичу, даже в глубокой старости продолжали оправдывать репрессии, как и многие офицеры и рядовые сотрудники НКВД, выжившие в ходе чисток этого ведомства. Показания ответственных работников НКВД, арестованных после разоблачения массовых чисток, свидетельствовали о том, что они не испытывали угрызений совести и в лучшем случае сожалели лишь о нарушениях некоторых процессуальных норм, которые не всегда соблюдались. Один из сотрудников НКВД, присутствовавший на оперативном совещании, которое проводил Миронов в Новосибирске в июле 1937 г., позднее вспоминал, что все присутствовавшие встретили выступление своего начальника «шумным одобрением». Для всех этих людей наличие опасности в то время было вполне реальным, и они были убеждены, что враги скрываются повсеместно⁴⁵.

Помимо секретности, массовые чистки того времени отличались от предыдущих подобных операций еще одним аспектом. Как со-

---

⁴⁵ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1997. О сожалениях по поводу «процедурных» ошибок см. показания капитана милиции Рудина: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 131. Л. 38. Показания офицеров НКВД, арестованных в 1939 г., см.: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 55763.

обшил Миронов своим подчиненным, при проведении операций в соответствии с приказом № 00447 временно приостанавливалось соблюдение установленных законом процессуальных норм. Не требовались санкции прокуроров на аресты. Миронов приказал руководителям оперативных подразделений знакомить местные прокуратуры только со списками арестованных, причем уже после того, как аресты состоялись. Эти списки должны были содержать минимум информации. Кроме имен и фамилий арестованных, в списках следовало указывать только их принадлежность к кулакам или уголовникам, статьи УК, по которым они обвинялись, и даты арестов. «Это все, что вы должны включать в списки арестованных, передаваемые в прокуратуру», – инструктировал подчиненных Миронов⁴⁶. Еще раз подчеркнув необходимость соблюдения секретности и контроля за распространением информации, Миронов приказал подчиненным составлять списки арестованных только в 4 экземплярах. Первые экземпляры направлялись начальникам районных и городских отделов НКВД всех оперативных секторов края. Начальники оперативных секторов оставляли себе для отчетности вторые экземпляры этих списков. Третья копия направлялась руководителю краевого управления для рассмотрения тройкой, а четвертая копия отсылалась в краевую прокуратуру. Таким образом, сводные списки арестованных имелись только на краевом уровне – в краевом управлении НКВД, в протоколах троек и в краевой прокуратуре. Начальники оперативных секторов располагали только списками лиц, арестованных в их секторе, а начальники райотделов НКВД – только списками лиц, арестованных в их районах.

Все эти процедуры прямо нарушали положения Конституции и давно действовавшего уголовно-процессуального кодекса и делали практически невозможным для прокуроров изучать дела арестованных и опротестовывать решения об их арестах. Проблема заключалась не столько в большом числе арестованных, сколько в отсутствии материалов для изучения прокуратурами, не считая протоколов арестов и списков арестованных. Более того, местные прокуратуры были полностью отстранены от этого процесса, поскольку не получали даже списков арестованных, которые приходили только к краевому прокурору как члену тройки, выносившей приговоры. Таким образом, НКВД организовывал операции так, что не только сам осуществлял репрессии, но делал их полностью защищенными от всякого вмешательства прокуратуры. В самом деле Ежов и начальники управлений НКВД дали ясно понять подчиненным, что их не будут

---

⁴⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 82.

наказывать за возможные нарушения при массовых арестах, а руководство будет смотреть сквозь пальцы на применение при этом упрощенных процедур⁴⁷.

НКВД оправдывал подобные методы интересами государственной безопасности и чрезвычайностью обстановки, а Вышинский покорно согласился с проводимым курсом, который, несомненно, был продиктован Сталиным и никем иным. Конечно, Миронов, как начальник Западно-Сибирского краевого УНКВД обладал немалой властью, но он никогда бы не осмелился самостоятельно пренебречь нормами Конституции и закона в широком масштабе. То же самое можно утверждать и в отношении Ежова, как бы он того ни желал. На протяжении всех 1930-х гг. органы госбезопасности часто арестовывали людей, игнорируя необходимость получения прокурорских санкций, причем как Ежов, так и его предшественник Ягода ничего не делали для того, чтобы остановить подобную практику. С другой стороны, прокуратура нередко возражала против этого, а прокуроры не боялись использовать свою власть для отмены незаконных арестов. Еще в марте 1937 г. Вышинский строго предупредил местных прокуроров об их надзорных обязанностях и необходимости предупреждать нарушения процедурных норм при арестах, особенно попыток их проведения без предварительной санкции прокуратуры⁴⁸. В июне того же года, как уже отмечалось выше, Вышинский вновь резко отреагировал на действия НКВД, на этот раз – на приказ начальника милиции Москвы А. П. Панова, разрешивший нарушение законной процедуры арестов. Вышинский поручил своему заместителю Бомашу опротестовать этот приказ и отменить его как неконституционный и нарушающий процедуры, установленные постановлением от 8 мая 1933 г. о порядке проведения арестов и массовых репрессий⁴⁹.

Вполне вероятно, что этот приказ начальника московской милиции был выпущен в соответствии с подготовкой к массовым чисткам, а если так, то Вышинский тогда еще не был проинформирован об особых условиях, в которых намечалось проведение этих операций. Но вскоре он был введен в курс дела. В августе Вышинский уже инструктировал представителей прокуратуры, которым предстояло заседать в тройках, чтобы те не вмешивались в аресты, проводимые НКВД. «Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются, – писал он. – Решения троек являются окончательными и опротестовыванию не подлежат, за исклю-

⁴⁷ Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 603.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 19. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Оп. 37. Д. 83. Л. 70–71.

чением особых случаев и только самим генеральным прокурором»⁵⁰. Вышинский никогда не боялся бросать вызов Ягоде или Ежову по поводу нарушений закона, допускаясь НКВД, и поэтому такая внезапная смена им позиции произошла по прямому указанию самого Сталина или, что более вероятно, Молотова. Судя по переписке и стенограммам того времени, именно Молотов общался с Вышинским в течение большей части 1937–1938 гг. по вопросам деятельности и полномочий прокуратуры. В любом случае Вышинский больше не возражал против нарушений установленных законом процедур и даже оправдывал чрезвычайные меры, бессовестно ссылаясь на то, что «история сама отменяет устаревшие законы»⁵¹.

Первая фаза: июль 1937 – январь 1938 г.

Как и в начале 1930-х гг., главный удар репрессивной кампании НКВД, по крайней мере, в Западной Сибири, обрушился на так называемых кулаков. К октябрю 1937 г. в крае были арестованы и осуждены особыми тройками НКВД 14 886 кулаков и 5009 лиц с криминальным прошлым, из которых 9843 человека были приговорены к расстрелу, а еще 5568 человек к заключению в трудовые лагеря на срок от 8 до 10 лет⁵². В ходе летней кампании по задержанию кулаков и уголовников было арестовано еще 3480 человек, которые в отчетах НКВД не были отнесены к определенной категории и фигурировали в них просто как «прочие контрреволюционные элементы». Кроме того, параллельно милиция и подразделения ГУТБ задержали еще 3702 человека с неблагоприятным прошлым или так называемых «бывших», включая 74 представителя русских князей, дворян и помещиков, 646 офицеров Белой армии, 400 «бандитов» и бывших служащих царской полиции, 236 купца, 450 священников или простых верующих и 149 членов запрещенной Партии социалистов-революционеров (эсеров). В общей сложности облавы, проведенные НКВД летом и осенью 1937 г. в Западной Сибири, привели к арестам 25 413 кулаков, уголовников и бывших уголовников и других социально-опасных элементов. К 5 октября особые тройки НКВД успели вынести приговоры 19 421 арестованному. 12 876 человек были приговорены к смертной казни, а 6903 человека отправлены в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Только 452 человека отделались более легкими наказаниями в

---

⁵⁰ Цитируется по: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 98. Не совсем понятно, что имел в виду Вышинский под «особыми случаями», но, по крайней мере, один пример этого будет рассмотрен ниже.

⁵¹ Там же. С. 26.

⁵² Подсчитано по карточкам учета. ГАНО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 26. Л. 4, 14.

виде заключения в лагерь на 5 лет, а 134 человека из числа арестованных были оправданы. Дела на 31 человека переданы на рассмотрение обычных судов. К началу октября были приведены в исполнение расстрельные приговоры в отношении 9525 человек.

Приведенные выше цифры содержались в двух отдельных сводках, подготовленных оперативным секретариатом Западно-Сибирского УНКВД для краевого комитета партии. Одна из этих сводок содержала сведения обо всех массовых операциях, проведенных к тому моменту во всех 15 районах края, включая данные о числе арестованных и осужденных по каждому району, а также контрольные цифры арестованных, изначально установленные для каждого района⁵³. Контрольные цифры были приведены с разбивкой по социальным группам кулаков и уголовников, подлежащих арестам и с указанием для каждой группы числа людей, подлежащих осуждению по категориям I и II. Сводка представляла собой таблицу на нескольких листах, содержащую контрольные и фактические цифры арестованных и осужденных по разным категориям кулаков и уголовников по каждому району. Далее общее число осужденных из разных социальных групп разбивалось на группы приговоренных к расстрелу, к заключению в лагерь на 10, 8 и 5 лет. Последняя страница таблицы содержала суммарные данные по краю в целом, дифференцированные аналогичным образом.

Из этой таблицы становится ясным, что первая серия массовых операций, проведенных НКВД в Западной Сибири летом 1937 г., охватила традиционно неблагополучные с точки зрения НКВД и крайкома партии юго-западные части края – Бийский и Сталинский районы, города Барнаул и Томск, угледобывающий Кемеровский район и Мариинский, Каменский и Черепановский районы. Эти места были центрами наиболее сильного сопротивления крестьян коллективизации в начале 1930-х гг. и районами расселения многих бывших ссыльных и кулаков, освободившихся в предыдущие годы этого десятилетия⁵⁴. Кроме того, эти районы в течение 1930-х гг. испытывали большой наплыв мигрантов, в число которых входили рабочие, приезжавшие во вновь созданные промышленные города в поисках работы, и многочисленные представители маргинальных слоев населения, вытесненные на восток в результате паспортизации и введения для них ограничений карточного получения продуктов в западных горо-

---

⁵³ Там же. Оп. 34. Д. 26. Л. 10–14. Задания, скорее всего, установлены по сведениям, представленными сотрудниками местных органов НКВД.

⁵⁴ О сопротивлении сибирских крестьян коллективизации см.: James Hughes. *Stalinism in a Russian Province: Collectivization and Dekulakization in Siberia*. Basingstoke, 1996.

дах Советского Союза. Из аналогичных сводок ранней осени видно, что теперь НКВД нацелил репрессии на Алтай и Нарымский район с преимущественно нерусским населением, а также на промышленные города и поселки Кузбасса. Последние также оказывали сильное сопротивление сталинской аграрной и индустриальной политике и также испытали значительный приток населения в период индустриализации начала 1930-х гг. В целом НКВД считал население Западной Сибири особо опасным.

Одна из главных операций была проведена летом 1937 г. в краевой системе заготовок зерна. В докладной записке Миронова от 8 июля, основанный на информации райотделов НКВД, сообщалось о «крайней засоренности» системы заготовок «классово-вредным и уголовным элементом»⁵⁵. По оценкам Миронова, изучившего состав персонала 30 крупнейших заготовительных центров, на ответственных должностях в них работало от 400 до 500 подобных лиц, не считая 259 человек, уже уволенных с работы и арестованных ранее. Помимо вездесущих ненавистных кулаков, Миронов перечислял и другие опасные группы: белые офицеры, бывшие «лишенцы», бывшие мелкие торговцы и коммерсанты, бывшие заключенные. Интересно отметить, что Миронов относил к подозрительным элементам также политических иммигрантов, работавших в центрах заготовок. В их число входили беженцы из Германии, Польши, стран Прибалтики, Румынии и стран Дальнего Востока, которых Миронов называл *дальневосточниками*⁵⁶.

К своему докладу Миронов приложил список из 218 фамилий, каждая из которых сопровождалась указанием места работы и лаконичным описанием причин, по которым граждане были отнесены к одной из социально-вредных категорий. Например, водитель Каменец барнаульской конторы заготзерна был взят под подозрение как беженец из Румынии. Помощник заведующего конторой Куржанов происходил из кулацкой семьи, и поэтому его следовало считать «неустойчивым элементом». Машинистка Тамара Королева была женой бывшего белого офицера, Л. В. Лившиц, работавший в Зырянском хлебозаготовительном пункте, отбывал пятилетнюю административную высылку из Ленинграда, механик бийской заготовительной конторы Михаил Полковников попал в число подозрительных лиц, поскольку был лишен избирательных прав в 1929 г. В докладе ничего не говорилось о причинах, по которым Полковников лишился этих прав и были ли они ему возвращены в соответствии с новой Конституцией.

---

⁵⁵ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 4. Л. 51–64.

⁵⁶ Там же. Л. 51. Под дальневосточниками могли также пониматься мигранты из азиатских стран.

Многие люди, попавшие в мирановский список, были так называемыми лишенцами или бывшими лишенцами. Среди них также насчитывалось немало уголовников, отбывших сроки заключения, и людей, когда-либо имевших отношение к кулакам. Так, агроном Василий Ключков был включен в список потому, что его отец был кулаком, сосланным в Нарымский край, другие, попавшие в список, были связаны брачными или иными узами с кулацкими семьями.

Как явствует из списка, представленного Мироновым, массовые репрессии 1937–1938 гг., по крайней мере, в Западной Сибири были направлены главным образом против крестьян-«кулаков», хотя массовые репрессивные кампании тех лет представляли собой нечто большее, нежели новое раскулачивание. Первая волна массовых чисток в стране в целом обрушилась преимущественно на уголовников, уже находившихся в заключении, на безработных, на людей, имевших судимости или приводы в милицию и на другие маргинальные слои, которые было проще всего выявлять и отлавливать. К середине августа 1937 г., всего через две недели после выхода приказа № 00447, в 57 областях страны было арестовано почти 200 тыс. человек, из которых в отношении 14 305 человек уже были вынесены приговоры⁵⁷. Как отметили Юнге и Биннер, анализ протоколов арестов этих лиц показывает, что многие из них уже находились в то время в милицейских изоляторах в ожидании суда или были подозреваемыми, чьи дела не могли быть переданы в суд из-за отсутствия достаточных доказательств или были прекращены. «Немало таких дел находилось в архивах уголовного розыска», – пишут Юнге и Биннер. Это подтверждают и мемуары офицера милиции Михаила Шрейдера. Он отмечает, что летом 1937 г. изоляторы его управления милиции буквально ломались от переполнявших их арестованных уголовников. Он вспоминает о том давлении, которое на него оказывалось с началом массовых операций со стороны ГУГБ, которое требовало передать содержавшихся в изоляторах уголовников органам госбезопасности под видом политических террористов и диверсантов. Дела подобных лиц легко проходили через вновь сформированные тройки, которые к концу первой недели августа уже всюду заседали и рассматривали дела арестованных⁵⁸.

Шрейдер утверждает, что он всячески сопротивлялся давлению и не спешил передавать на рассмотрение троек дела милицейских арестантов. В любом случае его воспоминания достаточно точно со-

---

⁵⁷ Реабилитация – как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы, март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 320.

⁵⁸ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 38. Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 46. Шрейдер утверждает, что, по крайней мере, на первых порах пребывания в должности в Иваново, ему удавалось противостоять этому давлению.

впадают с описаниями того, что творилось тогда в других областях. В западном регионе, граничившим с Польшей, оперативные подразделения НКВД к первому августа уже успели арестовать вдвое большее число лиц, подлежащих наказаниям по категории I, по сравнению с выделенными области квотами (2 тыс. против 1 тыс.). Аналогичным образом квота арестованных по первой категории для Омской области в соответствии с приказом № 00447 составляла 1 тыс. человек, но в считанные дни после выхода приказа Омское УНКВД представило список на более чем 3 тыс. человек, подлежащих аресту по этой категории. К середине августа Омское УНКВД арестовало 5444 человека по категории I⁵⁹. Несмотря на это, омская тройка впервые приступила к рассмотрению дел арестованных только 5 или 6 месяцев спустя. Можно предположить, что в Западной и Омской областях многие «аресты», якобы совершенные областными УНКВД во исполнение приказа № 00447, на самом деле представляли собой не более чем бюрократическую операцию по передаче на рассмотрение троек дел, прежде предназначенных для рассмотрения обычными судами, с переквалификацией обычных уголовников в опасных политических преступников.

Массовое вынесение тройками приговоров уголовникам и маргинальным элементам на основе приказа № 00447 не только вело к достижению быстрых результатов, но преследовало и еще одну, не менее важную цель, состоявшую в разгрузке переполненных тюрем для приема в них новых многочисленных арестантов. В 1933 г. ОГПУ и милиция уже сталкивались с подобной проблемой в ходе кампаний социальной защиты, когда Ягода, Сталин и Политбюро прибегли к массовым арестам многочисленных маргиналов, порожденных раскулачиванием. Тогда тюрьмы были также переполнены громадным числом уголовников, обездоленных и прочих мелких правонарушителей, ставших жертвами сталинской аграрной и индустриальной политики. В ходе предварительной подготовки к массовым репрессиям ОГПУ частично разрешило проблему переполнения тюрем путем массового переселения их обитателей во вновь созданные специальные поселения, но многие из них, почти 400 тыс. человек были просто выпущены на свободу. Эти меры позволили высвободить в 1933 г. почти полмиллиона тюремных мест, которые затем были очень быстро заполнены арестованными по законам о паспортах и другим мерам социальной защиты. В 1937 г. политические лидеры страны даже

---

⁵⁹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 128, 130, сноска 121. См. также: Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень, 1999. С. 137.

не рассматривали освобождение заключенных в качестве возможного решения проблемы переполненных тюрем. Еще менее сотрудников НКВД волновала необходимость соблюдения норм уголовно-процессуального кодекса, устанавливающих минимальную площадь тюремных камер на заключенного. Основная проблема в 1937 г. заключалась только в наличии достаточного пространства, в которое можно было бы втиснуть ожидавшийся наплыв арестованных. Летом 1937 г. НКВД решил проблему переполнения тюремных камер простым и жестоким способом, отправив большинство арестованных по приказу № 00447 в лагеря как политически опасных преступников и расстреляв остальных, признанных активными контрреволюционерами. Поражает, насколько различалось обращение с мелкими уголовными преступниками в ходе массовых чисток середины и конца 1930-х гг., что указывало на изменения в отношении власти к маргинальному и криминальному населению страны, и о том, что представляло для нее угрозу в преддверии войны.

К концу сентября и в начале октября 1937 г. ряд областей и краев уже приблизились к установленным для них квотам на аресты. К их числу, безусловно, относились Омская и Западная области, а также Западно-Сибирский край, Оренбург и некоторые другие области. По мере достижения установленных контрольных цифр областные партийные органы и управления НКВД обращались к Центру с просьбами об увеличении лимитов. Эти запросы поступали по нескольким каналам. В некоторых случаях областные, краевые и республиканские комитеты партии обращались в ЦК, что, безусловно, означало направление соответствующих писем одному Сталину или Сталину и Молотову. В других случаях начальники региональных УНКВД апеллировали к Ежову как к главе НКВД и одновременно секретарю ЦК. В большинстве случаев заявки на увеличение лимитов арестов подписывались совместно секретарем местного комитета партии и начальником УНКВД и направлялись ими в ЦК Сталину и Ежову. К концу года такие заявки поступили от руководителей партийных организаций и управлений НКВД 19 республик, краев и областей, составлявших около трети общего числа административно-территориальных образований в составе СССР⁶⁰. Сталин единолично или Политбюро удовлетворяли заявки, порой выделяя новые квоты, даже превышавшие запрошенное их увеличение. В результате к концу года общая контрольная цифра арестов почти на 40 тыс. человек превысила первоначально установленные приказом № 00447 квоты. Но как показывает изучение таблиц отчетов об арестах, общее число репрессированных в ходе массовых чисток превысило официально

---

⁶⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 42–43.

установленные лимиты даже с учетом их увеличения. Это стало следствием того, что в ряде случаев Сталин сам утверждал поступившие заявки на увеличение квот арестов без их рассмотрения в Политбюро, а порой Ежов самостоятельно, без консультаций со Сталиным утверждал увеличенные лимиты. В общей сложности порядка 300 тысяч человек было арестовано сверх первоначально установленных квот без согласования с Политбюро⁶¹. В некоторых случаях, как это было в Оренбурге и Западной области и в Западной Сибири, лимиты арестов были увеличены в 2–3 раза. Имели место совершенно абсурдные случаи, когда власти Новосибирска всерьез рассматривали вопрос, а не следует ли им обратиться в центр с просьбой передать им часть квот на аресты по разным категориям с Алтая, поскольку тот не выбрал установленных для него лимитов⁶².

Увеличение квот на аресты происходило под давлением как сверху, так и снизу. Во многих случаях заявки с мест поступали, фактически, как ответ на давление из центра. Например, волна таких заявок последовала за рассылкой Ежовым в начале ноября телеграммы, предписывающей интенсифицировать репрессивные кампании против антисоветских элементов и национальных меньшинств. Аналогичные увеличения квот произошли после утверждения первого и второго дополнений к приказу № 00447 в декабре 1937 г. и в конце января 1938 г. Многие увеличения квот стали результатом поощрявшегося Ежовым «соревнования» между карьеристски настроенными начальниками УНКВД. Один из помощников Ежова, арестованных вместе с ним, Лулов в своих показаниях на допросе сообщил, что «была в наркомате создана такая атмосфера: тот из начальников УНКВД, кто скорее реализовав данный ему лимит в столько-то тысяч человек, получил от наркома новый, дополнительный лимит, то рассматривался как лучший работник, лучше и быстрее других выполняющий и перевыполняющий директивы Н. И. Ежова по "разгрому" контрреволюции. Я очень хорошо помню, как такие начальники УНКВД, как Радзивиловский (Иваново) и Симановский (Орел), заходя ко мне после того, как их принимал Н. И. Ежов, с гордостью рассказывали мне, что Н[иколай] И[ванович] похвалил их работу и дал им новый, дополнительный лимит».

Когда Лулов рассказал об одном таком разговоре Ежову, тот заявил: «Молодец Радзивиловский. Он был у меня. Я дал ему новый лимит». По словам Лулова, эпизод с Радзивиловским и Симановским «не исключение. Он типичен для всей "лимитной практики"»⁶³.

---

⁶¹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... Таблица. С. 136.

⁶² Об увеличении квот см.: Там же. С. 43–44; О. Hlevnjuk. Les mécanismes de la 'Grande Terreur' des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du Monde russe, 1998. Vol. 39. No. 1–2. P. 204. Об обмене квотами см.: ГАНУ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 26. Л. 7.

⁶³ Реабилитация – как это было... С. 319–320.

Сталинские палачи

Карьера Радзивиловского может служить образцовым примером того, как действовала клановая система в НКВД, способствовавшая быстрому раскручиванию числа арестованных в ходе Большого террора. Радзивилковский был комсомольским активистом из Крыма, который, попав в органы госбезопасности, к середине 1930-х гг. быстро вскарабкался вверх по служебной лестнице и оказался, в конце концов, под началом знаменитого начальника УНКВД по Москве и Московской области С. Ф. Реденса. По протекции Реденса он был назначен начальником секретно-политического отдела, а затем заместителем начальника этого управления. Эти должности были достаточно влиятельными и позволили Радзивилковскому создать собственный клан назначенцев, в основном из числа начальников райотделов НКВД области и их заместителей. Как следовало из письменных показаний одного из помощников Радзивиловского, его начальник обеспечивал лояльность подчиненных типичным для органов госбезопасности способом «кнута и пряника», раздавая им различные привилегии вроде выделения квартир и одновременно собирая на них досье с компрометирующими материалами⁶⁴. Используя материальное поощрение и угрозы разоблачения, Радзивилковский, подобно другим старшим офицерам НКВД, создал целую сеть преданных ему подчиненных и защитил себя самого от подсиживания с их стороны.

Будучи одним из руководителей Московского УНКВД, Радзивилковский общался также с Лазарем Кагановичем, одним из ближайших помощников Сталина, возглавлявшим в то время московскую партийную организацию. Именно при активной поддержке и поощрении со стороны Реденса и Кагановича Радзивилковский немало содействовал выведению Москвы на первое место в борьбе с контрреволюцией и врагами народа⁶⁵. Жестокость и интенсивность массовых чисток в Москве и ее окрестностях, ставших делом рук Реденса и его заместителя, а также начальников районных отделов НКВД, действовавших по их указанию, раскрывают, в частности, опубликованные результаты анализа сохранившихся в архивах следственных дел, заведенных отделом НКВД Кунцевского района Московской области⁶⁶. Работа Радзивиловского настолько удовлетворяла его начальство, что Каганович вручил ему орден Ленина, а Ежов выдвинул на должность начальника УНКВД по Ивановской области, чтобы он проводил там

---

⁶⁴ Ватлин Ю. А. Террор районного масштаба. Массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1939 гг. М., 2004. С. 17.

⁶⁵ Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 54.

⁶⁶ Ватлин Ю. А. Террор районного масштаба... С. 19–25, 94–98.

репрессии в том же духе и с тем же рвением, как в Москве. Шрейдер, знакомый с Радзивиловским с середины 1920-х гг., вновь встретился с ним в Иваново после своего назначения начальником Ивановской милиции. По словам Шрейдера, Радзивиловский сильно изменился, пройдя сначала школу «циничного карьеризма» при Ягоде, а затем «стал уже совсем другим человеком. Ежовская годичная школа по фальсификации дел и изготовлению «врагов народа» превратила его в законченного карьериста, не брезговавшего никакими методами и никакими средствами, лишь бы угодить вышестоящим и самому продвигаться к вершинам власти». Радзивиловский хвастался своей прошлой работой в Москве и особыми отношениями с высшими руководителями партии и НКВД. Личные связи с Реденсом, Ежовым и Кагановичем наполняли Радзивиловского нерушимой уверенностью в том, что, получив назначение в Иваново, он выполнял специальные задания партии и правительства⁶⁷.

Шрейдер неоднократно конфликтовал с Радзивиловским, когда тот стремился привлечь сотрудников милиции к участию в арестах, допросах и казнях. Отношения между ними стали настолько напряженными, что Шрейдер был уверен, что будет сам арестован, если останется работать на своем посту в Иваново. Ему была хорошо знакома практика фабрикации сотрудниками госбезопасности провокационной информации против конкурентов или тех, кто осмелился встать на их пути. Это являлось оборотной стороной клановой системы, порождавшей кровавые массовые разборки между конкурирующими группами внутри НКВД. Шрейдер хорошо это понимал, имея опыт понижения в должности за участие в группе, выступавшей против Ягоды в начале 1930-х гг. Он также знал, что только новое назначение поможет ему избежать неминуемого ареста⁶⁸. В декабре 1937 г. Шрейдер воспользовался сохранившимися у него связями в НКВД, чтобы добиться перевода на новую должность. Это оказалось достаточно простым делом, поскольку

---

⁶⁷ Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 53, 55.

⁶⁸ Там же. С. 84–85. В Западной Сибири жертвой провокации, подобной той, что опасался Шнейдер, стал Игнатий Барков, арестованный УНКВД в феврале 1938 г. В служебной записке по этому поводу начальник Новосибирского УНКВД писал, что обыски в областной прокуратуре выявили наличие в ней многочисленных папок с «компрометирующими, провокационными материалами» на офицеров НКВД. Очевидно, НКВД понимал, что Барков собирал порочащую это ведомство информацию и выжидал момент, когда обстоятельства позволят ему предпринять действия против органов госбезопасности. К несчастью для Баркова, эти органы арестовали его до того, как он смог воспользоваться собранными сведениями. Хорошо понимая, что его ждет, Барков вскоре после ареста совершил самоубийство, выбросившись из окна пятого этажа здания УНКВД в Новосибирске, когда его вели с допроса. ГАНУ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 48. Л. 26.

после волны арестов, прокатившейся по НКВД, в этом ведомстве оказалось немало вакантных должностей. Одна из таких вакансий имелась в Западной Сибири, и в январе 1938 г. Шрейдер приехал в Новосибирск, чтобы занять пост начальника милиции вновь образованной Новосибирской области⁶⁹. Но, к своему несчастью, на новой должности Шрейдер, как говорится, попал из огня в полымя, поскольку начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю в то время работал один из самых свирепых сталинских палачей Григорий Федорович Горбач.

Карьера Горбача отмечена, подобно жизненному пути Радзивиловского, участием в некоторых самых тяжелых эпизодах массовых чисток, представляя собой пример того, как Сталин и Ежов пользовались ротацией кадров, перемещая избранных руководящих сотрудников НКВД с места на место для оживления процесса массовых репрессий. Прибывая на новое место службы в сопровождении собственного клана доверенных офицеров, сотрудники, подобные Горбачу, получали возможность запустить и интенсифицировать новый цикл чисток, обвиняя при этом предыдущее руководство в медлительности и неэффективности или, хуже того, объявляя своих предшественников контрреволюционерами. Сам Горбач буквально за неделю до начала массовых чисток был назначен по личной рекомендации Сталина начальником УНКВД по Омской области. Эта область, расположенная на юго-западе Сибири, на протяжении 1930-х гг. являлась главным центром расселения депортированных крестьян и социально-опасных личностей. Возможно, Сталин был недоволен низкими квотами на аресты, запрошенными предыдущим руководителем Омского УНКВД, и поэтому решил заменить того Горбачом⁷⁰. Прибыв в Омск в конце июля, Горбач немедленно запросил увеличения квот на аресты по категории I с умеренных 479 до тысячи человек. Как уже отмечалось выше, в самом начале операции эта квота по Омской области была превышена втрое, а к середине августа число арестованных выросло еще в полтора раза до 5444 человек. Но Горбач этим не удовлетворился и запросил поднять лимит до 8 тыс. человек. Сталин лично утвердил заявку Горбача, подняв при этом лимит арестов до 9 тыс.⁷¹

Выполнив порученную задачу в Омске, Горбач получил в середине августа новое назначение в столицу Западной Сибири Новосибирск.

---

⁶⁹ В ноябре Западно-Сибирский край был разделен на несколько меньших по размерам административно-территориальных образований. Основная часть прежней территории края отошла к Новосибирской области.

⁷⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 40.

⁷¹ Там же. С. 40, 130.

Шрейдер встретился с Горбачом в начале января 1938 г. К тому времени Горбач успел проделать в Западной Сибири то же самое, чем он занимался в Омске, почти утроив по сравнению с первоначальной квотой число лиц, арестованных по первой категории (с 5 тыс. до почти 14 тыс. человек)⁷². Шрейдер был поражен и возмущен масштабами репрессий в области, особенно массовыми арестами порядка 25 тыс. ветеранов, воевавших в российской императорской армии против Германии в 1914–1918 гг. Этим ветеранов заподозрили в участии в военно-монархическом заговоре, направленном на свержение советской власти в регионе. Шрейдеру очень скоро стало ясно, что размах кровавых репрессий в Новосибирске намного превзошел даже тот, что он наблюдал ранее в Иванове при Радзивиловском⁷³. Через месяц после своего прибытия в Новосибирск Шрейдер настоял на новом переводе и в феврале 1938 г. получил назначение в Казахстан. Горбач же оставался в Западной Сибири до весны. В конце мая 1938 г. он был назначен на Дальний Восток, где, не успев обосноваться в Хабаровске, немедленно запросил и получил разрешение поднять общую квоту арестов с 10 тыс. до 20 тыс. Палаческая активность Горбача была прервана в ноябре 1938 г. его собственным арестом в числе первых арестованных подручных Ежова, когда Сталин решил сворачивать массовые чистки и приступил к уничтожению их исполнителей⁷⁴.

Некоторые из наиболее тяжелых эксцессов в ходе массовых чисток происходили в областях, находившихся под контролем Горбача, садистские наклонности которого хорошо сочетались с параноидальной стратегией Сталина. Он пользовался услугами своего преданного палача для очистки регионов страны, насыщенных ссыльными и маргинальными лицами – Южного Урала, Западной Сибири и Дальнего Востока. Еще одного, не менее изошренного садиста В. А. Каруцкого Сталин и Ежов назначили начальником УНКВД по Западной области. Этот регион также считался особенно ненадежным, будучи перенасыщен маргиналами, выселенными из Москвы, Ленинграда и Киева, и людьми, которым было запрещено селиться в этих столичных городах. Кроме того, как разъяснял сам Каруцкий в августе 1937 г., недавно арестованное партийное руководство области в начале 1930-х гг. не проявило должного усердия в раскулачивании, и в результате из 22 тыс. предполагаемых кулаков из области было от-

---

⁷² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... Карта. С. 126.

⁷³ Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 91.

⁷⁴ Дополнительные сведения о Горбаче см.: Таблица квот на аресты. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 122–136; Barry McLoughlin. Mass Operations of the NKVD: A Survey // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. Ed. Barry McLoughlin and Kevin McDermott. London, 2003. P. 128–129.

правлено в ссылку только 5 тыс. В этой связи, по словам Каруцкого и вновь назначенного секретаря обкома партии Д. С. Коротченко, кулаки и другие антисоветские элементы представляли главную потенциальную угрозу в случае войны, особенно учитывая примыкание области к западной границе страны. Каруцкому, ранее снятому со своего поста в Западной Сибири за беспробудное пьянство, был предоставлен шанс оправдаться, когда его отправили в Западную область. И он постарался, перевыполняя квоты арестов, установленные для области приказом № 00447. Уже к концу июля он арестовал 2 тыс. кулаков, вдвое превысив выделенный лимит, а в начале августа сообщил Ежову о наличии в области еще 11 тыс. контрреволюционных и криминальных элементов. Как уже отмечалось выше, при Каруцком управление НКВД по Западной области вступило в соревнование с Омским управлением под началом Горбача по темпам арестов местных жителей. Они оба успешно справились с поставленной руководством страны задачей по очистке от людей, считавшихся властями опасными⁷⁵.

Вторая фаза: октябрь 1937 – февраль 1938 г.

Массовые репрессии конца лета и начала осени 1937 г. не ограничились кулаками и маргинальными слоями населения. Помимо арестов, предписанных приказом № 00447, органы УНКВД начали задерживать в большом количестве людей, принадлежавших к определенным национальным меньшинствам. Эти так называемые «национальные» операции проводились по отдельным приказам. Первый из них, приказ № 00439, был издан Ежовым 25 июля 1937 г., всего за несколько дней до начала массовых репрессий против кулаков и уголовников. Этим приказом предписывалось арестовать всех политических беженцев из Германии и немецких специалистов, работавших по приглашению государства на предприятиях страны (депортации и аресты немцев Поволжья и Западной Сибири были еще впереди). Массовые аресты польских иммигрантов и политических беженцев начались после выхода 11 августа 1937 г. отдельного приказа № 00485. Аналогичный приказ НКВД № 00593 предписывал аресты всех ранее работавших в Харбине на КВЖД, среди которых были люди самых разных национальностей, преимущественно русские, но они все были признаны властями «враждебными элементами». По мнению руководства страны, все «харбинцы» подверглись иностранному влиянию и подозревались

---

⁷⁵ Подсчитано в работах: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 41–42; Роберт Маннинг. Политический террор как политический театр. Районные показательные суды, 1937 // Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. С. 70. Сноска 136.

как японские агенты. К середине сентября была арестована примерно 31 тыс. харбинцев. Между тем в конце 1937 г. примерно 170 тыс. граждан корейской национальности были высланы из приграничных районов Сибири. Корейцев никогда не считали политическими противниками власти, но тем не менее заставили покинуть свои дома и отправиться в массовом порядке в созданные для них поселения в Казахстане и Узбекистане. В 1937–1938 гг. органы госбезопасности предприняли массовые аресты иммигрантов из Латвии и граждан латышской национальности и финнов. В общей сложности в ходе «национальных» операций было арестовано примерно 228 тыс. человек. В эту цифру не входят сосланные корейцы, но включены граждане греческой, румынской и иранской национальностей и политические беженцы из этих стран, а также другие национальные меньшинства⁷⁶.

Эти чистки по национальному признаку серьезным образом выкосили национальные общины внутри страны и ряды политических беженцев из зарубежья. Одни только операции против поляков сопровождались репрессиями, в той или иной форме затронувшими около 20 % польского населения. Репрессиям подверглась 131 тыс. поляков из 656 тыс. граждан польской национальности, зарегистрированных в 1937 г. «Немецкая» операция привела к арестам около 5 % граждан немецкого происхождения⁷⁷. Для проведения операций таких масштабов были сформированы особые тройки фактически в том же составе, что и образованные по приказу № 00447, а именно партийный секретарь, главный прокурор и начальник УНКВД республик, краев и областей. Но рассмотрение огромного числа дел оказалось столь обременительной задачей, что очень скоро власти разрешили выносить приговоры двойками в составе главного прокурора и начальника УНКВД, а зачастую и начальникам УНКВД единолично. Эти чиновники рассматрива-

---

⁷⁶ По результатам работы комиссии Шверника. Реабилитация – как это было... С. 322. Интересно отметить, что депортации корейцев не рассматривались как часть массовых репрессий, поскольку их, принужденных к переселению, не арестовывали и не навешивали на них ярлык открытых антисоветчиков. В отличие от отправляемых в ссылку уголовников и антисоветских элементов, власти даже выплачивали корейцам компенсации за переселение, пусть и номинальные. Таким образом, власти, хотя и считали выселяемых корейцев потенциально опасными, но формально их не криминализировали. Корейцы, подобно американским японцам во время Второй мировой войны, оставались в таком неопределенном статусе вплоть до середины 1950-х гг.

⁷⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 74. О приказах на проведение «национальных» операций см.: Там же. С. 275–285. Помимо приказов на проведение операций против определенных национальных меньшинств и антисоветских элементов, Сталин также приказал арестовывать жен и детей граждан, арестованных как изменников Родины. Более подробные описания национальных операций содержатся в следующих работах: Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; Еремина Л. С. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. В 5 томах. М., 1999–2001.

ли дела арестованных самым быстрым из возможных способов, просто подписывая проекты приговоров, представляемые органами НКВД.

Операции, направленные против национальных меньшинств, начавшиеся летом и осенью 1937 г., продолжались с неослабевающей силой на протяжении всего 1938 г. Напротив, операции против кулаков и криминального элемента интенсифицировались и достигли своего пика поздней осенью и в начале зимы 1937–1938 гг. К концу декабря НКВД арестовал по приказу № 00447 порядка 600 тыс. человек, что составило примерно 78 % от общего числа арестованных 770 тыс. к моменту официального завершения этих операций в ноябре 1938 г. Интенсивность массовых арестов осенью и зимой не спадала, хотя первоначально срок их завершения был намечен на середину декабря 1937 г. Когда этот крайний срок подошел, Ежов начал рассылать директивы, предписывавшие не снижать темпы арестов, и это создавало проблемы для местных органов НКВД. Первая волна массовых арестов в августе–сентябре накрыла наиболее доступный для репрессий контингент – тех, кто уже числился в различных картотеках, находился в активной милицейской разработке или уже отбывал наказания. Давление начальства, требовавшего новых арестов, заставляло руководителей местных органов НКВД изыскивать новые, не столь доступные контингенты арестованных.

В этой связи представляет интерес письмо бывшего сотрудника Томского городского отдела НКВД П. А. Егорова, отправленное им 20 декабря 1938 г. Сталину из Усть-Вымского ИТЛ, где он отбывал заключение. В этом письме, которое будет неоднократно цитироваться ниже, Егоров детально описывал процесс фальсификации дел и процедуры пыток в Томском ГО НКВД, а также соседних регионах Новосибирской области и Алтайского края. В частности, Егоров вспоминает о нараставшем потоке телеграмм, поступавших в Томский горотдел в конце сентября и начале октября из Новосибирска от Горбача, требовавшего вначале арестовать дополнительно 1,5 тыс., потом еще 2 тыс. и еще 3 тыс. человек и так далее. Причем эти задания не ограничивали, подобно приказу № 00447 число арестованных сверху, но, как утверждал Егоров, были минимальными. Иными словами, местные органы не имели права арестовывать меньше людей, чем предписывалось установленными квотами, но верхние границы квот при этом не лимитировались⁷⁸.

Подобные установки были новыми и ознаменовали поворотный пункт в процессе массовых репрессий. Вплоть до октября аресты

---

⁷⁸ Егоров отметил, что эта инструкция поступила из Новосибирского УНКВД. Поэтому неясно, был ли этот феномен достаточно распространенным. История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 314–315.

проводились по именованным спискам, составленным сотрудниками НКВД на основании картотек милиции и органов госбезопасности. Контрольные цифры, первоначально установленные приказом, основывались на этих списках и имели в виду конкретных лиц. Таким образом, если отставить в сторону моральные оценки проводившейся кампании и законные требования доказательств вины или невинности арестованных, то в арестах на первом этапе массовых чисток присутствовала какая-то профессиональная логика. Сотрудники госбезопасности верили в достоверность данных своих картотек. Логичность осуществляемого процесса заставляла многих чекистов, по крайней мере, по словам Егорова, оправдывать первый этап массовых чисток и отличать его от последующих этапов. Контрольные цифры, спускавшиеся начальством позднее октября, не основывались ни на каких-либо расследованиях, ни на картотечной информации. Эти цифры были совершенно абстрактными и не корреспондировались ни с какими списками или именами из милицеских картотек или текущих дел. Какие бы сомнения ни испытывали сотрудники НКВД, подобные Егорову, относительно первых волн арестов, они четко сознавали, что новые контрольные цифры являлись фикцией, тем более, что они устанавливали лишь минимальные лимиты арестов. Егоров в своем обращении к Сталину сообщал, что после того как закончился сентябрь и наступил октябрь, а новые контрольные цифры продолжали приходить, «для многих из нас смысл дальнейшей операции [стал] не только не понятен, но и страшен»⁷⁹. Сотрудники жаловались областному начальству, что проводимые ими аресты больше не основываются на какой-либо сыскной или агентурной работе. Ранее, по крайней мере, они имели возможность как-то оправдывать аресты людей по спискам, составленным на основе картотечных данных. Именно тогда начальник Пензенского УНКВД тонко заметил своему заместителю: «Многих исключаем из партии, коммунисты сыплются как горох. ...Не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов»⁸⁰. С другой стороны, высших руководителей мало беспокоил фиктивный характер новых лимитов. Например, заместитель начальника УНКВД по Новосибирской области И. А. Малеев на оперативном совещании в декабре заявил, что до тех пор, пока область не выберет установленные для нее квоты арестов, его не волнует, кто конкретно будет арестован⁸¹.

---

⁷⁹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 314.

⁸⁰ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 258. Здесь идет речь о статье Сталина, опубликованной в 1930 г., ставшей сигналом к смягчению политики насильственной коллективизации. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 57. Л. 112. Офицер НКВД Филиппов и его заместитель Берзон были арестованы за эти «контрреволюционные» разговоры.

⁸¹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 318–319.

По словам Егорова, требования по исполнению растущих квот на аресты превращали операции против антисоветских элементов в безумное и страшное соревнование. Егоров докладывал, что «в конце сентября месяца или в начале октября месяца, когда были реализованы все наши учеты, операция с бешеной силой обрушилась на ни в чем не повинных людей, никогда не участвовавших в каких-либо антисоветских и контрразведывательных делах и не скомпрометированных связями»⁸². Приведенная фраза интересна тем, что Егоров, как и многие другие сотрудники НКВД, верил в законность первой волны массовых репрессий и в реальную угрозу для государства со стороны арестованных лиц. Оправдывая первые аресты, Егоров и другие убеждались, что все происходившее после октября представляло собой чудовищную ошибку. Но, несмотря на все дурные предчувствия, ни Егоров, ни другие были не в состоянии остановить раскручивавшуюся спираль беззакония. Те же, кто отказывался продолжать аресты, немедленно сами попадали в число арестованных. Поэтому большинство сотрудников боялись высказываться вслух или протестовать. Иные же предпочитали жертвовать собственной жизнью, и среди чистков прокатилась нарастающая волна самоубийств⁸³. Егоров писал Сталину, что «остановить... бешеный шквал мог только ЦК ВКП(б) и Вы сами». Но он, безусловно, не написал в своем письме о многих в НКВД, которые желали продолжения арестов и были полностью готовы в них участвовать. Таким образом, не касаясь моральной стороны вопроса, были сотрудники госбезопасности, которые испытали профессиональное возмущение от того поворота репрессивной политики, который произошел после октября. Действительно, для части офицеров, и к их числу несомненно относился Егоров, моральные и профессиональные принципы были неразрывны. Его нельзя обвинить в неискренности, когда он, оглядываясь назад, оправдывал первый этап массовых репрессий, но осуждал последующую политику в этой области. Начиная с октября массовые чистки перешли в ту фазу, которую никто, за исключением самых слепых или циничных сотрудников НКВД, не мог оценивать иначе, как чудовищную фикцию.

Конвейер убийств. Бюрократия репрессий.

Сотрудники УНКВД охотно или вынужденно прибегали к самым хитроумным способам достижения контрольных цифр арестованных и их перевыполнения. В ходе безумной охоты на людей многие из них обращались к давно закрытым делам или находили фигурантов,

---

⁸² Там же. С. 315.

⁸³ Там же. По словам Егорова.

оправданных много лет назад, но этот источник быстро исчерпался⁸⁴. Другие даже не утруждались поисками или не располагали для этого временем. Для того чтобы сэкономить время и силы сотрудников, некоторые оперативные группы стали задерживать не отдельных лиц, а целые группы. Они могли выбрать несколько соседних домов в деревне и арестовать сразу несколько человек или забрать сразу несколько родственников, живших в одном доме⁸⁵. В городах сотрудники НКВД арестовывали сразу по группе людей, работавших в одном учреждении или в одном отделе предприятия либо проживающих в разных квартирах одного дома. Иногда они просто забирали случайных людей на улице, показавшихся им по какой-то причине подозрительными. Проще всего массовые аресты удавались при проведении национальных операций. Например, в Кунцевском районе Московской области на западе от Москвы большими колониями проживали беженцы из Германии и Латвии, работавшие на одних и тех же предприятиях. Они стали легкой добычей для руководителей местного УНКВД, от которых требовали выполнения увеличенных квот на аресты. Порой в результате арестов подавляющего большинства работников оказывалась парализованной работа целых предприятий или отдельных цехов. В случае групповых арестов семей, соседей или вместе работающих людей сотрудникам НКВД удавалось выдумывать фиктивные заговорщицкие организации, чтобы оправдать задержания такого количества лиц, живущих или работающих поблизости друг от друга⁸⁶.

Вместе с увеличением числа арестованных росло число людей, посаженных в одну тюремную камеру. Обычными были случаи, когда в камере, рассчитанной на четверых, одновременно содержалось по 40–60 человек. Задача содержания в заключении такой большой массы людей оказалась чрезвычайно сложной. Оперативные сотрудники были загружены арестами и редко находили время, чтобы допрашивать заключенных или составлять и печатывать обвинительные заключения и проекты приговоров для их рассмотрения тройками. С другой стороны, им следовало избавляться от толп задержанных, скопившихся в тюрьмах. Чтобы развязать это узкое место, некоторые ответственные сотрудники прибегали к старой, проверенной еще в начале 1930-х гг. и оправдавшей себя системе, когда некоторым доверенным заключенным поручали обработку других узников. Но подобное самообслуживание, налаженное в начале десятилетия, было крайне не-

---

⁸⁴ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 258.

⁸⁵ Подобная практика описана в книгах: Ватлин Ю. А. Террор районного масштаба... С. 29; Бутовский полигон... Т. 3. С. 27–28.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 145. Л. 56–58.

желательным в процессе массовых чисток, поскольку оно почти неизбежно сопровождалось коррупцией. В своем письме Сталину Егоров описывает использование «помощников» из числа заключенных, которые сколачивали из вновь прибывших арестантов, большинство из которых никогда не встречались и не были знакомы до ареста, некое подобие групп подпольных «заговорщиков». Такой помощник обрабатывал арестантов, склоняя их подписать групповое признание, и убеждал их в том, что это в их интересах, и они смогут рассчитывать на более мягкий приговор. Когда ему это удавалось, оставалось только отпечатать признательные протоколы, которые передавались «помощнику» для подписания арестантами. При этом сотрудники, якобы допрашивавшие этих сознавшихся преступников, могли никогда не видеть их в лицо и сосредоточиться на главной задаче – новых арестах⁸⁷.

Эти методы доказали свою эффективность и даже необходимость, когда лимиты арестов поползли вверх. В бюрократическом смысле групповые аресты были намного эффективнее индивидуальных арестов и допросов. Вместе с тем узким местом в условиях постоянно нарастающего числа арестованных становилась чисто канцелярская работа. Все протоколы арестов и признаний допрашиваемых следовало отпечатать и подшить в дела, направляемые на рассмотрение троек. Нужно было подыскать свидетелей, якобы знавших о замыслах заговорщиков или слышавших о них. Показания свидетелей также необходимо было отпечатать и получить их подписи на протоколах допросов. Ко всей этой бурной деятельности сотрудники госбезопасности, командовавшие проведением операций, привлекали не только милиционеров, но и работников всех прочих бюрократических служб НКВД и даже людей со стороны. Они нуждались не только в помощниках, занимавшихся решением самых разных задач, от чисто канцелярской работы до участия в группах, проводивших аресты. В ряде районов приходилось задействовать практически весь штатный персонал НКВД, вплоть до машинисток, пожарных и гражданских служащих. Егоров вспоминает, что он был вынужден привлекать к участию в облавах и арестах сотрудников местной налоговой службы, партийных и комсомольских работников. Распечатка документов стала важнейшей задачей, и машинисток искали повсюду. В этом отношении особую ценность представляли диспетчеры, секретари и прочие конторские служащие разных учреждений. Были мобилизованы местные учителя, которые еще не были арестованы, но даже арестованных учителей порой привлекали к работе вместе со служащими ЗАГСов⁸⁸.

---

⁸⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 315.

⁸⁸ Об использовании не только не оперативников, но даже людей, не являвшихся сотрудниками НКВД, в допросах и массовых операциях см.: Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 256; Ватлин Ю. А. Террор районного масштаба... Гл. 1; История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 316 (свидетельство Егорова).

Фальсификация обвинений, признаний арестованных и свидетельских показаний была поставлена на поток. Процесс репрессирования был разбит на отдельные элементы, воспроизводимые в массовом порядке, из которых затем собирались итоговые дела для вынесения приговоров уполномоченными органами. В январе 1938 г. специальный железнодорожный прокурор, работавший на Кировской железной дороге, представил доклад, в котором описал, как действовала эта конвейерная система. При этом под конвейером он понимал не хорошо известную практику непрерывных допросов арестованных сменявшими друг друга следователями, а бюрократическую машину поточных массовых чисток. Прокурор по фамилии Воробьев представил свой доклад вышестоящим руководителям в виде редкой по тем временам жалобы на следственные методы, применявшиеся местными органами госбезопасности и оперативными группами. Этот доклад ценен тем, что раскрывает экстраординарные детали, дающие представление о массовых репрессивных операциях.

Воробьев пишет, что в начале января на Кировскую железную дорогу прибыл особый уполномоченный НКВД для расследования случаев политического саботажа. Этот уполномоченный М. В. Пухов представлял Петрозаводское отделение транспортного отдела ГУГБ. Как оказалось, в местном отделе НКВД не доставало служебных помещений, и Пухов обратился к Воробьеву с просьбой выделить ему место в прокуратуре и предоставить помощников. Обращаясь с этой просьбой, Пухов заявил, что ему предстоит выполнить «немало работы, серьезной работы и в очень сжатые сроки». На это Воробьев ответил, что поскольку он в данный момент не сильно загружен (как он пишет, у него было тогда всего одно дело в производстве), то может выделить в помощь Пухову себя самого и 5 человек из штата прокуратуры.

Обеспечив себя кабинетом и помощниками, Пухов взялся за дело. Прежде всего, он собрал свидетелей, из которых 8 человек, не считая прочих, были известны Воробьеву, и он называет их по фамилиям. Этими свидетелями были технические работники железной дороги, председатель местного профкома и некто Лакманов, администратор местной больницы. Затем Пухов провел краткие беседы со свидетелями, сказав каждому из них, что ему нужны «свидетельские показания против того-то и того-то». У него уже был составлен целый список, и он говорил свидетелям, что «все эти люди уже расстреляны. Поэтому никого из них не вызовут в суд, а их показания нужны только для того, чтобы оформить дела. Мы составим протоколы, а потом они [свидетели] зайдут и подпишут их». Как следовало из разговоров Пухова, органы госбезопасности озаботились приведением документации в порядок задним числом, причем обвиняемых уже расстреляли до того, как сотрудники собрали против них свидетельские показа-

ния. Но бюрократические формальности необходимо было соблюсти, и из заявлений Пухова стало ясно, чем были обусловлены поставленные ему «сжатые сроки». Переговорив со «свидетелями», Пухов загрузил работой Воробьева и его сотрудников. Их задача заключалась в написании свидетельских показаний. Пухов дал им образцы обвинительных заключений и сказал, какого рода свидетельские показания требуются по каждому из них. Он предупредил, что обвинения не должны повторяться дословно, а хотя бы слегка отличаться друг от друга формулировками. Далее Воробьев пишет: «Он дал мне три-четыре имени и фамилии свидетелей и последнее место работы. Я брал чистый бланк, заполнял анкетные данные, и потом писал, что, мол такой-то об ответственности за дачу ложных показаний по статье 95 УК предупрежден. Потом я начинал беседовать с отсутствующими свидетелями. Я задавал требуемые вопросы и сам давал подходящие ответы, которые зависели от моей фантазии. Отсутствием ее я не страдаю, и ответы получались складные».

Вечером Пухов и Воробьев вызывали «свидетелей» подписывать их «показания». «Некоторые из них подписывали мои произведения, даже не читая, другие же, ознакомившись со своими "показаниями", делали удивленные глаза и смели отказываться подписать их», – рассказывает Воробьев. Пухов успокаивал отказавшихся, снова заверяя их в том, что все люди, о которых идет речь, уже расстреляны, и им как свидетелям, не придется являться в суд и подтверждать то, что их просят подписать. Уговорами и прямыми угрозами Пухову удалось заставить подписать протоколы практически всех «свидетелей». Пару раз он выдавал сопротивлявшимся гражданам материальное поощрение за то, что они исполнили свой долг и чтобы развеять их опасения. Один раз Пухов сам расписался за свидетеля, которого не сумел подкупить. После окончания всей работы, занявшей несколько дней, Пухов вручил Воробьеву 200 рублей «на оплату услуг помощников».

Докладывая об этом случае, Воробьев шел, как говорится, по лезвию бритвы. В условиях массовых чисток он ясно понимал, что у него не было иного выбора, кроме как подчиниться требованиям Пухова. В то же время Воробьев понимал и признавал незаконность и уголовную наказуемость того, чем они с Пуховым занимались. «Порусски говоря, то, что мы делали, было подлогом. При таких методах расследования и действиях личная свобода в нашей стране не может быть гарантирована. Мне надоело фантазировать и опротивело сочинять. Правильно ли действовал Пухов? Можем ли мы позволять такие методы расследования?» – писал он. Воробьев сам усомнился в правильности их с Пуховым действий, отвечая на поставленные им риторические вопросы, но тем не менее попросил разъяснений у своих непосредственных руководителей. Воробьев получил лаконичный

ответ на свою докладную записку от начальника транспортного отдела Прокуратуры СССР Г. Рогинского, заверившего его, что для проверки этого дела будет направлена специальная группа следователей, но никаких других материалов, касающихся результатов окончания данного инцидента, обнаружить не удалось⁸⁹.

Массовая фабрикация обвинений под давлением руководства, требовавшего исполнения контрольных цифр арестов, во время чисток была обычным явлением. В то же время такие методы не решали проблему переполнения тюрем, поскольку заторы возникали на следующей стадии чисток. Вскоре возникли гигантские завалы дел, ожидающих своего рассмотрения тройками, на что последовала типично бюрократическая реакция. В ноябре Ежов выпустил директиву, в которой критиковал переполненность мест предварительного заключения и напоминал подчиненным, что подобные условия содержания арестованных представляют собой нарушения процессуального кодекса. С высокомерием истинного «законника» Ежов приказал сократить время их пребывания в следственных изоляторах путем сокращения периода времени между арестом и вынесением приговора⁹⁰. В директиве Ежова говорилось, что оперативники, перегруженные арестами, забросили бумажную работу по оформлению протоколов и свидетельских показаний, передаваемых на рассмотрение троек. Со своей стороны члены троек также завалены огромным числом дел, требующих рассмотрения и вынесения по ним приговоров. С учетом большого числа арестованных Ежов разрешил подразделениям, проводившим аресты, и тройкам упростить процедуры сбора доказательств и рассмотрения дел. Эти процедуры были прописаны еще в приказе № 00447 и применялись с самого начала массовых операций. После октября эти упрощенные процедуры подверглись дальнейшему упрощению.

Действительно, нараставшее безумие массовых репрессий можно проследить по характеру изменений в оформлении сопровождавшей их документации. В первые недели и месяцы массовых операций протоколы арестов отражали стремление исполнителей как-то обосновать задержания. В протоколе содержался отдельный абзац или даже целая страница с описаниями предполагаемых преступлений арестованного, его контактов и совершенных им подрывных действий. Но в течение года протоколы становились все более лаконичными. К декабрю и в начале января следующего года протоколы, как правило, содержали всего одну-две фразы с лаконичными рекоменда-

---

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 69. Л. 8–10. Другие примеры массовых фальсификаций см., например: Реабилитация – как это было... С. 344.

⁹⁰ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 39.

циями в отношении будущего приговора. Сотрудники НКВД были настолько ограничены во времени или стали настолько циничными, что не удосуживались приводить в протоколах даже упоминаний о предварительных расследованиях⁹¹. Члены троек, в свою очередь, стали рассматривать дела не индивидуально, а целыми списками или пачками, вынося за одно дневное или вечернее заседание приговоры сотням, если не тысячам людей. Комиссия ЦК, расследовавшая в 1956 г. массовые чистки, отметила в своем отчете, что тройки просто штамповали очень кратко сформулированные обвинения в протоколах арестов. Руководство НКВД и Прокуратуры СССР в лице Ежова, Вышинского и их заместителей также испытывало крайний недостаток времени. Например, Молотов и Вышинский ухитрились рассмотреть за одну ночь приговоры более тысячи человек, присланные из Ленинградской области. В конце концов, Ежов свалил рассмотрение приговоров на начальников отделов своего ведомства, которые, в свою очередь, не прилагали никаких усилий к тому, чтобы проверять обоснованность приговоров. У них не было на это ни времени, ни особой заинтересованности, и они относились к проверкам приговоров как к помехе в исполнении ими повседневных обязанностей⁹². В ряде областей дела арестованных рассматривали и выносили по ним приговоры начальники УНКВД единолично, поскольку к декабрю 1937 г. многие областные прокуроры, судьи и секретари обкомов партии были уже арестованы, а их должности оставались вакантными или были заняты временно исполняющими их обязанности⁹³.

Маниакальное стремление к увеличению числа арестов порождало мрачные цепочки взаимосвязанных событий, напоминавшие конвейерное массовое производство. Поскольку органы НКВД старались любыми средствами выполнять спущенные им квоты арестов, они арестовывали людей без разбора, в массовом, а не в индивидуальном порядке. По мере скачкообразного роста числа арестованных, столь же быстрыми темпами росло число людей, находившихся в предварительном заключении, что, в свою очередь, порождало бюрократическую необходимость массового рассмотрения дел и вынесения приговоров, число которых измерялось сотнями или даже тысячами за один день или ночь. Наконец, ускорение процедур арестов и вынесения приговоров требовало столь же ускоренного их исполнения.

---

⁹¹ См. примеры сокращенных документов, связанных с арестами и вынесением приговоров, в книге: Бутовский полигон... Т. 3. С. 30.

⁹² Реабилитация – как это было... С. 344.

⁹³ Свидетельство Егорова: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 319; Peter H. Solomon Jr. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, 1996. P. 244–247.

В частности, приговоренных к смертной казни расстреливали в течение нескольких недель или даже дней после их арестов.

Отдельные стадии этого поточного производства арестов, приговоров и их исполнения не всегда точно следовали друг за другом. В первые недели чисток обычно выдерживался следующий порядок. Вначале на основе милицейских картотек и адресных книг составлялись списки лиц, подлежащих аресту. По этим спискам выписывались ордера на аресты, производились сами аресты и составлялись обвинительные заключения. Далее следовали рассмотрение дел тройками, вынесение и исполнение приговоров. Но начиная с октября и после перехода к минимальным квотам, порядок действий во времени стал противоположным. Органы НКВД сначала арестовывали массы людей, а уже потом, задним числом, формировали списки «разоблаченных» врагов и заговорщиков, вписывая в них фамилии арестованных. Во многих случаях арестованных расстреливали или отправляли в лагерь еще до того, как были оформлены свидетельские показания, подкрепляющие обвинения в их адрес. Эти показания и обвинения составлялись задним числом и подгонялись под уже вынесенные приговоры. Отдельные этапы всего этого процесса – арест, обвинение, рассмотрение дела и вынесение приговора тройкой, исполнение приговора связывались воедино только необходимостью соблюдения бюрократических формальностей и поддержания видимости логики. Сотрудников НКВД мало заботили доказательства виновности или невиновности и дальнейшая судьба отдельных людей. Для них главное заключалось в том, чтобы все бумаги были в порядке, и росло число арестованных. Последнее было важнее всего.

Не существовало механизма, способного остановить или хотя бы притормозить этот процесс. Егоров не стремился переложить ответственность с себя на чужие плечи, когда писал, что только Сталин может остановить чистки. Он был в этом совершенно прав. Толчком к развертыванию массовых репрессий стали политические решения, принятые Сталиным и его приближенными. Однако движущие силы репрессивного механизма следует искать в бюрократических подробностях процесса проведения массовых чисток. Нажим сверху в отношении расширения арестов был неослабевающим, а бюрократическая репрессивная машина подпитывала себя сама. Не было времени для апелляций, не говоря уже об исследовании фактических материалов или допросах. Нормальный прокурорский надзор перестал действовать и фактически был отменен. Письменная жалоба Воробьева на незаконные действия уполномоченного НКВД представляла собой редкое отступление от правил. Большинство прокуроров предпочитали не вмешиваться и даже не говорить о подобных злоупотреблениях. Во многих областях просто не было прокуроров, способных выступить с такими заявлениями, поскольку многие из них были аресто-

ваны, а замены им не нашлось. Те, что остались, предпочли следовать мудрому совету Вышинского не вмешиваться в дела НКВД. Чистки, лишённые каких-либо внешних и внутренних тормозов, продолжались с нарастающей интенсивностью в ноябре и декабре 1937 г., а затем в январе 1938 и позднее.

Казни

Массовые аресты и приговоры по категории I влекли за собой столь же многочисленные казни приговорённых. Фактически число казнённых росло пропорционально числу арестованных. Как отметил один исследователь, значительное большинство казней пришлось на последние месяцы 1937 г. и первые два месяца 1938 г. Частично такой скачок числа казнённых в эти месяцы объясняется, несомненно, стремлением оперативных подразделений выполнить установленные сроки окончания операций, образно говоря, «подчистить хвосты»⁹⁴. Между тем здесь присутствовала и другая бюрократическая логика, вытекавшая из массового характера чисток. По мере увеличения квот на аресты нарастало стремление осуждать людей большими группами. Как уже отмечено выше, обрабатывать большие массы арестованных было намного эффективнее путем формирования из них вымышленных сетей заговорщиков. При этом дела целых групп, состоящих из десятков или даже сотен людей, можно было рассматривать, объединив их в одно большое дело. Обвинённых в участии в организованных заговорах естественно признавали виновными, приговаривали к смертной казни и расстреливали также всех вместе. Таким образом, по мере того, как чистки приобретали коллективный бюрократический характер, в таком же коллективном бюрократизированном порядке росла и доля приговариваемых к расстрелу. Иными словами, из динамики одновременного, коллективного рассмотрения дел большого числа арестованных вытекало, как категорический императив, необходимость массовых коллективных расстрелов осуждённых. Коллективное рассмотрение дел также имело ещё одно преимущество – способствовало одновременному высвобождению большого числа мест в тюремных камерах для приема новых арестантов.

Предполагалось, что казни осуждённых должны были проводить офицеры госбезопасности, командовавшие оперативными подразделениями, и их тщательно подобранные помощники. Как подчеркивает Барри Маклафлин, этим практика сталинских массовых казней отличалась от действий немецких расстрельных команд во время

---

⁹⁴ McLoughlin. Mass Operations: A Survey... P. 131–132.

Второй мировой войны. У немцев офицеры только отдавали приказы, а расстрелы осуществляли рядовые солдаты. Напротив, в ходе советских массовых чисток офицеры госбезопасности сами участвовали в расстрелах. Например, начальник Ленинградского УНКВД лично участвовал в казнях более тысячи арестантов осенью 1937 г.⁹⁵ Как уже отмечалось выше, казни должны были проводиться в уединенных местах, обычно в лесу или на специальных расстрельных полигонах НКВД⁹⁶. Известен, по крайней мере, один случай, когда Ежов объявил выговор начальнику одного из управлений НКВД за проведение расстрелов во внутреннем дворе тюрьмы. Ежов назвал это «глупой затеей», поскольку выстрелы могли услышать местные жители, а проведение расстрелов в непосредственной близости от тюремных камер могло породить ненужные волнения и слухи среди заключенных, и приказал начальнику УНКВД перенести казни в более отдаленное место⁹⁷.

Руководителям операций было приказано, чтобы расстрелами занимались только сотрудники госбезопасности, но темпы арестов и вынесения приговоров были таковы, что заставляли нередко прибегать к услугам обычной милиции, чтобы управляться с потоком осужденных. Шрейдер утверждает, что он категорически выступал против участия в казнях подчиненных ему милиционеров. По его словам, он запрещал им принимать непосредственное участие в расстрелах, соглашаясь выделять милиционеров исключительно для конвоирования осужденных. В ряде областей и краев начальники местных управлений милиции и отделов уголовного розыска были вынуждены исполнять подобные обязанности. Шрейдер вспоминал, что по прибытии в Новосибирск встречавший его на вокзале заместитель почти сразу сообщил, что Горбач имеет обыкновение включать милиционеров в расстрельные команды. По его словам, осужденных вели в баню, где их заводили в тесное помещение без окон, а милиционеры и сотрудники госбезопасности окружали согнанную группу и открывали по ней огонь. Наряду с другими о широком использовании милиционеров в расстрелах рассказывал также Егоров⁹⁸.

В Новосибирске Шрейдер вел безнадежную борьбу с Горбачом по поводу участия милиции в массовых операциях. Будучи высокопоставленным офицером УНКВД, Шрейдер имел возможность ссы-

---

⁹⁵ McLoughlin. *Mass Operations: A Survey...* P. 148. N. 75.

⁹⁶ См. фотографии и отчеты о раскопках массовых захоронений расстрелянных на юге Москвы в Кунцево: Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. В 5 томах. М., 1999–2001.

⁹⁷ Об этом случае см.: McLoughlin. *Mass Operations: A Survey...* P. 132.

⁹⁸ Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 86; Иванов. Операция НКВД СССР... С. 6; Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 254–255.

даться на оперативные приказы и авторитет руководителей, чтобы защищать своих подчиненных и держать их в стороне от участия в массовых операциях. При случае Шрейдер обращался в Москву непосредственно к начальнику ГУ РКМ В. В. Чернышову, который, в свою очередь, имел непосредственный выход на Ежова, и тот иногда сдерживал Горбача. Таким способом, по словам Шрейдера, ему удалось одержать победу над Горбачом, заставив того освободить милиционеров от участия в расстрельных командах. Вместе с тем Шрейдер оставался в подчинении у Горбача, а проведение массовых операций являлось приоритетной задачей по сравнению со всеми иными функциями УНКВД. По рассказам Шрейдера, Горбач распоряжался всеми служащими управления, среди которых особенно ценными были машинистки, а также всеми транспортными средствами, включая милицейские легковые автомобили и фургоны для перевозки арестованных. Во многих случаях, когда Шрейдер вызывал свою машину из кабинета в управлении, оказывалось, что ее или водителя нет на месте, поскольку их направили участвовать в операциях, связанных с массовыми арестами⁹⁹.

Рассказ Шрейдера представляется не совсем искренним. Он описывает ситуацию, в которой обычные обязанности милиции и органов госбезопасности были четко отделены от массовых репрессий против политических противников власти. На самом деле в приказе № 00447 уголовники, бывшие заключенные и маргинальные элементы общества совершенно определенно названы основными категориями населения, подлежащими массовым арестам. Приказ также недвусмысленно предписывал милиции участвовать в этой части операций. Хотя Шрейдер пытается отрицать участие милиции в массовых репрессиях, он между тем сообщает о большом числе уголовников, скопившихся в тюрьмах, куда их загнала милиция. В одном Новосибирске в период с начала весны по конец осени в ходе массовых операций, проведенных милицией, было отловлено не менее 7 тыс. подобных лиц¹⁰⁰. Сейчас сложно определить, сколько из них находилось в тюрьмах одновременно и проходили ли их дела через тройки УНКВД или через обычные милицейские тройки, продолжавшие действовать в 1937 г. Эти тройки были восстановлены в апреле 1937 г. и в разгар массовых репрессий представляли собой один из трех действовавших в то время административных органов, имевших право вынесения приговоров. К этим органам, помимо милицейских троек, рассматривавших дела социально-вредных элементов и уголовных преступников, относились также особые тройки НКВД, образованные для рассмотрения

---

⁹⁹ Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 86–88.

¹⁰⁰ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность... С. 255.

дел лиц, арестованных в соответствии с приказом № 00447, и так называемые «двойки», через которые проходили дела арестованных в ходе различных национальных операций. Границы юрисдикции милицейских троек и троек НКВД были довольно размытыми, поскольку уголовники и социально-вредные элементы также попадали под аресты, предписанные приказом № 00447. В некоторых случаях областное начальство перебрасывало дела арестованных из юрисдикции одних троек под юрисдикцию других, чтобы оставаться в пределах спущенных им квот на аресты или перевыполнять их. Такой случай, в частности, имел место в Западной области в июле 1937 г., где органы госбезопасности передали на рассмотрение милицейских троек дела тысяч людей, арестованных на основании приказа № 00447, чтобы не превысить квоты на аресты в ходе массовых операций¹⁰¹. (Подобные хитрости потеряли всякий смысл после октября 1937 г., когда лимиты стали устанавливать не максимальное, а минимальное число арестованных по разным категориям.) Не очень понятно, как принимались решения, по которым то или иное лицо попадало под юрисдикцию милицейской тройки вместо особой тройки НКВД. Но в любом случае этот человек мог считать, что ему сильно повезло, поскольку милицейские тройки имели право приговаривать обвиняемых только к заключению в лагерь или к ссылке в спецпоселение на срок до 5 лет, но не могли выносить смертные приговоры. Шрейдер в своих воспоминаниях отмечает, что милицейские тройки были загружены делами не меньше троек, рассматривавших дела арестованных в ходе массовых операций. При этом он сожалеет о том, что многие закоренелые уголовники, попадавшие под юрисдикцию милицейских троек, смогли отделаться слишком мягкими, по его мнению, приговорами, получив всего по 5 лет лагерей¹⁰².

Городские операции

Сотрудники госбезопасности нередко лаконично называли проводившиеся массовые операции просто «антикулацкими». В определенном смысле это было правильным наименованием, поскольку большинство арестованных по приказу № 00447 составляли бывшие кулаки и ссыльные, а массовые операции, проводившиеся в сельских и промышленных районах страны, были направлены именно против них. Большинство таких операций проводили органы госбезопасности, и понятно, почему среди сотрудников этих органов сложилось впечатление об их антикулацкой направленности. Однако

---

¹⁰¹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 42.

¹⁰² Шрейдер М. НКВД изнутри... С. 87–88.

массовые операции представляли собой нечто большее, чем второй этап раскулачивания. В городах они были направлены преимущественно против маргинальных слоев общества, нарушителей паспортного режима, бывших заключенных, известных хулиганов или подозреваемых в хулиганских наклонностях, против безработных и бездомных, а также подозреваемых в криминальной деятельности. В абсолютных цифрах число арестованных под рубрикой «кулаки» превышало число задержанных маргиналов и уголовников, но тем не менее последние составляли значительный процент арестованных. В Новосибирске массовые чистки затронули порядка 7 тыс. человек, что составило примерно 6–8 % взрослого населения города¹⁰³. При этом ответственность за аресты этих категорий граждан была возложена главным образом на милицию, а не на органы госбезопасности. В целом милиция была освобождена от участия в самой мрачной части репрессий, а именно – в расстрелах приговоренных, но, как уже отмечалось выше, порой милиционеров принудительно включали в состав расстрельных команд. Основное исключение из этого правила представляли начальники отделов уголовного розыска, которых привлекали к участию в расстрелах. Чаще же сотрудники милиции, прежде всего офицеры уголовного розыска, входили в состав групп, проводивших аресты. Милицейские штампы на фотографиях арестованных доказывают, что НКВД привлекало сотрудников уголовного розыска к оформлению документации на заключенных. Начальники уголовного розыска, по крайней мере, в Ленинграде, руководили также главными оперативными подразделениями, проводившими массовые операции¹⁰⁴. Вполне понятно стремление Шрейдера оправдать милицию, отмечая различия между нею и органами госбезопасности, но так или иначе она была глубоко вовлечена в массовые репрессии.

Сотрудники милиции с большим или меньшим желанием принимали участие в кампании массовых репрессий. Например, Шрейдер придерживался в этом тонкого, но опасного курса. Он старался исполнять свой долг, как он его понимал, но одновременно защитить себя и своих подчиненных от участия в самых неприглядных аспектах деятельности репрессивной машины. Шрейдеру действительно неоднократно грозил арест за его сопротивление руководителям органов госбезопасности, и, в конце концов, он был действительно арестован в 1938 г. и, как водится, обвинен в контрреволюционной заговорщицкой деятельности. К счастью для него, его арест пришелся на самый конец массовых чисток, и после снятия Ежова он избежал су-

¹⁰³ Тепляков А. Г. Органы НКВД... С. 6.

¹⁰⁴ См. фотографии арестованных: Бутовский полигон... Т. 4. С. 7–8. Об арестах в Ленинграде см.: Иванов В. А. Операция НКВД СССР... С. 7.

рового приговора по политическим статьям. Шрейдера приговорили к минимальному сроку заключения за служебные упущения, в конце концов, он был освобожден и дожил до старости.

Шрейдер не сомневался в необходимости проведения жесткой кампании против преступников, подпадавших под статьи Уголовного кодекса, хотя был противником политизированного процесса массовых репрессий. Некоторые другие милицейские начальники также отказывались участвовать в любых массовых арестах, но было ли это следствием причин морального порядка или просто бюрократической инерции, остается неясным. Например, в директиве, направленной во все управления НКВД в сентябре 1937 г., Ежов подверг суровой критике руководство милиции Татарии за вялость в исполнении служебных обязанностей, предписанных приказом № 00447. В подтверждение тому Ежов отметил, что татарская милиция в августе задержала всего 695 социально-вредных элементов по всей республике, большинство которых, по словам Ежова, составили мелкие спекулянты, нищие и мелкие хулиганы. Все эти социально-вредные элементы были пропущены через обычные милицейские тройки и отделались легкими приговорами. Многих из них просто оштрафовали, причем незначительно, в среднем, всего на 34 рубля с человека. Милиция не проводила организованных кампаний против банд хулиганов, буквально контролировавших некоторые районы городов и поселков. Деятельность паспортных столов милиции была полностью дезорганизована. Хаос, царивший в паспортной работе, не только вызывал законное недовольство общественности длинными очередями на обмен паспортов, в которых стояло до 900 человек, но также серьезным образом препятствовал милиции выявлять и отслеживать политических врагов и социально-вредные элементы¹⁰⁵.

Виновных в подобной вялости ожидали серьезные наказания. В конце концов, на дворе был 1937 г., и Ежов был настроен наказать всех наиболее нерадивых начальников. В общей сложности были обвинены в непредусмотренных Уголовным кодексом должностных и политических преступлениях и арестованы 11 высокопоставленных офицеров татарской милиции, включая ее начальника Аитова. Его заместитель был снят с должности и изгнан из НКВД без права восстановления. За служебные упущения и коррупцию были наказаны начальники республиканского уголовного розыска и паспортного стола¹⁰⁶. Несколько аналогичных расследований, последовавших в конце лета и осенью 1937 г., стали предупреждением милицейским начальникам о необходимости серьезного отношения

---

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 66. Л. 286–88.

¹⁰⁶ Там же. Л. 289.

к исполнению приказа № 00447. Интересно отметить, что такие расследования затрагивали преимущественно органы милиции периферийных регионов страны или командование пограничных войск, например, в Азовско-Черноморской области, Казахстане, Грузии, Армении и Туркменистане¹⁰⁷. Ежов нашел причины для недовольства деятельностью даже столичной милиции. В августе Ежов распорядился передать Центральное бюро адресной регистрации в Москве, бывшее в подчинении ГУ РКМ, под начало второго оперативного отдела ГУГБ¹⁰⁸. Ежов не назвал никаких причин этого переподчинения. Вероятнее всего, оно стало скорее результатом бюрократической некомпетентности, нежели активного сопротивления или недостатка рвения руководства милиции. Ежов хотел быть уверенным в том, что госбезопасность обладает прямым и беспрепятственным доступом к городской адресной картотеке, что было важно, когда чистки перешли в фазу нелимитированных квот на аресты.

Судя по большинству источников, руководство милиции в Москве и других городах страны не проявляло колебаний в проведении арестов по приказу № 00447. Напротив, многие приветствовали начало новой кампании, видя в ней возможность раз и навсегда очистить городские улицы от нежелательных для общества личностей. «Мы занимаемся чисткой Москвы», – заявил участковый капитан милиции матери, пытавшейся протестовать против ареста ее сына в ноябре 1937 г. Этот молодой человек, Кирилл Коренев был задержан в соответствии с приказом № 00447 на том основании, что за ним числились два ранее вынесенных приговора за мелкие кражи. Милиция также объявила, что Коренев был безработным и поэтому социально-вредным элементом. «Мы, наконец, очищаем город от таких типов, как ты», – заявил Кореневу один из милиционеров, арестовавших его¹⁰⁹.

По приговору Московской областной тройки Коренев получил 8 лет заключения в лагере, но его, по крайней мере, не расстреляли, как многих других. Так, М. А. Козловский, диспетчер железной дороги в Саратовской области, был арестован милицией в соответствии с приказом № 00447 в сентябре 1937 г. и приговорен к расстрелу за пьянство и связи с уголовниками. В своих письменных показаниях, которые он давал позднее в ходе расследования прокуратурой фактов незаконных арестов и приговоров, некто Рудин, работавший в то время начальником Саратовского уголовного розыска, утверждал, что офицеры милиции не испытывали никаких колебаний, арестовывая маргиналов и бывших уголовников. Но Рудин при этом добавлял, что

---

¹⁰⁷ Там же. Л. 211–267.

¹⁰⁸ Там же. Д. 137. Док. 35.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 132. Л. 9.

он сам и его подчиненные не имели представления о том, насколько суровые приговоры ожидали тех, которых они арестовывали. По его словам, решения по этому поводу принимались исключительно тройками, а в протоколах арестов не было места для рекомендаций офицеров милиции в отношении будущих приговоров арестованным, и с ними по этому вопросу не консультировались¹¹⁰.

Рудин хорошо продвигался по службе. Ему было присвоено звание майора, и он был переведен в Московское областное управление уголовного розыска, где работал в 1939 г., когда писал свои письменные показания. К его заявлениям о неучастии в вынесении и исполнении приговоров следует относиться с некоторым подозрением, поскольку Рудин давал показания в ходе прокурорского расследования преступлений, совершенных в период массовых чисток, и, стремясь выгородить себя, он, естественно, преуменьшал меру собственной ответственности. Возглавляя в 1937 г. уголовный розыск одной из крупных российских областей, Рудин, по всей вероятности, был вовлечен во все аспекты массовых операций, включая, прежде всего, участие в казнях приговоренных в составе расстрельных команд, и поэтому ему, вероятно, было достаточно хорошо известно, что ждет тех, кого он арестовывал по приказам о проведении этих операций. Но крупницы правды в его показаниях присутствуют. Массовые репрессии в крупных городах по своему исполнению сильно отличались от тех, что проводились в малых городах и в сельской местности, где они требовали серьезной материально-технической и пропагандистской подготовки. Поворот государства против крестьянства означал радикальное изменение предыдущей политики гонений, нацеленной на представителей местных властей. Реорганизация оперативных подразделений, насыщение их новыми сотрудниками и перенос центра тяжести пропаганды на новых «врагов», безусловно, заставляли даже рядовых сотрудников НКВД верить в то, что происходит нечто серьезное и сильно отличающееся от обычных репрессивных кампаний.

Иная ситуация складывалась в крупных городах. Для многих городских милиционеров операции, проводившиеся на основе приказа № 00447 и связанные с массовыми арестами уголовных и маргинальных элементов, были вполне привычным делом, по крайней мере, на первой стадии репрессий. В конце концов, милиция в предыдущие годы неоднократно принимала участие в разнообразных кампаниях зачисток городов. Поэтому милиционеры рассматривали операции по приказу № 00447 как очередную кампанию, призванную, как обычно, «раз и навсегда покончить» с привычными антисоветскими категориями населения. Как и прежде, в 1933–1934 или 1935–1936 гг.,

---

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 131. Л. 38.

милиции в 1937 г. было приказано выявить и арестовать ее обычных клиентов – маргиналов, нарушителей паспортного режима, предполагаемых уголовников и т. п.

Подобное ощущение привычности массовых чисток усиливалось самой технологией их проведения. Рудин в своих показаниях сообщал: «Следует отметить, что самого приказа № 00447 ни я, ни мои работники никогда не только не читали, но и не видели, а выполняли все письменные и устные указания со ссылкой на данный приказ, которые давал бывший начальник УНКВД [по Саратовской] области, майор госбезопасности Стромин, впоследствии оказавшийся врагом народа». По словам Рудина, райотделам милиции было просто приказано составить списки лиц, ранее осужденных или имевших приводы. Начальник отдела собирал эти списки и на их основе выписывал ордера на аресты. При этом сотрудникам, составлявшим списки, было приказано не обращать внимания на характер преступлений, а включать в них всех, кто имел судимости или приводы. Поначалу списки объединялись на областном уровне управлением уголовного розыска. Рудин и его начальник, глава областной милиции должны были подписывать объединенные списки перед их передачей ГУГБ для принятия решений. Однако со временем Стромин начал обходить этот промежуточный этап в составлении списков и направлял уполномоченных госбезопасности за списками непосредственно в райотделы милиции. Рудин вспоминал: «Стромин утверждал, что передача списков через нас, т. е. через областное управление милиции, слишком замедляет весь процесс, и что мы часто неверно формулируем обвинения, что приводит к необходимости возвращения списков на доследование». Разумеется, доследование на самом деле означало просто придание обычным уголовным обвинениям приемлемой бюрократической формы. Как уже отмечалось в случае с кировским железнодорожным прокурором Воробьевым, написание обвинений в преступлениях для троек, выносивших приговоры во время чисток, требовало определенных навыков. Очевидно, местные милиционеры слабо разбирались во всех тонкостях этой бюрократической бумажной работы. Во всяком случае, Рудин без всякой иронии, а напротив, с определенным чувством уязвленной профессиональной гордости утверждал, что сбор и оформление доказательств всегда были слабым местом в работе областной милиции. Сотрудники милиции на местах были малообразованными, и милицейским руководителям областного уровня постоянно приходилось возвращать на места неполные или неверно оформленные материалы расследований. Во время чисток сотрудники госбезопасности не желали мириться с бюрократической безграмотностью местной милиции даже под давлением спущенных контрольных цифр на аресты. Поэтому они упростили процедуру подготовки обвинительных материалов и принялись сами собирать

списки лиц, подлежащих арестам, в районных отделах милиции и собственноручно затем составлять на них обвинительные заключения. В некоторых случаях, как в примере с Воробьевым, они привлекали себе в помощь грамотных профессионалов¹¹¹.

Руководствуясь списками местной милиции, специальные группы приступали к арестам. Нередко арестами занимались сотрудники местной милиции, но их роль заканчивалась передачей арестованных под юрисдикцию ГУГБ и троек. Как отмечал Рудин, милиционеры не участвовали в установлении наказаний, к которым предполагалось приговаривать арестованных ими лиц. Более того, как следует из ряда источников, милиция даже не участвовала в процессе сбора и оформления свидетельских показаний, на основе которых составлялись обвинительные заключения. Таким образом, местная милиция не представляла, куда направят на рассмотрение дела арестованных ею граждан – в обычные милицейские тройки или в особые тройки НКВД, образованные для проведения массовых чисток. Трудно поверить, что милицейские начальники такого ранга, как Рудин, оставались не в курсе дальнейшей судьбы людей, арестованных милицией или не представляли истинные масштабы массовых чисток. Вместе с тем вполне возможно, что сотрудники милиции на местах действительно не всегда понимали, что происходит вокруг, даже принимая в этом непосредственное участие. Они, конечно, замечали, что массовые операции 1937 – начала 1938 г. по своим масштабам заметно превосходят кампании социальной защиты середины 1930-х. Как уже отмечалось выше, многие сотрудники милиции на самом деле даже приветствовали возобновление кампании против маргинальных и криминальных элементов, остававшихся в их городах. Бюрократическая сторона арестов в ходе массовых чисток также несколько отличалась от предыдущих кампаний. Тем не менее чистки были нацелены на те же социальные группы городского населения, что и в ходе кампаний социальной защиты в предыдущие годы. Оперативные аспекты массовых арестов тоже во многом были аналогичны. Сотрудники и руководители милиции могли не представлять себе общие масштабы происходившего, но они, по крайней мере, имели возможность оградить себя от последующего привлечения к уголовной ответственности за свои действия. В частности, насколько нам известно, тот же Рудин не понес никакого наказания за участие в массовых чистках¹¹².

---

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 131. Л. 36–37.

¹¹² Описание дела Козловского см. также: Cynthia Hooper. *Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964*. Ph.D. diss. Princeton University. 2003. P. 285–289; Paul Hagenloh. 'Socially Harmful Elements' and the Great Terror: Stalinism: New Directions, ed. Sheila Fitzpatrick. London, 2000. P. 301–302.

Развязка

Политбюро дважды продлевало сроки проведения операций на основании приказа № 00447, первый раз в середине декабря 1937 г. и еще раз в конце января 1938 г. Официальное указание о прекращении операций не было отдано вплоть до ноября 1938 г., когда, наконец, Политбюро приказало свернуть их окончательно. Постановление об окончании чисток и роспуске троек, подписанное Сталиным и Молотовым, вышло 17 ноября, породив на местах приступ лихорадочной активности по оформлению дел арестованных и передаче их на рассмотрение троек. Но в большинстве своем массовые операции по приказу № 00447 начали постепенно затухать уже в феврале-марте 1938 г. Как уже отмечено выше, к концу января 1938 г. приговоры уже получили более 600 тыс. человек из 748 тыс. арестованных по приказу № 00447. Еще 148 тыс. стали жертвами массовых чисток в 1938 г., но их аресты в основном пришлись на приграничные районы страны, где власти больше всего опасались возможных вредительств и диверсий в случае вражеского вторжения. Казалось, что Политбюро и НКВД позднее января утратили интерес к этим операциям. В областные штабы по их проведению больше не поступали директивы, требовавшие увеличения числа арестованных. Более того, имели место случаи противоположного свойства. Например, когда в январе власти Татарской АССР запросили увеличения квот на аресты, Политбюро впервые ответило отказом. Результатом стало решительное прекращение массовых операций в республике. В феврале и марте Политбюро отклонило соответствующие обращения, поступившие из еще нескольких областей, и чистки в них сошли на нет аналогичным образом¹¹³.

Подобный оборот событий произошел в считанные недели, но свертывание арестов по приказу № 00447 свидетельствовало не об окончании массовых чисток, а только о переменах в их целенаправленности. Под нажимом Политбюро НКВД переключил внимание на операции, направленные против иностранцев и национальных меньшинств. Эти операции развертывались медленнее тех, что происходили по приказу № 00447, и достигли своего пика позднее. Аресты кулаков и уголовников, приобретшие наиболее массовый характер в конце 1937 г., постепенно пошли на спад после января 1938 г. Операциям по приказам, касавшимся различных нацменьшинств, в феврале 1938 г. еще только предстояло полностью развернуться. В период с января по

---

¹¹³ В феврале и марте руководство НКВД и Политбюро отклонили еще несколько запросов на увеличение квот арестов, поступивших из Татарской АССР, Калининской и Курской областей. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 48.

ноябрь 1938 г. включительно органами госбезопасности по этим приказам было в общей сложности арестовано свыше 300 тыс. человек.

Политбюро своим постановлением от 17 ноября приказало прекратить все массовые операции. Это постановление сигнализировало о решительном повороте в политике власти теперь уже против массовых репрессий и ознаменовало конец жестокого правления Ежова в органах госбезопасности. В соответствии с этим постановлением были распущены все внесудебные органы вынесения приговоров, а любые аресты теперь должны были проводиться только с санкции прокуратуры. Стране надо было возвращаться на рельсы относительной законности, с которых она скатилась с началом массовых чисток. Спустя несколько дней после выхода постановления Политбюро Ежов был снят с занимаемой должности и заменен Лаврентием Берией, бывшим до того руководителем НКВД Грузии. Повторился сценарий конца 1936 – начала 1937 г., и Ежов, подобно своему предшественнику Ягоде, был обвинен в контрреволюционном вредительстве. Ему вменялось в вину наводнение органов НКВД антисоветскими элементами. Он якобы сознательно вводил в заблуждение партию и правительство и поощрял массовые репрессии против невинных граждан посредством внедрения упрощенного и ускоренного механизма чисток. Сталин и Молотов, естественно, не взяли на себя ответственность, и вина за них была возложена на Ежова и его клан в НКВД. Ежов был приговорен к смертной казни и расстрелян в феврале 1940 г.¹¹⁴

После того, как Ежов впал в немилость и лишился власти, открылась новая глава в истории массового террора. Неделью спустя после выхода постановления Политбюро от 17 ноября, Берия 26 ноября 1938 г. издал собственный приказ по НКВД, отменявший приказ № 00447 и все остальные приказы, касавшиеся массовых репрессий. В приказе Берии были перечислены 18 приказов и дополнений к ним, утративших силу. Все незавершенные дела, открытые по этим приказам, подлежали передаче в прокуратуры соответствующего уровня для последующего представления в регулярные суды¹¹⁵. На волне этих событий Берия запустил процесс чисток внутри НКВД, направленных прежде всего против приближенных Ежова и тех, кто проявил наибольшую активность в ходе массовых репрессий. Цикл чисток и контробвинений начал воспроизводить сам себя. Пока Берия занимался чистками в НКВД, прокуратура приступила к расследованию

---

¹¹⁴ Ежов был снят с должности руководителя НКВД 25 ноября 1938 г. До своего ареста в апреле 1939 г. он работал на посту наркома водного транспорта. Петров Н. В. Скоркин К. В. Кто руководил НКВД... С. 185.

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 249. Л. 456–461.

злоупотреблений сотрудников своего ведомства, совершенных ими в 1937–1938 гг. Комиссии, занимавшиеся расследованиями, были завалены десятками тысяч обращений и жалоб. Многие из тех, кому посчастливилось выжить, обжаловали приговоры, присылая обращения из мест заключения или ссылки. Другие обращения приходили от родственников умерших или пропавших без вести заключенных. Прокуратура в течение 1939–1940 гг. пересмотрела несколько тысяч дел, и в результате многие приговоры были отменены. Процесс отмены приговоров ничего не значил для тех, кого уже не было в живых, но реабилитация члена семьи означала для родственников восстановление в гражданских правах и возвращение чувства собственного достоинства. Нередко отмена приговора сопровождалась возвращением конфискованного имущества или выплатой компенсаций за него. С другой стороны, многие сотни тысяч приговоров были оставлены в силе, а жертвы репрессий, живые или мертвые, оставались официально признанными врагами государства.

Заключение

Массовые чистки имели разрушительные последствия. Не говоря уже о человеческих потерях, последствия чисток для общества вылились в воссоздание хаоса, который массовые репрессии якобы были предназначены устранить. Предполагалось, что в их результате общество и его институты будут очищены от опасных элементов, а это, в свою очередь, будет способствовать усилению страны накануне предстоявшей войны. На деле же оказалось, что все юридические, судебные и правоохранительные органы советского общества пришли почти в полный упадок в результате уничтожения их работников. Многие части страны оказались без судей, судебных приставов и прокуроров, а ряды милиции и органов госбезопасности были сильно прорежены в результате арестов и переводов их сотрудников. В результате к 1940 г. многие офицеры этих органов имели стаж службы от одного года до двух лет, если не менее¹¹⁶. Ведомственная

---

¹¹⁶ О стаже работы сотрудников см. личные дела: Там же. Оп. 8. Д. 58. Л. 6; Там же. Д. 65. Л. 77–79. Подробнее о последствиях чисток милиции см. с. 498–501. О неспособности милиции охранять общественный порядок и защитить граждан от преступников сообщается в отчете за 1939 г. Там же. Оп. 12. Д. 231. Том. 1. Док. 10. Чистки не только проредили ряды милиции, но также опустошили сети агентов и осведомителей милиции и госбезопасности. Так оценивал их состояние, в частности, К. К. Пастаногов, начальник секретно-политического отдела Западно-Сибирского УНКВД в 1939 г. Он утверждал, что чистки проводились без всякой агентурной работы, и это привело к арестам многих ценных агентов и разрушению агентурной сети. Тепляков А. Г. Органы НКВД... С. 4.

инфраструктура страны была разрушена. О потерях среди высшего командного состава Красной Армии хорошо известно из многочисленных и часто цитируемых источников, но не меньший ущерб был нанесен чистками и другим ключевым государственным органам. Например, резко возросло в 1939–1940 гг. число крушений поездов на железных дорогах, где работали неопытные машинисты, диспетчеры и стрелочники. Утрата квалифицированных рабочих и инженеров повлекла за собой взрывной рост числа производственных аварий на шахтах и в промышленности в целом. Сходные проблемы возникали практически во всех областях общественной и государственной деятельности.

Принудительная миграция населения и миллионные потери человеческих жизней свели к нулю любые стабилизирующие последствия и возможности усиления контроля общества, предполагавшиеся в результате чисток и внедрения законов о паспортах и прописке. Сотни тысяч беглецов скитались по стране. Они все чаще были вынуждены фальсифицировать свои личные данные, доставать поддельные паспорта и вовлекаться в преступную деятельность. Члены семей арестованных, не взирая на запреты, пробирались на восток, куда, как они знали точно или предполагали, отправлены их родные и близкие. Железнодорожные станции и малые города в местах ссылки или расположения исправительных заведений были переполнены оборванными людьми, ночующими на вокзалах и привокзальных площадях¹¹⁷. Органы соцобеспечения не справлялись с быстрым ростом числа сирот и безнадзорных детей. Эта вновь возникшая проблема по своим масштабам приближалась к той, что уже наблюдалась после великих кампаний коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг. Принудительная миграция, нелегальная скупка и продажа товаров породили в 1939 г. всплеск спекуляции, поскольку миллионы людей выпали из официального рынка и государственного механизма торговли. Выросла преступность, а милиция, ряды которой были сильно прорежены чистками, была не в состоянии с нею справиться. Советское общество сильно изменилось за два года массовых чисток. Сотни тысяч людей были уничтожены государством, разрушена нормальная жизнь многих миллионов. И все это делалось под лозунгами наведения порядка и безопасности государства. С другой стороны, если почитать отчеты правительства, милиции, судебных органов и прокуратуры, то может показаться, что в стране мало что поменялось. Они всё также были переполнены сообщениями об уголовных преступлениях, нелегальной миграции, спекуляции, хулиганстве, бес-

---

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 92.

призорных детях, взяточничестве и коррупции и мало чем отличались от подобных документов начала и середины 1930-х гг.¹¹⁸

Так закончился Большой террор, затянувший страну в трясины убийств и хаоса, но не принесший ее руководителям желаемых результатов. Массовые чистки стали безусловной катастрофой для общества, ужасной по своей жестокости и чудовищной по банальности царившего в ходе их проведения бюрократического произвола. Разрушительные последствия массовых репрессий для советского общества смогла затмить только будущая война. Многие произошло за эти два года, но худшее страну ждало впереди.

---

¹¹⁸ О просачивании рецидивистов и других уголовников в промышленные центры см., например, доклады за 1939 год: ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–11. Я признателен Джиму Хейнцену, указавшему мне на этот источник. См. также: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 231. Том. 1. Док. 10. См. также описания состояния дел в Ленинграде в 1939–1940 гг. Иванов В. А. Операция НКВД СССР... С. 8–9; доклады, поступившие в конце 1938 г. из Западной Сибири, в которых говорилось о резком росте числа бездомных детей и несовершеннолетней преступности, наряду с увеличением числа людей, бежавших из заключения: ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 68. Л. 1–8.

11. ВНЕ ЗАКОНА

Дело Кирилла Коренева

Мы загоним тебя, куда Макар телят не гонял.
*Заявление инспектора милиции Гоголева
Кириллу Кореневу*

Разрушительные последствия Большого террора можно оценивать статистически, приводя данные о сотнях тысяч людей, арестованных, а затем казненных или оказавшихся в заключении. Для их оценки могут быть также привлечены сведения о демографических изменениях, экономическом ущербе или утрате профессиональной инфраструктуры в результате массовых чисток. Все эти способы полезны тем, что дают ценные сведения для исторических обобщений и сопоставлений. Но не менее ценными для социальной истории может быть изучение биографий отдельных людей, позволяющее взглянуть на опустошения, принесенные чистками, с индивидуальной, более эмоциональной точки зрения человека, которого они непосредственно затронули. Взгляд на чистки через призму истории всего одной из жертв террора способен немало поведать о том, как людям удавалось справляться с деспотической мощью репрессивных органов в лице милиции и органов госбезопасности. Биография одного конкретного человека позволяет также лучше рассмотреть мелкие подробности или показать, как работала и как не работала репрессивная система.

Именно такую возможность предоставляет дело Кирилла Коренева, ставшего одной из бесчисленных жертв массовых чисток. Случай Коренева сильно отличается от типовых историй, описанных в литературе в самых разных вариациях. Он не был арестован органами госбезопасности по стандартному обвинению в шпионаже, вредительстве или антисоветской агитации и оппозиционной деятельности. Он не был ни антисоветчиком, ни притаившимся троцкистом или как-то еще замешанным в политике. Его арестовала московская милиция в ноябре 1937 г. как социально-опасный элемент в соответствии с оперативным приказом № 00447, после чего он был приговорен к лагерному заключению просто потому, что ранее имел судимости за хулиганство, а в момент ареста был безработным. Впрочем, обратившись к его истории, мы не ставили своей целью еще раз рас-

сказать о политических репрессиях или о жизни заключенных в советских тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях. Коренева не держали долго в предварительном заключении, он не испытал на себе многодневных и многонедельных психологических и физических пыток допросами и изоляцией, что было характерно для политических заключенных. В случае Коренева представляет интерес не его пребывание в заключении, поскольку нам достаточно много известно о тяжелых условиях и стратегиях выживания в советской системе принудительного лагерного труда, а его жизнь за пределами лагерей, когда он находился в бегах. С момента ареста Коренева в 1937 г. началась его одиссея заключений, побегов и жизни вне закона, продлившаяся почти 4 года. Мы имеем возможность реконструировать этот период его жизни, воспользовавшись сохранившимся объемистым делом на 255 листах, содержащим подробное описание его страданий в качестве заключенного и беглого преступника, скитавшегося по Восточной Сибири. Из его дела мы узнаем, как ему удавалось вновь и вновь менять маски, подделывать паспорта, отметки о прописке и другие документы, удостоверяющие его личность, как он скитался с места на место, меняя города, деревни и рабочие поселки. В его деле содержатся его собственные письменные показания, рапорты сотрудников милиции и документы прокуратуры, письма Коренева его матери Софье Романовне, подписанные вымышленными именами. В деле также сохранились многочисленные письма и обращения матери Коренева с просьбами о пересмотре приговора и освобождении ее сына. Дело Коренева, заведенное Прокуратурой СССР, в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве¹. История Коренева может показаться художественным вымыслом, пригодным для киносценария, но самое замечательное в ней то, что все рассказанное является правдой.

История Кирилла Коренева необычна, именно поэтому она способна многое поведать о системе управления обществом, которую пытался насадить сталинский режим в 1930-е гг. В главе 8 мы уже упоминали о том, что введение в 1933 г. паспортной системы и института прописки дало в руки милиции и органов госбезопасности мощное средство для достижения поставленной перед ними цели – надзоре за населением страны и управлении им. Посредством внедрения всего комплекса мер, предусмотренных этой системой, органы НКВД и политическое руководство страны надеялись остановить неконтролируемый исход сельских жителей в города и рассчитывали, что им

---

¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 132. Все остальные ссылки на архивные материалы в данной главе относятся к тому же фонду, описи и делу в ГА РФ. Попытки отыскать родственников или потомков Коренева пока не имели успеха.

удастся ввести в требуемое русло миграционные потоки населения между селом и городом, между различными регионами и промышленными районами страны. Милиция использовала паспортный режим и институт прописки прежде всего в целях очистки городов и стратегически важных регионов от бродяг, уголовников и других нежелательных обитателей. Паспортная система, как предполагалось, была призвана ограничить свободу перемещения маргинальных элементов, привязав их к установленным местам обитания, будь то лагерь, колонии или определенные районы страны, и лишить их доступа к жилищным и снабженческим привилегиям, которыми пользовались «нормальные» советские граждане. Короче говоря, власти видели в паспортной системе средство социального и географического закабаления граждан для того, чтобы укрепить систему поощрений и наказаний, присущую сталинскому общественному порядку.

Тем не менее, как нам известно, люди сотнями тысяч и миллионами законными и незаконными способами перемещались по безграничным просторам советской империи на протяжении 1930-х гг. Вопреки всем запретам бродяги, нищие, уголовники и прочие отверженные пробирались по шоссе, железнодородным и водным путям. Цыгане, как обычно, массами кочевали по сельской местности. Толпы беспризорников, число которых в стране измерялось десятками тысяч, наводняли поезда, сортировочные станции, рынки и городские задворки. Воры, мошенники и проститутки усердно занимались своим ремеслом в городах и на стройках. Политические ссыльные вновь и вновь пробирались в запрещенные для их проживания города в поисках работы и жилья. Как же всем этим людям удавалось кочевать по стране, получать работу и жилье, оставаясь подолгу в одном месте, а потом собираться и переезжать на другое? Насколько велико было число людей, которые смогли обойти строгие ограничения паспортной системы и института прописки? Все это вызывает недоумение, особенно применительно к 1930 гг., периоду, отличавшемуся быстрым ужесточением полицейского надзора и суровыми репрессиями. Как огромное количество граждан перемещалось в пределах строго охраняемого органами правопорядка государства, где предполагалось, что каждому человеку отведено положенное ему место, и он должен оставаться там постоянно?

Найти ответы на многие из этих вопросов как раз и помогает история Коренева. Материалы его дела повествуют о том, как действовала (или, точнее, не действовала, как положено) система паспортного контроля и прописки, как работала милиция и насколько сложно было властям отслеживать отдельных людей, менявших личные данные и перемещавшихся с места на место, несмотря на наличие всеобъемлющей системы полицейского надзора за населением. История Коренева в сочетании с изучением отчетов милиции и паспортных

столов позволяет провести полезный микроанализ системы надзора за миграцией населения в условиях сталинской диктатуры.

Дело Коренева является уникальным архивным документом, но имеющиеся в нем документы отражают опыт многих граждан Советского Союза 1930-х гг. Важность представляют не столько конкретные уголовные прегрешения самого Коренева, сколько его маргинальный статус в советском обществе, его постоянные передвижения по стране со многими сменами вымышленных имен и фамилий. 1930-е гг. были, прежде всего, десятилетием болезненных социальных потрясений, когда по прихоти официальной политики миллионы людей с семьями были вынуждены отрываться от своих корней, неоднократно менять социальный статус и фактически проживать по нескольку жизней. Официальная политика властей придавала маргинальный и криминальный статус многим видам деятельности и категориям граждан, причем нередко задним числом. Например, тот же Коренев был признан социально-вредным элементом, потому что совершил мелкое уголовное преступление в начале 1930-х гг., за которое он отбыл срок заключения, был впоследствии освобожден и реабилитирован. Человек мог быть также объявлен преступником просто за порочащие его связи. Почти каждому было что скрывать – судимость, увольнение с работы, родственные связи с враждебными элементами. На многих висело их собственное «чуждое» происхождение или связи с политическими группами или организациями, впоследствии объявленными подозрительными или враждебными. Советский Уголовный кодекс и другие установления государственной власти заставляли людей строить свои жизни так, чтобы избегать подобных связей. Таким образом, детали воспроизводимой здесь истории жизни человека в рамках закона и его существования вне закона позволяют на его частном примере проследить, насколько произвольно, в зависимости от изгибов государственной политики, обстоятельств и прихотей местных властей, люди оказывались законопослушными гражданами или преступниками. Изучение материалов дела Коренева обнажает всю абсурдную жестокость, а порой и трагичность условий, в которых оказывались люди в 1930-х гг.

Соцвредэлемент

История Коренева начинается с момента его рождения в 1915 г. в семье Софьи Романовны Бродской и Кирилла Александровича Коренева, бывших до революции активными и давними членами партии социалистов-революционеров. По иронии собственных судеб, ставших как бы предвестниками будущей судьбы их сына, Софья и Кирилл были порознь арестованы и сосланы в Сибирь, откуда по нескольку раз совершали побег еще до того, как встретились и поженились в 1914

или в 1915 г. Они оба вели трудную, но вполне типичную для революционеров жизнь в условиях Первой мировой войны и подпольной политической деятельности. Сама Софья родила пятерых детей, из которых выжили трое (один ее ребенок умер, не пережив тяжелых условий жизни в ссылке), и взяла на воспитание еще двоих детей своей подруги и товарища по революционной борьбе, умершей в ссылке. После Октябрьской революции семья Кореневых поселилась в Москве, где, по словам Софьи, ее муж стал одним из первых наркомов земледелия в правительстве, руководимом Лениным. Коренев вышел из партии левых эсеров в 1922 г. и умер в 1927 г., когда его сыну Кириллу было всего 12 лет. К тому времени, когда Кирилл достиг юношеского возраста, его мать уже была пожилой вдовой, получавшей пенсию по инвалидности, и едва сводила концы с концами. По рассказам Коренева и его матери, они тогда плохо ладили между собой и часто ссорились. Софья старалась делать все возможное, чтобы ее сын учился в хорошей школе, но тот с ранних лет предпочитал «шататься по улицам». Фактически Коренев провел большую часть детства и отрочества на московских улицах без родительского надзора². Именно тогда состоялись его первые знакомства с криминальным миром и с милицией.

Подростком Коренев оказался в числе десятков тысяч безнадзорных детей, заполонивших города страны и в первую очередь Москву в условиях хаоса 1930-х гг., порожденного сталинским социалистическим наступлением по всему фронту. В начале того десятилетия число сирот и безнадзорных детей в Советском Союзе достигло беспрецедентных размеров в результате социальных потрясений, обусловленных жестокой сталинской политикой коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации страны. Возникшие в этот период подростковые банды и проблемы детской преступности доставляли немало хлопот различным социальным учреждениям, ведавших детскими домами и приютами. Коренев не был полным сиротой, но его привлекали прелести уличной жизни, и очень скоро он «скатился на преступный путь»³. Когда в 1933 г. ему исполнилось 18 лет, он уже имел не менее шести приводов в милицию за хулиганство и мелкие кражи. К этому времени власти развернули кампании против социально-вредных элементов, и юные нарушители правопорядка, подобные Кореневу, стали одной из основных целей милицейских облав. Достаточно скоро Коренев оказался жертвой кампании социальной защиты. В ноябре 1933 г. он был задержан за грабеж, и тогда впервые познакомился с органами госбезопасности. 13 ноября тройка Московского областного управления ОГПУ приговорила его как «социально-опасный элемент» к трем годам заключения в лагере.

---

² Л. 6–7.

³ Л. 7.

Коренев не отбыл полностью назначенный ему срок заключения. В ходе общей амнистии он вышел на свободу в октябре 1934 г. Под покровительство матери ему было разрешено вернуться домой в Москву. Но через считанные дни после возвращения Коренев был снова арестован, на этот раз за вооруженный грабеж, когда он вместе с несколькими другими молодыми людьми напал на женщину, оказавшуюся, как выяснилось, женой раскулаченного. Любопытно, что в качестве смягчающего вину сына обстоятельства его мать указала на то, что ограбленная женщина была не просто кулачкой, но и церковной старостой, скрывавшей свое лицо и прятавшей церковную утварь и одеяния священников, а ограбление, очевидно, помогло ее разоблачить. Кроме того, оружие, которым он пользовался, как выяснилось, представляло собой игрушечный детский пистолет, заряженный резиновыми пулями. Как бы то ни было, но Софья писала, что «факт оставался фактом, ее сын участвовал в грабеже и должен быть наказан по заслугам». Таким наказанием для Кирилла стал приговор, по которому он был на 5 лет заключен в исправительно-трудовой лагерь. На этот раз приговор ее сыну, который Софья признала «милосердно мягким», был вынесен не тройкой ОГПУ, а обычным судом. К октябрю 1934 г. ОГПУ преобразовалось в НКВД, большинство троек ОГПУ было распущено и заменено обычными судами. В результате преступление Коренева подпало под статьи 162 и 165 УК и стало объектом рассмотрения Московским областным судом по уголовным делам. Именно этот суд назначил Кореневу второй в его жизни срок заключения⁴.

Часть второго срока Коренев отбыл под началом печально знаменитого Беломорского управления лагерей НКВД. Ему повезло, и его не отправили на строительство одноименного канала, но он трудился на принудительных работах в тресте «Тулострой», строившем Туломскую ГЭС. Коренев работал там в качестве помощника диспетчера, а также какое-то время служил в центральном управлении Беломорстроя, расположенном в городе Медвежьегорск недалеко от Онежского озера. Коренев постарался извлечь максимальную пользу из сложившихся обстоятельств и, будучи грамотным, принимал активное участие в лагерной общественно-политической жизни и помогал редактировать местную газету. В характеристике из его лагерного дела он был назван честным и прилежным работником⁵. Софья даже смогла навещать сына, когда он работал в лагерной администрации. Со временем Коренев написал заметку из опыта своей жизни, которую опубликовала советская молодежная газета «Комсомольская правда». В этой заметке, озаглавленной «Письмо к другу», Коренев

---

⁴ Версию Софьи см.: Л. 7; приговор: Л. 155.

⁵ Л. 8.

описал собственный опыт трудовой «перековки». Он восхвалял советскую судебную систему и сталинскую Конституцию и просил своего вымышленного друга, якобы высокопоставленного комсомольского активиста, простить его и позволить ему вернуться в ряды достойных членов социалистического общества. После тщательной проверки кореневское «Письмо» было опубликовано в номере газеты от 4 января 1937 г., а три дня спустя НКВД по указанию ЦИК СССР досрочно освободил его из заключения. Указ ЦИК гарантировал Кореневу полное восстановление в гражданских правах, что было особенно важно, поскольку позволяло ему получить чистый паспорт без ограничительных отметок. В обычных обстоятельствах человеку, имевшему судимость за вооруженный грабеж, не разрешили бы проживание в так называемых «режимных» районах страны. Лагерные власти выдали бы ему паспорт со специальной отметкой, разрешавшей его владельцу жить и работать только в нережимных городах и районах. Хотя многим удавалось находить обходные пути, по закону сотни тысяч граждан были лишены права проживания в наиболее привлекательных местах, каковыми являлись крупные города и промышленные центры. Эта часть закона о паспортах обрекала маргинальные слои общества на обитание в самых бедных районах страны.

Кореневу еще раз повезло. Благодаря примерному поведению и честному труду в лагере, а также потому, что его семья жила в Москве, он получил от НКВД разрешение на паспорт, не запрещавший проживание в столице. После публикации заметки в «Комсомольской правде» он также стал внештатным корреспондентом (рабкором) этой газеты. В результате он обрел защиту и покровительство, которое в те времена было принято называть *шефством*, со стороны влиятельной газеты, и это имело для него далеко не символическое значение. В качестве постоянного рабкора «Комсомольской правды» Коренев вскоре обрел статус члена Союза советских писателей. В последующие годы сотрудничество с «Комсомолкой» и членство в Союзе не раз выручало его в критических ситуациях, когда он вновь сталкивался с властями.

Сведения о поведении Коренева в следующие несколько месяцев после освобождения разнятся. Судя по милицейским документам, он так и не смог вписаться в нормальное советское общество и упустил свое счастье. После освобождения и возвращения в Москву новоиспеченный член Союза писателей СССР не работает, пьет, гуляет, скандалит с соседями и с матерью. На счету местной милиции он числился как отъявленный хулиган и дебошир⁶. Однако, как утверждала в своих заявлениях его мать, а позднее привлеченный ею на помощь

---

⁶ Л. 8–9.

адвокат из Прокуратуры СССР, все изложенное в милицейских протоколах – неправда. Напротив, Кирилл после возвращения домой вел примерную жизнь. Он устроился на работу и проявил себя как дисциплинированный и добросовестный работник⁷. Но, в конечном итоге, истинной, как мы понимаем, была признана все-таки версия, предложенная милицией. Коренев опять был арестован местным отделением милиции в ноябре 1937 г. и привлечен к уголовной ответственности по статье 7–35б Уголовного кодекса РСФСР. Инспектор районной милиции Соловьев объявил Кореневу, что он арестован как социально-опасный элемент, не имеющий определенного места жительства и занятий. Но, кроме того, и это было главным, он имел уже две судимости, в том числе – за вооруженный грабеж. Кирилл пытался протестовать, настаивая на том, что у него есть работа и постоянное место жительства и что, согласно Конституции, уголовное преследование за отбытые судимости является незаконным. Он не совершал нового преступления, а его прошлое не может быть основанием для ареста. По воспоминаниям матери Коренева, инспектор милиции Соловьев в ответ на возмущенные заявления сына заявил, что «Конституция написана не для таких мошенников, как Коренев, имеющий судимости по статьям 162 и 165 Уголовного кодекса, а следовательно, являющийся вором и разбойником, заслуживающим изоляции и ссылки, даже несмотря на то, что его преступления были совершены в прошлом»⁸. Начальник районного отделения милиции Гоголев, к которому Коренев обратился с протестом против незаконного ареста, был еще более категоричен: «Мы можем выслать тебя из Москвы и без суда; и зашлем туда, куда Макар телят не гонял». На возражение Коренева, что в советской стране в XX в. не может быть таких мест, Гоголев ответил: «Мы найдем для тебя такое место, хоть на краю земли»⁹.

Через два дня после ареста Кирилла его мать начала хождения по инстанциям с просьбой освободить сына, которого в то время уже перевели в одну из центральных московских тюрем. Никто не знал или не желал ответить, за что арестован ее сын, по какой статье его собираются судить и где он находится¹⁰. Но инспектор Соловьев объяснил все очень просто: «Ваш сын – вор и разбойник, и мы очищаем Москву от подобных элементов». Коренева обратилась к районному

---

⁷ Л. 37.

⁸ Л. 8.

⁹ Л. 98.

¹⁰ Соловьев, вероятно, не знал, куда был отправлен Коренев. Судя по более поздним показаниям милиционеров, они зачастую не имели представления о судьбах тех, кого они арестовывали по приказу № 00447.

прокурору Краснопевцеву, осуществлявшему надзор за милицией, чья санкция была по закону необходима для ареста. Тот объяснил ей, что не знал о наличии у ее сына работы и постоянного места жительства, а милиция информировала его иным образом. Тем не менее Краснопевцев отказался опротестовать арест Коренева, ответив Софье, что прошлое ее сына является вполне достаточным основанием для его ареста¹¹.

Не получив помощи от Краснопевцева, несчастная мать обратилась к московскому городскому прокурору Маслову, на прием к которому она попала уже в декабре, почти через два месяца после ареста сына. Маслов согласился с тем, что милиция не имела оснований арестовывать ее сына только за его прошлые судимости. Он издал приказ об освобождении Кириллы, но было уже слишком поздно. По рассказу Софьи Романовны, «несуществующее» дело ее сына уже было передано из юрисдикции милиции и обычного суда по уголовным делам в органы госбезопасности для рассмотрения особой тройкой НКВД. Маслов сообщил ей, что Коренев уже был приговорен постановлением этой тройки как социально-опасный элемент к высылке из Москвы и заключению в исправительно-трудовой лагерь строгого режима. В момент издания приказа о его освобождении Коренев уже был отправлен по этапу к месту отбытия нового срока. Маслов отказался предпринять какие-либо дальнейшие действия по его освобождению, объяснив Софье Романовне Кореневой, что прокуратура в подобных случаях даже не пытается спорить с НКВД¹².

Коренев пал жертвой общесоюзной кампании массовых репрессий, развернувшейся летом 1937 г. в соответствии с приказом № 00447. Более поздние разъяснения НКВД подтвердили, что милиция арестовала Коренева на основании этого приказа, причем не за конкретное преступление, а за то, что у него имелись прошлые судимости. На этом основании он был признан милицией социально-опасным элементом. И, как сурово пообещал ему начальник районного отделения милиции Гоголев, Коренев был снова приговорен во внесудебном порядке постановлением тройки НКВД.

Предположительно милиция арестовала Коренева по статье 7-356 УК, предусматривавшей наказания за отсутствие постоянных работы и места жительства. В своих более поздних заявлениях его мать утверждала, что ее заменили на один из пунктов знаменитой статьи 58 УК, устанавливавшей широкий спектр наказаний за различные виды контрреволюционной и антисоветской деятельности. Вероятно, поняв, что статья 35 не работает, т. к. у Коренева есть и работа, и про-

---

¹¹ Л. 9.

¹² Л. 73об.

писка в Москве, милиция заменила статью предъявленного ему обвинения. Милиционеры не захотели отпустить Коренева. Возможно, на их решение повлияло поведение Кирилла после ареста. Он вел себя явно вызывающе, не желал соглашаться с арестом и подчиняться тюремщикам, требовал свидания с прокурором, писал письма с протестами, угрожал голодовками и самоубийством, сеял среди других заключенных беспокойство и напрасные надежды на восстановление справедливости. Как позднее объяснил Софье Романовне глава московской милиции Панов, именно эти действия и строптивное поведение Коренева стоили ему дорого. Панов в разговоре с матерью арестованного жестко заметил о ее сыне, что «он забыл свое место» как дважды судимый рецидивист, и открыто выражал сомнения в полномочиях и компетенции главы тройки Станислава Реденса, начальника управления НКВД по Москве и Московской области. Это действительно был очень высокий пост, а сам Реденс являлся в 1930-х гг. одним из наиболее влиятельных чекистов¹³. Московская тройка НКВД 17 ноября 1937 г. приговорила дважды судимого Кирилла Коренева к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере строгого режима. Панов заявил Софье Романовне Кореновой, что ее сыну «еще очень повезло, запросто могли ведь и расстрелять»¹⁴.

А. В. Туманов

НКВД действительно постарался загнать Коренева туда, «куда Макар телят не гонял». Он попал в распоряжение администрации Бурятской системы лагерей, занимавшихся строительством железных дорог (Буржелдорлага). После этапа, длившегося более месяца, Кирилл вместе с другими 2455 заключенными прибыл, как он писал позднее, «на крошечную отдаленную железнодорожную станцию, недалеко от города Биробиджана». По документам НКВД, в подчинении которой она находилась, эта станция называлась «Известковая». Лесозаготовительный лагерь, в который попал Коренев, находился на некотором отдалении от железной дороги, еще дальше в глубь тайги. Этот лагерь, занимавшийся рубкой леса, также принадле-

---

¹³ Л. 72–72об. Биографические данные С. Реденса см.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 357–358. Маловероятно, что Коренев встречался с тройкой лицом к лицу, поскольку большинство приговоров арестованным по приказу № 00447 выносились списками. «Слушание» дела Коренева могло заключаться просто во вручении ему тюремщиками вынесенного приговора. Какие бы заявления в адрес Реденса он ни произносил, их, скорее всего, могли услышать только младшие чины милиции, но никак не члены тройки во время рассмотрения его дела.

¹⁴ Л. 72.

жал Буржелдорлагу¹⁵. Следующие несколько месяцев своей жизни Корнев описал в письме матери. Не желая раскрывать свою личность или прошлые судимости ни перед кем, кто мог бы, помимо матери, прочитать это письмо, он составил его в слегка замаскированных выражениях и подписал вымышленным именем¹⁶. Если верить Корневу, он прибыл на новое место заключения в декабре 1937, то ли в начале января 1938 г. По прибытии он сам и его товарищи, к несчастью, быстро убедились, что местное лагерное начальство представляет собой сборище настоящих преступников. Условия жизни и труда для вновь прибывших заключенных, по описанию Корнева, своим убожеством и незаконием превосходили все, с чем ему доводилось сталкиваться прежде. Вскоре у Корнева начались серьезные столкновения с начальством. Кроме того, он опасался, что тяжелые условия обитания в лагере окончательно подорвут его здоровье, которое и так было не слишком хорошим. Корнев перенес ранее несколько серьезных легочных и почечных инфекционных заболеваний, у него еще не зажили обмороженные ноги. Как он писал позднее, «я понял, что побег был единственным шансом для меня остаться живым».

Как следует из его дела, в начале февраля 1938 г. Корнев вместе с несколькими другими заключенными бежал из лесного лагеря, намереваясь добраться до Биробиджана. В письме домой Корнев туманно пояснял, что по ряду сложных причин он оказался без денег на проезд и был вынужден несколько дней бродить в лесах вблизи железной дороги. Вполне вероятно, у него не было документов, и он не мог рисковать появляться в городах или на дорогах, где был бы задержан. Скитаясь без пищи и без теплой одежды, Корнев заболел от голода и холода и оказался в больнице маленького безвестного поселка. Пробыв там несколько дней, находясь между жизнью и смертью, он постепенно начал выздоравливать. Из документов его дела понятно, что Корнев в то время путешествовал под вымышленным именем. Но так и осталось непонятным, и Корнев никак это не объяснил, каким образом бродяга без документов сумел попасть в поселковую больницу в режимном регионе страны, не привлекая к себе внимания местной милиции. Действительно, он попал в больницу при подозрительных обстоятельствах. По собственным воспоминаниям Корнева, его в бессознательном состоянии подобрал милиционер, решивший, что он находится при смерти, и немедленно доставил его в больницу. Эта часть истории Корнева указывает либо на благожелательное отношение местного населения к беглым заключенным, либо на расхлябанность местной милиции, а скорее и на то, и другое, вместе взятое.

---

¹⁵ Л. 141–142.

¹⁶ Л. 67, 67об., 68.

Так или иначе, но Коренев не был задержан, и его игры со смертью продолжились. В письме матери он сообщил, что после выздоровления отправился во Владивосток, но не написал, что по дороге туда заглянул, как и собирался с самого начала, в Биробиджан. Но здесь, не имея документов и денег, он не сумел найти работы и занялся грабежами. Просуществовав таким образом несколько недель после своего бегства из лагеря в феврале, Коренев был снова арестован в начале апреля 1938 г. Его новый арест произошел в связи с неудачной попыткой грабежа, закончившейся трагически. К несчастью для него, когда он вместе с еще одним беглым заключенным забрался в одну квартиру с целью грабежа, их застигла мать ее владельца. Из документов милиции и прокуратуры остается неясным, что там произошло, но их столкновение закончилось убийством пожилой женщины. Коренев и его сообщник имели при себе «холодное оружие», скорее всего нож. Их арестовали, причем Коренев при аресте назвался А. В. Тумановым. Интересно отметить, что милиция поверила в его легенду, о чем свидетельствует тот факт, что Коренев в этом деле о грабеже проходит под фамилией Туманов. У Коренева не было при себе вообще никаких документов, и милиции ничего не оставалось, как поверить ему на слово. Возможно, милиция подозревала, что задержанный был беглым лагерником, но, учитывая большое число беглецов, установить его личность, запрашивая лагеря обо всех беглых заключенных, было практически невозможно. Таким образом, Коренев обрел новую личину. На него теперь было заведено уже два уголовных дела, одно на фамилию Коренев, оставшееся в администрации лагеря НКВД на станции Известковая, а другое, на имя Туманова, было заведено на него в Биробиджане¹⁷. Но эти две фамилии были не последними в ряду тех, которые ему еще предстояло обрести в будущем.

Проведя предварительное расследование, милиция передала Коренева в центральную тюрьму НКВД в Хабаровске, столице Дальневосточного края, где он оставался, пока шло дальнейшее расследование его дела. В своих более поздних показаниях Коренев сообщил, что во время одного из допросов заметил на столе у следователя свое дело, лежащее отдельно от остальных. Он быстро сообразил, что его дело не будет заслушиваться в обычном суде, а подлежит передаче на рассмотрение во внесудебном порядке особой тройкой НКВД. Допрашивавший его позднее сотрудник милиции записал в протоколе: «Коренев, будучи достаточно сообразительным человеком, быстро оценил ситуацию, в которой оказался –

---

¹⁷ Весьма вероятно, что при той изобретательности, с которой Коренев придумывал себе поддельные личные данные, он мог выбрать фамилию Туманов, однокоренную со словом «туман», подчеркивая тем самым свое желание затемнить свою личность.

у него было криминальное прошлое, а теперь он ожидал приговора за особо тяжкое преступление». Много позже на допросах Коренев объяснил, что понимая всю серьезность своего положения, он сумел убедить своего сокамерника, некоего Ивана Рожнова, поменяться именами и делами. Рожнов к тому времени уже получил свои 3 года лагерей за хулиганство, и его вскоре должны были отправить из хабаровской тюрьмы по этапу. По словам Коренева, когда прибыл транспорт для отправки осужденных в лагерь, он отправился с ним, назвавшись Иваном Рожновым, а сам Рожнов остался в тюрьме вместо него. Они договорились, что Иван сознается в подмене через 9–10 дней, чтобы Коренев, звавшийся тогда Тумановым, имел время снова попытаться сбежать¹⁸.

К несчастью для Ивана Рожнова подмена сработала даже слишком хорошо. Коренев, назвавшийся Рожновым, благополучно отбыл во Владивосток, а сам Рожнов то ли не осмелился сознаться в подмене, то ли не сумел убедить тюремное и милицейское начальство в том, что он не Туманов. То, что произошло в дальнейшем, можно проследить по записям в делах. Дело «Туманова» действительно было рассмотрено особой тройкой НКВД в Хабаровске 29 апреля, которая приговорила его к смертной казни через расстрел. По документам НКВД приговор был приведен в исполнение в тот же день¹⁹. Несколько лет спустя, в ходе выявления вымышленных личностей, в облике которых выступал Коренев, ему было предъявлено дело «Туманова», присланное из Хабаровска, и он признал, что фотография, находившаяся в деле, была не его, а Ивана Рожнова. Таким образом выяснилось, что сотрудники Хабаровского УНКВД поверили в их обман и даже вложили в дело фотографию лже-Туманова, после казни которого дело закрыли, и оно осталось на хранении в хабаровском управлении. Таким образом, теперь внутри Дальневосточной системы НКВД имелось два отдельных, но никак не связанных между собой дела Коренева. По одному из них Коренев числился беглым заключенным Буржелдорлага, а согласно второму делу, оставшемуся в Хабаровске, он был казнен под фамилией Туманова.

На самом деле Коренев был жив и, вторично избежав смерти, находился на пути во Владивосток под именем Ивана Рожнова. Дальнейшие события мы можем реконструировать снова по его более поздним показаниям. В качестве Ивана Рожнова Коренев 19 апреля

---

¹⁸ Л. 212–213.

¹⁹ Л. 232. Согласно более поздней сводке, составленной прокуратурой, казнь лже-Туманова состоялась 1 июня (см.: Л. 213), но сообщение НКВД представляется более точным, учитывая, что в ходе массовых операций смертные приговоры исполнялись немедленно после их вынесения.

1938 г. был доставлен поездом для перевозки заключенных в пересыльный пункт под Владивостоком, где охрана НКВД выгрузила заключенных для сортировки и оправки в пункты назначения внутри лагерно-тюремной системы. В пересыльном пункте в то время находилось еще несколько эшелонов, и несколько сотен или даже тысяч заключенных оказались перемешаны там самым беспорядочным образом. Здесь у Коренева снова появился шанс бежать. Воспользовавшись неразберихой, он сумел отделиться от общей массы заключенных и, обманув охрану, ускользнуть из своего эшелона²⁰.

Емельян Макаркин

Коренев пробрался во Владивосток, но у него опять не было документов, а Владивосток был режимным городом. Это означало, что местная милиция более строго относилась к соблюдению законов о паспортах и прописке. Кореневу это было известно, и он решил прибегнуть, как надеялся, к более подходящей стратегии, чтобы выдать себя за человека с достоверными личными данными. В последующих показаниях он пояснял: «В силу того, что я не имел никаких документов, я, на случай задержания, хотел иметь установочные данные кого-либо из местных жителей для того, чтобы при задержании назваться им и быть освобожденным из-под стражи». Коренев надеялся, что эти данные будут достаточно убедительными для его опознания в случае проверки, и ему удастся после освобождения снова скрыться.

Коренев отправился в доки владивостокского порта, где достаточно быстро завязал знакомство с докером по имени Емельян Макаркин. Вечером 25 апреля, то есть всего через неделю после бегства из эшелона НКВД, пьяного Коренева обнаружила милиция спящим в парходном угольном бункере рядом с краденными товарами²¹. Он был задержан как лицо без документов, а затем арестован по подозрению в краже. Придерживаясь избранной стратегии, Коренев представился милиции Емельяном Макаркиным, но на этот раз счастье ему изменило. Милиция не отпустила его на свободу, как он рассчитывал, поскольку его обвиняли в воровстве, а не в отсутствии документов, и отправили в тюрьму до завершения следствия.

Здесь снова возникают нестыковки в рассказах. Примерно три недели спустя после его ареста тройка НКВД 14 мая 1938 г. вновь приговорила Коренева, скрывавшегося на этот раз под именем Емельяна Макаркина, к трем годам ИТЛ. Один рапорт НКВД утверждал, что он был приговорен как социально-опасный элемент, а другой – что

---

²⁰ Л. 213.

²¹ Л. 143.

осужден за воровство²². По одному из рапортов, он получил всего трехлетний срок, поскольку Емельян Макаркин не имел предыдущей судимости. Обычно такие дела проходили через регулярные суды, но дело Емельяна Макаркина заслушивала тройка НКВД вероятнее всего потому, что у него не было документов, подтверждающих личность. В любом случае осуждение Коренева под именем Емельяна Макаркина лишено смысла. Макаркин был вполне реальным лицом, проживавшим и работавшим во Владивостоке, а следовательно, имевшим паспорт и прописку. В таком случае непонятно, почему же милиция и следователи НКВД не сумели отыскать реального Емельяна Макаркина и разоблачить задержанного ими человека как самозванца? Действительно, паспортная система и институт прописки зачастую не отличались особой эффективностью, а милиция не проявляла должного усердия в поддержании регистрационных данных в порядке, но сложно себе представить, что система была настолько беспомощна, что милиция была не в состоянии отыскать зарегистрированного гражданина, проживающего в режимном городе. Возможно, Коренев, назвавшись Емельяном Макаркиным, сообщил ложные сведения о месте прописки, назвав какой-то другой, нережимный город. Но в распоряжении милиции было не меньше трех недель, чтобы проверить его показания и выяснить, что данное лицо по названному месту прописки не значит.

У этой загадочной истории есть и другое объяснение. Свидетельство о существовании Емельяна Макаркина как реального лица поступило от самого Коренева во время его допроса, проходившего в октябре 1940 г. Офицер, который его допрашивал, записал это как факт, но Коренев легко мог и солгать. Фактически последнее очень вероятно, и в пользу такой версии служит сама выбранная им фамилия. Коренев мог назвать владивостокской милиции фамилию Макаркин, созвучную тому самому Макару, о котором говорил московский милиционер Гоголев, арестовавший его в Москве в 1937 г. и грозивший загнать его, «куда Макар телят не гонял». Возможно, Коренев придумал эту фамилию по ассоциации с прошлыми угрозами сослать его на край света к черту на кулички, где он, по его московским понятиям, в конце концов и оказался. Но, вероятнее всего, Коренев, обладавший чувством юмора, сознательно назвал эту фамилией, когда его задержала владивостокская милиция в апреле 1938 г.. На самом деле именно это помогло его матери понять, что именно ее сын прислал ей письмо, пришедшее в сентябре 1938 г. из лагеря на острове Лисий под Владивостоком от близкого друга семьи по фамилии Макаркин. Сопоставив имя Макар и фамилию Макаркин, она поняла связь меж-

---

²² Л. 155, 143 соответственно.

ду ними, на которую и указала в одном из своих многочисленных обращений в прокуратуру с просьбами разыскать сына и пересмотреть его дело. Она написала, что использование подобной фамилии было вполне в духе сардонического склада ума ее сына и характерного для него обостренного чувства несправедливости²³. Если изложенная версия справедлива, то она объясняет, почему владивостокская милиция не сумела отыскать это несуществующее в природе лицо. Не имея иных способов документально подтвердить реальную личность Коренева, у милиции не было иного выхода, как принять его вымысел и осудить под именем Емельяна Макаркина.

Но, какими бы ни были объяснения всей этой мистерии, НКВД удовлетворился заявлением Коренева о том, что его зовут Емельян Макаркин. Он был приговорен именно под этим именем и снова отправился в лесозаготовительный лагерь, на этот раз на остров Лисий. Именно оттуда Коренев написал матери в конце сентября 1938 г., назвавшись Емельяном Макаркиным, близким другом семьи²⁴. К этому времени Коренев находился в лагере уже 4 месяца, что стало самым долгим периодом его пребывания на одном месте с момента отправки этапом из Москвы. В своих показаниях Коренев, помимо воспоминаний о своих приключениях, немного описал жизнь в лагере и свою работу там на различных мелких административных должностях. Он сообщил, что отослал из лагеря три письма матери, но не знал, дошли ли они до нее. В этих письмах Коренев просил мать выслать ему в лагерь одежду, обувь, деньги и продукты, но в приписке добавил, чтобы она с этим не тянула, поскольку вскоре должен отбыть на другое место (!). Коренев ничего не писал о своих намерениях, но было понятно, что он замыслил новый побег и нуждался в одежде, чтобы сменить на нее арестантское обмундирование. Коренев набрался ума во время предыдущих побегов и осознал, что был вынужден воровать, чтобы выжить и достать документы, и именно это приводило к его поимкам. На этот раз Коренев надеялся избежать прошлых ошибок, и в зашифрованном виде давал об этом понять матери в своих письмах. Он, в частности, писал, что у него совершенно нечего надеть, а ничего незаконного делать больше не желает. Чтобы придать своим просьбам большую основательность, Коренев напомнил матери о том, как странно он выглядел во время их совместной поездки на Онежское озеро и в Мед[веж]е[гор]ск]. Этим он закодированно намекал Софье Романовне о ее посещениях сына во время отбывания им

---

²³ Л. 98.

²⁴ Письмо Коренева датировано 20 сентября 1938 г., но Софья получила его только три недели спустя, 11 ноября. Это она отметила на копии письма, переданной ею в прокуратуру, занимавшуюся безуспешными поисками ее сына.

первого лагерного срока в 1934–1937 гг. Описывая ту счастливую поездку, Коренев ни единым словом не обмолвился, что он сам в то время находился в заключении. В конце письма он подчеркнул, что если Софья Романовна получит его и надумает написать ответ, то нужно сделать это в том же стиле и форме, как оно написано им. Таким образом, он пытался предупредить мать, что она должна писать письмо не Кириллу Кореневу, а Емельяну Макаркину²⁵.

Коренев, описывая вымышленное прошлое, наполнил свое письмо закодированными намеками, которые только его мать была способна расшифровать. Он сообщал, что находится в лагере на острове Лисий, будучи заключенным туда как *соцвредэлемент*, но представился Емельяном Макаркиным, осужденным по ошибке как общественно опасный. Это произошло потому, что, по его словам, у него украли документы и не было прописки. Коренев, он же – Макаркин, жаловался на свою горькую судьбу и ее несправедливость, фактически описывая свои собственные злоключения. Он, в частности, писал: «до сих пор я не могу понять – за что все это начало валиться на мою голову. Таким нечеловеческим, страшным трудом добытое положение, которое я занимал – и вдруг свалиться так глубоко и безнадежно. Что это – “несчастный случай” или сознательный удар? За что? Я ни в чем, ни на йоту не считаю себя виновным. И тогда перед отъездом, и дальше, когда я стал поступать так, как заставляла необходимость. И каждому, кто вздумает упрекать и осуждать тот или иной мой поступок после отъезда, я предложил бы влезть в мою шкуру и поступать по-своему». После всего, что с ним произошло, заключал свое письмо Коренев, «терять уже больше нечего, надеяться не на что. Позади – странная, непонятная, хотя и прожитая жизнь, впереди – унылое, неясное будущее, без перспектив, без цели... Остается только коротать время в надежде на какое-нибудь исключительное счастье, случай, который бы помог бы мне снова встать на то место, которое принадлежало мне до заключения». Коренев писал о собственной судьбе, но в его словах отразилась судьба всего его поколения²⁶.

Коренев осуществил свое намерение снова бежать, но не с острова Лисий, где ему пришлось задержаться на несколько месяцев до конца апреля 1939 г., когда он серьезно заболел почками. Судя по его письмам домой, он болел все эти месяцы, и болезнь чуть не свела его

---

²⁵ Еще одна зашифрованная просьба в письме касалась личных документов, которые он просил мать ему выслать. Помимо списка одежды, обуви и денег, Коренев просил мать прислать «вещи, которые Николай оставил у себя во время моего прошлого приезда». Л. 67об.

²⁶ Л. 67–68. Коренев, безусловно, тогда еще не знал о казни Ивана Рожнова вместо него.

в могилу. Болезнь его оказалась настолько тяжелой, что лагерная администрация отправила его в больницу на материк, а тамошние доктора почти не надеялись на его выздоровление. Однако ему в третий раз удалось избежать смерти, а к концу мая или в июне он оправился настолько, что его признали годным к отправке на угольные шахты в г. Артеме к северу от Владивостока. После длительной паузы, продолжавшейся с мая по сентябрь, Коренев возобновил переписку с Софьей Романовной, по-прежнему подписываясь как Емельян Макаркин. После обмена несколькими письмами, она предложила в сентябре приехать его проведать. Но Коренев написал, что ей не следует затевать это путешествие по ряду причин, но главная, по его мнению, состояла в том, что его в любую минуту могли угнать в другое, возможно, еще более отдаленное место. Осталось неясным, являлось ли это еще одним намеком на его будущий побег, но, как было выяснено в ходе более позднего расследования, 11 ноября Коренев бежал из Артемовской колонии.

Михаил Романенко

Сбежав из колонии, Коренев неведомыми путями добрался до Владивостока, где перед ним немедленно возникла проблема приобретения документов, удостоверявших личность. Он находился в режимном городе, где его в любой момент могли задержать как лицо без документов. Действительно, он не мог воспользоваться никаким видом транспорта, чтобы покинуть город без предъявления паспорта. Для того чтобы добыть документы, Коренев совершил квартирную кражу и разжился паспортом на имя Михаила Романенко²⁷. С этим паспортом он уехал из Владивостока и направился обратно в Хабаровск. Непонятно, почему он решил вернуться в этот город, но, прибыв туда, Коренев сразу отправился в местный корпункт «Комсомольской правды», располагавшийся в гостинице «Центральная». Там он рассказал сотрудникам газеты, что прежде работал в главной редакции «Комсомолки» в Москве, был заключен в лагерь, а теперь освобожден, но выданные при освобождении документы у него украли. Примечательно, что на этот раз Коренев назвал своей настоящей фамилией, вероятно, понимая, что сотрудники корпункта могут попытаться проверить его личность²⁸. Действительно, они по телеграфу запросили подтверждения из Москвы, и главный редактор сообщил, что такой корреспондент в газете действительно прежде был. Заведующий корпунктом поверил рассказу Коренева

---

²⁷ Л. 145, 147.

²⁸ Л. 128.

о его освобождении и краже у него документов и выделил ему из средств корпункта 60 рублей, с которыми тот отправился в дальнейший путь. Предварительно Коренев совершил еще одну кражу, проникнув на этот раз в квартиру офицера НКВД. Там он взял немного денег, но главное украл милицейскую форму, правда, без документов. Поэтому ему пришлось существовать и дальше под именем Михаила Романенко по украденным во Владивостоке документам²⁹.

Кореневу не удалось долго избегать внимания милиции, и он, все еще находясь в Хабаровске, 24 ноября был снова задержан при невыясненных обстоятельствах³⁰. Коренев попытался выдать себя за Романенко, но милиция быстро его разоблачила по отпечаткам пальцев и другим данным, имевшимся в паспортной картотеке, после чего он сознался в том, что его настоящее имя Емельян Макаркин. По этому имени сотрудники милиции, конечно, имели возможность получить сведения о его побеге от Владивостокского управления лагерей (Владивостоклага), но осталось неясным, смогли ли они связать Макаркина с Корневым. Сотрудники местного НКВД утверждали, что в момент его ареста под именем Романенко в ноябре 1939 г. они располагали только сведениями о том, что его настоящая фамилия – Макаркин, но не имели данных для идентификации его как Коренева. Им возражала мать Коренева, сказав, что в НКВД имелась для этого вся необходимая информация, т. к. еще в октябре 1938 г., когда Коренев находился на острове Лисий, она сообщила руководству НКВД, что ее сын Кирилл Коренев находится в заключении под именем Макаркин³¹. Вполне вероятно, что верными были оба эти заявления. Сотрудники НКВД в центре, вероятно, знали о связи между Корневым и Макаркиным, но работники местного НКВД в Хабаровске так и не получили информации об этом, даже если и направляли соответствующий запрос во Владивосток. Подобные запросы нередко терялись или попадали в кабинеты сотрудников, не располагавших полной и достоверной информацией. В любом случае, даже если хабаровская милиция и располагала сведениями, связывающими Романенко-Макаркина с Корневым, то ей ничего не было известно о связи между Романенко-Макаркиным-Корневым и Корневым-Тумановым. Милиция никак не представляла Коренева неким Тумановым, совершившим грабеж с убийством в 1938 г., или с несчастным Иваном Рожновым, казненным вместо него в апреле 1938 г.

Интересно, почему милиция не сумела связать Коренева с Тумановым или Иваном Рожновым, если вспомнить, что Коренев, числившийся Романенко-Макаркиным, был посажен в ту же самую хабаровскую тюрьму, где ранее он сидел вместе с Рожновым под фа-

---

²⁹ Л. 145.

³⁰ Л. 146.

³¹ Л. 78–79об.

милией Туманова. Вероятно, Коренев очень боялся, что его могут опознать в лицо, и тогда раскроются связи между всеми именами, под которыми он выступал в разное время. Но этого не произошло, и тому имелся целый ряд причин. Дело Туманова рассматривалось в ходе массовых операций особой тройкой НКВД, а не обычным судом, и поэтому уголовному розыску было непросто получить доступ к этому делу в конце 1939 г., даже если его сотрудники и пытались это сделать. Более того, дело Туманова, по крайней мере, в хабаровских картотеках, никак не было привязано к фамилии Коренев, и у местной милиции не было оснований искать связи между двумя этими фамилиями. Наконец, второй арест Коренева в Хабаровске пришелся на конец ноября 1939 г. Период массовых репрессий к тому времени уже остался позади. За эти два года через хабаровскую милицию и систему НКВД края прошли тысячи людей, и вполне вероятно, что просто не осталось никого, кто смог бы его опознать. Возможно также, что сотрудники милиции и НКВД, занимавшиеся делом Коренева в 1938 г., сами стали жертвами чисток за допущенные в ходе массовых репрессий злоупотребления. По иронии судьбы, именно массовый характер этих операций и царившая при их проведении неразбериха послужили частичной защитой анонимности Коренева.

Коренев-Макаркин-Романенко

Хабаровская милиция вернула Коренева, все еще выступавшего под именем Емельяна Макаркина, обратно в Артемовский лагерь Владивостоклага, откуда он сбежал. Администрация лагеря к февралю 1940 г. подготовила обвинения против Коренева за совершенные им в ноябре 1938 г. побег и последующие кражи. Но на этот раз и впервые дело Коренева поступило на рассмотрение в обычную судебную систему, а не проходило через тройки НКВД. Окончание массовых чисток в ноябре 1938 г. положило конец деятельности особых внесудебных органов вынесения приговоров, и судьба Коренева теперь должна была решаться в рамках обычных процедур рассмотрения уголовных дел в судах. В соответствии с этими процедурами, прокурор Приморского края Кондрашев, надзиравший за местными лагерями, в апреле 1940 г. утвердил обвинительное заключение НКВД в отношении Коренева и направил его на рассмотрение краевого суда³². В этом обвинительном заключении Коренев все еще выступал под именами Макаркина-Романенко, но интересно отметить, что прокурор Кондрашев указал также фамилию Туманов в качестве одного из вымышленных имен Коренева. Это был первый случай, когда в милицейских или прокурорских документах обнаружилась связь

---

³² Л. 147, 145 соответственно.

между всеми этими фамилиями, но это, кажется, мало повлияло на существо обвинения. Кондрашев вывел эту связь из сводной информации о Коренева, поступившей из центрального паспортного стола в Москве. Помимо всего прочего, в этой сводке упоминалось об аресте Коренева под именем Туманова в Биробиджане, но ошибочно указывалась дата того ареста. Вместо апреля 1938 г. был указан декабрь того же года, когда Коренев под именем Макаркина уже находился в лагере на острове Лисий. В сводке не содержалась существенная информация об аресте Коренева под именем Туманова, и, вероятно, Кондрашев, готовя обвинительное заключение в апреле 1940 г., ограничился лишь беглым упоминанием фамилии Туманов³³. Прокурор обвинял Коренева-Макаркина-Романенко в побеге из Артемовского лагеря в ноябре 1939 г. и в последовавших после побега кражах. Все это время Коренев находился в Артеме, но 4 мая 1940 г. ему удалось бежать еще раз³⁴. Он снова был пойман и опять назвался при задержании вымышленным именем, на этот раз представившись Николаем Орловым. Осталось неясным, как долго Кореневу удавалось ускользать от милиции, и каким образом милиции при аресте удалось его идентифицировать как Макаркина-Романенко, но так или иначе, она сумела это сделать и достаточно легко. 31 мая Приморский краевой суд приговорил Коренева, опять проходившего как Макаркин-Романенко, по статьям 82 и 162 УК к дополнительным полутора годам заключения за побег из Артемовского лагеря и кражи³⁵.

История многочисленных побегов Коренева и его жизни под разными именами интересна сама по себе. Но это только половина его истории. Коренев не подозревал, что все годы его пребывания в разных лагерях и побегов из них, Прокуратура СССР и руководство НКВД старались отыскать его. История этих поисков весьма обширна и не может быть изложена здесь полностью, но некоторая их часть имеет прямое отношение к теме нашего рассказа. Взгляд на историю из Москвы позволяет объяснить, как были, наконец, привязаны к нему многочисленные фамилии, под которыми он скрывался.

Софья

Как уже отмечалось выше, мать Коренева Софья Романовна активно настаивала на проверке дела сына после его ареста. В течение почти целого года она получала противоречивые ответы относительно того, в чем обвинялся ее сын, какой и кем был вынесен приговор –

---

³³ Л. 136.

³⁴ Л. 213–214.

³⁵ Л. 155.

обычным судом или тройкой НКВД, куда он был отправлен отбывать наказание. Интересно отметить, что все эти противоречия в ответах не были следствием сознательных попыток сотрудников милиции или НКВД затуманить дело. Фактически разные официальные лица вполне честно сообщали те сведения, которыми они располагали, но разные бюрократические структуры внутри милиции, НКВД и прокуратуры обладали достаточно противоречивой информацией о деле Коренева. Никто не удосужился увязать между собой и проверить эти сведения, и у Софьи Романовны создавалось впечатление, что ей рассказывали совершенно разные версии описаний жизни ее сына в зависимости от того, с каким чиновником она беседовала³⁶. Получение ею ответов на обращения сильно затрудняла большая текучесть кадров в этих ведомствах вследствие чисток. За два года, с конца 1937 по конец 1938 г., она встречалась не менее чем с пятью лицами, сменявшими друг друга на должности заместителя Прокурора СССР, осуществлявшего надзор за тюремной системой НКВД, и была вынуждена заново знакомить каждого из них со всеми подробностями дела сына. За недели и месяцы, прошедшие с момента его ареста, Софья написала горы обращений и пообщалась с десятками высоких чинов милиции и НКВД. Офицеры милиции Соловьев и Гоголев, арестовавшие Коренева, открыто высмеивали ее и ее сына, называя ее «полусумасшедшей старухой», которая зря проливает слезы по сыну, который получил то, что заслужил. Помимо многочисленных оскорблений, которые ей довелось выслушать, Софья поняла, что все обоснования ареста сына представляли собой сочетание обычного милицейского запугивания и практически ничем не ограниченной власти, которую милиция получила во времена массовых операций. «Милиция все может – даже без всякого суда загнать, куда Макар телят не гонял, припаяв любую статью», – заявил ей Соловьев³⁷.

Но милиция, по крайней мере, разговаривала с Софьей. Все ее требования о встрече с руководством НКВД были отклонены. Все письменные обращения к Ежову возвращались назад с лаконичной отметкой «Отказано». Многочисленные настойчивые жалобы, подаваемые в московскую прокуратуру, также не приносили никакой пользы. Прокуроры либо соглашались с приговором, даже не ознакомившись с делом, либо, запуганные НКВД, отказывались помогать ей. Но Софья продолжала настаивать на своем, причем достаточно громко. Она жаловалась депутату Верховного Совета по своему округу, обращалась в «Комсомольскую правду», и главный редактор газеты формально и официально поддержал ее обращения, помогал ей в размножении

---

³⁶ Л. 71.

³⁷ Л. 73.

и перепечатке документов. Софья не желала быть «тихой мамашей», как ей советовали милицейские начальники. Она сама была в прошлом революционеркой, не раз побывала в ссылке и совершала побеги из нее. Ее не пугали трудности, она знала законы и свои права, предоставленные сталинской Конституцией, угрозы ее не запугали. Прошения, подававшиеся Софьей Романовной в течение нескольких лет, доказывают ее незаурядное умение излагать и обобщать факты. Она вела тщательные записи всех своих встреч, записывая, что и кем было сказано. Она без колебаний давала оценки поведению высоких чиновников, называя его так, как оно того заслуживало – преступным, лицемерным или халатным и некомпетентным. Откровенное описание Софьей всего происходившего с ней стало испепеляющим и изобличающим обвинением жестокой системы и безжалостных чиновников, бывших ее частями, постоянно нарушавших Конституцию, сознательно обманывавших народ, пренебрегавших законом³⁸. Софья проявила настойчивость и сумела, наконец, привлечь внимание и получить поддержку со стороны Андрея Вышинского, а затем наследника Ежова Берии и сменивших Вышинского на посту Прокурора СССР друг за другом Михаила Панкратьева и В. М. Бочкова.

Софья впервые написала напрямую Вышинскому в январе 1938 г., два месяца спустя после ареста сына и почти двухмесячного бездействия прокуратуры и милиции. Как было показано в предыдущей главе, именно эти два месяца были временем наиболее интенсивных массовых арестов и убийств людей во исполнение приказа № 00447. Поэтому не удивительно, что милиция отмахивалась от жалоб пожилой матери-пенсионерки. Не приходилось удивляться тому, что прокуратура тоже отказывала ей в помощи. Поначалу казалось, что письмо Софьи Вышинскому постигнет такая же судьба, что и все ее предыдущие жалобы. Она не получила ответа ни на него, ни на второе свое письмо³⁹. Наконец, в июле 1938 г. она написала письмо прямо Сталину. Неясно, какой эффект имело это письмо, хотя Софья верила, что именно оно, наконец, привело к тому, что она получила ответ на свои обращения. Так или иначе, но несколько недель спустя ее пригласили в управление прокуратуры, надзиравшее за деятельностью НКВД. На самом деле ее обращение к Сталину не сыграло никакой роли или эта роль была минимальной. Хотя Софья не получила никакого ответа от Вышинского, Прокуратура СССР начала изучать дело ее сына буквально через несколько дней после получения ее первого письма в январе 1938 г. В конце мая Вышинский опротестовал приговор Кореневу, а в начале июня направил соответствующее представ-

---

³⁸ Л. 72об.

³⁹ Л. 73об.

ление в особое совещание НКВД. Вышинский назвал при этом случай Коренева примером незаконного ареста. Прокуратура опровергла версию милиции, согласно которой Коренев имел открытые связи с преступными элементами, был безработным и не имел официально зарегистрированного места жительства в Москве. Последнее являлось откровенной ложью, поскольку Коренев проживал вместе с матерью. Заявления милиции о криминальных связях Коренева были, по мнению Вышинского, слишком расплывчатыми и не заслуживали доверия. Кроме того, протест прокуратуры получил поддержку со стороны редакции «Комсомольской правды», сообщившей, что Коренев не только работал в газете, но являлся ее образцовым сотрудником⁴⁰. Протест Вышинского оказался успешным. В июле 1938 г. особое совещание заслушало дело Коренева и отменило первоначально вынесенный ему приговор.

Но, как оказалось, оправдание Коренева стало самой простой частью его дела. НКВД и Прокуратура СССР, надзиравшая за его деятельностью, предприняли несколько неудачных попыток разыскать его. Розыски Коренева начались с первого лагеря на станции Известковая, куда он был направлен после вынесения приговора, но из Буржелдорлага о нем поступала противоречивая информация. Проверки на месте, проведенные в ответ на запросы из Москвы, не обнаружили его ни в этом лагере, ни в одном из других лагерей или колоний, находившихся в подчинении Буржелдорлага. Оказалось также, что в лагерной администрации отсутствовали какие-либо записи о побеге Коренева. Таким образом, Коренев числился заключенным Буржелдорлага, но на самом деле его там не было. Более того, по сообщениям лагерной администрации, она была не в состоянии даже проверить, прибывал ли Коренев когда-либо в тот лагерь, куда его направили. Таким образом, администрация была не в курсе, сбежал ли он до или после прибытия в лагерь в составе этапа, состоявшего из более чем 2 тыс. заключенных⁴¹.

Таким образом, розыск Коренева заглох. Даже указания со стороны высшего руководства НКВД и прокуратуры никак не помогли в поиске Кирилла, неоднократно менявшего обличья и совершавшего побеги. В таком состоянии его розыск оставался до октября 1938 г., когда Софья получила письмо от сына из лагеря на острове Лисий, подписанное Емельяном Макаркиным. Она сообщила об этом в прокуратуру и НКВД, после чего оба эти ведомства связались со своими представительствами во Владивостоке, которые подтвердили, что там имеется заключенный по имени Емельян Макаркин, но отказались

---

⁴⁰ Л. 37.

⁴¹ Л. 141.

его освободить. Этот отказ был обусловлен двумя причинами, которые, так или иначе, упирались в проблему идентификации личности заключенного. Первая из них была достаточно проста и касалась сбора доказательств. Лагерная администрация отказалась освобождать Коренева до тех пор, пока не получит убедительных доказательств, что заключенный Емельян Макаркин на самом деле является не кем иным, как Кореневым. Такими доказательствами могли служить либо отпечатки пальцев, либо фотографии. Сбор этих доказательств оказался довольно длительным процессом, поскольку соответствующие дела хранились, по крайней мере, в трех разных местах – в Москве, в лагере на станции Известковая и в Хабаровске. Требовалось также время для их пересылки во Владивосток. Но все же это была достаточно простая бюрократическая проблема, если, конечно, соответствующие дела не были утеряны.

Вторая проблема, задержавшая освобождение Коренева, была намного сложнее. Возможно, человек по фамилии Коренев был арестован незаконно и подлежал освобождению, но в лагере содержался Емельян Макаркин, который был осужден по вполне конкретным обвинениям в подделке документов и воровстве и признанный социально-опасным элементом. Лагерная администрация и руководство Приморского УНКВД возражали против его освобождения. В одной из телеграмм руководство Владивостока лаконично заявило: «У нас есть распоряжение освободить Коренева, но мы не можем освобождать Макаркина». Представитель прокуратуры объединил бюрократическую проблему и проблему идентичности в одной короткой фразе, заявив Софье: «Как Коренев Ваш сын должен быть освобожден, но как Макаркин – он должен сидеть»⁴². Рассмотрение дела Коренева затягивалось и по другим причинам. К несчастью для Софьи и ее сына, власти занимались розыском и опознанием Коренева в ноябре и декабре 1938 г., а это оказалось самым неподходящим моментом. Чистки, сильно проредившие ряды прокурорских работников, сказались также и на сотрудниках НКВД. Именно в это время Сталин приказал остановить массовые репрессии, свалив вину за их проведение на Ежова и систему НКВД в целом. Берия сменил впавшего в немилость Ежова, а многие руководящие сотрудники НКВД потеряли свои посты или были арестованы. Понятно, что все эти перемены повлияли на руководство НКВД, приведя его в состояние хаоса. В результате его текущая бюрократическая деятельность если не остановилась полностью, то существенно замедлилась. В течение нескольких месяцев все работники, занимавшиеся

---

⁴² Л. 100, 99 соответственно.

делом Коренева, сменились, причем неоднократно, а Софье каждый раз приходилось начинать все сначала с новыми сотрудниками центрального аппарата НКВД⁴³.

Дело тянулось несколько месяцев зимы и весны 1939 г. Софья и руководство прокуратуры продолжали настаивать на предоставлении информации об освобождении Коренева. Лагерное руководство либо не отвечало на запросы из Москвы, либо оправдывало задержки необходимостью проверки документов и подтверждения личности Коренева. Главный прокурор по надзору за лагерями некто Дьяконов рассыпался в извинениях, оправдывая задержки медлительностью местных сотрудников. Дьяконов обещал Софье, что ответы из Владивостока скоро придут, и ее сын будет освобожден⁴⁴. Тем временем Софья поддерживала переписку с Кореневым, который стал принимать активное участие в жизни лагеря на острове Лисий. Как и во время прошлого заключения в середине 1930-х гг., он принялся писать статьи и выступать в защиту своих товарищей-заключенных. Софья посылала ему деньги и посылки с книгами и газетами. Коренев теперь жил под своим собственным именем, подписывая им статьи и собственные обращения, одно из которых он направил весной 1939 г. самому Берия. Редакция «Комсомольской правды» также обратилась к Берии с ходатайством о немедленном освобождении Коренева⁴⁵.

По непонятным причинам все эти действия не привели к ожидаемым результатам. В мае 1939 г. пришло сообщение от лагерного врача о том, что Коренев серьезно заболел. У него обострилось хроническое заболевание почек, и его перевели в больницу во Владивосток. Софья потеряла связь с сыном до августа, когда УНКВД по Приморскому краю во Владивостоке уведомило ее, что Коренев направлен в лагерь при угольных шахтах Артема. Она сообщила эту новость прокурору Димакову, с которым она взаимодействовала. Через Димакова Софья переслала сыну письма и деньги. В ответ тот сообщил, что условия его существования в Артеме еще хуже, чем на острове Лисий, и что у него остается все меньше надежд на освобождение. Мать и сын обменялись еще несколькими письмами, и Коренев сообщил, что так и не получил посланные ею деньги и другие вещи. В сентябре Софья решила сама поехать в Артем, чтобы подтолкнуть дело, но, как уже говорилось выше, Коренев убедил ее не совершать этого путешествия.

Исполняя пожелания сына, Софья продолжала давить на московских руководителей НКВД, и к октябрю она снова поверила, что дело Коренева приближается к разрешению и к его освобождению.

---

⁴³ Л. 74об.

⁴⁴ Л. 74об., 75.

⁴⁵ Л. 76.

Лагерный прокурор в Артеме допросил лже-Макаркина и, наконец, удостоверился в том, что Макаркин и Коренев одно лицо. Все данные, содержащиеся в лагерных и милицейских делах и в паспортных картотеках, выстроились в единую цепочку со сведениями, сообщенными в различных обращениях Софьей и ее сыном. В НКВД Софье сообщили, что все в порядке и осталось получить окончательное решение от Димакова об освобождении сына. Но когда Софья пришла в кабинет Димакова, их ждало известие, повергшее в шок обоих. Дело, присланное из НКВД Димакову, касалось не Коренева-Макаркина, а Коренева-Туманова.

Замену дела и личностей, на которых оно было заведено, сложно объяснить, по крайней мере, на основе документов из дела Коренева. В НКВД действительно имелось два дела, одно на Коренева, выдававшего себя за Макаркина, и второе на Туманова, но неясно, каким образом милиция сумела идентифицировать Туманова как Коренева. Кроме того, непонятно, как сотрудники центрального аппарата НКВД смогли по ошибке направить Димакову дело Коренева-Туманова вместо дела Макаркина-Коренева. Коренев прилагал все силы для того, чтобы эти две личности, Макаркин и Туманов, никак не связывались между собой. В своей переписке он обходил молчанием события в Биробиджане и Хабаровске, происходившие с ним, начиная с апреля 1938 г. Софья, подобно прокуратуре и руководству НКВД, была убеждена, что Коренев направился прямо во Владивосток после бегства из лесного лагеря под Биробиджаном. Эта версия неизменно повторялась во всех документах центрального аппарата НКВД и его Владивостокского управления, в которых Коренев проходил под именем Макаркина. Никто, ни Софья, ни сотрудники НКВД или прокуратуры, не подозревал о наличии связи между Кореневым и каким-то Тумановым. Действительно, Софья и Димаков, впервые увидев дело Коренева-Туманова, оба были убеждены в том, что произошла ошибка, а человек, числившийся как Коренев-Туманов, не был сыном Софьи. Это вполне понятно, если вспомнить, и это подтверждено более поздними документами, что фотография и сведения в этом деле относились к несчастному Ивану Рожнову, ошибочно принятому за Туманова. Осталось невыясненным до конца, кто установил связь между Кореневым и Тумановым. Столь же загадочным представляется то, каким образом сотрудники центрального аппарата НКВД не заметили ничего подозрительного, когда они изучали дело Коренева-Туманова, причем это были те же люди, которые отправляли это дело Димакову и заверяли Софью в том, что все в порядке. Вероятнее всего, они просто не удосужились заглянуть в дело перед отправкой его Димакову. В противном случае они бы заметили собственную ошибку или предприняли дополнительное расследование.

Тот факт, что центральный аппарат НКВД располагал делом Коренева-Туманова, дает представление о работе системы НКВД в целом. В те месяцы, когда шло расследование, сотрудники центрального аппарата, вероятно, запрашивали в областных и краевых управлениях и отбирали любые сведения о людях по фамилии Коренев или тех, под чьими именами он выступал. Получив приказ из центра, хабаровская милиция, очевидно, обнаружила у себя дело Коренева-Туманова и отправила его в Москву. Пересылка дела заняла немало дней или даже недель. Дело Коренева было естественно не единственным, находившимся в расследовании, а одновременное перемещение сотен и тысяч папок с делами по всей стране служит достаточным объяснением, почему расследования этих дел продвигалось так медленно. Как уже говорилось выше, арест Коренева под именем Туманова был зафиксирован в виде краткой отметки в его паспортной карточке, хранившейся в центральной паспортной картотеке в Москве. Однако, изучая реальные дела, московские работники НКВД могли прийти к выводу, что отметка в паспортной карточке Коренева К. К. была сделана по ошибке. Им было очевидно, что дело Коренева-Туманова заведено на другого человека, а не на Коренева-Макаркина.

Остается загадкой, каким образом имя Коренева оказалось связано с делом Туманова. Возможно, Коренев назвал свое настоящее имя на допросах в Биробиджане и Хабаровске в апреле 1938 г., когда обнаружилось, что фамилия Туманова была вымышленной. Этим может быть объяснена упомянутая отметка в его карточке, сделанная паспортным столом после ареста Коренева под именем Туманова в Биробиджане. Милиция была обязана изготавливать копии любых биографических данных всех арестованных, включаемых в местные паспортные картотеки, и отсылать эти копии в региональные и центральные паспортные столы. Примечательно, что эта рутинная бюрократическая работа не прерывалась даже во времена массовых чисток, когда местная милиция ежедневно арестовывала сотни людей. Тем самым подтверждалось, что сами по себе массовые операции представляли исключительный пример действия чудовищной бюрократической машины. Во всяком случае, милиция доверяла собственной документации и была уверена в точности содержащихся в них сведений, а дела Коренева-Туманова и Коренева-Макаркина указывали, что это были разные люди. В ходе расследования сотрудники НКВД должны были прийти к выводу, что Коренев-Туманов, расстрелянный в апреле 1938 г., никак не мог быть Корневым-Макаркиным, который был жив и пребывал в лагере на острове Лисий. На основе фотографий и биографических данных, хранившихся в двух этих делах, и не видя их фигурантов живьем, было сложно прийти к иному выводу. В октябре и ноябре 1939 г. только сам Кирилл Коренев знал правду обо всем случившемся в Хабаровске.

А самого Кирилла Коренева никак не удавалось обнаружить. 11 ноября 1939 г. он совершил удачный побег из лагеря в Артеме, и его побег и последующая поимка стали отправными точками новой цепочки событий в этой загадочной истории. Как сказано выше, Коренев совершил кражу во Владивостоке, разжился документами на имя Михаила Романенко и добрался до Хабаровска, где явился в местный корпункт газеты «Комсомольская правда», назвавшись там своим настоящим именем. Когда московская редакция газеты получила запрос на подтверждение подлинности его личности, она связалась с Софьей, чтобы сообщить, что ее сын, очевидно, находится на свободе. Сам Коренев рассказал об этом матери по телеграфу. Софья поделилась полученными известиями с Димаковым, и они оба были очень обрадованы и удивлены. Они верили, что Коренев был официально освобожден, но Софья недоумевала, как это могло произойти так скоро. Димаков, сам удивленный быстрым развитием событий, постарался ее успокоить, напомнив, что ответственные работники НКВД еще в октябре заверили Софью в том, что все в порядке. Затем произошла путаница с делами, но она, очевидно, не повлияла на процесс освобождения. На самом деле, как уверял ее Димаков, эта путаница только ускорила освобождение. Сотрудники центрального аппарата НКВД, по его словам, наряду с местным руководством, были поставлены этой ошибкой в неловкое положение и поспешили ее исправить. Сам Димаков уже связывался с местным прокурором Кондрашевым, чтобы разрешить освобождение Коренева. Раз решение об освобождении было принято НКВД и подтверждено Прокуратурой, оно должно было быть исполнено немедленно. Так объяснял ситуацию ликующий Димаков, который поздравил Софью и выразил желание лично познакомиться с выдающимся молодым человеком, когда Коренев прибудет в Москву⁴⁶.

Софья и Димаков, конечно, ошибались, и очень скоро Софья поняла, что дела идут совсем не так, как следовало бы. К середине декабря, не получая больше никаких вестей от сына, она начала беспокоиться и поделилась с Димаковым мучившими ее сомнениями, действительно ли ее сын освобожден, а не бежал из заключения. Интересно, что сотрудники центрального аппарата тоже были не в курсе происходящего. В течение следующих нескольких недель конца декабря 1939 – начала января 1940 г. Димаков и Дьяконов неоднократно обращались по телеграфу к своим подчиненным и коллегам во Владивостоке и Артеме с требованиями прояснить судьбу Коренева. Они контактировали с начальством Артемовского лагеря, начальником Владивостоклага и с прокурором Владивостока Кондрашевым, но

---

⁴⁶ Л. 78–78об.

неделями не получали ответов на свои телеграммы. Наконец, 15 января 1940 г. Дьяконов получил лаконичную телеграмму из управления системы Владивостоклага, в которой говорилось, что Коренев «отсутствует» и принимаются меры по его розыску. За этой телеграммой последовала каблограмма заместителя начальника Владивостоклага старшего лейтенанта ГБ Мишустина, в которой сообщалось о побеге Коренева из Артемовского лагеря 17 ноября 1939 г.⁴⁷

Этот обмен телеграммами показателен. Как это ни удивительно, сотрудникам местного НКВД потребовался почти месяц, чтобы предпринять какие-либо действия по требованию Дьяконова или признаться, что заключенный отсутствует на месте. Не менее удивительно также, что те же самые сотрудники не только перепутали дату побега Коренева, назвав 17 ноября вместо 11, но даже не знали, что тот уже пойман и уже три недели находится под арестом в Хабаровске. Все это вызывает удивление еще и потому, что хабаровская милиция быстро разобралась с вымышленными именами Коренева и сообщила в Артемовский лагерь о том, что их беглый заключенный находится у них. Каким-то непостижимым образом эта информация попала не в то дело или не в те руки. Поэтому, когда владивостокское начальство запросило руководство Артемовского лагеря о местонахождении Коренева, оно сообщило о бегстве, но не доложило о его поимке. Таким образом, владивостокские власти объявили в розыск беглого заключенного, который к тому времени был уже задержан. По информации хабаровской милиции, Коренева вернули в Артемовской лагерь примерно во второй-третьей неделе января 1940 г.

Побег Коренева из Артемовского лагеря сыграл с ним злую шутку. Руководство местного УНКВД наконец согласилось освободить его, причем это произошло буквально накануне побега. Был отменен не только первоначально вынесенный ему в Москве приговор, но и приговор владивостокской тройки, отправившей его под именем Макаркина на 3 года в лагерь в мае 1938 г. Если бы Коренев не сбежал, он был бы освобожден. Вместо этого в феврале 1940 г. он опять оказался в лагере, а власти готовились предъявить ему новый пакет обвинений. Лейтенант госбезопасности Башко, служивший во владивостокском управлении лагерей, выдвинул против Коренева (он же Макаркин, он же Романенко) официальное обвинение в побеге

---

⁴⁷ Л. 121–125. Дата 17 ноября отличается от приведенной в других документах даты 11 ноября. Более ранняя дата, вероятно, является более точной, если учесть, что между побегом и повторным арестом 24 ноября Коренев успел добраться до Владивостока, совершить там две кражи, а затем переехать на поезде в Хабаровск. Мишустин или просто ошибся, или не пожелал признаться в том, что заключенный мог так долго оставаться на воле незамеченным.

из мест заключения и в краже. В апреле Кондрашев как надзирающий прокурор утвердил обвинительное заключение и направил его на рассмотрение в Приморский краевой суд. В начале мая Коренев попытался совершить свой последний побег, но опять был пойман, на этот раз под именем Орлова. В последний день мая суд приговорил Коренева, упомянув все его последние вымышленные фамилии (Макаркин, Романенко и Орлов) к 16 месяцам заключения. Итак, Коренев вернулся к тому, с чего начинал.

Абсурдности

Все сначала пришлось начинать и Софье. Она пыталась уговорить Димакова и Дьяконова опротестовать приговор от 31 мая, и медлительная бюрократическая машина опять со скрипом пришла в движение. Но на этот раз у Софьи не было полной поддержки со стороны прокуратуры. Как представляется, Дьяконов противился тому, чтобы поднимать это дело опять. С его точки зрения и по мнению отдела прокуратуры, надзиравшего за местами заключения, побег Коренева из Артемовского лагеря свидетельствовали о его «неисправимости». В заключении, подготовленном его помощником Макушиным, Дьяконов отказался поддержать прошение Софьи о пересмотре приговора⁴⁸. Тем временем Генеральный прокурор В. М. Бочков снял Димакова с должности начальника отдела по надзору за органами НКВД и заменил его другим человеком. Сама Софья отправилась во Владивосток, чтобы быть поближе к сыну. Из имеющихся документов неясно, как это произошло, но Софье удалось убедить продолжить расследование то ли самого Бочкова, то ли Кондрашева во Владивостоке. Так или иначе, но Кондрашев был готов официально опротестовать вынесенный Кореневу приговор, причем тот самый, обвинительное заключение по которому он сам подписал в апреле. Софья старалась ускорить дело, послав из Владивостока телеграмму Бочкову с просьбой «дать инструкции Дьяконову завершить процедуру освобождения ее сына»⁴⁹. Когда об этом стало известно Дьяконову, тот 29 августа телеграфировал Кондрашеву, потребовав объяснений, на каком основании тот собирается опротестовать приговор Кореневу. Несколько дней спустя, а именно 4 сентября Дьяконов отправил Кондрашеву еще одну телеграмму, в которой категорически заявил, что не поддержит его протест, а Кондрашеву следует ознакомиться с новыми материалами, отправляемыми Генеральной прокуратурой в Приморское УНКВД⁵⁰.

---

⁴⁸ Л. 155–155об.

⁴⁹ Л. 154.

⁵⁰ Л. 148, 151.

Эти новые материалы означали полное разоблачение Коренева с гибельными для него последствиями. Кто-то наконец соединил вместе разрозненные дела или, по крайней мере, проверил подозрение о том, что Коренев-Макаркин и Коренев-Туманов представляют собой одно и то же лицо. В середине октября 1940 г. следователи Артемовского лагеря, изучив присланные им дела, приступили к допросам Коренева о Туманове и событиях весны 1938 г. Эти допросы состоялись 16 и 18 октября. В докладе Кондрашева, присланном Дьконову 31 октября, обобщены результаты расследования и этих допросов. Когда следователи предъявили Кореневу фотографии из дела Коренева-Туманова и попросили опознать изображенного на них человека, то Коренев поначалу заявил, что никогда с ним не встречался. Но после того как следователи сообщили ему, что человек на фотографии казнен, Коренев сломался и признал в нем Ивана Рожнова. Он сознался в том, что поменялся местами с Рожновым, и в совершенном им грабеже со случайным убийством, приведшем к его аресту под именем Туманова⁵¹.

Признание Коренева убедило следователей, что Иван Рожнов был казнен вместо него. Несомненно, известие о казни Рожнова потрясло Коренева. Не располагая сведениями о его судьбе, Коренев был уверен, что Рожнов, как они и планировали, сообщил начальству о подмене без серьезных для себя последствий, но узнав правду, он выложил всю историю своих побегов, смены имен и фамилий, своей жизни в бегах на задворках советского общества. Все многочисленные личины Коренева стали теперь известны точно так же, как объединились в одно дело все разрозненные дела, касавшиеся разных отрезков его жизни под именами Коренева, Туманова, Рожнова, Макаркина, Романенко и Орлова.

В результате проведенного расследования Кореневу было предъявлено новое обвинение, на этот раз в преступлениях, совершенных им под именем Туманова. Интересно, что он обвинялся не в убийстве, а в бандитизме по статье 59-3 УК. Непонятно, почему была избрана именно эта статья, которая обычно использовалась в делах по обвинениям в коллективной и систематической преступной деятельности. Возможно, по той причине, что в случае ограбления квартиры с убийством у Коренева имелся сообщник, а сам Коренев определенно совершал кражи в течение нескольких лет. Эта статья предусматривала более тяжелые наказания по сравнению с обычными кражами, и вполне вероятно, что Коренев мог получить по ней смертный приговор. Прокурор Кондрашев снова подписал обвинительное заключение

---

⁵¹ См. доклад: Л. 161–162.

ние Кореневу, которое поступило в Приморский краевой суд в конце декабря 1940 г.⁵²

В декабре 1940 г. Коренев был переведен из лагеря в центральную тюрьму НКВД во Владивостоке, где он сидел в ожидании начала слушаний своего нового дела в Приморском краевом суде по уголовным делам⁵³. Но в его деле все было непросто, и опять возникли проблемы его идентификации в разных облициях и подсудности совершенных им преступлений. В конце января слушания начались, но суд отказался принять обвинительное заключение в том виде, в каком оно было представлено. Как доложил Кондрашев Дьяконову, суд потребовал дополнительных подтверждений идентичности Коренева и тех лиц, за которых он себя выдавал. Кроме того, суд отметил, что смертный приговор, вынесенный бывшей тройкой НКВД в апреле 1938 г., не был ни приведен в исполнение, ни отменен. Суд вернул дело в прокуратуру, чтобы та прояснила вопрос – остается ли ранее вынесенный смертный приговор в силе или он утратил законную силу. Эту проблему прокуратуре надо было разрешить до того, как суд будет заслушивать новые обвинения Коренева в бандитизме⁵⁴.

Кондрашев тоже был в замешательстве и в свою очередь запросил разъяснений у Генеральной прокуратуры в Москве, относится ли дело Коренева к юрисдикции НКВД или обычного суда. Пользуясь обычным бюрократическим языком, он просил «поставить перед НКВД вопрос, следует ли привести в исполнение приговор, вынесенный тройкой УНКВД или, считая тот приговор утратившим силу, представить дело на новое рассмотрение в суде»⁵⁵. Иными словами, он спрашивал, следует ли Коренева расстрелять или вывести его на новый судебный процесс. Вновь жизнь Коренева повисла на волоске, а его судьба зависела от решения НКВД. Как оказалось, проблема, поставленная Кондрашевым, требовала нового слушания в особом совещании НКВД.

Дьяконов был не очень расположен к Кореневу, но тем не менее выдвинул сильные аргументы в его пользу, сославшись на различные обстоятельства, смягчающие его вину. В частности, соучастие в убийстве было случайным и непреднамеренным, а самый первый приговор ему был вынесен незаконно. Но на деле смягчающие обстоятельства не имели решающего значения. Любопытна сама сводка аргументов прокуратуры, руководство которой признавало, что смертный приговор Кореневу следовало бы привести в исполнение, но следом, по

---

⁵² Л. 211–214.

⁵³ Л. 214.

⁵⁴ Л. 231.

⁵⁵ Там же.

принципу «казнить нельзя помиловать» без всяких дополнительных разъяснений утверждало, что решение бывшей тройки НКВД от апреля 1938 г. «не может быть исполнено». На этом основании прокуратура требовала оставить его дело в юрисдикции уголовного суда⁵⁶. В сопроводительных документах отсутствуют какие-либо разъяснения, почему решение тройки не может быть исполнено, но особое совещание согласилось с мнением прокуроров. 12 мая 1941 г. прежний смертный приговор был отменен, и дело Коренева было возвращено в Приморский краевой суд. Таким образом, Кореневу удалось снова, в четвертый раз избежать смерти⁵⁷.

Решение об отмене смертного приговора Кореневу и о возврате его дела на рассмотрение обычными судами было последним документом в папке с его делом. Дальнейшая судьба Коренева остается неизвестной, хотя, по всей вероятности, он избежал расстрела. Неясно, приговорил ли его владивостокский суд к дальнейшему отбыванию наказания в тюрьме или лагере, требовала ли прокуратура вынесения ему смертного приговора. Скорее всего, не требовала, поскольку подобное требование не присутствует ни в одном обвинительном заключении. Софья снова поехала во Владивосток на новый процесс. Она по-прежнему настаивала на освобождении ее сына на основании решения, отменяющего самый первый приговор, вынесенный ему в 1937 г. Софья пыталась доказать, что любой срок заключения, к которому мог быть приговорен Коренев за совершенные им преступления, он уже отбыл, отсидев предыдущий срок по незаконному приговору.

Еще одна и последняя ирония судьбы Коренева заключалась в том, что решение о передаче его дела в обычный суд состоялось в середине мая 1941 г., всего за месяц до нападения Германии на Советский Союз в июне того года. Несомненно, сам Коренев надеялся, что суд в конечном итоге его освободит. На самом деле его шансы на выживание в последующие годы были намного выше, если бы он остался в лагерях, чем в случае освобождения и последующего вероятного призыва в армию. Однако нам неизвестна дальнейшая судьба Коренева, материалы в его деле заканчиваются решением о передаче его дела на рассмотрение суда, принятым в мае 1941 г. Осталось неясным, был ли он освобожден или осужден, каким был вынесенный ему приговор и где он окончил свои дни. Попытки проследить дальнейшие судьбы его самого и его семьи оказались бесплодными. Они остались такими же загадочными, как и судьбы многих других жертв сталинизма.

---

⁵⁶ Л. 232об.

⁵⁷ Л. 144.

Заключение

История Коренева драматическим образом раскрывает прорехи в системе надзора за населением и полицейского контроля в 1930-х гг. и ее общую поразительную неэффективность. Эта система была рассчитана на то, чтобы иметь дело с большими категориями людей, а не с отдельными личностями. В ходе одной, отдельно взятой операции милиция и органы госбезопасности умели выявлять, задерживать и депортировать целые группы населения. Руководство страны имело возможность воздействовать на общество в целом, а созданная им для этого громоздкая полицейская машина с трудом справлялась с надзором за отдельными гражданами. Кореневу, например, удавалось неоднократно менять свое обличье. Он с относительной легкостью передвигался с места на место, используя при этом поддельные или краденые документы. Чаще всего называясь разными именами, он избегал разоблачения, хотя для этого милиции было достаточно более внимательно проверить его личность. Милиция начинала сомневаться в его заявлениях только после того, как он попадал под подозрение в совершении преступления. Но и в случае ареста милиция могла бы раскрыть его обман намного быстрее, однако многослойная бюрократическая система была крайне неповоротливой и сильно замедляла процесс проверки идентичности или сопоставления личных данных задерживаемых. Обычно чаще всего по телеграфу органы милиции направляли запросы в другие города и регионы страны с просьбами проверить наличие там информации об определенных лицах. Такой подход был крайне ненадежен и занимал много времени⁵⁸. Милиция в региональных центрах отправляла и получала каждый месяц по несколько сотен таких запросов, каждый из которых требовал проведения индивидуального поиска запрашиваемой информации в архивных делах. Даже телеграфные запросы и указания, поступавшие на места из центра, нередко терялись или неделями оставались без ответа. Перекрестная проверка настоящих и вымышленных имен и кличек была практически невозможной, даже если они были известны. Отслеживание лиц, называвших себя разными вымышленными именами, значительно упростилось после введения и широкого распространения дактилоскопии, но этот метод в 1930-х гг. все еще находился в зачаточном состоянии. В случае с Корневым милиция проверила отпечатки пальцев только с целью подтверждения его

---

⁵⁸ Розыск мужей, скрывавшихся от уплаты алиментов, доказал бесполезность таких методов. Лишь немногих мужчин удавалось отыскать, если они проживали под собственными именами и фамилиями, но большинство просто официально меняли фамилии или жили под вымышленными именами, чтобы не быть пойманными.

показаний на допросах. Как правило, милиция была вынуждена верить на слово сообщениям арестованных об их личности, если только правдивая информация не всплывала при чрезвычайных обстоятельствах или сами арестованные добровольно не сообщали о своем происхождении и прошлом.

Паспортная система и институт прописки, введенные для того, чтобы сделать советское общество прозрачным для власти, на самом деле дали обратный эффект, поощряя многих к затуманиванию своего прошлого, фальсификации отдельных частей биографий или полной их выдумке. Сотни тысяч или даже миллионы изобретательных советских граждан не преминули воспользоваться открывшимися возможностями⁵⁹. Подлинные размеры подобных фальсификаций сложно оценить. Большинство граждан, вероятно, лишь слегка искажали свои личные данные, например, опуская в представляемых документах имена подозрительных родственников или не упоминая о своем прошлом членстве в ставших политически неприемлемыми группах или партиях. Немало людей, перемещаясь с места на место, вполне легальными бюрократическими способами постепенно полностью меняли собственные личные данные и сведения о членах своих семей. К этой категории относились, прежде всего, профессиональные уголовники, а также значительные по численности сегменты населения, включая согнанных с земли крестьян или людей, подвергшихся иного рода преследованиям и вынужденных вести маргинальное существование в ссылке или после принудительного переселения. В нее входили также люди, подобные Кореневу. Режим своими руками обращал их в преступников, произвольно расширяя определения социальных групп и действий, признаваемых враждебными и антисоветскими. Несчастная судьба Коренева служит живой иллюстрацией последствий случайного замечания Ежова в канун массовых чисток, заявившего, что сотрудников его ведомства не должны тревожить разрушенные судьбы нескольких тысяч невинных людей. Корнев стал одним из них. Ему еще посчастливилось несколько раз избежать неминуемой смерти, но его жизнь, подобно жизням близких ему людей и тех, с кем он контактировал, оказалась разрушенной. История Коренева – лишь одна из многих подобных ей историй, повторенных не только тысячами, но миллионами людей.

---

⁵⁹ См.: Sheila Fitzpatrick. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton, 2005.

12. ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Во время войны и после ее окончания произошли перемены в природе репрессий. Изменились и методы милиции и органов госбезопасности. Массовые репрессии определенных категорий населения не только продолжались, но стали даже более интенсивными. Тем не менее изменилась целенаправленность этих кампаний по сравнению с довоенным периодом. Например, полицейские органы с прежней силой возобновили массовые депортации отдельных этнических групп, но если ранее они проходили в границах страны до 1939 г., то теперь их перенесли на территории, аннексированные в 1939 г. и заново отвоеванные после 1945 г. То же самое можно сказать и в отношении массовых административных репрессий против «социально-опасных элементов». Они были продолжены в оккупированных республиках Прибалтики, в западных областях Украины, Белоруссии и Молдавии. Здесь органы госбезопасности и милиция продолжили массовые социально-политические репрессии, аналогичные тем, что проводились в 1930-е гг. на территориях в границах до 1939 г. При этом на территории «метрополии», то есть в границах до 1939 г., характер репрессий после войны изменился. Административное репрессирование граждан по категориям сменилось индивидуальным преследованием нарушителей законов в судебном порядке. Но изменившийся характер репрессий не означал снижения их интенсивности. Напротив, в период 1945–1953 гг. число людей, подвергшихся уголовному преследованию и депортациям, достигло наивысшего уровня за все время существования советской власти. Миллионы людей были арестованы и отправлены в заключение или ссылку за нарушения драконовских законов, направленных на преследование нарушителей трудовой дисциплины, расхитителей социалистической и колхозной собственности и других законов, связанных со сталинской политикой экономической реконструкции страны. Но все эти граждане в основной массе отправлялись в заключение по приговорам судов, а не административных органов типа троек НКВД, и были осуждены за нарушения конкретных законов, а не в связи с их потенциальной нелояльностью режиму, проистекавшей из их подозрительного социального или этнического происхождения. Таким образом, если рассуждать в терминах социальной политики, все эти

люди подверглись репрессиям за реальные проступки, а не просто за то, кем они являлись в глазах режима¹.

В то же время власти продолжали прибегать к секретным внесудебным расправам, характерным для деятельности органов госбезопасности 1930-х гг. Наиболее отчетливо это проявлялось на вновь присоединенных территориях и в некоторых кавказских регионах, где государственной безопасности угрожало серьезное повстанческое движение против советской власти, развернувшееся практически вдоль всех новых границ страны и с которым местные власти были не в состоянии справиться². Напротив, задачи поддержания общественного порядка внутри довоенных границ были деполитизированы. Здесь власти боролись преимущественно с уголовной преступностью, усиливая, между тем, роль милиции и судебной системы в продолжавшихся широкомасштабных репрессиях против населения. Этот сдвиг в политике власти нашел отражение в реформах, направленных на разделение функций гражданской и политической полиции и административное отделение милиции от органов госбезопасности. Во время войны и в послевоенные годы произошла серия бюрократических преобразований, в результате которых милиция была выведена из подчинения органам госбезопасности и передана под управление министерства внутренних дел (МВД), сменившего бывший НКВД. Тогда же (в 1946 г.) произошло переименование всех народных комиссариатов в министерства. Одновременно было создано министерство государственной безопасности (МГБ). Хотя заключенные тюрем, лагерей, колоний и спецпоселений не видели

---

¹ Я не рассматриваю здесь вопросы нарастания антисемитизма в СССР в послевоенные годы. Об этом см. работы: Arno Lustiger et al. *Stalin and the Jews. The Red Book: The Tragedy of the Jewish Anti-Fascist Committee and the Soviet Jews*. New York, 2003; Joshua Rubenstein and Vladimir P. Naumov, eds. *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee*, trans. Laura Esther Wolfson. New Haven, 2001; Robert Weinberg. *Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928–1996*. Berkeley, 1998; Yehoshua A. Gilboa. *The Black Years of Soviet Jewry, 1939–1953*. Boston, 1971; Amir Weiner. *When Memory Counts: War, Genocide, and Postwar Jewry // Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*. Ed. Amir Weiner. Stanford, 2003. P. 167–188; а также автобиографию: Mary Leder. *My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back*. Bloomington, 2001.

² Jeffrey Burds. *Agentura: Soviet Informants' Networks & the Ukrainian Underground in Galicia, 1944–48 // East European Politics & Societies*. Vol. 11. No. 1. 1996. P. 89–130; Idem. *The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944–1948 // Karl Beck Papers in Russian and East European Studies no. 1505*. Pittsburgh, 2001; Джеффри Бурдс. *Советская агентура. Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948)*. Москва – Нью Йорк, 2006; Amir Weiner. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001; Зубкова Е. Ю. *Прибалтика и Кремль, 1940–1953*. М., 2008.

большой разницы в том, кто их арестовывал, МВД или МГБ, но различия были, причем весьма существенные. Методы наведения общественного порядка в послевоенные годы стали менее жесткими, чем массовые репрессии 1930-х гг. Эти перемены отражали не сокращение масштабов репрессий, но, по крайней мере, общую тенденцию к демилитаризации общественных отношений. Цели и соответственно методы репрессий на территории страны в границах 1939 г. сильно изменились по сравнению с довоенным периодом. Репрессии теперь уже не были направлены на изоляцию или ликвидацию врагов государства. В послевоенные годы власти прибегали к масштабным репрессиям с целью усиления общественной дисциплины в интересах восстановления экономики страны³. Эти изменения целей и методов репрессий отражали также изменения идеи гражданственности и отношения государства к гражданам. Все указанные перемены в идеологии, политике, практике работы и организации государственных органов приобрели ускорение в последние годы жизни Сталина и вылились в широкомасштабные амнистии, последовавшие после смерти диктатора. Но многие изменения, рассматриваемые в настоящей главе, начались еще раньше, в последние предвоенные годы. Это в первую очередь касается структурных и качественных изменений полицейских органов.

Милиция

Чистки конца 1930-х гг. нанесли серьезный урон численности и квалификации сотрудников милиции. О его тяжести можно судить по изменениям демографических характеристик ее штатного состава. Например, к 1940 г. стаж службы в органах милиции почти 24 % ее сотрудников составлял менее одного года. Частично столь низкий уровень опытности сотрудников объяснялся значительным увеличением численности милиции. Разукрупнение краев и областей, сопровождавшееся увеличением общего числа административно-территориальных единиц в стране, потребовало соответствующего увеличения численности милиции и повлекло за собой удовлетворение Совнаркомом просьбы ее руководства о расширении штатов на 20 тыс. человек. К росту численности РКМ привело также включение в ее состав ранее самостоятельной железнодорожной

---

³ Репрессии подобного рода больше походят на предложенную Вышинским модель судебных репрессий как средства дисциплинарного воздействия на общество, чем на модель Ягоды, который считал их необходимыми в интересах обеспечения государственной безопасности.

милиции. Если в начале 1939 г. численность милиции составляла 182 тыс. человек⁴, то к середине июля 1940 г. она выросла на 31 тыс., достигнув примерно 213 тыс. человек офицерского и рядового состава, не считая курсантов школ и училищ. При этом только 14,5 % были вновь образованными штатными единицами. Остальной рост количества сотрудников милиции произошел за счет заполнения вакантных должностей после 1938 г. К середине 1940-х гг., как уже отмечено выше, примерно четверть сотрудников (24 %) была новичками. Так, около 3 тыс. (9–10 %) вновь принятых в 1939 г. и в первые месяцы 1940 г. сотрудников заняли освободившиеся, а не вновь введенные штатные должности⁵. Текущая кадров в милиции была обусловлена разными причинами, включая уходы сотрудников на пенсию, увольнения или переводы на новые места службы. Однако не вызывает сомнений, что в значительной степени она была обязана чисткам.

Последствия чисток наиболее очевидным образом сказались на статистике командных кадров милиции. Число офицерских должностей в милиции росло примерно теми же темпами, что и рядовых, то есть за период с января 1939 по июль 1940 г. увеличилось примерно на 17 %. Однако в июле 1940 г. из 98 545 офицеров милиции 31 % проработали в НКВД менее года⁶. Так, начиная с января 1939 г. около 13 800 офицеров милиции (14 %) были приняты на работу или повышены по службе с целью замещения освободившихся, а не вновь введенных должностей. Что касается рядового состава, то большое число замещений вакансий новыми сотрудниками было обусловлено естественной текучестью кадров, хотя немалое количество должностей освободилось также в результате арестов рядовых милиционеров. Большинство вновь принятых на работу милиционеров приходило из числа уволенных в запас военнослужащих советской армии и внутренних войск НКВД. Это справедливо в отношении 71 % рядового и 83 % офицерского состава милиции. Менее двух процентов новых сотрудников пришло из рядов ГУГБ/ОГПУ. Такая схема формирования милиции больше соответствовала практике европейской полиции, чем представлениям Ягоды об интеграции и взаимозаменяемости милиции и органов госбезопасности⁷.

---

⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 130. Л. 19–20.

⁵ Рассчитано по данным таблицы из ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 58. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 6, 47.

⁷ Там же. Л. 6, 7, 50. Иные схемы рекрутирования полицейских кадров описаны, например, в работе: Elaine Glovka Spencer. *Police and the Social Order in German Cities: The Düsseldorf District, 1848–1914*. DeKalb, 1992. См. также: Raymond B. Fosdick. *European Police Systems*. 1925. Montclair, 1969. P. 199–237.

К 1940 г. милиция только начинала оправляться от последствий чисток, но тем не менее некомплект штатного состава в ней все еще составлял порядка 8 %⁸. Новый тяжелый удар по кадрам милиции нанесла война. В первые месяцы войны РКМ потеряла около четверти штатного состава в результате призыва милиционеров на военную службу. Освободившиеся должности замещались, если это удавалось, неквалифицированными или негодными по состоянию здоровья к воинской службе лицами, пенсионерами, а также теми, кто в отчетности были обозначены как «бывшие преступники и другие лица, не подлежащие призыву»⁹. В 1947 г. милиция все еще оставалась не полностью укомплектованной, а ее общая численность составляла всего 201 тыс. человек против 213 тыс. в 1940 г.¹⁰ Относительно малочисленная, плохо оснащенная и недостаточно квалифицированная милиция с трудом справлялась с массовой миграцией населения и с общественными беспорядками, ставшими следствиями хаоса, порожденного войной, а также политикой властей по преодолению ее последствий. Милиция столкнулась с похожими, если не идентичными проблемами, с которыми ей уже довелось иметь дело в начале 1930-х гг. Социальная неустроенность и массовая миграция людей, разгул преступности, безработица и даже голод усугублялись разрушениями городов и городской инфраструктуры, коллапсом системы торговли и снабжения. Массы людей поодиночке и большими группами перемещались по всей территории страны, по ее городам и селам, игнорируя законы о паспортах и прописке. Только в 1946 г. милиция зарегистрировала 1,26 млн нарушений паспортного режима, и это только те, что реально попали в ее поле зрения. В 1947 г. милицией было выявлено 49 144 нарушителей паспортного режима в Ленинграде и 173 тыс. в Москве¹¹. За 1946 г. было выслано из режимных городов почти четверть миллиона человек, прибывших туда в поисках пропитания, но не имевших регистрационных документов. Число таких людей в следующем году достигло уже полумиллиона. Всего за 4 года, с 1948 по 1952 г., милицией было привлечено к ответственности за нарушения паспортного режима порядка 5,5 млн человек. Большинство из них отделалось штрафами, но 127 тыс. были

---

⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 58. Л. 3.

⁹ Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я. Полиция и милиция. Страницы истории. М., 1995, С. 220.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29а. Д. 3246. Л. 10.

¹¹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1424. Л. 4–5. Большинство нарушений (45 %) составляло проживание без прописки. Еще 31 % составляли люди с просроченными или по иным причинам недействительными паспортами, а 16,4 % – люди вообще без паспортов.

привлечены к уголовной ответственности и приговорены к различным срокам тюремного или лагерного заключения¹².

Для милицейского руководства рост числа задержанных нарушителей паспортного режима был признаком того, что милиция начала более эффективно внедрять законы о паспортах и прописке. В этом, несомненно, была доля правды, но приведенные выше цифры указывают также на масштабы хаоса, царившего в стране, причем руководители милиции отчетливо сознавали, что число людей, привлеченных к ответственности за нарушения паспортного режима, несопоставимо с реальным общим числом мигрантов. Например, только в Вильнюсе в первые месяцы 1947 г. на железнодорожные станции города ежедневно прибывало по 30 тыс. человек. По данным милиции, большинство, если не все приезжавшие в город в поисках пропитания и крыши над головой, не имели паспортов или иных установленных законом удостоверений личности¹³. Власти Красноярского края настаивали на введении особых ограничений на прописку новых жителей в Норильске, чтобы остановить наводнение этого города бродягами, бывшими заключенными и откровенными уголовниками¹⁴. В период 1940–1946 гг. население Свердловска почти удвоилось в основном за счет граждан, эвакуированных из западных областей страны, а также в результате притока в город «особого контингента», состоявшего из бывших заключенных, освободившихся из расположенных поблизости лагерей НКВД. Таких людей среди прибывших в город за 1946 г., по данным местной милиции, насчитывалось около 4 тыс. человек¹⁵. В приграничных районах, особенно в примыкавших к слабо контролируемым границам Средней Азии и Закавказья, велась практически неконтролируемая контрабандистская деятельность. Люди и товары почти беспрепятственно перемещались через границы с Турцией, Ираном и Афганистаном. В Сухуми, на Черноморском побережье, по оценкам местных властей, проживали примерно тысяча иностранцев или людей с неопределенным гражданством без соответствующих регистрационных документов¹⁶. Точно так же, по сообщениям местных властей, в приграничном грузинском порту Батуми резко вырос уро-

---

¹² Там же. Л. 1–2. Советская жизнь 1945–1953. Сборник документов / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 209. Данные за 1948–1952 гг. см. доклад Берии в сборнике: Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. В. Наумова, Ю. Сигачева. М., 1999. С. 44.

¹³ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1424. Л. 1–2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29а. Д. 3246. Л. 49–50.

¹⁵ Там же. Оп. 48а. Д. 2468. Л. 47–49.

¹⁶ Там же. Д. 2469. Л. 8.

вень преступности в результате неконтролируемого притока бродяг без документов и иностранных контрабандистов. Близость турецкой границы, мягкий климат, присутствие экспортно-импортных учреждений, торговых предприятий и складов военно-морского и торгового флота делали город привлекательным пунктом назначения для внутренней миграции¹⁷.

Изменения в состоянии преступности и методах борьбы с нею

Если война повлекла за собой массовые перемещения людей и миграцию населения, то она также изменила и природу преступности. По оценкам милиции, до войны наиболее распространенными типами воровства были растраты денежных средств и хищения товаров и готовой продукции с предприятий. В результате разрушения систем торговли и распределения во время и после окончания войны наибольшее распространение приобрели кражи сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, но особенно частым стало воровство продовольственных карточек и купонов на приобретение дефицитных товаров. Соответственно, спекуляция также переориентировалась на перепродажу продуктов питания и получение взяток за государственные и ведомственные услуги, что резко контрастировало с серединой и концом 1930-х гг., когда объектами спекуляции были промышленные товары, сырье и полуфабрикаты. Переключение активности спекулянтов на торговлю продуктами питания и доступом к государственным услугам после войны повторило ситуацию в преступности начала 1930-х гг. Тогда, в напряженный период коллективизации, голода и ускоренной индустриализации те же типы преступлений – открытые хищения пищевых продуктов и зерна выдвинулись на первые места в перечне наиболее серьезных антигосударственных преступлений. В период же относительной стабилизации середины 1930-х гг. хищения как антигосударственное преступление были в основном нацелены на промтовары и материалы. Сразу после окончания войны, как и в начале 1930-х гг., воровство продуктов питания и различные формы коррупции и взяточничества представляли собой преступления, совершавшиеся не столько из жадности или с целью обогащения, сколько являлись средством выживания людей в условиях тотального дефицита товаров и услуг. Неудивительно, что в этих обстоятельствах хищения государственной собственности и коррупция

---

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3893. Л. 7–9.

чиновников достигли уровня, невиданного со времен первых лет коллективизации¹⁸.

Милиция не справлялась с решением всех этих проблем, что частично являлось следствием сокращения ее численности и снижения уровня квалификации сотрудников, но также объяснялось значительным расширением территории страны, размеры которой заметно выросли по сравнению с предвоенным временем. В своем обращении с просьбой об увеличении штатов милиции министр внутренних дел С. Н. Круглов в феврале 1946 г. отмечал, что по сравнению с 1939 г. в стране появилось 22 новые области, включая Калининградскую область, Закарпатье и Южный Сахалин. В этих областях насчитывалось более 160 новых районов, 24 крупных города и более 100 рабочих поселков. Он писал, что руководство милиции вынуждено укомплектовывать новые территории кадрами, перебрасывая в них сотрудников из прежних областей. Рост численности милиции на железнодорожном и водном транспорте также отвлекал людей из территориальных органов милиции. Начиная с 1937 г. порядка 33 тыс. сотрудников было переведено из территориальных в отраслевые органы милиции, невзирая на то, что изменения административно-территориального деления страны в пределах границ 1939 г. создали возросшую потребность в кадрах офицерского и рядового состава территориальных органов милиции. Ряды милиции истончились, как никогда, опасным образом по сравнению с любым периодом 1930-х гг. Требования об увеличении штатов поступали практически из всех частей Советского Союза. Страна становится плохо управляемой из-за некомплекта милиции, и ситуация, предупреждал Круглов, постепенно выходит из-под контроля МВД¹⁹.

МВД добилось выделения дополнительных штатов, но рост численности милиции сам по себе не решал проблему борьбы с бес-

---

¹⁸ По официальным оценкам милиции. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 89. Л. 5–7. См. также: James Heinzen. The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // *Slavic Review*. Vol. 66. No. 3. Fall 2007. P. 389–412; Советская жизнь. С. 6. Любопытно, что в докладах высших государственных органов, содержащих данные о росте преступности, нет упоминаний о взяточничестве или коррупции, вместо которых основное внимание сосредоточено на хищениях государственного имущества и хулиганстве. Советская жизнь. Док. 52–56; James Heinzen. A Campaign Spasm: Graft and the Limits of the 'Campaign' against Bribery after the Great Patriotic War // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Development*. Ed. Juliane Fürst. London, 2006. P. 123–241. Джеймс Хейнзен и Синтия Хупер оба отмечают разговор молчания части советских руководителей вокруг проблемы коррупции чиновников, в то время как взяточничество и коррупция стали нормой жизни и выживания советских граждан. James Heinzen. A Campaign Spasm; Cynthia Hooper. A Darker 'Big Deal': Covering Up Party Crimes in the Post-WWII Era // Fürst. *Late Stalinist Russia*. P. 142–163.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 29а. Д. 3246. Л. 9–11.

порядками в обществе. Изменения в динамике преступности и последствия войны требовали фундаментальных перемен в способах управления страной с использованием органов милиции и госбезопасности. Поскольку динамика основных видов преступлений сместилась от товаров в сторону услуг, основным местом преступной деятельности становятся не улицы и рынки, а предприятия и учреждения. По крайней мере, теперь именно в этом лидеры страны усматривали главные угрозы для государства. На протяжении 1930-х гг. власти опасались недовольных и маргинальных групп населения, которые было принято именовать «социально-опасными элементами», игравшими, по представлениям властей, ключевые роли в криминальной активности и возможной политической оппозиции. Служебные преступления и коррупция в институтах власти в 1930-е гг., по оценкам милиции, цвели пышным цветом, но главным приоритетом государства в те времена оставались выявление и изоляция опасных социальных групп. Ягода при каждом удобном случае декларировал опасность для государства со стороны мелких спекулянтов и уголовников. На нейтрализацию этой опасности были нацелены кампании социальной защиты, осуществлявшиеся на основе законов о паспортах и прописке и сводившиеся к проведению массовых операций по зачистке от этой публики городских кварталов, рынков, транспортных узлов и артерий и других мест скопления людей. Возможно или по крайней мере по заявлениям руководителей милиции, массовые облавы приносили некоторые положительные результаты в 1930 гг., но подобная тактика оказалась совершенно неэффективной для устранения непосредственных последствий войны. Уличные действия милиции, применявшиеся в середине 1930-х гг., не могли справиться со столь беспокоившей власти после войны ведомственной преступностью. Политика репрессий, применявшаяся в борьбе с маргинальными слоями населения, не годилась для противодействия должностным преступлениям с участием миллионов служащих государственных и кооперативных предприятий. Столь же неэффективной эта политика оказывалась в борьбе с гигантским ущербом, наносимым государству хорошо организованными крупными преступными группировками, состоявшими из служащих предприятий и госучреждений²⁰. Государству необходимо было переключить приоритеты милиции и ее тактику с борьбы против изгоев общества или враждебных элементов на укрепление социальной дисциплины среди советских граждан.

---

²⁰ См.: J. Heinzen. Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against 'Socialist Property,' 1940–1953 // *Kritika: Explorations in Russian History*. Vol. 8. No. 4. Autumn 2007. P. 789–816.

Имелась еще одна причина, по которой тактика массовых репрессий утратила эффективность. Массовые надзорные и полицейские методы 1930-х гг. были по большей части основаны на постоянно усложнявшихся паспортной системе и институте прописки, введенных в первой половине 1930-х гг., которые были почти полностью дезорганизованы во время и после окончания войны. В докладе МВД за 1949 г. существо этой проблемы было сформулировано верно, хотя и в обычном советском бюрократическом стиле. В докладе, в частности, утверждалось, что «во время войны значительное количество бланков паспортов и секретных инструкций по паспортам попало в руки врага и в руки криминального элемента. Перепрописка паспортов и другие меры, проводимые НКВД, таким образом, не могут гарантировать ненадлежащее использование советских паспортов в целях, вредных для задач нашего государства»²¹.

Эти утверждения акцентировали внимание на проблеме, хорошо известной каждому рядовому милиционеру. Милицейские методы идентификации личности граждан по документам оказались совершенно неэффективными непосредственно после окончания войны. Представители власти не могли быть уверены в подлинности предъявляемых гражданами паспортов, а во многих случаях были лишены возможности проверить личность предъявителя паспорта иными способами. Милицейские картотеки во многих городах и сельских районах были приведены в негодность или утрачены во время войны, что сильно затрудняло, а порой делало невозможной проверку происхождения людей и подлинности предъявляемых ими паспортов. Кроме того, сотни тысяч граждан подавали в милицию заявления об утрате или краже у них паспортов во время или после окончания войны, но зачастую у них не было подтверждающих документов для выдачи им новых паспортов²². В то же время, как отмечалось в упомянутом докладе, довоенные паспорта слишком легко поддавались подделкам или незаконному внесению изменений, и это открывало возможности для злоупотреблений, совершаемых преступными элементами²³. Массовая эвакуация и миграция населения создали дополнительные проблемы для надзора с использованием методов паспортного контроля и прописки. Иными словами, паспорта утратили свою эффективность в качестве средства контроля населения в условиях послевоенного хаоса, царившего в Советском Союзе.

---

²¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5020. Л. 26.

²² Примерно 434 тыс. граждан сообщили в 1947 г. о потере паспортов в то время, как еще 142 232 человека обратились с заявлениями о краже у них паспортов. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1424. Л. 11.

²³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5020. Л. 26.

К 1949 г. МВД подготовило предложения по усовершенствованию паспортной системы без применения откровенных массовых репрессий. Использование паспортных законов для массовых репрессий после войны было политически несостоятельной и практически неэффективной мерой. Советские лидеры понимали практические и политические проблемы, связанные с массовым применением полицейских методов управления обществом даже до начала массовых чисток 1937–1938 гг. Ежов в свое время критиковал методы, характерные для 1930-х гг., которые вовлекли органы государственной безопасности в решение задач охраны общественного порядка. В первые месяцы 1937 г. он начал реструктурировать НКВД, передав реорганизованным подразделениям обычной милиции функции железнодорожной и других транспортных милиций. В 1938 г. Ежов инициировал создание внутри ГУ РКМ специального управления по борьбе с бандитизмом и нового элитного отдела борьбы с хищениями социалистической собственности, ставшего широко известным под аббревиатурой ОБХСС. Ежовские реформы, несмотря на всю их важность, были прерваны с началом массовых чисток 1937–1938 гг. с катастрофическими последствиями как раз такого рода, который он еще недавно сам осуждал. Сменивший Ежова на посту главы НКВД Лаврентий Берия возобновил процесс деполитизации и реформирования милиции. Вновь созданный при нем Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) включил в себя структуры прежнего ОГПУ/ГУГБ, а остальные управления бывшего НКВД, в том числе милиция (ГУ РКМ), ГУЛАГ и пожарная охрана вошли в новый наркомат внутренних дел, сохранивший прежнее наименование. Слияния и разделения структур политической и гражданской полиции происходили еще несколько раз во время и после войны, но на территории страны в пределах ее границ до 1939 г. принципы и практика разделения этих двух органов и их функций были хорошо отработаны еще до окончания войны²⁴.

По мере того, как смещались главные цели и направления преступной деятельности, соответственно менялась милицейская стратегия. Резкое увеличение масштабов должностных преступлений и коррупции заставило милицию отказаться от неэффективных методов массовых репрессий, направленных против маргинальных слоев населения, и переключиться на усиление агентурно-осведомительной

---

²⁴ В 1941 г. Берия оставался на посту наркома внутренних дел, в то время как главой нового НКГБ был назначен В. Н. Меркулов. Одновременно Берия был назначен заместителем Председателя Совнаркома, курирующим оба эти ведомства. О различных преобразованиях НКВД и госбезопасности см.: Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник. М., 1997.

и секретной милицейской работы по разоблачению преступлений и коррупции в государственных учреждениях и предприятиях. Это означало решительный поворот в практике милицейской работы по сравнению с 1930-ми гг., когда Ягода и Ежов пренебрегали методами, основанными на использовании сетей информаторов, и не доверяли им. В те годы оперативные сотрудники считали ниже своего достоинства возиться с осведомителями, не обладали ни ресурсами, ни желанием, не говоря уже об отсутствии должной компетентности, для эффективного налаживания этого направления милицейской работы. Возврат к этой стратегии в 1940-х гг. был в равной мере обусловлен как реальными или предполагаемыми милицией изменениями природы преступности, так и престижным статусом ОБХСС. Еще в канун войны в 1940 г. НКВД предпринял серьезные усилия по наведению порядка в агентурно-осведомительной работе, проведя очистку сетей осведомителей и агентов от бесполезных или социально-чуждых элементов. НКВД создал специальные школы для обучения агентуры и приступил к формированию и насыщению кадрами новой системы сетей агентов и осведомителей²⁵. В беспорядочных условиях военного времени внедрение этой новой стратегии стало еще более настоятельно необходимым. В милицейском рапорте за 1944 г. на этот счет говорилось следующее: «Массовые хищения и спекуляция стали такой проблемой, что требуют массовой агентурной работы. Уже недостаточно иметь только одного агента на предприятии». Изменившие приоритеты потребовали ежегодного роста числа агентов и осведомителей ОБХСС, которое с 1424 и 40 723 в 1942 г. к середине 1944 г. выросло до 6076 и 126 693 соответственно. Руководство милиции докладывало об увеличении численности агентуры на 315 % по сравнению с довоенным временем, причем это происходило во время войны, когда ряды милиции были сильно истощены мобилизациями сотрудников на военную службу. Некоторым образом указанный рост был обусловлен притоком кадров с освобожденных от немецкой оккупации территорий, но в основном был обеспечен усиленной работой в этом направлении руководителей краевых и областных управлений милиции²⁶.

После окончания войны происходило ежегодное быстрое расширение агентурно-осведомительных сетей, в которых за 1946 г. прибавилось примерно 23 тыс., а за 1947 г. около 30-тыс. новых агентов

---

²⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 89. Л. 7об. См. также: Paul Hagenloh. Policing Speculation after the Great Terror Paper delivered to the Southern Conference of Slavic Studies. March 2004.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 89. Л. 9. См. также: Heinzen. Informers and the State. P. 801–802.

и осведомителей. В 1947 г. только ОБХСС докладывал о наличии у него в общей сложности 308 579 агентов и осведомителей. В январе 1948 г. их численность выросла до 338 858 человек, причем 14 555 из них составляли так называемые резиденты, т. е. особо доверенные осведомители, которым сотрудники милиции поручали управление группами агентов и других осведомителей. Офицеры милиции непосредственно контактировали примерно с 18 500 агентами, а резиденты управляли в общей сложности более 305 тыс. осведомителей. Управлением агентурно-осведомительными сетями занимались 32 258, или примерно 10 %, кадровых сотрудников ОБХСС²⁷. В соответствии с новыми приоритетами в работе милиции свыше трети агентов и информаторов, а именно – 123 524 человека, было задействовано на предприятиях и в учреждениях министерства сельского хозяйства, включая колхозы и совхозы, его финансовые и бухгалтерские службы. Следующая по размерам группа агентов и осведомителей общим числом 45 237 человек, или 13 % от их общей численности, участвовала в борьбе со спекуляцией. К числу других контор, привлекавших особое внимание ОБХСС, относились предприятия и учреждения министерства пищевой и мясомолочной промышленности, где работали 29 548 агентов и осведомителей, и министерства торговли, в котором действовало около 21 тыс. информаторов²⁸.

Переключение милицейской стратегии на более широкое использование в работе осведомителей и агентов повлияло также на способы возбуждения и последующей передачи в суды дел разоблаченных преступников. В 1930 гг. тогдашний Прокурор СССР Андрей Вышинский часто распекал подчиненных ему следователей прокуратуры за то, что подавляющее большинство дел, связанных с должностными преступлениями на предприятиях, было возбуждено в результате проверок, проведенных органами государственного контроля. В равной степени, это относилось и к делам, возбужденным милицией, из которых в середине 1930-х гг. только 5 % были обязаны своим появлением информации, предоставленной милицейскими агентами и осведомителями²⁹. Но к концу 1940-х гг. ситуация коренным образом изменилась. В 1946 г. по ОБХСС в целом 29 % дел были возбуждены в результате секретной и агентурно-оперативной работы милиции, в то время как по некоторым областям их число доходило до 38–52 %³⁰.

---

²⁷ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 7–8. В том же докладе содержатся сведения об увеличении числа конспиративных квартир с 391 в 1946 г. до 660 в 1947 г., причем уже в 1948 г. ОБХСС расплагал 2431 такой квартирой для встреч с агентами и резидентами.

²⁹ См. ранее: С. 190–191.

³⁰ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 9, 13. Хейнзен приводит цифру 34,2 % за 1948 г. См.: Heinzen. Informers and the State. P. 804.

Но агентурно-осведомительная работа в 1940-е гг. страдала многими проблемами, характерными для нее в предыдущее десятилетие. Милицейские отчеты пестрят сообщениями о низкой или недостаточной квалификации агентов, нерегулярности поступления донесений, неспособности сотрудников милиции фильтровать и координировать поступающую информацию, делать ее пригодной для оперативного использования. Большая часть агентурных сведений позволяла разоблачать лишь мелких нарушителей закона, но не затрагивала крупные организованные преступные группировки, несмотря на настойчивые усилия милиции по внедрению в них своей агентуры³¹. Руководство милиции по-прежнему беспокоила возможная коррупция в ее рядах, хотя критика милиции в этом отношении была в 1940-х гг. не такой сильной, как в предвоенное десятилетие. На самом деле сложно оценить, повысилась ли вообще и насколько эффективность секретной и агентурной работы милиции по сравнению с предвоенным периодом, но скорее всего определенные успехи были ею достигнуты, судя по большому вниманию, уделяемому данному направлению розыскной деятельности. Так или иначе, но усиление агентурно-осведомительной работы означало переход к стратегии расширенного привлечения общества к содействию органам милиции. В довоенное десятилетие партийное руководство не очень доверяло подобной стратегии, подозревая засоренность общества скрытыми антисоветскими элементами. Тогда же были практически свернуты существовавшие в начале 1930-х гг. грандиозные планы создания регулярных сетей осведомителей, завершившиеся построением громоздкой и малоэффективной системы, которую позже власти посчитали одним из главных источников коррупции и проникновения врагов в государственную власть. Научно-обоснованные способы надзора за обществом основывались на использовании постоянно усложнявшейся системы картотек, тесным образом связанной с системами паспортизации и прописки, введенными в начале 1930-х гг. На протяжении всего десятилетия 1930-х гг. паспорта и прописка оставались наиболее эффективными средствами надзора за обществом и борьбы с преступностью. Регистрация информации в картотеках и внедрение паспортного законодательства стали неотъемлемыми направлениями профессиональной деятельности милиции. Они не предусматривали активного общественного участия, поскольку сразу предназначались для тайного бюрократизированного использования. Массовое общественное участие в социальной политике стало оправданным только во время и после окончания

---

³¹ Там же. Л. 9–10. См. также: Heinzen. Informers and the State, P. 803–804.

войны, причем по необходимости, обусловленной как изменениями в характере преступности, так и идеологическими соображениями, вытекавшими из новых представлений руководства государства о его легитимности и демилитаризации общественной сферы.

Массовые формы репрессий

Массовые формы репрессий, осуществляемые в административном порядке, продолжались и в 1940-х гг., но их направленность переклонила с крестьян, мелких уголовных преступников и маргиналов на отдельные этнические группы. Депортации по национальному признаку начались еще в середине 1930-х гг., обрушившись в основном на немцев, поляков и финнов, но тогда они сводились к частичному выселению групп населения, считавшихся потенциально враждебными. Критерии арестов и депортаций, безусловно, учитывали этническое происхождение, но в основном сводились к подозрениям в политических и классовых пристрастиях людей, несущих потенциальную угрозу для государства. Так, например, греков, выселяемых в середине 1930-х гг. с Черноморского побережья, подозревали в связях с зарубежными соотечественниками, но кандидатов на выселение главным образом отбирали из тех, кто обвинялся в сопротивлении коллективизации в начале десятилетия³². Только в ходе массовых чисток 1937–1938 гг. власти стали рассматривать целые народы как потенциальных врагов режима. Поголовные депортации корейцев, поляков и других национальных меньшинств того времени хорошо документированы. Масштабные депортации продолжились и во время войны, примером чего могут быть высылки чеченцев, ингушей и других малых народов. Депортации затронули почти все этнические группы, оказавшиеся на оккупированных немцами территориях или проживавшие вблизи этих районов страны, включая немцев, поляков, финнов, курдов, афганцев, армян, грузин, калмыков и крымских татар. К 1952 г. из 2,75 млн спецпереселенцев чуть более 1,8 млн составляли люди, выселенные скорее по национальному признаку, нежели исходя из их классового происхождения или социального положения (точнее, 1 810 140 человек из 2 753 000)³³.

Кампании массовых депортаций по социальным признакам продолжились после войны вплоть до конца 1940-х гг., но они затронули меньшее количество людей, чем в ходе национальных депорта-

---

³² См. ранее: С. 269–270

³³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959) // Население России в 1920–1950-е годы. Численность, потери, миграции. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Полякова. М., 1994. С. 157–158, 165, 168.

ций, и привели в спецпоселения за период 1945–1952 гг. примерно 678 тыс. новых переселенцев³⁴. Но важнее отметить тот факт, что новые спецпереселенцы, сосланные в тот период по социальному или национальному признакам, происходили преимущественно из вновь присоединенных после войны территорий страны, а не со старых в предвоенных границах 1939 г. В течение семи послевоенных лет власти выслали из областей и республик, примыкавших к новым западным границам страны, около 50 тыс. крестьян, признанных кулаками. В основном эти высылки затронули западные районы Украины и Белоруссии, а также три республики Прибалтики. Крестьяне и другие сельские жители, сопротивлявшиеся советизации, наряду с контингентами, числившимися просто выселенными с этих территорий, в списках спецпереселенцев проходили как носители националистических настроений. Многие тысячи людей, высланные с Украины, числились оуновцами – членами ОУН (Организации украинских националистов). Другие контингенты ссыльных, также насчитывавшие десятки тысяч людей, происходили из советской Молдавии, Прибалтики и Западной Украины³⁵. Среди выселенных со вновь присоединенных территорий было немало число людей, проходивших по категориям социально-опасных и неблагонадежных элементов. Милиция и органы госбезопасности подгоняли под эти категории мелких уголовников и маргиналов, которых они подозревали в качестве поставщиков кадров для националистических движений.

Масштабные репрессии продолжились после войны также на территориях внутри границ СССР 1939 г., но форма этих репрессий изменилась. На этих территориях власти расстались с практикой внесудебных репрессий по приговорам административных органов. Пресловутые тройки, в разных вариантах действовавшие на протяжении почти всех 1930-х гг., были распущены после решения Политбюро от 17 ноября 1938 г., утвердившего текст совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которым деятельность органов НКВД при проведении массовых чисток вновь загонялась в строгие рамки законов. Особое совещание при НКВД продолжило существование, но рассматривало только политические дела в административном порядке вплоть до своего окончательного роспуска в 1953 г. Власти не

---

³⁴ Там же. С. 162.

³⁵ Там же. С. 168. Значительную часть депортированных составляли военнослужащие, вернувшиеся из плена и особенно советские солдаты и другие граждане, воевавшие против советской власти в составе армии Власова. Число последних, в массовом порядке доставленных из фильтровочных лагерей НКВД в 1946–1947 гг., составило 148 078 человек. Там же. С. 161.

допустили возобновления деятельности троек после 1938 г.³⁶ Вместо этого руководство страны вновь вернулось к использованию обычных судов и уголовного законодательства, причем с особым рвением. Только за годы войны суды вынесли приговоры более 9 млн человек по обвинениям в нарушениях законов об усилении трудовой дисциплины, опубликованных в июне 1940 г. В 1940–1953 гг. суды отправили в исправительно-трудовые лагеря почти 4 млн нарушителей трудового законодательства. Еще 5,5 млн человек были приговорены судами к различным срокам заключения за хищения социалистической собственности и личного имущества граждан, за грабежи, хулиганство и спекуляцию³⁷. Хотя власти Указом от июля 1945 г. амнистировали заключенных, посаженных в годы войны за нарушения трудовой дисциплины, милиция почти сразу стала вновь и в больших количествах арестовывать трудящихся за нарушения этих законов. По данным заместителя Генерального прокурора страны Г. Н. Сафонова, только за второе полугодие 1945 г. суды вынесли приговоры по обвинениям в нарушениях указанных законов почти 540 тыс. работающих. На некоторых предприятиях число работников, дела которых были отправлены в суды или уже осужденных, достигало 15–20 % общей численности рабочей силы. Их арестовывали и приговаривали в таком большом количестве, что их аресты утрачивали свой профилактический и социально-воспитательный характер, превращаясь в рутину повседневной жизни³⁸.

Масштабные социальные репрессии охватывали также сотни тысяч людей, которых милиция ежегодно штрафовала, выселяла из режимных районов или арестовывала за нарушения законов о паспортах и прописке. В послевоенные годы примерно 4 млн человек испытали на себе ограничения на места проживания, запрещавшие им легально жить и работать почти в 340 городах страны, а также в ее приграничных и курортных районах, объявленных «режимными». Эти ограничения распространялись не только на миллионы людей, но также на всех их близких родственников и членов семей. При нищенских условиях жизни в стране в послевоенный период подобные ограничения обрекали миллионы граждан с семьями на лишения даже спустя много лет после того, как они принудительным трудом «искупили вину за свои преступления» и, казалось, были реабилитированы. Подобная, повсеместно распространенная форма дискриминации

---

³⁶ Обсуждения по этому указу см. ранее: С. 455–456.

³⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 6с. Д. 14. Л. 14–15.

³⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах / Под ред. Н. Верта, С. В. Мироненко. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 546.

заставляла ее жертв нарушать закон, селиться в городах и районах, проживание в которых им было запрещено. За период 1943–1953 гг. более 5 млн человек были обвинены в нарушениях паспортного режима. Большинство из них было оштрафовано на 100–200 рублей, а это была значительная сумма для многих людей, если учесть, что средняя заработная плата рабочего в стране составляла в то время порядка 900 рублей в месяц. За тот же период суды в уголовном порядке приговорили 127 тыс. человек к реальным срокам заключения в тюрьмах или лагерях за нарушения паспортного законодательства³⁹.

Социальные репрессии, усиленные паспортным законодательством, порождали громадное число маргиналов в стране, и затем на них же и обрушивались. В этой категории преобладали инвалиды войны. Не имея возможности найти работу в городах или в колхозах, они были обречены на нищенское существование и попрошайничество. В больших количествах маргинальные слои советского общества пополняли бродяги, искатели приключений, уголовники, безработные, члены подростковых банд и сектанты, наряду с другими категориями населения, такими, как демобилизованные солдаты, бывшие заключенные, выселенные национальные меньшинства, беглые или освобожденные из мест ссылки⁴⁰. В 1930-х гг. власти видели в маргиналах и в людях, совершавших должностные преступления, серьезную политическую угрозу государству. Эти слои населения по большей части находились под пристальным надзором органов госбезопасности и подпадали под юрисдикцию внесудебных органов НКВД, уполномоченных выносить им приговоры. После 1938 г. власти страны по-прежнему усматривали в должностных преступлениях серьезную общественно-экономическую опасность, но теперь людьми, их совершавшими, наряду с прочими уголовниками и иными нарушителями социальных норм, занимались милиция и обычные суды. Подобно другим видам преступлений, руководители страны деполитизировали указанные виды нарушений правопорядка, отнеся их, как и прежде в 1920-е гг., к социальной, а не политической сфере.

Изменения механики репрессий имели не менее двух серьезных последствий. Первое и наиболее важное из них заключалось в том, что репрессии, не переставая быть широко распространенными, ста-

---

³⁹ Данные за май 1933 г. из доклада Берии в сборнике: Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. В. Наумова и Ю. Сигачева. М., 1999. С. 43.

⁴⁰ Описания условий послевоенной жизни см., например: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / Сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин и др. М., 2004. С. 330–333; Советская жизнь... С. 168–172, 189–212, 268, 308–329, 344–353. Особого внимания заслуживает книга: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000. Ч. 1, 2.

ли менее убийственными. Режим своими жестокими законами криминализировал или маргинализировал миллионы людей, обрекая их на нищету и мучения, но, по крайней мере, перестал просто убивать их. Массовые репрессии против общества, основанные на применении законов о паспортах и прописке, оставались и после войны главным средством воздействия власти на граждан, но в отличие от 1930-х гг. эти репрессии постепенно становились скорее дисциплинирующим средством, чем способом охраны государственной безопасности. Изменившееся назначение репрессий повлекло за собой и другое важное последствие, заключавшееся в перераспределении обязанностей органов власти при их проведении. В результате дополнительная нагрузка выпала на долю и так перегруженных судебной и милицейской систем. Подобно другим структурам государственной власти, суды, прокуратура и милиция испытывали серьезный дефицит кадров, возникший в результате военных потерь. Как и в 1930-е гг., в судах неоставало квалифицированных работников. В предвоенное десятилетие социальные репрессии осуществляли преимущественно органы госбезопасности и специальные органы внесудебного вынесения приговоров. Сталин, а также Ягода и другие руководители ОГПУ–НКВД, не доверяли судам дела, связанные с обеспечением государственной безопасности, к которым на протяжении большей части 1930-х гг. приравнивались вопросы охраны общественного порядка. В результате суды, хотя и были завалены множеством гражданских и уголовных дел, были по большей части избавлены от рассмотрения политизированных дел, связанных с массовыми репрессиями.

После войны вся тяжесть масштабных репрессий против общества, по крайней мере, внутри границ страны 1939 г., была возложена на плечи судей, которые были вынуждены применять драконовские законы, принятые режимом. В 1930-х гг. суды имели возможность переквалифицировать обвинения, чтобы избежать вынесения наиболее суровых приговоров, например, могли осудить по статье за хулиганство вместо статьи за антисоветскую деятельность. Подобная судебная практика, несомненно, сохранилась и после войны. Однако предусмотренные законом наказания за незначительные проступки были настолько жестокими, что у судей не оставалось иного выбора, как приговаривать обвиняемых к непомерным срокам заключения. Например, самые мелкие хищения наказывались 8–10 годами принудительных (каторжных) работ. Таким образом, судебная система в послевоенный период оказалась значительно плотнее встроена в государственную репрессивную машину, чем в 1930-е гг. В предвоенное десятилетие органы госбезопасности действовали в обход судов и прокуратуры, вынося приговоры во внесудебном административном порядке. Прокуратура и суды решительно возражали против подобной практики, причем не только потому, что она противоречила за-

кону. Конфликты между НКВД и другими репрессивными органами возникали не только по проблемам законности, но затрагивали также распределение полномочий. Руководители прокуратуры и судебной системы всегда выступали за то, что репрессии социального характера должны быть делом обычной милиции и судов, а не органов госбезопасности и внесудебного вынесения приговоров. Многие претензии прокуратуры к НКВД касались не столько нарушений прав граждан, сколько нарушения процедур, установленных законом, который возложил ответственность за общественный порядок на гражданские, а не на политические власти. В послевоенный период сталинский режим освободил органы госбезопасности от обязанностей по охране общественного порядка, возложив на него другие задачи. В результате суды превратились в главное средство, с помощью которого советское руководство стремилось дисциплинировать общество с использованием широко распространенных форм судебных репрессий⁴¹.

Социальная демилитаризация

Переход от внесудебных к судебным формам репрессий отражал изменение в представлении лидеров режима об угрозе государству. Это изменение было связано с общей демилитаризацией страны, причинами которой стали не только окончание войны, но и преодоление чрезвычайных условий, которое характерно для большей части 1930-х гг. В послевоенный период политические лидеры по-прежнему видели в должностной преступности и маргинальных слоях общества угрозу порядку в стране, но уже не рассматривали их как угрозу политической устойчивости режима. Эти перемены легко заметить в изменившемся тоне докладов МВД Сталину и Молотову о состоянии преступности и проблемах социальной неустроенности граждан. В этих докладах теперь отсутствовали резкие, политизированные, истерические заявления, характерные для аналогичных документов 1930-х гг., тон которым задал сам Сталин своим выступлением на январском 1933 г. пленуме ЦК, когда он объявил преступность новой формой классовой борьбы и назвал уголовников главными врагами государства. Следуя курсом, заданным вождем, Ягода и другие руководители государства навесили на всех маргиналов ярлык источника контрреволюционной угрозы. В соответствии с этими представлениями мелкие уголовные преступники, нарушители паспортного режима и бывшие ссыльные были объявлены питательной средой

---

⁴¹ В сельских районах приговоры нарушителям трудовой дисциплины выносили также сельсоветы и правления колхозов. По данным историка В. Н. Земского, таким образом были приговорены к ссылке на срок до 8 лет 33 266 человек.

для выращивания будущих участников антисоветских мятежей. Но к концу 1940-х гг. подобные рассуждения исчезли из официальных заявлений. Милиция и руководители МВД стали называть преступников их истинными именами, нищие в докладах стали именоваться нищими, а воры – ворами. Спекуляция по-прежнему приравнивалась к антисоветскому поведению, угрожающему экономическим интересам страны, но при этом спекулянтов перестали называть политическими врагами государства⁴².

Милиция и суды выражали обоснованную озабоченность распространением преступности, нищенства, бродяжничества, антисоветских проявлений, массовой миграции населения и всех прочих социальных болезней, связанных с послевоенным хаосом в стране. Как уже отмечено выше, нарушения общественного порядка, обусловленные войной и ее последствиями, приобрели размах, с которым режиму не доводилось сталкиваться с начала 1930-х гг., причем ситуация была определено еще более серьезной, если учесть разрушенную войной инфраструктуру страны. Тем не менее общественным беспорядкам не придавалось того политического значения, как в 1930-е гг. МВД в послевоенных докладах, представляемых Сталину и Молотову, вернулось к классификации преступлений, принятой прежде в 1920-е гг. и ранее, выстраивая их классификацию в порядке убывания частоты тех или иных правонарушений. Эти доклады МВД резко отличались от довоенной отчетности НКВД, организованной в соответствии с классификацией преступлений по критериям опасности для режима и проводимой политики⁴³. В конце 1940-х гг. МВД вновь обратилось к простой и естественной форме отчетности по распространенности отдельных видов преступлений, принятой в практике работы профессиональной европейской полиции еще в XIX и начале XX в. Эти перемены стали еще одним признаком того, что советские политические лидеры стали воспринимать преступность иным, отличным от предвоенного десятилетия образом.

Сейчас сложно точно выявить причины указанных перемен восприятия преступности властями, но весьма вероятно, что это произошло в результате изменившихся представлений о причинах нарушений общественного порядка. На протяжении 1930-х гг. руководство страны считало преступность следствием классового сопротивления социалистическому наступлению государства в промышленности и сельском хозяйстве. Преступность и деятельность маргинальных слоев общества рассматривались в свете классовой борьбы и сопротивления строительству социализма. В этой связи борьба с

---

⁴² См., например: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139.

⁴³ См. классификацию преступлений: Там же. Д. 199. О классификации преступности в 1930-х гг. см. выше. С. 43–45.

преступниками и маргиналами преследовала не только социально-экономические, но и политические цели, и стала обязанностью органов госбезопасности. С точки зрения советских руководителей, враждебные иностранные правительства и их агенты из числа оппозиционеров стремились использовать в своих интересах преступников и асоциальные элементы. По мере нарастания угрозы войны в конце 1930-х гг. лидеры страны все чаще связывали преступные проявления и нарушения общественного порядка с угрозой грядущего вторжения и организованных восстаний против власти. Эти опасения руководства стали оправданием массовых чисток, развязанных в конце того десятилетия. Напротив, после окончания Второй мировой войны лидеры страны имели все основания рассматривать социальные беспорядки в Советском Союзе, имевшие место в тот период, как прямые последствия кризиса, обусловленного внешними причинами – вражеским вторжением, войной и оккупацией части территории страны. Социальные последствия роста преступности и нарушений общественного порядка в послевоенный период оставались серьезными, но поражение, нанесенное гитлеровской коалиции, устранило одну из главных угроз государству. Предполагалось также, что раскулачивание и массовые чистки 1930-х гг. устранили и другую принципиальную угрозу со стороны внутренней классовой оппозиции. Патриотическая мобилизация населения во время войны убедила власти в его лояльности режиму. Таким образом, уничтожение внешних и внутренних врагов позволило более не считать охрану порядка в обществе разновидностью классовой борьбы. Преступность больше не являлась той смертельной политической угрозой для выживания государства, которая требовала для своего подавления применения репрессивных методов, характерных для борьбы с мятежами против власти. Напротив, проблемы обеспечения общественного порядка при всей своей серьезности стали вопросами поддержания дисциплины в обществе, для чего вполне подходили наказания, налагаемые в судебном порядке. Упоение победой в войне придало режиму новое ощущение собственной легитимности и повлекло за собой перемены как в существе, так и в тональности проводимой им политики⁴⁴.

Эти перемены властных представлений и приоритетов можно проследить как по судебной статистике, так и по тону и формам официаль-

---

⁴⁴ Об обновленном ощущении властью собственной легитимности см.: Weiner Making Sense of War...; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 8. Как считают некоторые признанные ученые, это чувство разделяло с властями не все население страны, многие представители которого испытывали разочарование, смешанное с озлоблением, в связи с выбором в качестве главного приоритета восстановление добывающих отраслей промышленности. См.: Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество...

ной отчетности. Представленные выше данные о судебных репрессиях ясно указывают, что руководство страны рассматривало нарушения экономической и трудовой дисциплины как наиболее серьезную угрозу для государства⁴⁵. Законы против опозданий на работу и прогулов, а также запрет самовольной смены места работы, принятые в начале 1940-х гг., продолжали действовать после войны вплоть до начала 1950-х гг. Суды выносили приговоры миллионам нарушителей этих законов, число которых многократно превышало число осужденных по статьям УК, касавшихся преступлений против личности, насилия и воровства личного имущества граждан. Руководители МВД особо подчеркивали важность поддержания экономической дисциплины. Постановления, принимавшиеся Политбюро, Советом министров и Центральным комитетом партии, постоянно обращали внимание всех органов власти на различные аспекты экономической преступности и на важность защиты государства от хищений и наносимого ими экономического ущерба. Всего за два года Совет министров издал не менее семи постановлений об усилении борьбы с потерями сельскохозяйственной продукции в результате воровства и хищений. За период 1943–1947 гг. МВД и Совмин СССР выпустили тринадцать различных приказов и постановлений по усилению агентурной и секретной работы, направленной на противодействие воровству, хищениям и связанному с ними взяточничеству в различных отраслях экономики и ветвях государственной власти⁴⁶. Руководство страны усматривало в хищениях социалистической собственности такую значительную опасность, что издало новый закон по борьбе с ними, заменивший прежний, действовавший с 7 августа 1932 г.* Этот закон, вышедший 4 июня 1947 г. в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР, распространялся на любые виды воровства и хищений, включая разнообразные формы должностных преступлений. Число осужденных на основании этого закона также измерялось сотнями тысяч человек⁴⁷.

---

⁴⁵ Судебная статистика за период после 1938 г. содержит более точные официальные данные по сравнению со статистикой 1930-х гг. Статистика судебных приговоров не отражает различные и многочисленные формы внесудебных репрессий, представляя только верхушку айсберга.

⁴⁶ См. списки: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 99. Л. 2–4.

* Имеется в виду печально знаменитый «Закон о трех колосках» или «Закон 7–8», как принято именовать в исторической публицистике и художественной литературе постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятое по инициативе Сталина. – *Примеч. пер.*

⁴⁷ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 142–143. В 1947 г. на основании этого закона было осуждено порядка 800 тыс. человек, а всего за период 1947–1953 гг. число приговоров составило почти 2,4 млн. История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 612–613.

Все эти законы, постановления и приказы отражали близкую к маниакальной озабоченность руководителей партии и государства проблемами защиты порядка в обществе и экономике. Но эти проблемы теперь рассматривались исключительно в социально-экономическом аспекте, а не в виде проявлений политической оппозиции режиму, чем эти документы отличались от риторики 1930-х гг. В переписке партийных, государственных и милицейских органов больше не было упоминаний о сознательном вредительстве враждебных элементов, внутренних классовых врагах и шпионах, использующих уголовников для подрыва советской власти и строительства социализма. Никому из милиционеров не приходило больше в голову считать нищих и бродяг носителями контрреволюционной угрозы. Министр внутренних дел в своем выступлении 1947 г., посвященном вопросам паспортизации населения, в пылких выражениях оценивал положительную роль законов о паспортах и прописке, которую они сыграли в отлавливании уголовных преступников в 1930–1940-х гг. Но он, в отличие от своих предшественников Ягоды и Ежова, ни словом не обмолвился об этих законах как средстве обеспечения государственной безопасности и орудии выявления и задержания опасных слоев населения, выслеживания и поимки шпионов и классовых врагов. После войны власти рассуждали о преступности и нарушениях общественного порядка исключительно в терминах поддержания дисциплины в обществе, избегая риторики об опасности политического сопротивления.

Изменения в представлениях властей об источниках опасности для общества отражает следующий многозначительный инцидент. В феврале 1948 г. исполком Ленинградского городского Совета принял постановление, разрешившее предприятиям нанимать работников из рядов так называемого неорганизованного населения. Хотя это постановление просто узаконивало давно сложившуюся и широко распространенную практику, оно вызвало возражения со стороны министра внутренних дел СССР Круглова. Напомним, что аналогичное решение ленинградских властей в 1935 г. было встречено скорым, резким и многословным ответом тогдашнего главы НКВД Ягоды. Тогда городские власти потерпели поражение в столкновении с НКВД и его руководителем, сумевшим убедить Совнарком, что прием сотрудников на работу в обход официальной государственной контрактной системы представляет серьезную угрозу государственной безопасности. По мнению Ягоды, подобная практика позволяла опасным подрывным элементам просачиваться в города и на предприятия⁴⁸. В 1948 г., как и ранее, в 1935, этот вопрос был вынесен на высший правительственный уровень. Одна сторона кон-

---

⁴⁸ См. ранее: С. 338–339.

фликта, а именно Круглов, подобно своему предшественнику возражал против решения, принятого Ленгорисполкомом. Но на этот раз он не аргументировал свои возражения интересами государственной безопасности, а просто заявил, что такая практика нарушала правила, установленные решением Совнаркома от 1935 г.

В 1948 г. конфликт имел совершенно иное, противоположное 1935 г. завершение, причем по очень существенным причинам. Круглов не обладал тем положением, что Ягода в 1935 г., а Сталин, в отличие от предвоенного десятилетия, теперь отстранился от активного вмешательства в разрешение мелких повседневных экономических проблем. Но важнее всего то, что Совмин в 1948 г. не усмотрел угрозы государственной безопасности в найме предприятиями работников в обход официально разрешенных контрактов. Ощущение социальной опасности, характерное для 1930-х гг., перестало доминировать в отношении руководства страны к проблемам охраны общественного порядка. Решения Ленгорисполкома поддержали Берия и его заместитель Иванов, а также Генеральный прокурор Сафонов, министр юстиции К. П. Горшенин и Председатель Совмина РСФСР Родионов. Все они согласились, что предприятия имеют право нанимать на работу кого пожелают, если только не нарушают при этом других действующих законов, и могут предоставлять жилье нанятым работникам⁴⁹.

Возник и еще один нюанс в отношении власти к преступности и нарушениям общественного порядка. В послевоенной внутренней переписке МВД не обнаруживается прежней озабоченности наличием оружия на руках у населения, наблюдавшейся в 1930-е гг. В предвоенное десятилетие отчеты о массовых депортациях и кампаниях по зачистке городов всегда содержали данные о количестве изъятого в ходе их проведения оружия, будь то ружья или ножи, а руководство НКВД несколько раз инициировало специальные кампании по изъятию огнестрельного и холодного оружия у определенных сегментов населения. После войны эти проблемы, кажется, перестали быть главным приоритетом для партийного и милицейского руководства повсеместно за исключением вновь присоединенных территорий страны, где специальные силы внутренних войск и милиции боролись с масштабными организованными партизанскими движениями. На остальной территории страны в границах до 1939 г. эта проблема не слишком заботила власти. Резонно предположить, что после завершения такой большой войны на руках населения оказалось немало количество оружия и военного снаряжения, значительно большее,

---

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 3896. Л. 1–8.

чем в довоенные годы. Однако власти выражали более серьезные опасения по поводу охотничьих ружей и ножей, имевшихся у граждан в 1930-х гг. и которые могли быть использованы в ходе возможных восстаний, чем в связи с вооружениями, оставшимися у населения в послевоенные годы.

Новые территории

Репрессивная политика на вновь присоединенных территориях резко отличалась от той, что проводилась на старых, внутри границ 1939 г., точно так же, как различались взгляды на задачи охраны общественного порядка в этих частях страны. К 1940 г., например, власти больше не занимались депортациями крестьян как кулаков из районов внутри границ 1939 г., полагая, что к началу войны эти сельские районы уже были «умиротворены» и очищены от враждебного населения, а оставшихся жителей власти считали вполне благонадежными гражданами. Даже многим сотням тысяч раскулаченных были возвращены гражданские права, и они были реабилитированы. Число людей, получивших тогда свободу, было весьма значительным. За десять лет с 1941 по 1951 г. власти выпустили из спецпоселений почти 883 тыс. бывших кулаков. Более 400 тыс. депортированных были освобождены в 1946–1952 гг., причем примерно половина из них, порядка 200 тыс. человек, обрели свободу в 1948–1952 гг.⁵⁰ Социальные репрессии против крестьян продолжились и после войны, но на довоенных территориях сельских правонарушителей значительно чаще судили за различного рода нарушения трудового законодательства, воровство и другие экономические преступления, чем как антисоветски настроенных кулаков. Десятью годами ранее, но не в конце 1940-х гг., такие правонарушения карались депортациями виновных, объявленных кулаками.

Между тем, пока власти освобождали одновременно сотни тысяч людей, депортированных ранее со старых территорий страны, политика раскулачивания достигла своего пика на вновь присоединенных территориях. В послевоенные годы в специальные поселения прибывали сотни тысяч «кулаков» из завоеванных Западной Украины и Белоруссии, из Молдавии и Прибалтики. В действительности это были обычные сельские жители, противившиеся коллективизации и советизации новых территорий. Одновременно, как и ранее в 1930-х гг., в ту же категорию «социально-опасных элементов» на новых территориях

---

⁵⁰ Земсков В. Н. Спецпоселенцы... С. 46, 152. Амнистия не распространялась на ссыльных предателей определенных национальностей, таких, как немцы, чеченцы, калмыки и др.

попали уголовники и маргиналы. При этом милиция при задержаниях и депортациях городских правонарушителей руководствовалась похожими приказами и применяла те же методы, что в ходе кампаний социальной защиты 1930-х гг. Возьмем, к примеру, майский 1941 г. приказ Берии, касавшийся трех вновь присоединенных прибалтийских республик, в котором он на шести страницах призывал к очистке этих территорий от «антисоветских, криминальных и социально-опасных элементов». Фразеология приказа почти дословно взята из разнообразных приказов времен Ягоды, касавшихся социальных репрессий и обозначавших маргинальное население как антисоветчиков и потенциальных контрреволюционеров. В послевоенные годы вплоть до начала 1950-х гг. примерно 400 тыс. человек, отнесенных к указанной категории, были выселены с новых территорий вдоль западных границ страны⁵¹.

Власти с большим рвением занимались советизацией новых территорий. В западных районах Украины, где было сильно националистическое сопротивление, почти полмиллиона человек подверглись различного рода репрессиям с конца войны до 1952 г. Более 153 тыс. человек погибли в боевых столкновениях с подразделениями советской армии и милиции, а еще порядка 134 тыс. были арестованы. Большинство репрессированных подверглись депортации как социально-опасные элементы или как члены семей убитых или арестованных повстанцев. В Литве почти 10 % населения (270 тыс. человек) пострадали от разного рода репрессий со стороны советских властей⁵². На новых территориях милиция и органы госбезопасности включали профессиональных уголовников и «бандитов» в одну категорию с участниками сопротивления и как в 1930-е гг. эти опасные элементы подпадали под юрисдикцию госбезопасности. В той же мере это относилось к «бандитизму» и другим видам преступных действий в пограничных районах Закавказья и Средней Азии. Операции против таких преступников и преступных групп проводили специальные подразделения войск госбезопасности, пограничных войск, элитные истребительные отряды, сформированные из сотрудников партийных и советских органов, совместными усилиями занимавшиеся отслеживанием и уничтожением политических бандитов⁵³. В 1938 г. в ходе

---

⁵¹ О приказе 1941 г. см.: РГНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 3. №. 89. О послевоенных депортациях кулаков, уголовников, бандитов и опасных элементов см.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 83–84.

⁵² Лаврентий Берия. 1953... С. 46–49.

⁵³ Описания операций милиции и госбезопасности против этих групп населения см.: ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 865, 764. См. также: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. Особенно с. 191–257; Burds. *Agentura. The Early Cold War and Sovetskaia Agentura...* Weiner. Making Sense of War...

реформ, направленных на разделение функций обычной милиции и органов госбезопасности, было сформировано специальное Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ). Характерно, что это управление было образовано в составе РКМ/МВД СССР, и это указывало, что режим относил теперь бандитизм к обычной уголовной, а не политической деятельности. Эта реорганизация соответствовала попыткам властей демилитаризировать социальную сферу после завершения больших чисток. Однако в 1950 г. и, в основном, как следствие нарастания бандитизма и партизанских действий на вновь присоединенных территориях ГУББ было переподчинено МГБ, но область его действий была ограничена преимущественно новыми западными территориями и южными приграничными районами страны⁵⁴.

Таким образом, на беспокойных приграничных и вновь присоединенных территориях власти проводили ту же политику, что и на остальной территории страны в 1930-е гг., смешивая задачи поддержания общественного порядка с обеспечением государственной безопасности. В определенном смысле в этих регионах подобная политика была логичной, поскольку в послевоенные годы сталинская диктатура столкнулась там с серьезным националистическим сопротивлением и партизанским движением. Невзгоды, нехватки и трудности, вызванные войной, усугублялись в этих регионах революционной репрессивной политикой насильственной коллективизации и экспроприации частной собственности, проводимой новой советской властью. Возникший в результате общественный хаос стал питательной средой как для подъема движения сопротивления, так и для усиления уголовной преступности, что затрудняло разделение чисто криминальной активности и политически мотивированного партизанского движения, которые легко перетекали друг в друга, а милиция и органы госбезопасности усматривали в них равную опасность для государства.

Паспортизация

Отличалась также политика паспортизации новых территорий. Поначалу милиция планировала следовать здесь той же практике, что и на территориях в границах 1939 г. Сельские жители не должны были получать паспорта. Их предполагалось выдавать в городах, военных поселках и промышленных районах, а также населению приграничных зон. К началу 1946 г. примерно 680 тыс. граждан Латвии получили советские паспорта, в то время как около миллиона чело-

---

⁵⁴ О юрисдикции ГУББ см.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1424.

век все еще пользовались старыми документами или временными удостоверениями личности, выданными местными властями. В общей сложности были паспортизированы 59 городов и поселков и все пограничные зоны. Однако в феврале 1946 г. Первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Калнберзин и председатель латвийского Совмина В. Лацис направили совместное обращение в Совет министров СССР с просьбой провести сплошную паспортизацию жителей республики, включая сельское население. В своем обращении Лацис и Калнберзин кратко и в довольно уклончивых выражениях сформулировали свою просьбу, мотивировав ее тем, что широкое распространение старых, еще досоветских удостоверений личности при отсутствии советских паспортов «может дать сельским жителям неправильное представление об их законных правах как советских граждан». Во время обсуждения этого обращения в Совете министров в Москве против выступил глава МВД Круглов, который доказывал, что паспортная система в Латвии не должна отличаться от той, которая действует во всех остальных республиках. С такими же возражениями от имени влиятельного члена Политбюро Георгия Маленкова выступил его секретарь. Круглов напомнил членам Совмина, что паспортизация сельских районов СССР не проводится, поскольку это было признано ненужным. Сельские жители уже и так были учтены в картотеках и в поселковых Советах. Эти граждане, как он отметил, получают паспорта в случаях, когда им требуется выехать с места прописки. Такая же система, по мнению Круглова, должна была быть внедрена и в Латвии⁵⁵.

Латвийские руководители отложили этот вопрос до лучших времен, но позднее они снова подняли его во время личных встреч с Кругловым и Молотовым в ходе своей поездки в Москву в 1946 г. Впоследствии, в 1947–1948 гг. власти все же провели сплошную паспортизацию населения, причем не только в Латвии, но и во всех трех прибалтийских республиках. Причины такого решения, как следует из докладов МВД, вытекали из уточнения аргументации, содержащейся в обращении Лациса. Обмен мнениями по вопросам паспортизации вновь присоединенных прибалтийских республик также высветил истинные причины того, почему власти, выдавая в 1930-е гг. паспорта городскому населению, отказывали в них сельским жителям. Выяснилось, что избирательная паспортизация в СССР не была специально направлена на дискриминацию крестьян или на контроль миграции рабочей силы. Главными при этом были соображения го-

---

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2468. Л. 14–21. Любопытно, что первоначальный запрос о сплошной паспортизации населения Латвии поступил из Латвийского МВД в Совмин республики. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1421. Л. 1.

сударственной безопасности и поиск наиболее эффективных путей подсчета и контроля населения в целом. Как явствует из документов МВД, в новых республиках паспортная система и прописка достаточно эффективно действовали в городах, позволяя изолировать уголовников, маргиналов, политических активистов и другие антисоветские элементы. Напротив, в сельских районах присоединенных территорий не существовало никакой эффективной системы обеспечения документами и регистрации населения, в отличие от сельских районов СССР в границах до 1939 г. «Значительное большинство» населения все еще пользовалось паспортами бывшего буржуазного правительства и даже разнообразными удостоверениями и пропусками с печатями и штампами с изображениями свастики, выданными немецкими оккупационными властями. При подобном хаосе с документами, в условиях партизанской гражданской войны сельские районы становились прибежищем для преступников и партизан. Последние имели возможность легко скрываться и изменять идентичность за пределами городов, а местные власти не имели представления о том, кто приезжал в их районы или уезжал из них, кто являлся их постоянным жителем, а кто нет. Таким образом, полная паспортизация была необходима, чтобы обеспечить документами и зарегистрировать благонадежных местных жителей и позволить милиции и органам госбезопасности отлавливать «бандитов» и оппозиционеров⁵⁶.

Необходимость увязки надзора за населением с задачами обеспечения государственной безопасности стала главным обоснованием сплошной паспортизации населения Прибалтики. Но власти указывали еще одну, не менее важную причину, по которой было решено выдать паспорта всем гражданам, по крайней мере, Латвии. Как поясняли руководители новых республик, их жители привыкли к наличию у них внутренних паспортов, которые были выданы предыдущими правительствами всему взрослому населению. Отсутствие советских паспортов многих сбивало с толку, заставляя людей усомниться в своих гражданских правах и даже в авторитете советской власти, что облегчало проникновение в сельские районы членов националистических движений. Сельские жители и обитатели малых городов неоднократно поднимали этот вопрос перед местными властями, надеясь, что советское правительство будет всем выдавать паспорта как и прежние правительства. Помимо проблем обеспечения госбезопасности латвийские руководители были убеждены, что паспортизация всего населения республики укрепит связи этих относительно новых граждан с советским государством. Паспорт являлся вещественным

---

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2468. Л. 19; ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1421. Л. 1–4; Д. 1425. Л. 2–4.

подтверждением гражданства, и власти были уверены, что паспортизация будет способствовать укреплению легитимности советской власти на новых территориях, особенно в тех местностях, где эта власть еще не полностью установилась и где националистические движения конкурировали с нею за лояльность населения⁵⁷.

Изменения в паспортном законодательстве, произошедшие после войны на территории страны в границах 1939 г., отражали противоборство различных, противоречащих друг другу тенденций и требований. Многие люди в партии, правительстве и милиции сознавали, что действовавшая в то время паспортная система была слишком громоздкой и нежизнеспособной. Двух- и даже трехуровневая система режимных городов и запретных зон покрывала сотни городов, поселков и отдельных местностей. Мало кто полностью понимал запутанный клубок ограничений на прописку, на кого и какие сроки они распространялись и при каких обстоятельствах. Обременительные административные проблемы доставляли властям сотни тысяч постоянных обитателей исправительных колоний, спецпоселений и зон ссылки, не говоря уже о миллионах политических заключенных системы ГУЛАГа. Военные разрушения и послевоенный хаос сделали паспортную систему практически неработоспособной. Местные власти жаловались, с одной стороны, на ее неэффективность, допускаящую неконтролируемую миграцию населения, а с другой стороны, на то, что ограничения по прописке затрудняли привлечение необходимой рабочей силы. Бывшие депортированные граждане, поодиночке и в массовом числе заваливали местные власти обращения о восстановлении в правах, а руководители милиции начинали сомневаться в законности и целесообразности громоздких ограничительных систем паспортов и ссылки.

Некоторые депортированные брали решение своих проблем в собственные руки и просто самовольно покидали места ссылки. Официально они считались «беглыми», а их действия квалифицировались как побег. Для ссыльных и обитателей спецпоселений совершать побегі оказалось значительно более простым делом, чем это можно было себе представить. Эти поселения не были огорожены колючей проволокой, подобно трудовым лагерям, а многие ссыльные обитали в них по соседству с местными жителями. Условия их ссылки осложнялись только необходимостью раз в месяц отмечаться в местном отделении милиции. Большинство из них не имели паспортов, которые заменяли справки. Если же паспорта имелись, то в них ставились штампы, ограничивавшие разрешенные места проживания

---

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2468. Л. 20.

их владельцев тем районом, в который они были сосланы. Но все это отнюдь не препятствовало побегам, тем более что политика МВД в части управления ссыльными была на удивление небрежной. Когда министерство в 1948 г. издало приказ, обязывавший местные отделения милиции составить списки имевшихся в наличии и бежавших ссыльных, те оказались не в состоянии его исполнить. Многие списки были утеряны, картотеки отсутствовали, а во многих местах отделения милиции не утруждали себя ежемесячными проверками наличия ссыльных. Такая ситуация наблюдалась даже в тех поселениях, где предположительно действовал особый режим⁵⁸. Таким образом, ссыльным в большом числе удавалось покинуть спецпоселения. Многие из них селились по соседству, но немалое число беглецов отправлялись пешком или иными путями в родные места, из которых они были в свое время высланы. Число беглых ссыльных не достигало того уровня, какой наблюдался в начале и середине 1930-х гг., когда ежегодно из лагерей и спецпоселений люди бежали десятками тысяч, но тем не менее число беглецов в послевоенные годы было также значительным. Число побегов, зарегистрированных властями, составляло по несколько тысяч в год⁵⁹. Руководство страны рассматривало ситуацию с побегамми как критическую и требовало от милиции и других органов власти на местах решительных действий по поиску и задержанию беглецов. Стремясь остановить поток побегов, правительство в ноябре 1948 г. радикально ужесточило наказания за них, подняв срок заключения с и так драконовских 8 до 20 лет каторжных работ⁶⁰. Местные власти без особого энтузиазма стремились выполнять требования центра. Сразу после войны страна была переполнена скитающимися группами и мигрантами-одиночками, в число которых входили беженцы, демобилизованные солдаты, освободившиеся заключенные, просто искатели приключений и люди, искавшие работу или новые места жительства. Группы беглых депортированных, вероятно, мало выделялись на фоне всех этих скитальцев и не привлекали к себе особого внимания. В связи с разрушением паспортной системы было сложно выявить их среди массы людей без документов. Добравшись до малой родины, депортированные нередко пытались занять свои прежние дома и принадлежавшие им ранее участки, если, конечно, те не были отведены под другие нужды. Те, у кого име-

---

⁵⁸ История сталинского ГУЛАГа. Т. 5. С. 82, 568–600, 604–611.

⁵⁹ Вполне ожидаемо максимальное число побегов пришлось на первые беспорядочные послевоенные годы, составив 20 тыс. в 1947 г., после чего оно ежегодно и существенно сокращалось. См. там же: С. 707.

⁶⁰ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 585.

лись достаточные средства, арендовали землю в колхозах и начинали жить и работать на ней как единоличники. Иные же селились в близлежащих деревнях и поселках, зарабатывая на жизнь в торговле или на местных предприятиях. По сообщениям милиции, депортированные даже не пытались прятаться от властей, а местное начальство не предпринимало достаточных усилий, чтобы не допустить занятие прежних домов ссыльными, сумевшими до них добраться⁶¹.

Вечная ссылка

Ответом Сталина и его окружения на сложившуюся ситуацию стали усилия по замораживанию и ужесточению существовавшей системы. В течение 1948–1949 гг. Совмин и Президиум Верховного Совета СССР выпустили целый ряд постановлений и указов, направленных на ужесточение контроля ссыльных, установление более суровых наказаний за побег и приостановление процесса освобождения ссыльных и заключенных, отбывших сроки наказания. Помимо увеличения сроков заключения за попытки побега, власти постановили, что пойманных беглецов следует отправлять отбывать наказания в почти недоступные местности с более суровым климатом – в Восточную и Северо-Восточную Сибирь, прежде всего, на Колыму, в отдаленные от железных дорог и других транспортных путей районы Западной Сибири и пустынные районы Казахстана. Места заключения признанных особо опасными групп осужденных были переданы от МВД под начало МГБ, которому предписывалось усилить агентурную работу среди заключенных и надзор за ними. Еще одним указом Президиум Верховного Совета в ноябре 1948 г. постановил, что, безусловно, остаются в силе все приказы о депортациях отдельных групп населения, отданные в годы войны. Этот указ в первую очередь касался этнических групп, выселенных во время войны, но также распространялся на ссыльных уголовников и социально-опасные элементы. Аналогичный указ, вышедший в феврале 1948 г., распространялся на лагерников, осужденных за особо опасные антисоветские преступления. На деле это означало, что все, у кого приближались к концу назначенные им сроки заключения или ссылки, обычно составлявшие от 5 до 8 лет, подлежали повторному аресту за те же провинности и новой отправке в лагеря или ссылку. Совместный приказ МВД/МГБ, вводивший этот указ в действие, содержал указания милиции заново арестовывать тех, кто был уже выпущен на свободу. Многие из освобожденных к тому времени уже

---

⁶¹ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. Например, с. 568.

успели воссоединиться с семьями, устроиться на работу и попытаться начать жизнь заново за пределами системы ГУЛАГа. Совершенно неожиданно 22 тыс. таких людей снова оказались погружены в мир колоний, тюрем, лагерей и спецпоселений⁶².

Указы 1948 г. отразили возврат руководства страны к прежним методам, характерным для довоенного времени и военных годов. Они восстанавливали прежнее категорирование населения, принятое в середине и конце 1930-х гг., непреложными критериями которого были социальное и этническое происхождение, по которому выделялись благонадежные и подозрительные группы граждан. Этнические группы, выселенные во время войны как потенциально нелояльные к власти, навсегда остались под подозрением, точно так же, как те, кто отбывал ссылку по причинам своего классового происхождения или криминального прошлого. Эти указы не оставляли никаких шансов на реабилитацию и возврат к нормальной жизни осужденным как социально-опасный или потенциально неблагонадежный элемент. В соответствии с указами 1948 г. все эти группы людей навсегда оставались маргинальными и второсортными.

Свертывание массовых репрессий

Руководители милиции по мере сил старались соблюдать законы о паспортах и прописке. В 1948–1949 гг. руководство МВД добилось увеличения денежных штрафов за нарушения паспортного режима и удлинения сроков тюремного заключения за преступления, предусмотренные уголовным кодексом⁶³. В ежегодных отчетах МВД докладывал об увеличении числа задержанных и высланных из городов нарушителей паспортного законодательства, гордился взлетом числа задержанных и водворенных обратно в лагеря или в ссылку беглецов при одновременном сокращении числа попыток к побегу.

---

⁶² Этот указ о повторных арестах был выпущен в феврале 1948 г., масштабные повторные аресты уже происходили осенью того года. История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 570–571; История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. С. 78–81, 625–628. О ноябрьском 1938 г. постановлении см.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы... С. 154.

⁶³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5020. Л. 10–12, 27. Кроме того, власти запретили проживание в режимных местностях ближайшим родственникам тех, на кого распространялись ограничения по прописке. Это было сделано для разрешения проблемы, заключающейся в том, что бывшие ссыльные стекались в нережимные города вблизи режимных районов, в которых проживали их родственники. Они надеялись найти работу и со временем получить разрешение на проживание вместе с родными или какими-то еще способами надолго осесть в режимных городах. Власти некоторых городов жаловались на массовый наплыв нежелательных лиц. См.: ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 99–106.

В то же время правительство, милиция и руководство МВД понимали, что дальнейшее ужесточение существующей системы не способно решить проблемы охраны общественного порядка и нарастающего кризиса управления тюремным населением страны. Милиция была неспособна обеспечить надлежащее функционирование паспортной системы и института прописки, становившихся с годами все более громоздкими. Короче говоря, все попытки ужесточить контроль общества и подавлять все большее число людей оказывались неработоспособными. Служебные записки и доклады органов власти, в ведении которых находились места ссылки и лагеря, ясно это подтверждали. Специальные поселения и колонии находились в критическом состоянии на грани голода. Денег на питание и снабжение заключенных и ссыльных катастрофически не хватало, хотя расходы на эти цели отбирали все больше средств из государственного бюджета. В начале 1950-х гг. произошли восстания заключенных ряда лагерей, вызвавшие большую озабоченность политического руководства страны⁶⁴. Не приходится удивляться, что в считанные недели после смерти Сталина 5 марта 1953 г. его наследники объявили общую амнистию заключенных и приступили к серьезному пересмотру законов о паспортах и прописке. То, что руководство страны занялось этими проблемами с такой скоростью, только подтверждало их серьезность. Исходя из характера предложенных преобразований, можно утверждать, что некоторые руководители начинали пересматривать свои взгляды на всю систему в целом⁶⁵.

Любопытно, что одним из инициаторов перемен стал Лаврентий Берия, наследник Ежова на посту главы НКВД и человек, в наибольшей степени после Сталина ответственный за массовые депортации людей в годы войны. После войны Берия продолжал играть ведущую роль в политических делах как глава МВД и первый заместитель Председателя Совета Министров. После смерти Сталина он возглавил снова объединенные МВД и МГБ. Но это его назначение оказалось краткосрочным, поскольку Берия пал первой жертвой борьбы за власть в руководстве страны после смерти Сталина. Опасаясь

---

⁶⁴ Об озабоченности властей ситуацией в поселениях см.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953. М., 2004. С. 364–367. О восстаниях в лагерях см.: Andrea Graziosi. The Great Strikes of 1953 in Soviet Labor Camps in the Accounts of Their Participants: A Review // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 33. No. 4. October – December 1992. P. 419–446.

⁶⁵ Более подробный анализ реформ 1948–1953 гг. содержится в работах: Nathalie Moine. Le Système des passeports à l'époque stalinienne: De la purge des grandes villes au morcellement du territoire, 1932–1953 // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*. Vol. 50, No.1 (January – March 2003). P. 165–168; Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 9–10.

непомерной власти, сосредоточенной в руках Берии, коллеги по Президиуму ЦК партии арестовали его в июле 1953 г. Как известно, Берия продержали под арестом до декабря, подвергая пыткам и допросам, после чего он был втайне приговорен к смертной казни и, в конце концов, расстрелян.

Но до ареста Берия воспользовался своим положением главы МВД, чтобы приступить к роспуску гигантской тюремной системы страны и отмене запутанного законодательства, касавшегося паспортов и прописки. Причины подобного оборота событий не вполне ясны. Берия аргументировал свою позицию ссылками на права человека и прежде всего экономическими соображениями, но мотивами его поступков могла быть также развернувшаяся борьба за власть с другими высшими руководителями страны, которые, подобно Георгию Маленкову, соревновались между собой в стремлении дистанцироваться от сталинской политики. Но независимо от мотивов, которыми он руководствовался, Берия сумел добиться передачи всех ссыльных в ведение МВД. Затем он поручил своим заместителям проанализировать многочисленные законы о ссылке с тем, чтобы отменить послевоенные постановления, обрекавшие депортированных и бывших заключенных на вечную ссылку⁶⁶. Кроме того, под руководством Берии сотрудники МВД приступили к выработке рекомендаций по пересмотру постановлений и приказов о высылке многих этнических и социальных групп, а также об освобождении людей, отбывших назначенные сроки ссылки⁶⁷.

В мае 1953 г. Берия внес наиболее радикальное предложение о почти полной отмене ограничений на прописку, связанных с законами о паспортах. В письме, направленном в Президиум ЦК, Берия осуждал систему запрещения миллионам людей селиться в более чем 340 городах и запретных зонах. «Если взглянуть на карту СССР... – писал он, – то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание». Он отметил трудности, испытываемые гражданами и их семьями, которым был закрыт доступ «в промышленные и культурные центры» страны, обратил внимание на чудовищные потери, которые несла экономика страны в результате подобных ограничений, и подчеркнул, что люди вынуждены нарушать эти запреты для того, чтобы найти работу и обеспечить

---

⁶⁶ См. доклад, поданный Берии в мае 1953 г., например: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 595–597.

⁶⁷ В начале апреля 1953 г. МВД рекомендовал снять ограничения для тех групп населения, которые были отправлены в годы войны в ссылку сроком до 5 лет. ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 147–149.

свои семьи средствами существования. Берия призвал Президиум ЦК ликвидировать двухуровневую систему, по которой режимные города делились на две категории, и рекомендовал «за их ненужностью» снять ограничения на прописку со всех городов за исключением Москвы, Ленинграда, Владивостока, Севастополя и Кронштадта. В этих наиболее важных городах по его предложению следовало сохранить ограничения для людей, судимых за наиболее серьезные преступления. В подтверждение своих предложений Берия отметил, что ограничений, подобных тем, что действовали в Советском Союзе, не было ни в одной другой стране мира, и подчеркнул, что в ряде стран, таких как «США, Англия, Канада, Финляндия и Швеция», у населения вообще нет внутренних паспортов⁶⁸.

Предложения Берии стали результатом многочисленных проверок внутри МВД, в ходе которых его сотрудники занимались анализом паспортного законодательства еще до смерти Сталина. Первоначальные рекомендации по пересмотру паспортной системы были составлены в марте 1953 г., но тогда еще оставались в рамках сталинской схемы. В этих рекомендациях сохранялась двухуровневая система режимных городов с разными ограничениями на прописку и проживание в них разных категорий граждан, включая тех, что были отправлены в ссылку во время войны. Отвечая на поток обращений местных властей, глава МГБ С. Д. Игнатьев поддержал даже дальнейшее расширение действовавшего тогда перечня режимных территорий. В частности, он предложил включить в список режимных городов категории I еще 8, а также придать режимный статус 20 регионам вблизи существующих режимных городов. Кроме того, Игнатьев предложил ввести 75-километровую режимную зону вокруг Баку и грузинского порта Сухуми, а также отнести к режимным городам категории II город Туапсе Краснодарского края. В своих рекомендациях он также предложил пропорционально увеличить штат милиции, призванной следить за соблюдением паспортного законодательства в новых режимных городах и зонах⁶⁹.

Смерть Сталина и назначение Берии новым главой объединенных МВД и МГБ ознаменовали собой решительный поворот. В апреле начальник Главного управления милиции МВД СССР Н. П. Стаханов, вероятно, по настоянию Берии выступил с рядом предложений по отмене приказов о ссылке всех групп граждан, первоначально осужденных на срок заключения или ссылки, не превышавший 5 лет. Стаханов обосновывал отмену ссылки для этой категории граждан тем, что соответствующие приказы о ее введении были незаконными,

---

⁶⁸ Лаврентий Берия. 1953... С. 43–46.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 99.

поскольку были отданы в оперативном порядке МВД или МГБ без их утверждения правительством, то есть без соответствующих постановлений Совмина или Совнаркома. Но эти апрельские предложения пока еще оставляли в неприкосновенности двухуровневую систему режимных городов и районов⁷⁰. Появившийся в мае еще один, третий по счету комплекс предложений зашел еще дальше и касался отмены запретов на пропуск для большинства категорий ссыльных или придания этим запретам только временного характера. В этих предложениях также рекомендовалось отменить ссылку всех детей ссыльных. Майские предложения отменяли двухуровневые списки городов, в которых сохранялись ограничения по прописке⁷¹.

Майские (1953 г.) предложения совпадали с рекомендациями Берии, представленными им Президиуму ЦК, но не успели они появиться, как некоторые официальные лица стали выступать с предложениями о восстановлении отмененных ограничений. «Какой регулирующий рычаг будет оставлен в руках милиции, если мы... отменим ограничения проживания», – вопрошал один, оставшийся анонимным деятель в ответ на апрельские предложения МВД, разосланные на рассмотрение в кругах высшего руководства страны⁷². Еще один высокопоставленный сотрудник руководства МВД по фамилии Федотов, должность которого осталась неизвестной, возражал против исключения из списка режимных столь большого числа городов и доказывал необходимость возвращения многих из них в ограничительный перечень⁷³. Начальник оперативного управления МВД Горохов умолял сохранить хотя бы штампы в паспортах тех лиц, кому еще было запрещено проживание в режимных зонах, если уж предстояло снять ограничения со столь большого числа граждан и так решительно сократить перечень режимных городов. Но его просьба была отклонена, поскольку Совет министров принял постановление об отмене всех подобных штампов в паспортах, чтобы не создавалось предвзятое отношение к их обладателям⁷⁴.

Окончательная сентябрьская редакция предложений несколько отличалась от первоначальных майских рекомендаций Берии. Руководство МВД поддержало восстановление режимного статуса всех республиканских столиц и еще 17 городов в дополнение к тем, что содержались в майских предложениях. Особый статус был снова распространен на приграничные зоны и на ряд регионов, примыкавших

---

⁷⁰ Там же. Л. 133.

⁷¹ Там же. Л. 228–236; Moine. Le Système des passeports... P. 68.

⁷² ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 145.

⁷³ Там же. Л. 156.

⁷⁴ Там же. Л. 166–167.

к наиболее угрожаемым пограничным направлениям, которые были указаны в паспортных правилах, действовавших до 1953 г. Перечень преступлений, наказания за которые включали ограничения на места проживания осужденных после отбытия ими назначенных сроков заключения, был значительно сокращен по сравнению с действовавшими ранее законами, но остался более широким по сравнению с коротким списком, предлагавшимся в мае 1953 г. В этот перечень были включены такие преступления, как контрреволюционная деятельность и агитация, бандитизм, хулиганство (в случае более двух судимостей по этой статье), преднамеренное убийство и грабеж личного имущества, совершенный в составе банды или лицом, ранее осужденным за подобное преступлений⁷⁵.

Руководство МВД было обеспокоено возможным двойным эффектом освобождения миллионов заключенных и ссыльных при одновременной отмене ограничений на прописку и проживание. Это стало настоящим ночным кошмаром для местных властей и милиции. Они полагали, что в результате введения новых правил и амнистии заключенных города подвергнутся затоплению бездомными бродягами и уголовниками, а у властей не окажется достаточных средств защиты от них. Многие чиновники открыто высказывали опасения относительно непредсказуемых последствий таких радикальных реформ, и эти их страхи отнюдь не были беспочвенными. В период 1953–1957 гг. власти выпустили из заключения и ссылки несколько миллионов человек, которым были выданы паспорта, разрешавшие им проживание на большей части территории страны. Таким образом, миллионы людей получили возможность вернуться в родные дома или поселиться на новых местах, чтобы начать жизнь заново. Среди этих миллионов были выселенные народы, стремившихся вернуть себе ранее принадлежавшие им земли. Многие вернувшиеся обнаруживали, что их дома и земельные участки оказались занятыми, и порой пытались отвоевать силой то, что у них было отобрано. Среди освобожденных было также немало бродяг, бездомных, людей, не приспособленных к нормальной жизни, и настоящих хулиганов – безработных, безграмотных молодых людей, привыкших к насилию как норме жизни в лагерях и тюрьмах. Среди освобожденных насчитывалось немало пьяниц, нищих, уголовников, а также сотни тысяч бывших рабочих и крестьян, оторвавшихся от своих семей и ожесточившихся в нечеловеческих условиях пребывания в тюрьмах, лагерях и колониях. Все эти люди оказались маргинализированными жертвами жестоких законов и социальных репрессий, но, тем не менее, их перевоспитание и порождаемый ими рост преступности пред-

---

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1440. Л. 229.

ставляли главные проблемы для мест, в которые они возвращались. У местных властей были все основания опасаться этого нашествия точно так же, как у советского «среднего класса», обеспокоенного собственной безопасностью и требовавшего защиты. Массовые нарушения общественного порядка и социально-политический кризис, потрясшие Советский Союз в 1950–1960-х гг., описывает историк В. А. Козлов. Волны массовых волнений в виде забастовок, голодных бунтов, этнических столкновений, бандитских войн и других массовых беспорядков, включая происходившие во время спортивных состязаний, нередко перерастали в вооруженные столкновения между их участниками и милицией. Беспорядки были обусловлены местными причинами и условиями, но Козлов, несомненно, прав, предполагая, что взрыв насилия в советском обществе в те годы обязан своим происхождением сталинской системе массовых социальных репрессий и вспышке гнева, анархии и беззакония, сопровождавшей отказ режима от этой системы и ликвидацию полицейского механизма, осуществлявшего массовые репрессии⁷⁶. Агония продолжавшегося насилия в обществе стала одним из многих наследий сталинского государства.

---

⁷⁶ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953 – начало 1980-х гг. Новосибирск, 1999. С. 13. См. также: Brian Lapierre. Making Hooliganism on a Mass-Scale: The Campaign against Petty Hooliganism in the Soviet Union, 1956–1964 // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 47. No. 1–2. January – June. P. 349–376; Sheila Fitzpatrick. *Soviet Parasites: How Tramps, Idle Youth and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism* // *Ibid.* P. 377–408.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Репрессии, гражданственность и сталинский социализм

Милиция и органы госбезопасности обрели в 1930-е гг. беспрецедентную власть, что неудивительно, если учесть идеологию и пристрастия сталинского руководства, атмосферу постоянного кризиса, переживаемого страной и военизированный характер государства в то десятилетие. Не приходится также удивляться, что режим общался с народом преимущественно посредством полицейских органов. Способы, которыми власти и полицейские органы классифицировали население страны и обращались с отдельными категориями граждан, определялись их представлениями о классовой борьбе, беспорядками внутри страны и угрозой неминуемого вторжения извне. В результате личные данные граждан, касающиеся их социального и этнического происхождения, подлежащие регистрации в соответствии с законами о паспортах и прописке, были в основном напрямую связаны с механикой репрессий и представлениями властей об угрожающих им опасностях. Милиция и органы госбезопасности использовали свое могущество не только для подавления реальных или воображаемых политических врагов режима. Обладая почти неограниченными полномочиями, они самыми беспощадными и жестокими способами формировали советское политическое пространство в соответствии с идеологией политического руководства и его меняющимися представлениями об угрозах для государственной безопасности страны. Иными словами, отношение государства к гражданам было милитаризировано в условиях перманентного кризиса. Власти подразделяли население по степени угроз, исходящих от различных категорий граждан. Сотрудники карательных органов постоянно попирали гражданские права групп граждан, считавшихся опасными для государства.

Но милиции и органам госбезопасности были предоставлены исключительные полномочия не только в борьбе с опасными категориями населения. Получив право администрирования паспортной системы, они узурпировали традиционно принадлежавшее местным органам власти право определять, кого из граждан следует считать вражеским или социально-чуждым элементом. После объявленной в 1933 г. победы социализма в стране сменились также критерии для

выявления врагов. Традиционным классовым врагам в лице крестьян-единоличников и мелких торговцев пришли на смену новые группы враждебных элементов, преимущественно из числа тех, кто находился на социальных задворках советского общества. Новыми классовыми врагами по определению Сталина и его окружения стали мелкие уголовники, бродяги, «бывшие люди», лишенные собственности и избирательных прав, наряду с некоторыми национальными меньшинствами. Эти социально-опасные элементы и враждебные народности на протяжении 1930-х гг. стали главными объектами многих советских репрессивных кампаний, включая массовые репрессии 1937–1938 гг.

Как показано в предыдущих главах, классовая принадлежность утратила свое значение как критерий репрессий уже с середины 1930-х гг. На протяжении большей части десятилетия репрессивная политика властей была нацелена, помимо политической оппозиции, преимущественно на девиантные и маргинальные слои общества, независимо от классовой принадлежности или происхождения репресслируемых граждан. Во время и после окончания войны национальность заменила классовое происхождение в качестве главного критерия, определяющего идентичность гражданина. Если в начале 1930-х гг. все определяла классовая принадлежность, и сотрудники милиции и органов госбезопасности не придавали особого значения национальности людей, то в середине и в конце десятилетия ситуация изменилась. Национальность стала иметь почти такое же, если не большее значение, как и классовое происхождение. Национальность превратилась в главный фактор, определявший идентичность граждан, особенно тех, кто принадлежал к неблагонадежным с точки зрения власти национальным меньшинствам. Как отмечают некоторые историки, предвзятое отношение руководителей страны к национальности сводилось к идее примордиального начала и неотъемлемых особенностей, присущих той или иной нации¹. Аналогичным образом их отношение к отдельным социальным группам опиралось не на классовую принадлежность, а на представления о несправедливости и антисоветской настроенности преступников-рецидивистов и маргиналов.

Победа в войне изменила эту динамику. Война принесла лидерам режима новое чувство уверенности в собственной легитимности и усложнила задачи милиции и органов госбезопасности, которые

---

¹ Доказательства того, что этот процесс начался ранее, еще в 1930-х гг. см., в частности: Yuri Slezkine. *The Soviet Union as a Communal Apartment or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Stalinism: New Directions*, ed. Sheila Fitzpatrick. New York, 2000. P. 333; Terry Martin. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // *Ibid.* P. 348–367.

уже начали претерпевать изменения. В эту новую эпоху государственной легитимности государственная безопасность перестала быть критерием репрессий, по крайней мере, в границах страны до 1939 г. Взаимоотношения государства с населением стали ассоциироваться с более традиционным пониманием гражданственности – как нарушения закона, национальность, заслуги перед государством. Последние два критерия стали особенно важными, поскольку критерий классовой принадлежности утратил значение как маркер идентичности и репрессии. В послевоенный период репрессии от имени государства, осуществляемые милицией и органами госбезопасности, внутри границ страны 1939 г. продолжались в прежних масштабах, но теперь основными их мишенями стали традиционные категории правонарушителей, такие, как уголовные преступники и люди, не занимающиеся полезным для государства трудом. Более того, хотя в то время миллионы людей были арестованы за нарушения трудового законодательства, хищения государственной собственности и другие нарушения общественной дисциплины, ими занимались обычные суды и милиция, а не органы госбезопасности. Последние совместно с частями внутренних войск продолжали участвовать в кампаниях подавления националистических движений и организованных вооруженных формирований, в основном в приграничных республиках и регионах страны.

Такие признаки, как национальность и отклонения от социальных норм сохранили свое значение, но война ввела в обращение еще один тип идентичности, который потеснил социальное происхождение и национальность из числа критериев для распределения привилегий. При изучении дебатов вокруг амнистий и реформ паспортной системы конца 1940 – начала 1950-х гг., поражает, какое значение приобрел фактор государственной службы и заслуг перед государством. В частности, при обсуждении паспортной реформы внутри МВД в 1949–1950 гг. был поднят вопрос о целесообразности продолжения ограничений для ссыльных, введенных для различных социальных и национальных групп в 1930-е гг. и во время войны. В ходе этих дискуссий приводились разнообразные аргументы, но все их участники были единодушны в одном, а именно, что чрезвычайные заслуги на службе государству отдельного индивидуума и даже целой группы граждан способны перевесить любые соображения об их неблагонадежном социальном или национальном происхождении. Уже в середине 1930-х гг. служение государству и в особенности экстраординарное действие стало постепенно заменять простой труд в качестве главного критерия социальной реабилитации осужденных. Фактически какое-то время до войны с Финляндией и Великой Отечественной войны труд и заслуги перед государством обладали примерно равными реабилитирующими возможностями, но заслу-

ги были важнее, о чем свидетельствует реабилитация бывших кулаков и уголовников, отличившихся ударным трудом в сельскохозяйственных исправительных колониях. При этом было недостаточно просто работать, регулярно выполняя установленные нормы, чтобы претендовать на полное восстановление в гражданских правах после освобождения. Необходимо было трудиться ударно, принося чрезвычайную пользу государству. После 1940-х гг. статус ветерана военной службы и особенно ветерана войны стал главным критерием для восстановления в правах и получения привилегий, перевешивавшим как классовое, так и национальное происхождение. Пребывание на военной и на других особых видах службы стало главным реабилитирующим фактором, обеспечивающим реинтеграцию в общество отдельных людей, а в некоторых случаях целых категорий населения². При обсуждении в 1949 г. вопроса, для каких категорий граждан следует сохранить запреты на проживание в режимных районах страны, в проект подготовленных правил выдачи паспортов и прописки было внесено специальное примечание о том, что эти запреты не распространяются «на семьи осужденных, а также и отбывших лишение свободы или ссылку... в составе которых имеются награжденные орденами Союза ССР, участники... войны и лица, имеющие другие особые заслуги перед Родиной». Точно так же предложения об амнистии различных групп заключенных содержали ссылки на военную службу в годы войны в качестве основания для снятия запретов на проживание в определенных местностях³.

Самыми важными критериями после войны, с которыми власти подходили к вопросам реабилитации репрессированных групп населения, стали не национальность или классовая принадлежность, а служба на государство, главным образом военная, и принесенные на ней жертвы. Жертвенность и заслуги перед государством перевешивали все остальное, включая этническое или социальное происхождение реабилитируемых. Критерий заслуг перед государством начинает применяться более широко и становится более уместен в эпоху восстановления государственной экономики послевоенного сталинизма.

---

² Хотя пребывание на воинской службе имело значение при реабилитации, однако это не означало, что ветераны войны в своей массе извлекали большие выгоды из привилегий, положенных им по их статусу. Как доказывали многие авторы, помимо чисто символических жестов в их отношении, ветераны и особенно инвалиды войны не были особо привилегированной частью советского общества, а положение инвалидов было хуже основной массы населения. См. документы в сборнике: Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева и др. М., 2003. С. 308–331. См. также: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000. С. 28–36.

³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5020. Л. 10.

Возможно, Сталин все еще был привязан к устаревшим идеям государственной безопасности и военного социализма, но к концу 1940-х гг. Великий вождь уже начинал отставать от требований времени и интересов государства, созданию которого он отдал так много сил. Критикуя в 1953 г. существовавшую тюремную и ограничительную паспортную системы, Берия сформулировал новый набор правил, на основе которых должны строиться советское государство и советский социализм. Свои возражения против существования ГУЛАГа и ограничений, установленных паспортной системой, Берия обосновывал не интересами государственной безопасности, а в основном ущербом, наносимым ими экономике государства, и потерями производительной рабочей силы. Сталинский военный социализм открыл пути к быстрому построению социалистического общества нового, скорее авторитарного, чем классового типа, а также государства, отличающегося от обычного национального или просто полицейского типа⁴. Этот переход оказался не столь быстрым и завершился далеко не полностью. Многие аспекты сталинизма еще долго влияли на формирование советского общества и государства. Все же смерть Сталина в марте 1953 г. ускорила переход Советского Союза в новую эру своего развития и наступление нового этапа советского социализма.

---

⁴ В этой оценке я согласен с Моше Левиным и Робертом Такером, которые наряду с другими исследователями считают, что советское государство еще при Сталине постепенно превратилось в служилое государство, имевшее как общие черты, так и различия со своим аналогом времен абсолютизма. Moshe Lewin. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York, 1985. P. 307–308; Robert C. Tucker *Stalinism as Revolution from Above // Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. Ed. Robert C. Tucker. New York, 1977. P. 99–100.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агранов Я. С. – 39, 279, 282, 366
Акулов И. – 26, 45, 153, 158, 159, 162, 330
Андреев А. А. – 113
Антонов-Овсёенко В. А. – 77, 296–299
- Балицкий В. А.** – 237, 242
Барков И. – 25, 50–52, 263, 299, 414, 430
Бельский Л. Н. – 155, 157, 264, 300, 311, 322, 340, 395
Берия Л. П. – 368, 411, 456, 473, 476, 482, 484, 485, 501, 506, 513, 520, 522, 530–533, 540
Берман М. Д. – 150, 151, 329–332, 380
Благонравов Г. И. – 231
Бочков В. М. – 484, 490
Бубнов А. С. – 278, 279
Бухарин Н. И. – 32, 125, 399
- Воинов Н.** – 76, 110, 111
Волков Г. И. – 40, 332
Ворошилов К. Е. – 282, 286, 287, 384, 385, 409
Вуль Л. Д. – 286
Вышинский А. Я. – 9, 40, 153, 162, 257–260, 263–265, 270, 271, 274, 285, 291–299, 328, 334–335, 342–345, 381, 384, 391, 392, 410, 418, 421, 422, 443, 445, 482, 483, 498, 508
- Гай М. И.** – 366
Гернет М. Н. – 331
Горбач Г. Ф. – 431–433, 435, 446, 447
Гринько Г. Ф. – 68, 114
- Дзержинский Ф. Э. – 126, 127, 129, 131
Домарев М. – 96–98, 312
- Евдокимов Е. Г.** – 387, 388
Егоров П. А. – 435–437, 439, 443, 444, 446
Ежов Н. И. – 145, 173, 194–198, 225, 294, 334, 335, 357, 358, 364–370, 372, 374, 378, 383, 388–392, 396–399, 401–411, 413–417, 420–422, 427–433, 435, 442, 443, 446, 447, 449–451, 456, 481, 482, 484, 495, 506, 507, 519, 530
Енукидзе А. – 234, 242, 330
- Жданов А. А.** – 51, 52, 286, 364, 366, 386, 387
- Заковский Л. М.** – 39, 272
- Игнатъев С. Д.** – 532
- Каганович Л.** – 40, 115, 116, 231, 365, 370, 377, 409, 419, 429, 430
Калинин М. И. – 279, 281, 282, 284–287, 330
Калиберзин Я. – 524
Карутский В. А. – 432, 433
Киров С. – 145, 197, 364, 365, 397
Круглов С. Н. – 503, 519, 520, 524
Крыленко Н. В. – 40, 141, 142, 153, 154, 162, 278, 279, 291, 296, 335, 391
Крупская Н. К. – 282–283
Курский В. М. – 366
Курский Д. – 126

- Лацис В. – 524
Леплевский Г. – 331, 335, 343
Леплевский И. М. – 366
Лобоченко П. – 338–340
- Маленков Г. М. – 370, 392, 393, 524, 531
Менжинский В. Р. – 131, 231–234
Мирзоян Л. И. – 326, 387
Мионов С. – 266, 323, 324, 357, 373–377, 411, 413, 414, 416–421, 424, 425
Молотов В. М. – 33, 134, 135, 152, 158, 216, 267, 285, 286, 291, 293, 331, 335, 338, 342–344, 370, 377, 392, 399, 409, 419, 422, 427, 443, 455, 456, 515, 516, 524
Молчанов Г. А. – 330, 366, 381
- Орджоникидзе С. А. – 71, 133
- Попок Я. А. – 379, 387
Прокофьев Г. Е. – 149, 155, 242, 247, 340
- Радзивиловский А. П. – 428–430, 432
Реденс С. Ф. – 429, 430, 469
Рогинский Г. – 442
Рудзутак Я. – 216, 284, 285, 287, 288
Рыков А. И. – 134, 399
- Салынь Э. П. – 404
Сафонов Г. Н. – 512, 520
Семашко Н. А. – 279, 281, 283, 288
Сокольников Г. – 125
Сольц А. – 133, 299
Сталин И. В. – 9, 10, 12–16, 19–21, 25, 28, 30–38, 41–43, 46, 81, 82, 85–87, 107, 113, 122–124, 127, 133–137, 145, 150–152, 154, 156, 162, 163, 165, 166, 168, 173, 195, 197, 224, 228, 230, 231, 253, 256–262, 265, 267, 272, 285, 286, 289, 291, 293, 294, 297, 300, 306, 318, 328, 329, 334, 359–366, 370–373, 375–377, 383, 388–394, 398–403, 405–407, 409, 414, 415, 421, 422, 426–429, 431, 432, 434–437, 439, 444, 455, 456, 482, 181, 498, 514–516, 518, 520, 528, 530, 532, 537, 540
- Стырне В. А. – 404
Сырцов С. И. – 134
- Толмачев А. А. – 41, 42, 128, 129, 132–134
Троцкий Л. Д. – 364
- Усов Д. В. – 84, 137–141, 143, 146, 147, 155, 178, 242, 275
Уншлихт И. – 126, 127, 131
- Фокин Ф. – 215, 249, 251, 333
Фриновский М. П. – 225, 336, 416
- Хрущев Н. С. – 286, 351
- Шляпочников А. – 40
Шрейдер М. – 73, 324–326, 390, 404, 425, 430–432, 446–450
- Эйхе Р. – 25, 337, 373, 379, 386, 387, 390, 411, 416
- Ягода Г. Г. – 13, 17, 19–21, 34, 43, 58, 59, 68, 80, 85, 87, 89, 92, 98, 99, 102, 111–113, 115, 122–125, 128, 129, 131, 132, 134, 136, 140, 143–145, 149–151, 153, 155, 157–161, 164–169, 171, 174, 175, 178, 180, 191, 192, 194, 196–198, 200, 205, 209, 211, 212, 214–218, 220–225, 228, 229, 233, 242, 244, 246, 248, 252, 256–258, 260–265, 267–268, 270, 272, 275, 279, 282, 284, 286, 288–295, 298, 300–302, 311, 314, 316, 321, 322, 325, 327, 329–334, 338–346, 351, 355, 357, 360–366, 368–369, 378, 380–381, 515, 519–520, 522
- Ярославский Е. М. – 258, 387

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Вступительное слово к русскому изданию	8
Введение. Общественный порядок и репрессия при Сталине	9
1. Новая форма классовой борьбы	34
2. Общественный порядок и полицейские органы	87
3. Советская жандармерия	123
4. Информаторы, надзор и контроль населения	166
5. Учет населения	200
6. Кампании против маргиналов	228
7. Беспризорность. Споры вокруг репрессий	274
8. Паспорта, идентичность и контроль населения	304
9. «Раз и навсегда». Истоки Большого террора	357
10. Механизмы Большого террора	399
11. Вне закона. Дело Кирилла Коренева	460
12. Война и послевоенные тенденции	496
Заключение. Репрессии, гражданственность и сталинский социализм	536
Указатель имен	541

Научное издание

История сталинизма

Ширер Дэвид Р.

**СТАЛИНСКИЙ ВОЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ
Репрессии и общественный порядок
в Советском Союзе, 1924–1953 гг.**

Перевод с англ. Александра Леопольдовича Раскина

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *А. А. Кантемирова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Долманова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Г. М. Соколова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.11.2013.

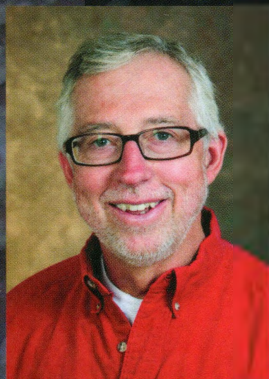
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34.

Тираж 1000 экз. Заказ 9311.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8(499) 685-15-75

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Сталинский Военный Социализм

Дэвид Ширер — профессор в Университете Делавэр (США), специалист по советской истории и истории Европы в XX веке. Читает курсы советской и европейской истории, а также истории теории модернизма. Защитил докторскую диссертацию в Университете Пенсильвании в 1988 г.; его научным руководителем был Мойше Левин. Является автором монографии «Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926–1934» (1996/1997) и ряда статей по историографии советской истории и социальной истории 1920–1930-х гг.

В настоящее время работает над проектом о российских и советских исследователях в Центральной Азии.

Библио-Глобус
ООО «Беркут»
г. Челябинск, Мещеряков ст. | Тел. (315) 799-22-05.
КТР:
9 785824 318067
Ширер Д.Р. Сталинский вое
Цена: 429,00